

Н. Н. Платошкин

Весна и осень ЧЕХОСЛОВАЦКОГО СОЦИАЛИЗМА

Чехословакия в 1938–1968 гг.

Часть 1

Annotation

В книге рассматривается история чешского и словацкого социализма в период с 1938 по 1968 год. В первой части особое внимание уделяется приходу компартии к власти в Праге в феврале 1948 года. Показательно, что именно эта дата считается на Западе «официальным» началом холодной войны. Но зарождение социализма в Чехословакии произошло еще в довоенное время, а авторитет коммунистической партии сильно окреп еще в годы Второй мировой войны, так как именно коммунисты составляли ядро антифашистского сопротивления. История социализма в Чехословакии имеет общие черты с развитием этой идеологии во всей Европе, так что изучение «весны чешского социализма» имеет значение для понимания европейской истории XX века в целом.

Вторая часть книги посвящена освещению предыстории «пражской весны» 1968 года, которую правильнее было бы назвать «пражской осенью», так как она являлась скорее началом заката старой эпохи, чем зарождением чего-то нового. Оставив в стороне достижения и проблемы социализма, мы можем сказать, что данная книга – это история о том, как маленькая страна занимается государственным строительством, будучи втянутой в противостояние между двумя могучими сверхдержавами.

Если капитализм страдает от кризисов перепроизводства товаров, то чехословацкий социализм «произвел» слишком много образованных и свободных людей. Именно они составили идейное ядро тех, кто раздувал ветер «пражской весны», в то время как «партийные аппаратчики» пытались проводить экономические и социальные реформы.

К сожалению, практически все ошибки чехословацких реформаторов шестидесятых годов были повторены в перестроечном СССР. Возможно, история ничему не учит, но она дает возможность не потерять прошлое.

Книга предназначена для историков, дипломатов, всех интересующихся историей холодной войны, международными отношениями и изучением социальной динамики в переходные исторические периоды.

-
- [Николай Платошкин](#)
 -
 -
 - [Предисловие](#)

- [Глава 1. Чехословакия в тени Гитлера. 1938-1945 годы](#)
- [Глава 2. Новая республика. Май 1945 – май 1946 года](#)
- [Глава 3. Двухлетний план и недельный кризис. Март 1946-го – февраль 1948 года](#)
- [Список источников и использованной литературы](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)

- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)

- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)

- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)

- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)

- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)

- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)

- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)

- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)

- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)

- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)

- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)

- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)

- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)

- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)
- [551](#)
- [552](#)
- [553](#)
- [554](#)
- [555](#)
- [556](#)
- [557](#)
- [558](#)
- [559](#)
- [560](#)
- [561](#)
- [562](#)
- [563](#)
- [564](#)
- [565](#)
- [566](#)
- [567](#)
- [568](#)
- [569](#)
- [570](#)
- [571](#)
- [572](#)
- [573](#)
- [574](#)
- [575](#)
- [576](#)
- [577](#)
- [578](#)
- [579](#)

- [580](#)
- [581](#)
- [582](#)
- [583](#)
- [584](#)
- [585](#)
- [586](#)
- [587](#)
- [588](#)
- [589](#)
- [590](#)
- [591](#)
- [592](#)
- [593](#)
- [594](#)
- [595](#)
- [596](#)
- [597](#)
- [598](#)
- [599](#)
- [600](#)
- [601](#)
- [602](#)
- [603](#)
- [604](#)
- [605](#)
- [606](#)
- [607](#)
- [608](#)
- [609](#)
- [610](#)
- [611](#)
- [612](#)
- [613](#)
- [614](#)
- [615](#)
- [616](#)
- [617](#)
- [618](#)

- [619](#)
- [620](#)
- [621](#)
- [622](#)
- [623](#)
- [624](#)
- [625](#)
- [626](#)
- [627](#)
- [628](#)
- [629](#)
- [630](#)
- [631](#)
- [632](#)
- [633](#)
- [634](#)
- [635](#)
- [636](#)
- [637](#)
- [638](#)
- [639](#)
- [640](#)
- [641](#)
- [642](#)
- [643](#)
- [644](#)
- [645](#)
- [646](#)
- [647](#)
- [648](#)
- [649](#)
- [650](#)
- [651](#)
- [652](#)
- [653](#)
- [654](#)
- [655](#)
- [656](#)
- [657](#)

- [658](#)
- [659](#)
- [660](#)
- [661](#)
- [662](#)
- [663](#)
- [664](#)
- [665](#)
- [666](#)
- [667](#)
- [668](#)
- [669](#)
- [670](#)
- [671](#)
- [672](#)
- [673](#)
- [674](#)
- [675](#)
- [676](#)
- [677](#)
- [678](#)
- [679](#)
- [680](#)
- [681](#)
- [682](#)
- [683](#)
- [684](#)
- [685](#)
- [686](#)
- [687](#)
- [688](#)
- [689](#)
- [690](#)
- [691](#)
- [692](#)
- [693](#)
- [694](#)
- [695](#)
- [696](#)

- [697](#)
- [698](#)
- [699](#)
- [700](#)
- [701](#)
- [702](#)
- [703](#)
- [704](#)
- [705](#)
- [706](#)
- [707](#)
- [708](#)
- [709](#)
- [710](#)
- [711](#)
- [712](#)
- [713](#)
- [714](#)
- [715](#)
- [716](#)
- [717](#)
- [718](#)
- [719](#)
- [720](#)
- [721](#)
- [722](#)
- [723](#)
- [724](#)
- [725](#)
- [726](#)
- [727](#)
- [728](#)
- [729](#)
- [730](#)
- [731](#)
- [732](#)
- [733](#)
- [734](#)
- [735](#)

- [736](#)
- [737](#)
- [738](#)
- [739](#)
- [740](#)
- [741](#)
- [742](#)
- [743](#)
- [744](#)
- [745](#)
- [746](#)
- [747](#)
- [748](#)
- [749](#)
- [750](#)
- [751](#)
- [752](#)
- [753](#)
- [754](#)
- [755](#)
- [756](#)
- [757](#)
- [758](#)
- [759](#)
- [760](#)
- [761](#)
- [762](#)
- [763](#)
- [764](#)
- [765](#)
- [766](#)
- [767](#)
- [768](#)
- [769](#)
- [770](#)
- [771](#)
- [772](#)
- [773](#)
- [774](#)

- [775](#)
- [776](#)
- [777](#)
- [778](#)
- [779](#)
- [780](#)
- [781](#)
- [782](#)
- [783](#)
- [784](#)
- [785](#)
- [786](#)
- [787](#)
- [788](#)
- [789](#)
- [790](#)
- [791](#)
- [792](#)
- [793](#)
- [794](#)
- [795](#)
- [796](#)
- [797](#)
- [798](#)
- [799](#)
- [800](#)
- [801](#)
- [802](#)
- [803](#)
- [804](#)
- [805](#)
- [806](#)
- [807](#)
- [808](#)
- [809](#)
- [810](#)
- [811](#)
- [812](#)
- [813](#)

- [814](#)
 - [815](#)
 - [816](#)
 - [817](#)
 - [818](#)
 - [819](#)
 - [820](#)
 - [821](#)
 - [822](#)
 - [823](#)
 - [824](#)
 - [825](#)
 - [826](#)
 - [827](#)
 - [828](#)
 - [829](#)
 - [830](#)
 - [831](#)
 - [832](#)
 - [833](#)
 - [834](#)
 - [835](#)
 - [836](#)
 - [837](#)
 - [838](#)
 - [839](#)
 - [840](#)
 - [841](#)
 - [842](#)
 - [843](#)
 - [844](#)
 - [845](#)
-

Николай Платошкин
Весна и осень чехословацкого социализма.
Чехословакия в 1938–1968 гг. Часть 1.
Весна чехословацкого социализма. 1938–
1948 гг

* * *

*Посвящается советским воинам, а также чехам и
словакам, отдавшим жизнь за свободу и независимость
Чехословакии в 1939-1945 гг.*

Предисловие

События февраля 1948 года в Чехословакии до сих пор считаются на Западе отправной точкой холодной войны и характеризуются как государственный переворот, осуществленный компартией страны при помощи СССР. Данная трактовка представляет собой попытку переложить ответственность за начало холодной войны исключительно на СССР, хотя с неменьшими основаниями можно сказать, что отправной точкой противостояния Восток – Запад стали доктрина Трумэна (март 1947 года) и план Маршалла (июнь 1947-го), в которых уже отчетливо просматривались установки на борьбу с недавним союзником по Антигитлеровской коалиции – Советским Союзом.

Чехословакия начала 1948 года считалась Западом слабым звеном формирующегося в Восточной Европе пояса государств – союзников СССР. США, путем экономического бойкота, с осени 1946 года пытались вызвать в этой промышленно развитой стране сложности со снабжением населения. На руку американцам играла и постигшая Чехословакию летом 1947 года тяжелейшая засуха. В этот момент помощь Праге экстренными поставками зерна оказал Советский Союз.

Именно на этом фоне в феврале 1948 года некоммунистические партии Чехословакии спровоцировали правительственный кризис, пытаясь выдвинуть компартию из правительства. Стоит отметить, что Коммунистическая партия Чехословакии (КПЧ) на тот момент была сильнейшей в стране, что показали свободные парламентские выборы 26 мая 1946 года. В партии на начало 1948 года было более миллиона членов, и ее ряды продолжали стремительно расти. Неудивительно, что коммунисты легко мобилизовали в свою поддержку сотни тысяч граждан, вышедших на массовые демонстрации. В этих условиях президент Чехословакии Бенеш был вынужден принять отставку министров и поручить лидеру КПЧ Клементу Готвальду вновь сформировать правительство.

В отечественной исторической науке так и не появилось пока развернутой работы о событиях тех лет, несмотря на то, что, как уже говорилось, правительственный кризис в Чехословакии 1948 года до сих пор считается на Западе отправной точкой холодной войны.

Если автору удастся хотя бы немного восполнить этот пробел, он будет считать свою задачу выполненной.

Глава 1. Чехословакия в тени Гитлера. 1938-1945 годы

После Мюнхенского соглашения Англии, Франции, Италии и Германии 28-30 сентября 1938 года Чехословакия лишилась в пользу Германии, Польши и Венгрии 30 % своей территории, 33 % населения и 60 % промышленных мощностей. Причем Польша с благословения Гитлера аннексировала 906 кв. км Чехии (Тешинская Силезия) с населением 250 тысяч человек, только 36 % которых были поляками, и 226 кв. км в Словакии с населением 4280 человек (0,3 % – поляки). 1160 тысяч чехов и словаков остались за пределами своей страны. Из крупных держав этот сговор осудил только Советский Союз.

Против Мюнхенского соглашения активно выступала компартия Чехословакии (КПЧ). Ее лидер Готвальд в сентябре 1938 года потребовал от президента Чехословакии Бенеша принятия следующих мер:

- занятия армией всех пограничных укреплений на германско-чехословацкой границе;
- обращения в Лигу наций;
- обращения за поддержкой к населению и народам других стран;
- реорганизации правительства и введения в него тех партий, которые готовы сопротивляться Гитлеру^[1].

16 мая 1935 года СССР и Чехословакия (ЧСР) подписали договор о взаимной помощи. Однако в нем содержалось условие, что СССР может оказать ЧСР военную помощь только в том случае, если свои союзнические обязательства по отношению к Чехословакии выполнит также и Франция (франко-чехословацкий договор о взаимной помощи был заключен в 1924 году). Во время обострения судетского кризиса в сентябре 1938 года Москва два раза четко ответила на формальный запрос президента ЧСР Бенеша, что Москва готова оказать военную помощь Чехословакии против Германии. Франция прийти на помощь ЧСР отказалась.

20 сентября 1938 года заместитель наркома иностранных дел СССР Потемкин в телеграмме советскому полпреду в Праге Александровскому сообщил: «На вопрос Бенеша, окажет ли СССР согласно договору немедленную и действительную помощь Чехословакии, если Франция останется ей верной и также окажет помощь, можете дать от имени

правительства Советского Союза утвердительный ответ.

2. Такой же утвердительный ответ можете дать и на другой вопрос Бенеша: поможет ли СССР Чехословакии, как член Лиги наций, на основании ст. 16 и 17, 38, если в случае нападения Германии Бенеш обратится в совет Лиги наций с просьбой о применении упомянутых статей.

3. Сообщите Бенешу, что о содержании нашего ответа на оба его вопроса мы одновременно ставим в известность и французское правительство».

21 сентября 1938 года Литвинов публично озвучил позицию СССР в выступлении на заседании Лиги наций. В тот же день посланники Франции и Англии в Праге сказали Бенешу, что их страны не готовы воевать с Германией из-за Чехословакии. Военный атташе Франции в ЧСР сообщал в Париж о возмущении населения Чехословакии предательством Франции: «Французских офицеров больше не приветствуют, и, чтобы избежать возможных инцидентов, персонал французской миссии выходит на улицу только в гражданском. Один из офицеров явился в миссию и вернул свой орден Почетного легиона и свой военный крест. Вне сомнения, за ним последуют другие».

Однако чехословацкое правительство, не получив поддержки Англии и Франции, отказалось принять и советскую помощь. 5 октября 1938 года президент Чехословакии Эдвард Бенеш подал в отставку и 22 октября эмигрировал в Англию^[2].

Примечательно, что впоследствии Бенеш пытался затушевать свою ответственность как одного из архитекторов капитулянтской позиции. Он утверждал, что направил Сталину и третий вопрос: придет ли СССР на помощь Чехословакии, если Франция откажется это сделать. Однако это утверждение каких-либо подтверждений не получило^[3]. Напротив, даже помощь СССР при согласии Франции Бенеш обуславливал еще и предварительным решением Лиги наций, которая до этого попустительствовала агрессии фашистских держав в Эфиопии и Испании.

Лидер чехословацких коммунистов Готвальд при встрече с Бенешем советовал ему послать в Москву точно сформулированный запрос о помощи, хотя она и так была предусмотрена советско-чехословацким договором 1935 года. Сам Готвальд вспоминал, что Сталин четко сказал ему: СССР поможет Чехословакии, даже если Франция откажется это сделать.

Конечно, большую роль в решении чехословацкого правительства

сыграла позиция Польши, отказавшейся пропустить через свою территорию советские войска для помощи ЧСР. В этих условиях командование чехословацкой армии убеждало Бенеша, что даже при доброй воле Москвы Красная армия не сможет реально прийти на помощь Чехословакии. Причем чехословацкий генштаб считал, что и советско-чехословацкая военная коалиция неминуемо проиграет войну Германии.

Несмотря на то, что Гитлер обязался по Мюнхенскому соглашению гарантировать границы новой Чехословакии, он уже 21 октября 1938 года отдал приказ подготовить «ликвидацию остаточной Чехии». В директиве «фюрера» говорилось:

«2. РЕШЕНИЕ ВОПРОСА ОБ ОСТАВШЕЙСЯ ЧАСТИ ЧЕХИИ

Должна быть обеспечена возможность в любое время разгромить оставшуюся часть Чехии, если она, например, начнет проводить политику, враждебную Германии.

Подготовительные мероприятия, которые с этой целью следует провести вермахту, по своему объему будут значительно меньшими, чем в свое время для плана «Грюн»^[4], но поэтому они должны при отказе от планомерных мобилизационных мероприятий обеспечить постоянную и существенно более высокую готовность. Организация, дислокация и степень готовности предусмотренных для этого соединений уже в мирное время должны быть рассчитаны на нападение таким образом, чтобы лишить Чехию даже какой-либо возможности планомерной обороны. Цель состоит в быстрой оккупации Чехии и изоляции Словакии. Подготовительные мероприятия должны проводиться таким образом, чтобы одновременно можно было осуществить план «Охрана границы на западе».

Задачи для сухопутных войск и военно-воздушных сил состоят, в частности, в следующем:

А. Сухопутные войска.

Находящиеся вблизи Чехии части и отдельные моторизованные соединения предусматриваются для быстрого, неожиданного наступления. Их количество устанавливается в соответствии с вооруженными силами, остающимися у Чехии; необходимо обеспечить быстрый и решающий успех. Следует разработать план сосредоточения и развертывания войск и подготовительные мероприятия для наступления. Войска, не участвующие в наступлении, следует держать в такой готовности, чтобы их в зависимости от ситуации можно было перебрасывать или на охрану границы, или для подкрепления наступающей армии.

Б. Военно-воздушные силы.

Необходимо обеспечить быстрое продвижение своих сухопутных войск путем заблаговременного вывода из строя чешских военно-воздушных сил.

Для этого необходимо подготовить сначала наступательные действия находящихся вблизи границы соединений из мест дислокации мирного времени. Лишь развитие военно-политического положения в Чехии может показать, в какой мере потребуются здесь еще более крупные силы.

Наряду с этим необходимо подготовить одновременно выступление всех прочих наступательных сил против Запада. [...]

Адольф Гитлер. Верно: Кейтель».

В октябре 1938 года СССР предложил Чехословакии гарантировать ее новые границы, но правительство ЧСР эту инициативу проигнорировало.

Короткий период с октября 1938 года по март 1939-го, получивший в Чехословакии название «эра второй республики», характеризовался заискиванием правящих кругов «новой» Чехословакии перед Гитлером.

30 ноября 1938 года Национальное собрание 272 голосами из 317 избрало президентом республики Эмиля Гаху (коммунисты голосовали против). Предварительно кандидатура Гахи была одобрена Берлином^[5]. До своего избрания Гаха был председателем Высшего административного суда и сторонился политики.

9 октября 1938 года немцам, оставшимся на территории Чехословакии, разрешили не служить в армии. Страна даже перешла по образцу Германии на правостороннее автомобильное движение. Были резко ограничены поездки граждан за границу. В январе 1939 года было фактически ликвидировано местное самоуправление. Распоряжением правительства от 2 марта 1939 года была уничтожена автономия университетов, и власти получили возможность увольнять с работы любых «неблагонадежных» преподавателей^[6]. Чтобы угодить Гитлеру, был отменен даже главный национальный праздник страны – 28 октября (день провозглашения Чехословацкой республики в 1918 году). Для решения проблемы безработицы по примеру нацистов была введена трудовая повинность и созданы трудовые лагеря для молодежи.

Республика постепенно превращалась в реакционную диктатуру. Было образовано технократическое и «аполитичное» правительство во главе с Бераном, лидером главной буржуазной партии страны – Аграрной. Социал-демократы и национальные социалисты лишились министерских постов. Беран и лидер социал-демократов Гампл^[7] подписали соглашение о

политическом перемирии на основе антикоммунизма.

Затем в Чехословакии, как и в нацистской Германии, прошел процесс унификации партий на базе признания полного отказа страны от любой самостоятельной внешней политики. 22 ноября 1938 года все буржуазные партии страны (Аграрная, Народная, Национальная фашистская община и большая часть национальных социалистов) образовали единую партию – Партию национального единства. Ее председателем стал Беран.

11 декабря 1938 года социал-демократы и часть национальных социалистов, которые ранее считались партией Бенеша, слились в Национальную партию труда. Ее председателем стал Гампл, генеральным секретарем – Богумил Лаушман. Эта партия должна была играть роль лояльной оппозиции Партии национального единства. Правда, последняя в своей программе от 16 января 1939 года поставила себе цель стать единственной партией страны и ликвидировать Национальную партию труда.

Единственными, кто отказался играть по новым тоталитарным и прогерманским правилам, были коммунисты. 20 октября 1938 года была приостановлена деятельность Коммунистической партии Чехословакии и запрещены ее основные газеты. 23 декабря 1938 года партию под давлением Берлина окончательно запретили. Однако правительство предупредило коммунистов об этом заранее, чтобы дать им возможность уничтожить документы. Ни один из коммунистов до начала немецкой оккупации не был арестован^[8].

19 ноября 1938 года чехословацкий парламент узаконил автономию Словакии и Подкарпатской Руси (Закарпатская Украина). Страна, став федерацией, сменила название на «Чехо-Словакия». 15 декабря парламент по образцу гитлеровской Германии передал основные законодательные полномочия президенту и правительству. Правительство могло в течение двух лет править, принимая законы, а президент получил право своими декретами менять конституцию.

26 января 1939 года чехословацкая и немецкая полиция достигла соглашения о сотрудничестве, в котором, в частности, говорилось: «Чехословацкая полиция и немецкая полиция будут информировать друг друга об общих и частных проявлениях коммунизма, анархизма, эмиграции и иных представляющих опасность движений...»^[9]

В Чехословакии развернули активную работу фашистские организации «Влайка» («Флаг»)^[10], Акция национального обновления и другие, которые требовали не только формального установления фашистской диктатуры, но

и принятия антисемитского законодательства по образцу Третьего рейха. «Влайка» распространяла листовки следующего содержания: «Женщины! Остерегайтесь евреев!», «Не забывайте, жиды опасны!», «Скот – в хлев, еврея – в гетто!». Фашисты организовали несколько взрывов в кафе, синагогах и на еврейских кладбищах.

Антисемитские лозунги приобретали все большую популярность среди населения. Профессиональные организации врачей, юристов, инженеров потребовали от правительства лишить евреев права занимать любые должности в этих сферах.

Правительство вынуждено было распустить «Влайку», которая утверждала, что у власти по-прежнему находятся сторонники Бенеша и «жидомасоны». 27 января 1939 года после двух взрывов в Праге полиция задержала активных членов «Влайки», но уже 14 марта их отпустили.

Однако, распустив «Влайку», правительство фактически проводило ее же политику. В январе 1939 года с государственной службы были изгнаны все евреи. Помимо евреев жертвами национальной нетерпимости, как и в Германии, стали цыгане. Редактор газеты бывшей Аграрной партии «Венков» («Деревня») Галик в ответ на жалобы читателей о том, что цыгане только и делают, что крадут и занимаются попрошайничеством, предложил следующий выход из положения: «Было бы хорошо создать концентрационные лагеря для цыган, бродяг и бездельников, молодых и здоровых. Гуманность здесь не к месту, так как она была бы в данном случае односторонней»^[11]. Согласно правительственному распоряжению от 2 марта 1939 года были созданы рабочие лагеря для всех «уклонявшихся от работы» лиц старше 18 лет.

На Рождество 1938 года скончался самый известный в мире чешский писатель и активный антифашист Карел Чапек.

Интересно, что призывы «Влайки» «покупать только у чехов» были не только антисемитскими, но и антинемецкими. Население униженной в Мюнхене Чехословакии пыталось отомстить немцам тем, что бойкотировало немецкие товары и немецкий язык. с улиц исчезли надписи на немецком языке. Чешским кинотеатрам приказали показывать в основном чешские фильмы. Из оккупированных Германией после Мюнхенского сговора областей ЧСР внутрь страны хлынули беженцы (чехи, немцы-антифашисты и евреи) – всего более 200 тысяч человек.

К февралю 1939 года к чешским границам было стянуто семь корпусов вермахта. Гитлер рассчитывал на то, что о вторжении его попросят словацкие националисты-глинковцы, желавшие отделиться от ЧСР. Но 9 марта 1939 года чехословацкая армия по приказу Праги заняла

правительственные здания словакии (полиция опечатала здание автономного правительства), а сторонник Гитлера тисо был снят с должности главы правительства автономной словакии. тисо вызвали в Берлин и 13 марта 1939 года заставили подписать заранее заготовленную декларацию о независимости словакии. Немцы говорили, что в противном случае словакию оккупируют венгерские войска, которые якобы уже приближаются к Братиславе. 14 марта словацкий парламент проголосовал за независимость.

На самом деле Гитлер уже 11 марта отдал приказ 14 немецким дивизиям выдвинуться к границе ЧСР, а 12 марта разрешил Венгрии оккупировать Закарпатскую Украину. 13 марта МИД Великобритании дал циркулярное указание всем дипломатическим представительствам Великобритании не предпринимать никаких демаршей в случае ввода германских войск в Чехословакию. На созванном британским министром иностранных дел Галифаксом совещании по чехословацкому вопросу было решено: «Великобритания не должна прибегать к пустым угрозам, поскольку мы не намерены бороться за Чехословакию. Мы не должны считать, что каким-то образом гарантировали Чехословакию». Правительству ЧСР было настоятельно рекомендовано воздержаться от каких-либо действий против немцев внутри страны и установить непосредственный контакт с Берлином.

Германская пресса между тем стала распространять клеветнические сообщения о «чешском терроре» против немцев и словаков. Гитлер отдал приказ вермахту перейти границу ЧСР 15 марта в 6:00 утра. 14 марта в рейхсканцелярии были приняты по их просьбе президент ЧСР Гаха и министр иностранных дел Хвалковский. Гитлер заставил гостей прождать в приемной два часа, а затем принял их в присутствии Кейтеля, фактически главнокомандующего вермахта, и Геринга, своего заместителя, министра авиации и главкома ВВС. Гаха всячески подчеркивал свое негативное отношение к Бенешу, отметив, что встречался с ним всего один раз, однако просил позволить чехам жить в собственном государстве. Но Гитлер ответил, что исконная враждебность чехов Германии и «дух Бенеша», который-де крепнет в чешских землях, заставили его принять решение об оккупации Чехии и Моравии. Соппротивление будет жестоко подавлено, но в случае согласия с вторжением Чехия и Моравия получают автономию.

Чехословацкий президент, поклонившись Гитлеру, отметил, что давно мечтал встретиться с человеком, чьи удивительные мысли он полностью разделяет^[12]. Гаха пытался убедить Гитлера, что в течение четырех часов (переговоры затянулись за полночь) не сможет удержать собственный

народ от сопротивления. На это Гитлер лишь порекомендовал воспользоваться телефоном и дать соответствующие указания правительственным учреждениям в Праге. Геринг пообещал стереть Прагу с лица земли ударом с воздуха, если до 6 часов утра не будет подписан акт о ликвидации чехословацкой независимости.

Во время переговоров в Берлине Гитлер так запугал Гаху, что у того случился сердечный приступ и пришлось срочно вызвать личного врача «фюрера» Мореля, который сделал президенту ЧСР укол. Довольный Гитлер даже изобрел специальный глагол «гахизировать», что означало добиться существенных уступок за счет запугивания оппонента.

В четыре часа утра 15 марта Гаха подписал в Берлине документ о прекращении суверенитета ЧСР. Как и предполагалось, в шесть часов утра германские войска перешли границу и к девяти часам, не встретив сопротивления, вошли в Прагу. Чешское население встречало вермахт в состоянии гнева, бессилия и оцепенения. Немецкое меньшинство восторженно приветствовало силы вторжения.

Командующий оккупационными войсками обратился к населению Чехии со следующей прокламацией:

«Обращение к населению»

По воле фюрера и верховного главнокомандующего вермахта немецкие войска вошли на вашу территорию с приказом поддерживать спокойствие и порядок и обеспечить охрану населения.

Исполнительная власть на территории, занятой немецкими войсками, переходит в руки командующих армейских групп.

Все органы власти должны продолжать свою работу, если не будет издан иной приказ. Это относится также к полиции, почте, железнодорожному транспорту и государственным предприятиям.

Экономическая жизнь должна продолжаться. Каждый должен оставаться на своем месте и продолжать работу. Уход с работы будет расцениваться как саботаж.

Распоряжения немецких военных властей должны беспрекословно выполняться. Каждый должен вести себя в соответствии с приказами, направленными на благо всех и каждого.

Верховный главнокомандующий населению

Для поддержания спокойствия и порядка вводятся следующие меры.

Для всех отелей в 20:00 устанавливается полицейский час.

С 21:00 до 6:00 никто не должен покидать свой дом.

Те, кто должен покидать свои жилища в указанное время по

служебной необходимости, например, врачи, железнодорожники и т. д., должны немедленно получить у бургомистра или старосты пропуск, снабженный печатью немецких военных властей или госорганов.

Все сборища и шествия запрещаются.

Все оружие, включая боеприпасы, взрывчатые вещества, а также все радиоприемники, которые не являются государственной собственностью, должны быть сданы бургомистрам или старостам под расписку, и эту расписку необходимо сдать военным властям по месту жительства.

За выполнение этих требований отвечают бургомистры и старосты.

Правонарушения и преступления против общественной безопасности, против войск или их сооружений, а также против распоряжений немецких военных и гражданских властей будут жестко преследоваться и сурово наказываться.

Верховный главнокомандующий немецкой армией»^[13]

Чешские фашисты («Влайка» и т. д.), узнав о вступлении вермахта на территорию страны, организовали 15 марта собственное временное правительство – Чешский национальный комитет, так называемый Святовацлавский. Но он был немедленно запрещен нацистами, считавшими всех чехов, как славян, неполноценным и враждебным народом.

16 марта 1939 года Прагу посетил Гитлер, остановившийся в Пражском Граде – бывшей резиденции президента ЧСР.

Сразу же вслед за вермахтом в Чехию вошли группы гестапо, которые тут же начали арестовывать по заранее составленным спискам немецких антифашистов-эмигрантов, евреев, некоторых офицеров чехословацкой армии, а также чешских коммунистов и социал-демократов (акция «Решетка», Aktion Gitter). Списки коммунистов были найдены в местных отделениях чешской полиции (компартия в ЧСР, как уже упоминалось, была запрещена в декабре 1938 года в угоду Гитлеру). Уже к 16 марта с помощью судетских немцев и чешских коллаборационистов были арестованы 4376 человек в Чехии (по другим данным – 4639 человек) и примерно 1500-2000 – в Моравии. 2490 человек арестовали в чешской столице.

16 марта 1939 года полицейское управление Праги сообщало, что по настоянию немецких органов начало «немедленную» работу по установлению и задержанию коммунистов^[14].

Аресты приобрели такой размах, что уже через пару дней после их

начала стало не хватать мест в тюрьмах. Поэтому 18 марта чешская полиция по согласованию с гестапо издала приказ, в котором предлагалось отпустить тех коммунистов, которые не вели в последнее время активной деятельности. Это не касалось немецких эмигрантов-антифашистов и евреев. В тюрьмах оставили 737 коммунистов.

1 сентября 1939 года в связи с началом Второй мировой войны гестапо провело серию дополнительных арестов (акция «Альбрехт Первый»)^[15]. Около 2000 человек в качестве заложников на случай беспорядков в Чехии отправили в концлагеря Дахау и Бухенвальд.

15 марта 1939 года территория Чехии и Моравии была превращена в «Имперский протекторат Богемии и Моравии». Президентом протектората стал Эмиль Гаха. Гитлер милостиво оставил ему все внешние prerogatives главы самостоятельного государства.

МИД Германии своей нотой известил иностранные правительства об установлении протектората над Богемией и Моравией. В ноте было сказано, что, будучи «искусственной формацией», Чехословакия являлась «источником беспокойства и обнаружила свою внутреннюю нежизнеспособность, поэтому и произошел фактический распад чехословацкого государства». Исходя из требований самосохранения, Германская империя решила «вмешаться в определение дальнейшей судьбы народов Чехословакии с целью восстановления основ разумного порядка в Центральной Европе» и для обеспечения германскому и чешскому народам «жизненного пространства и национального самобытного существования».

Формально протекторат был самоуправляющимся и имел собственную полицию, армию, флаг и денежную единицу. Германия отвечала за внешнюю политику и военные вопросы. Однако чешские органы должны были согласовывать все свои решения с имперским протектором, а фактически выполняли его указания. Наместником Германии в протекторате был имперский протектор, подчинявшийся только Гитлеру. Протектор мог наложить вето на любое решение правительства протектората, а в исключительных случаях мог и сам издавать приказы и распоряжения. Протектор мог налагать вето и на любое судебное решение. Все нормативные акты перед их обсуждением правительство протектората должно было представлять на утверждение протектора. Протектор мог снять с должности любого министра в случае «утраты доверия к нему».

Административно протекторат был разделен немцами на «земельные округа» (Landrat), которых сначала было 39, а с мая 1942 года – семь. Главы округов – ландраты – должны были контролировать деятельность местных чешских органов управления.

Немецкий репрессивный аппарат протектората – гестапо, Службу безопасности НСДАП (СД) и криминальную полицию – возглавлял заместитель имперского протектора Карл Херманн Франк (судетский немец).

В июле 1939 года Гейдрих как глава СД назначил оберфюрера СС доктора Отто Раше «руководителем СД и полиции безопасности в протекторате Чехии и Моравии». Сначала предполагалось создать одно главное управление гестапо в Праге с отделениями в каждом ландрате. Однако по указанию Гиммлера было учреждено два главных управления гестапо: в Праге (Geheime Staatspolizeileitstelle Prag, отвечало за Чехию) и в Брно (Geheime Staatspolizeileitstelle Brunn, Моравия). Оба главных управления подчинялись непосредственно центральному аппарату гестапо в Берлине. Персонал главного управления гестапо в Моравии составляли первоначально 70-80 гестаповцев из Вены и Штутгарта^[16].

Первым имперским протектором был 15 апреля 1939-го назначен бывший министр иностранных дел Константин фон Нейрат, занимавший эту должность до 1943 года. Его преемником стал Вильгельм Фрик (протектор в 1943-1945 гг.). В 1941-1942 гг. обязанности имперского протектора исполнял глава Главного управления имперской безопасности (РСХА) и Службы безопасности (СД) НСДАП Гейдрих.

27 апреля 1939 года председателем правительства протектората стал бывший генерал чехословацкой армии Алоис Элиаш. Элиаш после оккупации Чехии немцами вступил в подпольную организацию Сопротивления «Защита нации» и поддерживал контакты с эмигрантским чехословацким правительством в Лондоне. Элиаш считал, что судьба Чехословакии все равно решится в мировой войне за ее пределами, а чехам надо беречь силы и не провоцировать оккупантов.

Все политические партии в протекторате были запрещены, и на их месте возникла единая партия «Национальное объединение», в которой состояло 98 % взрослого населения мужского пола.

Население протектората составляло в 1940 году 7,4 миллиона человек, в том числе 225 тысяч немцев. Все немцы, находившиеся на 15 марта 1939 года на территории Чехии и Моравии, автоматически стали гражданами Германии. Их обслуживали четыре пограничные немецкие областные организации (гау) НСДАП – Верхний Дунай, Нижний Дунай, Судеты и Баварская восточная марка.

В перспективе немцы предполагали германизировать примерно 50 % населения протектората, остальных использовать как рабов или отправить в Сибирь. Гейдрих говорил, что непригодных к германизации чехов надо

расселить в России на берегу Северного Ледовитого океана. Были закрыты все чешские вузы, а с 1942 года было ограничено число чешских гимназий. Если в 1939 году насчитывалось 85 тысяч студентов-чехов, то в 1944-м – 35 тысяч.

Заступив на должность заместителя имперского протектора, а фактически став исполняющим обязанности протектора, Гейдрих в 1941 году так определил свою политическую линию: «Чехам, прежде всего, надо показать, кто здесь хозяин, чтобы они знали раз и навсегда, что здесь все диктуется германскими интересами и что здесь, наконец, решающее слово принадлежит рейху... Империя не позволит шутить с собой – она здесь хозяин... Чех должен видеть, что немец – господин с головы до пят»^[17].

Своей основной задачей Гейдрих видел тотальную мобилизацию чешской промышленности для нужд германской военной машины. Шеф СД говорил: «Мне нужно, чтобы рабочий, чешский рабочий, в полной мере участвовал в военных усилиях Германии, чтобы полностью использовать чешскую рабочую силу в здешней мощной военной промышленности, чтобы продолжать наращивать производство оружия...»^[18]

Чехословакия действительно имела мощнейшую военную индустрию и была одной из немногих стран мира, способной производить все виды вооружений.

В 1939 году в руки вермахта из арсенала чехословацкой армии попало 762 тысячи винтовок, 1,5 млн ручных гранат, 30,5 тысячи легких пулеметов, 8 тысяч тяжелых пулеметов, 780 противотанковых пушек, 490 зенитных орудий, 347 танков и 70 танкеток, 1100 минометов, более 2000 орудий, 326 истребителей, 320 разведывательных самолетов и 155 бомбардировщиков^[19]. Этим вооружением, современным и высокого качества, можно было оснастить 20 дивизий. Оно активно использовалось Германией в войне против СССР. Например, в составе 6-й танковой дивизии вермахта (группа армий «север») на 22 июня 1941 года было 160 танков чехословацкого производства.

Уже в марте 1939 года нацисты ввели на предприятиях протектората «вынужденное управление», что означало жесткий контроль номенклатуры и цен производимой продукции. Некоторые предприятия были принудительно слиты с другими и укрупнены. За время немецкого господства германский капитал увеличил свои инвестиции в промышленность протектората более чем в 10 раз, постепенно беря под контроль основные предприятия.

В сельском хозяйстве по немецкому образцу были учреждены

корпоративные союзы крестьян с принудительным членством. Каждый земледелец имел обязательное задание по посевной площади и объему продукции, который он должен был сдать государству. В случае несанкционированного забоя скота или попыток продать излишки зерна на рынке угрожало жесткое тюремное наказание.

Немцы проводили политику принудительной германизации, сгоняя чешских землевладельцев с территорий в районе так называемых немецкоязычных островов в протекторате (Йиглава, Брно, Оломоуц, Острава). В 1939-1945 гг. разными способами у чехов было отнято 0,5 млн га земли.

Немцы эксплуатировали протекторат и с помощью искусственно завышенного курса марки по отношению к протекторатной кроне. Он составлял 1:10, хотя реальное соотношение было 1:6-7. Вся внешняя торговля протектората осуществлялась только с разрешения германских властей. Протекторат должен был платить Германии и «военную дань», объем которой составил в 1940 году 3 миллиарда крон, а в 1944-м – 12 миллиардов.

В сентябре 1939 года, так же как и в Германии, в протекторате была введена карточная система распределения продуктов питания для населения, которое делилось на три категории: обычные потребители, лица, занятые на тяжелых работах, и лица, занятые на особо тяжелых работах. Обычный потребитель получал в неделю 2,9 кг хлеба (или 1,2 кг хлеба и 900 г муки), 500 г мяса или мясных изделий, 210 г пищевых жиров, 2 литра молока. В декабре 1939-го карточная система была распространена на текстильные изделия и обувь. Во время войны нормы снабжения постоянно снижались, что привело к расцвету черного рынка, цены на котором за шесть лет оккупации выросли на 2000 %.

Официальными языками протектората были немецкий и чешский.

Оккупацию Чехии и Моравии жестко осудил Советский Союз в ноте Народного комиссариата по иностранным делам (НКВД) МИД Германии от 18 марта 1939 года. «Советское правительство, – говорилось в ноте, – не может признать включение в состав Германской империи Чехии, а в той или иной форме также и Словакии, правомерным и отвечающим общепризнанным нормам международного права и справедливости или принципу самоопределения народов. Трудно допустить, что народ этой страны добровольно соглашается на уничтожение своей самостоятельности и своего включения в состав другого государства, как и согласиться с изменением статуса Словакии «в духе подчинения последней Германской империи, не оправданным каким-либо волеизъявлением словацкого

народа». Подобные действия германского руководства «не могут не быть признанными произвольными, насильственными, агрессивными, они усилили... уже появившуюся в Европе тревожность и нанесли новый удар чувству безопасности народов».

Бывший чехословацкий президент Бенеш 16 марта 1939 года направил послания с протестом против оккупации Чехословакии президенту США Рузвельту, главе Лиги наций, премьер-министрам Великобритании Чемберлену и Франции Даладье, а также наркому по иностранным делам СССР Литвинову^[20]. Ответы Бенеш получил только от Рузвельта и Чемберлена. Хотя Франция и Великобритания по Мюнхенскому соглашению 1938 года обязались гарантировать границы урезанной Чехословакии, они не предприняли никаких конкретных шагов, чтобы выполнить свои международно-правовые обязательства. 15 марта 1939 года Чемберлен публично заявил в палате общин, что Англия не может считать себя связанной обязательством о гарантии целостности Чехословакии. В своем выступлении он утверждал, что Чехословакия прекратила свое существование «в результате внутреннего распада».

20 марта Рузвельт в знак протеста отозвал американского посла из Берлина.

Посол Чехословакии в Москве Фирлингер^[21] 15 марта подал в отставку, о чем официально сообщил Литвинову. Однако, убедившись в желании СССР противодействовать планам Гитлера, он снова занял свой пост.

23 марта 1939 года на встрече со Сталиным Литвинов высказал следующее мнение: «Хотя мы заявили, что не признаем законности аннексии Чехословакии, нам все же де-факто придется ее признать и сноситься по чешским делам с германскими властями. Придется, очевидно, ликвидировать наше полпредство в Праге. Англия и Франция и некоторые другие государства преобразовали свои полпредства в генконсульства. Я полагаю, что и нам надо поступить таким же образом. Нам все же интересно знать, что в Чехословакии происходит»^[22].

На территории Словакии (после уступки значительной ее части Венгрии) в марте 1939 года возникло марионеточное Словацкое государство, находившееся «под защитой» Третьего рейха. Площадь Словацкого государства составляла 38 тысяч кв. км, население – 2,65 миллиона человек, в том числе 128 тысяч немцев и 87 тысяч евреев. 24 ноября 1940 года Словакия формально присоединилась к военному блоку Германии и Италии («Ось»). Словакия 22 июня 1941 года объявила войну

СССР (в декабре 1941 года – Англии и США), и словацкая армия участвовала вместе с вермахтом в боях на советско-германском фронте. На апрель 1942 года словацкая «Быстрая дивизия» в СССР насчитывала 8082 человека (к ноябрю из нее дезертировали более 300 военнослужащих, часть которых присоединилась к советским партизанам)^[23]. На 3 июля 1944 года словацкая армия насчитывала 92 132 бойца. 6000 словацких немцев служили в войсках СС.

Во время Второй мировой войны в Словакии по политическим мотивам арестовали примерно 3 тысячи человек, половина которых были коммунистами. С декабря 1941 года жившие в Словацком государстве евреи (примерно 80 тысяч) депортировались в Германию, где их уничтожали. За каждого еврея Словацкое государство получило от Германии 500 марок. Имущество депортированных было конфисковано.

За счет военных заказов Германии словацкая промышленность к 1943 году увеличила свое производство на 50 % (в 1935 году Словакия давала лишь 13,7 % ВВП ЧСР, хотя там жили 24,4 % населения страны).

СССР в 1939 году никак не отреагировал на просьбу министра иностранных дел Словакии Дюрчанского о признании независимости Словацкого государства. Сталин лишь заметил Литвинову: «Посмотрим, что из этого всего выйдет»^[24].

В мае 1939 года Фирлингер приехал в Париж и привез Бенешу послание Литвинова. Последний хотя и критиковал Бенеша за его поведение в дни мюнхенского сговора, но передавал бывшему президенту сердечный привет и выражал надежду на дальнейшее сотрудничество. Бенеш был искренне благодарен Москве и после того, как Лига наций отвергла его послание с протестом против оккупации Чехии как «письмо частного лица». Тогда это послание от своего имени внес Советский Союз.

Уже с весны 1939 года советское генконсульство в Праге установило контакты с чехословацким движением Сопротивления и получало от его представителей информацию о положении дел на территории протектората.

В это же время и Франция, и Великобритания не признавали Бенеша никем иным, как частным лицом.

Ситуация в мире изменилась, когда Сталин перед лицом отказа Англии и Франции от военного союза с Москвой против Германии был вынужден в августе 1939 года согласиться с предложением Берлина заключить советско-германский договор о ненападении. Фирлингер защищал решение Советского Союза, и Бенеш отказался от любой критики по этому поводу. Бывший президент считал, что СССР рано или поздно все равно вступит в

войну против Гитлера. Осторожную позицию Сталина Бенеш оценивал как единственно правильную: СССР не желал быть втянутым в противостояние с Германией, когда ни Франция, ни Англия не желали «обжечь себе пальцы»^[25].

Вступление Красной армии на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии 17 сентября 1939 года тоже не встретило никакого осуждения со стороны Бенеша. Он и впоследствии никогда не поддерживал публично требований польского эмигрантского правительства к СССР вернуть Польше эти земли. Бенеш прямо говорил полякам в Лондоне, что не сделает ни одного заявления, которое носило бы антисоветский характер.

Такая позиция объяснялась просто: бывший президент справедливо считал, что свалить Гитлера и освободить Чехословакию может только Сталин.

В середине сентября 1939 года Советский Союз положительно отреагировал на предложение словацкого посланника в Берлине полпреду в Германии Шкварцеву установить дипломатические отношения между СССР и Словакией.

Бенеш в этих условиях попытался удержать Москву на позиции поддержки чехословацкого Сопротивления, предложив советскому полпреду в Лондоне Майскому уже 2 сентября 1939 года передать СССР Закарпатскую Украину (в 1939 году эта бывшая часть Чехословакии с центром в Ужгороде была с санкции Гитлера оккупирована Венгрией). Бывший президент считал передачу этой территории СССР очень выгодной именно для Чехословакии. Ведь в этом случае возникала советско-чехословацкая граница, и СССР мог бы прийти Чехословакии на помощь в случае новой войны уже без учета позиции Польши или Румынии^[26].

Между тем в октябре 1939 года Франция отказалась признать Бенеша главой чехословацкого эмигрантского правительства, хотя уже находилась в состоянии войны с Германией. 17 ноября Бенеш с оглядкой на негативную позицию Парижа сформировал не правительство в эмиграции, а Чехословацкий национальный комитет. Напрасно добивался Бенеш от Франции и Англии аннулирования Мюнхенского соглашения 1938 года. Французы признали комитет Бенеша лишь в качестве органа, который мог бы организовывать чехословацкие военные части во Франции для борьбы с Гитлером.

От Чехословацкого комитета уже 22 ноября 1939 года откололся Словацкий национальный совет.

Негативная и пренебрежительная позиция Франции настолько потрясла Бенеша, что он снова решил сделать основную ставку на СССР и после своего возвращения из Парижа в Лондон в ноябре 1939 года предложил Майскому вступление Чехословакии в СССР на правах субъекта федерации^[27]. Еще Бенеш, также по своей инициативе, предложил передать Закарпатскую Украину СССР.

Однако Сталин в конце 1939 года не хотел без причины раздражать Гитлера, тем более что ни Англия, ни Франция никаких реальных военных действий против Германии не вели (этот период не зря получил название «странная война»). 2 декабря 1939 года немецкий посол в Москве граф фон Шуленбург получил заверения НКВД, что Фирлингера в СССР не считают официальным лицом, то есть послом иностранного государства. 11 декабря 1939 года в Москву прибыл словацкий посланник, а 14 декабря Фирлингера официально лишили дипломатического статуса. При этом СССР отказался отозвать свою ноту от 18 марта 1939 года с осуждением оккупации Чехии.

Надо сказать, что Бенеш прекрасно понимал всю вынужденность маневрирования советской внешней политики перед лицом угрозы со стороны Германии, против которой у Сталина пока не было союзников. Поэтому лидер чехословацкой эмиграции и после декабря 1939 года, когда официальные советско-чехословацкие контакты прервались, воздерживался от любого осуждения внешнеполитической линии Советского Союза.

Бенеш по-прежнему ставил на СССР как на единственную силу, способную освободить Чехословакию. К тому же к началу 1940 года до него стали доходить сведения, что правящие круги Великобритании желают заключить мир с Германией без всякого учета чехословацкого вопроса^[28]. По указанию Бенеша чехословацкий представитель воздержался «по техническим причинам» от участия в обсуждении в Лиге наций советско-финского конфликта, так как ожидалось осуждение Советского Союза.

Помимо Бенеша, чехословацкое заграничное Сопротивление сосредоточилось вокруг находившегося в Москве руководства КПЧ во главе с Клементом Готвальдом. В августе 1939 года в первом нелегальном выпуске коммунистической газеты «Руде право» было напечатано воззвание КПЧ к чешскому народу. В нем, в частности, говорилось: «Коммунистическая партия Чехословакии, которая ни на одно мгновение не колебалась в своей борьбе против гитлеровского фашизма, призывает чешский народ к самой упорной борьбе за защиту социальных и национальных прав. Политика трусости и уступок перед врагами народа и

республики привела к национальной катастрофе... У чешского народа будет столько прав, сколько он сможет отстоять в едином порыве. Чем упорнее каждый из нас будет бороться за свои права, тем быстрее мы добьемся свободы»^[29].

Как и Бенеш, коммунисты считали, что только СССР сможет реально освободить Чехословакию от германской оккупации. Еще в марте 1939 года Готвальд заявил: «...А что будет самой главной подмогой народным массам Чехословакии – так это глубокое сознание того, что большая, мощная, непобедимая страна, Советский Союз, страна социализма, страна будущего находится на их стороне, на стороне правды, права и справедливости»^[30].

На территории протектората действовал подпольный ЦК КПЧ в составе Эдуарда Уркса, Яна Зики, Эммануэля Климмы и братьев Отто и Виктора Сынкових. Работали 14 областных организаций партии. Подпольный ЦК поддерживал связь с московским руководством КПЧ с помощью коротковолновых передатчиков. Коммунисты собирали для СССР информацию разведывательного характера.

В июне 1939 года в Париже возник заграничный секретариат КПЧ во главе с Я. Швермою, В. Широким и Б. Келером^[31]. Он должен был координировать деятельность эмигрантов-коммунистов на Западе. Первоначально между КПЧ и группой Бенеша были довольно напряженные отношения, так как коммунисты не могли простить бывшему президенту капитулянтской политики во время Мюнхенского сговора. Коммунисты официально заявили: «Бенеш на посту руководителя государства и нации в самые решающие моменты капитулянтски колебался и оказался недостойн своей роли, а его политика и вся государственная концепция обанкротилась, и по всем этим, а также иным причинам доктору Бенешу не может принадлежать место истинного вождя национально-освободительного движения»^[32].

В протекторате ЦК КПЧ старался организовать саботаж и замедление работы на промышленных предприятиях. До конца 1939 года удалось организовать 25 забастовок, хотя в июне правительство протектората их запретило. Самой большой была стачка рабочих автозавода в городе Млада-Болеслав. В ней 19 августа 1939 года участвовали более 1500 человек. Правда, главным требованием бастующих было повышение заработной платы на 30-50 %. Политические лозунги официально не выдвигались, так как в подобных случаях гестапо немедленно проводило аресты.

В целом в первое время оккупации сопротивление чешского народа

носило пассивный характер. Например, в День матери в мае 1939 года в торжественном шествии в Острове приняли участие более 80 тысяч человек. Для демонстрации национального самосознания использовались и различные религиозные праздники. Появление в трамваях Брно двуязычных надписей, на чешском и немецком языках, привело к бойкоту этого вида транспорта жителями города. 30 сентября 1939 года на территории протектората был организован бойкот всего общественного транспорта.

Летом 1939-го начали вещание на чешском языке московское и парижское радио.

24 августа 1939 года, на следующий день после заключения советско-германского договора о ненападении, ЦК КПЧ обратился со специальным посланием к народу: «Мы видим в этом действии СССР мощный призыв ко всем народам, чтобы они освободились и боролись за прочный мир, а также призыв к чешскому народу, чтобы он еще больше усилил свою борьбу против нацистских оккупантов и вел ее до полного свержения гитлеровского режима и восстановления Чехословацкой республики. Мы возглавим эту борьбу. Мы уверены в помощи международного рабочего класса и поддержке Советского Союза...»^[33]

После агрессии Германии против Польши на первых порах деятельность заграничного центра коммунистов во главе с Готвальдом была ограничена директивой Коминтерна от 8 сентября 1939 года, в которой начавшаяся в Европе война характеризовалась как империалистическая с обеих сторон. В этой связи коммунистам всех стран не рекомендовалось поддерживать ту или иную сторону конфликта. В воззвании КПЧ в связи с началом войны говорилось: «Чешский народ, который год тому назад стал жертвой международной реакции (имелось в виду Мюнхенское соглашение – *Прим. автора.*), не может примкнуть ни к одной из воюющих сторон. В войне империалистических блоков его интересы не учитываются, и ни один выстрел не будет сделан для освобождения чехов и словаков, даже если (в войне) погибнут молодые чехи и друзья чешского народа... Мудрое и проницательное решение чешского народа будет в том, чтобы всем весом своей национально-освободительной борьбы он шел рука об руку с миролюбивой политикой Советского Союза. Сознавая, что тем самым он лучше всего поможет поражению гитлеровской Германии и своему освобождению...»^[34]

Бенеш с самого начала относился к московскому центру КПЧ как к опасному конкуренту за руководство движением чехословацкого

Соппротивления. К тому же коммунисты явно имели гораздо более тесные связи с советским руководством, от которого, в чем не сомневался Бенеш, зависело восстановление независимости Чехословакии.

Поэтому лондонское эмигрантское руководство стремилось создать на территории протектората сеть собственных подпольных организаций, чтобы доказать, прежде всего, западным противникам Гитлера свое влияние и полезность в совместной борьбе против Германии.

Летом 1939 года в Чехии возникли некоммунистические организации Соппротивления – Политический центр, петиционный комитет «Останемся верны» и «Защита нации».

Комитет «Останемся верны» был основан на базе комитета помощи республиканской Испании и петиционного комитета мая 1938 года, который в то время массовыми петициями к правительству поддержал мобилизацию чехословацкой армии перед лицом угроз Гитлера. В организации были представлены видные общественные деятели, а также члены Социал-демократической и Национально-социалистической партий. В подполье «Останемся верны» знали в основном как Национальный революционный комитет.

Комитет вел антинацистскую пропаганду, собирал информацию и помогал чехам уходить в эмиграцию. Была сделана попытка объединить под своим руководством все движение Соппротивления в протекторате, для чего «Останемся верны» учредил «координационный центр» с опорой на военную организацию «Защита нации». В 1941 году гестапо начало арестовывать членов комитета, и он был окончательно разгромлен в 1942 году.

«Защиту нации» образовали в марте 1939 года бывшие военнослужащие чехословацкой армии, в основном сотрудники бывшего министерства обороны и Главного штаба, включая сотрудников его второго, разведывательного отдела. Более или менее четкую структуру организация приобрела летом 1939 года. Ее руководили генералы Ингр, Войцеховский, Били. Все местные отделения «Защиты народа» возглавлялись кадровыми офицерами. Рядовых членов набирали из военно-спортивных массовых организаций «Сокол» и «Орел» и т. д.

«Защита нации» готовила вооруженное восстание против оккупантов, так как считала, что западные державы, объявившие в начале сентября 1939 года войну Германии, быстро разгромят Гитлера. На плечах отступающих немецких войск в этом случае можно будет относительно легко взять власть и подготовить возвращение из Лондона эмигрантского руководства во главе с Бенешем. Деятельность и задачи «Защиты нации» можно

сравнить с задачами «Армии Крайовой» в Польше.

В августе 1939 года «Защита нации», по собственным данным, имела около 200 батальонов (невооруженных – оружие предполагалось добыть у деморализованных скорым военным поражением немецких войск). На уровне областей батальоны сводились в дивизии, на уровне районов – в полки. Однако все эти структуры в основном были на бумаге. Реально были назначены только командиры батальонов, которые никем не командовали, так как их подчиненные существовали только в виде списков потенциальных бойцов.

Но уже в августе 1939 года в организацию из-за слабой конспирации проникли агенты гестапо. Двумя волнами арестов (осенью 1939-го и в январе 1940 года), во время которых гестапо нашло списки организации, «Защита нации» была фактически разгромлена. Всего арестовали более 5 тысяч человек.

Новое руководство «Защиты нации», возникшее весной 1940 года, уже не думало о восстании и создании многочисленной подпольной армии. Главными задачами теперь считались сбор разведывательной информации для антигитлеровской коалиции, саботаж и диверсии.

В начале 1940 года было учреждено «Центральное руководство отечественного сопротивления» (UVOD), которое намеревалось объединить под своим руководством (и руководством лондонской эмиграции Бенеша) все организации Сопротивления в протекторате. В этом органе были представлены все основные политические партии домюнхенской республики: национальные демократы, социал-демократы, национальные социалисты, народная партия и аграрники. В «Центральное руководство» вошли все выше упомянутые организации некоммунистического Сопротивления. Основными деятелями организации были Владимир Крайина, Арношт Хейдрих и Ладислав Ванек.

«Центральное руководство поддерживало радиосвязь с Бенешем в Лондоне и посылало западным союзникам (после июня 1941 года и СССР) развединформацию.

Коммунисты предложили всем организациям Сопротивления провести 28 октября^[35] 1939 года совместный день борьбы против оккупации путем организации забастовок и массовых демонстраций. Но «Центральное руководство» выдало установку воздержаться от активных форм борьбы и лишь вывешивать, где возможно, национальные флаги ЧСР, а также носить черные галстуки в знак траура по оккупированной Чехословакии^[36].

Однако коммунистам все же удалось организовать забастовки.

Например, в Праге из 30 тысяч металлистов столицы в стачках приняли участие примерно 15 тысяч. Бастовали все стройки. Несмотря на противодействие немецкой и чешской полиции, в Праге прошли массовые демонстрации под национальными и красными флагами. Люди пели гимн страны и «Интернационал», который в то время был и официальным гимном СССР. Немецкая полиция в своем донесении отмечала, что к 14:00 вся Вацлавская площадь Праги была заполнена демонстрантами. Манифестанты срывали с трамваев немецкие надписи и нападали на немцев, которых в этих трамваях обнаруживали. Гестапо, части СС и чешская полиция с трудом очистили площадь, но к 17:00 она вновь заполнилась народом. Примерно в это же время протектору фон Нейрату позвонил взбешенный Гитлер и потребовал любой ценой прекратить уличные протесты, которые он расценивал как удар в спину ведущему воину рейха.

После этого СС и полиция открыли огонь по примерно четырем тысячам безоружных демонстрантов. 100 человек были ранены, 400 – арестованы.

В Остраве в демонстрациях приняли участие около 10 тысяч человек. Бастовали рабочие Кладно, Пльзени и других городов.

Очередную годовщину Великой Октябрьской социалистической революции КПЧ, по данным чешской полиции, 7 ноября 1939 года отметила вывешиванием красных флагов, приклеиванием на стенах домов красных звезд и распространением листовок. Белой краской в разных городах на улицах были нарисованы лозунги типа «Долой Гитлера!», «Слава Сталину!», «Слава Москве!»^[37].

15 ноября в Праге состоялись торжественные похороны погибшего при разгоне демонстрации 28 октября студента Яна Оплетала^[38]. В похоронах приняли участие более 3000 человек. Уже на следующий день части СС и полиции заняли все вузы, сотни студентов были арестованы (часть из них отправили в Германию в концлагерь Заксенхаузен). 17 ноября без суда были казнены девять студентов. Все чешские высшие учебные заведения закрыли.

Гитлер отдал указание протектору и гауляйтеру НСДАП впредь подавлять любое сопротивление чехов «самыми жестокими средствами». В частности, фюрер приказал убивать по три чеха за любую попытку нападения на немца в протекторате.

После жестких ноябрьских репрессий подпольный ЦК КПЧ принял в начале декабря 1939 года решение воздерживаться от акций, которые могли

бы привести к стрельбе оккупантов по мирным людям. Центр тяжести сопротивления предполагалось перенести на предприятия и организовывать там стачки под социально-экономическими лозунгами, чтобы не провоцировать репрессии немцев. В воззвании партии к народу говорилось: «Товарищи! Друзья! Не дайте запугать себя любыми трудностями! Всегда помните: наш день придет!»^[39]

Сосредоточившись на организационной работе, коммунисты уже в январе 1940 года смогли создать подпольные ячейки партии на всех пражских заводах.

Основным полем деятельности некоммунистического и коммунистического подполья в Чехословакии было добывание разведывательной информации для противников Гитлера.

В эмигрантском правительстве Бенеша за разведку отвечал полковник Франтишек Моравец^[40]. Его главной гордостью был агент А-54, которого Моравец в своих воспоминаниях называл одним из самых эффективных разведчиков времен Второй мировой войны. Под этим шифром скрывался немец Пауль Тюммель. Он родился 15 января 1902 года. Работал пекарем и кондитером. С 1927 года участвовал в деятельности местной организации НСДАП, получив в 1933-м почетный значок старейшего члена партии (им были отмечены 100 тысяч нацистов – ветеранов партии, включая Гитлера). С 1933 года Тюммель был агентом немецкой военной разведки абвера (отделение абвера IV в Дрездене, работавшее против ЧСР) под оперативной кличкой «Медведь».

Уже в 1933 году Тюммель был известен как агент абвера чехословацкой военной разведки (второй отдел Генерального штаба), в том числе как лицо, активно пытавшееся создать сеть осведомителей абвера в самом втором отделе. В 1936 году Тюммель в письменной форме предложил свое сотрудничество чехословацкой разведке и стал передавать ей за деньги (10 тысяч крон в месяц – громадная сумма по тем временам) информацию, о качестве которой споры ведутся по сей день. Тюммель работал на чехов под псевдонимами «Ворал», «Франта» и «Рене». Он предупредил 2-й отдел о готовящейся оккупации чешских земель в марте 1939 года, что позволило Моравцу и его сотрудникам вовремя покинуть страну.

Моравец делился информацией Тюммеля с резидентом английской разведки в Праге Гибсоном, и именно Гибсон в знак благодарности в марте 1939 года предложил Моравцу эмигрировать в Лондон. Часть архивов разведки, в том числе и дело агента А-54, Моравец перевез в Англию.

После оккупации по указанию Моравца Тюммель поддерживал связь с резидентами чехословацкой военной разведки в Голландии и Югославии, а затем с группой «Три короля» (разведывательная организация «Защиты нации») в самом протекторате. Информация о военных планах Германии, передаваемая Тюммелем, была очень противоречивой, а зачастую и вовсе ложной.

Гестапо уже в 1941 году получило сведения о существовании в рядах чешского Сопротивления хорошо информированного агента «Рене». Тюммеля допросили осенью 1941 года, но он смог развеять подозрения в свой адрес. 22 февраля 1942 года его арестовали, но уже 2 марта выпустили на свободу, после того как он признался, что поддерживает контакт с членом разведгруппы «Три короля»^[41], бывшим штабс-капитаном армии ЧСР Моравкем. Через Тюммеля гестапо вышло на Моравку, который был убит при попытке ареста 21 марта. Уже на следующий день Тюммеля снова арестовали.

Отчего-то его не отдали под суд, а держали в 1942-1945 гг. в концлагере Терезин под именем голландского военного атташе Петера Томана. Он был казнен 20 апреля 1945 года, в последний день рождения Гитлера^[42].

Скорее всего, Тюммель был двойным агентом, причем в основном работал на абвер, передавая Моравцу в Лондон дезинформацию.

Например, 3 мая 1940 года, когда вермахт уже занял позиции для удара по Франции, Тюммель сообщал, что Германия готовится к оккупации Балкан и Швейцарии.

7 марта 1941 года «Рене» доложил, что есть данные о готовящемся немецком ударе по Гибралтару силами 4-й немецкой армии в Южной Франции. На самом деле Гитлер в январе 1941-го отложил на неопределенный срок операцию «Феликс», так именовались планы по занятию Гибралтара, а 4-я армия уже в декабре 1940 года была переброшена в Польшу для участия в нападении на СССР.

Вероятно, в абвере знали (или подозревали), что Моравец делится разведданными с советской разведкой. Во всяком случае, в том же мартовском донесении Тюммеля содержалась информация, что Германия по-прежнему готовит высадку в Англии, а переброска частей вермахта в Польшу является всего лишь превентивной мерой, чтобы удержать русских от нападения на рейх. Когда Моравец сообщил об этом Бенешу, тот ответил кратко: «Не верю».

Фактом остается то, что, несмотря на своего «супершпиона» Тюммеля,

Моравец так ничего и не узнал о плане «Барбаросса». 20 июня 1941 года он отправил «Рене» запрос о планах Германии в отношении СССР, но не получил ответа.

Тюммель не прекращал поставлять крайне опасную для Москвы дезинформацию и после 22 июня 1941 года. Например, 19 марта 1942 года он сообщил, что Япония уже этой весной готовится напасть на СССР. В это время Красная армия вела наступление против вермахта, оказавшегося на восточном фронте в очень тяжелом положении. «Деза» Тюммеля, если бы ей поверили в Москве, могла бы в корне изменить ситуацию во Второй мировой войне – ведь тогда соединения РККА были бы переброшены на Дальний Восток и немцы смогли бы стабилизировать положение на советско-германском фронте.

Тюммель сдал гестапо и сеть чехословацкой разведки, которая передавала информацию через Словакию резидентуре Моравца в Белград.

Будучи арестован в январе 1942 года, Тюммель ничего не сообщил об этом находившемуся с ним на связи Моравеку. Он рассказал гестапо о своей планировавшейся встрече с Моравеком, но перенес ее из своей квартиры на один из пражских мостов, так как полагал, что Моравек в этом случае попытается скрыться и будет убит, не успев ничего рассказать о сотрудничестве «Рене» с Моравцем. Так и произошло.

Группа «Три короля», так ее называли сами немцы, считалась гестапо очень опасной. В январе 1941 года ее членам удалось взорвать две бомбы даже в здании имперского министерства авиации и полицей-президиуме в Берлине. В феврале 1941 года взрыв прогремел на центральном в Берлине Ангальтском вокзале недалеко от рейхсканцелярии^[43]. Взрывом предполагалось уничтожить салон-вагон Гимmlера, однако его поезд по техническим причинам прибыл на другой вокзал.

Группа «Три короля» издавала нелегальный еженедельник «В борьбе», который выходил каждый четверг и доставлялся патриотами прямо в здание пражского гестапо. В первом выпуске, доставленном в гестапо, Машин сделал собственноручную приписку: «Чтобы вы не утруждали себя поисками данного журнала, чтобы узнать правду, посылаю вам этот выпуск бесплатно. Также обязуюсь и впредь посылать вам по одному экземпляру. Смерть оккупантам! Б+М+М»^[44].

Гестапо приложило массу усилий, чтобы обезвредить «Трех королей». В апреле 1941 года «Три короля» наладили связь с подпольной организацией бывших членов распущенного нацистами Союза ротмистров и младших офицеров. В рядах этой организации уже работал агент гестапо

Антонин Нерад, бывший ротмистр чехословацкой армии. Он выдал Балабана гестапо, но тот, несмотря на пытки, ничего не сказал и даже смог с помощью дезинформации выиграть время, чтобы оставшиеся на свободе товарищи смогли перепрятать радиопередатчик^[45].

13 мая 1941 года Машин, Моравек и радист группы Пелтан начали радиопередачу в Лондон, но почти сразу же в дверь квартиры, где они находились, позвонили гестаповцы. Пелтан и Моравек начали уничтожать шифры, а потом разбили передатчик. Машин вытащил пистолет, открыл дверь и сразу же выстрелил в одного из гестаповцев. Другой был ранен Моравеком. Ответным огнем гестаповцы ранили Машину, который упал на пол. Но и лежа он отстреливался, в то время как из глубины квартиры его прикрывал огнем Моравек. Однако пистолет Моравка дал осечку, и гестаповцам удалось схватить тяжело раненого Машину. Моравек с Пелтаном быстро спустились из квартиры, с высоты 15 метров, по стальному проводу-антенне своего передатчика, причем Моравек при этом практически отрезал себе проводом указательный палец на левой руке. Обоим патриотам удалось скрыться.

Машина доставили в гестапо в тяжелейшем состоянии – со сломанной ногой и тремя огнестрельными ранами – в живот, ногу и запястье. Он был переведен в госпиталь СС, где несколько немецких врачей едва спасли ему жизнь. Несмотря на варварские пытки, Машин не предал гестапо никого из своих товарищей и называл фамилии лишь тех из них, кто уже был арестован. Он пытался покончить жизнь самоубийством, ударившись со всей силой головой о батарею центрального отопления. Но остался жив, так же как и после других попыток самоубийства, когда пытался прокусить себе вену. В присутствии Машина гестапо пытало его жену.

Машин смог передать на волю послание своей семье: «Дорогие мои дети! Посылаю вам свой последний привет перед уходом в вечность. Последние мои мысли принадлежат вам, и мне очень тяжело. Ведь я понимаю, что вы еще маленькие и вам бы была нужна моя забота. Но, к сожалению, мне придется вас покинуть. Сегодня вы еще всего не поймете, но когда подрастаете, наверняка поймете меня. Я боролся за нашу дорогую родину против наших вековых врагов – немцев, которые хотели поработить и уничтожить нашу родину и наш народ. Я не хотел допустить, чтобы однажды и вы стали покоренными рабами, а хотел, чтобы вы остались свободными и вольными гражданами. Помните, что защита свободы своей родины и своего народа есть долг каждого сознательного чеха. И вы должны в будущем так поступать. В этом бою меня победили. Но я твердо верю, что наше святое дело победит. Вы остаетесь теперь только с вашей

мамочкой. Вы должны ее слушаться, чтобы облегчить ей ее тяжелую задачу и заботу о вас... Целую вас всех мысленно и вашу мамочку тоже. Будьте счастливы. Любящий вас отец. Да здравствует родина!»

Йозефа Машина казнили 30 июня 1942 года. Говорят, что его последние слова были такими: «Да здравствует Чехословацкая республика!»

В 2006 году Машину посмертно присвоили звание генерал-майора.

После начала Великой Отечественной войны Моравец делился некоторыми данными с резидентом советской разведки в Лондоне И. А. Чичаевым. Москву особенно интересовали возможные сепаратные переговоры западных союзников с Германией, в частности, после странного перелета заместителя Гитлера по партии Гесса в Англию в мае 1941 года. Например, в октябре 1942 года Сталину передали разведсводку на основании сведений Моравца.

«Совершенно секретно.

Государственный Комитет обороны Союза ССР.

Товарищу Сталину. Товарищу Молотову.

Начальник чешской военной разведки полковник Моравец сообщил резиденту НКВД в Лондоне следующее:

Распространённое мнение о том, что Гесс прилетел в Англию неожиданно, является неверным. Задолго до совершения перелёта Гесс имел переписку по этому вопросу с лордом Гамильтоном. В этой переписке подробно обсуждались все вопросы организации перелёта. Однако сам Гамильтон в переписке участия не принимал. Все письма Гесса на имя Гамильтона адресату не попадали, а получались «Интеллидженс сервис», где составлялись также ответы Гессу от имени Гамильтона. Таким путём англичанам удалось заманить Гесса в Англию.

Полковник Моравец заявил также, что он лично видел переписку между Гессом и Гамильтоном. По заявлению Моравца, в письмах Гесса достаточно ясно излагались планы германского правительства, связанные с нападением на Советский Союз.

В этих же письмах содержались аргументированные предложения о необходимости прекращения войны между Англией и Германией.

В заключение, полковник Моравец заявил, что англичане, таким образом, располагают письменными доказательствами виновности Гесса и других нацистских главарей в подготовке нападения на СССР.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР (Л. Берия)

Основание: телеграмма из Лондона № 450 от 21.10.42 г.»^[46].

В Москве поступавшую от Моравца информацию оценивали высоко.

И Бенеш, и руководство КПЧ в Москве понимали, что Чехословакия может завоевать авторитет среди союзных держав только активным участием чехословацких частей в борьбе против вермахта, как это было и во времена Первой мировой войны.

Уже весной 1939 года в Польшу эмигрировали более 300 военнослужащих чехословацкой армии, желавших сражаться против немцев в рядах польской армии. Однако эмигрантское руководство требовало перевода наиболее ценных военных кадров во Францию. Бенеш и его окружение опасались, что чехословацкая воинская часть может из Польши перейти в СССР и там подпасть под влияние КПЧ^[47].

30 апреля 1939 года в здании чехословацкого консульства в Кракове собрались сорок бывших офицеров армии ЧСР, учредивших Заграничную военную чехословацкую группу. Однако польский генштаб не проявил к идее создания чехословацкой воинской части никакого интереса, несмотря на неоднократные просьбы группы Бенеша.

Англия и Франция тоже отказались учредить на своей территории отдельные чехословацкие воинские части, так как вообще не признавали Чехословакию, а Бенеша не считали официальным лицом. Французы лишь предложили всем чехословацким военным подписать контракт на пятилетнюю службу в Иностранном легионе, причем служить новобранцы должны были на юге Алжира. Группа Бенеша убеждала колеблющихся, что контракт на службу в легионе – пустая формальность, необходимая для обеспечения финансирования чехословацкой воинской части во Франции.

С 22 мая по 21 августа 1939 года из Польши во Францию отплыло шесть кораблей, на борту которых было 1212 чехословацких солдата и офицера, в том числе 477 летчиков^[48]. Большинство из них, к своему ужасу, скоро оказались на 50-градусной жаре в сахарских пустынях Алжира в качестве бойцов Иностранного легиона. С учетом уже эмигрировавших ранее военных, около 2000 чехов и словаков очутились во Франции, где их никто не ждал.

В Польше Бенеш решил оставить «символическую» чехословацкую воинскую часть. Но поляки все колебались, затягивая выдачу разрешения на ее организацию, и лишь в июле 1939 года предложили чехословацким летчикам, саперам и связистам, то есть техническим специалистам, которых в Польше не хватало, вступить на договорной основе в ряды польской армии.

Всего в Польше к концу лета 1939 года осталось менее тысячи добровольцев, из которых должна была быть сформирована 1-я

чехословацкая бригада. Чехи и словаки (примерно 600 человек) находились в лагере Малы Броновице под Краковым, и командовал ими генерал Лев Прхала, придерживавшийся крайне реакционных взглядов^[49].

В конце августа 1939 года, когда конфликт с Германией был уже неминуем, польское командование решило перебросить чехов и словаков из-под Кракова вглубь страны – в район Баранович (Западная Белоруссия). 30 августа 630 чехословаков отправили из Кракова в Барановичи. В Кракове остались в основном летчики и артиллеристы, которых приняли в польскую армию. Только после начала Второй мировой войны поляки согласились наконец создать Чешский и Словацкий легион (указ об этом президент Польши подписал 3 сентября 1939 года). Само название легиона говорит о многом – даже после нападения Германии Польша, участница мюнхенского сговора, отказывалась признать целостность чехословацкого государства. Прхалу назначили командиром легиона без всякого согласования с Бенешем, которого Польша также не признавала официальным лицом^[50].

Однако Прхала так и не успел (или не захотел) вступить в командование легионом. Фактическим командиром собранных под Барановичами легионеров стал подполковник Людвик Свобода^[51].

В суматохе перед надвигавшимся разгромом поляки не смогли толком вооружить чехословацкий легион. Было получено лишь четыре тяжелых и девять легких пулеметов, 5400 единиц боеприпасов, 500 противогазов и 100 саперных лопаток. Краковская группа (189 человек) также была принята в польскую армию и стала пробираться на Восток в поисках своих товарищей из Барановичей.

Группа Свободы 11 сентября 1939 года получила приказ польского командования двигаться на Пинск – Сарны – Ровно, так как немцы уже вышли к Варшаве с востока. 13 сентября поезд с легионерами подвергся атаке немецкой авиации. Чехословаки, точнее, зенитная группа легиона, успели принять участие в боях в районе Тарнополя и даже сбили один немецкий штурмовик Ю-88.

Фактический командующий легионом подполковник Людвик Свобода принял решение отступать в СССР, так как считал именно Советский Союз главным действенным противником Германии. Это решение поддержал чехословацкий посланник в Варшаве Славик. Он начал переговоры с советским военным атташе в Польше Рыбалко (позднее, в годы Великой Отечественной войны, ставшим одним из самых успешных полководцев Красной армии и принявшим участие в освобождении Праги). Однако

Прхала, прибыв в легион 15 сентября, приказал двигаться в Румынию. 17-го польское командование вообще издало абсурдный приказ, распорядившись, чтобы почти невооруженный легион выдвигался на северо-запад, то есть навстречу немецким танкам. Поляки не хотели, чтобы легион вошел в соприкосновение с частями РККА, которые 17 сентября 1939 года перешли границу Польши, начав освобождение Западной Белоруссии и Западной Украины. Свобода выразил формальный протест против такого приказа и двинулся в обратном направлении навстречу Красной армии.

С согласия советского правительства чехословацкий легион 18 сентября 1939 года перешел на территорию СССР^[52]. Чехословаков разместили в здании военкомата в районе города Каменец-Подольский. Легионеры были разуты и раздеты, и советские власти снабдили их одеждой и постельным бельем, причем решение о судьбе легиона принималось на уровне ЦК ВКП(б).

Нарком внутренних дел Берия обратился к А. И. Микояну с просьбой обеспечить чехословаков^[53] всем необходимым. 20 декабря 1939 года Микоян дал указание наркомам легкой и текстильной промышленности Лукину и Косыгину срочно выдать НКВД за счет иных потребителей 700 отопительных устройств, комплектов исподнего белья, кожаных ботинок, шапок-ушанок, простыней и одеял для обеспечения интернированных офицеров и бойцов чехословацкого легиона бывшей польской армии. На чехословаков был распространен продуктовый паек Красной армии.

Легион хотели перебросить в Румынию, союзницу Чехословакии по Малой Антанте, но та отказалась их принять. Негативный ответ был получен и от американского посольства. В связи с этим решили создать специальный лагерь для чехословацких легионеров (в военкомате было тесно, многие спали на полу, а больших зданий в том районе не имелось). Режим у интернированных был свободный, и НКВД сообщал, что от безделья многие занимаются спекуляцией. Были отмечены как случаи антисоветской, так и антинемецкой агитации легионеров среди местного населения.

Берия отверг предложение своих подчиненных о переводе легионеров на режим военнопленных. В резолюции на соответствующее предложение он 20 февраля 1940 года написал: «Чехов необходимо обеспечить лучше, чем военнопленных и сосредоточить их на одном месте»^[54]. В соответствии с приказом НКВД СССР № 00348 от 21 марта 1940 года было решено переправить всех легионеров в лагерь в Горьковской области,

предназначенный ранее для финских военнопленных (лагерь мог вместить до 3 тысяч человек). Причем офицеры должны были спать на кроватях, а остальные – на двухъярусных нарах (все снабжались чистым постельным бельем). Лагерь охранялся ротой в 120 человек, но legionеры могли свободно передвигаться за его пределами.

3 апреля 1940 года 798 legionеров и членов их семей прибыли в Оранский лагерь (село Оранки) Горьковской области, располагавшийся в бывшем монастыре. В донесении Берии отмечалось, что сначала по прибытии настроение legionеров было подавленным, но после бани, выдачи чистого белья и хорошего питания оно резко улучшилось. Legionеры активно стали благоустраивать лагерь: починили водопровод, создали медицинский центр и даже выложили перед штабом мозаикой пятиметровый национальный герб – чешского льва, но со словацким крестом на груди. Напротив льва из кирпича сложили серп и молот.

Командование легиона было наделено в лагере функциями самоуправления и даже проводило военную подготовку, но потом, в мае 1940 года, ее приостановили по просьбе советских властей.

НКВД условно разделило всех legionеров на три группы по их политическим настроениям. Примерно 400 человек («французы») находились под «влиянием националистической пропаганды» и хотели ехать во Францию. 150-200 человек («пролетарская группа») хотели остаться в СССР. Остальные колебались. Офицеры всячески противились любой политической пропаганде в лагере, в то время как солдаты, по донесениям НКВД, воспринимали ее с интересом. В лагере постоянно вспыхивали споры между «французами» и «пролетариями»^[55].

Командир легиона Свобода позднее вспоминал: «Почти все наши военнослужащие – а их было немногим меньше 1000 – выразили желание остаться в СССР. Они хотели подготовиться к борьбе с ненавистным врагом. В это время чехословацкое эмигрантское правительство в Лондоне принимало все меры к тому, чтобы вывести нашу группу из СССР, хотя Советское правительство открыто заявило, что мы можем остаться на территории Советского Союза»^[56].

На досуге legionеры музицировали, смотрели фильмы, ходили на прогулки и купались. В лагере возникли две футбольные команды. Популярен был и волейбол.

По просьбе Бенеша чехословацкие военнослужащие все же были отправлены во Францию и на Ближний Восток (четыре транспорта в 1940 году – 160 человек и восемь, в 1941-м, – почти 700 человек). Берия дал

разрешение на переезд легионеров во Францию уже 3 апреля 1940 года, и первая группа в составе 45 человек 8 апреля выехала через Москву в Одессу. Все это происходило в строжайшей тайне, поскольку немецкое посольство в Москве постоянно требовало выдачи чехов как «граждан протектората». Из Одессы на пароходе «Сванетия» через Варну, Стамбул, Бейрут легионеры попали в Марсель, а оттуда на юг Франции, где формировалась чехословацкая воинская часть.

Вторая группа, выехавшая за границу 26 июня 1940 года, уже не попала во Францию, так как ее оккупировали немцы.

Оставшихся легионеров тем временем перевели в Суздальский лагерь, также находившийся на территории бывшего монастыря – Спасско-Ефимовского (20 июня 1940-го туда прибыли 683 человека), потому что в Оранках планировали разместить интернированных из Прибалтики и Бессарабии, которые летом 1940 года вошли в состав СССР. Режим содержания был льготным и в Суздале: легионеров запрещалось привлекать к работе, им разрешали бывать вне лагеря с условием являться к вечерней поверке. Запретили лишь карточные азартные игры, распитие алкогольных напитков и владение оружием. В месяц легионерам платили 100 рублей, и они могли в неограниченном объеме получать деньги из-за границы.

С третьей группой 8 июля 1940 года за границу уехал и командир легиона Свобода (его место занял капитан Зикмунда). В октябре 1940 года из Стамбула Свобода предложил советским властям создать из чехословаков разведгруппу^[57]. С этой целью Берия распорядился направить в Москву 13 офицеров легиона (о беседе с ними 2 ноября 1940 года было доложено Сталину). В лагере поползли неприятные слухи об их судьбе, но офицеры сообщили в письмах, что с ними все нормально.

Между тем Бенеш хотел создать крупную чехословацкую воинскую часть именно во Франции, чтобы тем самым добиться большего уважения со стороны Парижа и Лондона. Однако даже после начала войны с Германией французы отказывались признать Бенеша главой эмигрантского правительства ЧСР, предпочитая иметь дело с бывшим посланником ЧСР в Париже Осуским, который сам видел себя на посту главы правительства в изгнании.

Бенеш требовал от Франции и Англии признания существования ЧСР и тем самым отказа от Мюнхенского сговора 1938 года. Однако французы его игнорировали и 2 октября 1939 года подписали соглашение с Осуским о «восстановлении чехословацкой армии во Франции»^[58]. Соглашение было

абсурдным, так как чехословацкую армию обязывали в политическом отношении подчиняться чехословацкому временному правительству в изгнании, которого не существовало и которое те же французы отказывались признавать в лице группы Бенеша.

В октябре 1939 года Бенеш приехал из Лондона в Париж, чтобы убедить французов изменить свою точку зрения, но те ничего менять не хотели. В отчаянии Бенеш даже хотел сойти с политической арены и предоставить место главы чехословацкого Сопротивления на Западе Осускому, но соратники отговорили его от этого шага.

В качестве компромисса 17 ноября 1939 года был создан Чехословацкий национальный комитет в составе Бенеша, генерала Ингра, Осуского, Оутраты, Рипки, Славика, Шрамека и генерала Виеста. Комитет и призван был руководить создаваемой во Франции чехословацкой армией, которая в военном отношении подчинялась французскому командованию. Названием «комитет» французы хотели подчеркнуть, что не признают ни чехословацкого правительства, ни самой Чехословакии. Англия признала комитет 20 декабря 1939 года.

Чешских и словацких военных, прибывавших из Алжира, Сирии, СССР и Польши, собирали в лагере Агд (Agde), департамент Эро на юге Франции. Лагерь предназначался для беженцев из республиканской Испании и был в крайне запущенном состоянии: несколько дощатых бараков без средств гигиены и канализации. Первоначально не хватало даже питьевой воды. Обитатели лагеря спали на гнилой соломе или вообще на голых досках. Простые солдаты получали в день полфранка (для сравнения: 1 кг хлеба стоил тогда во Франции 3 франка, 1 кг мяса – 16-42 франка). При этом офицеры снабжались прекрасно: подпоручик имел в день 90 франков, майор – 162 франка, полковник – 232 франка^[59].

Характерное как для французской, так и для довоенной чехословацкой армии сильное различие в материальном положении офицеров и солдат стало главной причиной весьма напряженных отношений внутри создаваемой чехословацкой армии на Западе. Многие кадровые офицеры были антисемитами и издевались над добровольцами еврейской национальности. На январь 1940 года 45 % военнослужащих считали себя чехами, 44 % – словаками, 11 % – евреями (хотя последних было больше, они просто не хотели лишних проблем и предпочитали «титულную» национальность). Так как группа Бенеша традиционно не признавала словаков самостоятельной нацией, то среди офицеров чехов было 95 %.

КПЧ еще 16 сентября 1939 года обратилась к Бенешу с предложением о совместной организации чехословацких воинских частей во Франции,

однако, никаким ответом Бенеш коммунистов не удостоил. Тем не менее заграничное руководство КПЧ рекомендовало всем коммунистам вступать в чехословацкие части на Западе, чтобы вести там разъяснительную работу.

Весной 1939 года после падения Испанской республики на юго-западе Франции оказалось примерно 650 чехов и словаков – бойцов интернациональных бригад, большинство из которых были коммунистами или сочувствующими. Подавляющая часть из них, около 500, вступила, хотя и не без колебаний и дискуссий, осенью 1939 года в формирующиеся во Франции чехословацкие части. Это решение поддержало заграничное руководство КПЧ.

Интербригадовцы пользовались среди солдат и младших офицеров большим авторитетом, так как, в отличие от кадровых военнослужащих армии ЧСР, уже сражались с фашизмом с оружием в руках. И этот авторитет быстро принес реальные плоды и, возможно, спас судьбу не только чехословацкого Сопротивления, но и самой Чехословакии.

Дело в том, что в конце 1939 года французское правительство Даладье, подпись которого стояла под Мюнхенским соглашением с Гитлером, решило направить формирующуюся во Франции чехословацкую воинскую часть в Финляндию для борьбы против Красной армии. Однако, как отмечал генерал Ингр (в комитете Бенеша именно он отвечал за военные вопросы), «коммунистическая пропаганда» сделала это невозможным^[60]. Конечно, причина была не только в коммунистах – подавляющее большинство чехов и словаков приехали во Францию воевать против Гитлера, а отнюдь не против русских, которых считали прирожденными союзниками и друзьями Чехословакии. Тем более что все прекрасно помнили разницу в поведении Советского Союза и Англии с Францией во время Мюнхенского соглашения.

Провалилась и попытка французов отправить чехословаков в Сирию, где англичане и французы в начале 1940 года готовили удар по советским нефтепромыслам в Баку.

В конце 1939 года в лагере на юге Франции собрались примерно 3500 человек. 15 января 1940-го была основана 1-я чехословацкая дивизия: три пехотных полка трехбатальонного состава, артиллерийский полк, противотанковая батарея, штабная рота, инженерный батальон и батальон связи. 16 апреля 1940 года во Францию прибыла из СССР первая группа бойцов бывшего Чешского и Словацкого легиона.

В дивизии ощущался острый недостаток вооружения и снаряжения, из-за чего боевая подготовка так и не была полностью закончена до 10 мая 1940 года, когда вермахт перешел в наступление на западном фронте.

Несмотря на примерное равенство сил между немецкими и англофранцузскими войсками^[61], война стала быстро приобретать характер катастрофы для союзных войск.

Из чехословаков сформировали два пехотных полка (1-й и 2-й – всего примерно 5200 человек) и в начале июня 1940 года стали подтягивать их к фронту в район Парижа. Недостаток боеприпасов для винтовок, пулеметов и минометов пришлось восполнять по дороге, так как в панике отступавшие французские войска бросали много всевозможного вооружения. Чехословацкие полки воевали отдельно в составе разных французских дивизий. Собственно, все бои свелись к прикрытию отступления французских частей вглубь страны.

Боевое крещение 1-й полк получил 13 июня 1940 года у реки Гран-Морен, где он оборонял предмостное укрепление на северном берегу. Но так как соседи-французы отошли, пришлось переправляться на южный берег и чехословакам. То же самое повторилось и на Сене, причем здесь при переправе пришлось бросить тяжелые пулеметы.

17 июня 1-й полк героически отразил попытки немцев переправиться через Луару. Немцы уже отвыкли от всякого сопротивления и были неприятно поражены. Но так как никакого связного французского фронта уже не существовало, командование 1-го полка 19 июня с согласия французов приняло решение оторваться от немцев и идти в район учебного лагеря Агд на юг Франции, а далее – на побережье, чтобы покинуть Францию^[62].

2-й полк принял первый бой 12 июня 1940 года в районе реки Марны, также обороняя переправы. А дальше опять последовало отступление на юг к Луаре, где полк успешно сражался 18 июня.

Боевые действия 1-го и 2-го полков заслужили высокую оценку французского командования, особенно на фоне панического бегства большинства частей французской и английской армий.

Геройски воевали в небе Франции 170 чехословацких летчиков. В основном они сражались в составе элитного 5-го истребительного авиакрыла французских ВВС. Уже 10 мая 1940 года, в первый день боев, ротмистр Пержина сбил два немецких самолета «дорнье 17», а на следующий день записал на свой счет еще три сбитых самолета. За неполных полтора месяца боев чехословацкие пилоты уничтожили 158 самолетов противника. 19 чехословацких пилотов погибли или пропали без вести, столько же были ранены.

Летчики-чехословаки бомбардировочной авиации произвели 134

боевых вылета, сбросив на немцев 8500 кг бомб.

22 июня 1940 года в Компьене Франция капитулировала, и с 25 июня на территории страны был прекращен огонь.

Еще 18 июня 1940 года Бенеш обратился к британскому военному министру Идену и министру авиации Синклеру с просьбой переправить чехословацкую дивизию из Франции в Великобританию для продолжения борьбы. После боев в 1-м полку осталось 1369 человек, во 2-м – 714. Командование чехословацкой дивизии само внесло вклад в распад своего соединения, издав 17 июня приказ, по которому в дивизии должны были остаться только добровольцы. Для многих этот приказ стал поводом для того, чтобы покинуть части. Часть интербригадцев решили задержаться на территории Франции для участия в партизанском движении, тем более что никакого другого фронта наземной войны против Германии на тот момент не существовало. Часть интербригадцев были выданы немцам, часть – попали в лагеря французского коллаборационистского режима маршала Петена. Некоторые с помощью французских коммунистов смогли добраться до СССР, где позднее вступили в ряды чехословацких частей. В чехословацкой дивизии остались 160 интербригадцев.

Эвакуация чехословаков на английских судах из южных портов Франции происходила хаотично и опять высветила громадную социальную разницу между солдатами и офицерами. Последние грузили на корабли обширный скарб и любовниц, отказываясь принять на борт не только вооружение, но даже собственных солдат, особенно «неблагонадежных». Например, майор Седлачек отказался взять с собой 100 солдат своего полка и только после «энергичного протеста» всего полка был вынужден изменить решение^[63].

Всего к 27 июня 1940 года из Франции в Англию были доставлены около 4000 чехословацких военных и 500 гражданских лиц.

Разгром Франции и английского экспедиционного корпуса под Дюнкерком заставил англичан отказаться от бывшего высокомерного отношения к чехословакам. На Британских островах летом 1940 года было всего 15 дивизий, вооруженных устаревшей техникой. Никакого реального сопротивления вермахту они оказать не смогли бы. Гитлер отдал указание командованию вермахта подготовить операцию по захвату Великобритании «Морской лев» и быть готовым осуществить высадку в конце августа 1940 года^[64]. В этих условиях на счету был каждый союзник. Один из ведущих сотрудников Форин офис Фрэнк Робертс считал: «Чешский народ, прежде всего в протекторате, может помочь нам выиграть войну, и поэтому мы

должны поддержать Бенеша как чешского вождя»^[65].

Разгром Франции лишил всякого политического влияния соперника Бенеша Осуцкого, и отныне бывший президент был единоличным лидером чехословацкой эмиграции на Западе. 21 июля 1940 года МИД Великобритании заявил о признании временного чехословацкого правительства в следующем составе:

- премьер-министр – Шрамек;
- министр иностранных дел – Масарик;
- министр национальной обороны – генерал Ингр;
- министр внутренних дел – Славик;
- министр финансов – Оутрата;
- министр социального обеспечения – Немец.

Правительство, в которое входили еще несколько госсекретарей, было составлено Бенешем из его соратников. По партийной принадлежности в правительство входили все основные партии домюнхенской республики, кроме коммунистов.

В этот же день, 21 июля, в качестве своего рода парламента в эмиграции был учрежден Государственный Совет с полномочиями консультативного органа при президенте.

Англичане, однако, обусловили свое признание временного чехословацкого правительства ясным отказом признать границы послевоенной Чехословакии в их домюнхенском виде, то есть Великобритания даже летом 1940 года была не готова отказаться от Мюнхенского сговора с Гитлером.

Официальных отношений между правительством Бенеша и СССР в 1940 году не возникло. Но приехавший в Лондон Фирлингер постоянно контактировал с советским полпредом в Лондоне Майским (от встреч с самим Бенешем Майский в 1940 году уклонялся). А генштаб РККА собирал через чешских патриотов, с ведома Бенеша и Моравца, разведданные о положении в протекторате. Неформальное соглашение о сотрудничестве в разведывательной сфере заключил в Москве Фирлингер. Группы Сопротивления из протектората в Лондон на запрос Бенеша сообщили в ноябре 1940 года: «Контакт с русскими поддерживаем с мая 1939 года. Русские нам ничего не обещали относительно границ (послевоенной Чехословакии) или относительно статуса Словакии^[66]. Они намекнули лишь о планах советизации Европы, борьбе против Германии, Англии и попыток создания центральноевропейской федерации при помощи Англии... На наше лондонское правительство они смотрят как на

подручного Англии, возможно, и в борьбе против России... Любое упоминание о чешско-польском сотрудничестве увеличивает их недоверие»^[67].

Такая позиция Сталина в отношении Англии в конце 1940 года была более чем естественной, если учесть, что немцы после взятия Парижа опубликовали секретные французские документы, свидетельствовавшие о планах Англии и Франции напасть на СССР (в том числе на нефтепромыслы в Баку) весной 1940 года. Получалось, что лишь удар вермахта 10 мая 1940-го помешал им это сделать.

К тому же, Сталин, как и весь мир, был потрясен молниеносным разгромом Франции, в одночасье сделавшим Гитлера властелином почти всей Европы. Теперь на вермахт работал гигантский промышленный потенциал, превосходивший советские возможности. В этих условиях Сталин любой ценой старался избегать малейшего провоцирования немцев, чтобы выиграть время для развертывания и перевооружения Красной армии.

В свою очередь, Бенеш призвал подчиненные ему организации Сопротивления в протекторате сотрудничать с русскими с максимальной осторожностью. В августе 1940 года в инструкции своему правительству он писал следующее: «По отношению к России выжидать. Мы всячески заинтересованы в том, чтобы Англия имела с ней хорошие отношения и чтобы Россия не была заодно с Германией. Ведь если она пойдет с Германией, то это нанесет вред нам и Польше»^[68].

Наряду с правительством Бенеша в Лондон из Франции перебралось и заграничное руководство КПЧ (Носек, Годинова, Бойер, Пфейфорова и т. д.). Ни Бенеш, ни англичане никакой симпатии к чехословацким коммунистам не испытывали. Летом 1940 года британские власти даже арестовали шесть членов КПЧ, которые были выпущены только осенью 1941 года после неоднократных протестов Фирлингера.

Эвакуированные из Франции чехословацкие военнослужащие были сосредоточены во временном лагере Чолмонделей в 30 км к югу от Ливерпуля. Условия содержания были очень хорошими, однако они не могли притупить острые политические противоречия в рядах самих чехословацких частей. Тем более что увиденное во Франции отнюдь не способствовало поднятию боевого духа чехов и словаков. Солдаты и сержанты требовали смены реакционных офицеров, дискредитировавших себя во время боев и при эвакуации. В ответ офицеры грозили протестующим отправить их обратно во Францию.

В ситуацию вмешались коммунисты, выдвинувшие лозунг «Под реакционным руководством нельзя воевать против фашизма!». Вместо дискуссий и убеждения правительство Бенеша прибегло к дисциплинарным наказаниям, что только подлило масла в огонь недовольства.

Солдаты и сержанты выбрали из своих рядов комитеты и потребовали личной встречи с Бенешем. Тот приехал в лагерь 26 июля 1940 года. Но при приветствии президента выстроились две шеренги: из тех, кто сохранял лояльность, и из недовольных. Раскол в чехословацкой армии стал зримым фактом. Бенеш принял делегацию «мятежников» из восьми человек и призвал их к спокойствию. Президенту передали петицию «демократических солдат», в которой содержался протест против грубости и неспособности офицеров, разжигания в части национальной розни против венгров, немцев и евреев, физического насилия со стороны офицеров, плохого питания и т. д. ^[69].

Бенеш отреагировал на петицию тем, что 28 июля всех недовольных (539 человек, или одну седьмую всего личного состава) взяли под стражу и передали английским властям, которые, в свою очередь, перевели их в лагерь для интернированных Освестри. «Мятежникам» пригрозили уголовным преследованием после возвращения в Чехословакию. Позднее интернированных включили с их согласия в строительные батальоны британской армии (Military Auxiliary Pioneer Corps).

После политической чистки из оставшихся в Чолмонделее была создана 1-я чехословацкая самостоятельная бригада в количестве 3276 человек под командованием генерала Ноймана («Мирослава»).

В бригаде был переизбыток офицеров (700), из которых только 300 имели командные должности. Лишенные должности офицеры стали протестовать, апеллировать к Бенешу, и в ноябре 1940 года бригада оказалась на грани развала. 29 зачинщиков уволили из армии и предали военному суду. Потом в запас перевели еще 63 офицеров.

Из чехословацких летчиков в Великобритании было создано 310-е истребительное авиакрыло, которое отличилось в «битве за Англию» в августе – октябре 1940 года. Пилотов-бомбардировщиков объединили в 311-е авиакрыло. С 17 августа по 31 октября 1940-го чехословацкие летчики сбивали над Англией 56 немецких самолетов, потеряв в боях семь пилотов. Пилотируемые чехами и словаками бомбардировщики сначала бомбили Брюссель, а 24 сентября 1940 года участвовали в первом налете английской авиации на Берлин. Один самолет с чехословацким экипажем был поврежден немецкой ПВО и не вернулся на базу, совершив вынужденную посадку в Голландии.

«Битва за Англию» стала первым по-настоящему серьезным сражением чехословацких воинов против нацистов.

Это признали и англичане, которые 25 октября 1940 года заключили с Бенешем соглашение о правовой и организационной основе чехословацких вооруженных сил в Великобритании. Отныне все чехословацкие сухопутные части организационно были самостоятельны, но в оперативном отношении подчинялись британскому военному командованию. Летчики (1287 человек на конец 1940 года) напрямую входили, хотя и в составе самостоятельных подразделений, в королевские ВВС.

Вооружение и снаряжение для чехословацких частей предоставила Великобритания, но на основе кредита под залог золотого запаса довоенной ЧСР, частично находившегося в Банке Англии. Бенеш писал позднее: «...вся чехословацкая политическая и военная деятельность во второй мировой войне была... профинансирована из наших собственных средств, которые либо были в нашем распоряжении со времен (довоенной) республики, либо получены во время войны в виде кредитов»^[70].

Осенью 1940 года части 1-й чехословацкой самостоятельной бригады были переведены в Лимингтон (30 км к юго-востоку от Бирмингема). Обычные солдаты получали в день 2 шиллинга 6 пенсов – меньше, чем их британские братья по оружию. Семьи солдат жили лишь за счет взносов частных благотворительных организаций, в то время как семьи офицеров получали казенное денежное довольствие.

И солдаты, и многие офицеры рвались в бой и крайне негативно оценивали пассивное ведение войны англичанами, особенно на Балканах весной 1941 года. Министерство национальной обороны правительства Бенеша решительно требовало пресечь такие «пораженческие высказывания».

Утомленные бездействием чехословацкие офицеры писали на имя Бенеша прошения, желая быть зачисленными в части «Свободной Франции» генерала де Голля. В одном из таких прошений, например, говорилось: «Основная идея, ради которой я ушел из ЧСР, и ненависть ко всему нацистскому сильнее, чем надежность удобного, безопасного и счастливого пересидживания войны»^[71]. В прошениях отказывали, однако летом 1941 года примерно 20 офицерам все-таки удалось отправиться на Ближний Восток в подразделения «Свободной Франции». Министерство обороны Бенеша было даже радо такому развитию событий, так как эти офицеры считались неблагонадежными.

После разгрома Франции находившиеся во французской Сирии

(территории нынешних Сирии и Ливана) 206 чехословацких военнослужащих 29 июня 1940 года были переброшены на 12 грузовиках в британскую Палестину, где англичане разместили их в лагере Ас Шумейри. Лагерь усиленно охраняли якобы из-за опасений нападений со стороны местных арабов. На основе обитателей лагеря создали 4-й чехословацкий пехотный полк (считалось, что три полка были образованы во Франции). Однако реально в полку имелись лишь две роты: одна из бывалых солдат, другая из новобранцев. Другие две были кадрированными, то есть состояли только из офицеров и сержантов.

Расчеты на обильный приток добровольцев не оправдались: к 1 сентября 1940 года в «полку» насчитывалось только 327 бойцов, то есть, по сути, это был батальон. Новички прибывали по одному и мелкими группами из Египта, Ирана, Ирака и даже Китая. Но по-настоящему многочисленное пополнение стало осенью 1940 года прибывать из СССР (легион Свободы к тому времени стали называть Восточной группой чехословацкой армии). 5 сентября 1940 года первые 72 человека из Суздаля прибыли в Хайфу.

Однако бойцов все равно не хватало, и так и не созданный пехотный полк был 25 октября 1940 года преобразован в 11-й чехословацкий пехотный батальон «Восток», который расположили в негостеприимной пустыне неподалеку от Иерихона.

Между тем в Северной Африке возник еще один театр боевых действий мировой войны. Итальянцы летом 1940 года силами восьми дивизий из Ливии начали наступление против англичан в Египте. Однако британцы в декабре 1940-го перешли в контрнаступление, и деморализованные солдаты «дуче» побежали, уступив западную часть Ливии (Киренаику). От полного разгрома итальянцев спасло прибытие в Северную Африку в феврале 1941 года немецкого генерал-лейтенанта Эрвина Роммеля с двумя дивизиями вермахта (операция «Подсолнух»). Роммель должен был остановить британцев и к 20 апреля представить план контрудара. Но талантливый генерал ждать не стал и немедленно ударил по англичанам, даже не дожидаясь прибытия в Ливию всех своих и так небольших сил. Теперь уже в панике начали отступать англичане.

Положение Египта и главной артерии Британской империи – Суэцкого канала – стало угрожающим, и 24 февраля 1941 года чехословацкий пехотный батальон был переброшен в район Александрии. Там он сменил поляков, которые охраняли примерно 9 тысяч итальянских военнопленных. Помимо этого, батальон охранял доки и причалы александрийского порта. В батальоне на тот момент было 79 офицеров и 353 солдата и сержанта.

Тем временем обострилась обстановка в лагере чехословаков в Суздале. Ряд офицеров в декабре 1940 года пожаловались на коменданта лагеря, который своей «коммунистической пропагандой» якобы осложняет отношение бывших легионеров к Советскому Союзу. В лагерь был отправлен представитель центрального аппарата НКВД Сейфулин. Он сообщил, что несколько офицеров давят на штаб легиона, требуя немедленной отправки на Ближний Восток. Сейфулин также отметил некоторую неуклюжесть политики лагерного начальства: запрет отмечать Рождество, создание для «пролетариев» более льготного режима и т. д. 15 февраля 1941 года народный комиссар госбезопасности Меркулов отдал указание отправить всех чехословаков в распоряжение правительства Бенеша на Ближний Восток. В СССР должны были остаться всего 90 человек в качестве ядра возможной будущей чехословацкой воинской части в СССР^[72].

18 февраля 1941 года из Суздаля выехали 58 человек, 2 марта – 60, 11 марта – 70, 20 марта – 61, 29 марта – 60, 7 апреля – 62, 13 апреля – 85, 21 мая – 20. Из всех уехавших 20-25 % были «пролетариями», 10-15 % – ярыми антикоммунистами, остальные политически не определились. Чехи и словаки из Суздаля прибывали в Турцию, где британская разведка подробно допрашивала их о положении в СССР и о политических взглядах. Прибывшие должны были заполнять обширные анкеты и вопросники. «Подозрительные элементы» (наиболее активные «пролетарии») передавались английской военной полиции и направлялись в лагеря для интернированных. Такого рода репрессиям подверглись несколько десятков человек. Интернированных отпустили только осенью 1941 года.

Репрессии велись сугубо по политическим причинам. Например, в характеристике некоего Михалика было написано: «Активный коммунист, в СССР, возможно, прошел специальную подготовку...»

Схожими были и другие характеристики. «Тух – подозревается в шпионаже. Был организатором коммунистической молодежи в ЧСР и во Франции...» «М. Филиппович –...считается опасным коммунистическим агитатором...»^[73]

«Охота на ведьм» шла в то время, когда солдат и офицеров так не хватало в Северной Африке. Чехословацкие разведорганы к лету 1941 года установили среди приехавших из СССР 85 «подозрительных элементов». Одного из солдат признали «неблагонадежным», потому что он «был хотя и тихий, но какой-то примитивный». Другой был «умный, но, видимо, неопасный»^[74].

Тем не менее в батальоне «Восток» образовалась крепкая коммунистическая группа «звездун», которая выдвинула лозунг «Каждый «звездун» – образцовый воин!».

Во второй половине мая 1941 года чехословацкий батальон «Восток» был переброшен на фронт, где вошел в состав 23-й британской пехотной бригады. Благодаря пополнению из СССР в батальоне было уже 759 человек (четыре полных роты). Помимо винтовок (половина – образца 1917 года), батальон имел на вооружении 30 легких пулеметов (не хватало еще 20 до штатного расписания), два миномета (должно было быть 14). Вместо 22 противотанковых ружей было всего одно. В начале июня 1941 года батальон занял позиции у египетского города Мерса-Матрух, в Западной пустыне. Немцы не наступали, и чехословаки несли патрульную службу, а потом предложили англичанам взять под контроль аэродромы, чтобы отбить возможные десанты противника с воздуха. После взятия немецкими десантниками Крита (операция «Меркурий») в мае – июне 1941 года немецких парашютистов боялись как огня.

Между тем Берия получил 10 мая 1941 года докладную записку «О морально-политическом состоянии интернированных чехов». В ней говорилось, что из 803 интернированных 639 уехали за границу, трое были освобождены по просьбе исполкома Коминтерна, 161 человек остался в лагере. 15-20 человек наотрез отказывались уезжать из СССР. Нарком госбезопасности Меркулов разрешил определить их на работу, в частности в Сталинградской области, где была местная группа КПЧ. Других отправили в Донбасс и Казахстан. До начала войны четыре человека успели уехать из Суздаля в Сталинградскую область и 13 – в Караганду.

В конце 1940-го – начале 1941 года в Стамбуле проходили секретные советско-чехословацкие переговоры, на которых была достигнута договоренность о расширении обмена разведывательной информацией. Инициатором переговоров был находившийся в Стамбуле Свобода, который попросил представителя Бенеша Пику получить добро на создание разведгруппы из офицеров, находившихся в Суздале (см. выше). Разведгруппа с санкции Берии была создана, но до начала войны к работе так и не приступила, так как чехословацкое лондонское правительство тормозило процесс. Офицеры-разведчики были нужны Моравцу не на территории протектората, как предлагала советская сторона, а на территории самой СССР для сбора сведений о советском военном потенциале для англичан.

В конце апреля 1941 года СССР дал разрешение на приезд в Советский Союз чехословацкой военной миссии во главе с полковником Элиодором

Пикой^[75]. Пике был оказан подчеркнуто дружественный прием – Москва явно готовилась к неизбежному и скорому столкновению с немцами. При этом англичане немедленно предложили Моравцу, чтобы он делился с ними всей информацией, которую Пика передавал из Москвы.

В январе 1941 года московское руководство КПЧ ориентировало свои организации в протекторате на накопление сил, создание кадров подпольных организаций и активную пропаганду. Открытые акции против оккупантов в стиле событий 28 октября 1939 года рекомендовалось пока не проводить, чтобы не провоцировать массовые репрессии против гражданского населения. В апреле 1941 года компартия призвала брать пример с югославских партизан в смысле создания широкого национально-освободительного фронта во главе с коммунистами. Идеологическая работа коммунистов приносила плоды. Большинство населения Чехии считало, что возврата к довоенной республике, позорно капитулировавшей перед Гитлером, быть не должно.

До Бенеша доходили сводки о положении в протекторате, в которых говорилось, что люди хотят не только освобождения от оккупации, но и нового, более справедливого общественного порядка: «...У нас люди желают лучшего общественного строя и более глубоких, чем до сих пор, преобразований. И несомненно, что по праву. Сегодня в народе очень много и часто говорят о национализации, особенно о национализации шахт, новой аграрной реформе, ограничении частной собственности в крупной и тяжелой промышленности... и т. д. Все это проникает в народ, нравится это кому-либо или нет... Частично это, конечно, результат пропаганды с Востока... Тех, кто предпочел бы большевизм нынешнему положению вещей, – большинство... Мы опасаемся, что если Советы отправятся в поход и придут сюда, то часть людей их приветствует, а другая часть примет»^[76].

Бенеш прекрасно понимал, что социальная революция в Чехословакии в результате войны более чем вероятна, причем по примеру СССР. В одном из писем конца 1940 года он писал: «Необходимо и в случае социальной революции не ссориться с русскими». И далее: «Никогда и ни в чем мы не пойдем против России»^[77]. Бенеш встал на эту позицию, потому что понимал: без опоры на Советский Союз существование независимой Чехословакии рядом с мощной Германией и при равнодушии Англии и Франции, так ясно проявленном в дни Мюнхена, невозможно.

В отличие от коммунистов, Бенеш ориентировал некоммунистическое Сопротивление на сотрудничество с чешскими властями протектората. Он

понимал, что среди таковых много сторонников буржуазного домюнхенского строя и отталкивать их нельзя. Но такая линия наталкивалась на непонимание даже некоммунистического Сопротивления, считавшего правительство протектората открыто коллаборационистским. «Три короля» сообщали Ингру 1 октября 1940 года: «Немцы из-за полной беспомощности правительства (протектората) и боязливой позиции как правительства, так и всех государственных, общественных и частных деятелей ни в чем себе здесь не отказывают и довольны тем, как все хорошо у них здесь идет... Они арестовывают, кого хотят, и никто не протестует, чтобы не дай бог не разгневать немцев и сохранить свое теплое местечко в правительстве или где бы то ни было...»^[78]

Лондонское правительство Бенеша поддерживало связь с председателем правительства протектората Элиашем, и гестапо об этом знало. Но немцы не предпринимали никаких шагов, так как инструкции Бенеша Элиашу их вполне устраивали. Бенеш ориентировал власти протектората на пассивность с тем, чтобы сохранить аппарат госуправления в целостности к моменту поражения Германии и возвращения в Прагу эмигрантского правительства. Таким путем Бенеш хотел предотвратить образование после окончания войны стихийных народных органов власти, поскольку понимал, что в них неизбежно будут преобладать коммунисты как сторонники активного сопротивления оккупантам.

Напротив, бескомпромиссная позиция коммунистов по отношению к чешским властям протектората только усиливала авторитет первых. Саботаж на оборонных заводах протектората в начале 1941 года принял такие размеры, что в январе протектор распорядился ввести на важнейшие фабрики дополнительные немецкие полицейские силы. Однако коммунисты смогли в августе 1940 года организовать забастовку на одном из важнейших военных предприятий протектората «Авиа». 800 из 900 рабочих присоединились к стачке и избрали забастовочный комитет, которым руководила подпольная ячейка КПЧ^[79]. На завод прибыли сотрудники гестапо и вооруженные эсэсовцы. Весь заводской профсоюзный комитет и забастовочный комитет были арестованы. Жесткие репрессии оккупантов сорвали планы коммунистов по организации забастовок солидарности с рабочими «Авии» на других заводах, прежде всего, машиностроительных.

На машиностроительных заводах Праги в конце 1940 года было 650 коммунистов, которые собрали более 32 тысяч крон членских взносов.

Формально коммунисты через легальные профсоюзы организовывали забастовки под экономическими лозунгами (в основном повышение зарплаты и увеличение норм отпуска продовольствия по карточкам). Однако так как стачки затрагивали важные машиностроительные заводы, они наносили серьезный ущерб военным усилиям Германии.

С 28 октября по 7 ноября 1940 года КПЧ буквально наводнила Прагу листовками (только пражская полиция собрала их 3778 штук)^[80]. Коммунисты протестовали против коллаборационизма правительства протектората и призывали бороться за свободную социалистическую республику. Основными лозунгами были следующие: «Свастика в Граде не останется!», «Да здравствует социалистическая республика!». Что до более приземленных задач, коммунисты призвали население саботировать вывоз продуктов питания в Германию. Такой призыв был понятен всем, поскольку продовольственное снабжение чехов ухудшалось буквально с каждым днем.

Однако расширение подпольных ячеек КПЧ и рост влияния партии парадоксальным образом облегчили работу гестапо, которому удалось в конце 1940-го – начале 1941 года через засланных в ряды сильно выросшего подполья провокаторов нанести по коммунистическому сопротивлению чувствительные удары.

В ноябре 1940 года гестапо обнаружило главную подпольную типографию партии. У гестапо были сведения о фамилиях (по крайней мере двух членов подпольного ЦК КПЧ (Эммануэль Клима и Эдуард Уркс), знали немцы) и о наличии подпольного коротковолнового передатчика, через который поддерживалась связь с Москвой, и архива партии. В декабре того же года нелегальное руководство КПЧ на специальном заседании решило принять срочные меры по усилению конспирации. Однако в рядах партии было много молодежи, относившейся к конспирации с презрением, считая ее проявлением трусости.

Аресты продолжались, и до конца 1940 года в тюрьмах оказались 1454 члена КПЧ, в том числе более 700 в Праге и ее окрестностях. В январе 1941 года гестапо разгромило подпольную курьерскую службу КПЧ (на нее вышли после обнаружения типографии). Наконец, в ночь с 12 на 13 января 1941-го немцы арестовали четырех из пяти членов подпольного ЦК КПЧ. На свободе остался только один член руководства – рабочий-обувщик Ян Зика. Самым серьезным ударом по партии было то, что в руки гестаповцев попал главный архив партии, содержащий данные о многих членах КПЧ^[81]. Это спровоцировало новую мощную волну арестов коммунистов

по всей стране.

Таким образом, в преддверии нападения Германии на СССР коммунисты в протекторате лишились центрального руководства и налаженной связи с местными организациями. Нелегальный аппарат приходилось строить с нуля и с новыми, часто не очень опытными в делах конспирации людьми. Былой централизации руководства коммунисты так и не смогли наладить вплоть до конца войны. Прервалась и связь с Москвой. Теперь коммунисты могли только принимать просьбы и указания московского центра КПЧ, передаваемые по радио.

Тем не менее к 22 июня 1941 года только КПЧ располагала на территории протектората сетью подпольных организаций. Некоммунистическое Сопротивление такой единой сети, по сути, так и не сумело создать.

22 июня 1941 года после вероломного нападения гитлеровской Германии на СССР ситуация в мире изменилась коренным образом. К Гитлеру присоединилась и Словакия, объявившая 23 июня о разрыве дипломатических отношений с СССР.

В первые дни войны Бенеш под влиянием своих военных советников считал, что СССР потерпит быстрое поражение. Такая недооценка мощи Красной армии в то время была свойственна практически всем западным военным, особенно после советско-финской войны 1939-1940 гг.

Для Англии и США вступление СССР в войну было спасением. Неудивительно, что уже 22 июня 1941 года Черчилль по радио заявил о готовности Англии предоставить «русскому народу» любую помощь. Правда, Великобритания особенно ничем помочь не могла, так как сама зависела в вопросе военных поставок от США. На следующий день с таким же обещанием выступил президент США Рузвельт. Зато будущий президент США и преемник Рузвельта Гарри Трумэн 24 июня 1941 года заявил на страницах «Нью-Йорк Таймс»: «Если мы увидим, что Германия побеждает, мы должны помогать России, а если верх будет одерживать Россия, мы должны помогать Германии, и пусть они, таким образом, убивают друг друга как можно больше».

12 июля 1941 года Англия и СССР подписали соглашение о сотрудничестве в войне против Германии.

В августе 1941-го глава чехословацкой военной миссии в Москве Пика отправил Бенешу секретное послание с итогами своей деятельности на тот момент и с оценками советской политики в отношении Чехословакии: «... Общая линия политики Сталина направлена на поддержку любых действий (и в любом месте) против колониального империализма и против

капиталистическо-демократических правительств. Даже если выражалась симпатия к каким-либо народам, то это касалось пролетариата, а никоим образом не правительств и их лидеров, которых считали врагами пролетариата. После начала немецкой кампании против России Англию считали врагом номер один.

Мои взгляды на цели советской политики в этой войне сформировались на основе высказываний советских официальных лиц и иных сведений и заключаются в следующем.

1) Война не закончится поражением Германии, борьба будет идти и далее во всех странах Европы, и эта война превратится в социальную революцию. Многие (советские деятели – *Прим. автора.*) говорили, что Советы не успокоятся, пока не обеспечат в Европе социальную справедливость – диктатуру пролетариата.

2) Когда наши люди отказывались говорить о политическом устройстве государств (о большевизации), аргументируя это тем, что внутреннюю политику должны определять сами народы этих стран, советские офицеры и руководящие политики отвечали: «Что касается голосования людей, то как только советская армия будет в Чехии, то всем придется голосовать за диктатуру пролетариата».

3) Недоверие к некоторым членам нашего лондонского правительства и к правым чехословацким политикам за границей, с которыми якобы наш народ никогда не согласится и которым не разрешит вернуться домой. «Эти правые политики якобы исчезнут».

4) Недоверие к нашим деятелям дома, многие из которых сегодня вынуждены сотрудничать с немцами, чтобы защитить наши интересы, но, несмотря на это, активно участвуют в наших действиях путем передачи информации, моральной и материальной поддержки находящихся в опасности лиц и семей арестованных, материальной поддержки самой зарубежной борьбы и т. д. О них они говорят, что это люди (буржуазия), которые работают на обе стороны или напрямую на немцев.

5) Они удивляются, почему столько влиятельных ранее в Чехословакии лиц и общественных деятелей находятся на свободе, почему их не арестовали немцы. И объясняют это так: немцы полностью доверяют этим людям, а те помогают немцам.

6) Они упрекали нас, что наша довоенная компромиссная демократическая политика позволяла правым партиям сотрудничать с судетскими немцами, и утверждали, что только одна политическая партия может обеспечить твердое правительство (конечно же, пролетариат – коммунистическая партия).

7) Я убеждал их, что у нас не будет социальной революции, поскольку народ политически очень зрел и уровень всех классов так нивелирован, что недовольства не существует, и говорил, что наша программа предусматривает широкую социализацию (национализацию) экономических объектов страны (природные ресурсы, тяжелая промышленность, некоторые банки и т. д.). На это они отвечали, что необходима не социализация, а коммунизация, ликвидация собственности и ограничение обогащения частных лиц или групп.

8) Они не понимали, почему, собственно, мы требуем полной самостоятельности, ведь в будущем такое маленькое государство не сможет существовать ни политически, ни экономически, и предполагали, что мы присоединимся как автономная республика к Союзу советских республик, чтобы обеспечить обмен товарами и оборону (Чехословакии) Союзом.

9) В день начала войны два высокопоставленных советских официальных деятеля заявили мне, что Советы будут вести войну без оглядки на Англию и Америку. Россия, мол, достаточно сильна, она ни с кем не будет связываться и не требует помощи ни великих держав, ни малых народов, ни угнетенных чехословаков.

10) Перед войной они считали наши требования признать чехословацкое правительство или хотя бы обещать признать его в надлежащий момент «торгом»: мол, мы не хотим сотрудничать в общих интересах, пока не обеспечим себе выгоды.

11) В начале войны я предвидел, что немецкое наступление, подготовленное с сильным материальным превосходством на определенных направлениях, добьется успеха, и готовил требования, которые предъявил бы в тот момент, когда Советам будут нуждаться в помощи и искать ее. Я был убежден, что в случае победоносной кампании русской армии Советы наверняка скажут, что мы им не нужны и они не хотят брать на себя никаких обязательств.

В тот день, когда советские представители настоятельно просили меня, чтобы был дан приказ нашим организациям дома провести масштабные акции саботажа, чтобы уничтожались коммуникации, фабрики военной промышленности, чтобы террористические группы устраняли видных немецких представителей и тем самым нарушалось бы продвижение немецких армий в России, я решил направить им ноту с нашими требованиями»^[82].

Таким образом, эмигрантское правительство Бенеша (причем под давлением чехословацких военных) решило воспользоваться трудной военной ситуацией СССР летом 1941 года, чтобы предъявить Москве свои

условия сотрудничества. Главным условием было признание СССР правительства Бенеша как ведущего представителя всего чехословацкого Сопротивления. Получалось, что советская оценка политики Бенеша как «торга» была полностью оправданной. К тому же сам Пика вынужденно признал, что до сих пор Москве не особенно полезно было сотрудничество с чехословацким эмигрантским правительством.

«К сожалению, должен признать, что Советы до сих пор не имели от нас большой пользы. Мы несколько месяцев использовали радиопередатчик, который несколько раз выходил из строя из-за большого количества передаваемой информации, и Советы могли подумать, что передатчик служит только для того, чтобы мы посылали политические донесения и военную информацию разведывательного характера о Советской России, так как не знали содержания передач... Это и было причиной того, что они попросили у нас ключ к шифру, чтобы контролировать нашу связь с Лондоном.

Они вполне справедливо могли бы упрекнуть нас в том, что мы приживалы, так как с родиной у нас связи не было, разведывательная группа прибыла в Россию поздно, и, когда она обустранивалась в пограничном районе, началась война. Они хотели, чтобы эта группа перешла в Словакию и организовала там разведывательную сеть, но я не согласился и направил группу в Москву. Они просили сообщить имена нескольких надежных людей в Праге и в других местах на нашей территории, чтобы наладить с ними связь^[83]. Но и здесь им отказали. Они просили направить двух старших офицеров разведывательной группы в Венгрию и на Балканы – мы не согласились. Из Лондона было обещано, что им (русским) будут высылать всю информацию, которая могла бы заинтересовать Советы (я в ноте также взял на себя обязательства в смысле этого обещания), но за целый месяц мы предоставили лишь одну информацию. Они просили выслать остаток группы подполковника Свободы с целью проведения разведывательной работы и саботажа на территорию Чехословакии – опять отказ».

Таким образом, в Лондоне выжидали, стремясь предугадать, чья возьмет в советско-германской войне.

Выжидательный настрой лондонской эмиграции резко контрастировал с настроениями оставшихся в суздальском лагере чехословацких военных. В докладной записке коменданта лагеря от 23 июня 1941 года в НКВД отмечалось, что из 124 бывших легионеров 85 подали коллективную просьбу «участвовать совместно с Красной армией в борьбе за ликвидацию

фашизма»^[84]. Примечательно, что большинство этих легионеров были не офицерами, а солдатами и младшими командирами. Просьба заканчивалась словами: «Хотим сражаться вместе с бойцами РККА под Красным знаменем мирового пролетариата за дело Ленина-Сталина, за нашу новую счастливую жизнь, за мировой рабочий класс, ведомый Коммунистическим Интернационалом и родным Сталиным».

В другой докладной записке, от 30 июня 1941 года, моральное состояние обитателей лагеря в Суздале оценивалось как в целом здоровое, однако отмечались напряженные отношения между «звездами» и другими легионерами. «Звездуну» были готовы сражаться против немцев где угодно и немедленно, как только получают соответствующий приказ. С другой стороны, офицеры говорили, что воевать готовы, но только не под командованием СССР, а под руководством представителя доктора Бенеша в Москве, то есть полковника Пики. При этом они требовали отправки легионеров на Запад, где в то время никаких активных боевых действий против Германии не велось.

10 июля 1941 года ГРУ РККА с согласия Берии отобрало из лагеря 17 добровольцев для работы в разведгруппах. Потом попросили еще четверых. В конце июля 1941 года в Суздальском лагере остался 91 человек.

Несмотря на явный «торг» Бенеша в первые дни войны, Сталин дал указание советскому полпреду в Лондоне И. М. Майскому договориться о нормализации отношений с чехословацким эмигрантским правительством (равно как и с польским и югославским). 8 июля 1941 года во время встречи с Бенешем Майский заверил последнего, что СССР твердо стоит на признании независимости Чехословакии и не будет вмешиваться в ее внутренние дела^[85]. Москва предложила свою помощь в организации на территории СССР чехословацкой воинской части под политическим контролем эмигрантского правительства. Бенешу порекомендовали немедленно направить в советскую столицу официального дипломатического представителя.

Бенеш сразу же откликнулся на советское предложение, потому что, в отличие от своих военных (Ингра, Пики), гораздо более реалистично оценивал силы Красной армии и перспективы исхода войны. Еще в начале июля 1941 года, до переговоров с Майским, Бенеш саркастично говорил, что Красная армия своим стойким сопротивлением опровергла всех военных аналитиков и что «блицкриг» вермахта уже провалился. 5 июля начальник канцелярии Бенеша Смутны отмечал в своем дневнике: «Сегодняшние сводки с полей боевых действий успокаивают, поскольку

указывают на то, что немцам не удастся «блицкриг» так, как они его себе представляли... Наши военные, как и военные других стран, вообще имели тенденцию недооценивать русских»^[86].

Для того времени это было удивительно смелое и проницательное суждение. Но Бенеш вполне мог сопоставить панику и бегство английской и французской армий в 1940 году с упорными боями на советско-германском фронте летом 1941-го.

К тому же, в отличие от Англии и Франции, СССР никогда не признавал Мюнхенский сговор и был готов гарантировать Чехословакии ее довоенные и домюнхенские границы. Поэтому в беседе с Майским Бенеш подчеркнул, что после войны в Центральной Европе решающую роль будет играть Россия. «...Для нас такое положение чрезвычайно важно, поскольку от него будет зависеть наше будущее, безопасность республики»^[87].

Бенеш полагал, что после войны Франция будет настолько ослаблена, что еще 20 лет не сможет иметь сколь-либо значительного влияния в мире и в Европе, поэтому ставка на нее как на союзника ЧСР бесперспективна. «Англия пойдет с Америкой иным путем...»^[88] При таком раскладе Чехословакия могла опираться только на СССР, и Бенеш это прекрасно понимал. Поэтому он опять поднял по своей инициативе вопрос о необходимости общей границы между Чехословакией и Советским Союзом и снова готов был обеспечить ее путем передачи Закарпатской Украины СССР.

Когда Бенеш сообщил англичанам о своих переговорах с Майским, те «не обрадовались». Однако бывший чехословацкий президент справедливо заявил представителю Форин офис Локарту: «Разве мы виноваты в том, что вынуждены так долго добиваться вашего признания? Почему в ситуации, когда мы неделями ждем ответов от вас, а вы до сих пор не назначили своего посла (при чехословацком эмигрантском правительстве – *Прим. автора.*), и мы все еще имеем у вас статус временного правительства, нам надо отказываться от русского предложения? В данном положении этого от нас никто не имеет права требовать»^[89].

16 июля 1941 года Майский передал Бенешу проект чехословацко-советского соглашения о сотрудничестве. Узнав об этом, англичане немедленно пообещали полностью признать правительство Бенеша. Смутны писал в своем дневнике: «Сегодняшний день можно считать одним из самых знаменательных в политическом отношении: от Советского правительства поступило предложение о заключении межгосударственного соглашения, и правительство Великобритании приняло решение об

урегулировании отношений с нами, о полном признании республики и о назначении посланника. Об этом сообщил на приеме у короля Черчилль доктору Э. Бенешу»^[90]. Бенеш, который, по данным Смутного, был «зол на англичан», прямо говорил, что только советское предложение заставило Лондон наконец-то признать чехословацкое правительство.

Бенеш отдал указание немедленно готовить соглашение с СССР к подписанию и даже не показал его собственному премьеру Шрамеку, так как опасался, что тот может затянуть подписание. Соглашение было подписано уже 18 июля 1941 года в советском полпредстве в Лондоне. В соглашении подтверждалось право ЧСР на образование на территории Советского Союза чехословацкой воинской части, которая в оперативном отношении подчинялась бы командованию РККА, а в политическом – Бенешу.

По словам Бенеша, подписанием соглашения Советский Союз «нанес в этот решающий момент смертельный удар по Мюнхену и всем его последствиям, так как немедленно, полностью и решительно, без каких либо ограничений и условий снова признал республику в ее домюнхенском статусе»^[91].

Как только министр иностранных дел в правительстве Бенеша Ян Масарик показал текст советско-чехословацкого соглашения британскому министру иностранных дел Идену, тот распорядился в тот же день направить Бенешу послание с официальным признанием его правительства Англией. И тем не менее Англия по-прежнему отказывалась признать домюнхенские границы ЧСР^[92].

США признали правительство Бенеша только 31 июля 1941 года.

Нормализация отношений с СССР вынудила Бенеша предоставить коммунистам шесть мест в Государственном совете (Носек, Годинова-Спурна, Вало, Крейбих, Петрущак). Представителем московского центра КПЧ в Госсовете стал Врбенский (хотя он остался в Москве). Коммунистам дали также одно место в редакции лондонского чехословацкого радио, которым руководил МИД Масарика.

Тем не менее и после этого КПЧ никак не могла решительным образом повлиять на политику эмигрантского правительства, так как в кабинет министров коммунистов не пустили.

Несмотря на нормализацию отношений между правительством Бенеша и СССР, летом 1941 года сложилась парадоксальная ситуация: чехи и словаки гораздо активнее помогали в войне немцам, чем русским.

Словакия объявила войну СССР вместе с Германией^[93]. Компартия

страны заклеила это в специальном заявлении: «Трудовой народ Словакии единодушно выступит против этого позорного предательства человечества и собственной нации. Он отвергнет преступную войну против братского советского народа, против родины социализма – единственной гарантии нашего окончательного освобождения»^[94].

В составе словацкой армии был сформирован специальный Полевой корпус для действий на советско-германском фронте численностью 50608 человек. В него входили две пехотные дивизии, арtpолк, танковая рота с 24 танками LT-35 чехословацкого производства, рота бронеавтомобилей, рота противотанковых орудий, зенитная батарея, инженерный батальон, батальон связи, группа снабжения, госпиталь, ветеринарный пункт для лошадей. 1 июля 1941 года Полевой корпус начал выдвигаться на фронт^[95].

Так как немецкое наступление в первые дни войны развивалось быстро, словаки создали для взаимодействия с вермахтом моторизованную Быструю группу (затем бригаду), которая позднее была преобразована в Быструю дивизию. К апрелю 1942 года в ней насчитывалось 6712 человек.

Быстрая группа словацкой армии (59 офицеров, 27 младших офицеров и 1824 солдата, 813 винтовок, 661 пистолет, 85 легких и 98 тяжелых пулеметов, 16 37-миллиметровых противотанковых орудий, четыре 75-миллиметровых орудия, девять 100-миллиметровых орудий, три бронеавтомобиля, 47 танков, 183 грузовика и 49 легковых автомобилей, 33 мотоцикла и 112 велосипедов) перешла советскую границу 25 июня 1941 года.

Переправившись через реку Сан, группа натолкнулась на умелый огонь советской артиллерии у Войткове и 27 июня была вынуждена отойти к границе (район Санок). Вместе с немцами словаки пытались подавить пограничные ДОТы и бункеры советских войск. Немцы при этом потеряли почти все небронированные автомашины. Было подбито и два из 10 участвовавших в операции словацких танка.

Взяв бункеры силами пехоты, Быстрая группа отошла на отдых. Но уже 2 июля 1941 года советскую границу перешли основные силы словацкого Полевого корпуса. Корпус никак не мог догнать немцев, которые были уже во Львове. Командующий словацкой армией генерал Чатлош провел 4 июля 1941 года инспекцию Быстрой группы и преобразовал ее в Быструю бригаду, придав ей дополнительную артиллерию и транспортные средства. Личный состав бригады вырос до 3546 человек (126 легких и 29 тяжелых пулеметов, 57 орудий, 36 танков, 298 грузовиков, 62 мотоцикла и 269 велосипедов)^[96].

Бригада действовала на Украине в составе немецкого 49-го армейского корпуса. 21 июля она получила приказ выдвинуться в район Липовец – Ильницы, чтобы не дать частям Красной армии (12-я армия) отойти на юго-восток. Липовец обороняла 44-я горнострелковая дивизия имени Щорса^[97] в составе двух свежих полков и остатков еще двух полков, потрепанных в предыдущих боях. Примечательно, что дивизия участвовала в советско-финской войне, где попала в окружение и понесла большие потери. Штатное расписание предусматривало 10200 человек, но к началу войны дивизия была укомплектована на 89 %.

В 5:00 22 июля словацкая бригада перешла в наступление на Липовец. Советские воины, хотя поначалу у них не было противотанковых пушек, умело сопротивлялись, и словаки при поддержке танков и артиллерии достигли Липовца только к 16:00, захватив железнодорожную станцию. Бригада потеряла два танка, причем один из них был подбит из миномета.

Когда основные силы словацкой бригады начали продвижение к Липовцу, думая, что он уже захвачен, они подверглись сильной контратаке двух советских батальонов. Словацкие подразделения у Липовца были отрезаны от главных сил, которые начали паническое отступление на Щастливе. Наиболее сильно словаки пострадали от артиллерийского огня, который советские артиллеристы вели с заранее пристрелянных позиций.

В оперативной сводке 12-й армии говорилось: «На западе противник силою до пп (пехотного полка) в 13:00 пытался прорвать оборону в направлении Славна, до двух батальонов – в направлении Липовец, до полка – в направлении Ильницы. В 11:00 до двух батальонов пытались обойти левый фланг обороны, наступая в направлении Остолопов. Все попытки противника отбиты частями 13 ск (стрелкового корпуса)».

Разгром словаков под Липовцом позволил частям 12-й армии отойти в полном порядке, и на следующий день Быстрая бригада заняла оставленный Липовец уже без боя. В боях за Липовец словацкая бригада потеряла 75 человек убитыми, 167 ранеными и двоих пленными. 17 человек пропали без вести. Было уничтожено пять танков (семь повреждено) и много автомобилей^[98].

Всю бронетехнику пришлось отправить на ремонт в Словакии, и части бригады были приданы немецкой 295-й дивизии. Немцы жаловались, что словаки панически боятся огня советской артиллерии и немедленно бросаются наутек при первых же залпах. Словацкий полковник Туранец писал о своих сослуживцах по бригаде: «Солдаты в основном трусы; как только русские открывают огонь, бегут. Офицеры при атаке сзади, при

отступлении в первых рядах»^[99].

23 июля 1941 года, стремясь загладить вину перед немцами за неудачу при Липовце, Чатлош преобразовал все словацкие части на советско-германском фронте в две дивизии – Быструю (командующий полковник Туранец) и Обеспечивающую (командующий полковник Малар). Правда, в Быстрой дивизии теперь вовсе не было бронемашин (которые ремонтировались в Словакии). Немцы три недели тренировали словаков под Львовом, отрабатывая взаимодействие пехоты и артиллерии.

В конце августа 1941 года Быстрая дивизия была придана 36-му немецкому корпусу (6-я полевая армия). На 22 августа в Быстрой дивизии был 8451 солдат и офицер, 4898 винтовок, 2111 пистолетов, 265 легких и 57 тяжелых пулеметов, 22 миномета, 16 зениток, 72 орудия, 893 грузовых автомобиля и 201 легковой, 139 мотоциклов и 282 велосипеда.

С 14 сентября 1941 года словацкая дивизия обороняла участок по Днепру, высвобождая силы немцев для удара на Киев, который, как известно, закончился, пожалуй, самым крупным поражением Красной армии за годы войны. Словаки держали фронт до 16 сентября, отбили несколько атак и, по их данным, смогли взять в плен 1650 советских солдат и офицеров.

После окружения и разгрома советских войск под Киевом словацкая дивизия в составе 1-й танковой армии фон Клейста продвигалась по южной Украине в направлении на Ростов-на-Дону. В начале ноября 1941 года дивизия получила задачу охранять 120 км азовского побережья от возможных морских десантов. Словаки даже ввели в строй свой патрульный катер, переделанный из рыбацкой шхуны.

Три словацких батальона заняли оборону по реке Миус и отбили в ноябре – декабре 1941 года несколько сильных атак советских войск. На этом рубеже словаки оставались семь месяцев.

Что касается чехословацких частей в составе британской армии, то они не могли в 1941 году похвастаться столь же активными действиями, как словацкая армия.

11-й пехотный батальон «Восток» в мае 1941 года охранял военные аэродромы английской армии в Египте. От полного разгрома британцев и чехословацкий батальон спасла начавшаяся война против СССР. Гитлер в связи с этим отказался дать Роммелю две запрашиваемые последним танковые дивизии. Со своими слабыми силами Роммель и думать не мог о наступлении на Александрию.

8 июня 1941 года британская армия вместе с частями «Свободной Франции» де Голля начала операцию по захвату французской колонии

Сирии (операция «Экспортер»), которая признала власть режима Виши. 24 июня туда же из Египта начал перебрасываться и чехословацкий батальон, вступивший на сирийскую территорию 1 июля. Чехословаки должны были прикрывать наступление 25-й австралийской дивизии.

Англичане не рассчитывали на серьезное сопротивление и были неприятно поражены тем, что командующий вишистскими войсками генерал Дентц начал упорно обороняться. 6 июля 1941 года части Иностранного французского легиона начали неожиданный минометно-пулеметный обстрел позиций чехословацкого батальона. Один человек, рядовой Иржи Хаас, был убит, четверо ранены. Это были первые и единственные потери батальона за всю кампанию, причем отнюдь не от рук немцев^[100]. В военном журнале батальона отмечалось: «Трагедия не в том, что он (Хаас) был убит. Война есть война. Но трагедия в том, что он был убит французской миной, миной наших старинных союзников, произведенной против общего врага чехословаков и французов»^[101].

10 июля 1941 года французы в Сирии решили капитулировать. Чехословацкий батальон получил задачу нести пограничную службу в районе сирийско-турецкой границы. Бойцы батальона гораздо сильнее, чем от предыдущих боев, пострадали от малярийных комаров – в лазарет попали около 100 чехов и словаков.

Между тем чехословацкая бригада в Великобритании по-прежнему была обречена на вынужденное безделье. В июле 1941 года солдаты и некоторые офицеры опять писали Бенешу жалобы на офицеров, которые занимались спекуляцией и издевались над рядовыми.

Несмотря на объявленную в Англии мобилизацию всех граждан ЧСР, численный состав бригады до 22 июня 1941 года рос очень медленно. Например, в июне в нее были зачислены всего 15 человек. Начало войны Германии против СССР коренным образом изменило морально-психологический настрой в бригаде. До конца 1941 года в бригаду записалось 433 человека, причем не только из Англии, но из Канады, США и Южной Африки. Бойцы надеялись, что теперь Англия наконец-то начнет активные боевые действия и их перебросят на фронт.

Пессимизм чехов и словаков сменился излишним оптимизмом: многие считали, что Красная армия будет в Берлине еще в 1941 году и Чехословакия вновь обретет свободу.

Перед советским полпредством стояли очереди желающих записаться в Красную армию. Чехи и словаки собирали деньги для советского Красного Креста.

Однако англичане не собирались открывать второй фронт, и в чехословацкой бригаде стал отмечаться резкий рост антианглийских настроений. Командир 311-го авиационного чехословацкого бомбардировочного крыла сообщал в министерство национальной обороны эмигрантского правительства: «Критикуются англичане за то, что реально не участвуют в борьбе»^[102]. Контрразведка чехословацкой бригады также фиксировала резкий рост антианглийских настроений: «С того самого момента, когда Россия вступила в войну, среди наших военнослужащих отмечается сильное русофильское настроение, так как спасение для нас все теперь ожидают только с той стороны. Былой восторг Англией сильно охладел, и ее начинают сильно критиковать. Возникает впечатление, что англичане «мерзавцы», которые опять пытаются выиграть войну чужими руками, а себя при этом берегут...»^[103]

Командование бригады просило самого президента Бенеша своими выступлениями противодействовать росту антианглийских настроений.

В то же время любовь чехословаков к России была искренней и не нуждалась в словах Бенеша. О настроениях чехословацких летчиков в Англии командование сообщало следующее: «У всех военнослужащих чехословацких летных подразделений отмечаются большие симпатии к тяжело сражающейся России, и каждый ее успех встречается с радостью. Обсуждение и критика британских операций были запрещены». В 310-м истребительном чехословацком крыле царили следующие настроения: «Военнослужащие авиакрыла испытывают большие симпатии по отношению к России. Интересно было бы узнать, выражается ли в этом славянская идея или симпатии к коммунизму...»

В официальной хронике чехословацкой бригады в Англии в то время отмечалось: «Всем своим существованием и всей душой, обреченные на бездействие, мы живем и дышим вместе с доблестным и прекрасно сражающимся русским народом. Россия – наша любовь и великая надежда на будущее».^[104] Командующий чехословацкими сухопутными частями генерал Мирослав (Нойман) писал в министерство национальной обороны: «Растет круг лиц, которые мечтают хоть о какой-нибудь боевой деятельности... Распространена точка зрения, что войну выиграет русский воин...»

Критика Англии среди чешских и словацких военных быстро переросла в критику правительства Бенеша, которое было тесно связано с политикой Лондона. В отчете о настроениях бригады в конце 1941 года сообщалось: «В настроениях офицеров и солдат не видно серьезных

изменений к лучшему. Наоборот, у них исчезла надежда, что их перебросят в бой, и они видят перед собой только перспективу будничной казарменной жизни. Недовольство охватило многих настолько, что что бы и как бы ни делалось, они будут это критиковать и отвергать. Этот психоз лучше всего можно наблюдать на примере негативного отношения, которое военнослужащие испытывают к английской армии и к союзникам вообще, за исключением русских войск... Бойцы в разговорах часто сожалеют, что ушли с родины в зарубежные воинские части. Говорят, что им кажется, что они предали свои идеалы, что они сбежали с реального фронта дома, чтобы стать всего лишь пропагандистским инструментом за рубежом... Широко распространено мнение, что наше руководство в Лондоне – узурпаторский орган, который готов пожертвовать всеми ради своего собственного благополучия и успехов...»^[105]

Чехословацкие воины в Англии прекрасно понимали обстановку, ведь в 1941 году самая активная борьба против немцев со стороны чехов и словаков разворачивалась именно на территории протектората, и руководили ей коммунисты.

Сразу же после нападения Германии на СССР московское руководство КПЧ изменило тактику и ориентировало партийные организации протектората на переход к активной борьбе против оккупантов, прежде всего путем саботажа на транспорте и в оборонной промышленности. Тем самым вносился бы серьезный вклад в общую победу над Германией, и облегчалось бы тяжелое положение РККА на советско-германском фронте.

Территория «протектората Чехии и Моравии» была одной из главных военно-промышленных баз гитлеровской Германии, и продукция чешских заводов активно использовалась немцами в войне, в том числе и против СССР.

25 июня 1941 года КПЧ обратилась по московскому радио к населению родины: «...Каждому честному чеху ясно, что великая, грандиозная и судьбоносная битва всей истории, которую ведет Красная армия с ордами фашистских бестий на востоке, является также битвой за наше будущее, за нашу судьбу, за нашу свободу. Наш народ никогда не забудет, что в мюнхенское время, когда нас все предали и бросили, только СССР пытался поднять весь мир на нашу защиту. Сегодня за нашу свободу умирают славные сыны миролюбивых братских народов СССР... Чешский народ должен быть готов к последнему и решительному бою за наше существование, за свободу и будущее. Близится час нашего освобождения... Главным требованием момента является железное единство всего чешского народа, всех славян без исключения.

Давайте создадим мощный блок... о который разобьются любые удары (как моральные, так и физические) гитлеровских варваров и их подручных, извергов чешского народа. Сомкнемся все твердо и несокрушимо вокруг основы нашего народа, вокруг рабочего класса, которая держит в своих руках на заводах и железных дорогах самое важное для нас оружие, оружие всеобщей забастовки, которая в тот момент, когда будет получен приказ, нанесет кровавому режиму мощный удар...»^[106]

Уже в день начала войны против СССР пражское гестапо в протекторате разослало циркуляр всем отделениям гестапо в Чехии и Моравии: «...Можно предположить, что начавшиеся события не останутся без влияния на население протектората. Поэтому по приказу рейхсфюрера СС сообщая, что все (враждебные) действия должны быть подавлены самыми жестокими методами...»^[107]

В конце июня 1941 года коммунисты, как и многие люди во всем мире, считали, что Красная армия быстро перейдет в контрнаступление и ее надо встретить в чешских землях вооруженным восстанием и всеобщей забастовкой. Гестапо отмечало распространение в протекторате слухов, что вооруженное восстание назначено на 14 июля 1941 года. Коммунисты даже выдвинули лозунг создания на заводах отрядов революционной гвардии на случай восстания.

Однако неблагоприятное для РККА развитие обстановки на фронте заставило изменить тактику, хотя стратегия КПЧ оставалась неизменной. Коммунисты ориентировали свои подпольные организации на создание единого руководства движением Сопротивления вместе с пролондонскими кругами и на переход к массовому саботажу в промышленности и на транспорте.

В конце июля 1941 года представители второго нелегального ЦК КПЧ смогли встретиться с лидерами петиционного комитета «Останемся верны». Было решено создать единый орган руководства Сопротивлением – Центральный национально-революционный комитет. В сентябре 1941 года удалось договориться о вхождении в комитет и остальных сил, подчинявшихся лондонскому правительству. В октябрьском номере подпольной коммунистической газеты «Руде право» было напечатано воззвание комитета, которое написал член ЦК КПЧ Юлиус Фучик^[108]: «... Нацизм уничтожает все чешское – все чешское должно восстать, чтобы уничтожить нацизм...»

КПЧ с самого начала считала возникший в подполье национальный

фронт не только средством борьбы против оккупантов, но и инструментом послевоенной борьбы за новую Чехословакию: «...речь идет о длительном единстве, на настоящий и на завтрашний день. Мы должны сражаться, чтобы победить, и мы победим! Но и потом нам придется работать, чтобы закрепить и обеспечить свою победу. Мы должны организовать не только борьбу за свободу, но и за будущую жизнь освобожденной нации...»^[109]

8 января 1942 года подпольный ЦК компартии Словакии в Братиславе тоже принял решение создать объединенный орган руководства словацким Сопротивлением – Словацкий национально-революционный комитет, который был учрежден в марте 1942 года.

Национально-революционный комитет призвал организовывать подпольные органы власти на местах: национально-революционные комитеты и их боевые подразделения – отряды революционной гвардии. Были провозглашены главные лозунги борьбы: «Долой оккупантов! Бейте их всеми средствами!», «Кровь за кровь, жизнь за жизнь!»^[110].

К сожалению, основанный на платформе ЦК КПЧ единый национально-революционный комитет так и не смог наладить реальную работу, так как уже осенью 1941 года гестапо разгромило главный орган некоммунистического сопротивления – Центральное руководство отечественного сопротивления (UVOD), входившее в комитет. Не удалось начать работу и в Словакии.

Основной формой борьбы в протекторате в 1941 году был саботаж в промышленности и на транспорте. 29 июля 1941 года Клемент Готвальд по московскому радио так описывал тактику борьбы: «Нашим долгом как чехов, как граждан Чехословацкой республики, нашим долгом как нации и государства является внесение как можно большего вклада в военное поражение гитлеровской Германии... Как? Тем, чтобы каждый из нас, чехов, чтобы весь чешский народ понял, что помимо предыдущих средств борьбы нужны новые, более действенные и более чувствительные для оккупантов... Если движение на наших дорогах остановится, если бензин для нацистской армии при его транспортировке вытечет; если случится так, что несколько вагонов немецких боеприпасов взлетят на воздух на пути из фабрики; если окажется, что гранаты и бомбы, поставляемые чешскими заводами, во многих случаях не взрываются; если в результате нашей работы по инструкциям будут забиты различные железнодорожные узлы; если группа чехов, преследуемых гестапо, убьет гестаповских ищеек и с оружием в руках уйдет в лес... Все это будет свидетельством того, что чешский народ понимает знамение эпохи...»^[111]

Фучик в нелегальной печати КПЧ (ноябрь 1941 года) писал: «...Каково же наше оружие? Мы якобы ничего не можем, и гитлеровские агенты с радостью убедили бы нас, что у нас, мол, так же мало надежды на успех, как у крота против танка, что мы так же слабы, как комариный укус. А все же они смертельно боятся этих укусов. Ну, хорошо. Если они так говорят, так давайте бороться комариными укусами. Если каждый день 70000 чешских железнодорожников насыпят в подшипники вагонов и паровозов хотя бы пару песчинок, это будет означать ежедневно 70 000 поврежденных вагонов и паровозов... Если более миллиона чешских рабочих военных заводов будут производить в день хотя бы на один винтик меньше, то это будет миллион винтиков, которых каждый день не будет хватать гитлеровской военной машине... Если каждый чех каждый день везде, где сможет, нанесет немецкой бестии пусть и самый слабый, но гарантированный комариный укус, то пребывание в чешских землях станет для нее адом. Она узнает, что... укус миллионов комаров означает верную смерть...»^[112]

Призывы коммунистов к саботажу и медленной работе нашли в протекторате горячую поддержку. Например, в июне 1941 года производительность труда на газовом заводе Пльзени упала на 30 %. Выработка на предприятиях Брно упала настолько, что гестапо арестовало нескольких рабочих. 7 июля 1941 года начали забастовку рабочие-строители на нескольких предприятиях и рабочие завода «Авиа». На многих заводах рабочие отказывались трудиться сверхурочно. В августе 1941 года случаи саботажа были отмечены гестапо в Кладно, Острове и на крупнейших оборонных заводах Шкоды в Пльзени. Всего в августе было зарегистрировано 25 случаев саботажа и 10 стачек.

В сентябре 1941 года компартия организовала движение РР (Pracuj pomalu – «Работай медленно») ^[113]. Гестапо оценивало сокращение производства в этом месяце на 15-20 %.

9 сентября прекратил работу завод ЧКД в Праге (117 бастующих).

11 сентября 1941 года началась самая крупная за все время оккупации забастовка на заводе «Вальтровка», в которой участвовали около 2000 человек. Стачка была организована заводской ячейкой КПЧ, очень популярной на заводе. На «Вальтровку» немедленно приехало несколько машин с десятками гестаповцев, которые стали допрашивать рабочих, чтобы выявить зачинщиков. 69 рабочих были арестованы и отправлены в концлагерь Терезин. 59 из них вернулись через несколько дней, остальных перевели в концлагерь Маутхаузен на территории Австрии.

10 сентября 1941 года имперский протектор фон Нейрат в докладе Гитлеру о положении протектората характеризовал обстановку в чешских землях как очень напряженную. Чехи уверены в скором поражении Германии, писал он, и их сопротивление во многом вызвано известиями об упорных боях Красной армии на восточном фронте. Число акций саботажа растет под влиянием «вражеского радио». Гестапо отмечало в донесении от 4 сентября 1941 года: «...в целом по причине плохой ситуации со снабжением продуктами можно наблюдать среди рабочих растущее нежелание работать и склонность к забастовкам и саботажу»^[114].

Именно плохое снабжение населения продовольствием коммунисты старались использовать как предлог для акций протеста, поскольку выдвижение открыто политических требований означало немедленный арест и отправку в концлагерь.

В сентябре 1941 года движение Сопротивления объявило о бойкоте печати в протекторате. С 14 по 21 сентября покупка газет сократилась на 87 %, а в Праге – на 98,5 %.

В сентябре 1941 года подпольный ЦК КПЧ обратился с воззванием к народу: «...У каждого из нас только один враг: Гитлер. У каждого из нас одна цель: жизнь и свобода нашего народа. Теперь наша судьба в наших руках. Каждого из нас ждет такое будущее, какими будут наши действия сейчас. Свобода – высшая ценность жизни, и она не дается даром. Только тот добьется ее, кто добудет ее в борьбе. Только в борьбе, в совместной борьбе сможем мы победить! А поэтому – все, все: в бой!»^[115]

В протекторате поползли слухи, что всеобщее восстание перенесено на 28 октября 1941 года и что к зиме Германия потерпит окончательное поражение.

Гестапо и СС не могли подавить протестное движение в протекторате, хотя прибегали к массовым арестам. В июне 1941 года были арестованы 377 человек, в июле – 3007, в августе – 3494, в сентябре – 3619.

16 сентября 1941 года в резиденции протектора в Пражском Граде состоялось совещание с участием фон Нейрата, его заместителя Франка^[116] и ведущих офицеров СС, гестапо и полиции безопасности. Обсуждалось напряженное положение в протекторате. Франк призвал принять «драконовские меры», в том числе ввести смертную казнь за любое проявление саботажа. Нейрат отказался, и Франк решил пожаловаться на него Гитлеру, втайне надеясь на пост протектора^[117].

Гитлер, как и сам Франк, с детства ненавидел чехов как главных среди славян врагов немцев в Центральной Европе и ярых русофилов. В Австро-

Венгрии, где родился и вырос Гитлер, чехи были самым многочисленным и политически активным славянским народом, решительно выступавшим против засилья немцев в культурной и общественной жизни всего государства. Если австрийские немцы (включая Гитлера) во всем ориентировались на Германию, то живущие в Австро-Венгрии чехи – на Россию как лидера и защитника мирового славянства.

Еще в школе юный Гитлер был предводителем группы немецких учеников, которые дрались с чехами во время русско-японской войны: немцы «болели» за Японию, чехи – за Россию. Если антисемитом Гитлер стал только после переселения в Вену, то славян, прежде всего чехов, он возненавидел гораздо раньше – еще на своей родине в Браунау и Линце.

Именно для того, чтобы лишний раз унижить своих давних врагов – народ с богатой и древней культурой мирового значения – Гитлер в 1939 году с радостью согласился на предложение министра иностранных дел Риббентропа назвать оккупированные чешские земли «протекторатом». За образец взяли статус Туниса, который в конце XIX века стал протекторатом Франции.

Ненависть Гитлера к чехам простиралась так далеко, что в 1939 году он заявил, что не может себе представить выступление чешских спортсменов в составе команды Германии на зимних олимпийских играх, которые должны были состояться в 1940-м.

Неслучайно Франк, знавший отношение фюрера к чехам, решил пожаловаться на мягкотелого фон Нейрата в расчете получить его должность.

Гитлер действительно принял решение отозвать «по состоянию здоровья» протектора фон Нейрата, которого он после доклада Франка счел слишком либеральным. Но надежды Франка – судетского немца, бывшего книготорговца, не только служившего заместителем фон Нейрата, но и возглавлявшего СС и СД в протекторате, – не оправдались. На совещании у Гитлера 21 и 22 сентября 1941 года исполняющим обязанности протектора был назначен еще более непримиримый и безжалостный человек – Райнхард Гейдрих, обергруппенфюрер СС и генерал полиции, шеф РСХА (Главное управление имперской безопасности) и тем самым всего репрессивного аппарата гитлеровской Германии. Задачей Гейдриха было немедленно и жестоко подавить протесты в протекторате и обеспечить нормальное функционирование оборонной промышленности и транспорта. Кроме того, он должен был «окончательно решить» в протекторате «еврейский вопрос». Уехав в Прагу, Гейдрих сохранил пост руководителя РСХА.

Гейдрих вполне разделял взгляды своего непосредственного начальника Гиммлера на судьбу славян: «Что станет с каким-то русским или чехом – это меня совершенно не интересует... Живут ли эти нации в благополучии или умирают от голода – это меня интересует только до тех пор, пока они нужны нам, нашей культуре как рабы. Если погибнут от истощения десять тысяч русских женщин, роющих противотанковые рвы, это меня будет интересовать лишь с одной точки зрения, готов ли этот ров»^[118].

Гейдрих и раньше занимался делами протектората. Например, в начале 1941 года после захвата подпольной радиостанции ЦК КПЧ он приказал наладить с Москвой радиоигру. Гестапо не знало ключа к шифру и сначала решило отослать найденные и уже зашифрованные восемь радиogramм.

Не сомневаясь, что сопротивлением в протекторате руководят коммунисты, Гейдрих охарактеризовал ситуацию в Чехии и Моравии на момент своего вступления в должность исполняющего обязанности имперского протектора так: «За последние недели мы отмечаем развитие ситуации, которое характеризуется саботажем, деятельностью террористических групп, уничтожением урожая, медленной работой, что абсолютно ясно организуется большой организацией Сопротивления. В последнее время обстановка достигла такого накала, что можно говорить о непосредственной угрозе целостности рейха»^[119].

Гейдрих прибыл в резиденцию протектора (Пражский Град) в воскресенье 28 сентября 1941 года и в тот же день объявил в протекторате чрезвычайное положение с 12:00: «Все действия, ведущие к нарушению общественного порядка, хозяйственной жизни или мирного труда, так же как недозволенное хранение огнестрельного оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ, будут караться по законам военного времени. Это относится также к скоплению народа и всякого рода сборищам в закрытых помещениях или на улицах. Решения военно-полевых судов обжалованию не подлежат. Смертные приговоры приводятся в исполнение немедленно, через расстрел или повешение».

В истории чешского народа начался самый мрачный период массовых репрессий, который называли «гейдрихиадой».

Казни видных представителей чешской общественности с целью устрашения населения начались уже 27 сентября. В этот день погибли бывшие генералы Йозеф Били и Гуго Войта. Били входил в руководство «Защиты нации» и был арестован еще в ноябре 1940 года. Он отказался надеть на глаза повязку и крикнул расстрельной команде: «Ну, стреляйте

же, немецкие псы!»

В первый же день пребывания в должности Гейдрих дал указание арестовать главу правительства протектората Алоиса Элиаша по обвинению в государственной измене. Еще раньше, летом 1940 года, был арестован мэр Праги Отокар Клапка (родился в 1891 году, юрист, учился в Праге и Сорбонне). Он был сторонником консервативной и авторитарной системы власти, отчего нацисты и сделали его главой пражского самоуправления. Клапка, как и Элиаш, поддерживал связи с подпольной организацией «Защита нации».

Гестапо знало о связи Элиаша с Бенешем и уже в июле 1941 года подготовило на сей счет обвинительное заключение. При допросах Элиаша не били, он дал частично признательные показания и суд уже 1 октября 1941 года приговорил его к смертной казни. Президент протектората Гаха через Гейдриха попросил Гитлера о помиловании Элиаша. Гитлер в помиловании отказал, но исполнение приговора отложил.

Режим содержания Элиаша в тюрьме гестапо Панкрац был льготным: неплохое питание, длительные прогулки, разрешение на посещение жены. Через чешского стражника Элиаш мог переправлять на волю сообщения. Элиаш был своего рода заложником в руках немцев и залогом лояльности властей протектората.

Клапка был осужден на специальном заседании Немецкого народного трибунала, которое в виде исключения проходило в Праге 2 октября 1941 года. Через несколько часов заседания Клапка был «за поддержку противника и подготовку государственной измены» приговорен к смертной казни и 4 октября расстрелян командой СС.

После ареста Элиаша Бенеш тайно предложил Гахе в знак протеста подать в отставку с поста президента протектората, но тот никак не отреагировал. Было созвано заседание правительства протектората, на котором половина членов выступила за коллективную отставку, а другая половина хотела оставаться на своих местах. Гаха встретился с Гейдрихом и после этой беседы принял решение продолжать исполнение своих обязанностей, несмотря на репрессии против своего же народа.

Лондонское радио эмигрантского правительства Бенеша после этого впервые публично назвало его предателем.

В ответ в ноябре 1941 года Гаха заявил по радио: «Граждане, не слушайте подстрекательские речи эмигрантов... которые, призывая нас следовать их подстрекательским призывам по радио, могут только ввергнуть нас в большую катастрофу»^[120]. В ответ на обвинения лондонского радио в предательстве Гаха ответил: «Господин Бенеш не

видит того, что вижу я. Слезы матерей и жен, которые обращают ко мне свои отчаянные просьбы относительно своих сыновей и мужей, попавших в несчастье, будучи совращенными подстрекательскими радиопередачами. Он может позволить себе предаваться иллюзиям, строить воздушные замки и рисовать заманчивые картины будущего... У нас же нет другого пути, чем оставаться лицом к лицу с действительностью и действовать трезво, сообразно голым фактам реальности»^[121].

Бенеш тоже ответил резко: «Так называемое правительство протектората и его президент (Гаха – *Прим. автора.*) уже не являются правительством». Он понимал, что если публично не отрестится от Гахи на фоне массовых репрессий в Чехии, то пострадает и репутация самого эмигрантского правительства, которое до этого публично защищало Гаху как патриота.

Бенеш был возмущен тем, что Гаха его подставил, отказавшись подать в отставку. Ведь 20 марта 1941 года глава эмигрантского правительства писал в личном послании Гахе и Элиашу: «...необходимо, чтобы президент Гаха и правительство (протектората) были готовы по нашему требованию немедленно отказаться от своих функций, для доказательства того, что они не чувствуют себя связанными... во всем, что касается рейха и протектората. Мы же сможем истолковать здесь этот добровольный отказ как проявление чувств всей нации, которая требует полной свободы и не примет никакого компромисса с Германией»^[122].

15 мая 1942 года Бенеш уже считал таких людей, как Гаха, «обременительными, если не опасными». «...В такой ситуации могут оказаться желательными какие-то насильственные действия: бунты, саботаж манифестации. Они были бы во имя и на благо нации, даже если бы это стоило больших жертв»^[123]. Бенеш ясно понимал, что бездействие эмигрантских кругов на фоне активной подпольной работы КПЧ может окончательно подорвать и так невысокий на родине престиж лондонского правительства.

Гейдрих не стал арестовывать других видных представителей чешских органов протектората, хотя гестапо было известно об их связи с Лондоном. Мотивы такого подхода были чисто прагматичными. Гейдрих говорил: «Если бы мы хотели задержать всех, кто знал о связях с Лондоном, нам пришлось бы арестовать значительно больше людей. Но я выбрал только тех, кто занимал ключевые позиции, а остальных, кто знал что-либо, оставил в покое и делал вид, будто нам ничего не известно. Я не считал целесообразным полностью опустошать эту территорию, иначе кто бы

здесь работал»^[124].

Каждый день газеты протектората публиковали списки казненных. Были убиты все попавшие в руки гестапо члены ЦК КПЧ и другие видные коммунисты (Отто Сынек, Франтишек Кржижек, Ян Крейчи, Вацлав Кржен и т. д.).

2 октября 1941 года на совещании высших немецких чинов протектората Гейдрих изложил свои задачи: «...Директива фюрера гласит: «Надо со всей определенностью и решительностью обеспечить полное понимание чешским населением своей подчиненности империи и необходимости покориться ей. Немцы, со своей стороны, должны знать, что эта территория составляет часть империи и что они пользуются тут всеми правами и играют руководящую роль»... Фюрер сказал мне: «Помните, что всюду, где целостность империи находится под угрозой, я пошлю достойного руководителя СС и возложу на него миссию восстановить эту целостность». Из слов фюрера вы можете сделать вывод, какова миссия СС в этой стране и тем самым моя личная миссия... Империя не позволит шутить с собой – она здесь хозяйин. А это значит, что ни один немец не спустит ничего чеху, что он будет действовать таким же способом, как он действовал у себя в рейхе по отношению к евреям. Не должно быть такого немца, который бы мог сказать о ком-нибудь из здешних жителей: «Хотя он и чех, но вполне приличный»... Чех должен видеть, что немец – господин с головы до пят»^[125].

Гейдрих сделал упор на необходимости выжать из чешской промышленности максимум возможного для военной машины Германии: «Мы должны разъяснить – средствами пропаганды, различными мероприятиями и так далее, причем достаточно выразительно, – чехам выгоднее всего добросовестно работать, пусть даже они и питают тайную надежду, что, если дела нашей империи пошатнутся, они снова получат свободу. Последнее нас не волнует. Мне нужно, чтобы рабочий, чешский рабочий, в полной мере участвовал в военных усилиях Германии, чтобы полностью использовать чешскую рабочую силу в здешней мощной военной промышленности, чтобы продолжать наращивать производство оружия... С этим прямо связано то, что мы, естественно, должны дать чешскому рабочему столько жратвы, если говорить прямо, чтобы он мог выполнять свою работу»^[126].

Таким образом, Гейдрих действовал методом кнута и пряника, увеличивая отпуск продуктов по карточкам для рабочих. Была повышена и заработная плата. Заодно это лишало Соппротивление удобного лозунга-

прикрытия для организации забастовок.

Выдача жиров по карточкам рабочим была повышена до уровня немецких рабочих в Германии. Были открыты столовые на предприятиях. Рабочим давали велосипеды, чтобы они могли быстрее добираться до рабочих мест, и выделили бесплатно до 200 тысяч пар обуви. Стали выплачивать пособия на детей, а рабочим военной промышленности предоставили отпуска для отдыха^[127].

С 1 мая 1942 года (нацисты использовали именно этот пролетарский день солидарности) отпуска предоставили 7 тысячам рабочих военной промышленности. Гейдрих перенес праздник на субботу, и у рабочих стало два выходных дня. Среди них бесплатно распределялись билеты в кино, театры и футбольные матчи, которые специально переносились на праздничные дни.

В 1940-1941 гг. производство в военной промышленности протектората выросло на 13 %. Еще в феврале 1941 года для всего населения от 18 до 50 лет была введена трудовая повинность. Рабочий день был увеличен до 11-12 часов. 400 тысяч чехов работали в Германии, причем сначала на добровольной основе, затем принудительно. Однако режим труда для них был гораздо более щадящим, чем для польских и советских рабочих, насильно угнанных в Германию.

На 25 сентября 1941 года в рейхе трудились 140052 работника из протектората, на 20 января 1942 года – 140693, на 31 декабря 1942-го – 209278.

Чтобы сохранить спокойствие в протекторате, Гейдрих даже решил отставить планы его германизации, которые ранее предусматривали постепенное выселение чехов и переселение на их место немцев из восточноевропейских стран, в том числе и из СССР. В Чехию переселили только 9 тысяч немцев, в основном из Добруджи^[128]. Германизацию проводили через постепенное ограничение количества чешских школ: начальных – с 5710 до 5469, средних – с 159 до 118^[129]. Вузы были закрыты с 1939 года, но в 1943-м группе из 100 чешских студентов разрешили учиться в рейхе. Театры продолжали работать, выходили книги на чешском языке.

Но планы германизации отнюдь не были абстрактными идеями. В начале 1942 года под видом введения немецких удостоверений личности началось врачебное освидетельствование населения, чтобы отобрать тех чехов, которые были расово пригодны для ассимиляции с немцами. Предлогом для обязательного прохождения медкомиссии называлась

борьба с туберкулезом.

Гейдрих исходил из того, что у 50 % чехов есть немецкие корни и их «можно вернуть германской нации». Однако результаты осмотров были явно неутешительными с расовой точки зрения. Расовое ведомство СС (пражское отделение) сообщало летом 1942 года: «Предыдущие обследования показали, что расовый состав чешского населения выявил более сильные восточные и восточно-балтские черты, чем в среднем у немецкого народа, причем есть даже заметные среднеазиатские вкрапления»^[130]. Тем не менее в конце 1942 года Гиммлеру было доложено, что примерно половина чехов годны для германизации.

Гейдрих в феврале 1942 года считал главным методом германизации отправку как можно большего количества чехов на работу в рейх, чтобы «они уже не вернулись».

Как и в рейхе, немцы в протекторате вели массовое истребление еврейского населения при активном содействии правительства протектората. С 4 июля 1940 года власти протектората издали предписания, ограничивавшие участие евреев в общественной жизни^[131]. Например, им запрещалось посещение большинства общественных мест: некоторых улиц, парков, кафе, театров, кинотеатров, библиотек и т. д. Они могли покупать товары в магазинах только в течение двух часов в день – с 15:00 до 17:00. Евреям запретили даже держать домашних животных. За невыполнение этих норм предусматривалось тюремное заключение.

Уже с 1 сентября 1941 года евреи старше шести лет могли появляться на улице только с нашитой на одежду шестиконечной звездой и надписью «Jude». На евреев распространялась обязательная трудовая повинность.

10 октября 1941-го Гейдрих созвал в Граде совещание высших чинов СД и полиции безопасности с целью «окончательно решения еврейского вопроса в протекторате». Было констатировано, что в Чехии и Моравии живут 88 тысяч евреев, и решено немедленно отправить их в «генерал-губернаторство» (Польшу) и в концлагерь Терезин на территории самого протектората. Большинство чешских евреев были уничтожены в Освенциме, Майданеке, Треблинке и самом Терезине. К апрелю 1945 года в Терезин депортировали 77 603 евреев из протектората^[132]. Примерно столько же лиц еврейской национальности были убиты в Чехии и Моравии за время оккупации.

В октябре 1941 года Гейдрих распорядился «эвакуировать» из протектората всех цыган. Весной следующего года он приказал, чтобы на их удостоверениях личности была поставлена буква Z (Zigeuner – цыган

по-немецки). Цыгане были поделены на три группы: «цыгане», «цыгане-полукровки» и «бродяги цыганского типа». В первые две группы входили люди со смуглой кожей и темными волосами. Их арестовали и отправили в концлагеря – примерно 3000 чешских цыган было уничтожено в Освенциме. Немцам помогли списки чешской полиции, которая еще в 1927 году заставила всех неоседлых цыган свыше 14 лет получить специальные удостоверения личности. Аресты цыган в 1941-1942 гг. по заданию СС проводила чешская полиция, часто при поддержке местного населения.

Гейдрих говорил: «Все мероприятия, могущие вызывать возмущение, вменяйте в обязанность проводить самим чехам. Немцам же вменяйте в обязанность осуществлять то, что может вызвать одобрение»^[133].

Главный удар «гейдрихады» обрушился на компартию. В октябре 1941 года Гейдрих рапортовал в Берлин о задержании за первый месяц своего правления 10227 коммунистов. Каждый день в Праге появлялись большие красные плакаты, на которых сообщалось о расстреле семи чехов.

10 ноября 1941 года шеф пражского гестапо Гешке^[134] докладывал: «...Только в Чехии были с момента начала русской войны арестованы 1275 человек, в основном функционеров нелегальной КПЧ. Только в сентябре – октябре (1941 года) было обнаружено в Чехии 18 коммунистических заводских ячеек, в основном на оборонных предприятиях. О том, насколько интенсивной является подобная деятельность на предприятиях, можно судить хотя бы по тому, что только в одной мастерской Чехословацких железных дорог была обнаружена ячейка с 55 членами, причем арестовать попутчиков и сочувствующих не представляется возможным, так как тогда вся мастерская, которая интенсивно работает на немецкие имперские железные дороги, будет выведена из строя»^[135].

Если раньше арестованных чехов еще судили для проформы (обычно в немецких судах в Дрездене), то Гейдрих по указанию Гитлера «экономил работу судей», и арестованных коммунистов на основе указа об осадном положении расстреливали или гильотинировали без всякого суда. 17 октября 1941 года Гейдрих поручил СД и полиции безопасности «выработать предложения», какими способами надо проводить казни, чтобы «внешне возникало впечатление, что в протекторате царит полное спокойствие»^[136].

В день в конце 1941 года казнили по 10-15 человек, иногда и до пятидесяти.

Особое внимание гестапо уделяло предотвращению любых попыток объединения движения Сопротивления. Глава СД и полиции безопасности

протектората Франк после войны признавал: «Из опасений, что группы чешского Сопротивления могут образовать политический и идейный единый фронт чешского народа против национал-социалистского рейха, против этих кругов... велась борьба всеми силами, чтобы их систематически деморализовать...»^[137]

Как уже упоминалось, здесь нацисты достигли больших успехов: некоммунистическое Сопротивление было к началу 1942 года настолько разгромлено, что уже не существовало как единый организм.

Коммунисты, несмотря на террор, работу не прекратили. Только в июле – октябре 1941 года на территории протектората был обнаружен 21191 экземпляр подпольной коммунистической печати и листовок (в январе – июне 1941 года – 1397 экземпляров).

Партией после разгрома первого состава нелегального ЦК в начале 1941 года руководили ведущие активисты пражской организации КПЧ (Шумбера, Вискочил, Покорны). Но в ходе реализации осадного положения, которое сопровождалось массовыми облавами, был 27 октября 1941 года арестован Милош Красны, который фактически держал в своих руках все нити организационных связей нелегального аппарата КПЧ. В пражской организации тем не менее даже в конце 1941 года было 700 человек, регулярно плативших членские взносы. Подпольная типография находилась в одном из подвалов обычного жилого дома. Станки так шумели, что приходилось работать только днем.

По инициативе члена второго состава подпольного ЦК КПЧ Шумберы была образована специальная техническая группа коммунистов, которая добывала взрывчатку и изготавливала самодельные мины для актов саботажа. Коммунистический союз молодежи организовал под видом кружка филателистов разведывательно-диверсионную группу под руководством Олдржиха Штанцла и Иржи Штрикера. Группа два раза неудачно пыталась взорвать линию электропередачи (заряд оказался недостаточной мощности), которая снабжала светом половину Праги. После провозглашения осадного положения Штанцл был арестован 15 октября 1941 года^[138].

10 октября 1941 года в подпольном «Руде право» появилась статья с ответом Гейдриху под характерным названием «Мы были и будем»: «...Мы знаем, что варварский террор, начатый гитлеровскими псами Гейдрихом и Франком, – не что иное, как проявление беспомощности, попытка сломить прежними средствами волю нашего народа к жизни. Это проявление страха перед приближающимся часом неминуемой расплаты... Мы еще больше

снизим темп производства, усилим еще больше бойкот всего нацистского, повысим уровень саботажа...»^[139]

Главными способами борьбы подпольных ячеек КПЧ стали в конце 1941 года перерезание тормозных шлангов вагонов и выведение из строя подшипников подвижного состава, в которые насыпали песок. Железнодорожникам даже запрещали носить на работу карманные складные ножи. В сентябре 1941 года на железных дорогах было зарегистрировано 94 случая саботажа, а за первую неделю октября – 64. Всего в октябре 1941 года гестапо зафиксировало в протекторате 283 случая саботажа, в том числе 236 случаев повреждения тормозных шлангов вагонов. Было также выявлено 12 поджогов и четыре случая порчи телефонных линий. Несмотря на осадное положение, в октябре 1941 года все же были отмечены три забастовки.

Большинство участников этих отважных акций были людьми молодыми, и 20 ноября 1941 года чехословацкая радиостанция в СССР «За национальное освобождение» начала передавать специальные молодежные программы. В самом протекторате партия начала издавать нелегальный журнал «Вперед» с подзаголовком «Газета молодых». Одним из авторов «Вперед» был Фучик.

В феврале 1942 года он писал в подпольном номере «Руде право» (газета выходила примерно раз в месяц): «Мы приветствуем вас из глубокого подполья, герои Красной армии! Приветствуем тех, кто с великолепным мужеством и самоотверженностью борется за свободу своей отчизны и тем самым за нашу свободу и свободу всех поработанных народов Европы. Когда-то, оставленные всеми другими, мы верили в вас и в вашу силу и из нее черпали свою энергию для сопротивления самым зверским поработителям, каких только знает история. Мы знали, что придет час, когда вы сумеете разбить военную машину мирового фашизма. Час этот настал. Мы понимаем, что это должно означать и для нас, ибо антигитлеровский фронт проходит и по нашей земле.

Поэтому к своему братскому приветствию мы присоединяем обещание, что в эти решающие дни мы сделаем все, чтобы как можно скорее нанести поражение Гитлеру. Мы будем подрывать его тылы, выводить из строя его транспорты на нашей территории, саботировать военное производство и всеми силами и средствами бороться против того, чтобы наш общий враг не смог воспользоваться нашей страной и ее народами для отдаления дня своей катастрофы, к которой вы его гоните. Связанные с вами в решающей борьбе против Гитлера не на жизнь, а на

смерть – мы победим!»^[140]

И все же террор Гейдриха возымел свои результаты. Весной 1942 года было зарегистрировано только 36 случаев саботажа.

Между тем эмигрантское правительство Бенеша и его союзники из властей протектората были сильно дискредитированы в глазах чешского населения своим бездействием. Несмотря на явный коллаборационизм Гахи, отношение к нему в Лондоне принципиально не изменилось. 15 сентября 1941 года в телеграмме посланнику в Москве Фирлингеру министр иностранных дел в правительстве Бенеша Масарик писал: «Мое отношение к Гахе и всему режиму (протектората) ты знаешь... Я отказываюсь нападать на них и вообще полемизировать с людьми, которые по существу идут с нами. Это была бы неразумная политика»^[141].

Бенеш поддерживал Гаху, потому что рассчитывал опереться на государственный аппарат протектората после разгрома Германии и не дать коммунистам создать новые органы власти. В июне 1941 года англичане в одном из меморандумов так отразили взгляды Бенеша на сей счет: «...Пока что он стоит на той точке зрения, что... правительство Гахи должно остаться. И именно потому, что в наступившем хаосе необходимо как можно дольше сохранить чешский административный аппарат в интересах сотрудничества с Лондоном. Особенно в случае падения Германии следует предотвратить социальный и политический переворот и помочь государственной машине быстро провести перестройку согласно указаниям лондонского правительства»^[142].

Чтобы восстановить пошатнувшийся авторитет эмигрантского правительства, глава разведслужбы Моравец задумал осуществить теракт против Гейдриха силами спецподразделений чехословацкой бригады в Англии. Англичане идею одобрили. Есть даже версия, что именно британская разведка и подсказала Моравцу саму идею покушения. Якобы англичане опасались, что Гейдрих может раскрыть сотрудничество с английской разведкой главы абвера (военной разведкой Германии) адмирала Канариса.

На самом деле никаким борцом Сопротивления Канарис не был, на английские спецслужбы не работал, а Гейдрих его уважал и считал своим учителем в деле разведки.

Британские командос из SOE (Special Operations Executive – Командование специальных операций, секция разведслужбы МИ-6) в 1941 году по просьбе Моравца обучили несколько десятков чехословацких десантников-добровольцев. Все кандидатуры одобрял лично Моравец.

Бойцы-парашютисты проходили обширную подготовку. Например, их ставили на доску, которую затем выбивали из-под ног. В падении десантник должен был достать пистолет и попасть в мишень. Учили также обращению с взрывчаткой, азбуке Морзе и топографии, а также борьбе без оружия.

Заброска групп в протекторат началась осенью 1941 года. Всего за время войны на оккупированную территорию были заброшены около 80 парашютистов. В их задачу входило налаживание связи с разгромленными некоммунистическими группами Сопротивления, сбор разведданных, саботаж и диверсии.

Двое из десантников, ротмистры Ян Кубиш и Йозеф Габчик (группа «Антропоид») с третьей попытки были сброшены в Чехии 29 декабря 1941 года с заданием убить Гейдриха или его заместителя Франка. Об этом задании знали в Лондоне только четыре человека, в том числе Моравец и Бенеш. На том же самолете были сброшены еще две группы – «Сильвер А» и «Сильвер В».

Все три группы оснастили одинаково: самым ценным в их арсенале являлись бомба с современным английским взрывателем и пистолет-пулемет «стен», который можно было быстро разобрать и собрать.

Группу «Антропоид» сбросили совсем в другом районе, чем предполагалось, и парашютисты едва не упали прямо на тротуары Праги. По счастливой случайности они наткнулись на членов довоенной военно-спортивной организации «Сокол», которые и прятали их на квартирах друзей и знакомых несколько месяцев. Подготовленная англичанами одежда, купленная у еврейских беженцев из протектората, оказалась не совсем годной, а на белье парашютистов вообще не были удалены английские метки.

Первоначально Габчик и Кубиш хотели напасть на жилую резиденцию протектора в замке Паненске Бржезаны, но он надежно охранялся. Поэтому покушение провели 27 мая 1942 года на одной из пражских улиц, где открытый «мерседес» протектора с пуленепробиваемым лобовым стеклом снижал скорость на крутом повороте.

Гейдрих в этот день ехал на работу в Град, а оттуда должен был лететь в Берлин. В семиместной машине кроме него был только водитель обершарфюрер СС Кляйн. Один из парашютистов, Валчик, дал Габчику и Кубишу из-за поворота сигнал с помощью карманного зеркальца, увидев приближавшуюся машину. Габчик достал из-под плаща «стен», быстро собрал его и нажал на спусковой крючок, целясь прямо в машину. Но «стен» не сработал: первый патрон плохо вошел в ствол. Есть мнение, что

Габчик не выстрелил специально, чтобы не попасть в прохожих на тротуаре с другой стороны автомобиля.

Водитель, следуя инструкции о том, как действовать при покушениях, остановил машину, и это дало возможность Кубишу в 10:31 прицельно бросить в Гейдриха бомбу. Тем не менее бомба взорвалась, чуть не долетев до Гейдриха, повредив заднее колесо и дверцу автомобиля. Сам Кубиш получил ранение мелким осколком в лицо. Гейдрих и его водитель выскочили из машины с пистолетами и бросились за десантниками. Однако Гейдрих выяснил, что в его пистолете нет магазина, и вернулся к машине. Там он опустился на сиденье – взрывом ему сломало ребро, и осколки от взрыва попали ему в селезенку.

Кубиша попытались задержать несколько пассажиров остановившегося рядом трамвая, и он выстрелами в воздух пробил себе дорогу в толпе. Он сел на свой велосипед и добрался до конспиративной квартиры. Преследуемый Кляйном Габчик забежал к мяснику, который оказался сторонником нацистов и попытался его схватить. Тогда Габчик выстрелил в ногу ворвавшемуся в лавку Кляйну и скрылся в переулках Праги.

Между тем одна из женщин узнала Гейдриха, в бессилии пытавшегося пнуть ногой лежавший рядом английский автомат, и принялась искать машину, чтобы доставить его в больницу. Примерно в 11:00 на машине, перевозившей обувной крем, протектора наконец доставили в больницу. Гейдрих требовал перевезти его в Берлин, но операцию решили делать на месте. 3 июня 1942 года Гейдрих впал в кому, а в 4:30 4 июня умер^[143]. Причиной был сепсис всего организма. Не исключено, что бомба была отравлена. По крайней мере, бомбы с добавлением токсинов в Англии в годы войны выпускались.

Сразу же после покушения заместитель Гейдриха Франк объявил о введении в протекторате осадного положения. Были взяты заложники. За выдачу парашютистов была установлена премия в миллион имперских марок. В витрине на Вацлавской площади Праги были выставлены брошенные Габчиком и Кубишем вещи – велосипед и плащ. За информацию о владельцах этих вещей было обещано 10 тысяч крон. Перед фильмами в кинотеатрах крутили специальный ролик, где тоже демонстрировали эти вещи.

Всех жителей протектората старше 16 лет обязали до 29 мая получить новые удостоверения личности. Ослушавшиеся подлежали автоматическому расстрелу при задержании.

28 мая 1942 года Франк вылетел для доклада в ставку Гитлера.

Гиммлер доложил фюреру, что теракт совершили парашютисты из Англии (об этом свидетельствовал тип взрывателя бомбы), и предложил в качестве ответной меры уничтожить с воздуха какой-нибудь английский город. Гитлер спросил: «А что вы думаете делать с этой чешской сволочью?» Франк предложил провести массовые облавы, взять заложников и постепенно казнить их и членов их семей, пока сами чехи не выдадут покушавшихся. В Прагу для устрашения предполагалось ввести танки. Гитлер на это заметил, что надо бы казнить десять тысяч чехов^[144]. Франк доложил также, что Гаха в «ужасе» от случившегося и предлагает добавить от имени правительства протектората вознаграждение за поимку террористов.

Однако Франк опять не получил столь желанную должность протектора. Исполняющим обязанности вместо Гейдриха стал группенфюрер СС Курт Далюге, с 1936 года руководивший обычной (неполитической) полицией рейха. Гитлер предложил Франку и Далюге брать пример с англичан, которые мастерски управляют туземцами в Индии.

Примечательно, что в день покушения на Гейдриха Лондон передавал некоммунистическому сопротивлению следующие инструкции: «С политической и пропагандистской точки зрения – а она в нашей ситуации бесконечно важна –...антинемецкая активность бесполезна, если она не может быть оценена и использована в соответствующих местах»^[145].

Габчик и Кубиш скрывались вместе с другими пятью парашютистами в холодном подвале-склепе православной церкви Кирилла и Мефодия в Праге, пережидая массовые облавы и аресты, захлестнувшие протекторат. Подпольщики снабжали их питанием.

Между тем министр народного просвещения протектората Эмануэл Моравец, которого, кстати, в Лондоне одно время хотели ликвидировать вместо Гейдриха как ярого коллаборациониста, заявил после возвращения из Берлина: «Горе чешскому народу, если не найдутся злодеи, убившие господина генерала Гейдриха... Горе, горе, повторяю я трижды. В этом не может быть никаких сомнений... Не десятки и даже не тысячи писем с выражением преданности, благодарности и любви нужны для спасения чешской нации – для этого требуется всего лишь несколько слов, которые помогут найти злодеев»^[146].

Среди населения Чехии предателей не нашлось. Но они нашлись среди тех, кого Моравец направил в Чехию в качестве десантников.

Каждый день по радио читали списки казненных чехов-заложников.

Во время массовых арестов и облав были задержаны более 4500 человек. Во время одной из облав в Праге, в ночь с 27 на 28 мая 1942 года случайно была обнаружена квартира лидера подпольного ЦК КПЧ Яна Зики – единственного члена первого нелегального состава ЦК, который смог избежать ареста в 1941-м.

Чтобы не подвергать опасности семью Прейслер, предоставившую ему кров, Зика попытался спуститься из окна на бельевой веревке, но она оборвалась, и он упал на бетонную дорожку, повредив позвоночник. В беспомощном состоянии Зика был арестован гестапо, но на допросах, несмотря на пытки, не сказал ничего. Он не назвал даже своего имени, и немцы сначала не знали, кто попал к ним в руки. Когда личность задержанного все же была установлена, Гиммлеру сообщили об этом в срочном донесении. Зика скончался в гестапо.

Позднее были арестованы и убиты члены подпольного руководства КПЧ Шумбера, Черны и Покорны. Последний при проверке документов в трамвае попытался выпрыгнуть на полном ходу, но был ранен и арестован.

Таким образом, к июлю 1942 года был ликвидирован второй состав нелегального ЦК КПЧ. Новое руководство стал осторожно формировать Йозеф Молак, который во время «гейдрихиады» одно время скрывался в сточных каналах.

В протекторат перебросили десятки тысяч криминалистов и полицейских из рейха. Франк отдал указание: «Предписываю в служебное и неслужебное время обязательно и немедленно применять огнестрельное оружие при малейшем подозрении на оскорбительное отношение со стороны чеха либо при малейшем сопротивлении при аресте. Лучше десять чехов мертвых, чем один оскорбленный или раненный немец»^[147].

В первые дни июня за «одобрение покушения» был расстрелян 231 человек, за сокрытие оружия – 42 человека, за связь с границей и «укрывательство врагов рейха» – 343, за несообщение места жительства – 77. Было проверено 36 тысяч домов.

Через несколько недель Франк рапортовал Гитлеру: «Строгие меры, индивидуальные политические мероприятия, искусственно создаваемая атмосфера и планомерно возрастающее напряжение нервов чешского населения вели к постепенному усилению страха и распространению слухов о готовящемся уничтожении всей нации...»^[148]

Слухи о планируемом немцами уничтожении всех чехов еще больше усилились после варварской расправы оккупантов над жителями села Лидице.

Повод для этого акта геноцида был следующим. 3 июня 1942 года по почте на фабрику Пала пришло письмо, адресованное некой работнице фабрики Андуле. Хозяин завода Ярослав Пал, который контролировал переписку всех своих служащих, вскрыл письмо, и оно показалось ему подозрительным. «Дорогая Андичка, прости, что пишу тебе так поздно, но ты, вероятно, меня поймешь. Ведь ты знаешь, что у меня много работы и забот. То, что я хотел сделать, я сделал. В тот роковой день я спал где-то в Чабарне. Я здоров. До свидания. Эту неделю, да и потом мы уже не увидимся. Милан».

Пал решил, что письмо может относиться к покушению, и сдал его в чешскую полицию. Адресата – Анну Марушакову – арестовали. Вскоре нашли и автора послания – рабочего из Праги Вацлава Ржигу. Тот уверял, что женат и хотел письмом отделаться от своей подруги, ничего не знавшей о его семейном статусе. Поэтому он сделал вид, что участвует в подпольной деятельности и должен скрыться в лесах.

Однако гестапо нужен был для рапорта в Берлин хотя бы какой-нибудь успех в деле поиска диверсантов, и оно упорно допрашивало несчастных. Во время допроса было упомянуто имя некоего Горак из деревни Лидице, который в 1939 году бежал за границу (Ржига якобы когда-то просил Марушакову передать привет семье Горак от их сына). У кладненского гестапо были данные, что одного из парашютистов видели в Лидице. В деревне провели обыски, но ничего подозрительного не обнаружили.

Тем не менее Франк во время похорон Гейдриха в Берлине 9 июня 1942 года предложил Гитлеру полностью ликвидировать Лидице и получил согласие. Взрослых мужчин было приказано убить, женщин отправить в концлагерь, а детей – в рейх для германизации. Саму деревню велено было сжечь и сровнять с землей.

Вечером 9 июня Лидице окружили отряды СС и немецкой полиции. У людей отбирали все ценные вещи, сельхозинвентарь и скот. Мужчин старше 15 лет собирали в хлеву усадьбы семьи Горак, женщин и детей – в здании школы. Рано утром 10 июня в Лидице прибыл сам Франк, чтобы лично руководить «акцией». Мужчин стали выводить по 8-10 человек и расстреливать. Всего были убиты 173 человека, самому старшему из которых было 84 года, а младшему – 14 лет. Все дома, школа и костел были политы бензином и сожжены. Были срублены все деревья (оставили только одну грушу, которая показалась немцам уже засохшей), на сельском кладбище вырыли все могилы. Деревню срывали все с землей, засыпав даже рыбный пруд. Все снималось на киноплёнку.

В Кладно лидицких детей проверяли три дня, чтобы выявить,

насколько они подходят для германизации. 88 детей отвезли в Лодзь, где для германизации отобрали семерых. Остальных отправили в концлагерь Хелм и там уничтожили в машине-душегубке выхлопными газами, которые отводились в закрытый наглухо кузов. В немецких семьях войну пережили 17 детей.

184 женщины из Лидиц были отправлены в женский концлагерь Равенсбрюк в Германии. За время войны в лагерях и на этапах погибли 53 лидицкие женщины. Некоторые из них сошли с ума. Четырех беременных женщин отправили в ту же больницу, где умер Гейдрих, где им сделали принудительный аборт, после чего тоже отправили в концлагерь.

Всего в Лидицах нацисты уничтожили 340 человек, в том числе 192 мужчины, 60 женщин и 88 детей.

Через две недели после Лидиц, 24 июня 1942 года, немцы сожгли состоявшую из восьми домов деревню Лежаки за то, что там прятали радиопередатчик «Либуше» группы «Сильвер А». 33 взрослых жителя были расстреляны, 11 детей – отправлены в газовые камеры.

16 июня 1942 года в пражское гестапо явился Карел Чурда, парашютист из Англии. У него истек срок регистрации, и он от страха решил сдаться, чтобы уйти от расстрела.

Чурда, родившийся в 1911 году, был военнослужащим чехословацкой армии, а после оккупации – финансовой стражи (таможни). Летом 1939 года он сбежал в Польшу, откуда завербовался во французский Иностранный легион. В июле 1940 года эвакуировался вместе с чехословацкими частями в Англию, где служил в автороте. С сентября 1941 года стал парашютистом в составе группы «Аут Дистанс».

Как только сослуживцы Чурды узнали, что он отобран для выполнения спецзаданий, они направили генералу Ингру письменный протест, в котором говорилось: «(Чурда) имеет склонность к алкоголизму, несерьезен, два раза пытался повернуть аферу с фиктивным браком в английских семьях, восхищается Гитлером и даже заявил, что сделал глупость, когда ушел за границу, так как мог бы якобы спокойно служить в войсках или полиции протектората». Ингр передал письмо солдат Моравцу, а тот наложил на него резолюцию: «Но зато он хороший спортсмен, физически сильный и его можно послать (в Чехию)...»^[149]

Чурда в составе группы «Аут Дистанс» (всего три человека) был сброшен над Чехией 27 марта 1942 года.

Когда дрожащий от страха Чурда 16 июня явился в гестапо, комиссар гестапо Янтур спросил, чего он так боится. «Чурда заявил, что может дать нам сведения, которые помогут обнаружить участников покушения на

Гейдриха. Я тотчас же подал ему руку и пообещал, что ни с ним, ни с его близкими ничего не произойдет...»^[150]

Чурда рассказал, кому принадлежат некоторые выставленные в витрине на Вацлавской площади вещи, и гестапо быстро вышло на семьи, которые обеспечивали едой парашютистов в пражской церкви Кирилла и Мефодия. Позднее Чурда безуспешно пытался покончить жизнь самоубийством. Нацисты выплатили ему полмиллиона немецких марок (из двух миллионов, обещанных за поимку убийц Гейдриха). Остальные деньги получили другой предатель, парашютист Вильям Герик^[151] и еще 53 доносчика из протектората, сообщившие разные мелкие подробности, относящиеся к делу.

Чурде выдали документы на имя Карла Йергота, и он женился на немке. Активно работая на гестапо, он помог выявить еще несколько парашютистов. Со временем Чурда запил, и гестапо все реже прибегало к его услугам. 15 мая 1945 года добровольно сдался чехословацким властям, был приговорен к смерти и 29 апреля 1947-го казнен.

Дело Гейдриха вел сотрудник гестапо Панныц, который затем расследовал дело советской разведывательной сети в Западной Европе («Красная капелла»).

18 июня 1942 года в 4:10 утра православный храм Кирилла и Мефодия, где скрывались Габчик, Кубиш и пятеро других парашютистов, окружили более 800 эсэсовцев и гестаповцев, в том числе 17 офицеров. Франк приказал взять парашютистов живыми. Но предложение сдаться было отвергнуто, и парашютисты оказали ожесточенное сопротивление. Немцы кидали в подвал гранаты, пускали туда слезоточивый газ и даже вызвали пожарных, чтобы те через пожарные рукава затопили подвал. Все семеро парашютистов яростно отстреливались, приберегая по последнему патрону для себя. При этом командующий силами СС бригадефюрер фон Тройенфельд в докладе Далюге утверждал, что эсэсовцы все же взяли двух парашютистов живыми, хотя и тяжело ранеными. Однако гестапо «поправило» в своем отчете коллег из СС, отметив, что все десантники погибли от собственных выстрелов в голову.

Всех служителей церкви Кирилла и Мефодия осудили и казнили. Затем нацисты вообще распустили православную церковь в протекторате.

Нацисты продолжали мстить безоружному населению Чехии. Вскоре появилось официальное сообщение о ликвидации деревни Лежаки: «24 июня поселок Лежаки у Лоуков (вблизи Хрудима) был сравнен с землей. Взрослое население, согласно законам военного времени, расстреляно.

Жители Лежаков укрывали чешских агентов-парашютистов, сыгравших основную роль в подготовке покушения на обергруппенфюрера СС Гейдриха. Они пытались спасти их от преследования полиции. Член протекторатного жандармского корпуса, в ведении которого находился поселок, опасаясь ареста, покончил жизнь самоубийством»^[152].

Всего, исключая жителей Лидице и Лежаков, после покушения на Гейдриха было арестовано 3188 чехов. 1357 приговорили к смертной казни^[153]. При этом почти 500 человек расстреляли только за одобрение покушения. Около 4 тысяч чехов, у которых были родственники за границей, направили в специальные лагеря в Моравию.

В июле 1942 года немцы расширили список преступлений, за которые полагалась смертная казнь: подделка удостоверений личности или передача своего удостоверения третьим лицам.

Покушение на Гейдриха не имело никакого военного значения. Наоборот, оно, по сути, пошло на пользу немецкой военной машине: ответные репрессии нацистов настолько ослабили все движение Сопротивления, особенно коммунистического, что количество актов саботажа резко сократилось. Конечно, это не умаляет безусловного героизма парашютистов, ставших гордостью Чехословакии.

Пока чешское движение Сопротивления вместе с Красной армией истекало кровью в борьбе против нацизма, чехословацкие воинские соединения на Западе продолжали вести относительно спокойную жизнь.

В определенной мере покушение на Гейдриха было призвано замаскировать нарочитую пассивность правительства Бенеша в деле организации чехословацкой воинской части в СССР, то есть в том месте, где она могла бы реально принять участие в боях. При этом Бенеш, исповедуя тактику проволочек, исходил из двух соображений.

Во-первых, он хотел, чтобы основой чехословацкой воинской части была бригада в Англии, которой, по его замыслу, предстояло сделаться кадром послевоенной армии обновленной ЧСР. Так как бригада почти не пополнялась, Бенеш не спешил направлять ее на фронт из опасения, что она понесет там невосполнимые потери.

Во-вторых, Бенеш понимал, что чехословацкая часть на советско-германском фронте может не только стать гораздо более многочисленной, чем бригада в Британии, но и добиться славы в боях. И в этом случае именно она станет основой послевоенной армии. Так как эта часть сражалась бы бок о бок с Красной армией, она, по мнению Бенеша, неизбежно должна была подпасть под влияние как Сталина, так и КПЧ.

Поэтому глава чехословацкой военной миссии в Москве Пика по указанию Бенеша всячески затягивал формирование чехословацкой части в СССР как раз в то время, когда положение Красной армии было особенно тяжелым. Тормозил Пика и создание разведывательных групп из военнослужащих бывшего легиона Людвика Свободы, которые ГРУ РККА хотело забросить в Чехию и Словакию (но не для терактов, а для сбора разведывательной информации).

30 ноября 1941 года, когда немцы вышли к окраинам Москвы, Пика сообщал министру обороны в правительстве Бенеша Ингру: «Я уже докладывал несколько раз, что действия дяди («дядей» Пика именовал советскую сторону – *Прим. автора.*) у нас очень активны, и мы должны противодействовать этой деятельности, взять все эти дела в свои руки. Речь идет как о разведывательной сети, так и о саботажных и парашютистских акциях. Только по этой причине я послал несколько людей (в разведшколы РККА – *Прим. автора.*) и намерен послать еще шестерых, так как у меня есть точные сведения о подготовке коммунистических парашютистов и словаков в разведцентре дяди. Согласно этим сведениям, такая деятельность могла бы повредить нашим акциям дома, и в целом для нас это было бы неприятно... Поэтому у нас должны быть там (в разведшколах РККА – *Прим. автора.*) свои люди, которые будут на чеку, возьмут руководство в свои руки и будут парализовывать коммунистические и сепаратистские (словацкие – *Прим. автора.*) тенденции... Рост количества коммунистических эмиссаров (в Чехии) может принести много вреда на стадии окончательного освобождения дома»^[154].

Разведуправление РККА осенью 1941 года с помощью отобранных Людвиком Свободой людей действительно забросило несколько парашютных групп на территорию ЧСР. Именно из-за этого сам Бенеш и Моравец тоже решили засылать на родину группы разведчиков и диверсантов, чтобы избежать возможных упреков в пассивности. С одной из групп, присланных из Москвы, была связана жена Свободы Ирена. Она делала вид, что возмущена «бегством» за границу мужа, который «предательски» бросил ее с двумя детьми.

Свобода вспоминал: «Ирена играла роль несчастной покинутой женщины. Ее начали расспрашивать обо мне. Жена повторила все ту же легенду и добавила:

- Бросил жену с двумя детьми – не хочу и слышать о нем!
- А знаете ли вы, что какой-то подполковник Свобода выступал по московскому радио?

Жена выразила крайнее удивление:

– Что ему там делать? Он же отправился в Угерски-Брод...

– Заладили одно и то же, – перебил ее долговязый гестаповец, – а он за границей.

– Этого я не знаю, – начала сетовать жена, чтобы вернуть гестаповцев к мысли, высказанной перед этим. – Никогда он не говорил мне о своих делах. Не знаю, поймете ли вы, но я и дети никогда не были близки его сердцу...

И, надо сказать, гестаповцы клюнули на такую простую, но оставляющую впечатление уловку. Внимание их к моей семье временно ослабло»^[155].

Когда из-за предательства группу парашютистов осенью 1941 года арестовало гестапо, гестаповцы пытались «подставить» пойманного и избитого десантника жене Свободы и взять ее с поличным.

Свобода позднее описывал этот так: «Однажды к нам снова позвонили. Открыв дверь, жена увидела парашютиста Браунера, с разбитым лицом и кровоподтеками под глазами. Рядом стоял какой-то парень. Жена сразу догадалась, в чем дело.

– Что вы хотите? – удивленно спросила она. – Что случилось? Не требуется ли врач? – добавила она участливо. Спутник Браунера сказал:

– Я парашютист из Советского Союза. А Браунера вы, конечно, знаете. С нами произошел несчастный случай...

Браунер незаметно для спутника моргнул ей. Сказать что-либо он боялся. Но этого было достаточно.

– Странно, я вас не знаю... Уходите отсюда, иначе позову на помощь!

Так гестаповцам не удался и этот коварный прием».

Жене Свободы пришлось бежать из дома и прятаться у родных в другой местности. Сын Свободы Мирек был схвачен, его допрашивали, требуя, чтобы он сказал, где жена Свободы и его дочь. На допросах Миреку выбили зубы, но он ничего не сказал. Свобода писал позднее: «Вместе с теми, кого фашисты не убили на месте, Мирек был направлен в концентрационный лагерь Маутхаузен с пометкой «возврат нежелателен». 7 марта 1942 года эсэсовский врач вызвал Мирека и сказал, что у него туберкулез и его надо лечить. Эсэсовец сделал ему укол, и мой сын тут же скончался... В марте 1942 года у меня в руках оказалась вырезка из газеты, издаваемой в протекторате. В ней приводился список казненных, среди которых значилась Ирена Свободова. Наш посланник в СССР Зденек Фирлингер проверил это сообщение – речь шла не о моей жене»^[156]. Ирена смогла пережить оккупацию, скрываясь у хороших знакомых, хотя ее едва

не арестовали во время облавы в связи с покушением на Гейдриха.

Между тем созданная при эмигрантском министерстве обороны секретная «исследовательская группа» уже в 1941 году стала готовить план взятия власти в Чехии после разгрома Германии с тем, чтобы не допустить формирования на родине иных органов народной власти, особенно находящихся под влиянием коммунистов. В январе 1942 года на утверждение Бенеша был представлен документ «Подготовка революции дома и организация военных сил»^[157].

Согласно планам группы, конечная фаза войны должна была быть разделена на два этапа.

Первый этап: период военного разложения разгромленной Германии, но еще до ее капитуляции. В это время полиция и армия протектората вместе с организациями некоммунистического Сопротивления по сигналу из Лондона должны были по возможности разоружить немцев и запастись оружием. Группа прямо называла такие действия «государственным переворотом». Предполагалось, что первыми на землю Чехии вступят войска западных союзников, которые окажут в этом необходимую помощь.

На втором этапе от имени лондонского правительства в чешских землях должна была быть объявлена всеобщая мобилизация в армию, чтобы предотвратить формирование альтернативных вооруженных групп Сопротивления, которые находились бы под влиянием коммунистов. Чехословацкая бригада в Англии должна была представить офицерские кадры для вновь создаваемой армии ЧСР.

22 января 1942 года подготовленный исследовательской группой документ обсуждался у Бенеша с участием всех основных военных деятелей эмиграции, в том числе Ингра и Моравца. Бенеш так формулировал свое видение конца войны: «После перемирия мы будем в состоянии войны еще примерно год. Думаю, лучше всего будет, если в это время мы объявим военное положение... Надо будет в быстром темпе создать армию. Всего у нас должно быть 12-15 дивизий... Армию надо будет быстро вооружить... Таким образом, можно резюмировать, что в первое время у нас будет политическое правительство, сильная армия и военное положение. Прежде всего, будет организована армия. Она даст народу веру и будет оказывать влияние на Словакию... на тот случай если бы русские дошли до Словакии, а может, и дальше, нам нужна своя армия. Это вопрос политический»^[158].

Таким образом, новая армия, созданная на базе чехословацкой бригады в Англии, фактически должна была не пустить Красную армию в Чехию. В

начале июня 1941 года, выступая перед офицерами-артиллеристами чехословацкой бригады в Англии, Бенеш сказал: «Мы и поляки заинтересованы, чтобы не допустить вступления русской армии на нашу территорию»^[159].

В ЧСР же должен был возникнуть режим военной диктатуры. Министру внутренних дел Славику было поручено подготовить на первый период после разгрома Германии специальный декрет, ограничивающий на основе военного положения основные гражданские права и свободы^[160]. В числе прочих предполагалось арестовать лиц, «которые своей предыдущей антигосударственной деятельностью возбуждают серьезные опасения, что станут препятствием на пути обновления и поддержания упорядоченной государственной, экономической и частной жизни»^[161].

В мае 1942 года уже появился детальный план размещения на освобожденной территории офицеров и оружия из чехословацкой бригады в Англии. Эти офицеры должны были взять в свои руки всю полноту власти на местах.

На основе решений совещания в мае 1942 года для самых надежных в политическом отношении офицеров бригады были организованы специальные курсы, где их учили функциям военно-гражданских начальников районов освобожденной территории.

Слушателей курсов отбирали тщательно, но они все равно казались ненадежными. Начальник исследовательской группы полковник Врзачек докладывал, что из 230 отобранных офицеров 10 % оказались «морально попросту ненадежными». 40 % задавали на курсах «неподходящие вопросы... не имевшие к курсам никакого отношения». И только половина относились к занятиям «серьезно»^[162].

Об этих тайных курсах все-таки узнали демократически настроенные члены госсвета. Разразился громкий скандал. Например, социал-демократы, которых представлял председатель военного комитета госсвета Лаушман, были возмущены тем, что армию готовят для внутривойсковых задач. Ингру пришлось давать «разъяснения».

В августе 1941 года представители лондонского руководства КПЧ договорились с Лаушманом о возвращении в бригаду отчисленных из нее в 1940-м за неповиновение бывших бойцов интербригад. Уже 1 января 1942 года в бригаду вернулась первая группа, которую радушно встретили солдаты и многие офицеры.

Компартия дала указание своим членам и сочувствующим в бригаде стать образцовыми воинами. Тем не менее коммунисты в госсвете

(например, Носек) постоянно поднимали вопрос о необходимости демократизации внутренней жизни бригады и удаления из нее офицеров, от «которых пахнет фашизмом и фюрерством»^[163].

Все эти планы государственного переворота в освобожденной Чехословакии обсуждались на фоне бездействия чехословацких частей на Западе.

Сбивали немецкие самолеты лишь летчики 310-го и 312-го истребительных чехословацких авиакрыльев в Англии. В мае 1941 года было образовано еще одно, 313-е истребительное чехословацкое авиакрыло, весь обслуживающий персонал которого состоял из англичан (у чехов и словаков его просто не имелось в наличии). Чехословацкие летчики участвовали также и в ночных боях в составе соответствующих английских эскадрилий королевских ВВС.

Бомбардировщики из 311-го бомбардировочного чехословацкого авиакрыла вместе с британскими коллегами перешли с середины 1941 года к массированным налетам на Германию. Эта задача облегчалась тем, что большая часть немецкой истребительной авиации была скована на советско-германском фронте.

Чехословаки бомбили в основном немецкие порты (Эмден, Гамбург, Вильгельмсхафен). Откуда уходили в море немецкие подводные лодки, стремившиеся сорвать судоходство между Британией и США. 12 октября 1941 года 311-е авиакрыло участвовало в налете на колыбель нацистского движения Нюрнберг. С марта 1942 года усиленным бомбовым ударам стала подвергаться «кузница рейха» – Рурская промышленная область, особенно центр крупного производства город Эссен. С 10 сентября 1940-го по 25 апреля 1942 года чехословацкие пилоты бомбардировщиков совершили 1011 боевых вылетов и сбросили 1218375 кг разрывных бомб и 92 925 штук зажигательных бомб^[164].

В мае 1942 года две чехословацкие истребительные авиачасти (310-я и 312-я) в Англии были объединены в Чехословацкую истребительную авиационную группу (Czechoslovak Fighter Wing). В нее вошло и британское 154-е истребительное авиакрыло, которое в июне 1942 года было заменено чехословацким 313-м. Главной задачей чехословацкого авиасоединения было сопровождение британских и американских бомбардировщиков в налетах на порты и города Франции, Голландии и Бельгии.

19 августа 1942 года чехословацкие летчики участвовали в прикрытии с воздуха высадки англо-канадских войск во французском порту Дьепп.

Высадка, успешно отраженная немцами, должна была продемонстрировать Москве, что к открытию второго фронта в Европе еще далеко не все готово. На самом деле высадка одной дивизии носила чисто демонстрационный характер и по плану операции все войска должны были вне зависимости от немецкого сопротивления в тот же день вернуться обратно в Англию. Союзники потеряли около 4 тысяч солдат убитыми и ранеными, 28 танков и 108 самолетов. Немцы лишились 72 самолетов и примерно 300 человек.

Всего в 1942 году чехословацкие летчики сбили 50 немецких самолетов, в 17 случаях победы вероятны, но не подтверждены точно. 58 самолетов Люфтваффе было повреждено [\[165\]](#).

Между тем осенью 1941 года чехословацкий батальон «Восток» все еще убивал время на сирийско-турецкой границе.

20 сентября 1941-го группа из 24 военнослужащих под командованием ротмистра Крумлака без спроса села на грузовик и отправилась через сирийскую и иракскую пустыни в Иран, куда только что вступили советские войска. Через пять дней, рискуя жизнью (в случае поломки грузовика чехов ждала бы мучительная смерть от жажды в безжизненной пустыне), герои добрались до иранского города Тебриза и попросили советские власти переправить их в СССР в группу подполковника Свободы. Они желали сражаться с немцами. Однако командование батальона «Восток» объявило 24 бойцов дезертирами (!), и советские органы, не желая ссориться с эмигрантским правительством Бенеша, отказали в просьбе.

В декабре «дезертиров» вернули обратно в Хайфу, где их осудили на 8-12 месяцев лишения свободы, лишили воинских званий и наград. Правда, в начале 1942 года Бенеш их амнистировал. В обосновании решения справедливо говорилось: «Побудительные мотивы побега были не низкими и бесчестными. Наоборот, они покинули свою часть с лучшими побуждениями, чтобы присоединиться в СССР к воинской части, думая, что она примет участие в боях против немцев скорее, чем их батальон на Ближнем Востоке. В СССР они в свое время жили в лагере для интернированных, и их проживание там закончилось сердечным и истинно славянским прощанием и отправкой в чехословацкую армию на Ближнем Востоке. Голос крови и тесные связи с доблестными русскими и были причиной возникновения необдуманного, но благородного решения вернуться в СССР» [\[166\]](#).

Но эмигрантское правительство в Лондоне такими «доблестными» мотивами не руководствовалось. В августе 1941 года оно приказало

генералу Гаку, начальнику чехословацкой военной миссии на Ближнем Востоке, которой подчинялся батальон «Восток», начать с британским командованием переговоры о переводе всего батальона в Англию. Батальон должен был численно усилить чехословацкую бригаду на Британских островах, приток добровольцев в которую явно оставлял желать лучшего. Но англичане просили оставить батальон на Ближнем Востоке, где ожидалось новое наступление Африканского корпуса Роммеля на Суэцкий канал.

В октябре 1941 года был получен приказ погрузить батальон на корабли и перебросить его в ливийский порт Тобрук, который осаждали немцы и итальянцы. Имея за спиной стратегически важный (как пункт снабжения) и хорошо укрепленный англичанами Тобрук, Роммель не мог начать наступление на Египет. Сам Гитлер в июне 1941-го выразил мнение, что только взятие Тобрука может сделать возможным бросок в сторону Суэцкого канала.

Оборонительный периметр Тобрука длиной 55 километров осенью 1941 года защищало 14 батальонов английских, индийских, австралийских и польских войск (плюс 90 танков). Прибывший 21 октября в город морем чехословацкий батальон (634 бойца, 551 винтовка, 84 тяжелых и легких пулеметов, 34 автомата «томпсон», 30 противотанковых ружей, 27 минометов и гранатометов) получил собственный участок обороны (5 км) в составе польской бригады Карпатских стрелков.

Итальянцы, стоявшие напротив чехословаков, практически каждый день обстреливали расположение батальона: до 2400 мин и снарядов в день прилетало на позиции батальона^[167]. Чехи ходили в ночную разведку. Однако офицеры батальона никакой охоты к масштабным наступательным действиям не проявляли, впрочем, как и их британские коллеги.

Между тем 8-я британская армия из Египта начала 18 ноября 1941 года наступление против германо-итальянских войск (фронт был примерно в 100 км от Тобрука). Соотношение сил было не в пользу немцев, и они попятись назад. Гарнизону Тобрука было приказано ударить в тыл противника навстречу 8-й армии. Чехословацкому батальону в составе польской бригады приказали нанести отвлекающий удар, чтобы связать силы противника. Собственно удар наносили 21 ноября поляки, а чехи поддерживали их пулеметами и минометами.

10 декабря 1941 года после 244 дней осады Тобрук был деблокирован. Чехословацкий батальон передали сначала 16-й британской, а потом 38-й индийской бригаде, и он охранял штаб корпуса. Основные потери батальон нес от тяжелого климата, тем более что многие бойцы были отнюдь не

молоды. Самому старшему исполнилось уже 63 года. Средний возраст контингента был 32 года.

Но войну в Северной Африке не зря называли «качелями». 21 января 1942 года Роммель перешел в контрнаступление. Британские войска поспешно отступали, и чехословаков 30 января вернули в Тобрук, который готовился к новой осаде. В этот критический для англичан момент Бенеш опять предложил расформировать батальон и перевести его личный состав на Британские острова. Лондонское эмигрантское правительство боялось, что батальон понесет в предстоящих боях большие потери.

Но англичане снова отказались, хотя и согласились вывести батальон с фронта и превратить его в зенитную тыловую часть. В апреле 1942 года расформированный батальон покинул Тобрук, так и не вступив в бой. 21 мая на базе батальона возник 200-й Чехословацкий легкий зенитный полк. Его перебросили в глубокий тыл, в Палестину. В Иерусалиме коммунистическая ячейка полка летом 1942-го приняла участие в массовой демонстрации населения под лозунгами «Бейте фашистов везде, где встретите!». Манифестантов-чехословаков командование наказало гауптвахтой на срок от 7 до 21 дня.

Между тем Роммель, получивший от противника почтительное прозвище «Лис пустыни», 21 июня 1942 года взял-таки Тобрук и готовился к завершающему броску на Каир. Однако сил у немцев было мало, и командующий 8-й британской армией Монтгомери 23 октября 1942-го перешел в контрнаступление у египетского местечка Эль-Аламейн. В начале ноября американцы и войска де Голля высадились в Марокко и Алжире, и Роммелю пришлось срочно отступать в Тунис, чтобы не оказаться отрезанным от снабжения.

13 ноября 1942 года англичане снова взяли Тобрук. Туда же в начале 1943 года прибыли и свежее испеченные чехословацкие зенитчики. Но сразиться с немецкими самолетами, которым в то время уже катастрофически не хватало горючего, чехословакам пришлось только один раз – 20 февраля 1943-го. Один из восьми немецких штурмовиков Ю-88 был при этом сбит. Один боец Чехословацкого зенитного полка погиб под бомбами, трое были ранены.

Немецкие войска в Северной Африке капитулировали в мае 1943 года. А в июле 1326 бойцов Чехословацкого зенитного полка погрузились на корабли и отплыли в Англию, прибыв 11 августа в ливерпульский порт. За время боев в Северной Африке и в Сирии чехословацкие части на Ближнем Востоке потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести около сотни человек.

Тем временем в начале 1942 года словацкие части вместе с немцами продолжали активно сражаться против Красной армии на северном побережье Азовского моря. За семь месяцев оборонительных боев против наседавшей РККА, с декабря 1941-го по июнь 1942 года, словаки потеряли убитыми 119 человек, ранеными – 576, пропавшими без вести – 89^[168].

В июне словацкая Быстрая дивизия была отведена на отдых. Однако после начала летнего немецкого наступления на южном участке советско-германского фронта 19 июня 1942 года словаки снова приняли самое активное участие в боях. На сей раз дивизия была действительно быстрой: в ней насчитывалось столько грузовиков, что словаки часто обгоняли наступавшие немецкие бронетанковые части. 22 июля словаки вошли в Ростов-на-Дону, а позднее первыми закрепились на южном берегу Дона. К концу сентября 1942 года в составе 14-го немецкого корпуса Быстрая дивизия продвинулась на 800 километров. В ноябре в дивизию вернулись из Словакии 12 танков. Немецкое командование очень высоко оценивало боевые качества своих словацких союзников.

В сентябре 1942 года командиром дивизии был назначен полковник Юрех, повышенный в декабре до генерала. Юрех был противником словацкого клерикально-фашистского правительства и планировал перейти вместе со всей дивизией на сторону Красной армии. Дивизия занимала позиции южнее Краснодара, и офицеры штаба Юреха провели переговоры с советской стороной об условиях перехода, который планировался на 28 января 1943 года^[169]. Однако фронт в то время в ходе мощного советского контрнаступления начал быстро отодвигаться на запад, и из планов Юреха ничего не вышло.

27 января 1943-го словаки стали быстро отступать в направлении Тамань – Керчь. При переправе в Крым пришлось бросить много тяжелой техники – в строю остался только один танк. Немцы вооружили союзников тысячью советских винтовок, десятью 82-миллиметровыми минометами и 14 знаменитыми «сорокопятками». С марта 1943 года словаки охраняли Перекопский перешеек от возможного неожиданного удара советских войск на Крым.

Во время наступления и последующего отхода Быстрая дивизия потеряла убитыми 1235 человек, ранеными – 3198, пропавшими без вести, дезертирами и пленными – 3154^[170]. 1 августа 1943 года лишившаяся большей части подвижного состава Быстрая дивизия уже официально была переименована в пехотную. В ней насчитывался 11631 человек.

Помимо Быстрой дивизии словацкая армия имела в тылу вермахта на

советской территории Дивизию обеспечения (около 8 тысяч человек), которая несла охранную службу и боролась с партизанами. Соединение состояло из двух пехотных полков (101-го и 102-го) и дислоцировалось на северной Украине в районе Житомир – Фастов – Овруч.

Советские партизаны в этом районе были многочисленны и с 1942 года хорошо вооружены благодаря налаженной воздушной связи с «большой землей»^[171].

Командир Минского партизанского соединения Борисовско-Бегомльской зоны, Герой Советского Союза Роман Наумович Мачульский так описывал появление словацкой дивизии: «В один из весенних дней 1942 года почти одновременно поступили донесения от наших связных со станций Старушки, Копцевичи, Птичь о том, что из эшелонов выгружаются войска, которые одеты не так, как гитлеровцы, и говорят не по-немецки. «Кто бы это мог быть? – думали мы. – Может, фашисты снова затевают какую-нибудь гнусную провокацию». Нам были известны случаи, когда гитлеровцы одевались в красноармейскую форму и пытались врасплох напасть на партизанские отряды.

На железную дорогу выслали разведчиков. Они выяснили, что немецкое командование принимает меры к укреплению своих гарнизонов, охраняющих железнодорожные магистрали Брест – Гомель и Мозырь – Овруч – Коростень. Для этой цели была поднята словацкая дивизия. В гарнизонах, расположенных на участке Житковичи – Мозырь, разместились подразделения 101-го полка этой дивизии.

«Как же так, – думалось нам, – гитлеровцы оккупировали Чехословакию, растерзали ее землю на куски, лишили свободолюбивый народ самостоятельности, покрыли страну тюрьмами и концлагерями, а словацкие солдаты и офицеры приехали в Белоруссию воевать вместе с немецко-фашистскими захватчиками против своих кровных братьев-славян! Неужели они забыли о том, что в суровом 1938 году Советский Союз был единственной страной, которая была готова протянуть Чехословакии руку помощи и выступить против фашистской Германии, направившей свои полчища против чехословацкого народа, если бы бывшие правители Польши и Франции не изменили общему делу, не отказались от своих договорных обязательств и разрешили бы нашим войскам пройти через польскую территорию? Неужели они не помнят о великом вкладе русского народа в разгром Австро-Венгерской империи, в результате которого Чехословакия обрела долгожданную независимость?»

Прошло несколько дней после прибытия словаков, и мы стали получать от связных донесения одно удивительнее другого. Словаки не

трогают мирных жителей, охотно идут на встречи с ними, расспрашивают их о прежней жизни, угощают табаком и папиросами.

А вскоре в штаб соединения и обком партии прибыли командир отряда Михайловский, комиссар Жигарь и начальник штаба Корнейчик. Они доложили о том, что словаки ищут возможности связаться с партизанами.

«Среди личного состава словацкой дивизии, без сомнения, есть немало солдат и офицеров, которые не хотят служить фашистской Германии», – сделали мы вывод, выслушав доклад командира отряда.

Доложили Центральному Комитету КП(б)Б о прибытии в район действия нашего соединения словаков, об их отношении к местному населению и попытках установления связи с партизанами. Через несколько дней поступила радиogramма П. К. Пономаренко^[172]. Он советовал выделить надежных людей и через них установить связь со словаками, стараясь привлечь их на нашу сторону...

В сентябре 1942 года из разных гарнизонов в отряд Михайловского пришло 33 словацких солдата, а в ноябре перешло еще 48 словаков, в том числе целое подразделение, охранявшее станцию Старушки, во главе с командиром Яном Микулой.

Словацких солдат объединили в одну роту, командование которой было доверено Яну Микуле. Ян хорошо понимал, что помогать Советскому Союзу в борьбе с фашизмом – интернациональный долг трудящихся всего мира, что без свободной Страны Советов не может быть и свободной Чехословакии. Сознание этого придавало ему силы, делало его смелым и бесстрашным в бою. Микула часто бывал в штабе соединения, беседовал с секретарями областного комитета партии. Он всегда приходил с какой-нибудь идеей, планом новой операции, постоянно думал о том, как нанести наибольший ущерб фашистам. Яна любили в отряде, вместе с ним охотно шли в бой не только словаки, но и наши партизаны. Все видели в нем толкового, хладнокровного командира, умеющего в любой обстановке принять правильное решение.

Однажды произошла жестокая схватка партизан с карателями.

Фашистов было значительно больше, чем наших бойцов. Враг хотел окружить группы партизан, взять некоторых живыми, чтобы пытками заставить их рассказать о численности и расположении партизанских сил, о местонахождении штаба соединения и обкома партии, следы которых они потеряли и во что бы то ни стало стремились обнаружить. Пренебрегая своими потерями, каратели все плотнее окружали наших бойцов. И в тот момент, когда враг считал, что силы партизан уже иссякли, раздался громкий, призывный возглас: «За мной, товарищи!»

Бойцы увидели Яна. Он первым бросился в атаку и увлек за собой партизан. Вражеское кольцо было прорвано. Но в это время Микулу ранило, и гитлеровцы захватили его в плен. Штаб соединения принимал все меры для того, чтобы выручить из беды боевого товарища. Связным мы дали задание выяснить, где находится Ян. Но, к сожалению, нам так и не удалось узнать, куда увезли его фашисты.

Наши связи со словацкими гарнизонами день ото дня крепли...»^[173]

Словацкой дивизии обеспечения, несмотря на неоднократные просьбы, первоначально не выделили танков и танкеток, что снижало ее боеспособность. Партизан приходилось преследовать по плохим дорогам, и словацкие грузовики (всего их было 206 штук) часто выходили из строя. Немцы передали дивизии довоенный чехословацкий бронепоезд, на котором разместили три трофейных французских танка «Сомуа». 27 июня 1942 года дивизия получила шесть броневедомостей ОА 30, которые вошли в усиленную разведгруппу дивизии в Коростени. У дивизии было даже 12 довоенных чехословацких самолетов «Авиа В-534» и шесть разведсамолетов «Летов S-328».

Командующий дивизией полковник Пильфусек был ярким нацистом и позднее даже вступил в СС.

1 августа 1942 года группа партизан атаковала три грузовика со словаками неподалеку от деревни Малодуша, убив восемь человек. В ответ на это 102-й полк выслал в Малодушу карательную часть «Перун». Предварительно авиачасть дивизии обстреляла деревню с воздуха. Были убиты несколько мирных жителей и сожжены несколько домов. Каратели согнали жителей деревни в один из домов, убили их, а дом сожгли^[174].

Некоторые офицеры разведгруппы пожаловались командиру дивизии на произвол и зверство своих сослуживцев. В ответ на это им объявили выговор за то, что они мешали борьбе против партизан. В сентябре 1942 года командира подвижной разведгруппы подполковника Кмикевича сняли с должности за то, что его солдаты братались с партизанами или старались избегать боевых столкновений с ними.

30 августа 1942 года в дивизию прибыли из Словакии чехословацкие танки LT-40, затем танкетки. В ноябре 1942 года партизанский отряд бывшего лейтенанта РККА Алексея Кочеткова по приказу командования совершил рейд из брянских лесов на Украину и вышел в район городка Лоев. Там партизаны разгромили отряд немецкой полевой полиции и закрепились. Словацкая дивизия выслала 7 ноября 1942 года на подмогу немцам четыре броневедомости и моторизованную пехоту. Партизаны

притворным отступлением заманили словаков в Лоев и там открыли по колонне умелый огонь из минометов. Подбив последние машины, кочетковцы заблокировали им пути отхода и отрезали пехоту от бронемашин. Словаки были наголову разгромлены, потеряли три бронемшины, домой вернулись только три грузовика.

Придя в себя, словаки 10 ноября опять подошли к Лоеву, но партизан там уже не было. Кочетковцы (800 бойцов, много пулеметов, 45– и 75-миллиметровые орудия) перешли в контрнаступление и 14 ноября нанесли неожиданный удар по райцентру Хойники, где располагалась усиленная разведгруппа словацкой дивизии. Бой шел 10 часов, словаки потеряли только троих убитыми, однако партизаны практически полностью разгромили подошедшие на выручку немецкую и казацкую часть. Всего партизаны уничтожили до 200 солдат и офицеров противника. В бою погиб командир отряда Кочетков, которому «за образцовое выполнение боевых заданий командования в борьбе против немецко-фашистских захватчиков в тылу противника и проявленные при этом отвагу и героизм» 4 января 1944 года посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. В честь Кочеткова названа одна из улиц полесского города Хойники.

Примечательно, что Кочетков погиб из-за словаков. Те кричали, что хотят сдаваться, но им мешают немцы. Кочетков бросился на помощь братьям-славянам и был убит. Сабуров, командир партизанского соединения, в которое входил отряд Кочеткова, так вспоминал об этом: «А Кочеткова мы потеряли из-за этих словаков... Понимаешь, на станции стоял словацкий взвод. Они без боя отдали станцию и отошли к центру. Мы следом. Думали ворваться в комендатуру... Словаки нырнули во двор комендатуры. Ты только послушай, что те фашистские гады сделали. Пропустили во двор словаков и открыли по ним огонь. Словаки лежат, а их в упор расстреливают. Слышим крики: «Братья, помогите...» А мы никак ворваться не можем. Тут Кочетков и не выдержал...

– Вот она, трагедия «нейтральных»! С немцами идти не хотят, с нами не решаются. В этой войне нет нейтральных, – невольно вырывается у меня»^[175].

Таким образом, и в 1942 году, как и годом раньше, больше представителей бывшей Чехословакии воевало на стороне Германии, чем на стороне союзников.

Но как бы ни сопротивлялось эмигрантское правительство Бенеша планам организации чехословацкой воинской части в СССР, было понятно, что без этого все равно не обойтись. Однако с самого начала Бенеш предполагал по образцу батальона «Восток» создать в СССР чисто

символическую часть не больше батальона, которая не должна была воевать на фронте. Ведь если в Советском Союзе появилась бы бригада или дивизия, то значение чехословацкой бригады в Англии как костяка лояльной Бенешу будущей чехословацкой армии было бы утрачено.

10 августа 1941 года Пика писал Бенешу: «Что касается организации воинских частей, то я особенно не настаивал на ускоренном проведении практических мероприятий, хотя это и признавалось необходимым во время официальных политических переговоров. Во-первых, здесь очень мало возможностей, и я не верю, чтобы они могли сформировать целую дивизию, и, во-вторых, необходимо выиграть время и побережь наших людей для действия на своей территории»^[176].

Но 27 сентября 1941 года все же был подписан советско-чехословацкий военный договор, на основании которого и началась практическая работа по формированию чехословацкой воинской части на территории СССР. Офицерские кадры будущей части должны были быть набраны из оставшихся в Суздале военнослужащих бывшего легиона Свободы, которых в октябре 1941 года перевели подальше в тыл в знакомый чехословакам Оранский лагерь Горьковской области.

Военная миссия полковника Пики исходила из того, что никакой спешки с формированием части быть не должно, поскольку ее, как и чехословацкую бригаду из Англии, планировалось использовать только после разгрома Германии на территории самой Чехословакии в соответствии с планами «исследовательской группы».

Лишь 12 декабря 1941 года подполковник Свобода принял от горсовета Бузулука здания из расчета на размещение одного пехотного батальона (1100 человек) и запасной роты (300 человек). На случай разрастания части были обустроены капитальные землянки примерно на 3000 человек^[177]. Ранее все эти здания использовались польскими частями генерала Андерса, которые начали перебрасывать в Иран по требованию польского эмигрантского правительства в самое тяжелое для Красной армии время. При этом премьер польского эмигрантского правительства Сикорский на приеме в Бузулуке говорил: «Мы верим Сталину, верим Советскому Союзу и совместно с Красной армией будем сражаться против гитлеровской Германии вплоть до ее полного разгрома».

От поляков были приняты форма и оснащение (например, каски) британского образца. Чехословацкое эмигрантское правительство в Лондоне даже этим хотело подчеркнуть свое главенствующее положение при создании воинской части в СССР.

10 января 1942 года на заседании смешанной чехословацко-советской военной комиссии было заявлено, что СССР готов сформировать и вооружить мотомеханизированную чехословацкую бригаду. Пока же было решено создать один батальон. НКВД отдал распоряжение об освобождении из всех советских лагерей граждан ЧСР. По данным Пики, на территории Советского Союза было примерно 3000 чехословацких граждан, так что проблем с формированием батальона не ожидалось. С 7 февраля 1942 года в Бузулуке стала работать комиссия по приему добровольцев в чехословацкий батальон.

Добровольцев оказалось так много (за пять дней их количество выросло с 214 до 298 человек), что не хватало мест для их размещения, автотранспорта, мыла, лекарств. Непривычные к суровым морозам чехословаки мерзли без валенок и тулупов, которых сначала тоже не хватало.

Недоставало и оружия, и поэтому, когда 9 марта 1942 года началась боевая учеба отдельных военнослужащих батальона, им на первых порах приходилось заниматься с деревянными макетами винтовок. В зимних условиях и от непривычного питания около ста человек заболели воспалением легких и дизентерией. Каждый день до 170 бойцов были вынуждены заготавливать дрова для отопления зданий батальона.

С 15 мая 1942 года батальон стал заниматься тактической боевой учебой уже в составе отдельных подразделений^[178]. Наряду с боевой учебой бойцы батальона помогали собирать урожай в окрестных колхозах и построили деревянный мост через реку Самару, чем заслужили горячую благодарность местных жителей. Футбольная команда батальона стала любимцей бузулукских болельщиков.

Правительство Бенеша всеми силами пыталось оградить воинскую часть в СССР от пропаганды со стороны КПЧ. Тем не менее руководящие деятели московского руководства партии (включая Готвальда) смогли в мае 1942 года прочитать в части несколько лекций. Коммунистов пригласил Свобода без ведома эмигрантского правительства, что вызвало там сильное раздражение. 30 июля 1942 года в Бузулук прилетел министр обороны Ингр, который учинил Свободе форменный разнос^[179]. Однако Ингру пришлось официально признать заслуги Свободы: батальон был прекрасно обучен.

Ингр пытался перебросить из Англии командные офицерские кадры для батальона. Некоторые офицеры были настроены открыто антисоветски, и им во въездных визах отказали. Внутренний распорядок части

регулировался довоенным уставом чехословацкой армии.

15 июля 1942 года чехословацкая воинская часть в СССР достигла следующей штатной численности: 47 офицеров, два ротмистра (это звание примерно соответствовало советскому званию старшины), 876 бойцов и 43 женщины на вспомогательных службах. 34 женщины стали медицинскими сестрами. Штатное расписание батальона было составлено так, чтобы его можно было развернуть в бригаду. Среди бойцов батальона были несколько ветеранов интернациональных бригад времен войны в Испании.

28 августа командир батальона Свобода обратился к Сталину с личным посланием, содержащим просьбу отправить чехословацкую часть на фронт: «В то время, когда Красная армия ведет упорные и кровопролитные бои против немецко-фашистских агрессоров, все наши воины и командиры сознают, что не могут и не смеют оставаться в стороне, и решительно настроены активно принять участие как можно скорее в боях бок о бок с храброй Красной армией»^[180].

Эмигрантскому правительству эта инициатива Свободы опять не понравилась, потому что Бенеш и Игр как раз не хотели использования батальона на фронте, опасаясь столь обычных в Великой Отечественной войне больших потерь и ликвидации батальона как инструмента в политической игре. Не желая ссориться с Бенешем, колебался и Сталин. Только в октябре – ноябре 1942 года батальон был полностью вооружен. 28 октября – в день национального праздника Чехословакии – он принял торжественную присягу. Батальон получил 553 винтовки СВТ-40, 192 винтовки Мосина, 47 автоматов, 47 пистолетов и револьверов, 52 пулемета, в том числе 12 системы «максим», 18 противотанковых пушек и 18 минометов.

Свобода не прекратил своих усилий и обратился с личной просьбой к заместителю наркома иностранных дел Вышинскому, чтобы ускорить отправку батальона на фронт. Наконец, 22 ноября 1942 года советский офицер связи сообщил о решении ответить на просьбу Свободы согласием. Советские войска только что окружили армию Паулюса под Сталинградом, и Сталин, видимо, теперь уже не опасался поголовного уничтожения чехословацкого батальона в кровопролитных боях. Когда Сталину передали просьбу Свободы, он выразил сожаление, что чехословацкая часть столь малочисленна. Ведь в кровопролитных боях на советско-германском фронте иногда всего за один день погибали целые полки и дивизии, не то что батальоны.

Поэтому 30 ноября 1942 года на заседании совместной советско-чехословацкой военной комиссии было принято решение создать при 1-м

чехословацком самостоятельном батальоне пехотный запасной полк по штатному расписанию стрелкового полка Красной армии для обеспечения подготовки обученного пополнения. Командиром полка лондонское правительство назначило полковника Кратохвила. В полк в основном принимали уроженцев Закарпатской Украины, которая до 1945 года входила в состав ЧСР. Много украинцев было и в самом батальоне Свободы: из 969 бойцов чехами были 506, словаками – 78, украинцами – 256, немцами – двое, поляками – пятеро, венграми – 14, русскими – двое, евреями – 105^[181].

2 декабря 1942 года в присутствии представителей командования Красной армии состоялись заключительные учения батальона. Батальон продемонстрировал атаку с использованием боевых боеприпасов и гранат. По тактике учение получило хорошую оценку, по технической и стрелковой части – отличную. Особенно потрясла советских представителей отменная стрельба бойцов батальона.

27 января 1943-го батальону было торжественно передана лента с надписью «Смерть немецким оккупантам!», которую вышили женщины Бузулука. Воины батальона организовали сбор средств на закупку для Красной армии двух танков, которые называли «Лидице» и «Лежаки». По дороге на фронт одному из отделений Госбанка СССР 11 февраля 1943 года было передано 100 тысяч рублей. Одновременно Сталину была послана телеграмма с просьбой направить эти танки в распоряжение батальона, чтобы они могли мстить немцам за две уничтоженные чешские деревни.

Свобода писал Сталину: «Докладываю Вам, что вместе с первым батальоном чехословацких частей в СССР уезжаю на фронт. Наш милый город Бузулук сопровождает нас на этом пути в бой девизом «Смерть немецким оккупантам!», который написан на ленте, подаренной городом и прикрепленной к нашему боевому знамени. С этим девизом и твердой волей последовать прекрасному примеру героической Красной Армии мы пойдем в бой. Мы сделаем все, что будет в наших силах, чтобы заслужить доверие Верховного Главного Командования Красной Армии и жизнь в свободной Чехословацкой Республике. В этом своем решении мы будем неустанны до тех пор, пока не победим».

Через несколько дней эта телеграмму зачитали по советскому радио вместе с ответом Сталина с благодарностью чехословацким воинам и обещанием, что их просьба будет выполнена.

Марш чехословацкого батальона к фронту в районе Харькова (350 километров за 10 дней) был очень тяжелым из-за глубокого снега и сильных морозов. Многие бойцы старших возрастов не выдержали и были

отправлены в лазарет. Когда застревали колонны снабжения, чехословакам помогали едой местные советские власти и простые жители. 1 марта 1943 года батальон вступил в недавно освобожденный Харьков, где его сердечно приветствовали горожане.

Интересно, что сначала чехословаков предполагалось использовать в боях против венгерских войск как более слабого противника. Однако Свобода настоятельно попросил, чтобы батальон бросили в бой против немцев.

Батальон планировалось оснастить трофейными автомобилями, преобразовать в моторизованный и ввести в бой в составе 3-й гвардейской танковой армии генерал-лейтенанта Рыбалко, которая наступала в 60-80 километрах юго-западнее Харькова. Однако в это время немецкие войска под командованием фельдмаршала Манштейна нанесли сильный контрудар (прежде всего танковыми дивизиями СС) в направлении Харькова, и вместо наступательных перед батальоном были поставлены оборонительные задачи.

8 марта 1943 года батальон принял боевое крещение в районе Харькова, противостоя атакам немецкого полка, усиленного танковым батальоном, на выделенном ему участке фронта в 15 км (обычно на таком участке оборонялся полк, а иногда и дивизия).

После дневного отдыха 2 марта 1943 года войска отправились на юг к деревне Соколово. Деревня представляла собой плацдарм советских войск на южном берегу реки Мжа. Там батальону было дано первое боевое задание: удержать позиции на Мже и отбить атаку элитных частей 3-й танковой дивизии СС «Мертвая голова». Подходы к Соколову оборонял советский 78-й гвардейский стрелковый полк полковника Билютина, который ценой больших потерь смог остановить немцев.

Бойцов 78-го полка под командованием лейтенанта Широнина прозвали «украинскими панфиловцами». 25 советских бойцов стали на пути немецких танков, уничтожив в пятидневных боях до 30 бронетранспортеров и танков и до 100 солдат и офицеров противника. Все бойцы Широнина стали Героями Советского Союза, в том числе 20 – посмертно. К моменту подхода чехословаков в полку Билютина осталось всего 200 бойцов.

Героизм 78-го полка позволил «батальону Свободы», как его называли в советских сводках, подготовиться к обороне Соколова. Проблема состояла в том, что река Мжа была покрыта льдом, а это давало немцам в случае взятия Соколова возможность провести по льду танки.

Командир батальона Свобода решил, что 1-я чехословацкая рота

должна перейти Мжу и занять позиции под Соколовым. Для решения этой задачи он отправил надпоручика Отакара Яроша, командира первой роты. Деревня была хорошо укреплена, для ее защиты советские войска предоставили две противотанковые пушки. Батальону были приданы «катюши» и советские батареи противотанковой артиллерии. Другая бронетехника, в числе которых были «катюши» и 10 танков Т-34, располагалась за рекой Мжа в качестве резерва. Командный пункт батальона был в здании школы в Миргороде. 6 марта разведывательные подразделения чехословаков вступили в бой с немцами и в ходе перестрелок убили несколько человек. Это было началом сражения.

7 марта немцы попытались внезапно переправиться танковыми частями на северный берег Мжи, но были остановлены и принуждены к отходу. Один танк был поврежден.

Настоящий бой начался у Соколова 8 марта, когда в 13:30 12-14 немецких танков перешли в наступление. Они были остановлены огнем противотанковой артиллерии. Три танка остались на месте, и чехословаки ошибочно решили, что они повреждены и оставлены экипажами. На самом деле немцы из танков выявляли позиции советских противотанковых орудий. Когда через два часа немецкие танки опять пошли в атаку, три «поврежденных» танка ожили и точными выстрелами уничтожили две противотанковые пушки и тяжелый пулемет. После этого немцы пробившись в центр Соколова, где в церкви располагался наблюдательный пункт надпоручика Яроша. Бои шли за каждый дом, но, несмотря на упорное сопротивление, немцы методично оттесняли обороняющихся к церкви, где чехословаки заняли круговую оборону^[182].

Свобода перебросил на помощь роте Яроша 3-ю роту под командованием ротмистра Ворача из резерва батальона при поддержке 10 советских танков. Но последние не смогли переправиться по льду Мжи, а рота, попав в Соколово, также оказалась в окружении. Так как лед на Мже размяк, не могли уже переправиться через реку и немецкие танки. Поэтому Свобода приказал в 19:00 оставить Соколово и перейти на северный берег Мжи.

Батальон в сражении у деревни Соколово сражался героически: погибли 86 бойцов, 56 были ранены. Чехословаки уничтожили 19 немецких танков, от четырех до шести бронетранспортеров и 300 солдат и офицеров. Например, солдат Черны первой гранатой подбил танк, а второй гранатой серьезно повредил несколько бронеавтомобилей и убил 20 немецких солдат. Погиб в бою надпоручик Отакар Ярош, который бросился под танк со связкой гранат. Очередью из танкового пулемета Ярош был убит, но танк

подорвался на гранатах (по другим сведениям, Ярош сам себя подорвал) ^[183]. Есть данные, что еще живого Яроша переехал немецкий бронетранспортер.

Свобода вспоминал: «— Не отступим! – Эти последние слова Яроша, прозвучавшие в телефонной трубке, я не забуду никогда. Спокойный, высокий, с едва заметной улыбкой на красивом лице...» ^[184]

Отакар Ярош стал первым иностранцем, которому было присвоено звание Героя Советского Союза (17 апреля 1943 года). Позднее герой был награжден еще и Орденом Ленина и чехословацким Орденом Белого Льва. Посмертно ему было присвоено звание капитана. В Мельнике, родном городе Яроша, ему поставлен памятник.

Уже на следующий вечер, после наступления темноты, батальон двумя ротами перешел в контратаку с целью отбить Соколово (по данным разведки, деревню оборонял немецкий батальон с 15 танками). Чехословаки смогли занять северо-западную часть Соколова, но после четырех часов упорного боя две роты батальона отступили на исходные позиции. Причиной отхода стала изменившаяся обстановка у советских частей – соседей чехословацкого батальона.

Немцы были вынуждены после упорного боя у Соколова изменить направление танкового удара и нанесли его в 25 километрах от деревни.

В дальнейшем батальон был вынужден отступить вместе с советскими частями, потеряв в боях 304 человека. Было утрачено два орудия, пять тяжелых пулеметов, пять минометов, 16 легких пулеметов.

11 марта 1943 года чехословаки перехватили немецкое радиосообщение о готовящихся контратаках. Советская артиллерия после этого вовремя произвела огневой удар по местам скопления немецких войск. Но немцы охватывали Харьков, и 13 марта батальону Свободы приказали отходить в составе 62-й гвардейской стрелковой дивизии. При отступлении через Северный Донец пришлось бросить много тяжелого вооружения. Только 17 марта батальон смог полностью избежать угрозы окружения, и был отведен на отдых. С 25 марта 1943 года он числился в резерве Воронежского фронта.

Маршал Василевский специальной телеграммой в адрес батальона выразил чехословацким воинам благодарность за проявленные мужество и героизм. Полковник Свобода был награжден Орденом Ленина. При вручении награды М. И. Калинин сказал: «Дело вовсе не в том, сколько вас было. Важно, что вы, чехи и словаки, остались верны нам в наиболее тяжелое для нас время. Гитлеровские войска стояли в Сталинграде, на

Волге, и весь капиталистический мир уже не верил, что мы выстоим. Ожидали, что Советский Союз потерпит поражение, были убеждены, что он капитулирует. Вы же верили нашему народу, нашей армии и правительству, верили вместе с нами в конечную победу общего справедливого дела и даже без согласия своего правительства, вопреки его воле, настойчиво добивались отправки на фронт. И в бою вы сделали все, что можно было сделать. Именно за это и уважает вас наше правительство и весь наш народ. Вспомните, как поступило польское эмигрантское правительство Сикорского, генерал Андерс и его штаб. Мы вооружили и обеспечили всем необходимым семь их дивизий, но, когда мы попросили у правительства Сикорского перебросить три дивизии Андерса под Сталинград, чтобы помочь нам выиграть время для сосредоточения наших войск, оно отказало. Армия Андерса предпочла покинуть Советский Союз. Они полагали, что мы капитулируем. Но мы не капитулировали, не потерпели поражения. Когда вы шли сюда, то, очевидно, встретились в коридоре с послом польского эмигрантского правительства. Его пригласили в Кремль, чтобы сообщить решение Советского правительства о разрыве дипломатических отношений с его правительством. А вы, командир небольшой чехословацкой части, приглашены в Кремль, чтобы получить высшую правительственную награду Советского Союза орден Ленина. Я говорил послу польского эмигрантского правительства: «Может быть, вы думаете, что свободу для вашего народа вам кто-то поднесет на серебряном блюде? А какую славу могли бы завоевать под Сталинградом ваши дивизии! Как бы вы нам помогли в тот тяжелый период»^[185].

Примечательно, что советские газеты опубликовали выступление Калинина в тех же номерах, где сообщалось о разрыве дипломатических отношений между СССР и эмигрантским польским правительством в связи с «катыньским делом».

15 воинов чехословацкого батальона были награждены орденом Красного Знамени, капитан Ломский – орденом Отечественной войны I степени, 20 человек – орденом Отечественной войны II степени, 22 человека – орденом Красной Звезды, 26 человек – медалью «За отвагу» и один – медалью «За боевые заслуги». Среди 38 награжденных были восемь женщин.

2 апреля 1943 года о боях батальона сообщило Совинформбюро. Тем самым впервые весь мир узнал, что чехословаки активно участвуют в боях в составе войск Антигитлеровской коалиции.

Давая политическую оценку значения обороны деревни Соколово, Клемент Готвальд говорил 7 апреля 1943 года: «Непосредственное участие

чехословацких воинских частей в боях против гитлеровской Германии имеет... большое государственно-политическое значение... Чехословацкие солдаты, сражающиеся на Восточном фронте под чехословацким военным флагом против гитлеровской армии, – это символ государственной независимости Чехословакии и дальнейшее доказательство того факта, что Чехословакия находится в состоянии войны с гитлеровской Германией. Чехословацкие солдаты, сражающиеся против Германии плечом к плечу с Красной Армией, – это символ военного союза независимой Чехословацкой Республики с Советским Союзом на правах равного с равным. Чехословацкие солдаты как военные союзники Красной Армии – это символ того, что Красная Армия ведет борьбу не только за освобождение советских земель от немецких оккупантов, но и одновременно за освобождение союзной Чехословакии»^[186].

Попавшие в плен 20 чехословаков были зверски убиты за «государственную измену», ведь они считались немцами гражданами протектората. Тяжелораненые чехословаки были отправлены в харьковскую больницу, где их добились ворвавшиеся в город немцы.

После отвода чехословацкого батальона в резерв Свобода пытался добиться его скорейшего преобразования в бригаду на базе пополнений из запасного полка. Причем, в отличие от главы чехословацкой военной миссии Пики, Свобода хотел формировать бригаду не в глубоком тылу в Бузулуке, а рядом с фронтом, чтобы как можно скорее вступить в бой. Свободе оказали поддержку Н. С. Хрущев, член Военного Совета Воронежского фронта, и командующий Воронежским фронтом Н. Ф. Ватутин. Свобода вспоминал: «Товарищ Хрущев подробно расспрашивал меня о боевых действиях батальона. Он хотел убедиться в точности информации, полученной командованием фронта от советских командиров, которым был подчинен наш батальон, и от наших соседей. Через некоторое время Никита Сергеевич Хрущев опять заговорил об организации чехословацкой бригады. Он дал нам несколько полезных советов, в частности порекомендовал иметь в бригаде не 15, а 30 танков и увеличить количество противотанковых средств. Обсуждался также и сам план формирования бригады»^[187].

Напротив, полковник Пика считал боевую деятельность чехословацкой части законченной: она проявила необходимый с политической точки зрения героизм и теперь должна была дожидаться в тылу конца войны, чтобы прибыть в уже освобожденную Чехословакию. Поэтому Пика отдал приказ возвратить батальон обратно в Бузулук.

29 апреля 1943 года в Москве прошло заседание совместной советско-чехословацкой военной комиссии, в котором участвовал Свобода. По предложению советской стороны (и Свободы) было решено формировать 1-ю чехословацкую пехотную бригаду в ближнем тылу, в Новохоперске. В мае 1943 года в этом городе сосредоточились части пехотного батальона и прибывшего из Бузулука запасного полка.

Немедленно возник спор о кандидатуре командира бригады. В Лондоне уже сочли, что Свобода подпал под влияние коммунистов, и предложили на должность командира полковника Яна Кратохвила, командующего чехословацкой бригадой в Англии^[188]. Однако бойцы бригады были за Свободу, и его же, как отличившегося в бою командира, поддерживала и советская сторона. За Свободу высказался и посланник ЧСР в Москве Фирлингер. Бенеш был вынужден принять соломоново решение: Кратохвила назначили на церемониальный пост командующего всеми чехословацкими частями в СССР, а Свобода стал командиром формирующейся бригады. Других чехословацких частей в СССР не было.

Во время учений и формирования бригада под лозунгом «Будем бить врага свинцом и рублем!» собрала 230 тысяч рублей в рамках объявленного наркомфином СССР оборонного займа. В городе Новохоперске зародился и художественный ансамбль чехословацкой армии имени Вита Неедлы.

Несмотря на сопротивление лондонского правительства, для пополнения офицерских кадров были повышены до офицерских званий 27 младших командиров чехословацкого батальона, отличившихся в бою. Девять офицеров прибыли из Англии.

Бригада пополнялась в основном украинцами из Закарпатской Украины. В нее вступили также около 200 словацких солдат и офицеров под командованием надпоручика Павла Марцелла, перешедших на сторону Красной армии на Кубани.

Кратохвил по приказу Ингра пытался воспрепятствовать организации в рамках бригады танкового батальона. Ведь в этом случае уже не чехословацкая бригада в Англии, где танков не было, а именно 1-я чехословацкая бригада в СССР становилась самым сильным соединением чехословацкой армии на всех фронтах. Однако Свобода и растущая с каждым днем организация КПЧ в бригаде отстояли танковый батальон (офицеров для него учили в Тамбове). По той же причине Пика пытался расформировать и батарею тяжелых 122-миллиметровых гаубиц, но и в этом случае его усилия не увенчались успехом.

К началу сентября 1943 года бригада успешно закончила формирование и обучение. На 1 октября 1943-го в ней числились 563 чеха,

343 словака, 2210 украинцев, шесть русских, пять поляков, двое латышей, 204 еврея, два немца и 13 венгров^[189]. Гражданами ЧСР были 3163 человека из 3348 бойцов бригады, 134 человека были советскими гражданами, 46 – гражданами Польши.

10 сентября 1943 года посланник ЧСР в Москве Фирлингер от имени Бенеша торжественно вручил бригаде боевое знамя. В церемонии как депутат довоенного парламента ЧСР участвовал и лидер КПЧ Готвальд. Кратохвил продолжал свою борьбу за ликвидацию танкового батальона бригады и в это время. Свободе пришлось 16 сентября 1943 года лично выехать в Москву, чтобы убедить советское командование оставить в бригаде танковый батальон.

30 сентября 1943 года бригада разными эшелонами выехала на боевые позиции под Киев. Сталин направил ей приветственную телеграмму.

На вооружении бригады находилось 10 средних танков Т-34, 10 легких танков Т-70, 10 бронеавтомобилей 212 автомашин, 62 мотоцикла, 357 лошадей, шесть 122-миллиметровых гаубиц, четыре противотанковых пушки калибра 76 мм и восемь – калибра 45 мм, 12 82-миллиметровых миномета, 18 минометов калибра 50 мм, 42 противотанковых ружья, 63 легких пулемета, 512 автоматов, 2158 самозарядных винтовок^[190]. Бригада состояла из двух пехотных батальонов, одного танкового батальона, двух артиллерийских дивизионов, роты связи, инженерной, штабной вспомогательной автомобильной и медицинской рот.

На пути следования эшелон с артдивизионом подвергся удару немецкой авиации, при котором погибли 54 бойца, а еще 54 были ранены.

Чехословацкой бригаде было приказано сосредоточиться на Лютежском плацдарме на правом берегу Днепра севернее Киева, откуда планировался главный удар для освобождения столицы Советской Украины. В ночь с 22 на 23 октября 1943 года по понтонному мосту бригада переправилась на плацдарм и была придана 38-й армии генерал-лейтенанта Чибисова (его вскоре сменил Москаленко). 25 октября бригада была усилена советским 868-м истребительно-противотанковым артиллерийским полком, который временно составил ее огневой резерв. Сначала бригаду планировали использовать как резерв армии, но чехословаки рвались в бой.

Свобода вспоминал: «Я прибыл к командующему армией генерал-лейтенанту Чибисову и доложил:

– Я не согласен наступать во втором эшелоне и лишь обеспечивать правый фланг тридцать восьмой армии. Поймите настроение

чехословацких воинов. Ведь мы идем на Киев, и наступление на него для нас – наступление на вражеские позиции перед Прагой. Ваша борьба – наша борьба. Пусть нас мало, но мы хотим сражаться бок о бок с вами. Нельзя допустить, чтобы вы одни тянули всю повозку войны, а мы бы в ней только катились. Мы желаем наступать в первом эшелоне.

– Тогда прошу, выберите сами направление своего наступления, – сказал генерал Чибисов, показывая на карту.

На оперативной карте я отметил, где бы мы хотели действовать.

– Но ведь это направление главного удара! – возразил командующий армией.

– Знаю, – отвечал я. – Но если нам будет оказано такое доверие, мы оправдаем его. Свою боевую задачу выполним с честью.

Генерал-лейтенант Чибисов наконец согласился, хотя и с оговоркой, что он должен выяснить, не будет ли возражений у командования фронта. Командующий фронтом генерал Ватутин и член Военного совета Н. С. Хрущев не возражали... Я снова обошел подразделения бригады, поговорил с воинами, ответил на их вопросы, дал последние указания и советы. Убедившись еще раз, что части и подразделения бригады хорошо подготовлены к предстоящим боям, напутствовал воинов:

– Сражайтесь за Киев так, как вы стали бы сражаться за Прагу и Братиславу. Именем наших народов и тысяч убитых и замученных – не щадите врага!»^[191]

38-я армия ударила на Киев с Лютежского плацдарма 3 ноября 1943 года после мощной артподготовки. Преодолевая упорное сопротивление немцев, 51-й корпус, в составе которого действовала бригада, вышел к 5 ноября к северной окраине Киева, в район детского санатория. 5 ноября чехословацкая бригада вместе с советскими соседями слева и справа (136-я и 240-я стрелковые дивизии) на фронте в 2 километра ударила в южном направлении прямо по центру Киева.

Свобода: «Нет, теперь уже не то, что было в бою под Соколово! Техника придавала силу и размах наступлению. Танки шли по отлогому склону. Огнем из орудий подавляли вражеские огневые точки, вели борьбу с танками, уничтожали пехоту противника.

Танк «Лидице» (командир взводный Гехт) уничтожил два противотанковых орудия и три вражеских пулемета. Ротный Рудольф Ясиок поджег тяжелый вражеский танк «тигр», уничтожил три противотанковых орудия, четыре пулемета и не менее 20 гитлеровцев»^[192].

Чехословаки вместе с советскими солдатами взяли центральный

железнодорожный вокзал Киева и не дали немцам взорвать железнодорожный мост через Днепр. Утром 6 ноября танки чехословацкой бригады уже находились рядом с Киево-Печерской лаврой.

В ожесточенных боях за Киев погибли 32 воина бригады, в том числе два офицера, 82 человека были ранены, один пропал без вести^[193]. В боях за Киев 1-я чехословацкая бригада уничтожила один самолет противника, четыре танка и две самоходные артиллерийские установки «фердинанд», семь автомашин с солдатами и грузом, четыре артиллерийских батареи, 22 дота, 31 дзот, 41 станковый и 24 ручных пулемета, около 630 немецких солдат и офицеров.

Население украинской столицы радостно встречало чехословаков. В военном дневнике бригады отмечалось: «Как только рассвело, проснувшиеся остатки населения с восторгом и радостным плачем приветствовали первых чехословацких воинов, обнимали и целовали их, называя своими освободителями. Воодушевлению населения нет границ, и эти минуты для каждого бойца 1-й чехословацкой самостоятельной бригады действительно незабываемы»^[194].

Верховный главнокомандующий Красной армией И. В. Сталин в приказе отметил благодарностью действия бригады и наградил ее орденом Суворова 2-й степени. 139 бойцов бригады были награждены советскими орденами и медалями. Поручик Сохор и подпоручик Тесаржик стали Героями Советского Союза. Поздравляя весь личный состав бригады, секретарь ЦК КП(б)У, член Военного совета 1-го Украинского фронта Хрущев писал в те дни: «Столица Украины – древний славянский Киев – никогда не забудет, что за его освобождение плечом к плечу с воинами доблестной Красной Армии сражались... и героические братья – сыны чехословацкого народа»^[195].

Президент Бенеш наградил 41 погибшего и 294 оставшихся в живых бойцов бригады Чехословацким военным крестом. Чехословацкие боевые награды были вручены и советским генералам, офицерам и сержантам, которые освобождали Киев вместе с чехословацкой бригадой.

Но обстановка под Киевом в ноябре 1943 года оставалась напряженной. Немцы нанесли сильный контрудар, отбили только что освобожденный Житомир и пытались вновь овладеть украинской столицей. Бригада оставалась в резерве 38-й армии, и ее то и дело перебрасывали на опасные направления. Ударная танковая группа бригады вместе с советскими войсками участвовала в упорном бое за город Черняхов.

14 декабря бригаду перевели в Киев, где должна была состояться

торжественная встреча личного состава с Бенешем, который в то время как раз был в Москве. Для парада в Киев вызвали даже танковый батальон. Однако 16 декабря стало известно, что Бенеш в Киев не приедет. Вместо этого в Москву вызвали Свободу с пятнадцатью лучшими бойцами бригады.

Свобода так вспоминал о встрече с Бенешем: «Я ждал этой встречи, хотел объективно проинформировать президента о нашей бригаде, об ее участии в боях, доложить о положении на фронте так, как мы, воины бригады, сражающейся вместе с Советской Армией, представляли себе его. Но наша встреча с Бенешем происходила, как в хроникальном фильме. Знакомая улыбка, снисходительное приветствие:

– Здравствуйте, господин генерал. Поздравляю вас и всех военнослужащих с успехами, которых вы достигли.

Сразу же после этого он вдруг начал пространно объяснять, почему к званию генерала раньше других был представлен начальник чехословацкой военной миссии в Москве Гелиодор Пика.

– Это не моих рук дело, – убеждал он. – Это сделало правительство, но затем я вмешался и привез вам генеральские погоны.

Я стоял и молча слушал. Я знал очень хорошо, что эмигрантское правительство в Лондоне в таких вопросах не противоречит воле президента. Но главное все же заключалось не в генеральских погонах... Президент прикрепил к нашему боевому знамени медаль «За храбрость», являвшуюся низшей наградой в Чехословакии... Наконец мне все же удалось подробно проинформировать президента Бенеша о нашей бригаде и об ее участии в боях.

– Я действительно изумлен, – повторил он несколько раз в ходе беседы. Я многого не знал, все это – весьма интересно. Благодарю вас за информацию.

Когда я вышел от Бенеша, была уже ночь, крепчал мороз, но на улице мне показалось теплее, чем в натопленном кабинете президента»^[196].

Интересно, что звание генерала Бенеш присвоил Свободе, по сути, благодаря просьбе советского командования. В беседе с Бенешем в Москве 18 декабря 1943 года уполномоченный Красной армии по связям с чехословацкой военной миссией генерал Г. С. Жуков (однофамилец прославленного маршала) подчеркнул: «...командир бригады полковник Свобода считается честным, храбрым и компетентным офицером и пользуется большой популярностью во всем Советском Союзе. Было бы очень правильно, если бы его повысили до звания генерала»^[197].

Пока Свобода был в Москве, бригада получила новое боевое задание. В составе 40-й армии она должна была с юга обойти город Белая Церковь, чтобы не дать отступить находившимся там немецким войскам. 31 декабря 1943 года чехословаки вышли к Белой Церкви с юга после упорного боя. В первый день нового 1944 года они заняли высоту 208,4, которая господствовала над путями отхода противника из города. В бою за высоту 208,4 особенно отличилась батарея, которой командовал бывший участник гражданской войны в Испании поручик Франтишек Крал. Батарея подбила два танка «тигр», самоходную установку «фердинанд», семь средних танков, уничтожила минометную батарею, семь станковых пулеметов, разрушила два дзота, отразила три контратаки вражеской пехоты, поддержанной танками.

Свобода вспоминал: «Во время ночного боя, который вел 2-й батальон, произошел курьезный случай. К связистам, следовавшим за первыми подразделениями, примешалась группа отставших немецких солдат. Гитлеровцы рассеялись по снежному полю между восточной опушкой леса и высотой 208,4. Положение усугублялось тем, что немцы, как и наши бойцы, были одеты в белые маскировочные халаты, и распознать их сразу было трудно. В непроглядной темноте двигалась группа солдат.

– Как ты думаешь, мы не сбились с пути? – спросил своего соседа десятник Ижевский.

Вместо ответа – молчание.

– Я тебя спрашиваю, правильно ли мы идем? – рассерженно крикнул Ижевский в ухо своему спутнику.

Но тот лишь пожал плечами и снова ничего не ответил.

«Немой или глухой?» – думал десятник.

Вокруг темно. Мороз. Так хотелось переброситься с кем-нибудь хоть несколькими словами. Связист Ижевский не на шутку рассердился, что ему не удается завязать разговор. Он недружелюбно взглянул на соседа. Что это? У того из-под маскхалата торчал козырек немецкой полевой фуражки. Десятник покрепче сжал в руке ремни полевого телефонного аппарата, отстал на полшага и с размаху ударил аппаратом столь необычного попутчика по голове. Раздался пронзительный вопль, вслед за этим произошла короткая схватка с другими гитлеровцами. Спустя непродолжительное время вся группа противника была уничтожена»^[198].

Немцы с севера и с юга при поддержке танков пытались взломать круговую оборону двух батальонов бригады. У чехословаков не было противотанковых средств, и им пришлось отойти. Однако они сумели сохранить плацдарм на берегу реки Рось, с которого можно было снова

возобновить наступление.

Пока два пехотных батальона бригады вели ожесточенные бои к югу от Белой Церкви, с севера на этот город в составе 74-й советской дивизии наступали танковый батальон и одна из батарей бригады. 3 января 1944 года бригаде был передан приказ, согласно которому она опять переводилась в резерв.

Всего в ожесточенных боях под Киевом бригада потеряла 66 человек убитыми, в том числе пять коммунистов, 270 ранеными, 75 пропавшими без вести, а также четыре танка, три автомобиля, четыре противотанковые пушки, одну гаубицу, четыре миномета, 16 противотанковых ружей, 11 тяжелых и 24 легких пулемета. Сама бригада уничтожила до 1050 немцев, пять САУ, 17 танков, три самолета, четыре батареи тяжелых орудий, 52 тяжелых и 63 легких пулемета, 67 автомобилей^[199].

Свобода вернулся в бригаду 1 февраля 1944 года в звании бригадного генерала. Вместе с ним приехала группа прибывших из Англии офицеров, 11 человек. Эмигрантское правительство в Лондоне всеми силами пыталось сохранить свое влияние в бригаде, которое таяло с каждым днем.

Несмотря на тяжелейшее положение на фронте, советское руководство и лично Сталин уже осенью 1943 года по просьбе Бенеша выразили готовность помогать в оснащении и вооружении чехословацкой армии не только во время войны, но и после нее.

14 октября 1943 года посланник в Москве Фирлингер писал Бенешу: «1. Как я уже докладывал в свое время, Советы решили предоставить нам максимальную поддержку при организации наших частей и, естественно, в случае возможной (боевой) акции дома и при строительстве нашей будущей армии. Они предоставят в наше распоряжение все необходимое снаряжение и вооружение и уже сегодня по предложению Пики дают нам запрашиваемое вооружение из трофейного материала. 2. Они с удовольствием предоставят нам униформы нашей армии и готовы уже сейчас предпринять для этого все меры, указывая на неблагоприятное впечатление дома, если бы наша армия пришла туда в чужой форме...»^[200]

Бенеш был искренне благодарен за эту помощь и писал в ответе Фирлингеру: «Прошу передать мою искреннюю благодарность за обещанную помощь... Это очень важно в настоящее время и с военной, и с политической точки зрения... Полностью согласны с предложением о предоставлении нашей формы... Нас приятно удивило желание разрешить нам носить нашу форму. Повторяю: спасибо»^[201].

Между тем, пока бригада Свободы активно сражалась на советско-

германском фронте, «английская бригада» чехословацкой армии на Британских островах томила от безделья. С 15 по 23 августа 1942 года она охраняла один участок английского побережья, на юге, потом другой – на востоке. С января 1943 года участок охраны опять сменили: теперь это было снова южное побережье, в районе Феликстоу-Уолтон^[202]. Но всем было понятно, что в то время, когда вермахт увяз под Сталинградом, никакой, даже демонстративной высадки немцев в Англии ожидать не приходилось.

Чехословаки развивали активные связи с местным населением, в том числе и с женщинами, для которых «чехи» были «экзотикой». Футбольная команда бригады баловала англичан товарищескими матчами, а бригадный хор – мелодичными чешскими песнями.

В августе 1943 года, как уже упоминалось, в Ливерпуль прибыла чехословацкая часть из Северной Африки. Она влилась в бригаду, и Ингр немедленно потребовал от англичан преобразовать ее в бронетанковую. Надо было во что бы то ни стало упредить в этом «русскую бригаду» Свободы и желательно еще и получить больше танков, чем у «русских» чехословаков.

1 сентября 1943-го была учреждена Чехословацкая самостоятельная бронетанковая бригада под командованием генерала Лишки. Правда, бригада все же не дотягивала по личному составу до штатов реальной бронетанковой бригады британской армии. А сколь-нибудь осязаемого притока пополнения не было.

В бригаду входили два танковых батальона, моторизованный батальон, артиллерийский полк, дивизион противотанковых средств, зенитная батарея и вспомогательные подразделения. На вооружение поступили устаревшие британские танки «Крусейдер», «Кромвель», затем американские танки «Шерман» и легкие разведывательные танки «Стюарт».

Бригаду переместили вглубь Англии севернее Нортхэмптона и начали обучать.

Что касается национального состава, то в офицерском корпусе преобладали чехи – 324 человека. Словаков было всего 19, немцев девять, венгров двое. Среди сержантов и солдат чехов было 2303, словаков – 721, немцев – 460, венгров – 117, украинцев – 39^[203]. 38,9 % военнослужащих были рабочими, много, особенно среди офицеров, было госслужащих (25,95), а также учителей и студентов (10,7 %).

В бригаде поначалу тяжело приходилось немцам и евреям. Над ними

нередко издевались офицеры. Немцам, в частности, доставалось за то, что большинство из них очень плохо знали чешский язык. Бригадная организация коммунистов, опиравшаяся примерно на 400-500 бойцов, старалась бороться с национальными предрассудками, тем более что среди немцев и евреев коммунистов как раз было много.

Партийные ячейки коммунистов были в каждом подразделении бригады. Однако среди чехословацких летчиков преобладали офицеры с довоенным стажем, и тут позиции коммунистов были слабыми. Наземный же персонал в чехословацких эскадрильях был в основном британским.

Зато коммунисты численно доминировали в различных чехословацких общественных организациях, возникших в Великобритании, – Совете чехословацких женщин, Чехословацкой профсоюзной группе, Союзе чехословацких интербригадовцев, Обществе культурных и экономических связей с СССР. В 1942 году в Лондоне был основан Союз чехословацких военных усилий, который объединил практически все общественные организации. Союз активно собирал средства в пользу Красной армии. Например, 19 августа 1942 года советскому посольству было вручено 1800 фунтов стерлингов от Совета чехословацких женщин. Среди чехословацких рабочих на военных заводах Англии даже возникла «стахановская группа», перевыполнявшая нормы выработки.

Руководство КПЧ и посольство СССР в Лондоне были прекрасно осведомлены обо всем, что творится в правительстве Бенеша и в госсовете, так как многие министры считали своим долгом постоянно информировать КПЧ о важнейших событиях. Бенеш и Масарик говорили англичанам, что часто узнают о мнении госсовета позже, чем советское посольство в Лондоне.

В 1943 году, когда Бенеш активно пытался заключить договор с СССР, его популярность среди офицеров бригады сильно упала. Президента стали обвинять в том, что он «продался большевикам». В этих условиях именно коммунисты, как это ни парадоксально, стали опорой Бенеша в частях бригады, разъясняя смысл внешней политики президента.

Авторитету компартии сильно способствовали героические бои Красной армии и бригады Свободы на советско-германском фронте. В официальной хронике бронетанковой бригады отмечалось: «Чехословацкая часть в России славно бьет немцев бок о бок с русской армией, снискав уважение русских и самых высоких наград Героя Советского Союза. Она хоронит своих павших героев в святой земле братской великой державы и творит новую легенду чешской военной истории и новый сильный и политически важный исторический аргумент на будущее»^[204].

Солдаты и офицеры бригады рвались в Россию и жадно следили за новыми успехами Красной армии и бригады свободы. В советском посольстве в Англии говорили, что чехословацкая бригада забирает больше экземпляров бюллетеня советских новостей «Soviet War News», чем вся британская армия вместе взятая. В хронике бригады отмечалось: «Желаем от всего сердца нашей русской бригаде (которой мы, конечно, ужасно завидуем) великой славы, которая выпала на ее долю, когда она в боях вместе с русской армией освободила славный русский город Киев. Наша армия в СССР тем самым уже во второй раз славно вошла в историю и творит неразлучное братство нашего народа и СССР, сражаясь и истекая кровью бок о бок (с русскими)»^[205].

Против немцев в 1943 году на Западе непосредственно воевали только чехословацкие летчики в составе королевских ВВС. С 8 ноября 1943 года чехословацкое истребительное авиакрыло переименовали в 134-ю авиагруппу. Бомбардировщиков придали командованию ВВС, занимавшемуся охотой за немецкими подводными лодками в Атлантике. В августе 1943-го чехословаки уничтожили или повредили семь субмарин, в сентябре – три, в октябре – одну^[206]. Всего чешские летчики произвели удары по 35 подлодкам и четырем надводным кораблям противника, проведя в воздухе во время боевых вылетов 21 527 часов.

В 1940-1945 гг. во время бомбежек Германии и оккупированных немцами территорий в плен попал 51 чехословацкий летчик, в том числе 15 пилотов истребителей. В плену погиб только член экипажа бомбардировщика Арношт Валента, который в марте 1944 года стал одним из организаторов массового побега пленных летчиков союзной авиации из немецкого лагеря для военнопленных. Валента был схвачен и казнен нацистами 31 марта 1944 года.

В 1943 году на советско-германском фронте все еще воевала на стороне нацистов словацкая Быстрая дивизия, хотя ее боевой дух уже не был прежним. Словаки больше не хотели воевать под лозунгом «За бога, за народ!» (официальный слоган словацкой пропаганды для войны против СССР) против своих братьев-славян. 25 сентября 1943 словаков перебросили на фронт в район Мелитополя. 30 октября 45 офицеров и 2300 солдат и сержантов сдались там советским войскам^[207].

Командующий конно-механизированной группой 4-го Украинского фронта генерал И. А. Плиев вспоминал: «Событиям на Перекопе предшествовала удачно проведенная Мелитопольская операция. Особенно хорошо в ней складывалась обстановка на направлении 4-го гвардейского

кавкорпуса. Вскоре после прорыва обороны противника перед корпусом появилась свежая 1-я словацкая пехотная дивизия. Немецкое командование давно обратило внимание на то, что ряды ее подозрительно быстро тают при малейшем соприкосновении с советскими войсками. Дивизию занесли в списки неблагонадежных и держали в резерве. Но положение не изменилось. За ней закрепилась даже кличка: «Дивизия – быстро домой». И вот, в силу катастрофически ухудшающейся обстановки, командующий 17-й армией генерал Енеке 27 октября 1943 года решил бросить эту чехословацкую дивизию в бой против 4-го гвардейского казачьего корпуса в районе Мелитополя. Если бы немецкое командование не было потрясено своей столь быстро развивающейся трагедией, оно обратило бы внимание, что словаки ринулись в «бой» с необыкновенным желанием, даже с радостью. Генерал Енеке слишком поздно понял свою оплошность. Но он мог бы утешить свое воинское самолюбие тем, что это был промах не военного, а политического характера. Как бы то ни было, 1-я словацкая дивизия в несколько тысяч человек со всем вооружением и боевой техникой добровольно перешла на нашу сторону. Тыловые части дивизии, как в дальнейшем выяснилось, немедленно были переброшены в Кривой Рог, а затем – в Одессу... Словацкая дивизия открыла кубанцам путь в оперативный тыл противника. Развивая успех, корпус устремился к Перекопу»^[208].

Таким образом, словаки открыли Красной армии дорогу в Крым.

Остатки словацкой дивизии отступили в район западнее Херсона, а 20-й пехотный полк дивизии остался в Крыму, отрезанный советскими войсками. На 3 ноября 1943 года Быстрая дивизия насчитывала всего 5337 солдат и офицеров. В январе 1944 года 20-й полк вернулся, и дивизия (6397 человек) заняла оборонительные позиции к северу от Одессы. Словацкий министр обороны Чатлош просил командование вермахта о выводе дивизии с фронта на тыловую службу, но немцы ответили, что им теперь дорог каждый солдат. Часть бойцов дивизии дезертировали к одесским партизанам в знаменитые катакомбы.

Плиев, бравший Одессу, вспоминал: «Мы возвращались в поселок пригородного совхоза Ульяновка, где расположился штаб Конно-механизированной группы. На одной из улиц его мы встретили подразделение партизан. Среди них я увидел несколько солдат в форме чехословацкой армии и вспомнил Мелитополь, конец октября 1943 года и переход 1-й словацкой пехотной дивизии, которую гитлеровцы называли «дивизия – быстро домой». Тогда на нашу сторону перешли только боевые части, находившиеся главным образом в первом эшелоне боевых порядков.

Мы остановились. Это оказалось подразделение объединенного отряда, базировавшегося в одесских катакомбах... Встретившиеся нам словаки оказались из той самой 1-й словацкой пехотной дивизии. Мне рассказали, что подразделения второго эшелона и тылы этой дивизии были сразу же отведены из прифронтовой полосы в Кривой Рог, а затем переброшены в Одессу. Осенью 1943 года сержант Кончетти установил связь с командованием партизанской республики. Словацким друзьям было поручено доставлять оружие, боеприпасы, вести разведку, выполнять роль связных между отрядами. Комендант города, подозревавший словаков в связях с партизанами, решил отправить их часть в Тирасполь. В тот же день сержант Кончетти предложил полку в полном составе перейти на сторону партизан. Связавшись со штабом партизанского движения города, словаки ночью спустились в катакомбы. Кончетти был назначен командиром этой первой партизанской части.

– Передайте товарищу Кончетти мой дружеский привет, – сказал я, прощаясь со своими новыми товарищами.

Словацкий солдат печально пожал плечами и с приятным мягким акцентом печально произнес:

– Наш командир, как это сказать, фчэра помьер.

– Кончетти, товарищ генерал, вчера в бою был ранен в грудь навывлет. Говорят, что уже скончался, – объяснил командир подразделения.

Сказано это было с чувством глубокой скорби, которая невольно передалась и мне. Мы потеряли близкого друга, брата по крови и убеждениям»^[209].

Боевой дух словацкой дивизии обеспечения на северной Украине был в 1943 году тоже явно не на высоте. Солдаты и офицеры дивизии старались уклоняться от столкновений с партизанами. Бывали случаи, когда группы словацких солдат и партизан встречались и мирно расходились, как будто не обращая внимания друг на друга.

Если до весны 1943 года из дивизии дезертировали к партизанам отдельные солдаты, то 15 мая 1943-го на сторону партизан перешли вместе с солдатами начальник штаба 101-го полка капитан Ян Налепка^[210] в районе деревни Ремезы (ныне Гомельская область), офицер разведки надпоручик Лишак и офицер по вооружению поручик Петро. Налепка еще с 1942 года поддерживал связи с партизанами, снабжал их информацией и лекарствами. Он смог сохранить и передать партизанам знамя одной из комсомольских организаций.

Словацких офицеров приветствовал лично легендарный командир

партизанского соединения А. Н. Сабуров.

Налепка под боевым псевдонимом «капитан Репкин» стал командиром 1-го советско-чехословацкого партизанского отряда. В отряде было около 80 словаков. Еще 40 словаков воевали в других отрядах партизанского соединения Сабурова. Летом и осенью 1943 года отряд под командованием Яна Налепки неоднократно отличался в боях с немецко-фашистскими захватчиками. В канун 26-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции Налепка был принят кандидатом в члены ВКП(б).

Участвуя со своим отрядом, во взаимодействии с войсками 1-го Украинского фронта и другими партизанскими отрядами, в Киевской наступательной операции, Ян Налепка погиб в бою за освобождение города Овруч Житомирской области Украины 16 ноября 1943 года.

К Овручу, стратегически важному транспортному узлу, 13 ноября подошли части советской 13-й армии. С тыла по немцам ударило партизанское соединение Сабурова, в составе которого был и отряд Налепки.

Известный советский военачальник И. И. Якубовский писал: «В боях за Овруч новую героическую страницу вписал в историю чехословацкий партизанский отряд под командованием Яна Налепки. Для Яна Налепки тот бой был последним. Очевидцы рассказывают, что он находился в первых рядах атакующих партизан. Всем была видна его стройная фигура в форме чехословацкого офицера. Командир шел вперед, не сгибаясь, бросая вызов врагу. С песней «Словацкие матери, у вас хорошие сыны» за ним снова и снова поднимались в атаку бойцы, пока не захватили вокзал – один из последних бастионов врага. Налепка продолжал командовать отрядом даже тогда, когда был ранен и истекал кровью. Его настигла смерть во время штурма вражеского укрепления. Пулеметная очередь скосила героя, когда бой за Овруч подходил к концу»^[211]. Овруч был взят в ночь на 19 ноября, в то же самое время, когда частям Красной армии под напором немцев пришлось опять оставить Житомир. В боях за Овруч было уничтожено до двух батальонов немцев.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 мая 1945 года за умелое командование партизанским отрядом и проявленные мужество и героизм в боях с немецко-фашистскими захватчиками гражданину Словакии Налепке (Репкину) Яну посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Налепка стал единственным словаком, удостоенным этого наивысшего советского звания.

Также Налепка был посмертно награжден орденом Ленина,

чехословацким орденом Белого льва 1-й степени, а 5 мая 1945 года удостоен звания «Герой Словацкого национального восстания». В Овруче Налепке поставили памятник. 7 мая 2004 года президент Словацкой республики посмертно повысил Яна Налепку до звания бригадного генерала. В честь героя в Словакии названы много улиц и один населенный пункт (Налепково).

Один словацкий военнослужащий, ефрейтор Корбела даже угнал к партизанам танк, который, правда, застрял на берегу реки у деревни Ремез. Партизаны попытались его вытащить, но безуспешно. Они лишь демонтировали пулемет, а сам танк позднее вытащила словацкая дивизия.

В конце августа 1943 года к партизанам Минской области перешел словацкий велосипедный взвод, охранявший железную дорогу.

Сабуров направил командиру дивизии обеспечения полковнику Чани письмо с предложением перейти всем соединением на сторону партизан. Однако Чани был отстранен от командования.

1 августа 1943 года словацкая дивизия обеспечения была преобразована во 2-ю пехотную дивизию, и немцы стали перебрасывать ее в Италию, где она использовалась на строительстве оборонительных сооружений. 15 ноября 1943-го окончательно потерявшая боеспособность словацкая дивизия обеспечения была переименована в Техническую бригаду. В бригаде сохранили стрелковое вооружение, но на фронт против англо-американцев словаков послать не решились. В январе 1944 года бригада была размещена в районе Монте-Кассино, где шли самые упорные бои между немцами и союзниками за все время войны на итальянском фронте. В это время в бригаде было 147 офицеров, 169 младших командиров и 4176 солдат^[212].

С 1 апреля 1944 года бригада именовалась Технической дивизией. В мае она была усилена двумя офицерами и 845 солдатами. Ее командир полковник Имро 30 июля 1944-го перебежал к американцам вместе со своим начальником штаба. Вместе с немцами дивизия отступала на север Италии, где активно действовали партизаны-коммунисты из гарибальдийских бригад. Солдаты-словаки установили с партизанами связь, и несколько десятков военнослужащих перешли на сторону гарибальдийцев. В апреле 1945 года, когда поражение немцев уже было вопросом нескольких дней, вся дивизия (около 7 тысяч человек) перешла на сторону партизан и участвовала вместе с ними в освобождении Ломбардии. После освобождения Италии дивизию опять переименовали во 2-ю пехотную, и ее командиром стал антифашистски настроенный полковник Кмикевич. Соединившись с перебросенными ранее в Италию

немцами воинскими частями из протектората (см. ниже), дивизия образовала Группу чехословацких войск в Северной Италии и летом 1945 года вернулась в Чехословакию через американский сектор оккупации уже на правах соединения Антигитлеровской коалиции.

В 1942-1943 гг. основной задачей правительства Бенеша было урегулирование своих отношений с СССР, причем не только на время войны но и, главным образом, на послевоенный период. Бенеш руководствовался тактическими и стратегическими соображениями.

С точки зрения тактики он убеждал англичан, настроенных резко антисоветски, что заключение договора с Москвой о послевоенном статусе Чехословакии оградит возрожденную республику от установления там коммунистического строя. К тому же Бенеш говорил британцам, что заключения союзного договора с Москвой требуют не только коммунисты, но и весь чехословацкий народ.

Но возможно, что с точки зрения стратегии Бенеш лишь хотел вести англичан в заблуждение. Он прекрасно помнил Мюнхенское соглашение 1938 года, и у него были основания считать, что только договор о взаимной помощи с СССР сможет обеспечить независимое существование Чехословакии перед лицом вековой германской угрозы. Поэтому Бенеш активно добивался заключения союзного договора с Москвой, несмотря на жесткое сопротивление Лондона.

Еще в 1940 году англичане предложили Бенешу в качестве альтернативного варианта подписать с польским эмигрантским правительством соглашение об образовании после войны польско-чехословацкой конфедерации (или даже федерации). Таким образом, зная антисоветские настроения поляков, требовавших возврата Западной Белоруссии и Западной Украины, англичане фактически хотели возродить антисоветский санитарный кордон образца 20-х – 30-х годов.

Бенеш понимал, что союз с Польшей не спасет Чехословакию в случае новой германской агрессии, и 1939 год наглядно показал истинную силу польской армии, разбитой немцами фактически за одну неделю. К тому же Бенеш хорошо помнил, что Польша (как, впрочем, и Англия) была соучастником Гитлера в разделе Чехословакии в 1938-1939 гг.

Тем не менее Бенеш пошел на переговоры о конфедерации с Польшей в 1940 году, так как его правительство (еще, кстати, не признанное Англией) находилось в сильной зависимости от англичан. Поляки на переговорах требовали фактического включения Чехословакии в Польшу на правах «младшего брата». 19 января 1942 года была подписана польско-чехословацкая декларация, содержавшая план создания конфедерации.

Примечательно, что поляки переводили на польский французское слово «confédération» (текст был составлен на французском языке) как «федерация», а чехи – как «конфедерация», явно не желая слишком тесного союза с Польшей. В апреле 1941 года обе стороны даже договорились о такой разнице в толковании.

Однако поляки при помощи англичан требовали от Бенеша признания польских границ 1939 года, что, как прекрасно понимал Бенеш, было абсолютно неприемлемо для Москвы. Мало того, этих границ не хотел и сам Бенеш. Наученный горьким опытом 1938 года, когда Польша отказалась пропустить через свою территорию части Красной армии на помощь Чехословакии, Бенеш был решительно настроен в пользу образования тем или иным путем советско-чехословацкой границы после окончания войны. А это означало фактически признание перехода Западной Украины и Западной Белоруссии в состав СССР. Кроме того, как упоминалось выше, Бенеш без всяких условий был готов передать СССР Закарпатскую Украину, которую с санкции Гитлера в марте 1939 года оккупировала Венгрия.

Поляки, напротив, даже во время войны отказывались признать принадлежность к ЧСР Тешинской Силезии – той территории, которую они вместе с Гитлером отторгли от Чехословакии в 1938 году. 10 января 1941 года премьер польского эмигрантского правительства в Лондоне Сикорский направил Бенешу письмо, в котором еще раз утверждал, что Тешин должен остаться за Польшей. Было ясно, что такая позиция является неприемлемой для любого чеха вне зависимости от политических убеждений^[213]. Бенеш ответил Сикорскому, что правительство ЧСР не признает никаких территориальных последствий Мюнхенского сговора.

18 мая 1942 года госсекретарь МИД ЧСР, близкий соратник Бенеша Рипка публично заявил в госсовете, что «правительство не признает никаких аннексий, которые произошли после Мюнхена, в Тешине или в Северной Словакии»^[214] (где Польша тоже отторгла небольшие районы). Когда 5 августа 1942-го министр иностранных дел Великобритании заявил в парламенте, что Англия отказывается от Мюнхенского соглашения 1938 года, Сикорский тут же столь же официально провозгласил, что это заявление британцев не касается «тешинского вопроса». Поляки даже создали некий «Союз тешинских силезцев», который якобы боролся за вхождение Тешина в состав Польши. Бенеш ответил на это созданием аналогичной прочешской организации – «Кружок силезцев».

К удивлению англичан и поляков, СССР в июле 1941 года не

высказывался против польско-чехословацкой конфедерации и даже был готов заключить с ней договор о взаимной помощи. Но поляки настаивали на довоенных границах, и советско-польские отношения быстро испортились. Они ухудшились еще и после вывода польским эмигрантским правительством армии Андерса с территории СССР в самое тяжелое для Красной армии время в 1942 году.

Только после ухода частей Андерса СССР официально стал высказываться против польско-чехословацкой конфедерации, что было на руку Бенешу, который и сам вел переговоры о конфедерации лишь под нажимом англичан. Постепенно переговоры о конфедерации сошли на нет.

Министр иностранных дел в правительстве Бенеша Масарик так описывал в циркулярной телеграмме чехословацким заграничным диппредставительствам крах идеи конфедерации в декабре 1942 года: «... одной из главных причин разногласий (с поляками – *Прим. автора.*) была разница между чехословацкой и польской политикой в оценке значения Советского Союза для центральноевропейского сотрудничества. Чехословакия не может и не будет предпринимать ничего, что было бы препятствием на пути традиционно дружественных чехословацко-советских отношений»^[215].

В 1942-м Бенеш решительно взял курс на заключение советско-чехословацкого союзного договора и намеревался с этой целью в том же году посетить Москву. 10 мая 1942 года посол СССР при эмигрантских правительствах в Лондоне А. Е. Богомолов по поручению Москвы передал Бенешу, что он может приехать в СССР в любой момент.

26 мая 1942 года в Лондоне был заключен договор между СССР и Англией «О союзе в войне против гитлеровской Германии и ее союзников в Европе и о сотрудничестве и взаимопомощи после войны». Стороны обязались оказывать друг другу взаимную помощь в войне. Статьи договора, посвященные послевоенному периоду, предусматривали сотрудничество СССР и Англии в деле сохранения безопасности и экономического процветания в Европе, взаимопомощи в случае нападения Германии или объединившейся с ней страны. Большое значение имела 7-я статья, гласившая: «Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон обязуется не заключать никаких союзов и не принимать участия ни в каких коалициях, направленных против другой Высокой Договаривающейся Стороны». Договор заключался сроком на 20 лет.

Бенеш увидел в англо-советском договоре желанный повод обойти сопротивление англичан, и чехословацкая сторона предложила СССР заключить почти аналогичный договор. Главное отличие от англо-

советского договора было в том, что стороны советско-чехословацкого союзного договора еще и обязались не вмешиваться во внутренние дела друг друга. Бенеш полагал, что против этого англичане уже возражать не смогут.

В мае 1942 года в телеграмме Фирлингеру Бенеш отмечал: «... Англосоветское соглашение... будет скоро готово... После его подписания станут актуальными другие центральноевропейские вопросы, в частности наш и польский, вопрос конфедерации, сложности, связанные с Дунаем, немецкая проблема. Считаю необходимым вовремя поговорить о них с Россией...»^[216]

Однако в Лондоне продолжали тормозить поездку Бенеша в Москву. Теперь англичане сообщили чехословацкому президенту, что во время визита Молотова в Лондон (когда был заключен упоминавшийся выше договор между СССР и Великобританией) и они, и русские якобы обязались не заключать с «малыми странами» Европы никаких договоров, касающихся послевоенного периода.

Бенеш поручил Фирлингеру выяснить позицию СССР. Из Москвы через некоторое время ответили, что англичане действительно попросили Молотова не заключать никаких соглашений с малыми странами, но это касалось только Греции и Югославии. В Лондоне понимали, что в этих странах сильное партизанское коммунистическое движение, и после войны коммунисты имеют все шансы прийти к власти. Пользуясь тяжелым положением СССР летом – осенью 1942 года, Черчилль настаивал, чтобы никаких договоров, предрешающих статус этих стран после войны, не заключалось.

Однако Москва четко оговорила, что предложение британцев, по сути, предложением и осталось: никаких юридически обязательных документов на сей счет Молотов в Лондоне не подписывал.

Тогда, вновь пытаясь хоть как-то удержать Бенеша от заключения чехословацко-советского союзного договора, Великобритания в августе 1942 года официально объявила, что Мюнхенское соглашение 1938 года в отношении границ Чехословакии утратило силу. Но вместе с тем англичане отказывались признать довоенные границы ЧСР. Теперь они говорили, что такова принципиальная политика Черчилля – не признавать во время войны ничьих послевоенных границ. Это, мол, может обидеть тех же поляков.

В конце 1942 года Бенеш и сам уже не сильно торопился с подписанием договора с Москвой, так как казалось, что СССР может потерпеть в войне страшное поражение – вермахт стоял на Волге. Тогда союз с Москвой и опасность прихода на территорию ЧСР

«коммунистической» Красной армии казались всего лишь досужими домыслами.

1 декабря 1942 года правительство СССР еще раз сообщило Бенешу, что готово в любой момент принять его в Москве.

В январе 1943-го Бенеш рассуждал следующим образом: «...Русские выдержат до весны... а там, конечно, возникнет критическая ситуация. Встанет вопрос, кто больше будет измотан, русские или немцы. У кого окажется больше резервов...»^[217]

Однако триумфальная победа Красной армии под Сталинградом вновь заставила Бенеша заторопиться, тем более что на скорейшем заключении договора настаивали как эмигрантское правительство в Лондоне, так и госсовет.

Но тут снова возникло «польское» препятствие: 25 апреля 1943 года польское эмигрантское правительство разорвало с СССР дипломатические отношения, после того как немцы показали всему миру обнаруженные в Катынском лесу под Смоленском могилы убитых польских офицеров.

Интересно, что печать протектората Богемии и Моравии, особенно главная газета «Национальная политика», уже в апреле 1943-го начала публиковать обширные антисоветские материалы в связи с Катынью^[218]. Рефреном звучал тезис «большевистской опасности» и «угрозы с Востока» для Европы в целом и Чехии в частности, против которой население протектората должно бороться вместе с «культурной» Германией.

Против нагнетания немцами и их подручными в Чехии антисоветского психоза 25 апреля 1943 года решительно выступил по лондонскому радио, обращаясь к соотечественникам, Бенеш: «...только чудом немецкий фронт спасся от полного крушения, и теперь уже на протяжении нескольких месяцев немецкая пропаганда тщетно пытается нагнать всему миру страх перед так называемым большевистским потоком, который якобы накроет всю Европу в случае немецкого военного поражения... Нацистские официальные и неофициальные пропагандисты на протяжении последних недель в своей алармистской кампании на тему, что станет с Европой, если немцы будут разбиты Красной армией, вам усиленно вдалбливают, что если выиграет Советский Союз, то якобы уже не будет Чехословацкой республики, что все затопит большевизм, что все захватит Советский Союз... Скажите каждому, кто вам это говорит, что такие речи являются обычным немецким пропагандистским идиотизмом»^[219].

После разрыва дипломатических отношений между СССР и Польшей и англичане, и поляки требовали от Бенеша не заключать с Москвой

договора до урегулирования советско-польских отношений.

Но Бенеш решил разыграть против поляков и англичан американскую карту. В январе 1943 года он объявил о своем решении перед Москвой побывать в Вашингтоне и узнать мнение Рузвельта по вопросу чехословацко-советского договора. Англия зависела от военных поставок США и не могла просто проигнорировать мнение Вашингтона.

19 марта 1943 года, чтобы окончательно убедиться в позиции Москвы, Бенеш спросил Богомолова: «Готов ли СССР заключить с нами договор в духе англо-советского договора еще до конца войны и таким образом, чтобы договор четко определял наши отношения после войны? Готов ли СССР подготовить и позже заключить трехсторонний договор между ЧСР, Польшей и Советским Союзом?» 21 апреля Богомолов получил ответ из Москвы: «Нужно, чтобы Вы встретились с Бенешем и со ссылкой на предыдущую беседу с ним, сообщили следующее: 1. Мы готовы обсудить вопрос заключения советско-чехословацкого договора о взаимной помощи, если такой проект будет представлен чехословацкой стороной. 2. Если Бенеш скажет, что его предыдущую беседу с Вами можно считать предложением чехословацкой стороны Советскому Союзу о подписании договора о взаимной помощи, то можете заявить, что советское правительство в принципе согласно с заключением такого договора и готово обсудить конкретные предложения чехословацкой стороны»^[220].

Что касается трехстороннего договора (с участием Польши), то и его Москва была в принципе готова обсудить, но не считала этот вопрос актуальным именно в тот момент. Сталин понимал, что эмигрантское правительство Сикорского не признает новые границы СССР, а в этих условиях обсуждение союзного договора с Польшей было лишено всякого смысла.

Бенеш был полностью удовлетворен ответом из Москвы и в начале мая 1943 года отправился в США. Хотя некоторые правые круги в США считали Бенеша чуть ли «большевиком», переговоры с президентом Рузвельтом были очень продуктивными.

13 мая 1943 года Бенеш сообщил Масарику из Вашингтона: «а) В отношении России он (Рузвельт) считает, что России надо доверять и продолжать такое лояльное сотрудничество и после войны в полном объеме. Рузвельт хочет придать этому практическое значение и встретиться со Сталиным и открыто и реалистично обсудить с ним все вопросы. Прошу об этом не говорить. б) Рузвельт реалистично смотрит на советско-польские отношения. В этих отношениях хотя бы прекратилась дальнейшая полемика, однако он очень правильно смотрит на трудности с польской

стороны и на форму разрешения польско-советского пограничного спора... в) Я проинформировал президента о наших переговорах с Советами, об их точке зрения на необходимость урегулировать отношения с нами в договорной форме^[221] и об их заверениях, что они не намерены вмешиваться в наши внутренние дела, так же как и об их принципиальной готовности договориться с демократической Польшей. Президент принял это к сведению с твердым удовлетворением и признал, что с Россией мы ведем себя правильно...»^[222]

Ободренный поддержкой Рузвельта, Бенеш вернулся в Лондон и хотел немедленно выехать в Москву, откуда сообщили, что ждут его уже в июне. Интересно, что Бенеш вообще хотел ехать в СССР прямо из США, но тут опять вмешались англичане, все еще не оставлявшие попыток сорвать заключение советско-чехословацкого договора. Они заявили Бенешу, что путешествовать через Средиземное море небезопасно.

В Лондоне Бенеша снова убеждали не ехать в Москву до урегулирования советско-польских отношений. 4 июля 1943 года Фирлингер писал Бенешу из Москвы: «Лично я думаю, что надо бы обратить внимание англичан на то, что они не будут содействовать нормализации польско-советских отношений, противясь нашему соглашению с СССР»^[223].

10 июля 1943 года Бенеш беседовал с представителем Форин офис Локкартом, опять утверждавшим, что между Москвой и Лондоном есть соглашение о незаключении договоров с малыми странами во время войны. Правда, теперь Локкарт называл его уже «джентльменским» (то есть устным и необязательным). Терявший терпение Бенеш прямо говорил, что именно на договор с Москвой он хочет «опереться» «в хаосе» после войны^[224].

14 июля Бенеш встретился с американским послом в Лондоне Биддлом и попросил передать Рузвельту, что поездка в Москву откладывается из-за сопротивления англичан. Биддл был «удивлен» и «ясно высказался против позиции Великобритании». «Он считает, – писал Бенеш, – что нельзя ждать быстрого улучшения у поляков, что мы правы, когда пытаемся решить свои вопросы с Россией сами, что было бы хорошо и другим, если бы мы подписали договор. У меня сложилось впечатление, что он говорил абсолютно искренне»^[225].

На следующий день Богомоллов «с иронией» спросил Рипку (госсекретаря МИД), хочет ли правительство ЧСР подписать с СССР соглашение, которое само же и предложило? Он еще раз подтвердил, что

никаких обязательств у СССР относительно «малых стран» нет.

16 июля 1943 года состоялось заседание чехословацкого правительства, на котором единогласно было принято следующее решение относительно договора с Москвой:

- правительство настаивает на заключении договора;
- договор должен быть подписан «как можно скорее»;
- правительство желает, чтобы президент отправился в Россию «как можно быстрее»^[226].

22 июля 1943-го Рипка выступил с докладом о советско-чехословацком договоре на заседании госсовета. Мнение участников тоже было абсолютно единодушным. В резолюции госсовета говорилось: «...Государственный совет высказывает свое согласие с подходом, которым следует в этих вопросах правительство, и снова подчеркивает в полном согласии с президентом республики и с правительством, что твердо поддерживает заключение договора о дружбе и взаимной помощи между Советским Союзом и Чехословацкой Республикой... Государственный Совет в нескольких своих заявлениях уже выразил свое полное согласие с такой политикой. Государственный совет полностью согласен с желанием чехословацкого правительства, чтобы этот договор был подписан как можно быстрее и чтобы официальный визит президента республики в союзный нам Советский Союз осуществился бы как можно скорее»^[227].

Однако теперь англичане просили повременить до первой встречи министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, которая должна была состояться в Москве в октябре 1943 года.

Ведущий сотрудник Форин офис Никольс в беседе с Рипкой 23 июля вообще пытался доказать, что русским нельзя верить, несмотря ни на какие договоры. К тому же, мол, британское общественное мнение настроено против советско-чехословацкого договора. Рипка на это ответил, что общественное мнение в Англии следует за правительством. А если в Англии говорят о чехословаках, что они «в объятиях большевиков», то это «зловредная пропаганда». «Пусть пропаганда твердит о Советах что угодно, но остается очевидным фактом, что они никогда не нарушали ни одного письменного обязательства, которое на себя брали, и не только в политических вопросах, но и в вопросах торговых, финансовых и т. д. Поэтому мы можем безопасно полагаться на то, что они будут также соблюдать и договор, который мы с ними хотим заключить... Я открыто сказал Никольсу, что позиция, которую сегодня занимают англичане, мешает нам консолидировать наши внутри– и внешнеполитические дела...

Я подробно объяснил Никольсу, что в этом вопросе среди наших людей царит абсолютное единство... Все единогласно требуют, чтобы договор был заключен как можно скорее»^[228].

Рипка прямо сказал, что Бенеша очень огорчает нежелание британцев понять его политику.

5 августа 1943 года с Никольсом встретился уж сам Бенеш: «Я упрекнул его, что они нас сдерживают в нашей работе по консолидации нашей внутренней политики, что мешают нам вовремя договориться с Россией, и я спрашиваю, не хотят ли они поставить нас по отношению к России в то же положение, что и Польшу, и не заинтересованы ли они в ослаблении моих позиций и позиций ЧСР в России... Я подчеркнул, что они поставили нас в невозможное положение по отношению к России... Конец этого месяца – последний срок, когда я могу поехать в Россию...»^[229]

В начале сентября 1943 года Майский по просьбе Масарика спросил министра иностранных дел Идена, почему Англия настроена против визита Бенеша в СССР. Иден увиливал и свалил все на Черчилля, который якобы на заседании британского кабинета активно возражал против этого визита. Масарик прямо сказал, что это отговорка^[230].

13 сентября 1943 года Локкарт опять убеждал Бенеша, что Англия в принципе не против договора, но в данный момент нельзя ехать в Москву из-за поляков. Однако это лишь «совет, не больше». 29 сентября Бенеш повторил Никольсу: «...Мы настроены подписать договор и не отступим от этого, мы ждем только встречи (министров иностранных дел Англии, США и СССР) и ожидаем, что она положит конец всем этим двусмысленностям и наши постоянные дискуссии завершатся. 3) Он спросил, почему мы так на этом настаиваем. Я ему снова указал на необходимость этого дела (договора – *Прим. автора.*), на наше географическое положение и добавил: «Ну посмотрите же на карту; вокруг нас нет друзей, только Россия – друг. А поэтому наша политика естественна». 4) Он запротестовал: Англия – тоже друг... Я сказал, что, может быть, хотя бы после этой войны в Англии поймут, что такое ЧСР, и что если бы Россия была в 1938 году нашим соседом, то не было бы Мюнхена. Он выразил в этом сомнение, и я понял, что он не так уж уверен в нашем будущем соседстве (с СССР). Я ответил: «Линия Керзона^[231] – вот наше соседство, и на этой основе и надо делать политику»^[232].

Таким образом, Бенеш недвусмысленно поддержал советскую позицию в вопросе о восточных границах Польши, тем более что именно

линия Керзона позволила бы установить чехословацко-советскую границу, чего так страстно желал президент ЧСР.

В конце сентября 1943 года чехословацкое правительство официально направило ноту правительствам Англии, США и СССР. В ней выражалось «убеждение, разделяемое всем нашим народом на родине, что чехословацко-советский договор является жизненным требованием безопасности и независимости чехословацкого государства...»^[233]

Однако когда советская сторона предложила опубликовать проект договора, Бенеш просил этого не делать, не посоветовавшись с министром иностранных дел Иденом в Москве. Тот перед отъездом в Москву был настроен резко против договора и сказал Масарику: «Ваше правительство сошло с ума, и у него в голове только договор с Россией»^[234].

24 октября 1943 года на шестом заседании встречи министров иностранных дел США, Англии и СССР в Москве Иден опять поставил вопрос о нежелательности заключения договоров с малыми странами, чтобы избежать создания в Европе «сфер влияния». Молотов предложил высказаться американцам, но у тех четкой позиции по данному вопросу не было.

Так как советская попытка вовлечь в обсуждение американцев потерпела неудачу, Молотов со всей ясностью высказался на данную тему: «Обсуждая вопрос о желательности или нежелательности заключения соглашений с малыми странами по послевоенным вопросам, мы должны считаться с некоторыми фактами. Я обращаю внимание, прежде всего, на переговоры, которые велись в последнее время между советским и чехословацким правительствами. Эти переговоры касались, как известно, вопросов взаимопомощи в послевоенный период, они касались также вопросов безопасности обоих государств, граничащих между собой. Весь смысл переговоров, которые происходили между Чехословакией и Советским Союзом, заключался в том, чтобы договориться на случай новой агрессии со стороны Германии, имеющей давнюю тенденцию к агрессии на Восток – «Дранг нах Остен».

Инициатива в этом вопросе была проявлена президентом Чехословацкой республики г-ном Бенешем. Мы отнеслись к этой инициативе положительно. Г-н Бенеш предложил нам проект договора. Это было месяца три тому назад... Теперь этот договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве полностью согласован. Я направил копии этого проекта договора г-ну Идену и г-ну Хэллу (госсекретарь США. – *Прим. автора.*) два дня тому назад. Теперь дело

только за подписями под этим договором, который полностью согласован до последней запятой...

Президент Чехословакии г-н Бенеш намеревался для подписания договора приехать в Москву. Советское правительство весьма положительно отнеслось к этому. Но, как известно, поездка г-на Бенеша в Москву пока не состоялась, и отнюдь не потому, что он не хотел ехать, а потому, что это встретило возражения со стороны британского правительства.

Иден. У меня нет возражений против его путешествия.

Молотов. Речь идет не о путешествии, а о поездке г-на Бенеша в Москву для подписания договора. Ведь г-н Бенеш не частное лицо, а президент Чехословацкой республики... Я убежден, что не только правительствам Чехословакии и Советского Союза, но и общественному мнению этих стран было бы совершенно непонятно, если бы с какой-либо стороны встретились препятствия к заключению такого договора... Мне кажется также, что британское правительство, которое хорошо знакомо с этим вопросом, не имеет оснований для каких-либо возражений против договора, который имеет только положительное значение с точки зрения интересов Советского Союза и Чехословакии и который заключается между государствами, имеющими общую границу против возможной агрессии Германии в будущем...

Идеи... Я не собираюсь долго дебатировать этот вопрос, но хочу сказать следующее... (Далее Иден опять говорил о договоренности с СССР не заключать договоров с малыми странами. – *Прим. автора.*) Теперь я получил копию проекта договора, который мне только что был прислан г-ном Молотовым. Если Вы позволите мне так выразиться, мне кажется, что это хороший договор.

Молотов. Очень приятно, что договор Вам понравился.

Иден. У меня не возражений против договора. Но я хотел бы сказать следующее. Так как теперь положение между нами стало ясным, мне хотелось бы, чтобы мое правительство получило возможность высказаться в положительном смысле после подписания этого договора. Я был бы благодарен, если бы г-н Молотов согласился сообщить мне время подписания и время опубликования этого договора, чтобы я мог заранее сообщить об этом моему правительству.

Молотов. Я так понял г-на Идена, что он по существу считает договор хорошим и теперь только хочет узнать, когда он будет подписан, а также время его опубликования. На это я могу ответить, что сегодня же даю телеграмму в Лондон нашему поверенному в делах о том, что г-н Иден

относится к этому договору положительно, и что мы ждем г-на Бенеша в Москву для подписания договора.

Иден. Это хорошо, только я очень прошу дать мне 24 часа, чтобы я мог сообщить премьер-министру о том, что здесь произошло, иначе он, возможно, будет удивлен, когда узнает, что г-н Бенеш едет в Москву.

Молотов. Я вполне с этим согласен»^[235].

Таким образом, Иден был вынужден сделать хорошую мину при плохой игре и опять попытался перевести стрелки на Черчилля. Примечательно, что Иден ни разу не поправил Молотова, когда тот говорил о советско-чехословацкой границе как об уже реальном факте. Это означало, что Англия тоже смирилась с переходом Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР.

Итак, 23 октября 1943 года Иден был ознакомлен в Москве с проектом советско-чехословацкого договора. Так как этот договор составили по образцу советско-английского, Идену было трудно что-либо возразить по существу, тем более что СССР и ЧСР как суверенные государства могли заключать между собой любые соглашения и без учета мнения Англии.

25 октября Фирлингер писал Бенешу о своей беседе с Иденом за обедом: «Иден мне твердил, что Молотов ему сегодня показал текст нашего договора и что он был приятно поражен. (Здесь Иден опять лукавил: текст был ему показан 23 октября. – *Прим. автора.*). Договор, мол, очень хороший, и никаких возражений против него быть не может. Он сожалеет, что ранее не знал текста и что мы с самого начала делали из него большую тайну. Если бы этого не было, то вопрос был бы давно решен»^[236].

Говоря проще, теперь Иден пытался свалить британскую обструкцию на самого Бенеша. Тот же 26 октября заявил советскому поверенному в делах, что намерен приехать в Москву как можно быстрее.

12 ноября перед поездкой в Москву Бенеш встретился с членом польского эмигрантского правительства социалистом Станчиком. Тот с надрывом спрашивал Бенеша, не хотят ли русские сделать из Чехословакии советскую республику и «болыпевизировать» ее.

«Я ответил:

...Скажу Вам, чего хотят русские: окончательно решить украинский вопрос. Без этого они эту войну не закончат и согласно этому поступают. Потом я подвел его к новой русской карте Европы с новыми русскими границами и показал ему их. Он был очень потрясен – искал Вильно и Львов и, наконец, заявил: ни один поляк никогда не примет границы без Львова. – Я на это: все бы можно решить, но без Львова это не удастся.

Сказал ему, что линия Керзона отдала Львов русским. Он ничего не ответил... Я объяснил ему, что смешно бояться, что они хотят сделать из них (поляков) советскую республику и большевизировать их. Показал ему договор – статьи 3 и 4. Он был очень удивлен четким положением договора против «Дранг нах Остен» и уважением суверенитета и внутренних дел...»^[237]

На следующий день Бенеш уже говорил с премьером польского эмигрантского правительства Миколайчиком, заменившим погибшего в авиационной катастрофе Сикорского, по просьбе последнего. Когда Бенеш разъяснил Миколайчику положения советско-чехословацкого договора, тот «был очень доволен... разъяснениями и также удивлен тем, что об этом всем можно было договориться с Россией». Но о границах с СССР Миколайчик, по его словам, пока говорить не хотел. Мол, даже если он и пойдет на исправление границ в обмен на приращение территории Польши за счет Германии (именно это и предложил на конференции в Тегеране Черчилль), то непонятно, как к этому отнесутся Англия и Америка.

При этом премьер опять твердил, что ему неясны цели советской политики в отношении Польши. Не хотят ли русские ее «большевизировать»? Бенеш показал советскую карту Европы и Миколайчику, и тот «никак особо не реагировал». Бенеш убеждал Миколайчика, что Советы искренне хотят независимости Польши. «Только путем сотрудничества с Советами, – продолжал он, – мы (Чехословакия и Польша – прим. ред.) можем обеспечить свое будущее как самостоятельные государства. Кроме того, советизировать нас либо оказывать давление, чтобы мы сами провозгласили советские республики, с моей точки зрения, вскоре, а то и сразу же после войны, сделало бы невозможным нынешнюю советскую политику в отношении Англии с Америкой. А она для Советов гораздо важнее, чем желание иметь рядом с собой советскую Польшу или Чехословакию. Конечно, они хотят иметь рядом дружественные им Польшу и Чехословакию, и это, по моему мнению, естественно»^[238].

Миколайчик признал, что польское правительство сделало ошибку, развязав пропагандистскую кампанию против СССР.

В начале декабря 1943 года через Тегеран (где только что завершилась первая встреча в верхах «большой тройки» Сталина, Рузвельта и Черчилля) Бенеш наконец прибыл в Москву. Уже на первой встрече в театре 12 декабря Сталин попросил у Бенеша совета, как можно договориться с Польшей. Бенеш ответил: «...Наши отношения с Польшей довольно холодны... Испокон веку у поляков к нам было особое отношение, и не

очень-то хорошее. Думаю, что главным препятствием было всегда наше отношение к вам... Например, они упрекали нас, что когда поляки на вас напали и шли на Киев (в 1920 году – *Прим. автора.*), наши рабочие устроили всеобщую забастовку и предотвратили проезд через нашу территорию поездов из Франции с боеприпасами для поляков. Потом в нашей с ними истории всегда были пограничные споры.

Сталин. Да, у вас там история с Тешинем. Но это же мелочь.

Бенеш. Конечно, но таких вещей было всегда много...»^[239]

Сталин и Ворошилов сказали, что Польша, наверное, образумится только после третьей войны с немцами. Бенеш после подробной беседы со Сталиным, которого очень интересовала личность Миколайчика, подытожил: «Сталин при поддержке Ворошилова и Молотова и Калинина настоятельно подчеркивал, что Россия не заинтересована ни во вмешательстве в польские дела после войны, ни в оккупации ее (Польши)»^[240]. Со своей стороны Бенеш подчеркнул, что польское население относится к СССР совсем иначе, чем польское эмигрантское правительство в Лондоне.

Советско-чехословацкий договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве был подписан 12 декабря 1943 года в Москве народным комиссаром иностранных дел В. М. Молотовым и послом Чехословацкой республики в Москве З. Фирлингером.

Статья 1 договора, провозглашая постоянную дружбу и послевоенное сотрудничество между двумя странами, обязывала их в войне против Германии и ее сателлитов «оказывать друг другу военную и другую помощь». Договаривающиеся стороны по статье 2 обязались не вступать в период войны в какие-либо переговоры с гитлеровским или иным правительством Германии, которое не отказывается от всяких агрессивных намерений, а также не заключать без взаимного согласия перемирия или мирного договора с Германией или с государствами, которые связаны с ее актами агрессии в Европе.

Вторая часть договора намечала основы послевоенного советско-чехословацкого сотрудничества. Так, по статье 3 стороны согласились оказывать друг другу военную и всякую другую поддержку, в случае если после войны СССР или Чехословакия оказались бы вновь вовлеченными в военные действия против Германии или против другого государства, ее союзника.

Статья 4 устанавливала, что послевоенное сотрудничество двух держав предусматривает взаимную экономическую помощь и будет

развиваться на основе взаимного уважения независимости, суверенитета и невмешательства во внутренние дела другого государства.

Статья 5 содержала взаимное обязательство договаривающихся сторон «не заключать какого-либо союза и не принимать участия в какой-либо коалиции, направленных против другой высокой договаривающейся стороны».

Договор был заключен на 20 лет с тем, чтобы сохранять силу на последующие пятилетия, если одна из сторон не денонсирует его за 12 месяцев до истечения очередного срока.

Большое значение для создания системы послевоенной безопасности в Европе имел приложенный к советско-чехословацкому договору протокол. Он предоставлял возможность третьей стране, граничащей с Советским Союзом или Чехословакией и подвергшейся германской агрессии, присоединиться к договору. В данном случае имелось в виду воздействовать на польское эмигрантское правительство и предоставить ему возможность урегулировать свои отношения с СССР на основе принципов советско-чехословацкого договора.

На переговорах с Молотовым 14 декабря 1943 года Бенеш, прежде всего, поблагодарил за помощь в преодолении британской обструкции на пути подписания советско-чехословацкого договора.

Вторым пунктом переговоров был германский вопрос. Бенеш просил Молотова (как и ранее Сталина) территориально «разбить» Германию, чтобы раз и навсегда избавиться от угрозы немецкой агрессии. Молотов переспросил: разбить, то есть расчленить? Бенеш сразу подтвердил и подчеркнул, что этого хотят и англичане, и американцы. Молотов ответил, что в принципе он не возражает, но надо согласовать детали: на сколько частей разделить и т. д.

Далее Бенеш сказал, что вместе с СССР хочет после войны активно участвовать в преследовании нацистских преступников и коллаборационистов: «Мы готовим списки виновных. Мы хотим идти также далеко, как и вы... Наверняка у нас будут трудности с американцами и англичанами относительно степени наказания виновных, в том, что касается наших виновных».

Этим Бенеш поднял один из главных вопросов, ради которых он приехал в Москву. Виновными в коллаборационизме он считал 90 % судетских немцев и хотел заручиться согласием Москвы на их выселение («трансфер») с территории ЧСР. Сталин ответил ему категорически: «Мы согласны»^[241]. До поездки в Москву Бенеш уже заручился в этом вопросе согласием Черчилля и Рузвельта.

Бенеш подчеркнул, что вопрос выселения немцев не только национальный, но и социальный: «Среди наших немцев 70 % богатые люди; их надо выселить первыми, они все были фашистами. Чехи – это демократы. У нас тоже есть ряд богатых людей, у нас также есть разные политические течения, но в целом о нации можно сказать, что она демократическая... Мы будем конфисковать землю, заводы, шахты, металлургические заводы, банки немцев. Частникам я все это не могу дать, ведь возникнет масса споров, поэтому все возьмет в свои руки государство, все это будет национализировано. Но если я это сделаю с немецкой собственностью, то буду должен потребовать того же и от чехов.

Молотов. А Вы думаете, они это примут?..

Президент. Понимаю, это будет сложно, но я верю, что нам это удастся. Но начнем с трансфера немецкой собственности, это станет началом национализации. Понимаете, что для нас означает такой трансфер: чехизацию, начало великого социального переворота».

Бенеш особо подчеркнул, что национализированы будут и чешские банки, хотя здесь не обойдется без борьбы.

Таким образом, он пытался убедить советскую сторону, а через нее и КПЧ, что социальные вопросы в послевоенной Чехословакии можно решить за счет не только экспроприации немцев, но и национализации чешского капитала. Как мы видим, инициатива послевоенной национализации в ЧСР исходила отнюдь не из Кремля, а от самого Бенеша.

Очень важным для последующих судеб страны был вопрос о послевоенной аграрной реформе в ЧСР. Бенеш отметил, что аграрная реформа уже была проведена в 1924 году, и в частных руках было оставлено не более 500 га земли, из которых сельхозугодий могло быть максимум 250 га. Он сказал, что хочет, чтобы максимум для отдельной семьи составлял 25 га, и что это уже стало частью правительственной программы^[242]. Заметим, что даже КПЧ не предлагала более радикальных изменений на селе.

Молотов выразил определенные сомнения в реалистичности столь радикальной реформы, но пожелал всяческого успеха в ее осуществлении.

Также он подтвердил, что и Венгрия, как того просил Бенеш, должна ответить за оккупацию территории Чехословакии после Мюнхенского сговора. Бенеш при этом заметил, что венгров будут поддерживать поляки.

В отношении Польши Бенеш сказал Молотову, что на чехословако-польской федерации настаивали англичане и поляки, но он «категорически» ее отверг. Он, Бенеш, был готов говорить только о конфедерации, идею которой теперь считал «мертвой», и лишь при

условии, что у Польши будут хорошие отношения с СССР, что предполагает и разрешение вопроса о советско-польской границе. К тому же в Польше, по словам Бенеша, царит «феодализм», а Чехословакия страна демократическая, поэтому полякам придется провести внутренние реформы.

После переговоров Бенеш из Кремля смотрел на салют в честь освобождения Черкасс Красной армией.

На переговорах с Молотовым 16 декабря Бенеш начал обсуждать вопрос военного сотрудничества, в том числе и после войны. Он хотел организовать на территории СССР еще одну чехословацкую бригаду и просил Советский Союз предоставить чехословацкой армии вооружение, так как в конце войны «будет революция, партизанская война».

«Молотов (немного иронично). Кого с кем?

Бенеш. С немцами. Возможно, что немцы сдадутся раньше, но я этого не хочу и должен быть готов».

Молотов пытался узнать, в чем состоит сопротивление оккупантам в чешских землях, ведь в Польше оно есть: там взрывают мосты, поезда и т. д. На это Бенеш ответил, что в протекторате речь идет о «разведывательном саботаже». Мол, география Чехословакии делает партизанское движение невозможным.

Что касается послевоенного сотрудничества в военной сфере, Бенеш четко заявил: «...Как Вы знаете, после предыдущей войны мы ориентировались на Францию, приняли их (военную) доктрину, сотрудничество. После этой войны мы должны тесно сотрудничать в военной области с вами. Это означает, что мы приспособим наши планы, нашу военную науку к вашему опыту, стандартизируем вооружение, боеприпасы, будем сотрудничать в авиации, строительстве и подготовке аэродромов и т. д. Как видите, мы идем на все, что вытекает из нашего договора, и желаем сотрудничать во всех сферах»^[243]. Все пожелания чехословацкой стороны были отражены в специальном меморандуме, который Бенеш передал Молотову.

По поводу послевоенного сотрудничества двух стран в меморандуме содержались следующие предложения: «ЧСР как самому далеко выдвинутому на запад и подверженному угрозе нападения бастиону славянства требуется:

а) сильная, быстро мобилизуемая армия, оснащенная наступательными средствами, очень маневренная;

б) постоянные укрепления, которые обеспечили бы время для проведения мобилизации;

в) густая сеть аэродромов, способных разместить мощные силы советской авиации.

Основным условием для взаимодействия чехословацкой армии с Красной армией является совместная граница ЧСР и СССР. Чтобы взаимодействие обеих армий было обеспечено, требуется:

а) приспособление и частичная унификация, то есть использование советской военной доктрины для особой военной ситуации ЧСР;

б) частичная унификация вооружения и авиации;

в) тесное сотрудничество в сфере военной разведки.

Дополнение к пункту «а»:

1) учеба в военных училищах и курсах;

2) взаимные стажировки.

Дополнение к пункту «б»:

1) типы и виды вооружения – некоторые типы артиллерии, минометы, танки;

2) типы самолетов. Для нас выгодно перенять испытанные и хорошо зарекомендовавшие себя типы советских боевых самолетов. ЧСР как малая страна с недостаточным простором не может содержать многочисленную тяжелую бомбардировочную авиацию. Поэтому в первую очередь она будет рассчитывать на сильную истребительную авиацию, собственные фронтовые и легкие бомбардировщики и на достаточную помощь советской тяжелой бомбардировочной авиации.

Дополнение к пункту «в»: обмен опытом, результатами научных исследований в военной промышленности и авиации...»^[244]

Сталин откликнулся на меморандум четко и кратко: «Все правильно!» Бенеш сообщал министру обороны Ингру: «Переговоры о военных вопросах шли хорошо. Сталин лично выразил полное согласие с меморандумом, согласился со всем тем, что я ему передал...»

Отдельный меморандум чехословацкой стороны был посвящен и послевоенному экономическому сотрудничеству между ЧСР и СССР. Бенеш сформулировал Молотову его квинтэссенцию следующим образом: «Как только мы станем соседями, это окажет влияние на изменение нашей экономической ориентации. Таковая была до сих пор на 80 % обращена на Запад, а это точно изменится. Думаю так: 50 % на Восток и 50 % на Запад.

Молотов. Да, это очень важная вещь.

Бенеш....Мы заинтересованы, чтобы после войны у нас не возникла безработица, а без вас нам избежать этого не удастся. Поэтому мы и не хотим, чтобы в поставках сырья мы зависели только от Запада. В этом и

смысл этого экономического меморандума...»^[245]

Молотов осторожно ответил, что хотя советская хозяйственная система ориентирована на собственную промышленность, но и от сотрудничества с другими странами СССР не отказывается.

Таким образом, именно Бенеш в Москве в 1943 году поднял вопрос о необходимости ориентации послевоенной Чехословакии на СССР в военных вопросах (неограниченно) и в экономических (наполовину). В чехословацком меморандуме по экономическим вопросам прямо говорилось: «Так как Чехословакия будет связана с Советским Союзом долгосрочным договором о взаимной помощи и экономическом сотрудничестве, необходимо создать прочные основы взаимных экономических связей, которые будут означать глубокие изменения в экономической жизни Чехословакии, чтобы она этим образом была связана еще более тесными узами со своим соседом и союзником.

Основными чертами такого сотрудничества могли бы являться следующие:

1) Нет сомнений в том, что вся экономическая система и особенно внешняя торговля Чехословацкой республики после этой войны в корне изменятся, и экспорт и импорт республики будут направлены большей частью на Восток, особенно в СССР;

2) Надо выработать план самого широкого обмена сырьем и товарами с целью использования всех производственных мощностей обеих стран. Главные отрасли чехословацкой промышленности, такие как: залежи угля, источники энергии, шахты, металлургия и, вероятно, иные отрасли транспорт и т. д., будут, согласно сегодняшним чехословацким планам, национализированы. Тем самым создались бы основные предпосылки для планового производства в главных промышленных отраслях на несколько лет вперед и приспособления чехословацкого плана производства к государственному плану СССР (естественно, с оглядкой на необходимые экономические связи Чехословакии с другими странами), который соответствующим образом учитывал бы все основные потребности Чехословакии как в сырье, так и в том, что касается сбыта готовой продукции. Таким способом можно было бы достичь самого действенного сотрудничества с СССР в главных отраслях и обеспечить чехословацкой промышленности полную занятость на длительный срок...»^[246]

Бенеш поднял и деликатный, по его собственным словам, вопрос: «...Я бы желал, чтобы ваше правительство потребовало от нашего правительства наказания всех тех в Словакии, кто виновен в войне против СССР. Хочу,

чтобы вы дружественным способом попросили нас, чтобы мы сурово наказали всех тех, кто виновен в объявлении войны (Словакии против Советского Союза) и сотрудничестве с немцами на фронте...»^[247]

С помощью такого странного, на первый взгляд, предложения Бенеш хотел руками Москвы установить в послевоенной Словакии нужную ему политическую систему, исключив из общественной жизни всех тех, кто был за ту или иную форму самостоятельности Словакии. Сам Бенеш, как известно, вообще не считал словаков отдельной нацией. Но именно такой «чехословакизм» довоенного чехословацкого правительства и толкнул многих словаков на путь сепаратизма, так как они были лишены автономии в ЧСР.

Молотов раскусил этот дипломатический финт и ответил с улыбкой: «Было бы не совсем понятно, если бы мы ставили словаков на ту же доску, что немцев и венгров.

Бенеш. Нет, я этого не хочу, но этот вопрос остался бы между нами и вами. Я не хочу, чтобы словацкий вопрос стал вопросом международным, это будет нашим внутренним делом. Речь для меня идет лишь о том, чтобы во внутренней политике не стали говорить, что чехи наказывают словаков. Поэтому мне нужна ваша помощь. У нас неприемлемо то, что они сделали; и со славянской точки зрения нужно судить то, что они делали для немцев против славян.

Молотов. Понимаю. Вам нужна поддержка Советского Союза против словаков. Кто те люди, кого вы хотите наказать?

Бенеш. Тука, Шаньо Мах, Тисо (он же Гаспар), Медрицки, Чатлош^[248] тоже должен быть повешен. У словаков это очень тяжело – хватать виновных. Словаки – это все одна семья, они хорошо устроились, один брат в Лондоне, другой в Словакии. Если бы дела у союзников пошли плохо, то брат в Словакии спас бы того, кто за границей, а в противоположном случае брат из-за границы спасет брата дома. Конечно, я утрирую, но хочу лишь сказать, что нам, чехам или словакам, было бы тяжело наказать всех виновных. А в интересах будущего, в интересах морали это абсолютно необходимо».

Молотов от каких-либо обязательств воздержался, однако спросил, планируется ли предоставить словакам автономию после войны. Бенеш этот вариант отверг, но отметил, что в рамках «децентрализации» Словакия получит больше прав, чем до войны. Братислава уже не будет столицей Словакии, так как находится слишком близко от границы.

18 декабря 1943 года состоялся завершающий и официальный раунд

переговоров Бенеша со Сталиным (до этого переговоры проводились в неформальной обстановке за ужином), на которых присутствовал и Молотов.

Когда речь зашла собственно о Чехословакии, Сталин поинтересовался, почему в стране нет партизанского движения, ведь там вроде есть обширные леса. Он спросил также, как относиться к Гахе, главе протекторатного правительства, и нельзя ли его использовать. Бенеш ответил, что ранее поддерживал с Гахой связь, но теперь он превратился в инструмент немцев и будет осужден. После войны жизнь в Чехословакии, по мнению Бенеша, следовало поставить на новые основы. Сталин добавил, что, само собой разумеется, старую демократию оставить нельзя, так как она оказалась нежизнеспособной и приведет к гибели. «Надо сделать шаг вперед... к новому положению вещей». Но при этом советский лидер несколько раз повторил, что не хочет вмешиваться во внутренние дела других стран^[249].

Что касается Словакии, то Сталин, в отличие от Молотова, гораздо явственнее поддержал Бенеша. «Сталин подчеркнул, что Словакия не смеет и помыслить о том, чтобы стать самостоятельной. Она принадлежит Чехословакии». При этом Сталин спросил, насколько сильны различия между чешским и словацким языками. Бенеш ответил, что, по его мнению и с научной точки зрения, словацкий – это тот же чешский^[250].

Интересно, что Сталин не ставил вопроса о переходе Закарпатской Украины к СССР. Он лишь поблагодарил Бенеша за то, что жителей этой области считают украинцами и готовы учитывать их культурные потребности.

Сталин настаивал на том, чтобы лондонское правительство помогло наладить постоянный приток разведывательной информации из Чехии. Бенеш обещал сделать все возможное для этого.

Наконец, Сталин еще раз выразил полную поддержку подготовленным чехословаками меморандумам об экономическом и военном сотрудничестве.

22 декабря 1943 года Бенеш и Фирлингер так оценили результаты московских переговоров в депеше в МИД ЧСР: «Все результаты визита превзошли ожидания. Несмотря на это, оставайтесь при их комментировании спокойными и деловыми. Англичан проинформирую подробно после возвращения. Если надо, я их успокою»^[251].

Визит закончился торжественным ужином у Сталина, который секретарь Бенеша Таборский описывал следующим образом: «...Снова

гигантский выбор блюд, одно вкуснее другого, и потоки водки и иных напитков, дающих повод для множества тостов... Маршал Сталин даже сам подходил к людям вокруг стола, чтобы чокнуться, хотя, конечно, каждый быстро поспешал ему навстречу, как только маршал поднимался. Президент (Бенеш) в конце ужина произнес краткий заключительный благодарственный тост, после чего Сталин произнес импровизированный спич о необходимости славянского сотрудничества после войны. Он сказал, что немцам до сего момента удавалось разобщать славян, и они сотрудничали с одной частью славянства против другой, а потом наоборот. Но сегодня все славяне должны объединиться. И он выпил за всех славян и, как специально подчеркнул, за тех, кто пока еще воюет на другой стороне бок о бок с немцами. (На тот момент под это определение подходили словаки, болгары и хорваты. – Прим. автора.)»^[252]

После ужина Сталин пригласил гостей в кинозал, где они посмотрели две кинокомедии.

Не менее важными и столь же успешными, с точки зрения Бенеша, были его переговоры в Москве с лидерами КПЧ. Они проходили 13-18 декабря 1943 года.

Переговоры шли на основании предложений компартии. Бенеш со своим проектом организации послевоенной жизни не выступил.

Готвальд назвал президенту четыре основных принципа послевоенной политической системы Чехословакии:

- Национальный фронт, созданный в процессе антифашистской борьбы, должен быть сохранен и после победы;
- «основным столпом освобожденной республики станет истинная демократия дома и прочная дружба с Советским Союзом вовне»;
- «окончательную форму и содержание государственного и общественного устройства демократическим путем определит сам чехословацкий народ»;
- переход к «новой жизни должен проходить как можно более гладко и организовано, для чего уже все меры переходного периода должны проходить истинно демократически, при активном участии самых широких слоев народа и должны осуществляться людьми, которые доказали свою преданность нации в нашей борьбе как до Мюнхена, так и после Мюнхена»^[253].

Конкретно, по мнению Готвальда, президент Бенеш (он оставался на этом посту без выборов, хотя, как известно, сам в 1938 году подал в отставку, против чего компартия возражала) должен был издать декрет о

суверенитете Чехословакии на всей ее домюнхенской территории. До созыва после выборов нового Национального собрания (парламента) будут действовать конституция 1920 года и законы домюнхенского времени с исключениями, который потребует переходный период. Все нормативные акты, изданные после Мюнхенского сговора, объявлялись недействительными. Временный парламент будет избран местными национальными комитетами из всех партий Национального фронта.

Бенеш согласился с предложением коммунистов о формировании в ЧСР национальных комитетов как органов власти на местах с участием всех партий, борющихся против оккупантов. Однако он рассматривал эти комитеты как временные органы власти на время сразу же после окончания оккупации. Потом местные органы должны были назначить правительство. Напротив, КПЧ видела в национальных комитетах органы новой, истинно народной власти, которые должны быть созданы на основе выборов. С точки зрения КПЧ у национальных комитетов должны были быть следующие полномочия:

- обеспечение полной ликвидации оккупационного режима и наказание коллаборационистов;
- обеспечение демократического порядка и спокойствия, гладкого перехода к нормальной жизни;
- обеспечение непрерывного хода производства, транспорта и снабжения (включая конфискацию имущества оккупантов и коллаборационистов и перевод этих предприятий в национальное управление);
- начало строительства нового демократического аппарата управления, «очищенного от всех предательских, ненадежных и антидемократических элементов», и строительство новой армии «под командованием офицеров, которые зарекомендовали себя в национально-освободительной борьбе дома и за границей и проявили демократический образ мышления»^[254];
- организация выборов в Национальное собрание. После выборов нового парламента временные национальные комитеты прекращали свое существование и заменялись постоянными органами местного самоуправления.

Бенеш в принципе согласился, но выразил некоторую «неуверенность» относительно столь широких полномочий национальных комитетов. Он считал комитеты, прежде всего, средством подпольной антифашистской борьбы. Что же касается их послевоенных функций, то президент фактически отмолчался, хотя и не возражал. Бенеш явно хотел, чтобы после войны местные органы были назначены правительством сверху для

того, чтобы избежать хаоса.

Стороны быстро договорились о необходимости широких социально-экономических преобразований в Чехословакии, так как и Бенеш, о чем уже упоминалось, был сторонником радикальной национализации и аграрной реформы. При этом он, Бенеш, считавший себя социалистом, был даже радикальнее коммунистов в этих вопросах, что подчеркнул специально^[255].

Коммунисты поддержали и экспроприацию имущества немцев и венгров как пособников оккупантов, хотя Готвальд настаивал на «более тактичном» отношении к немецкому населению^[256]. КПЧ удалось добиться согласия Бенеша на то, что немцы-антифашисты не будут выселены из ЧСР и им будет сохранено чехословацкое гражданство. Коммунисты предложили Бенешу обратиться с публичным воззванием к немецкому населению и призвать его включиться в антифашистскую борьбу, что позволит им сохранить свое место в послевоенной Чехословакии. Но Бенеш был решительно настроен на удаление всех немцев с территории страны.

Коммунисты предложили Бенешу подготовить вместе с командованием союзных армий меры по быстрой переброске чехословацких частей на родину в последний период войны, чтобы они активно участвовали в освобождении своей страны. Бенеш принял это к сведению: он и сам, как упоминалось выше, разрабатывал подобные планы, но не вместе с коммунистами, а скорее против них.

С другой стороны, Готвальд и его соратники с учетом мнения Сталина были вынуждены снять свое требование о федеративной Чехословакии. Было решено, что Словакия станет частью единого государства, но получит больше автономии, чем до войны. Сначала коммунисты просили Бенеша опубликовать программную декларацию по Словакии, в которой содержался бы главный принцип будущих отношений чехов и словаков – «равный с равным»^[257]. В этом же документе должен был содержаться призыв к словакам подняться на борьбу против Германии и свергнуть марионеточное правительство. Ведь многие словаки столь пассивно относились к движению Сопротивления именно потому, что не хотели возврата к домюнхенской республике, где Словакия была фактически на положении части Чехии. Но Бенеш такую декларацию выпускать отказался.

Коммунисты снова не согласились на предложение Бенеша войти в эмигрантское правительство (он предложил им два места), так как считали его слишком правым. К тому же, с точки зрения КПЧ, правительство

являлось нелегитимным, так как многие его члены никого не представляли и были, по сути, просто друзьями президента. Последнее не оспаривал и сам Бенеш, назвавший лондонское правительство «не правительством партий, а правительством личностей».

КПЧ констатировала: «Мы признаем это правительство как представителя республики на международной арене, мы с этим правительством сотрудничаем, но не можем нести ответственность за его политику и состав. Вступление коммунистов в эмигрантское правительство потребовало бы его полной реорганизации, а это сейчас в условиях заграницы невозможно и нецелесообразно»^[258].

Бенеш предлагал создать правительство социалистического блока в составе возглавляемых им национальных социалистов, социал-демократов (лидером которых был Фирлингер) и КПЧ^[259]. Он вообще хотел «сократить» политические партии в новой Чехословакии, оставив только три: социалистическую (на основе объединения коммунистов, социал-демократов и национальных социалистов), центристскую и консервативную. Все эти партии должны были быть представлены в правительстве, но с преобладанием социалистического блока. Коммунисты не возражали против союза с другими левыми партиями, но видели в нем «не левый блок, а представителя всех основных составных частей народа – рабочих, крестьян и интеллигенции – то есть представителя подавляющего большинства народа»^[260].

Таким образом, на родину, с точки зрения коммунистов, должно было вернуться уже другое правительство – правительство Национального фронта всех антифашистских партий с участием КПЧ. В нем должны были быть представлены и массовые антифашистские общественные организации (профсоюзы, молодежные и женские).

В любом случае было условлено, что после освобождения части территории ЧСР правительство Бенеша будет расширено за счет коммунистов и станет правительством Национального фронта.

Готвальд оговорил, что КПЧ как, «наверное», самая авторитетная партия социалистического блока должна иметь в правительстве ключевые посты, например, министра обороны и министра внутренних дел. Бенеш не возражал, он просил лишь, чтобы реорганизация лондонского правительства не выглядела со стороны как его дезавуирование^[261].

Готвальд и Бенеш были также едины в том, что чехи и словаки, замешанные в коллаборационизме, должны быть сурово наказаны, а партии поддерживавшие Мюнхен или оккупацию, – запрещены. Бенеш обещал

издать соответствующие нормативные акты еще в эмиграции (что он и сделал).

Главным итогом переговоров с московским руководством КПЧ для Бенеша было то, что с опорой на Сталина он стал единоличным лидером всего чехословацкого Сопротивления, и Готвальд это признал.

Бенеш, вернувшись в Лондон, сказал своим соратникам в правительстве, что он только выслушал мнение коммунистов, но четкого ответа на их предложения не дал. Правда, 3 января 1944 года в речи в эмигрантском парламенте – госсовете (где была представлена и компартия) – Бенеш подтвердил, что после освобождения в стране будут образованы национальные комитеты – «наши первые демократические органы, которые имели бы приоритетные политические и административные права сразу же после падения немецкой власти»^[262].

При этом он отметил, что компетенцию национальных комитетов еще требуется уточнить. Послевоенная Чехословацкая республика, по мнению Бенеша, должна стать «свободной, демократической, прогрессивной и социально справедливой».

«Вопросы нашей внутренней политики и будущего устройства, – говорил он, – будет свободным, демократическим и справедливым договором решать чешский, словацкий и карпаторусский народ...»^[263]

Однако Бенеш уже тогда видел в коммунистах сильных политических конкурентов и решил, опираясь на Сталина, обеспечить себе первенство в управлении страной сразу же после разгрома Германии. 24 января 1944 года Бенеш проинформировал советского посла при эмигрантском правительстве Лебедева о желании заключить с СССР соглашение о принципах управления на освобожденной территории Чехословакии. В то время уже было понятно, что первой на территорию ЧСР вступит именно Красная армия. Через пять дней советское правительство ответило, что не имеет против представленного Бенешем проекта принципиальных возражений.

8 мая 1944 года соглашение было подписано в Лондоне. Оно предусматривало, что власть командующего советских войск во всех делах, относящихся к ведению войны, будет распространяться только на зону военных действий и только на время, необходимое для их осуществления. В соглашении указывалось, что, как только какая-либо часть освобожденной территории перестанет быть зоной непосредственных военных действий, чехословацкое правительство полностью возьмет в свои руки управление и будет оказывать советскому командованию всестороннее

содействие и помощь через свои гражданские и военные органы.

Органом власти на освобожденной территории станет делегат лондонского правительства. Он должен будет выполнить следующие задачи:

- организовать и осуществлять управление на освобожденной от врага территории на основании чехословацких законов;
- воссоздать чехословацкую военную мощь (то есть армию);
- обеспечить тесное взаимодействие с советским командованием.

Для Бенеша соглашение было крайне важным не только в смысле верховенства над коммунистами, но и в словацком вопросе. Бенеш понимал, что первой будет освобождена Словакия, а там позиции эмигрантского правительства были слабы. Большинство населения Словакии либо пребывало в апатии, либо шло за коммунистами. Словацкие коммунисты формально являлись отдельной партией и не были связаны договоренностями Готвальда и Бенеша в Москве. Они по-прежнему выступали либо за федерацию, либо за широкую автономию Словакии по принципу «равный с равным». Теперь с помощью соглашения от 8 мая 1944 года Бенеш надеялся взять власть в Словакии сразу же после ее освобождения.

Правительственным делегатом на освобожденной территории был в конце июня 1944 назначен министр экономического обновления в правительстве Бенеша социал-демократ Франтишек Немец, его заместителем – генерал Рудольф Вист. Несмотря на словацкое происхождение Виста, Бенеш ему доверял, так как до 1939 года он был дивизионным генералом чехословацкой армии – единственным словаком, который в довоенной Чехословакии смог дослужиться до генеральского чина. После марта 1939 года Вист вступил в словацкую армию, но с самого начала поддерживал связи с Бенешем и уже в июне 1939-го через Венгрию эмигрировал во Францию. В январе 1940 года он стал командиром 1-й чехословацкой дивизии во Франции.

Задачей Виста была подготовка вооруженного восстания в Словакии. Это восстание должно было фактически стать военным переворотом, совершенным словацкой армией по приказу из Лондона. После этого Немец и Вист должны были прибыть в Словакию и преобразовать восставшую словацкую армию в 3-ю чехословацкую армию (первые две в урезанном составе находились в Англии и СССР) под командованием правительства Бенеша. Именно эта армия, а не бригада «ненадежного» Свободы должна была стать решающей и некоммунистической силой при освобождении Чехословакии.

В разработанном министерством обороны лондонского правительства плане военного переворота говорилось: «Надо будет немедленно подхватить словацкую армию и подчинить ее общему чехословацкому командованию. В случае если во время переворота словацкая армия откажется повиноваться, будет необходимо, прежде всего, обеспечить контроль над историческими землями (Чехией и Моравией – *Прим. автора.*) и использовать армию оттуда для борьбы в Словакии»^[264].

Уже в конце 1943 года лондонское правительство начало готовить вооруженное восстание в Словакии. В самом Лондоне при Бенеше интересы Словакии представляла группа политиков во главе с Шробаром, которая имела контакты с высшими офицерами словацкой армии. Для налаживания плотного контакта со словацкими военными в Словакию был послан капитан Кратки, установивший связь с антифашистской группой офицеров словацкой армии во главе с подполковником Яном Голианом, начальником штаба сухопутных сил в городе Банска-Бистрица. В группу входили бывшие офицеры чехословацкой армии, ориентировавшиеся на лондонское правительство. Голиан (родился в 1906 году) в 1943-м был начальником штаба Быстрой дивизии на советско-германском фронте. Он способствовал эмиграции бывших офицеров чехословацкой армии за границу.

23 марта 1944 года лондонское правительство тайно назначило Голиана временным командующим всеми антифашистскими вооруженными силами в Словакии.

Бенеш держал свои планы насчет Словакии в тайне от коммунистов, но и те не сидели без дела. Компартия Словакии (ее руководство находилось в самой Словакии) тоже готовила восстание.

Весной 1943 года полиция разгромила четвертый состав подпольного ЦК компартии Словакии. Новый, пятый ЦК летом 1943 года возглавил присланный из Москвы Карол Шмидке^[265]. Ближайшими соратниками Шмидке был Густав Гусак и Ладислав Новоместский^[266]. Шмидке жил на конспиративной явке, Гусак и Новоместский – легально^[267].

Коммунисты тоже готовили вооруженное восстание, но с участием не только словацкой армии, но и всего населения, которое планировалось вооружить из арсеналов армии и полиции. Летом 1943 года они начали вести переговоры с некоммунистическим подпольем (социал-демократами и буржуазными политиками-протестантами, которых не устраивал клерикально-фашистский режим с опорой на Ватикан). В конце 1943 года, на Рождество, был образован единый орган словацкого Сопротивления –

Словацкий национальный совет (СНС), в котором лидировали коммунисты. Их партнерами была словацкая аграрная партия (до войны в ней стояли 286 тысяч человек), которую в СНС представляли Урсини, Леттрих и Йоско. Коммунистам стоило немалых усилий убедить своих партнеров в необходимости восстановления после войны единой Чехословакии, при условии автономии для Словакии на основе принципа «равный с равным».

КПС пыталась вести переговоры и с группой Шробара, но выяснилось, что та находится под наблюдением словацкой полиции.

Словацкий национальный совет объявил себя единственным законным представителем политической воли словацкого народа, что фактически означало неповиновение лондонскому правительству, которое готовило к отправке в Словакию своего правительственного делегата Немца.

СНС так определил свою главную задачу: «В первый же удобный момент захватить всю политическую, законодательную, военную и административную исполнительную власть в Словакии и осуществлять ее согласно воле народа до того момента, пока свободно избранные представители народа не смогут взять эту власть... Словацкий национальный совет будет в своей деятельности поступать в согласии с чехословацким правительством и всеми силами заграничного Сопротивления, работу которых в международном и военном отношении он признает и поддерживает»^[268].

Таким образом, СНС видел себя не подчиненным органом, а партнером правительства Бенеша, носителем всей полноты власти в Словакии.

В руководстве СНС была представлена вся «руководящая тройка» КПС. Также в него входили Леттрих, Йоско и Урсини от некоммунистического Сопротивления. В начале 1944 года в руководство СНС был кооптирован социал-демократ Хорват. СНС посредством специально посланного через Швейцарию курьера оповестил о своем создании Бенеша.

Коммунисты вели переговоры и с некоторыми деятелями правящей Глинковской словацкой народной партии^[269] (Мор, Чавойский – лидеры официальных профсоюзов), чтобы расколоть правящий режим. Однако никто из «людаков» на открытое выступление против своей партии не пошел.

В начале 1944 года по инициативе КПС Словацкий национальный совет начал искать контакт с антифашистскими группами в словацкой армии. Кандидатуру министра обороны Чатлоша, сторонника нацистов,

сразу отвергли (как уже упоминалось, Бенеш хотел повесить Чатлоша после войны). Новоместский в феврале 1944 года поговорил с генералом Маларом (до мая 1944-го – военным атташе Словакии в Берлине). Но тот предпочел остаться на стороне немцев. Тогда решили вести дела с генералом Юрехом, который в начале 1943 года якобы хотел со своей Быстрой дивизией перейти на сторону Красной армии. Но Юрех сказал, что за ним постоянно следят и он хочет жить спокойно.^[270] Кстати, Сталин в декабре 1943 года сказал Бенешу, что словацкая дивизия говорила о сдаче дважды, но как только к ее позициям после тайных переговоров приблизились представители Красной армии, по ним был открыт огонь.

Согласились сотрудничать с СНС полковник Имро (с ним говорил сам Гусак) и начальник генерального штаба полковник Тальский. СНС начал переговоры и с группой Голиана, которая уже имела связь с Лондоном. Гусак пригласил Голиана на переговоры в Братиславу. «Впечатление, которое на меня произвел Голиан, – вспоминал он, – всякий раз подтверждалось позднее вплоть до конца восстания. Это был безусловный антифашист. Он резко высказывался против немцев, против людацкого режима, за восстановление Чехословацкой республики и готов был активно за это бороться. Но политически он был довольно незрелым человеком, путаным, в основном ориентировался на Бенеша. О Советском Союзе Голиан официально высказывался с симпатией, но слова эти не шли у него из глубины души. А в остальном это был рассеянный, нерешительный, колеблющийся человек, довольно замкнутый, особенно когда он беседовал с коммунистами, – в общем, кадровый офицер тех времен с довольно слабой дозой личной решительности и энергии. Сотрудничество с КПС и СНС он принял».^[271]

В середине марта 1944 года Голиан стал готовить восстание в армии уже в связке с СНС, не прерывая контактов с Лондоном. Восстание было намечено на тот момент, когда гитлеровская армия попытается оккупировать Словакию. Так как никто пока не мог знать, когда именно это произойдет, восстание начали готовить ускоренными темпами, чтобы быть готовыми выступить в любое время.

В отличие от более поздней авантюры Армии Крайовой в Варшаве, СНС с самого начала планировал организовать восстание в теснейшем контакте с командованием Красной армии. Ведь главной военной целью выступления было открыть карпатские перевалы для советских войск в тот момент, когда они к ним подойдут. Один из лидеров СНС Леттрих так писал об этом: «...Словацкий национальный совет, находясь в подполье,

тщательно следил за тем, чтобы в Словакии ни в коем случае не начались никакие военные действия против немцев без предварительного согласования с командованием Красной Армии, стоявшей за Карпатами...».

[\[272\]](#) Голиан был с этим полностью согласен.

Бенеш, однако, фактически контролировал деятельность своих конкурентов из СНС, так как у последнего не было радиосвязи с Москвой. Поэтому вся информация передавалась по радиостанции «Анна», находившейся в распоряжении связанной с Лондоном разведгруппы.

В то время, когда в Москве были заложены основные вехи послевоенного развития Чехословакии, и полным ходом шла подготовка вооруженного восстания в Словакии, ситуация на территории протектората оставалась очень тяжелой.

После «гейдрихады» было окончательно разгромлено некоммунистическое сопротивление, а компартия лишилась второго состава подпольного ЦК. Гестаповцы обнаружили партийный архив и с тех пор вели наблюдение за некоторыми ячейками КПЧ, нащупывая их связи и время от времени прибегая к арестам.

Саботаж резко снизился, так как люди боялись репрессий немцев. Бенешу было стыдно, что на переговорах со странами Антигитлеровской коалиции, особенно в Москве, ему постоянно приходилось объяснять, почему в Чехии, в отличие от других оккупированных стран, нет не только партизанского движения, но и действенных актов саботажа против оккупантов.

Удары гестапо по коммунистам вынудили их к тому, чтобы децентрализовать партийное руководство.

Работу по созданию нового третьего подпольного состава ЦК КПЧ взял на себя Йозеф Молак. Он был членом КПЧ с момента ее возникновения. Работал на железной дороге. В 1931 году за коммунистическую деятельность его уволили с госслужбы. Уже в 1932-м Молак стал функционером партийного аппарата. Вел работу в профсоюзах железнодорожников. Затем отвечал в ЦК за «охрану партии», то есть за разведку и контрразведку КПЧ. С этой целью он прошел стажировку в Москве в 1934 году.[\[273\]](#) С момента оккупации перешел на нелегальное положение. Таким образом, Молак, пожалуй, был подготовлен для конспиративной работы лучше всех прочих членов высшего руководства подпольной КПЧ.

Кадры для восстановления партийного аппарата после «гейдрихиады» Молак искал в основном среди тех, кого хорошо знал по предыдущей

профсоюзной работе. Однако гестапо не дремало, и из четырех новых членов «молаковского» ЦК уже в январе 1943 года были арестованы трое. Сам Молак чудом остался на свободе. Пришлось все начинать сначала. Компартия, теперь, по сути, боровшаяся за существование, не могла развернуть активную деятельность.

Между тем это было необходимо. 5 января 1943 год узкое бюро Исполкома Коминтерна вместе с группой Готвальда приняло документ о задачах компартии Чехословакии. В документе от коммунистов требовалось всеми силами содействовать скорейшему поражению нацизма (движение Сопротивления называли «третьим фронтом»). КПЧ в протекторате должна была не только резко активизировать саботаж, но и начать вооруженную партизанскую борьбу. В городах надо было создавать подпольные вооруженные дружины. Короче, коммунистам настоятельно предлагалось перейти к более действенным и прямым формам борьбы против немцев.

Чтобы восстановить постоянную радиосвязь между подпольным ЦК КПЧ и Москвой, в марте 1943 года в Польше были высажены две группы парашютистов во главе с Рудольфом Ветишкой. Ветишка передал директиву Коминтерна Молаку в апреле – мае 1943 года, хотя чешские коммунисты уже были знакомы с ней из передач московского радио.

Еще 12 января 1943-го руководство КПЧ во главе с Молаком обратилось ко всем членам партии с письмом, в котором говорилось, что Чехия не может и дальше служить спокойной базой для нацистов и сопротивление необходимо активизировать. ^[274]

После роспуска Коминтерна в мае 1943 года московское руководство КПЧ было переименовано в Заграничное бюро, в которое входили Готвальд, Шверма, Копецкий, Сланский, Кроснарж, Келер и Аппельт. В конце мая 1943 года было, наконец, «официально» сформировано ЦК КПЧ (третий подпольный состав): Молак, Видим, Аксамит, Выдра и Коштялек. 11 июля 1943 года состоялось заседание этого ЦК с участием прибывших из Москвы представителей.

Гестапо также активизировало работу. Осенью 1942 года был создан специальный реферат (отдел) SBF (Sabotage – Bahnen – Fallschirmagenten, то есть «Саботаж – железные дороги – агенты-парашютисты»), позднее переименованный в IV 2 b. Это направление вел бывший специалист отдела гестапо по борьбе против компартии Вилли Леймер. Начальником отдела гестапо по борьбе против коммунизма стал с ноября 1942 года криминальный комиссар гауптштурмфюрер СС Хайнц Янтур, в чьем распоряжении были примерно 25 штатных сотрудников и 12 чешских

полицейских, их в основном использовали как переводчиков.^[275]

Особое внимание главные управления гестапо в Праге и Брно, согласно указаниям РСХА из Берлина, уделяли работе с провокаторами и тайными осведомителями. Эта работа с конца 1942 года была централизована. Ей занимался отдел N (Nachrichtenreferat – Отдел сбора информации) под руководством гауптштурмфюрера СС Вильгельма Шульца. По неполным данным, у гестапо на территории протектората имелось до двух тысяч тайных осведомителей, задачей которых было внедрение в подпольные организации, прежде всего коммунистические. Гестапо даже организовало подставные фирмы (обычно магазины), где проходили встречи с агентами.

В январе 1943 года гестапо арестовало последнего члена руководства некоммунистическим Сопротивлением (UVOD) и с этого времени полностью сосредоточилось на борьбе с коммунистическим подпольем.

В том же январе 1943-го на КПЧ обрушилась волна арестов. С января по 15 июня 1943 года только пражским управлением гестапо было арестовано 1400 коммунистов и сочувствующих^[276].

21 января произошло событие, которое стало для всего подпольного аппарата компартии роковым. В этот день гестаповцы смогли арестовать члена партийного руководства организации КПЧ в Пардубицах Ярослава Фиалу (подпольная кличка «Тонда»). В отчете от 22 января 1943 года о задержании Фиалы гестапо сообщало: «Молниеносным арестом всех хозяев конспиративных квартир было установлено, что у Тонды назначена на 21.02.1943 встреча в Хосни, область Пардубице... Во время этой встречи был схвачен и арестован Тонда, оказавшийся гражданином протектората Ярославом Фиалой, 13.4.1900 г. р... Оба функционера имели при себе снятые с предохранителя пистолеты и таблетку яда, чтобы воспрепятствовать своему задержанию»^[277].

К удивлению гестаповцев Фиала, коммунист с большим довоенным стажем, без всякого нажима признался во всем и вскоре подписал обязательство о работе на гестапо в качестве тайного агента. После стажировки в Москве в 1934 году Фиала отвечал в центральном аппарате КПЧ за нелегальную работу и считался специалистом в сфере конспирации. Ему полностью доверяли. Во время «гейдрихиады» Фиала, которого активно искало управление гестапо в Кладно (он проходил по картотеке как человек, живший в СССР, и поэтому считался подозрительным), смог скрыться из Праги на грузовом поезде. Молак лично поручил Фиале руководить работой КПЧ в районе Пардубиц.

27 апреля 1943 Фиалу, уже тайного осведомителя гестапо (он был известен как агент номер 206 или 216; ввиду особой важности на него даже была заведена карточка в РСХА в Берлине) окончательно выпустили из-под ареста. Он должен был вычислить новое руководство ЦК и прибывших из Москвы парашютистов с их передатчиком.

Сначала Фиала сдал гестапо руководство пражской организации КПЧ во главе с Йозефой Файмоновой (1911 г.р., клички «Милада», «Нина», «Ева», «Дочка», «Фешанда») и ее женихом Франтишек Маржиком (подпольная кличка «Мирек»). Молак назначил своим связником с Файмоновой именно Фиалу, с которым он встретился 26 апреля 1943 года. Гестапо, по данным Фиалы, у которого теперь была партийная кличка «Войта», оценивало численность пражской организации КПЧ летом 1943 года в 500 человек, но на самом деле членские взносы платили 600-800 коммунистов.

Пражская организация по просьбе Ветишки и Молака попыталась летом 1943 года организовать «красное гестапо» (так иронически это называли в настоящем гестапо)^[278]. Была сделана попытка наладить постоянный поток информации из пражского гестапо через работавших там переводчика чехов-полицейских. Целью операции было выявление провокаторов в собственных рядах.

Главным информатором коммунистов стал переводчик гестапо Йозеф Лаштовичка, благодаря сведениям которого многим подпольщикам удалось избежать арестов. Лаштовичка сообщил, что в руководстве КПЧ появился предатель, хотя имени Фиалы он так и не узнал. Зато сам Фиала выяснил, что у КПЧ в гестапо появился информатор. Путем обычной дедукции гестаповцы вычислили Лаштовичку и арестовали его в августе 1943 года, прежде всего потому, что опасались раскрытия Фиалы. По просьбе пражского гестапо лично Гиммлер разрешил казнить Лаштовичку тайно без всякого суда, что и было сделано 29 сентября 1943 года.

Фиала, между тем, встретился с Ветишкой и даже сделал ему в гестапо удостоверение личности.

18 августа 1943 года при попытке задержания был застрелен Йозеф Молак.

3 сентября гестапо арестовало Файмонову и Маржика. Маржик отстреливался, но не смог ранить никого из гестаповцев. Файмонову жестоко пытали, избивая ее до потери сознания. Ей кололи препараты, которые должны были парализовать ее волю. Улучив момент, «Милада» повесилась в камере. Она ничего не сказала.

Согласно отчетам пражского гестапо, в Чехии в июне 1943 года был

арестован 751 коммунист, в августе – 931, в сентябре – 1222 человека^[279].

8 сентября 1943 года в тюрьме Берлин-Плётцензее был повешен Юлиус Фучик. Его хотели гильотинировать, но гильотина была повреждена во время налета на Берлин союзной авиации. Написанный Фучиком в тюрьме гестапо «Репортаж с петлей на шее» стал всемирно известным гимном жизни и памятником нестигаемым гуманистическим идеалам этого творческого и веселого человека.

Несмотря на пытки, Фучик не сломался в тюрьме гестапо. Вот отрывок из стенограммы одного из его допросов:

«– Неужели ты не понимаешь? Все кончено. Вы проиграли. Вы все.
– Проиграл только я.
– Ты еще веришь в победу коммуны?
– Конечно.
– Он еще верит? – спрашивает по-немецки начальник отдела. – Он еще верит в победу России?

– Конечно, иного исхода не может быть»^[280].

Сам Фучик писал в «Репортаже с петлей на шее»:

«...Теперь я могу более хладнокровно считать удары. Болят только искусанные губы, больше ничего я уже не ощущаю... Провожу языком по деснам, пытаюсь сосчитать, сколько зубов выбито. Никак не удастся. Двенадцать, пятнадцать, семнадцать? Нет, это меня «допрашивают» столько гестаповцев. Некоторые, очевидно, уже устали. А смерть все еще медлит...

Приводят мою жену.

– Вы его знаете?

Глотаю кровь, чтобы она не видела... Собственно, это бесполезно, потому что кровь всюду, течет по лицу, каплет даже с кончиков пальцев.

– Вы его знаете?

– Нет, не знаю!

Сказала и даже взглядом не выдала ужаса. Милая! Сдержала слово – ни при каких обстоятельствах не узнавать меня, хотя теперь уже в этом мало смысла...

Я кого-то ударил и свалился на пол. На меня набрасываются. Пинают ногами. Топчут мое тело. Да, так теперь все кончится быстро. Черный гестаповец хватает меня за бороду и самодовольно усмехается, показывая клочок вырванных волос. Это действительно смешно. И боли я уже не чувствую никакой...

Я любил жизнь и за ее красоту вступил в бой. Я любил вас, люди, и

был счастлив, когда вы отвечали мне тем же, и страдал, когда вы меня не понимали. Кого я обидел – простите, кого порадовал – не печальтесь. Пусть мое имя ни в ком не вызывает печали. Это мой завет вам, отец, мать и сестры, тебе, моя Густина, вам, товарищи, всем, кто любил меня так же горячо, как и я их. Если слезы помогут вам смыть с глаз пелену тоски, поплачьте. Но не жалейте. Жил я для радости, умираю за нее, и было бы несправедливо поставить на моей могиле ангела скорби»^[281].

Несмотря на чудовищные потери, компартия боролась. В воззвании к чешскому народу подпольного ЦК КПЧ от июня 1943 года говорилось: «Прочь пассивность и выжидание! Все вместе, дружно и решительно – в бой!»^[282]. В ноябре 1943-го подпольная «Руде право» писала: «...Самое время сомкнуть ряды, начать борьбу и нанести врагу удар в сердце. Самое время...»^[283].

Саботаж на предприятиях, организованный в основном коммунистами, не прекращался. В июне 1942 года (разгар террора после покушения на Гейдриха) гестапо зарегистрировало 23 акта саботажа, в июле – 43, в августе – 66, в сентябре – 63, в октябре – 65^[284]. Зимой 1942-1943 гг. активность такого рода несколько снизилась, зато стали вновь отмечаться частые случаи поджога и порчи вагонов. Если в 1941 году было уничтожено 100 вагонов, то в 1942-м – 213, а в 1944-м – 447. В 1943-м впервые были отмечены попытки организовать крушение целых железнодорожных составов. Несколько раз было взорвано полотно. На железнодорожных станциях продолжалась умышленно медленная работа, что приводило к сокращению пропускной способности в некоторых узлах на 40 %.

Фиала, между тем, стал главным связным Ветишки с партийными организациям, и теперь гестапо фактически контролировало деятельность подпольной КПЧ. Тем не менее коммунисты смогли возобновить выпуск «Руде право», в котором уже 13 декабря 1943 года был напечатан советско-чехословацкий договор, подписанный в Москве всего лишь днем ранее.

8 апреля 1944 года Красная армия достигла территории довоенной Чехословакии. В апрельском номере «Руде право» Ветишка констатировал тяжелое положение подпольных организаций компартии, хотя и справедливо отмечал: «КПЧ является самой активной и самой организованной частью народа в борьбе против немецких агрессоров... Но как партия, так и весь народ не всегда понимали значение своей миссии,^[285] она (партия) до определенной степени тоже подпала под влияние выжидательной политики».

Самокритика коммунистов объяснялась тем, что им так и не удалось выполнить директиву Коминтерна и просьбу Сталина об организации в Чехии массовой вооруженной борьбы против оккупантов.

Коммунисты по-прежнему призывали народ формировать подпольные национальные комитеты и партизанские отряды.

Одна из первых партизанских групп возникла в начале 1942 года в Моравии, в деревне Дзбел (район Конице на границе с Судетской областью, присоединенной в 1938 году к Германии), где коммунисты Чех и Сикора, а также рабочий-столяр Выходил создали организацию «Зеленый кадр». В Гостинских горах был организован партизанский лагерь, где собирались люди, находившиеся в розыске гестапо, или те, кто не захотел работать в Германии. В лагере находили пристанище и бежавшие из плена советские солдаты и офицеры (например, два советских летчика)^[286].

25 мая 1942 года группа напала на небольшой отряд СС, а через месяц свинтила рельсы на железнодорожном перегоне Голешов – Валашске-Мезиржици. Группа снабдила фальшивыми документами Либора Заплетала – члена группы парашютистов, высаженной из Лондона в конце апреля 1942 года. Заплетала выдал гестапо его школьный товарищ, и немцы использовали его при поиске других парашютистов, но с помощью группы «Зеленый кадр» ему удалось скрыться. Однако при попытке бежать в Швейцарию через Германию Заплетал был арестован.

Гестапо удалось заслат в лагерь под видом партизан провокаторов, и после двух стычек с немцами в сентябре – октябре 1942 года группа «Зеленый кадр» была разгромлена.

24 ноября 1942 года окруженный гестаповцами Выходил застрелился.

В 1942-м коммунисты организовали еще одну партизанскую группу – «Искру», также называемую группой Яна Билка. В нее входили восемь человек. Группа отобрала оружие у лесничих и прервала телеграфное сообщение, что вызвало контрмеры гестапо. В августе 1942 года против «Искры» направили отряд СС. В бою погибли четыре члена группы, но она не прекратила борьбу.

Главным центром партизанского движения в чешских землях в 1942-1943 гг. был район Подбрдско. Здесь коммунисты договорились о совместной диверсионной деятельности с остатками организации «Защита нации» и петиционного комитета «Останемся верны». Военно-тактическими вопросами руководил бежавший из плена советский военнослужащий Везденев, политическое руководство осуществлял Молак. Для советских военнопленных зимой 1943-1944 гг. было выстроено 15 подземных укрытий. Летом 1943 года в Подбрдску было уже четыре

партизанских группы.

В самый большой отряд, «Серп и молот», входило много железнодорожников и шахтеров, поставлявших взрывчатку. Однако поскольку большинство членов отряда были на легальном положении, скорее его можно назвать подпольной группой. В апреле 1943 года «Серп и молот» смог организовать крушение локомотива на дороге Прага – Добржиш. 8 августа двумя зарядами было подорвано полотно на перегоне Прага – Бероун. В этом же месяце партизаны подорвали опору линии электропередачи высокого напряжения. В июле 1943 года группа совершила неудачное покушение на заместителя имперского протектора. В октябре партизаны перерезали стальные тросы установленного СС понтонного моста, и он уплыл^[287].

К январю 1944 года гестапо и СС нанесли по партизанам в Подбрдско несколько ударов и практически полностью ликвидировали там организованное партизанское движение.

10 сентября 1943 года из Москвы для организации партизанского движения в Моравии юго-восточнее Варшавы были выброшены с парашютами представители московского руководства КПЧ Рудольф Пешел и Рудольф Прохазка^[288].

Активно действовала партизанская группа «Белая львица», в которой вместе работали бывшие офицеры чехословацкой армии, коммунисты, члены «Сокола» и «Защиты нации». В ночь с 31 августа на 1 сентября 1943 года группа смогла подорвать железнодорожное полотно прямо перед идущим грузовым эшеленом. Гестапо сообщало, что восемь вагонов сошли с рельсов, и движение было нарушено на 10-15 часов^[289]. В апреле 1944 года Рудольф Пешл встретился с членами «Белой львицы», и она была переименована в партизанскую группу имени Яна Жижки. 13 мая 1944-го группа подорвала линию электропередачи, и многие военные моравские предприятия были на несколько часов обесточены.

Летом 1944 года группа Яна Жижки разделилась на четыре части: остравскую, местную, пограничную и оломоуцкую. Все группы продолжали диверсионную деятельность, что не могло не вызвать контрмеры гестапо и СД. Немцам удалось проникнуть в группу некоммунистического сопротивления «Гвардия Масарика», в которой царили наивные представления о конспирации^[290]. «Гвардия Масарика» имела контакты с группой Яна Жижки, что стало роковым для последней. 14 сентября 1944 года гестапо нанесло по группе Яна Жижки удар, арестовав ее главных членов. 13 октября был схвачен и Рудольф Пешел.

В своей внутренней деятельности компартия была вынуждена после массовых арестов 1943 года отказаться от централизации, и многие местные организации жили своей жизнью. Партия буквально истекала кровью. Ветишка и Молак уже понимали, что где-то рядом действует предатель, но так и не смогли вычислить Фиалу, хотя и подозревали его.

Ветишка решил основательно проверить Фиалу, но гестапо берегло своего ценнейшего агента. 23 июля 1944 года Ветишка был арестован в Праге. Для уличных арестов гестаповцы старались выбирать моменты, когда люди меньше всего способны были им сопротивляться. Так произошло и в этом случае: Ветишку схватили, когда он, собираясь сесть в трамвай, взялся за поручни, и руки у него были заняты.

Тем самым был полностью разгромлен очередной подпольный ЦК КПЧ. До конца 1944 года никакого центрального руководства коммунистами на территории протектората не существовало. Только в декабре 1944-го было сформировано новое временное руководство КПЧ в составе Йозефа Смрковского (политический руководитель, партийная кличка «Скала», все время оккупации не участвовал в активной подпольной деятельности), Иржи Гаека («Рыба», связь с местными организациями), Владимира Коуцкого («Солома», печать и пропаганда), Йозефа Кнапа («Каменщик», отвечал за работу в профсоюзах), Франтишека Шишки («Боровой», отвечал за Прагу)^[291]. В январе 1945 года после перерыва опять вышло «Руде право».

Но в целом компартия в 1943-1944 гг. в основном боролась за выживание и не смогла активизировать движение Сопротивления.

Пожалуй, одной из самых многочисленных групп Сопротивления в протекторате в конце 1944 года была молодежная организация «Пршедвой» («Авангард»). Ядро оформившейся в 1943 году группы составляли комсомольцы из рабочих и студентов. Сначала с «Пршедвоем» контактировал Ветишка, но в конце 1943-го после волны арестов членов ЦК КПЧ он передал группе указание работать самостоятельно, и поэтому провокатору Фиале не удалось проникнуть в ее ряды.

С марта 1944 года группа издавала подпольный журнал «Авангард» (первый номер вышел тиражом в 400 экземпляров, затем тираж вырос до 1500 экземпляров). В конце 1944-го в различных группах организации насчитывалось до 10 тысяч членов. Перед восстанием в Словакии все группы договорились создать центральный координационный комитет. После ареста Ветишки «Авангард» фактически взял на себя задачи разгромленного ЦК КПЧ. Не случайно, что члены авангарда вошли в последнее подпольное руководство КПЧ, созданное в декабре 1944 года.

После «гейдрихады» положение на военных заводах протектората казалось немцам удовлетворительным. В донесении гестапо от июля 1943 года говорилось: «Настроение на местных военных заводах (в Праге – *Прим. автора.*) в принципе не изменилось. Рабочие занимают выжидательную позицию и верят распространяемым чешской интеллигенцией рассказам о том, что Германия потерпит поражение самое позднее осенью»^[292]. Однако пассивное сопротивление немцам не мешало. Главной задачей властей протектората было обеспечение бесперебойной работы военных предприятий для нужд вермахта. И это в целом удавалось.

Самой крупной забастовкой 1943 года стала организованная коммунистами двухчасовая стачка на машиностроительном заводе в Либни 24 августа. Формальным поводом был протест против нового режима работы, который мешал многим рабочим приезжать на завод из Праги вовремя. Гестапо в своих внутренних документах сочло забастовку «не слишком важной», но не собиралась так просто забыть этот инцидент. Были арестованы 15 рабочих, из которых 10 сразу отправили в концлагерь Терезин. Одного рабочего, Ярослава Кумжака, казнили уже 28 августа. Причиной послужило то, что по картотеке гестапо брат Кумжака проходил как коммунист, а отец был тоже казнен как член компартии.

Военные заводы «Шкода» (Пльзень) давали вермахту в 1944 году ежемесячно 96 орудий и 120 зенитных пушек, военные заводы Брно – 30 тысяч винтовок, 300 пулеметов и все необходимые к ним боеприпасы. 300 тысяч чехов работали в Германии, в основном в военной промышленности, на почте и на железных дорогах. В протекторате производились также синтетический бензин, орудия для подводных лодок, авиационные моторы и части ракет Фау-1 и Фау-2. Промышленное производство в протекторате в 1943 году превысило уровень 1937 года на 60 % (прежде всего в машиностроении и химической промышленности). Причем, если количество занятых в текстильной промышленности с 1939-го по 1944 год упало на 43 %, то в химической промышленности работали на 20 % больше людей, а количество рабочих в металлообработке практически удвоилось^[293].

В протекторате существовала и собственная армия численностью 5960 человек (туда принимали добровольцев ростом не ниже 165 см). Вооруженные силы протектората насчитывали всего 7 тысяч человек и состояли из 12 батальонов по 480 человек в каждом. Кроме пехотных рот в их составе находились велосипедные роты и конные эскадроны. Вооружение состояло из модернизированных винтовок Манлихера, ручных

и станковых пулеметов, выпускавшихся на заводах «Ческа Збройовка». Вооруженные силы протектората были обязаны охранять дороги, мосты, склады и прочие стратегические объекты, проводить аварийно-спасательные и инженерные работы, а также помогать полиции^[294].

Глава протектората Гаха два раза предлагал Гитлеру послать на советско-германский фронт «чешский добровольческий легион». Но Гитлер отверг эти просьбы, так же, как и аналогичное предложение верховного командования вермахта, сделанное в 1942 году. На основе опыта Первой мировой войны Гитлер опасался, что чехи перейдут на сторону русских. В мае 1944 года 11 батальонов войска протектората (более 5 тысяч солдат и офицеров) были переброшены в северную Италию, где чехи несли вспомогательную тыловую службу.

В боях с итальянскими партизанами погибли 10 и были ранены 15 чехов. 800 человек дезертировали к партизанам. 600 из них были переброшены во Францию, где приняли участие в осаде удерживаемого немцами Дюнкерка. 4 октября 1944-го войско протектората было разоружено и преобразовано в отдельные строительные батальоны (оружие оставили только офицерам).

После капитуляции немцев в Италии армия протектората была переименована в 1-ю чешскую пехотную бригаду и потребовала от союзников признать ее воинской частью Антигитлеровской коалиции. Но война окончилась раньше, чем союзники успели это сделать. Оставшийся в Праге охранный батальон войска (охранял главу правительства протектората Гаху) принял участие в Пражском восстании. Глава армии протектората Ярослав Эмингер после войны был обвинен в коллаборационизме, но в апреле 1947 года оправдан (во время войны Эмингер поддерживал тайную связь с Бенешем).

Немцы, уроженцы протектората Богемия и Моравия, могли вступать в вермахт и СС без ограничений. Не существовало ограничений и для чехов, но они в основном несли трудовую повинность. В то же время в 1939-1944 гг. некоторые чехи вступали в СС и участвовали в боевых действиях на фронтах Второй мировой войны. Так, например, сын министра образования в чешском правительстве протектората Эмануэля Моравца Игорь вступил добровольцем в танковую дивизию СС «Мертвая голова» (SS-Panzer-Division «Totenkopf») и был награжден за храбрость Железным крестом^[295].

Моравец был в 1942-1945 гг. воплощением чешского коллаборационизма, «чешским Квислингом»^[296]. Он родился в 1893 году в

семье торговца. В 1911 году демонстративно вышел из католичества, чтобы продемонстрировать свою оппозицию династии Габсбургов. В 1915 году во время Первой мировой войны попал в русский плен. Хотел принять российское подданство, но получил отказ, в результате чего вступил не в чешский, а в сербский добровольческий отряд русской армии. Потом все же присоединился к чешскому легиону, где солгал относительно своего социального происхождения (выдал себя за инженера), чтобы получить более высокую должность. Воевал в Сибири во время Гражданской войны. Занялся публицистикой и был переведен в отдел политической пропаганды чехословацких частей. Моравец всегда был склонен к авантюризму. Он принял участие в попытке восстания против Колчака, которое хотел организовать генерал белой армии чех Гайда. В последний момент, однако, от участия в восстании отказался, но все равно был допрошен контрразведкой и снят с должности. В 1920 году женился на 17-летней русской девушке, которая ждала от него ребенка. В 1932 году развелся и женился уже на 18-летней чешке.

После возвращения в Чехословакию Моравец служил в армейской разведке в Ужгороде, затем окончил военную академию и получил звание майора. Считался видным специалистом по внешней политике и военному искусству. Стал известным в ЧСР публицистом и даже написал в 1934 году по просьбе президента страны Масарика книгу «Оборона государства», в которой назвал главным противником Чехословакии нацистскую Германию. Правда, в той же книге Моравец ратовал за учреждение в ЧСР авторитарного режима по типу фашистской Италии.

В 30-е годы Моравец был активным сторонником Масарика и его преемника на посту президента Бенеша. На похоронах Масарика Моравец стоял в почтенном карауле у гроба как представитель вооруженных сил. Осенью 1938 года был ярким противником мюнхенского диктата. Когда Бенеш капитулировал, Моравец возненавидел его. За выступления против Бенеша полковника Моравца уволили из Военной академии, где он преподавал, и запретили ему публиковаться. Однако Моравец стал писать под псевдонимом, и его уволили из армии в ноябре 1938 года. В это же время он развелся со второй женой из-за любовной связи с 16-летней горничной, которая через четыре года стала его третьей супругой.

После оккупации Чехии в марте 1939 года Моравец хотел эмигрировать в Коста-Рику, так как опасался за свою жизнь ввиду активной публицистической антигерманской деятельности в 30-е годы. Однако нацисты не только не арестовали Моравца, но и организовали ему ознакомительную поездку в рейх, откуда он вернулся воодушевленным

сторонником нацизма. Свои новые взгляды Моравец активно и умело пропагандировал на радио и вскоре стал одним из самых ненавидимых людей в Чехии, из-за чего был вынужден постоянно менять квартиры. Бенеш одно время даже хотел убить его вместо Гейдриха. Когда Гейдрих приехал в Прагу, Моравец лично посетил его и поклялся в абсолютной верности Германии. Оба сына Моравца вступили в гитлерюгенд, а жена стала осведомителем гестапо.

29 мая 1942 г. в протекторате с санкции Гейдриха и под руководством Моравца возникло «Кураторство по воспитанию молодежи в Богемии и Моравии (Kuratorium pro výchovu mládeže v Čechách a na Moravě (KVMČM))». Эта организация принимала молодежь в возрасте от 10 до 18 лет. Здесь читали лекции о национал-социализме, о пользе сотрудничества с немцами, о победах германской армии. Воспитывался так называемый протекторатный патриотизм. Члены организации приветствовали друг друга нацистским приветствием.

Власти предоставили кураторству спортивные площадки и лагеря, где устраивались соревнования по хоккею, лыжам, легкой атлетике, футболу. Организация обучала инструкторов (из числа чешских сторонников нацизма), молодежь участвовала в расовых исследованиях нацистов.

Старшие члены кураторства могли поступить на службу в отряды специального назначения СС, а младшие – в «Образцовое звено» (Vzorné roje). В будущем эти отряды должны были стать основой чешского СС.

В 1942 году как фаворит Гейдриха Моравец стал министром образования просвещения в правительстве протектората. После покушения на Гейдриха позиции Моравца еще более усилились, и никто в правительстве Гахи не осмеливался ему возражать. Именно Моравец стал инициатором учреждения награды в 10 миллионов крон за сведения об убийцах Гейдриха.

Для ликвидации Моравца из Великобритании была выслана парашютная группа ТИИ, но ее участников убили после покушения на Гейдриха.

С 1943 года Моравец в своих многочисленных выступлениях призывал чехов сплотиться вместе с Германией в борьбе против большевизма, который якобы угрожает в одинаковой степени всем европейским странам. Например, в 1944 году он говорил: «Мы хорошо знаем немцев. Им нравится наша чешская музыка, чешские национальные костюмы, и если кто-то попадает в трудную ситуацию, то они ведут себя как хорошие люди». А вот русские, по Моравцу, столь же чужды чехам, как китайцы. Если они придут в Чехию, то вся чешская экономика будет работать на

азиатскую Россию^[297].

В феврале 1945 года состоялся первый набор чехов в полицейский полк СС «Брискен», который был включен в состав 31-й добровольческой гренадерской дивизии СС «Богемия и Моравия» (31. SS-Freiwilligen-Grenadier-Division).

В том же году чехи, в основном солдаты и офицеры кавалерии бывшей чехословацкой армии, сформировали вторую дивизию СС (900 человек) – 37-ю добровольческую кавалерийскую дивизию СС «Лютцов» (37. SS-Freiwilligen-Kavallerie-Division «Lützow»).

Оставшиеся в живых чешские эсэсовцы были взяты в плен советскими и американскими войсками. Часть солдат и офицеров избежали плена и вернулись в мае 1945 года в Чехословакию.

Во время немецкой оккупации Чехии и Моравии, а также существования марионеточного Словацкого государства были убиты 340-360 тысяч чехословацких граждан, в том числе 270 тысяч евреев и все цыгане. Чехов, в основном коммунистов, по политическим мотивам было уничтожено 30-35 тысяч.

Бенеша сильно разочаровал фактический паралич некоммунистического Сопротивления в протекторате. С целью его реанимации в апреле – июне 1944 года из Лондона были отправлены и высажены в Чехии и Моравии девять групп парашютистов (32 человека). Однако гестапо смогло обезвредить почти все группы, и некоторые из взятых в плен десантников были использованы немцами в радиоиграх с Лондоном.

Между тем 1-я чехословацкая бригада на советско-германском фронте приняла в январе 1944 года активное участие в окружении и разгроме немецкой группировки в районе Корсунь-Шевченковский. Чехословаки упорно обороняли внешнее кольцо окружения вместе с советскими частями. Всего в боях на Украине с 30 сентября 1943 года по 19 марта 1944-го бригада потеряла 283 человек (в том числе 11 офицеров) убитыми, 386 – ранеными, 101 боец пропал без вести^[298].

В январе 1944 года Красная армия освободила Волынь, где издавна были чешские поселения (там жили примерно 45 тысяч чехов)^[299]. Это позволило приступить к развертыванию чехословацкой бригады в корпус. Уже в марте 1944-го по просьбе Свободы бригада была переброшена на Волынь (город Ровно) с целью пополнения. Приток добровольцев превзошел все ожидания: уже за неделю численный состав бригады вырос с 2905 до 6817 бойцов. Из них чехами были 932 человека, словаками –

3027, украинцами – 2525. Всего откликнулось 12 тысяч человек, в том числе 600 женщин. Свобода вспоминал: «Чехи, проживавшие на Волыни, с радостью, даже с энтузиазмом, восприняли известие о возможности сражаться с гитлеровскими разбойниками на стороне Советской Армии»^[300].

Волынские чехи ненавидели гитлеровцев. 13 июля 1943 года на Волыни фашисты уничтожили деревню Чешский Малин (деревня была построена в царской России в 1871 году выходцами из нескольких областей Чехии). За два часа погибли 374 человека. В тот день рано утром около 1500 карателей окружили деревню, загнали жителей в дома, стены которых полили и подожгли. Тех, кто выбегал наружу, расстреливали. До этого нацисты цинично объясняли испуганным женщинам, что вот-вот их отпустят.

В соседней деревне Украинский Малин в тот же день фашисты уничтожили 132 украинца. В чешской деревне выжили несколько десятков человек, которые были в то время на работе вне деревни. Один из выживших, Йозеф Алоис Мартиновски, ставший впоследствии бойцом чехословацкого корпуса, вспоминал: «Во второй половине дня (13 июля 1943 г.)... мужчин загнали в здание школы и православной церкви... а женщин с детьми в деревянные сараи... Потом эсэсовцы стали бросать вовнутрь ручные гранаты, а после полили здания бензином и подожгли. Позже сожгли все село»^[301]. Деревня (102 дома) горела целую неделю.

«В огне погибли 374 чеха, 26 поляков и 132 украинца из соседнего Украинского Малина. В числе погибших были 132 детей в возрасте меньше 14 лет. С ними и моя жена и 12-летняя дочь Алиса. Спаслись только те, кого в тот страшный день не было дома, а также мужчины, отобранные сопровождать скот в Олиц (среди них и Мартиновски). И их ожидал расстрел, но по дороге они разбежались»^[302].

Газета «Deutsche Ukraine Zeitung», издаваемая тогда в Луцке, потом написала, что «при зачистке в Малине было ликвидировано около 500 бандитов». Немцы говорили также, что карательная акция была проведена якобы в отместку за нападение на них отряда бандеровцев недалеко от деревни.

Немцы отомстили жителям деревни за то, что те снабдили проходившее соединение Ковпака продуктами.

Чешский Малин был занят 1-й чехословацкой бригадой, которая задокументировала зверства нацистов. В честь деревни был назван один из танков бригады.

С апреля 1944 года после отдельных боев местного значения 1-я чехословацкая бригада перешла в ведение 18-й армии.

Пика и генерал Ингр пытались отправить чехов-добровольцев с Волыни в глубокий тыл (город Ефремов), в то время как Свобода настаивал на формировании корпуса рядом с фронтом, на Волыни. Здесь опять сказывалась разница в послевоенных планах эмигрантского правительства и большинства офицеров формируемого корпуса. Если Бенеш и Ингр всеми силами старались сберечь части как свою опору в послевоенной Чехословакии, то Свобода и его сторонники, в том числе и коммунисты, наоборот, стремились принять самое активное участие в боях на стороне Красной армии. Во всяком случае, Свобода заслужил очередной выговор от Ингра, так как приказал вернуть отправленный в Ефремов эшелон с добровольцами назад в Ровно^[303]. «Сделайте генералу Свободе соответствующее внушение по поводу его действий. Он командир боевой части и не смеет вмешиваться в организационные дела. Предупредите его, что он не должен вступать в переговоры с советскими властями и что все возникающие вопросы обязан решать только через военную миссию».

К 5 мая 1944 года было решено сформировать командование 1-го чехословацкого армейского корпуса в Ровно. Таким образом, бригада была преобразована в 1-й Чехословацкий армейский корпус. Он состоял из двух пехотных, одной танковой и одной десантной бригад, пяти артиллерийских полков, а также вспомогательных частей. Командиром корпуса лондонское правительство Бенеша назначило бригадного генерала Яна Кратохвила, Свобода остался командиром ядра соединения – 1-й пехотной бригады.

За корпус, как и ранее за бригаду, шла напряженная политическая борьба между КПЧ и эмигрантским правительством.

Коммунистам удалось добиться активной роли в корпусе офицеров просвещения (аналог советских политработников). Бенеш и его министерство национальной обороны, наоборот, стремились эту деятельность минимизировать, ссылаясь на довоенные уставы. На позициях компартии стоял распространяемый в корпусе журнал «Ческословенске листы». Сам корпус также имел свои издания: «Наше войско в СССР» в первой бригаде, «Пламень свободы» во второй десантной и «Направление – запад» – в третьей. Следует отметить, что коммунисты в своей пропагандистской деятельности воздерживались от любой критики Бенеша.

Больше всего членов КПЧ было в ядре корпуса – первой бригаде – 220 человек на июль 1944 года. Среди десантников второй бригады коммунистов было 63, среди набранной из волынских чехов третьей

бригады – 62^[304]. В танковой бригаде было 24 коммуниста.

Еще раньше на базе перебежчиков и пленных из бывшей словацкой Быстрой дивизии стала формироваться и 2-я чехословацкая парашютно-десантная бригада. Танковый батальон стал танковым полком. В организационном смысле корпусу подчинялся и 1-й чехословацкий истребительный авиаполк, основой которого стал 21 пилот, прибывший из Англии. По указанию Сталина полк получил лучшие на то время советские истребители Ла-5. К 4 августа 1944 года полк окончил обучение и был готов к бою.

К концу июля 1944-го в 1-м Чехословацком армейском корпусе насчитывалось более 16 тысяч человек, 600 автомашин, более тысячи лошадей, свыше 50 танков и бронемашин и 280 орудий различного калибра^[305]. Уровень боеготовности третьей бригады, только что набранной из волинских чехов, еще оставлял желать лучшего, не хватало офицеров-артиллеристов, и корпус должен был достичь полной боевой готовности только к 10 августа 1944 года.

Начальник чехословацкой военной миссии в Москве Пика попросил, чтобы только что сформированный корпус принял участие в освобождении Закарпатской Украины и ее столицы Ужгорода. Эта просьба была выполнена командованием 1-го Украинского фронта, в который тогда входил корпус. В конце июля – начале августа 1944 года части корпуса стали перебрасывать на фронт.

Между тем еще 12 мая 1944 года премьер марионеточного словацкого правительства Тисо и министр обороны Чатлош договорились с Гитлером, что перевалы в Карпатах от приближавшей к ним Красной армии будут защищать словацкие войска. С этой целью была создана Восточная словацкая армия (или 1-й армейский корпус: две дивизии, в целом 25 тысяч человек), которая удерживала участок в Карпатах протяженностью в 110 км. На вооружении Восточной армии было 1000 легких и 250 тяжелых пулеметов, 150 минометов и 70 орудий. Все вооружение было новым, немецкого производства.

Немцы считали прорыв Красной армии на этом участке фронта маловероятным из-за крайне сложного горного рельефа местности. Поэтому оборону и доверили словакам. Сами немцы концентрировались севернее и южнее Карпат, на равнинных направлениях. К началу августа 1944 года передовые части Красной армии находились в 40-50 км от словацкой Восточной армии.

В конце июля 1944 года командование Красной армии и штаб

партизанского движения на Украине начали засылать в Словакию десантные группы, которые должны были стать полноценными партизанскими отрядами за счет притока местного населения. С 26 июля по 10 августа в Словакию было заброшено 10 партизанских групп^[306]. Прибывшая 26 июля первая советская группа под командованием старшего лейтенанта Величко за три недели выросла с 11 до 250 человек. 9 августа 1944 года словацкая армия получила приказ провести антипартизанские операции в Низких Татрах, но партизаны были предупреждены, а словацкие солдаты, встретив партизан, проигнорировали приказ открыть огонь. 21 августа партизанский отряд Величко передислоцировался в Склабиню и начал взрывать железные дороги. 25 августа партизаны уже открыто раздавали оружие на площади в городе Мартин и записывали добровольцев.

Всего к началу августа 1944 года партизанские отряды в Словакии насчитывали более 700 бойцов (треть из них были солдатами и офицерами Красной армии). Обычно в каждом отряде было примерно по 50 человек.

Режим Тисо демонстрировал свою беспомощность. Словацкие солдаты и полицейские не желали сражаться против партизан, пели коммунистические песни и поднимали красные флаги. На стенах казарм появлялись надписи «Мы идем к Сталину!».

Но организаторам восстания активность партизан лишь мешала, так как могла спровоцировать оккупацию Словакии вермахтом еще до того, как выступление будет полностью подготовлено. Поэтому Гусак встретился с Величко и настоятельно просил его умерить пыл. Величко сослался на директивы Штаба партизанского движения в Киеве, которые предписывали ему обратное: усиление активности. Правда, при условии, чтобы не спровоцировать преждевременное восстание. Напрасно Гусак убеждал партизанского командира, что именно активность партизан и спровоцирует восстание.

Выросшая активность партизан, равно как и слабость словацкого режима, действительно насторожили немцев, и они стали внимательно следить за обстановкой в Словакии. А там в это время СНС договорилась об участии в восстании с командованием первой дивизии Восточной армии (полковником Маркусом). Командование второй дивизии коммунисты считали ненадежным, но Голиан обещал все уладить. План восстания был прост: в момент наступления Красной армии словацкая Восточная армия открывает перевалы в Карпатах и вместе с советскими войсками, а именно 1-м чехословацким корпусом, быстро освобождает Словакию.

Голиан по приказу Бенеша фактически сорвал восстание в Братиславе,

так как сменил там командование^[307]. У коммунистов вообще сложилось впечатление, что Голиан и не рассчитывал на восстание частей в Западной Словакии, в которых насчитывалось от 12 до 16 тысяч человек. К тому же он, несмотря на обещания, оттягивал передачу партизанам оружия из арсеналов армейских гарнизонов. Только 20 августа 1944 года после фактически ультимативного требования коммунистов Голиан дал, наконец, согласие на вооружение партизан^[308].

Голиан форсировал призыв бойцов запаса в части армии, чтобы довести ее численность к моменту восстания до 10 тысяч человек. В этом он преуспел: в начале августа 1944 года в словацкой армии было 93 132 человека. Однако резервисты были не обучены и в целом обладали низким боевым духом.

12 августа 1944 года правительство Тисо объявило на всей территории Словакии осадное положение.

25 августа партизанами был занят город Мартин. Солдаты гарнизона перешли на сторону партизан и 27 августа уничтожили немецкую военную миссию, возвращавшуюся из Бухареста в Берлин. Членам миссии, состоявшей из 32 человек, предлагали сдаться, но они отказались.

28 августа правительство Тисо призвало на помощь для борьбы против партизан немецкие войска. Немецкий посланник в Братиславе Лудин рекомендовал Тисо немедленно демобилизовать ненадежные словацкие части. Лудин сообщал в телеграмме в Берлин: «Президент государства, однако, все-таки предлагает одним ударом разоружить всю словацкую армию, как только в нашем распоряжении окажутся достаточные немецкие силы. Я со всей настойчивостью высказываюсь за это предложение и его скорейшее осуществление»^[309]. Подполковник Голиан был вынужден отдать приказ о начале восстания, которое вспыхнуло 30 августа 1944 года. Таким образом, вопреки первоначальным планам восстание не удалось скоординировать с Красной армией, которая была еще не готова к решительному наступлению в Карпатах.

29 августа после обеда Голиан из штаба тыловой армией в городе Банска-Бистрица^[310] отдал приказ всем 43 гарнизонам перейти в состояние повышенной боевой готовности. Немцы, между тем, двумя небольшими группами, силой до двух полков, в тот же день перешли границу Словакии. Первоначально они хотели задержаться не более чем на две недели, чтобы ликвидировать партизан и обеспечить бесперебойное железнодорожное движение через Словакию. Среди немецких частей сначала преобладали резервисты и подразделения Имперской трудовой службы (РАД, состояли

из молодежи призывного возраста).

30 августа Голиан созвал совещание командиров и объявил, что отныне Словакия находится в состоянии войны с Германией. По согласованному с Бенешем плану он переименовал все восставшие части словацкой армии в 1-ю чехословацкую армию. Об этом в ночь на 30 августа сообщило и само правительство Бенеша по лондонскому радио.

1 сентября 1944 года гарнизон Братиславы (около 8 тысяч человек) без сопротивления был разоружен немцами (ударная группа Шилля численностью не более 2200 человек, в основном учащиеся офицерских курсов войск СС – с 20 САУ «Хетцер»). 1200 бойцов гарнизона разбежалось – частично к восставшим, частично по домам. Остальные гарнизоны западной Словакии вели себя пассивно. Таким образом, западная часть страны, самая развитая и населенная, фактически осталась вне восстания.

30 августа 1944-го группе армий «Хайнрици» было поручено провести операцию «Уборка картофеля» – так немцы называли разоружение двух дивизий словацкой армии в Карпатах. Комадующий Восточной армией Малар собрал офицеров и произнес перед ними запутанную речь, основной смысл которой сводился к тому, что нельзя «пятнать честь мундира» и переходить на сторону партизан. После этого Малар «срочно отбыл» в Братиславу.

Части 24-го танкового корпуса вермахта и некоторые резервные подразделения быстро вошли в Словакию с территории Польши и в течение двух дней (30-31 августа) без сопротивления интернировали и разоружили словацкие дивизии. Некоторые мелкие части пробивались к повстанцам в центральную Словакию, а большинство солдат просто разошлись по домам. В 14:30 31 августа стратегически важный Дуклинский перевал оказался в руках немцев. С этого момента восстание фактически было обречено на поражение, так как вермахт перерезал Красной армии все пути наступления через Карпаты.

31 августа 1944 года чехословацкий посланник в Москве Фирлингер и глава военной миссии Пика посетили заместителя наркома иностранных дел Вышинского, чтобы через него передать Сталину просьбу Бенеша оказать начавшемуся восстанию в Словакии максимально возможную помощь. В частности, Пика и Фирлингер просили немедленно перебросить по воздуху в Словакию оружие и боеприпасы, а также переправить туда 2-ю воздушно-десантную бригаду из состава чехословацкого корпуса. 2 сентября Готвальд обратился с такой же просьбой к другому замнаркома – Лозовскому. Лидер КПЧ подчеркнул, что хотя повстанцы в Словакии

объявили о формальном подчинении Бенешу, борьба носит «истинно словацкий характер», направляется коммунистами через СНС и аналогична партизанскому движению в Югославии. В переданном Лозовскому официальном обращении к Молотову руководство КПЧ отмечало: «Помощь Красной армии, предоставленная в любой форме, будет иметь громадную моральную силу в этой борьбе, которая на данный момент является самым важным очагом борьбы за освобождение всей Чехословакии»^[311].

1 сентября 1944 года командующий 1-м Украинским фронтом И. С. Конев принял во Львове прилетевшего из Словакии полковника Тальского – заместителя командующего Восточной армией, вместе с которым в распоряжение Красной армии перелетели на своих самолетах 30 словацких летчиков. Тальский обещал в случае наступления советских войск открыть перевал на Дукле. Он и не предполагал, что его части уже разоружены немцами. Конев сразу же связался по телефону со Сталиным, который в то же время получил просьбу Бенеша помочь повстанцам. Сталин приказал Коневу срочно подготовить операцию на соединение с повстанцами. Конев выполнил приказ уже 3 сентября. Согласно плану операции, части Конева должны были за пять дней преодолеть 100 километров и объединиться с повстанцами.

Таким образом, командование Красной армии, хотя и не предупрежденное о восстании, отреагировало немедленно. 1-му и 4-му Украинским фронтам уже 2 сентября был отдан приказ быстро подготовить наступление в Словакию (на город Прешов) и провести эту операцию 8 сентября.

Назначенный СНС и Бенешем бригадным генералом Голиан отдал между тем приказ перейти к обороне и защищать охваченную восстанием центральную Словакию. Но оборонная тактика (все 18 батальонов восставшей армии были разделены на два оборонительных участка) лишала повстанцев подвижности. Поэтому Голиан вскоре преобразовал два оборонительных участка в шесть тактических групп.

Однако ему так и не удалось достичь полного взаимодействия между партизанами и частями восставшей словацкой армии. Партизан, которые подчинялись компартии, отличал высокий боевой дух, но с тактической точки зрения и ввиду своего легкого стрелкового вооружения они не могли в позиционной войне остановить регулярную немецкую армию. Напротив, части резервной словацкой армии (а именно они и примкнули к восстанию) были неплохо вооружены (около 40 танков чехословацкого производства и 50 самолетов), но не имели никакого боевого опыта. Многие офицеры и

солдаты, недавно призванные из дома, хотели только одного – вернуться к семье.

Солдат и офицеров регулярной армии среди повстанцев было примерно 18-20 тысяч, партизан – 5-7 тысяч (к концу восстания – 12 тысяч). На территории, занятой повстанцами, была проведена мобилизация, которая дала еще 20-25 тысяч бойцов, в основном тоже не имевших боевого опыта.

Немцы сначала наступали небольшими и надерганными из разных соединений силами. С юго-запада продвигалась упомянутая выше группа «Шилль», с северо-запада – группа полковника Олена (примерно 6 тысяч человек), которую, скорее для устрашения противника, окрестили дивизией «Татра». Неудивительно, что с такими силами немцы в течение первой недели восстания не смогли достичь серьезных успехов. Однако частям вермахта удалось быстро локализовать очаг восстания и избежать самого неприятного – вспышки восстания в Чехии и Моравии. Несмотря на значительное численное превосходство повстанцев, немцы с первого дня владели инициативой.

Красная армия вместе с частями 1-го Чехословацкого корпуса перешла в наступление на Дуклу 8 сентября 1944 года, но натолкнулась на ожесточенное сопротивление. Свобода обратился к солдатам корпуса с речью: «– Воины! – Чувствую, как дрожит мой голос. Нет, мне нельзя выдавать свое волнение. Это может произвести нехорошее впечатление. Усилием воли беру себя в руки и продолжаю:

– Через несколько часов вы вступите на землю своей родины, где сможете рассчитаться с преступниками, которые причинили нашему народу бедствия и страдания. Будьте судьями справедливыми и строгими. И знайте: за все зло, причиненное нашему народу, несет ответственность не только Гитлер, но и его банда фашистских заправил...»^[312]

В первый день операции стрелковые соединения главной ударной силы – 38-й армии под командованием генерала-полковника Москаленко – вклинились в оборону противника на глубину до 12 км. Однако к исходу дня сопротивление немцев возросло. Особенно ожесточенные бои развернулись за Кросно. Командование вермахта начало спешно перебрасывать в полосу 38-й армии соединения и части с других направлений, в том числе 1-ю пехотную дивизию и отдельные части из Словакии. Всего в ходе операции на кросно-дуклинское направление было стянуто до 18 вражеских дивизий, включая три танковые. Немцам удалось задержать продвижение советских войск. В сражение в полосе 38-й армии были введены 25-й танковый, 1-й гвардейский кавалерийский и

чехословацкий корпуса, а затем, из резерва 1-го Украинского фронта, – 4-й гвардейский и 31-й танковый корпуса. В ходе упорных семидневных боев войска 38-й армии прорвали две оборонительные полосы противника и вышли на рубеж Важице, севернее Дукли, Ивонич.

К 14 сентября 1944 года войска 1-й гвардейской армии^[313] также прорвали вражескую оборону на фронте до 30 км и продвинулись на глубину до 15 км. Преодолевая упорное сопротивление и отражая контратаки вермахта, передовые части 38-й армии совместно с чехословацкой танковой бригадой 20 сентября овладели сильно укрепленным населенным пунктом Дукля. В тот же день правофланговые соединения 1-й гвардейской армии первыми вступили на территорию Словакии восточнее Медзилаборце.

Горный рельеф Карпат не позволял в полной мере использовать танки, и наступающие части несли чудовищные потери. Если в начале операции части 38-й армии имели двукратное превосходство над противником в живой силе (танков было примерно поровну), то уже на седьмой день Красная армия и вермахт сравнялись по живой силе, а танков и САУ у немцев стало в два раза больше, чем у Москаленко.

Не добился особого успеха и чехословацкий корпус, в котором было много необстрелянных новобранцев. Поэтому Москаленко решил снять с командования корпусом Кратохвила и назначить на этот пост Свободу. Соответствующий приказ гласил:

«1. Командира 1 ЧАК бригадного генерала Кратохвила, как несправившегося с командованием корпусом, не умеющего организовать бой и твердо руководить войсками, освободить от занимаемой должности и отправить в распоряжение Ставки Верховного Главнокомандования.

В командование корпусом с 6:00 10.9.44 г. вступить командиру 1 бригады – бригадному генералу Свобода.

2. Командиру корпуса генералу Свобода приказываю навести порядок в корпусе, взять твердо управление войсками корпуса в руки и решительно выполнить боевую задачу.

3. Исполнение донести»^[314].

Однако министр обороны в Лондоне генерал Ингр был не готов отдать корпус «ненадежному Свободе». Поэтому 19 сентября из Англии прибыли два генерала – Клапалек и Сазавский. Сазавский принял 1-ю бригаду корпуса, Клапалек – 3-ю.

Кратохвил признавал, что операция Красной армии на Дукле не имела успеха именно из-за фактического предательства словацкой Восточной

армии, которая не оказала немцам никакого сопротивления. Фирлингер сообщал из Москвы министру иностранных дел Масарику: «Кратохвил сам во время своего первого визита 21-го сентября объяснил, что неудача была обусловлена и тем обстоятельством, что обе словацкие дивизии подвели... С советской стороны мне было подтверждено, что действительно рассчитывалось на то, что в заключительной стадии боев в действие будут введены и обе словацкие дивизии...»^[315].

Бенеш и Ингр всячески пытались полностью взять под контроль и восставшую Словакию, стараясь умалить значение СНС. 11 сентября 1944 года Бенеш в радиোগрамме руководству восстанием требовал, чтобы все вопросы политического характера предварительно согласовывались с лондонским правительством. СНС 24 сентября ответил, что готов сотрудничать с Бенешем, но все вопросы будет решать только с точки зрения их влияния на ход восстания. Эту позицию разделял и Шробар, которого Бенеш считал «своим человеком» в Словакии. Бенеш в тот же день, 24-го, ответил радиогаммой, в которой опять требовал полного повиновения на основе чехословацкой конституции 1920 года, не предусматривавшей для Словакии даже автономии. Он ультимативно требовал принять в Словакии правительственного делегата по управлению освобожденными территориями на основании советско-чехословацкого соглашения от 8 мая 1944 года. Этот делегат должен был иметь в своих руках верховную власть на удерживаемой повстанцами территории.

29 сентября СНС на тайном заседании принял резолюцию, что готов признать за Бенешем право сноситься от имени всего чехословацкого Сопротивления с правительствами союзников, однако себя считает высшим революционным органом Сопротивления в Словакии. Что касается приезда делегата из Лондона, то СНС счел этот вопрос неактуальным, сославшись на то, что политическое и военное руководство восстанием уже находится в руках совета. Власть никем не выбранного делегата над сформированными демократическим путем национальными комитетами СНС назвал противоречащей нормам демократии. Но против самого присутствия в Словакии делегата как связующего звена с Лондоном СНС не возражал и даже «приветствовал» это^[316]. Резолюция была принята СНС единогласно.

Также было решено направить делегацию СНС в Лондон, куда она и прибыла 13 октября.

Но еще 7 октября 1944 года на аэродроме «Три дуба» приземлился правительственный делегат Бенеша Немец. Переговоры с СНС прошли 16 октября. Понимая слабость своих позиций, Немец вел себя осторожно и

согласился с предложением считать себя не высшей властью в Словакии, а посредником между СНС и лондонским правительством, а также между СНС и советским военным командованием на основании советско-чехословацкого соглашения от 8 мая 1944 года.

23 октября после переговоров с делегацией СНС (Новоместский, Урсини, Весел) изменило свою позицию и лондонское правительство. В резолюции отмечалось: «...сразу же после начала восстания правительство с удовлетворением приняло к сведению, что Словацкий национальный совет был образован как ведущий политический орган этой борьбы...»

Стремясь все же оказать действенную помощь восставшим, советское командование уже 15-17 сентября перебросило на единственный повстанческий аэродром «Три дуба» 1-й чехословацкий авиаполк (21 истребитель Ла-5). Он сразу же включился в боевые действия и 18 сентября уничтожил на земле при неожиданном налете шесть немецких самолетов.

19 сентября вывели из боя для отправки в Словакию 2-ю чехословацкую воздушно-десантную бригаду, ядро которой составляли словаки, перешедшие на сторону Красной армии под Мелитополем осенью 1943 года. Однако плохие метеоусловия мешали отправке бригады, и она частями перебрасывалась в Словакию с 26 сентября по 16 октября 1944-го.

В ночь с 4 на 5 сентября 1944 года начались поставки советского оружия на аэродром «Три дуба». Всего до 15 октября повстанцам были переброшены 2000 винтовок, 2082 автомата, 467 легких и 900 тяжелых пулеметов, 256 противотанковых ружей, 23 крупнокалиберных пулемета, пять минометов, 500 тысяч единиц боеприпасов, а также лекарства и перевязочный материал^[317]. Обратными рейсами советские самолеты вывозили раненых.

Главный советский пропагандист военного времени ненавидимый Гитлером Илья Эренбург писал 6 сентября 1944 года в статье «Словацкая сестра»: «В конце августа Словакия восстала... Что же помогает словацкому крестьянину, учителю, шахтеру и пастору отражать атаки моторизованных дивизий? Отвага, выносливость и вера в свет с Востока!.. Путь к победе нелегок, но Словакия знает, что Россия идет к ней на помощь, – да, Россия придет!»^[318].

17 сентября 1944 года в Словакии произошло историческое событие: на съезде в Банска-Бистрице (700 делегатов из 46 районов, в том числе и оккупированных немцами) объединились словацкие коммунисты и социал-демократы, причем в рядах КПС. Таким образом, все рабочее движение Словакии отныне шло за коммунистами.

Пока Бенеш боролся с СНС за власть в Словакии, немцы неумолимо сжимали кольцо окружения вокруг центра восстания – города Банска-Бистрица. Хотя повстанцам удалось продвинуться в восточном направлении, с севера и с запада немцы методично, хотя и медленно, продвигались к Банска-Бистрице.

В конце сентября 1944 года Гиммлер лично поручил обергруппенфюрру СС Хефле^[319] в кратчайшие сроки покончить с востанием. Для этого Гиммлер выделил бригаду СС «Дирлевангер» из Польши и в качестве главной ударной силы – 18-ю дивизию СС из Венгрии. Прибыли в Словакию и 708-я народная гренадерская дивизия (фольксштурм) в составе 258 офицеров и 5760 солдат и младших командиров, а также 271-я народная гренадерская дивизия (234 офицера и 6981 солдат).

Бригада «Дирлевангер» (названа так по имени ее командира бригадефюрера СС Оскара Дирлевангера^[320], позднее развернута в дивизию) была соединением штрафников и формировалась из уголовников. Она участвовала в карательных акциях против белорусских партизан, в частности в ликвидации деревни Хатынь. Бригада отличилась неслыханными зверствами при подавлении Варшавского восстания в августе – сентябре 1944 года.

Частям вермахта и СС активно помогали живущие в Словакии немцы, которые вместе с эсэсовцами «прославились» зверскими расправами над мирным населением. Было дотла сожжено несколько деревень. Всего в ходе восстания немцами было убито 5064 мирных жителя, которых впоследствии обнаружили в 211 братских могилах. Общее количество жертв среди гражданского населения оценивается в 20 тысяч человек.

Таким образом, к середине октября 1944 года немцы создали в Словакии мощную группировку, превосходившую истощенные боями силы повстанцев и в живой силе, и в плане вооружения.

Голиан еще 6 октября сообщил в Лондон, что не в силах остановить наступление немцев и планирует перейти к партизанской борьбе. Однако Ингр приказал держать фронт до подхода Красной армии. Бенеш и Ингр всеми силами старались сохранить «официальный армейский» характер повстанческих сил как своей опоры в послевоенной Чехословакии.

8 октября 1944 года прибывший из Лондона генерал Вист (напомним, единственный генерал-словак в довоенной чехословацкой армии) официально стал главнокомандующим 1-й чехословацкой армией в Словакии, как назывались теперь повстанческие силы. Планировалось, что

после соединения с частями Красной армии 1-й чехословацкий корпус Свободы будет включен в состав 1-й чехословацкой армии, и тем самым строптивного и «ненадежного» Свободу опять удастся отрешить от командования. Поэтому само слово «армия» представлялось Бенешу и Ингру крайне важным, так как было «выше» корпуса.

СНС и КПЧ пытались переломить ситуацию в Словакии с помощью направления в Банска-Бистрицу толковых советских офицеров и генерала Красной армии, который должен был принять командование над всеми силами восставших. Фирлингер передал эту просьбу в Лондон, но получил от Масарика отрицательный ответ: «Пожалуйста, не передавай просьбу о русском генерале и не вмешивайся в военные вопросы. Оставь это военным»^[321]. Готвальд после этого рекомендовал СНС щадить силы, уйти в горы и организовать там партизанскую войну по образцу Югославии.

Во второй половине октября 1944 года у восставших все еще было 18 батальонов пехоты (около 60 тысяч человек) и 27 артиллерийских батарей, три бронепоезда и 14 истребителей. Однако уже начал сказываться недостаток боеприпасов. К тому же силы немцев прибывали с каждым днем, и 18 октября они перешли в генеральное наступление. 22 октября уже генерал Вист сообщил в Лондон, что отходу в горы нет альтернативы. Однако 24 октября Ингр по политическим мотивам снова приказал любой ценой удержать хотя бы ограниченную территорию до подхода Красной армии. 26 октября повстанцы оставили Зволен. На следующий день чехословацкий истребительный авиаполк вынужден был улететь в СССР. 27 октября немцы заняли оставленную по приказу Виста Банска-Бистрицу. Большую часть 1-й чехословацкой армии охватила паника и апатия. Вист отдал приказ, скорее уже вынужденный, о переходе к партизанской войне. Однако на сей раз организованного ухода в горы не получилось. Там отныне оперировали в основном лишь партизаны.

29 октября 1944 года Хефле сообщил о ликвидации последних очагов сопротивления, а Тисо отслужил благодарственную мессу в честь немцев.

Бенеш, который не смог создать подвластную ему территорию в Словакии, попытался взять реванш на Закарпатской Украине. 27 октября 1944 года войска 4-го Украинского фронта освободили главный город этого региона – Ужгород. Еще 20 октября лондонское правительство решило, что правительственный делегат Немец должен перебраться из Словакии в Ужгород и взять там в свои руки военную и гражданскую власть. Советское правительство в соответствии с советско-чехословацким соглашением от 8 мая 1944 года передало правительству ЧСР власть в пяти восточных районах Закарпатской Украины. Остальные районы как прифронтовая зона

остались в подчинении командования Красной армии.

27 октября Немец вместе с генералом Гасалом-Нижборским прибыл в закарпатский город Хуст и учредил там в качестве верховного органа власти Офис правительственного делегата. Однако в процессе освобождения Закарпатской Украины возникшие там национальные комитеты требовали присоединения к Советской Украине. Украинцы игнорировали приказ Немца о мобилизации в чехословацкую армию и в массовом порядке добровольно вступали в Красную армию. За три месяца Немец и Гасал смогли мобилизовать лишь 6375 человек, в то время как в Красную армию добровольно вступили более 25 тысяч жителей Закарпатской Украины^[322].

Без согласования с командованием Красной армии Гасал создал Верховное командование освобожденной территории, что было нарушением соглашения от 8 мая 1944 года. Командующий 4-м Украинским фронтом генерал армии Петров на конкретных примерах доказывал Гасалу, что он вмешивается и в дела тех прифронтовых районов, которые оставались в ведении командования Красной армии. К тому же Гасал использовал для связи с Лондоном радиопередатчик, о котором не знало советское командование, что также было нарушением соглашения от 8 мая.

26 ноября 1944 года в Мукачево собрался съезд местных национальных комитетов (663 делегата), решивший просить верховный Совет СССР о принятии Закарпатской Украины в состав СССР. Был принят Манифест о воссоединении Закарпатья с Советской Украиной и избран верховный орган власти – Народная Рада Закарпатской Украины. Народная Рада объявила, что власть Немца в Закарпатской Украине закончилась, и ему предписали уехать в трехдневный срок. Немец это требование отверг, и 5 декабря 1944 года Народная Рада обратилась напрямую к Бенешу, чтобы тот отозвал Немца.

КПЧ не возражала против присоединения Закарпатской Украины к СССР, выражением чего было основание 19 ноября 1944 года самостоятельной компартии Закарпатской Украины.

Немец 8 декабря 1944 года выехал из Хуста в Москву, чтобы там через Фирлингера получить инструкции Бенеша. 14 декабря, после переговоров в НКВД, Немец отослал Бенешу депешу, в которой характеризовал ситуацию в советско-чехословацких отношениях как двоякую. В Москве сложилось впечатление, что отношение Бенеша к СССР в гражданско-политической области можно оценить как дружественное, но в военной – «недемократическое, а со стороны некоторых (чехословацких) офицеров

недружественное»^[323].

Бенеш по согласованию с эмигрантским правительством передал Немцу 19 декабря 1944 года следующие инструкции: «а) пусть происходит, что происходит, мы будем придерживаться соглашения (от 8 мая 1944 года – *Прим. автора.*) и будем просить Москву реализовывать это соглашение на практике, ни от чего не откажемся и от своих прав не отступимся; б) там, где будет запрещено, как Вам сейчас, осуществлять свои права, будем это констатировать, станем наблюдателями и будем пассивно ждать дальнейшего развития событий. Было бы ошибкой использовать насилие с нашей стороны. С одной стороны, у нас недостаточно для этого сил, с другой – любой такой случай будет использован как предлог для действий против нас; в) мы не покинем свое место и будем держаться до конца при полной корректности с нашей стороны...»^[324]

Относительно статуса Закарпатской Украины Бенеш придерживался точки зрения, что до мирной конференции, призванной подвести все итоги войны, границы домюнхенской Чехословакии должны оставаться неприкосновенными.

27 декабря 1944 года Фирлингера, Немца, а также делегацию СНС принял Молотов. Последний сказал, что советское правительство не будет противиться желанию населения Закарпатской Украины воссоединиться с украинским народом. Одновременно советская сторона высказала пожелание, чтобы Бенеш и его кабинет были ближе к освобожденной территории.

В депеше в Лондон от 29 декабря 1944 года Немец был вынужден признать, что движение за воссоединение в Закарпатской Украине «народное и спонтанное».

«...С учетом этой ситуации... исключено, чтобы чехословацкий административный аппарат мог бы действовать в Карпатской Украине против воли тамошних людей. Это означало бы... править против народа, править насилием и против советских военных органов, которые желают, чтобы в их тылу было спокойно... Право на решение о государственной принадлежности украинского народа дано ему его историческим развитием»^[325].

Немец предлагал чехословацкому правительству добровольно уступить Закарпатскую Украину СССР, потому что этого все равно добьется местное население.

К концу 1944 года Манифест от 26 ноября 1944 года подписали около

250 тысяч жителей Закарпатской Украины. Немец, правда, отмечал, что подписи собирались под давлением.

Бенеш был удивлен этим предложением и категорически его отверг. Немцу он рекомендовал, как только это станет возможно, переехать в Словакию. 14 января 1945 года Немец вылетел из Москвы и перебрался в Словакию. С согласия Народной Рады он оставил в Закарпатской Украине своего представителя с административным аппаратом. Сама Народная Рада между тем отменила приказ о мобилизации в чехословацкую армию и предоставила местным органам власти право набирать добровольцев в Красную армию. Генералу Гасалу в январе 1945 года тоже пришлось перебраться в Словакию.

23 января 1945 года Сталин в присутствии Молотова принял Готвальда и в этот же день написал Бенешу следующее письмо:

«Уважаемый президент, господин Бенеш! Сегодня я узнал от товарища Готвальда, что Чехословацкое правительство испытывает неловкость в связи с событиями в Закарпатской Украине, полагая, что Советское правительство думает односторонне решить вопрос о Закарпатской Украине вопреки договору между нашими странами.

Должен Вам сказать, что если у Вас создалось такое предположение, то это основано на недоразумении.

Советское правительство не запрещало и не могло запретить населению Закарпатской Украины выразить свою национальную волю. Это тем более понятно, что Вы сами мне в Москве говорили о Вашей готовности передать Закарпатскую Украину Советскому Союзу, при этом, как Вы, должно быть, помните, я не дал тогда на это своего согласия. Но из того, что Советское правительство не запретило закарпатским украинцам выразить свою волю, ни в коем случае не следует, что Советское правительство намерено будто бы нарушить договор между нашими странами и односторонне решить вопрос о Закарпатской Украине. Такое предположение было бы оскорбительным для Советского правительства.

Поскольку вопрос о Закарпатской Украине поставлен самим населением Закарпатской Украины, его, конечно, придется решить. Но этот вопрос может быть решен лишь по соглашению между Чехословакией и Советским Союзом еще до окончания войны с Германией или после окончания войны, когда это найдут целесообразным оба правительства.

Прошу верить, что у Советского правительства нет намерения нанести какой-либо ущерб интересам Чехословацкой республики и ее престижу. Наоборот, Советское правительство полно решимости оказать Чехословацкой республике всяческое содействие в деле ее освобождения и

восстановления.

С уважением

И. Сталин»^[326].

Бенеш ответил Сталину 29 января 1945 года. Было ясно, что президент ЧСР очень доволен письмом советского лидера. Он писал: «...я Вас заверяю самым решительным образом, господин Председатель, что я и чехословацкое правительство ни на минуту не допускаем мысли о том, будто Советское правительство хотело односторонне решить вопрос о Закарпатской Украине или нарушить договор между нашими странами. Я хорошо знаю принципы политики Советского Союза и верю, что все это совершенно невозможно...»^[327]

Бенеш оценил великодушие Сталина: «Согласен с Вами, чтобы этот вопрос был решен только соглашением между Чехословакией и Советским Союзом и тогда, когда это признают целесообразным оба правительства...»^[328] Сам Бенеш считал, что это надо сделать после войны, когда официально будут признаны домюнхенские границы Чехословакии. Он обещал, что Закарпатская Украина не станет камнем преткновения в советско-чехословацких отношениях.

Пока чехословацкий корпус в СССР вел тяжелые бои на Дукле и помогал словацким повстанцам, Чехословацкая самостоятельная бронетанковая бригада в Англии (4529 человек) по-прежнему томилась от вынужденного безделья. Солдаты и офицеры бригады в массе своей рвались в бой, однако Ингр и Бенеш стремились сохранить эту часть как основу будущей чехословацкой армии. Положение не изменилось и после высадки союзников в Северной Франции 6 июня 1944 года. Лишь после прорыва американских танков у Фалеза, когда немцы стали без боя отступать к границам рейха, 30 августа 1944-го бригаду погрузили на корабли и доставили в Нормандию.

Но на фронт бригаду не направляли, и многие солдаты и офицеры писали возмущенные письма Бенешу. В одном из таких писем говорилось: «Господин президент!.. В последние дни мы следим с напряжением за борьбой наших в Словакии и за тем, как наши братья на стороне Красной армии готовятся отомстить за зверства (нацистов). Мы не хотим бездейтельно наблюдать, а желаем всеми нашими силами внести вклад в эту историческую борьбу... Поэтому просим Вас, господин президент... чтобы Вы помогли своим влиянием ускорить наше участие в боях»^[329]. Эту просьбу по политическим мотивам поддерживал и командир бригады Лишка, поскольку было ясно, что не участвовавшая в боях часть вряд ли

будет пользоваться таким же авторитетом на освобожденной родине, как овеванный славой корпус Свободы.

В начале октября 1944 года британское командование перебросило чехословаков на осаду портового французского города Дюнкерк, который в глубоком тылу союзников удерживали немцы. Бригаде поставили скромную задачу: не выпускать немцев из города до капитуляции Германии. Немцы же (12 тысяч человек из разных частей) по приказу Гитлера не должны были покидать Дюнкерк вплоть до деблокады города германской армией. Таким образом, приказы противоборствующих сторон, по сути, обрекали их на бездействие. Бенеш и Ингр тоже приказали бригаде не наступать, так как опасались, что бригада не сможет возместить возможные потери в личном составе. К тому же немцы открыли шлюзы на каналах и фактически затопили все южные подступы к Дюнкерку.

Тем не менее чехословаки навязали осажденным 28 октября 1944 года успешный бой местного значения, уничтожив 150 гитлеровцев и взяв в плен 350. Сама бригада благодаря фактору внезапности своей атаки потеряла всего 11 человек убитыми и 36 – ранеными^[330]. Бригада решила провести новую атаку 5 ноября, но на сей раз немцы были начеку. В ожесточенном столкновении чехословаки не досчитались 26 человек. 59 были ранены. Немцы подбили 12 танков. После этого никаких боев вплоть до капитуляции Германии под Дюнкерком не происходило.

В конце 1944 года Бенеш уже понял, что Чехословакию полностью освободят Красная армия и корпус Свободы. Поэтому, будучи опытным и дальновидным политиком, он решил вернуться на родину через Москву. В советской столице помимо переговоров со Сталиным он хотел договориться с КПЧ о формировании нового единого правительства Национального фронта, о чем коммунисты и Бенеш условились в той же Москве еще в конце 1943 года.

Коммунисты 8 января 1945 года, как и советское правительство, предложили Бенешу как можно быстрее вернуться на освобожденную территорию. Сам Бенеш тоже этого хотел, так как боялся, что по примеру Закарпатской Украины к СССР захочет присоединиться и Словакия. КПЧ устами своего представителя в Лондоне Вацлава Носека предложила Бенешу, чтобы новое правительство Национального фронта было сформировано именно на родине. Коммунисты выдвинули условие, что премьером не должен быть деятель из прежнего лондонского правительства^[331]. Бенеш не возражал. Конкретные переговоры о персональном составе кабинета и его программе было намечено провести в

Москве.

Решение Бенеша вернуться в Чехословакию через СССР (собственно другого пути в начале 1945 года и не существовало) 16 января 1945-го приветствовал замнаркома иностранных дел Вышинский: «Я рад, что дорога домой ведет президента через Москву, что является хорошим знаком для нашего дальнейшего сотрудничества»^[332].

Несомненно, на решение Бенеша ускорить отъезд в Москву повлияло мощное наступление Красной армии, начавшееся в Польше 12 января 1945 года. Немцы, опасаясь флангового удара с севера, начали отходить из Восточной Словакии. 20 января был освобожден самый крупный город Восточной Словакии – Кошице, затем города Прешов, Попрад и другие. Успехи советских войск были особенно заметны на фоне тяжелого поражения, которое вермахт нанес англичанам и американцам в Арденнах в конце 1944 года.

Бенеш в Лондоне пытался сформулировать контуры будущей правительственной программы через консультации партий социалистического блока: национально-социалистической, социал-демократической и коммунистической. Бенеш и коммунисты единогласно решили, что крупнейшая довоенная чехословацкая партия – аграрная – не должна быть легализована в послевоенной Чехословакии, поскольку запятнала себя коллаборационизмом. Социалистический блок был готов допустить лишь «католическую партию», на роль которой стала претендовать Народная партия («лидовцы», от чешского слова «lid», «народ»). Фактически же переговоры о программе правительства Национального фронта велись, как в Лондоне, так и затем в Москве, на базе тех принципов, которые КПЧ софрмулировала еще в декабре 1943 года. И Бенеш с этими принципами и тогда, и сейчас был вполне согласен.

Было решено, что от каждой партии лондонского кабинета в Москву поедут по два представителя: от КПЧ – Носек и Лаштовичка, от национальных социалистов – Странский и Давид, от социал-демократов – Майер и Лаушман, от «народников» – Шрамек и Гала. В Москве к переговорам должны были присоединиться Готвальд, как лидер «московской группы чехословацкого Сопротивления», и представители Словацкого национального совета (СНС).

Лондонское правительство перед отъездом в Москву напоследок провело целую волну кадровых повышений в армии и госаппарате.

Перед решающими переговорами в Москве Бенеш был вынужден разрешить трудный, но давно назревший вопрос о чехословацко-польских отношениях. Как упоминалось выше, СССР разорвал отношения с

польским эмигрантским правительством после «катынского дела» в апреле 1943 года. В июле 1944 года после вступления Красной армии на территорию Польши в Люблине при содействии советских властей был образован Польский комитет национального освобождения (ПКНО), который в Москве и признали в качестве временного правительства Польши. Однако и США, и Великобритания продолжали признавать лондонское эмигрантское правительство Миколайчика. В ПКНО преобладали коммунисты (Польская рабочая партия) и социалисты.

Бенеш, так же, как КПЧ и чехословацкий посланник в Москве Фирлингер, хотел признать ПКНО, поскольку Миколайчик по-прежнему наотрез отказывался гарантировать ЧСР Тешинскую Силезию, которую Польша отторгла у Чехословакии во время Мюнхенского сговора. С советской стороны Бенешу гарантировали, что ПКНО полностью признает ЧСР в ее домюнхенских границах. Однако идти против воли англичан, находясь в Лондоне, Бенеш тоже не хотел, поэтому написал 11 января 1945 года Фирлингеру, чтобы тот действовал в польском вопросе «осторожно».

«В Москве, видимо, не знают, что польский вопрос волнует здесь все британское общественное мнение... К нам уже обратились британцы с пожеланием, чтобы без договоренности с ними мы ничего не предпринимали...»^[333]

И Бенеш, и его сторонники прекрасно понимали, что установление отношений с ПКНО, который в декабре 1944 года стал Временным правительством Польши с участием Миколайчика, полностью в интересах Чехословакии. Например, один из ближайших соратников Бенеша Рипка заявил: «Британцам надо бы понять, что мы не можем действовать так, чтобы вызвать лишнее недоверие или недовольство советского правительства, и что мы сами очень заинтересованы решить вовремя, то есть еще до конца войны, спорные вопросы с поляками. Если это будет возможно с Люблином, то мы не будем особо колебаться с его признанием. Особенно если учесть, что именно из-за этого вопроса (признание границ ЧСР – *Прим. автора.*) провалились наши переговоры с лондонскими поляками. Мы хотим своевременного решения этих вопросов, особенно о границах, еще и потому, что знаем, что здесь нам вряд ли помогут британцы и американцы, особенно если опять вспыхнет международный спор о Тешинской Силезии»^[334].

Позиция СССР была иной, в чем лично убедился Готвальд во время беседы со Сталиным 23 января 1945 года. С учетом того, что Красная армия вот-вот должна была вступить в Тешинскую Силезию, лидер КПЧ

попросил Сталина, чтобы советское командование рассматривало эту область как часть Чехословакии. Сталин пометил себе этот вопрос, но порекомендовал предварительно договориться с Временным правительством Польши. При этом Советский Союз, как докладывал Бенешу Фирлингер, собирался поддержать в данном вопросе Чехословакию [\[335\]](#).

Позиция Сталина положила конец колебаниям Бенеша, и 30 января 1945 года лондонское правительство единогласно постановило признать Временное правительство Польши и установить с ним дипломатические отношения. Таким образом, ЧСР стала второй страной после СССР, которая сделала этот шаг.

До отлета в Москву Бенеш хотел заручиться поддержкой Англии, США и СССР в своем намерении полностью выселить немцев (более 3 млн человек) с территории Чехословакии. Согласие союзников было нужно потому, что немцев планировалось выселять в союзные оккупационные зоны Германии, и требовалось, чтобы оккупационные власти приняли немцев и признали их германскими гражданами.

КПЧ, как уже упоминалось, выступала за «более тактичное отношение» к немцам, предлагая оставить в ЧСР тех из них, кто не запятнал себя коллаборационизмом. Однако Бенеш твердил, что послевоенная Чехословакия должна стать однородным славянским государством, и поэтому надо выселить всех немцев и венгров, которые жили в плодородной южной Словакии.

23 ноября 1944 года лондонское правительство Бенеша официально обратилось к правительствам СССР, США и Великобритании с меморандумом о выселении немцев из Чехословакии. Британское правительство ответило в январе 1945 года, что принципиально не возражает против выселения, но этот вопрос должен быть окончательно решен на мирной конференции после войны. США вообще до марта 1945 года своей позиции не выражали.

Уже в Москве, 21 марта 1945-го, Молотов сказал Бенешу, что СССР дал согласие на выселение немцев еще в декабре 1943 года и эта позиция не изменилась [\[336\]](#).

Однако из-за уклончивой позиции американцев и англичан было решено пока не включать вопрос о выселении немцев в программу правительства Национального фронта, хотя все составлявшие фронт партии были за выселение, причем придерживались гораздо более антинемецких позиций, чем КПЧ.

Что касается венгров, то Бенеш намеревался предложить венгерскому правительству обмен населением: все словаки из Венгрии должны были переехать в Словакию, а все венгры из Словакии – в Венгрию. Фактически это было закамуфлированное выселение венгров, так как словаков в Венгрии почти не было. КПЧ по-прежнему считала, что все венгерские антифашисты должны остаться в Словакии и получить гражданство ЧСР. При этом коммунисты хотели, чтобы в решении вопросов оптации [\[337\]](#) участвовали и сами венгерские антифашисты.

СССР по просьбе Бенеша обсудил этот вопрос с Временным правительством Венгрии 15 января 1945 года, причем Молотов пригласил на переговоры Фирлингера. Последний докладывал в Лондон: «...Молотов опять, наконец, вернулся к нашему требованию о трансфере (венгров из ЧСР – *Прим. автора.*)... Он за то, чтобы это предложение было принято» [\[338\]](#). Однако посол США в Москве Гарриман решительно выступил против обмена населением, а британский представитель Бальфур снова рекомендовал отложить этот вопрос на послевоенную мирную конференцию [\[339\]](#).

21 января 1945 года Рипка от имени Бенеша передал Фирлингеру для Молотова «искреннюю благодарность за необычайно действенную поддержку». Однако из-за позиции Англии и США подписанное союзниками с Венгрией 20 января 1945 года соглашение о перемирии не содержало положения об обмене населением между ЧСР и Венгрией.

9 марта 1945 года Бенеш и представители лондонского правительства на трех британских бомбардировщиках отправились в Москву. Бенеш летел с женой, двумя племянниками, личным врачом, горничной, камердинером и высшими чиновниками своей личной канцелярии [\[340\]](#). Путь был неблизкий: через Тулузу, Триполи, Каир, Багдад и Тегеран. Из Тегерана чехословацкая делегация уже на советском самолете вылетела в Баку и 17 марта приземлилась на подмосковном тогда аэродроме Тушино.

Переговоры о формировании правительства Национального фронта и его программе было решено проводить в следующем составе: пять человек от КПЧ (Готвальд, Копецкий, Сланский, Носек и Лаштовичка), четыре социал-демократа (Фирлингер, Майер, Лаушман, Патзак), столько же представителей национально-социалистической партии (Странский, Давид, Углирж, Дртина) и два «лидовца» (Шрабек и Гала). По словацкому вопросу было условлено заслушать позицию СНС как единственного легитимного представителя словацкого народа.

Бенеш и министр иностранных дел Ян Масарик как формально

беспартийные в переговорах не участвовали, хотя все принципиальные вопросы, естественно, с ними согласовывались.

Коммунисты предложили сначала согласовать программу кабинета и лишь потом его персональный состав. Остальные партии не возражали: искушенные в вопросах повседневной парламентской политики и закулисных интриг народники и национальные социалисты и ранее не придавали каким-то там программам особого значения. Их интересовали в первую очередь посты и должности.

За основу для обсуждения программы было взято подробно разработанное предложение КПЧ, состоявшее из нескольких разделов.

Сам программный документ коммунистов по рекомендации Сталина и бывшего главы Коминтерна Георгия Димитрова (который в 1945 году был заведующим международным отделом ЦК ВКП(б)) был очень умеренным. 23 января 1945 года Сталин прямо сказал Готвальду, что желательно договориться с Бенешом и избежать польской ситуации. Димитров на совещании с Готвальдом и другими руководящими деятелями КПЧ 6 декабря 1944 года подчеркнул, что ни в коем случае нельзя ставить вопрос о «советизации Чехословакии»: «...Чехи и словаки должны сами решиться в пользу пути к советской власти, через свое собственное развитие, а мы должны подготавливать народы к социализму и к советской власти политически и идеологически. И этому должен, помимо всего прочего, служить блок с другими демократическими элементами. Тех людей в Словакии, которые очень уж спешат в том, что касается советской власти, надо утихомирить... Задачи в послевоенное время итак будут тяжелыми, и для их решения будет недостаточно одной части народа или одной партии. Даже коммунисты в одиночку не справятся с задачами послевоенного восстановления. Коммунистам требуются союзники на патриотической основе, и поэтому из-за этих союзников нам надо ограничивать свои требования и быть более умеренными. Не думайте, что то, чего мы хотим, хочет весь народ. Чтобы народ понимал наши устремления, мы должны его к этому подготовить»^[341].

Конечно, столь умеренная линия была большим разочарованием для словацких коммунистов, которые выступали за присоединение Словакии в СССР по образцу Закарпатской Украины, опираясь при этом на поддержку больших масс словацкого населения. Бенеш в Словакии (в отличие от Чехии) не пользовался никаким авторитетом, поскольку вообще отрицал самобытность словаков как нации.

Но Димитров без обиняков передал компартии Словакии точку зрения Сталина: «Для словацких коммунистов было бы ошибкой думать, что

отделение словаков от чехов якобы в интересах Советского Союза. Нет. Отделение словаков от чехов ныне отнюдь не в интересах и даже было бы вредно для самих словаков. Чехи – хороший народ, и словаки – хороший народ, и у обоих народов есть большое будущее. Как только вы освободитесь от немцев и начнете воссоздавать чехословацкое государство, вы будете, естественно, опираться на все здоровое, что было в старой республике. По-новому тогда будут решаться различные вопросы чехословацких взаимоотношений. Следует стремиться к тому, чтобы словаки не жили на низшем уровне, чем чехи»^[342].

Фактически Дмитрий повторил старый лозунг КПЧ «равный с равным», который, однако, никак не устраивал Бенеша.

Переговоры партий Национального фронта о программе будущего правительства начались 22 марта 1945 года в здании чехословацкой дипмиссии. Заседание открыл на правах хозяина Фирлингер, после чего был избран временный президиум Национального фронта в следующем составе: Готвальд, председатель (КПЧ), Лаушман (социал-демократ, ЧСДП) и Давид (национальный социалист, ЧНСП).

В первой главе подготовленного коммунистами программного документа в общей форме давалась характеристика будущего правительства, которое, как подчеркивалось, формируется из всех социальных слоев и политических направлений, принимавших участие в борьбе против нацизма^[343]. После освобождения предлагалось созвать Временное Национальное собрание, которое утвердит президента (кандидатура Бенеша была уже согласована) и определит его полномочия до выборов. Затем сам президент назначит правительство с участием всех сил Сопротивления. Президент и правительство в кратчайшие сроки подготовят всеобщие выборы.

Никаких споров первая глава не вызвала и была быстро утверждена. Вторая глава, посвященная военным усилиям Чехословакии, тоже прошла относительно гладко. Было условлено оказывать частям Красной армии на территории Чехословакии всестороннюю помощь для скорейшего разгрома Германии.

Жаркая дискуссия разгорелась насчет третьей главы, где речь шла о новой чехословацкой армии. Коммунисты предлагали, чтобы военная доктрина и вооружение новой армии строились по образцу Красной армии как союзницы ЧСР. Именно это предлагал сам Бенеш Сталину в декабре 1943 года по собственной инициативе. Однако представителям ЧНСП не понравилось предложение коммунистов вести в армии должность

офицеров политпросвещения, как это уже имело место в чехословацком корпусе Свободы. КПЧ в проекте провозгласила: «...Нужно, чтобы каждый чехословацкий воин был сознательным борцом за свободу народа и созательным защитником его свободы в будущем»^[344].

Национальные социалисты настаивали на полной деполитизации армии, как это было в домюнхенской Чехословакии. В результате дискуссии в третью главу внесли пятнадцать изменений, но основной смысл ее сохранился.

Четвертая глава была посвящена внешней политике будущей Чехословакии, и коммунисты, как и Бенеш, видели ее краеугольным камнем чехословацко-советский союзный договор от 12 декабря 1943 года, то есть связи с «победоносной славянской державой на Востоке» (так говорилось в проекте КПЧ). Предлагалось также стремиться к тесному союзу европейских славянских государств, для чего заключить трехстороннее соглашение между ЧСР, СССР и Польшей против возможных рецидивов германской агрессии. В проекте КПЧ говорилось и о связях с западными странами: «...Основой ориентации чехословацкой внешней политики нового правительства, исходящей из духа славянской дружбы, станут дружеские отношения ко всем демократическим западным государствам и ко всем демократическим государствам, которые составляют антинацистский фронт Объединенных Наций...»^[345]

Представитель ЧНСП Странский заявил, что внешняя политика традиционно была единоличной прерогативой президента, поэтому надо исключить пассаж о том, что внешнеполитический курс формирует правительство.

К тому же национальные социалисты хотели, чтобы Чехословакия стала «мостом» между Востоком и Западом, а посему союзные отношения с Францией и Великобританией должны быть равнозначны союзным отношениям с СССР. Представитель КПЧ Копецкий ответил Странскому довольно откровенно: «Наша ориентация на Восток будет однозначной. И Масарик сознает, что нужен полный поворот, что мы должны отказаться от всех игр с мостом, от уравнивания союза с Востоком союзом с Западом и обеспечить однозначную ориентацию на Восток. И это на 20 лет, поэтому мы и говорим о будущем в целом... У нас сразу должно появиться новое лицо (во внешней политике). И новое правительство должно это четко выразить...»^[346]

Коммунисты критиковали лондонское правительство за то, что, несмотря на демагогию о «славянском братстве», оно не признало

правительство Тито в Югославии, хотя это уже сделали Англия и США.

В результате внешнеполитическая глава была одобрена без особых изменений.

Серьезные споры разгорелись по поводу пятой главы проекта КПЧ, где речь шла о внутренней политике. Коммунисты предлагали сделать стержнем новой системы административного аппарата выборные национальные комитеты, куда закрывался доступ коллаборационистам и предателям. Граждане имели право отзывать не оправдавших их доверия членов национальных комитетов. Избирательное право должно было быть расширено за счет снижения избирательного возраста (с 21 до 18 лет) и распространения избирательных прав на военнослужащих.

Представитель ЧНСП Странский был против самостоятельности национальных комитетов, предлагая, чтобы их работой руководило правительство. Не устраивало национальных социалистов и положение о том, что граждане получают право отзывать выборных членов национальных комитетов. Против принципа отзыва как нового и непривычного для довоенной Чехословакии выступил и другой представитель ЧНСП Дртина: это, мол, подрывает авторитет государственной власти в глазах населения.

Готвальд всячески старался достичь компромисса. Он заявил, в частности, что положение о руководстве правительством деятельности национальных комитетов нужно воспринимать как «само собой разумеющееся». Что же касается отзыва, Дртинe ответил Копецкий: «Отношение к этой главе является для нас показателем понимания народной демократии. Народ принимал активное участие в национально-освободительной борьбе в течение ряда лет. Это обстоятельство следует иметь в виду прежде всего.... нужно отрешиться от практики работы 20-летней коалиции^[347], от страха перед народом... Дртина говорит, что принцип отзыва является новым. Но этому принципу более трех тысяч лет. Примером может служить ostracism в греческой демократии...»^[348]

Готвальд сказал: «Отзыв нужен нам как соль... Очистить общественную жизнь можно лишь такими поистине демократическими мерами... Конечно, нам (правительству – *Прим. автора.*) придется вмешаться, если национальный комитет начнет управлять полицейскими методами... Все партии будут допущены (в комитеты), а также беспартийные... Но мы хотим, чтобы эти партии стояли на почве демократии, чтобы они шли к людям с открытым взглядом»^[349].

Дртина и Гала выступили также за то, чтобы национальные комитеты фактически не выбирались, а формировались на коалиционной основе

партиями Национального фронта. Мол, участие в партизанском движении, может быть, и показатель характера, но отнюдь не административных способностей, и поэтому не может служить критерием для выбора человека в члены национального комитета. Коммунисты же, напротив, считали, что люди должны посылать в эти органы своих лучших представителей без оглядки на их партийную принадлежность, но с учетом позиции кандидата в годы оккупации.

Национальные социалисты в то время уже не могли выступать против национальных комитетов как таковых, поскольку те всю развивали свою деятельность в освобожденной Словакии и пользовались большой поддержкой населения. Поэтому и внутривластная глава была одобрена без коренных изменений.

24 марта 1945 года партии приступили к обсуждению самого сложного вопроса: о взаимоотношениях чехов и словаков в послевоенной республике. СНС и КПС стояли за федеративное устройство страны. К этой же мысли склонялся и Готвальд, но он понимал, что федерация категорически неприемлема для Бенеша, и поэтому в целях достижения компромисса не стал официально выдвигать идею федерации на переговорах. Тем не менее в проекте КПЧ четко содержался давний лозунг коммунистов – «равный с равным», в то время как Бенеш вообще не считал словаков отдельным народом.

Один из лидеров СНС и компартии Словакии Гусак вспоминал: «Готвальд предполагал, что наибольшая борьба при обсуждении развернется вокруг словацкого вопроса. Он хотел договориться с Бенешем, поэтому смягчал требования партии по другим вопросам, искал приемлемое решение и в словацком вопросе. Сразу же после приезда в Москву из разговоров с ним я понял, что он в определенной степени изменил свою позицию. Он уже не хотел даже поднимать вопрос о федеративном решении: с одной стороны, он боялся разрыва с бенешевскими кругами, с другой, полагал, что такую позицию КПЧ бенешевские круги использовали бы для националистической агитации в народных массах против партии. Мы не знаем, что нас ожидает дома, повторял он. То, что у вас имеется в Словакии, сохраните. Тем самым положение словаков временно решается. Позднее мы увидим, какова будет ситуация...»^[350]

В проекте КПЧ фактически содержалось положение об автономии Словакии. Автономным словацким органом власти должен был стать СНС. Коммунисты предлагали также создание словацких национальных подразделений в составе единой армии (с командным словацким языком).

В целом «словацкая позиция» компартии базировалась на четырех основных принципах:

- признание самостоятельности словацкого народа;
- признание полномочий СНС;
- признание права на создание словацких воинских соединений;
- фиксирование всех этих принципов в новой конституции ЧСР.

Гала попытался «замотать» обсуждение вопроса, утверждая, что статус Словакии может решить только избранный во всей Чехословакии парламент, а СНС можно признать лишь как временный, переходный орган. Ему возразил Фирлингер, напомнивший об опыте СССР, – федеративный характер Советского Союза не привел к сепаратизму и распаду единой страны^[351]. Копецкий от КПЧ также заметил: «Думаю, что все, что есть сейчас в Словакии, не только временное состояние, после которого мы вернемся к чему-то прежнему; это основа нового, основа для постоянного решения...»^[352]

Странский от имени ЧНСП решительно выступил против словацких подразделений в армии и привел первые слова конституции ЧСР 1920 года: «Мы, народ чехословацкий...» Национальных социалистов поддержал социал-демократ Майер.

От СНС выступил Гусак, поддержавший идею единого чехословацкого гсоударства, но при условии уважения самобытности словаков: «Мы не хотим, чтобы вернулось положение, существовавшее в течение двадцати лет (1918-1938 гг. – *Прим. автора.*); не хотим, чтобы в Словакии могло снова возникнуть чувство оскорбления и угнетения. Словаков как нацию и Словацкий национальный совет признали – это факт. Но мы хотим, чтобы было твердое конституционное обещание, хотим знать, что это не временное обещание, но твердая линия чехословацкой политики...»^[353]

К обсуждению шестой главы участники переговоров вернулись 25-26 марта 1945 года.

Не желая обострять отношения с ЧНСП и стоявшим за национальными социалистами Бенешем, КПЧ и СНС фактически согласились с тезисом, что окончательно статус Словакии будет определен в принятой новым парламентом конституции страны. Но ЧНСП пришлось, в свою очередь, пойти на фиксацию твердого обещания закрепить автономный статус Словакии в новом основном законе страны.

Седьмая глава проекта КПЧ о Закарпатской Украине была одобрена без изменений: в ней говорилось, что правительство ЧСР создаст все условия для свободного волеизъявления населения этого региона.

Остальные главы (с 8-й по 16-ю) также были обсуждены и одобрены быстро. В них говорилось о конфискации собственности предателей, аграрной реформе, наказании коллаборационистов, о введении обязательных поставок сельхозпродукции государству для обеспечения нормального снабжения (после выполнения поставок сельхозпроизводители могли реализовывать оставшуюся часть урожая по свободным ценам), о социальных вопросах.

После одобрения программы началось обсуждение структуры и персонального состава будущего правительства Национального фронта. Так как оно было коалиционным, коммунисты предложили создать абсолютно новый для Чехословакии орган – президиум правительства, который должен был определять основные направления его деятельности с тем, чтобы не допустить самоуправства каждого министра в пределах его ведомства. Директивы президиума были бы обязательны для каждого министра, вне зависимости от его партийной принадлежности.

В домюнхенской Чехословакии, которой управляли коалиционные правительства, каждая из партий коалиции рассматривала выделенное ей министерство как свою вотчину, за счет которой вознаграждались сторонники этой партии (должностями или выгодными государственными заказами).

Для обеспечения коалиционности в важнейшие министерства (национальной обороны, иностранных дел и внешней торговли) назначались бы статс-секретари в ранге министров из других партий.

Национальные социалисты пытались кулуарно договориться с коммунистами о распределении важнейших постов, так как считали, что именно эти две партии пользуются наибольшим влиянием, а остальные (словаки, народники и социал-демократы) должны довольствоваться ролью «младших братьев».

Коммунисты и СНС предложили, чтобы из 25 мест в правительстве девять получили словаки (шесть министров и три госсекретаря). Но это опять не устроило Бенеша, который в беседе с делегацией СНС снисходительно промолвил: «Каждый должен знать свое место за столом. Не надо садиться выше, чем подобает» [\[354\]](#).

Окончательный состав первого правительства Национального фронта выглядел следующим образом:

- Фирлингер (ЧСДП) – премьер-министр;
- Готвальд (КПЧ), Широкий (КПС), Давид (ЧНСП), Урсини (Демократическая партия Словакии, ДП), Шрамек (ЧНП, лидовцы) – заместители премьер-министра;

- Масарик (беспартийный) – министр иностранных дел;
- Клементис (КПС) – государственный секретарь в министерстве иностранных дел;
- Свобода (беспартийный) – министр национальной обороны;
- Ферьенчик (ЧНС, беспартийный) – государственный секретарь в министерстве национальной обороны;
- Рипка (ЧНСП) – министр внешней торговли;
- Лихнер (ДП) – государственный секретарь в министерстве внешней торговли;
- Носек (КПЧ) – министр внутренних дел;
- Шробар (ДП) – министр финансов;
- профессор Неедлы (КПЧ) – министр образования;
- Странский (ЧНСП) – министр юстиции;
- Копецкий (КПЧ) – министр информации;
- Лаушман (ЧСДП) – министр промышленности;
- Дюриш (КПС) – министр сельского хозяйства;
- Пиетор (ДП) – министр внутренней торговли;
- генерал Гасал (беспартийный) – министр транспорта;
- Гала (ЧНП) – министр связи;
- Шолтес (КПС) – министр социального обеспечения;
- Прохазка (ЧНП) – министр здравоохранения;
- Майер (ЧСДП) – министр продовольствия (снабжения).

Традиционно на посты министров иностранных дел и обороны назначались лица по представлению президента. ЧНСП и ЧНП не хотели видеть министром Свободу, кандидатуру которого предложили коммунисты. Однако слава Свободы, возникшая в ходе героических боев чехословацких частей на советско-германском фронте, делала прямой отвод его кандидатуры сложным. Бенеш нехотя согласился, но при этом настаивал на том, чтобы помимо должности министра был учрежден еще и пост верховного военного главнокомандующего, который вел бы все непосредственное управление армией. На этом посту Бенеш видел своего близкого сторонника, министра обороны в лондонском правительстве генерала Ингра, неприязнь которого к Свободе была известна.

Но здесь к компромиссам была не готова уже КПЧ, заявившая, что для нее в новом кабинете неприемлемы военные-реакционеры типа Ингра и начальника разведки Моравца, которые активно пытались подавить первичные ячейки КПЧ в чехословацкой бригаде в Англии.

Бенешу пришлось смириться со Свободой, но ЧНП и ЧНСП все-таки воспрепятствовали назначению на пост министра здравоохранения

Шкварила, начальника санитарной службы корпуса Свободы. Народная партия заявила, что если ей не предоставят в кабинете столько же мест, сколько и другим чешским партиям, она вообще не войдет в правительство. И хотя лидовцы были гораздо слабее коммунистов, и ЧНСП им пошли навстречу, и член ЧНП Прохазка стал министром здравоохранения.

Генерал Гасал был для коммунистов тоже вроде «красной тряпки», так как он вместе с Немцем пытался распустить национальные комитеты в Закарпатской Украине в конце 1944 года и сорвать там набор добровольцев в Красную армию. Но Гасал был соратником Бенеша, и, несмотря на его открыто антисоветский настрой, коммунисты не стали возражать против его кандидатуры.

Все члены правительства – словаки были выдвинуты единым списком от СНС.

Естественно, что, находясь в Москве, Бенеш провел переговоры и с руководством СССР. На беседе с Молотовым 21 марта 1945 года чехословацкая сторона предложила к обсуждению следующие вопросы:

- вопрос границ ЧСР;
- выселение из Чехословакии немцев и венгров;
- статус Закарпатской Украины;
- советская помощь в экономическом восстановлении Чехословакии;
- репарации ЧСР со стороны Венгрии;
- помощь СССР в развитии чехословацкой армии;
- отношения между СССР, ЧСР и Польшей;
- координация политики ЧСР и СССР в отношении Германии;
- финансовые вопросы нахождения Красной армии на территории ЧСР.

Начальник канцелярии Бенеша Смутны отмечал, что переговоры проходили в «очень дружественной атмосфере». Были достигнуты устраивавшие чехословацкую сторону договоренности по всем вопросам, особенно, как подчеркнул Смутны, в вопросе границ, Закарпатской Украины и выселения немцев^[355].

На переговорах Бенеша со Сталиным советский лидер положительно отреагировал на просьбу чехословацкой стороны и обещал оснастить советским вооружением 10 дивизий чехословацкой армии^[356]. Сталин был также готов немедленно развернуть чехословацкий корпус Свободы в армию, о чем советскую сторону попросил сам Свобода еще в январе 1945 года. Начальник чехословацкой военной миссии в СССР Пика считал, что еще до конца войны с помощью СССР можно вооружить пять дивизий

формирующейся чехословацкой армии (численный состав корпуса Свободы на конец марта 1945 года был менее 30 тысяч человек, то есть меньше трех стрелковых дивизий по штатному расписанию Красной армии).

27 марта 1945 года Бенеш направил Сталину специальный меморандум с пожеланиями чехословацкой стороны в вопросах военного сотрудничества. В нем выражалась просьба еще до конца войны предоставить ЧСР вооружение и снаряжение для четырех пехотных дивизий, одной авиадивизии, одной танковой бригады, одной тяжелой артбригады, одной минометной бригады, одного зенитного арtpолка, одного инженерного полка и одного полка связи^[357]. Не забыл Бенеш в меморандуме и попросить Сталина о выделении лично ему в Словакии соответствующего его статусу автотранспорта (четыре легковых автомобиля, восемь грузовиков, четыре джипа «виллис» и восемь мотоциклов) и горючего (10 тонн в месяц).

Сталин ответил Бенешу уже 29 марта 1945 года.

«В ответ на Ваш меморандум от 27 марта с. г. сообщаю:

1. Будет выдано вооружение теперь же на четыре дивизии гвардейского типа^[358], развертываемые на базе четырех бригад Чехословацкого корпуса.

2. В дальнейшем через 3-4 месяца будет выдано вооружение на остальные шесть дивизий.

3. Предусмотренное в меморандуме специальное вооружение для частей усиления (авиация, танки, артиллерия) также будет выдано в ближайшее время, равно как средства транспорта и связи.

4. Все указанные предметы вооружения будут выданы безвозмездно...

И. Сталин»^[359]

Уже 14 апреля 1945 года эти обещания Сталина были оформлены в специальное советско-чехословацкое соглашение. Еще 31 марта 1945-го в другом соглашении СССР взял на себя все расходы по формированию и снабжению чехословацких частей в СССР за все время войны. При этом правительство СССР обязалось выплачивать в рублях пенсии и пособия всем родственникам военнослужащих сформированных в СССР чехословацких частей. В это же время англичане, по словам Бенеша, были готовы финансировать чехословацкую бригаду в Англии только на условиях кредита. Что касалось возмещения расходов Красной армии на территории ЧСР, то чехословацкая сторона брала на себя лишь расходы на материалы, которые советские войска приобретали в самой Чехословакии.

22 марта 1945 года Бенеш и Масарик проинформировали посла США в Москве Гарримана о своих переговорах в Москве. Бенеш подчеркнул, что советская сторона строго придерживается достигнутых ранее советско-чехословацких договоренностей^[360]. Гарриман особенно обеспокоился помощью СССР при вооружении чехословацкой армии и рекомендовал Вашингтону «внимательно за этим следить», хотя ничего не сказал на сей счет самому Бенешу. Бенеш, по оценке Гарримана, был «вполне доволен» и переговорами с КПЧ и ЧНС. 31 марта в беседе с Гарриманом с глазу на глаз за чаем Бенеш еще раз выразил свое удовлетворение московскими переговорами. Президент ЧСР особо выделил выступление Сталина на приеме в честь чехословацкой делегации. Обращаясь к Бенешу, Сталин сказал, что у того, возможно, ранее были основания опасаться «большевизации» Европы со стороны СССР. Но теперь под этими опасениями уже нет оснований, так как советское правительство изменило свою политику. Все компартии отныне будут бороться только за национальные интересы своих стран. В беседе с Бенешем Сталин даже обещал воздействовать на чехословацких коммунистов, чтобы они освободились от некоторых идеологических шор.

Хотя Бенеш был, по словам Гарримана, не совсем доволен составом нового чехословацкого правительства («могло быть и хуже»), он отметил, что проблемы возникали лишь с самими чехословацкими партиями и политиками, а никак не с Москвой. Бенеш полагал, что сможет контролировать Фирлингера как «карьерного дипломата, у которого нет собственной политической базы в Чехословакии». Причем Сталин, по словам Бенеша, тоже был недоволен слишком левым составом правительства, так как думал, что западные союзники объяснят это «советским диктатом»^[361].

31 марта 1945 года правительство Национального фронта отбыло на поезде в Словакию через Киев и Львов. В поезде, еще на территории СССР, 2 апреля Бенеш принял отставку лондонского правительства. Это было условие коммунистов: никем не избранный лондонский кабинет не мог даже одного часа находиться на освобожденной территории. 3 апреля правительство Национального фронта прибыло в словацкий город Кошице. 4 апреля Бенеш подписал формальный указ о создании кабинета министров. В этот же день Красная армия освободила столицу Словакии Братиславу. С возвращением на родину Бенеша поздравил Рузвельт.

5 апреля была торжественно принята и обнародована согласованная в Москве правительственная программа, названная по месту своего

оглашения Кошицкой. Готвальд от имени правительства прочел на церемонии специальное заявление об отношениях между чехами и словаками, которое он назвал «Великой хартией» словацкого народа^[362]. Характерно, что «словацкую хартию» огласил именно представитель КПЧ – партии, наиболее последовательно отстаивавшей на московских переговорах права словацкого народа.

Между тем Красная армия и чехословацкий корпус Свободы вели в начале 1945 года на территории Словакии и Моравии, пожалуй, самые ожесточенные бои на всем советско-германском фронте. В начале апреля 1945 года после мобилизации в Восточной Словакии в чехословацком корпусе было 31 725 военнослужащих, 18097 из которых непосредственно воевали на фронте. В конце 1944 года в корпусе насчитывалось 264 коммуниста, в том числе 145 в первой бригаде^[363]. После того как Свобода занял пост министра обороны, командующим корпусом стал генерал Карел Клапалек^[364].

Если в январе – феврале 1945 года Красная армия быстро продвигалась на запад на равнинах Польши и Венгрии, то Словакия образовывала самый далеко выдвинутый на восток участок немецкого фронта. Здесь мешал использовать бронетехнику тяжелый горный рельеф. К тому же немцы построили в Словакии и Моравии несколько рубежей глубоко эшелонированной обороны.

Только глубокий прорыв Красной армии в Польше после 12 января 1945 года привел к тому, что немцы, опасаясь окружения, начали с 16 января упорядоченно отходить на запад Словакии. После этого чехословацкий корпус, находившийся в южной Польше, передали в состав 18-й армии, которая преследовала немцев в Словакии^[365], чтобы чехословацкие воины принимали участие в освобождении родины. Первый бой в Словакии корпус провел 22 января 1945 года за населенный пункт Браниски. Затем практически в течение всего марта корпус вел тяжелейшие бои за словацкий город Липтовски-Микулаш. 9 марта немцам удалось отбить Липтовски-Микулаш, и только 4 апреля они ночью отступили из города.

С 10 марта танкисты чехословацкого корпуса принимали участие в наступлении на Оставу, но оно было остановлено немцами. Части Красной армии несли большие потери. К 31 марта 1945 года во всей чехословацкой танковой бригаде осталось только 30 боеспособных танков^[366]. Операция по освобождению Оставы затянулась на долгих 57 дней, и чехословацкие танкисты потеряли в ней 140 человек убитыми и 350 ранеными. Части

Красной армии потеряли 112621 человека, в том числе 23964 – безвозвратно. Вермахт не досчитался 250 тысяч человек (в том числе 150 тысяч пленными). Бои за Оставу, происходившее в то же время, что и Берлинская операция, сыграли важную роль в разгроме рейха. Немцам пришлось сосредоточить у Оставы 22 дивизии, в том числе четыре танковые, которых вермахту так не хватало под Берлином.

Сам чехословацкий корпус без своих танков вместе с частями Красной армии весь апрель воевал в Западной Словакии, медленно приближаясь к границам Моравии. После того как 26 апреля советские войска освободили Брно, немцы, опасаясь окружения, начали отступать из Словакии. 30 апреля корпус начал преследование противника и в начале мая вступил в Моравию с запада. Только в боях с 16 марта по 15 апреля 1945 года корпус потерял убитыми 420 человек, в том числе 22 офицера. Ранены были 1849 бойцов корпуса, включая 64 офицера.

Жители освобожденной Оставы тепло встречали Красную армию. Командующий 4-м Украинским фронтом А. И. Еременко вспоминал: «Повсюду царило ликование. Каждый житель стремился пожать руки советским воинам, выразить свою благодарность, сказать теплое и ласковое слово».

К маю 1945 года в чехословацком корпусе насчитывалось уже 97 тысяч солдат и офицеров, из которых 72 тысячи были словаками, 12 449 – украинцами, 8780 – волынскими чехами и только 3670 – чехами с территории довоенной Чехии.

Между тем в начале 1945 года нацисты еще крепко держали в своих руках все нити управления в протекторате Чехии и Моравии. Постепенно на территории протектората сорсодоточились вытесненные из Силезии и Словакии огромные силы группы армий «Центр» (около миллиона солдат и офицеров) под командованием одного из самых умных и фанатично преданных Гитлеру военачальников Третьего рейха – фельдмаршала Шернера. В одном из последних приказов по группе армий «Центр» Шернер призывал к сопротивлению до конца: «Мы должны быть едины и вопреки нескольким предателям и трусам использовать последние силы в последние часы (войны) с тем, чтобы выполнить свою задачу...»^[367] Шернер и в мае 1945 года активно ловил и вешал дезертиров из рядов вермахта.

Оборона протектората облегчалась тем, что с севера, запада и юга он был прикрыт труднодоступными горами, а на востоке, в Моравии, нацисты заблаговременно построили несколько линий обороны. Гитлер приказал удержать протекторат любой ценой как базу оборонной промышленности и

важнейший центр железнодорожных коммуникаций в направлении север – юг, главным узлом которых была Прага.

Вплоть до разгрома Германии гестапо в Чехии и Моравии активно подавляло подполье, главным образом коммунистическое. 7 марта 1945 года с помощью провокатора гестапо обнаружило типографию «Руде право» и нашло там списки партийных работников пражского края. Последовала мощная волна арестов. Руководители подпольной КПЧ были вынуждены на некоторое время уехать из столицы. Однако коммунистам в начале 1945 года все же удалось сохранить и даже расширить сеть своих заводских ячеек, которыми от имени КПЧ руководило Революционное профсоюзное движение (РПД).

Главной силой некоммунистического Сопротивления в конце 1944-го – начале 1945 года был «Совет трех» (созданный из остатков «Защиты нации» и петиционного комитета «Останемся верны»), который пытался сосредоточить в своих рядах бывших военнослужащих чехословацкой армии. В октябре – ноябре 1944 года гестапо обезвредило нескольких руководителей совета, например, 2 октября был застрелен генерал Лужа, однако лондонское правительство признало совет ведущей организацией отечественного Сопротивления. С 1944 года у «Совета трех» была налаженная радиосвязь с Лондоном, которую обеспечивали сброшенные в Чехии парашютисты из групп «Кальций» и «Барий».

«Совет трех», по указанию Ингра, должен был готовить вооруженное восстание на заключительной стадии войны. Предполагалось, что из Англии в распоряжение совета будут заблаговременно сброшены на парашютах запасы оружия и боеприпасов на 10 тысяч человек. В момент распада вермахта вооруженные группы «Совета трех» должны были выйти из подполья и взять власть еще до подхода Красной армии. Тем самым группа Бенеша получала бы сильный козырь в игре против чехословацкого корпуса Свободы, который рассматривался практически как коммунистическая воинская часть.

Напротив, командование Красной армии не планировало восстания в протекторате, так как понимало, что шансов на успех при наличии прекрасно вооруженной и сконцентрированной на небольшом пространстве Чехии группы армий «Центр» и повстанцев нет. Если несколько десятков тысяч неплохо вооруженных повстанцев из рядов регулярной словацкой армии не смогли удержаться в горном районе в 1944 году, то плохо вооруженным и не имевшим никакого боевого опыта чешским повстанцам это не удалось бы тем более.

Поэтому командование Красной армии с января 1945 года приступило

к засылке на территорию протектората десантных групп всего лишь с одной целью – глубокой разведки тыла группы армий «Центр». В боевые действия группам рекомендовалось вступать только в случае крайней необходимости.

На территорию Моравии в начале 1945 года перешли из Словакии и несколько партизанских отрядов под командованием советских офицеров (самым крупным подразделением была 1-я чехословацкая партизанская бригада имени Яна Жижки). Но и эти отряды не имели своей задачей подготовку вооруженного восстания. Они должны были в случае наступления Красной армии диверсиями нарушить железнодорожное сообщение в восточных районах протектората. Если на 25 октября 1944 года в Чехии и Моравии насчитывалось 1190 партизан, то на 31 марта 1945-го – уже 4436^[368]. Примерно 45 % партизан по социальной принадлежности были рабочими.

По другим данным, если в 1943 году в чешских землях было примерно 800 партизан, то в начале 1945-го около 8 тысяч партизан действовали в составе 95 отрядов и групп, а также связанных с партизанами подпольных ячеек^[369].

Ингр и Моравец по указанию Бенеша готовили восстание в чешских землях еще с осени 1944 года. 11 сентября 1944-го Ингр обратился к руководителю британской SOE генералу Габбинсу с официальной просьбой начать сброс оружия и боеприпасов в чешских землях.

Главная причина этого была политической: Бенеш хотел во что бы то ни стало доказать союзникам, что и чехи на родине внесли свой вклад в разгром Германии. Однако англичане отказались сбросить в Чехии оружие на 10 тысяч человек, поскольку считали, что половина его попадет к немцам, как показывал опыт снабжения с воздуха Варшавского восстания в августе-сентябре 1944 года. К тому же англичане явно не верили Ингру и Моравцу, когда те говорили, что в Чехии около 60 тысяч бойцов, организованных в группы под командованием бывших офицеров и готовых к восстанию. Напряженность в отношениях усугублялась тем, что руководство британского командования специальных операций (SOE) после покушения на Гейдриха испытывало стойкую неприязнь к Моравцу. Моравец после «гейдрихиады» решил вообще свернуть высылку парашютных групп в Чехию из-за опасений ответных репрессий немцев. Англичанам это не нравилось: они не настаивали на саботаже и диверсиях, но нуждались, причем в первую очередь, в разведывательной информации^[370].

В конце концов, англичане порекомендовали Ингру согласовать свои планы с командованием Красной армии, чего тот делать не стал. 16 октября 1944 года британский комитет начальников штабов (высший орган военного управления) официально отказал Ингру в его сентябрьской просьбе. Комитет подчеркнул, что никакое восстание без быстрой помощи наземных частей союзников не имеет шансов на успех, поэтому начинать его стоит лишь тогда, когда Красная армия войдет в Чехию^[371].

В ноябре – декабре 1944 года Бенеш через Пику и советского посла при эмигрантском правительстве Лебедева обратился уже к советскому командованию с просьбой сбросить на территорию Чехии оружие на 50-150 тысяч человек. Бенеш планировал, что Ингр прибудет в Чехию после начала восстания и возьмет на себя руководство им. Фирлингер сообщил 26 декабря 1944 года из Москвы, что Ингр как явно антисоветски настроенный деятель вряд ли окажется приемлемым для СССР в качестве руководителя восстания.

Примечательно, что Бенеш, видимо, гораздо реалистичнее оценивал перспективы возможного восстания в чешских землях, чем профессиональные военные Ингр и Моравец. По крайней мере, на переговорах со Сталиным в Москве в марте 1945 года Бенеш даже не упомянул о сбросе оружия для повстанцев в протекторате.

Однако Моравец 12 апреля 1945 года направил Пике из Лондона депешу с требованием, чтобы Бенеш повлиял на СССР и добился сброса оружия с воздуха для отечественного Сопротивления, которое якобы просто жаждет оружия. Пика встретился 15 апреля 1945 года с начальником Генерального штаба Красной армии Антоновым и попросил сбросить в Чехии оружие и боеприпасы на 50 тысяч человек. Антонов, видимо, потрясенный фантастичностью плана, лишь сказал, что передаст просьбу ЧСР штабу партизанского движения при 4-м Украинском фронте, отвечающему за партизанское движение в Чехии и Моравии. Пика все правильно понял и сообщил Моравцу в Лондон, что «Советы» явно не верят в успех какого бы то ни было восстания, поэтому не «следует предаваться иллюзиям». Пика предупредил Бенеша, что ни в коем случае нельзя призывать к восстанию, успех которого более чем сомнителен. Бенеш был с этим полностью согласен, но Моравец без санкции президента продолжал из Лондона готовить восстание.

К маю 1945 года верховным военным органом некоммунистического Сопротивления в чешских землях было «командование Алекс» во главе с генералом Слунечком, возникшее в конце апреля 1945 года. Оно должно было координировать деятельность таких же командований по всей Чехии.

В Праге военным органом пролондонских кругов было «командование Бартош» во главе с подполковником Бюргром. Бюргру удалось наладить контакты с вооруженными частями чешской ПВО и полиции в Праге. Именно на них «Бартош» и хотел опереться в случае возможного восстания.

Никаких серьезных повстанческих групп у «Бартоша» не было, однако его руководство бомбардировало Моравца требованиями начать сброс оружия. После переговоров Пики с Антоновым Моравец сообщил по радио группе «Бартош»: «Ваша просьба о поставках оружия была направлена советскому партизанскому штабу. Только он решает такие вопросы. Нам не сообщили о возможностях поставок оружия с Востока... Нельзя будет поставить оружие для восстания большого размаха. Вам придется приспособиться к положению вещей, использовать то, что у вас есть, и то, что мы еще дадим, и в соответствии с местными возможностями предпринять акцию перед самым соединением с войсками Красной армии»^[372].

Между тем благодаря инициативе коммунистов в начале 1945 года по словацкому образцу в Праге был учрежден верховный политический орган всего движения Сопротивления – Чешский национальный совет (ЧНС). 24 января 1945 года в одной из пражских квартир впервые встретились члены рабочего президиума ЧНС. В ЧНС идейно доминировали коммунисты, помимо которых в этот орган входили подпольные профсоюзы и «Совет трех». При этом политические взгляды некоммунистической части совета были отнюдь не менее радикальными, чем у представителей КПЧ.

О послевоенном устройстве Чехословакии в программе ЧНС говорилось так: «Государство, которое представлено в основном трудящимися, возьмет в свои руки все предприятия металлургии, химической, продовольственной и строительной промышленности, финансы, частное страхование и леса... Объединенному профсоюзному движению будет предоставлена надлежащая доля в формировании социальной и экономической политики освобожденной родины. Все крупные земельные наделы будут обобществлены. Будет решительно проведен принцип: земля тем, кто ее обрабатывает...»^[373]

Номинальным председателем ЧНС в апреле 1945 года стал беспартийный профессор Пражак, однако наиболее активную роль в деятельности этого органа играли заместитель председателя Смрковски (псевдоним «Тонда Смрк», КПЧ) и Люмир Чрвны, который формально сначала представлял КПЧ в рабочем президиуме ЧНС. Коммунистом был и

генеральный секретарь ЧНС Кубат.

ЧНС не хотел быть представителем Кошицкого правительства в чешских землях. Он, подобно СНС в Словакии, претендовал на самостоятельную роль.

Между тем «командование Бартош», хотя «Совет трех» вошел в ЧНС, вне всякой связи с ЧНС продолжало готовить вооруженное восстание в Праге, рассчитывая без всякого на то основания на десантирование с воздуха больших сил Красной армии.

30 апреля 1945 года покончил жизнь самоубийством Адольф Гитлер. В протекторате стали распространяться слухи о капитуляции рейха уже 1 мая 1945 года, и исполнявший обязанности протектора Франк ожидал возможного восстания в выходной 1 мая. Франк направил депешу всем органам власти протектората: «Приходится считаться с тем, что Первого мая из-за воздействия врага или силами движения сопротивления будут спровоцированы беспорядки с целью свержения существующего порядка в Чехии и Моравии. С сегодняшнего вечера (30 апреля – *Прим. автора.*) вы должны обеспечить высшую степень готовности немецкого аппарата управления...»^[374]

1 мая действительно вспыхнуло спонтанное, никем не организованное восстание в городе Пржеров, когда в городе распространились ложные слухи о капитуляции Германии. Стихийные демонстрации переросли в вооруженные стычки с полицией, в которых приняли активное участие советские военнопленные, железнодорожники и местные партизаны. Был учрежден национальный комитет, заявивший о принятии на себя всей власти. Всех политзаключенных освободили. Для нацистов Пржеров был важен как железнодорожный узел, и они легко подавили восстание. 120 горожан взяли в заложники. 21 из них 2 мая казнили в Оломоуце.

И Франк, и Шернер были полны решимости обеспечить полное спокойствие в протекторате, особенно на железных дорогах с целью быстрого отвода сил группы армий «Центр» на Запад для сдачи в плен американцам. 2 мая Шернер издал тайный приказ, в котором говорилось: «...Мятежные силы вызвали 1 мая в Пржерове беспорядки, которые не были задушены в зародыше и с необходимой жестокостью. В нынешней ситуации подходит любое средство, которое может предотвратить вспышку повстанческого движения... Его участников надо уничтожать, и одновременно необходимо решительно выступить против мягких и колеблющихся людей в собственных рядах...»^[375]

Франк лично приказал казнить 2 мая 1945 года в концлагере Терезин 52

борцов Сопротивления. Под пулями палачей погибли около 20 молодых коммунистов, членов организации «Авангард», в том числе и три женщины. При этом Франк нарушил приказ шефа РСХА Кальтенбруннера, запрещавший все казни в Терезине без приговора обычного суда или полевого суда СС.

После этого Франк вылетел в северогерманский город Фленсбург на встречу с преемником Гитлера gross-адмиралом Дёницем. 3 мая Франк предложил Дёницу следующий план окончания войны в Чехии:

- провозгласить Прагу открытым городом;
- любыми путями договориться с западными союзниками о сдаче им группы армий «Центр» при гарантиях неприкосновенности немецкого населения и административного аппарата в бывшем протекторате;
- провести переговоры с чешскими представителями о формальном прекращении существования протектората и передачи им власти.

Первый пункт Дёниц сразу одобрил, а все остальное оставил на усмотрение самого Франка. Уже 4 мая в Чехии со ссылкой на Франка было распространено сообщение о том, что Прага объявлена «лазаретным городом». Сам Франк вернулся в Прагу ранним утром 5 мая, причем по пути его самолет был обстрелян американскими истребителями.

Прибыв в Прагу, Франк по согласованию с командующим пражским гарнизоном генералом Туссенем выслал на Запад двух говоривших по-английски немецких офицеров с заданием установить контакты с американской армией. Франк хотел, чтобы американцы гарантировали ему автономию Судетской области в рамках воскресшей Чехословацкой республики, причем самого себя он видел в роли главы этой автономии. Однако посланцев Франка по дороге перехватили партизаны.

Уже 4 мая жители Праги стали срывать вывески с надписями на немецком языке и вывешивать чехословацкие флаги. Утром в субботу 5 мая дикторы пражского радио по собственной инициативе начали вещать на смеси чешского и немецкого языка и поставили в эфир запрещенные нацистами музыкальные композиции. В центре города собрались две демонстрации под чехословацкими и советскими флагами, но они были разогнаны немецкой полицией. Прага опять наполнилась слухами о якобы уже провозглашенной капитуляции Германии.

4 мая 1945 года собралось на экстренное заседание временное руководство КПЧ, решившее пока не давать сигнала к восстанию и подождать два-три дня. На следующий день то же самое решила конференция профсоюзов деятелей пражских заводов^[376].

Между тем глава правительства протектората Бинерт решил 5 мая

взять инициативу в свои руки и объявить по радио о ликвидации протектората и образовании «Чешскоморавской республики». Он отправил на радио отряд чешской полиции, но охрану радиостанции уже несли части СС, которые чешских полицейских не пропустили. Возникла перестрелка, и дикторы пражского радио обратились к гражданам за помощью. Собственно, этот момент и стал началом спонтанного восстания.

Чешский национальный совет вышел из подполья и возглавил восстание. 5 мая, примерно в середине дня, мэр Праги Алоис Ржига передал власть в ратуше в руки совету, который выступил с воззванием: «Народ чешский! ЧНС как представитель революционного движения чешского народа и как полномочный представитель правительства ЧСР в Кошице принимает с этого дня правительственную и исполнительную власть на территории Чехии, Моравии и Силезии. Под ударами героических союзных армий и благодаря активному сопротивлению чешского народа пал так называемый протекторат Чехии и Моравии, который был навязан нам немцами, и тем самым прекратилась вся административная власть, осуществляемая правительством протектората и немецкими ведомствами».

Стихийно возникшие группы людей разоружали на улицах отдельных немцев, к повстанцам присоединилась чешская полиция. Все железнодорожные вокзалы, за исключением главного и станции Дейвице, были захвачены повстанцами.

Однако с самого начала было очевидно громадное неравенство сил. В распоряжении немцев в Праге имелось примерно 8-9 тысяч вооруженных солдат различных подразделений вермахта, эсэсовцев, полицейских и гестаповцев. Но на подступах к городу находилось несколько отборных дивизий СС, которые как раз намеревались пройти через Прагу на запад навстречу американцам.

Немецкие части в городе использовали ту же тактику, что и во время восстания в Варшаве в 1944 году: они заняли круговую оборону в Пражском Граде и местах своей дислокации, ожидая удара деблокирующих частей извне Праги.

ЧНС между тем добился повиновения «командования Бартош», которое то призывало к восстанию, то пыталось договориться с немцами об уходе немецких частей из города, обещая этому не мешать.

Ночь с 5 на 6 мая в Праге позднее получила имя «ночи баррикад»: к утру на улицах выросло от 1500 до 2000 самодельных заграждений. Город готовился к наступлению частей СС на исторический центр Праги. 6 мая в резиденцию Франка прибыл некий представитель ЧНС с мандатом от

имени Пражака. Франк запомнил только то, что этот человек, вроде бы, работал на пражском радио, фамилию его тут же забыл и удивился лишь оттого, что чех явился в сопровождении сотрудника гестапо Леймера^[377].

ЧНС просил от Франка и Туссена, чтобы немецкие части сложили оружие и ушли из города. Франк был не против, но сказал, что ничего не может обещать без Шернера. Шернер же приказал немедленно восстановить спокойствие и порядок, чтобы немцы вновь могли возобновить отход на Запад через Прагу. Немецкий начальник полиции Праги Вайман предложил перемирие для начала переговоров, но ЧНС настаивал на безоговорочной капитуляции всех немецких сил в городе. Коммунисты абсолютно верно предполагали, что немцы используют перемирие для укрепления своей очаговой обороны в городе и дождутся подхода войск Шернера.

Американские войска из 3-й армии генерала Паттона между тем к 6 мая достигли столицы западной Чехии Пльзени, где немедленно отдали приказ о разоружении всех антинемецких повстанческих сил.

ЧНС назначил военным командиром восстания капитана Неханского, который ранее прибыл из Лондона. Тот отправился в штаб «командования Алекс» на Староместской площади в центре Праги. Генерал Слунечка заявил о полном подчинении ЧНС в политическом отношении. Ни «Алекс», ни «Бартош» не делали ничего для организации и координации действий повстанческих сил, они надеялись, что немцы вот-вот сложат оружие.

Командующий силами СС в Чехии Пюклер в ночь с 5 на 6 мая вызвал на переговоры генерала Чермака («Бартош») и Неханского и объявил, что имеет приказ Шернера о немедленном подавлении восстания при помощи авиации и артиллерии. Повстанцам предлагалось немедленно сдать оружие и освободить всех пленных немцев. На таких условиях Франк соглашался начать переговоры об образовании нового автономного правительства Чехии. Чермак попросил время, чтобы посоветоваться с ЧНС. Пюклер дал ему срок до часа ночи 6 мая. ЧНС решительно отверг ультиматум Пюклера и приказал повстанцам немедленно открыть огонь, если немцы начнут наступление.

Неханский направил в Лондон радиотелеграмму с просьбой немедленно приступить к бомбардировке всех путей подхода немецких войск к Праге.

6 мая немцы начали наступление на Прагу. Основной ударной силой была только что сформированная на полигоне СС боевая группа войск СС «Валленштейн» силой примерно до дивизии. В ней был и полк словацких фашистов из «гвардии Глинки».

Повстанцам помогало лишь то, что вся немецкая авиация была занята в боях против Красной армии, поэтому не могла уничтожить баррикады с воздуха.

В тот же день, 6 мая, Шернер получил приказ Дёница начать отход всей группы армий на Запад для сдачи в плен американцам. Шернер предполагал, что американцы вскоре выйдут к Влтаве (никакого сопротивления им немцы давно уже не оказывали). Для того чтобы перебросить войска в этом направлении, Шернеру были необходимы мосты и вокзалы Праги, поэтому он отдал приказ немедленно подавить восстание.

Во второй половине дня 6 мая на Прагу двинулась боевая группа генерала Реймана, в составе которой были САУ «Хетцер», батальон истребителей танков СС, охранный батальон вермахта и зенитная батарея со скорострельными 37-миллиметровыми пушками. В этот же день по приказу Шернера начал наступление на Прагу элитный фронтовой полк истребителей танков СС «Дер Фюрер». Именно этот полк в 1944 году стер с лица земли французскую деревню Орадур.

Радио Праги призывало помочь восставшей чешской столице союзные войска, ведя передачи и на русском, и на английском языках.

Немцы истребляли мирное население, включая женщин и детей. Однако сопротивление повстанцев было упорным, к тому же им пришли на помощь неожиданные союзники.

В начале 1945 года немцы ввиду катастрофического положения на фронте наконец разрешили перешедшему в 1942-м на сторону врага бывшему советскому генерал-лейтенанту Власову сформировать две полноценные дивизии так называемой Русской освободительной армии (РОА).

28 января 1945 года Гитлер назначил Власова командующим русскими вооруженными силами в составе вермахта с правом присвоения воинских званий до подполковника. Однако никаких надежд на эти подразделения фюрер не возлагал и на слова начальника генерального штаба Гудериана о просьбах Власова в отношении РОА ответил кратко: «Власов – это ничто». Гитлер по-прежнему не исключал, что власовцы при первой же удобной возможности перейдут на сторону Красной армии.

Одна из власовских дивизий – 600-я пехотная дивизия вермахта (или 1-я дивизия Комитета освобождения народов России, КОНР) под командованием генерал-майора РОА Буняченко^[378] в апреле 1945 года неудачно атаковала советский плацдарм на западном берегу Одера. Затем Буняченко повел ее на юг, и в конце апреля дивизия оказалась в Чехии, формально составляя резерв группы армий «Центр». На самом деле

Буняченко игнорировал приказы Шернера и старался отвести дивизию как можно дальше от Красной армии и как можно ближе к американцам. По мере продвижения на юг из Германии власовцы активно грабили местное население и отдельные немецкие части. На все предложения партизан и советских разведчиков о переходе к борьбе против немцев Буняченко отвечал отказом.

У Шернера не было никаких сомнений в лояльности 600-й дивизии, а ее неподчинение приказам он списывал на недоразумения.

Поздно вечером 5 мая на один из полицейских участков под Прагой в Радотине прибыл разведотряд 600-й дивизии (два танка Т-34 и несколько немецких бронетранспортеров). Получив сообщение из Радотина, «командование Бартош» было удивлено появлением власовцев. Генерал Кутлварж как «военный руководитель Большой Праги» заявил, что призыв о помощи власовцев не касается, так как они являются «частью немецкой армии»^[379].

Сами власовцы утверждали, что пришли на помощь Праге, услышав призывы пражского радио. Потом они говорили, что их позвали некие чешские представители, например, капитан марионеточной протекторатной армии Рендл. В любом случае «командование Бартош» еще ночью 5 мая изменило свою негативную позицию и попросило Буняченко о помощи. Есть даже версия, что некие представители «Бартоша» подписали с Буняченко соглашение о «совместной борьбе против нацизма и большевизма». Но на самом деле такой призыв содержался в распространенной власовцами листовке, начинавшейся обращением «Братья чехи и русские!».

К штабу Буняченко обратился и командир советской парашютно-десантной группы «Ураган» капитан Савельев. В разведотдел 4-го Украинского фронта он сообщал: «Пытаемся повернуть часть власовцев против немцев и побудить их заблокировать дороги, ведущие к Праге»^[380].

Буняченко двинул свою дивизию на Прагу тремя колоннами утром 6 мая. В это же время пражское радио обратилось к власовцам на русском языке: «Офицеры и солдаты армии Власова! Мы верим, что вы в последнем этапе борьбы против немецких захватчиков как русские люди и советские граждане поддержите восставшую Прагу»^[381].

По-прежнему веря Власову, немцы отправили к Буняченко парламентаря с базы Люфтваффе в рузинском аэропорту Праги. Но тот не вернулся, и немецкие реактивные самолеты Me-262 начали обстреливать колонны власовцев ракетами. Пулеметным огнем власовцы повредили один

Ме-262. Вечером 6 мая «командование Бартош» провело первое официальное совещание с командиром 1-го полка дивизии Буняченко Архиповым. Были намечены направления главных ударов 600-й дивизии РОА 7 мая.

Утром 7 мая Буняченко в письменном ультиматуме предложил всем немецким войскам в Праге к 10:00 сложить оружие. Немцы ультиматум проигнорировали, и дивизия РОА начала наступление на Прагу. Между тем на заседании ЧНС представителем компартии Смирковским был подготовлен проект соглашения между ЧНС и власовцами. В нем содержались благодарность войскам генерала Власова за помощь и пункт о признании власовцами верховной роли ЧНС как политического руководителя восстания. От Буняченко присутствовал капитан Антонов, который с текстом согласился. ЧНС раскриковал ультиматум Буняченко немцам, поскольку такого рода заявления мог делать в Праге только Чешский национальный совет. Антонов согласился и с этим.

7 мая в Праге начались бои между власовцами и немцами, причем последние все же удерживали наступательную инициативу. А до ЧНС примерно в то же время дошла антикоммунистическая листовка штаба Буняченко, что вызвало новые споры об отношении к власовцам. Власов и Буняченко вопреки предыдущим разговорам о бескорыстной помощи восстанию теперь требовали, чтобы пражское радио на немецком, русском и английском языках сообщило о «героической борьбе» РОА в Праге. Стало ясно, что для власовцев Прага является разменной монетой и попыткой в последний момент вызвать к себе доброжелательное отношение западных союзников. Штаб Власова по телефону требовал передать по радио следующий текст: «Армия генерала Власова вступила в борьбу в Праге и бьется на улицах города. Немцы сдаются в массовом порядке и складывают оружие. Русские танки и боевые машины ликвидировали очаги сопротивления на улицах. Последний раз призываем немцев сдаться и прекратить дальнейшее кровопролитие. Штаб генерала Власова».

Власовцы прекратили свое продвижение к центру Праги до тех пор, пока это воззвание (не отвечавшее действительности – немцы не сдавались, а наоборот, наступали) не будет передано в эфир. ЧНС передал по радио несколько смягченную версию: «Победоносная армия генерала Власова совместно с частями чешского движения Сопротивления захватывает при своем продвижении по Праге сдающиеся немецкие части. Пражане, усиливайте свою борьбу!»^[382].

Власов потребовал, чтобы председатель ЧНС Пражак прибыл в его

штаб, но этого не хотели не только члены ЧНС, но и Буняченко, заявивший, что не Власов, а он сам теперь командует всей РОА и дело надо иметь только с ним. ЧНС выдал вечером 7 мая в эфир следующее сообщение: «Чешский национальный совет обращает внимание слушателей на то, что сообщение о визите делегации Чешского национального совета в ставку генерала Власова не соответствует действительности».

После отказа лидеров ЧНС прибыть к нему Власов понял, что вряд ли сможет извлечь капитал из сотрудничества с пражским восстанием, и снова установил контакты с немцами. Начал переговоры с немцами и 4-й пехотный полк дивизии Буняченко (им командовал белоэмигрант полковник Сахаров), который дошел почти до центра города. Немцы передали Буняченко через Сахарова ультиматум, призывавший снова вернуться к совместной борьбе против большевизма. Сахаров и командир 1-го полка 600-й дивизии Архипов, тоже белоэмигрант, начали отводить свои части из города.

Между тем ЧНС направил на переговоры с Буняченко коммунистов Кнапа и Давида. С невозмутимым видом взяв Буняченко, известного своим необузданным нравом, за отворот немецкой шинели, Давид на ломаном русском языке спросил, как «русский человек смог надеть на себя эти немецкие тряпки».

«Как можно, что вы взяли в свои руки германское оружие против своих русских советских красноармейцев?»^[383]. Буняченко ничего не ответил и в ходе переговоров подтвердил решимость бескорыстно помогать восставшей Праге. При этом он опять требовал, чтобы пражское радио передало в эфир подготовленный им меморандум, где Буняченко пытался объяснить, почему он вступил во власовскую армию.

Но ЧНС на это пойти отказался, тем более что еще до возвращения Кнапа и Давида было получено радиосообщение от Рипки из Лондона: «Будьте крайне осторожны в отношении помощи со стороны частей под командованием офицеров Власова. Власов с полным на то основанием считается Советами предателем. Вы можете быть в контакте с русскими воинами, которые борются против немцев, но будьте сдержаны по отношению к их офицерам и, как только представится возможность, задержите этих офицеров, иначе у нас могут возникнуть большие осложнения с советским союзником»^[384].

7 мая до власовцев дошли известия о подписании немецким командованием акта о безоговорочной капитуляции в Реймсе^[385]. Восстание перестало их интересовать, и штаб Буняченко попытался

установить контакт с американцами. Один из полковников Буняченко встретился уже вечером 7 мая с американским военным корреспондентом Хиллом, который приехал из Пльзени в Прагу. Согласно данным Хилла, этот полковник спрашивал, что будет, если власовцы сдадутся американцам. Хилл ответил, что их, наверное, выдадут СССР, на что полковник принялся горячо убеждать собеседника, что власовцы воюют только против коммунистов, но никак не против американцев^[386]. Этот полковник сказал также, что между власовцами и ЧНС существуют напряженные отношения.

Полковник Архипов встретился вечером 7 мая с членами американской военной миссии, которые везли Шернеру приказ Дёница сложить оружие в связи с подписанием капитуляции в Реймсе. Он узнал, что по соглашению между союзниками Прагу займут советские войска. После этого Буняченко отдал приказ немедленно уходить из Праги на Запад.

Таким образом, стал понятен весь смысл «бескорыстия» власовцев. Они хотели провести показательный бой против немцев в Праге и дожидаться там американцев в надежде, что им «зачтется» помощь восстанию. В приказе по дивизии Буняченко утверждал, что миссия оказания помощи «чешскому народу в борьбе против озверелого фашизма выполнена», немцы в Праге капитулировали и дивизия выводится из Праги в ожидании дальнейших приказов Власова.

В Праге на свой страх и риск остались около 400 власовцев, сведенных майором РОА Губановым в отдельный батальон.

Шернер знал о капитуляции в Реймсе, которая вступала в силу 8 мая в 23:01 по средневропейскому времени. Именно поэтому он решил всеми силами пробиваться на Запад через Прагу, чтобы успеть сдаться американцам. Утром 8 мая немцы начали мощное наступление на центр города с применением минометов и артиллерии. Загорелся символ города – Старая ратуша. Заняв один из вокзалов в центре Праги, немцы расстреляли там несколько десятков гражданских лиц.

Всего в ходе восстания в Праге погибли 1693 чеха и 663 гражданина иных национальностей, более 3000 человек были ранены.

В это же время, в первой половине дня 8 мая между ЧНС и командующим пражским гарнизоном генералом Туссенем шли переговоры о прекращении огня. В результате переговоров было достигнуто соглашение о прекращении огня с 16:00 и капитуляции частей вермахта в обмен на разрешение им свободно покинуть Прагу. С вермахтом могли беспрепятственно уйти и все немецкие должностные лица протектората, а

также гражданские лица немецкой национальности. Части СС решили условиям капитуляции не подчиняться и продолжали бои.

Американские войска (3-я армия генерала Паттона) без особых потерь в апреле – мае 1945 года освободили 3485 квадратных миль западной Чехословакии (7 % территории ЧСР). Во время налета американской авиации на Пльзень 17 апреля 1945 года были убиты 624 и ранены 453 человека. 25 апреля 500 американских бомбардировщиков уничтожили 70 % пльзеньских заводов «Шкода». Сам Пльзень освободили местные антифашисты, передавшие его 6 мая американской армии.

После войны американцы активно распространяли версию, что, мол, освободить Прагу им запретили советские союзники, которые якобы считали Чехословакию исключительной сферой своего влияния. На самом деле никаких соглашений о «сферах влияния» в Чехословакии подписано не было. Эту тему даже не обсуждали. Ведь Чехословакия была не вражеской, а союзной страной, и об ее оккупации, соответственно, о создании оккупационных зон вообще не шло речи.

Зоны оккупации были согласованы в 1944 году только в отношении Германии и Австрии. Причем это соглашение не помешало американским войскам в апреле – мае 1945 года занять часть советской зоны оккупации в Германии (они покинули эту территорию только в июле 1945-го). В любом случае границы послевоенных зон оккупации в Германии не означали, что войска любого из союзников по Антигитлеровской коалиции не могли вести там боевые действия против немцев, если этого требовала оперативная обстановка.

11 января 1945 года госдепартамент США в специальном меморандуме все еще говорил о совместной заинтересованности США, Англии и СССР в оставлении демократической Чехословакии в границах 1937 года. В документе подчеркивалось, что все три державы Антигитлеровской коалиции имеют с правительством Бенеша «прекрасные» отношения^[387]. Госдепартамент считал, что Закарпатская Украина должна была бы остаться в рамках ЧСР, но заверял: «...мы не будем препятствовать ее включению в СССР». Подчеркивалось, что США не ожидают от послевоенной Чехословакии каких-либо проблем для американской внешней политики и что по этому поводу никаких вопросов, подлежащих обсуждению с СССР или Великобританией, нет.

Американская внешняя политика, особенно отношение к Советскому Союзу, резко изменилась после смерти Рузвельта 12 апреля 1945 года. Новый президент Трумэн был настроен явно антисоветски и устроил форменный разнос Молотову во время их беседы 25 апреля 1945-го.

Между тем американская группировка Паттона перешла границу довоенной Чехословакии 18 апреля и через два дня заняла город Аш, находившийся в населенной немцами Судетской области (которая после Мюнхенского соглашения 1938 года была присоединена к Германии). Судетские немцы отнюдь не встречали американцев как освободителей, и Паттону даже пришлось 25 апреля вести за город Хеб бои, хотя и не очень ожесточенные.

Главком западных союзных войск в Европе Эйзенхауэр за несколько дней до этого решил, что Берлин будет освобождать Красная армия, так как американцы опасались больших потерь при уличных боях в немецкой столице (Эйзенхауэр считал, что они составят не менее 100 тысяч человек). Но в отношении Чехословакии никаких договоренностей с советским командованием не было.

19 апреля 1945 года Эйзенхауэр официально проинформировал командующего 12-й армейской группой армии США генерала Брэдли, что правительства США и Великобритании считают Чехословакию союзной страной, а Судетскую область – частью ЧСР^[388]. «Германский режим в Судетской области должен быть уничтожен». Брэдли разрешалось создавать местные органы власти из «лояльных чехословаков». Одновременно Эйзенхауэр требовал создания военной полиции и американских военных судов для поддержания порядка и разрешал войскам Брэдли не платить никаких налогов в Чехословакии. Американским войскам разрешалось также проводить реквизиции имущества для своих нужд.

22 апреля 1945 года министр иностранных дел Великобритании Иден в беседе с послом США в Великобритании Вайнентом настаивал, чтобы, исходя из политических соображений, американские войска освободили Прагу. Иден не исключал, что при встрече советских и американских войск в Чехословакии «могут возникнуть недоразумения», поскольку никакого соглашения между западными союзниками и Чехословакией о пребывании союзных войск на чехословацкой территории нет, а СССР с ЧСР такое соглашение заключил. (Министр имел в виду соглашение от 8 мая 1944 года)^[389]. Однако «политическая выгода» от занятия Праги американцами, по мнению Идена, явно перевешивала риск.

На запрос американцев начальник генштаба Красной армии Антонов 24 апреля 1945 года уточнил, что советские войска планируют «очистить» от немцев оба берега Влтавы. Эйзенхауэр был таким ответом доволен и приказал Паттону прекратить продвижение на восток и продвигаться на юг

в сторону Австрии. И русские, и американцы до возникновения пражского восстания считали Чехословакию второстепенным театром военных действий – судьба войны решалась в Берлине.

Американцы, между тем, засуетились и стали предлагать Бенешу заключение соглашения об условиях пребывания американских войск на территории ЧСР.

Черчилль в конце апреля 1945 года возлагал серьезные надежды на освобождение американцами Праги. Только 28-30 апреля 1945 года британский премьер направил президенту США Трумэну не менее семи посланий по этому вопросу^[390]. В одном из них говорилось: «Освобождение Праги и большей части Западной Чехии американскими войсками могло бы иметь большое значение в послевоенной Чехословакии и в хорошем смысле повлиять и на соседние страны». 28 апреля Иден опять настоятельно убеждал американского посла Вайнента, что армии США следует немедленно освободить Прагу. В противном случае послевоенная Чехословакия может пойти «по югославскому пути», то есть лидирующие позиции в правительстве могут занять коммунисты.

Однако Эйзенхауэр заявил Черчиллю, что главной задачей армии США является не освобождение Праги, а наступление на «альпийскую крепость» (южная Бавария и западная Австрия), чтобы не дать гитлеровцам возможности укрепиться в этой труднодоступной горной местности. Задачей Паттона в Чехословакии было всего лишь прикрытие фланга наступавших на Австрию американских войск. Черчилль был возмущен политической близорукостью Эйзенхауэра и обратился 30 апреля лично к Трумэну.

1 мая 1945 года Трумэн ответил Черчиллю, что позиция Эйзенхауэра, которую президент США одобрял, состоит в следующем: «Советский генеральный штаб в настоящее время разрабатывает операцию в долине Влтавы. В мои намерения (то есть Эйзенхауэра) входит, как только позволит оперативная обстановка, начать наступление и уничтожить любые остатки организованных германских сил. Если продвижение в Чехословакию желательно и условия позволят это сделать, то логичным шагом с нашей стороны станет продвижение на Пльзень и Карлсбад (Карловы Вары – *Прим. автора.*). Я не буду делать шагов, которые считаю неправильными с военной точки зрения»^[391].

Таким образом, Эйзенхауэр не желал двигаться на Прагу по чисто военным соображениям, а не из желания угодить русским, как это изображает западная историография.

Эйзенхауэр приказал Паттону остановиться на линии Карловы Вары – Пльзень – Ческе-Будейовице, прекратить движение на восток и наступать на юг. Об этом Эйзенхауэр 1 мая проинформировал Антонова и попросил согласия советской стороны на продвижение американских частей до упомянутой линии. Начальник генштаба Красной армии Антонов согласился с предложенной Эйзенхауэром линией максимального продвижения американских войск в Чехословакии, что фактически означало разрешение продвинуться вглубь ЧСР. Причем Антонов разрешил американцам пленить все немецкие части к западу от этой линии, к востоку от нее вермахт должен был сдаваться Красной армии.

Антисоветскую позицию Черчилля разделял и госдепартамент США: американский МИД был недоволен тем, что Бенеш вернулся в Чехословакию через Москву и что его не сопровождали дипломаты из Англии и США.

5 мая 1945 года заместитель госсекретаря Джозеф Грю представил Трумэну секретный меморандум по чехословацкому вопросу, в котором говорилось: «Политическое значение Чехословакии, жизненно важное стратегическое положение Праги и большое уважение американского народа к чехословацкой демократической системе делают неизбежным требование, чтобы между Соединенными Штатами, Великобританией и Советским Союзом было заключено соглашение о сотрудничестве, касающееся освобождения и обновления Чехословакии... (Чехословакия) является единственной страной региона, столица которой еще не занята Красной армией, и может быть занята нами еще до подхода советских войск. Успех или неудача наших действий в Праге будет иметь большое влияние на наши позиции в Центральной Европе в целом, которые серьезно усилит занятие Праги нашими войсками... Если американские войска дойдут до Влтавы, которая протекает через Прагу, то это даст нам сильные позиции для торга с русскими»^[392].

4 мая под давлением госдепартамента Эйзенхауэр написал Антонову, что американцы все же хотят, если позволит обстановка, «зачистить» левый берег Влтавы, то есть занять западную часть Праги. Разведывательные части американской армии начали осторожно двигаться к Пльзени, а общее наступление на восток было назначено на 6 мая. Однако никакого решающего приказа в отношении Праги не последовало, и 6 мая американские передовые части остановились в 90 км юго-западнее чехословацкой столицы. В этот день Эйзенхауэр получил письмо Антонова о том, что сама Красная армия хотела бы «зачистить» берега Влтавы. Американское командование на это ничего не возразило.

Когда командующий 12-й группой армий Брэдли спросил своего подчиненного Паттона, почему он так рвется наступать вглубь Чехословакии, тот ответил, что чехи, в отличие от немцев, – союзники, а значит, для его солдат в отношении чешек не действует запрет на контакты, как в отношении немцев. К тому же крайне честолюбивый Паттон считал, что его обошли, «не дав» взять Вену, и поэтому именно он должен занять Прагу.

Когда Паттон узнал о восстании в Праге, его честолюбивые помыслы лишь усилились. Он вспоминал: «...Так как радио приносило сообщения о том, что чехословацкие граждане овладели Прагой, я очень хотел выступить им на помощь и попросил Брэдли о разрешении на сей счет, но не получил его. На самом деле разведывательные части 3-й армии были уже у Праги... 6 мая было окончательно решено, что нам не следует переходить через линию конечного продвижения, проходившую через Пльзень, на большее расстояние, чем это было бы необходимо для разведки и в целях снабжения, то есть примерно на 5 миль. Я был очень недоволен и до сих пор думаю, что нам надо было продвигаться к Влтаве, а если бы это не понравилось русским, следовало послать их к черту...»^[393] После войны Паттон прямо ответил на вопрос, почему он не занял Прагу: «Потому что нам приказали ее не занимать».

5 мая 1945 года Паттон приказал 5-му корпусу генерала Хюбнера (три пехотные и две бронетанковые дивизии) наступать на Пльзень. Американцы продвигались очень медленно, опасаясь потерь. Местами войска СС оказывали ожесточенное, хотя и разрозненное сопротивление.

6 мая американцы, наконец, заняли Пльзень, где за день до этого вспыхнуло восстание против немцев. Восстание начали рабочие оборонных заводов «Шкодовки». Примерно в 12:35 повстанцы заняли радиостанцию и вышли в эфир со следующим обращением: «Говорит Пльзень, говорит свободный Пльзень. Зовем вас, граждане города Пльзень и всей западной Чехии. Сообщаем вам, что мы избавились от господства немцев и добыли свободу». Но на самом деле немецкие солдаты и гестаповцы еще пытались подавить восстание. Толпа людей заняла ратушу, почту, вокзалы. К вечеру 5 мая в ратуше города уже находился повстанческий национальный комитет, который пытался договориться с немцами о прекращении кровопролития. Хотя у комитета было не более 600 вооруженных людей («революционная гвардия»), он сумел убедить немецкого бургомистра, что в его распоряжении чуть ли не 20 тысяч прекрасно оснащенных повстанцев.

Части СС были готовы подавить восстание, но национальный комитет убедил их, что вот-вот подойдут американцы и бои не имеют смысла.

Национальный комитет действительно отправил посланцев в распоряжение американских войск, и те обещали войти в Пльзень 6 мая. Радио Пльзеня окончило свое вещание 5 мая словами: «Не знаем, что нас ждет».

Подошедшим утром 6 мая американцам осталось лишь зачистить город от отдельных фанатичных гитлеровцев. Первоначально американцы и чехи отнеслись друг к другу с недоверием. Один из очевидцев вспоминал: «Пльзеньцы сначала осторожно выходили из своих домов. Страх и недоверие были в людях после шести лет оккупации... Американцы, вылезшие из танков в длинных непромокаемых шинелях, тоже были настроены скорее недоверчиво»^[394]. Но затем последовали приветственные крики и первые поцелуи.

Черчилль, между тем, не унимался. 7 мая он обратился прямо к Эйзенхауэру: «Надеюсь, что Ваш план не мешает продвижению к Праге, если у вас окажется достаточно войск и если вы перед этим не встретитесь с русскими. Думаю, что Вам не надо чувствовать себя связанным, если у вас будут необходимые войска и если путь (на Прагу) окажется свободным...»^[395]

7 мая 1945 года военная миссия США, с которой вели переговоры офицеры Буняченко, – пять бронетранспортеров, три танка и одна санитарная автомашина – появилась в Праге, но не для помощи восстанию, а для того чтобы доставить в столицу немецкого полковника Майера-Дертинга, намеревавшегося согласовать условия капитуляции группы армий «Центр».

Как признавали сами сотрудники госдепартамента, «быстрое развитие военных событий» превратило меморандум от 5 мая в макулатуру. Политический советник главкома американских оккупационных войск в Германии Роберт Мэрфи (он был сотрудником госдепартамента) обсудил меморандум с начальником штаба Эйзенхауэра генералом Беделлом Смитом, узнавшим о меморандуме только 8 мая. Смит заявил, что американские войска легко смогли бы занять Прагу. Причем этого же требовало от американцев, по словам Смита, и немецкое командование (!), обещая не оказывать никакого сопротивления. Однако в отсутствие соответствующего приказа Эйзенхауэра было принято решение продвигаться в Южную Германию и Австрию.

К тому же Эйзенхауэр считал, что войск Паттона (5-й и 12-й корпуса армии США, примерно 85 тысяч человек) явно недостаточно для броска на Прагу, если предположить, что части СС окажут сопротивление.

Американцы, таким образом, стали жертвой мистификации Гитлера и

Гейбельса, которые в последние дни войны распространяли слухи о создании в Альпах «редута», где якобы можно будет продержаться еще несколько месяцев до тех пор, пока союзники по Антигитлеровской коалиции не рассорятся между собой. Гитлер действительно издал приказ об организации обороны «альпийской крепости», но он так и остался на бумаге.

При освобождении Чехословакии погибли 116 американцев, 406 были ранены.

Получив информацию, что американцы, находившиеся на расстоянии примерно 100 км от Праги, не планируют развивать наступление, советское командование отдало приказ войскам 1-го Украинского фронта (при поддержке 2-го и 4-го Украинских фронтов) под командованием маршала Конева совершить из района Дрездена молниеносный бросок на Прагу танковых и моторизованных частей, чтобы помочь восставшим.

1 мая командующий войсками 1-го Украинского фронта получил приказ не позднее 4 мая передать 1-му Белорусскому фронту рубеж по реке Эльбе, а высвободившиеся силы перебросить на Пражское направление. Общая численность группировки советских войск, привлеченных для проведения Пражской операции, составляла 2 миллиона 28 тысяч человек. На ее вооружении находились около 30,5 тысячи орудий и минометов, до 2 тысяч танков и САУ, 3 тысячи самолетов. Советские войска превосходили противника в численности более чем в два раза, а по количеству танков силы были равны. Советское превосходство в артиллерии и авиации было трехкратным^[396].

Главные удары по флангам группы армий «Центр» наносили войска 1-го Украинского фронта из района северо-западнее Дрездена и войска 2-го Украинского фронта из района южнее Брно.

1-й Украинский фронт наносил удар на Прагу с севера через Рудные горы. Ранним утром 6 мая разведка установила, что сплошной обороны противник создать не успел. Во второй половине дня после короткой, но мощной артиллерийской подготовки в наступление перешли войска 3-й гвардейской и 13-й армий, действовавшие в их полосах 25-й и 4-й гвардейский танковые корпуса, а также соединения 3-й и 4-й гвардейских танковых армий. К вечеру к наступлению подключилась и 5-я гвардейская армия. Одновременный ввод в одних и тех же полосах общевойсковых и танковых армий – главная отличительная черта Пражской наступательной операции. «Этим сразу обеспечивались максимальная мощь удара, стремительное сокрушение обороны противника и дальнейшее движение вперед без обычных затрат времени, необходимых на ввод танков в

прорыв», – писал маршал И. С. Конев^[397].

Наступление ударной группировки продолжалось в нарастающих темпах. 7 мая 4-я гвардейская танковая и 13-я армии продвинулись на 45 км и вышли к северным склонам Рудных гор. 8 и 9 мая стали решающими днями наступления советских войск на Прагу. Войска 4-го Украинского фронта 8 мая овладели городом Оломоуц и развернули наступление на Прагу. Войска 1-го Украинского фронта к исходу 8 мая продвинулись на глубину до 40 км, сломали сопротивление противника на перевалах через Рудные горы и вступили на территорию Чехословакии. Передовые отряды танковых армий находились в 70-80 км от Праги. Танкисты 4-й гвардейской танковой армии разгромили штаб фельдмаршала Шернера, который направлялся в Карловы Вары, где уже находились американцы. Управление войсками группы армий «Центр» было нарушено. Войска 5-й гвардейской армии к исходу 8 мая полностью овладели Дрезденом. В этот же день были освобождены чешские города Теплице, Билица, Мост и другие.

Вечером 8 мая немецким войскам было передано обращение советского командования с требованием безоговорочной их капитуляции и предложено к 23:00 сложить оружие. Однако командование группы армий «Центр» даже не ответило на обращение. Пленные свидетельствовали потом, что, хотя в тот день немецким войскам и было объявлено о капитуляции Германии, но тут же указывалось на необходимость ускорить отход на запад, чтобы сдать в плен американцам. В штаб группы армий «Центр» прибыл офицер германского генерального штаба полковник Майер-Детринг, который так разъяснил Шернеру «приказ о капитуляции»: «...как можно дольше продолжать борьбу против советских войск, ибо только при этом условии многочисленные части немецкой армии смогут выиграть время для того, чтобы пробиться на запад».

Рано утром 9 мая в Прагу с севера вошли первые советские танки 3-й и 4-й гвардейских танковых армий. Завязались отдельные бои с отступавшими эсэсовцами, прежде всего из танковой дивизии СС «Дас Райх» и боевой группы «Валленштайн». В этот же день в 10 часов утра с востока в столицу Чехословакии вошли передовые части фронтовой подвижной группы 4-го Украинского фронта: 302-я стрелковая дивизия под командованием полковника А. Я. Клименко на автомашинах, 1-я чехословацкая танковая бригада из 60-й армии генерал-полковника П. А. Курочкина и передовой отряд подвижной группы 38-й армии генерал-полковника К. С. Москаленко. Около 13:00 в Прагу с юга вошли войска 2-го Украинского фронта: 6-я гвардейская танковая армия и посаженная на машины пехота 24-го стрелкового корпуса. Позднее к Праге вышел 7-й

механизированный корпус (под командованием генерал-майора Ф. Г. Каткова) из состава конно-механизированной группы генерала Плиева.

9 мая советские войска в течение дня полностью подавили последние очаги сопротивления в чешской столице. Население восторженно приветствовало красноармейцев, танки засыпали букетами цветов.

Но борьба в Чехии еще не закончилась, хотя в Европе с 9 мая формально был провозглашен мир.

Основные силы группы армий «Центр» оказались в «мешке» восточнее Праги. 10-11 мая они капитулировали и были пленены советскими войсками. Так было покончено с последней крупной немецко-фашистской группировкой. Фельдмаршал Шернер, бросив на произвол судьбы подчиненные войска, накануне их капитуляции бежал на самолете из «котла», намереваясь перебраться в расположение союзных войск. Однако фельдмаршалу не повезло: по пути в Южную Германию его самолет совершил вынужденную посадку. Шернер надел короткие кожаные баварские штаны и тирольскую шляпу с пером и попытался скрыться, но был опознан и задержан самими же немцами, а затем выдан ими американцам^[398].

В ходе Пражской операции были взяты в плен около 860 тысяч солдат и офицеров противника и 35 генералов, захвачены 9,5 тысячи орудий и минометов, 1,8 тысячи танков и штурмовых орудий, 1,1 тысячи самолетов, а также большое количество другого вооружения и боевой техники.

В ночь с 11 на 12 мая вблизи демаркационной линии около деревни Сливице в окрестностях города Пльзень в ходе продолжавшегося сутки боя были уничтожены остатки отступавших из Праги смешанных дивизий СС во главе с руководителем войск СС в Богемии и Моравии обергруппенфюрером СС графом Карлом-Фридрихом фон Пюклером-Бургхаусом. В составе более чем семитысячной группировки немцев находились остатки дивизий СС «Валленштейн» и «Дас Райх». К группировке примкнули некоторые гражданские беженцы немецкого происхождения и персонал нацистских административных учреждений Праги. Достигнув демаркационной линии, 9 мая фон Пюклер вступил в переговоры с командованием 3-й армии США, но получил отказ в возможности капитуляции перед американцами. После этого на холме возле деревни Сливице эсэсовцами был организован импровизированный укрепленный лагерь.

11 мая 1945 года лагерь фон Пюклера был атакован диверсионной группой НКГБ СССР под командованием капитана Олесинского. Позже к

атаке присоединились регулярные части Красной армии при огневой поддержке механизированных соединений 3-й армии США. После огневого налета, в котором участвовали установки залпового огня «катюша», начался фронтальный штурм укреплений эсэсовцев, закончившийся разгромом лагеря и капитуляцией гарнизона. Из семи тысяч эсэсовцев были убиты около тысячи. Сам Пюклер, ответственный за геноцид советских граждан на территории РСФСР в 1941-1942 гг., страшась ответственности за совершенные на территории СССР преступления, застрелился.

Подошедшая к занимаемому американцами рубежу дивизия Буняченко не была пропущена командованием союзников в их зону. Ее командир, узнав об этом, сорвал с себя погоны немецкого генерал-майора и распустил дивизию. Некоторые солдаты и офицеры, после того как до них был доведен этот приказ, тут же застрелились, другие безучастно опустили на обочину дороги, третьи направились на восток, навстречу советским войскам. 13-14 мая в районе города Пльзень в плен советским войскам сдались до 20 тыс. власовцев.

Маршалу Коневу было присвоено звание «Почетный гражданин Праги». В честь него назвали одну из улиц города. В ознаменование одержанной победы была учреждена медаль «За освобождение Праги», которой наградили 390 тысяч человек, в том числе более 40 тысяч граждан Чехословакии. День вступления советских войск в Прагу, 9 мая, стал национальным праздником народов Чехословакии – Днем освобождения.

В ходе Пражской операции – последней операции Великой Отечественной войны – погибли и пропали без вести 11997 красноармейцев, более 40 тысяч были ранены. Подбитыми немцами и потерянными по иным причинам оказались более 370 танков и САУ, около тысячи орудий и минометов.

В освобождении Чехословакии от гитлеровцев участвовали 1,7 миллиона советских и 50 тысяч американских военнослужащих. В боях за свободу Чехословакии погибли 140 тысяч советских солдат и офицеров, в том числе примерно тысяча при освобождении Праги в мае 1945 года.

Только на территории Словакии похоронено 60659 воинов Советской армии^[399].

Окончательно линия соприкосновения советских войск с американцами установилась к исходу 11 мая 1945 года по рубежу Хемниц, Карловы Вары, Пльзень, Ческе-Будейовице и далее на юг до австрийской границы (все населенные пункты, кроме Пльзени, находились в советской зоне).

Глава 2. Новая республика. Май 1945 – май 1946 года

10 мая 1945 года правительство Чехословакии переехало из Кошице в Прагу, а 17 мая в столицу прибыл президент Бенеш.

Еще 14 мая исполняющий обязанности государственного секретаря Грю обратился к Трумэну со срочным меморандумом, требуя по политическим соображениям немедленно остановить начатый некоторыми командирами отвод американских войск с линии Карловы Вары – Пльзень^[400]. Требование было выполнено.

Чехословацкое правительство еще в апреле 1945 года назначило своим представителем при американских войсках в Чехии сотрудника МИД Иво Духачека, отличавшегося прозападными взглядами. Но даже благожелательно настроенный по отношению к американцам Духачек отмечал в своих отчетах проблемы, возникшие в американской зоне оккупации между населением и освободителями.

Американцы не торопились передавать власть местным национальным комитетам, и если командование 5-го корпуса пошло на это 12 мая, то 12-й корпус – лишь в июле 1945 года^[401]. При этом командование 12-го корпуса вело себя как в оккупированной стране. Чехам, например, было запрещено покидать дома после 21:00.

Возмущение чешского населения вызывало и доброжелательное отношение американцев к судетским немцам. Чехам не нравилось, что сами они питаются хуже, чем снабжаемые американцами немцы в лагерях для беженцев. Негодование вызывали активные «контакты» американцев с немками, которых ради этого выпускали из лагерей, несмотря на запрет местных чехословацких властей.

Американские солдаты препятствовали национальным комитетам в арестах немецких коллаборационистов и предотвращали акты судов Линча против наиболее одиозных приспешников нацизма. 7 июля 1945 года командующий 5-м корпусом генерал Хэрмон даже вынужден был издать специальный приказ, запрещавший его подчиненным вмешиваться в споры между чехами и немцами, если только речь не шла о жизни и смерти одной из противоборствующих сторон^[402].

Госдепартамент США с 1944 года считал, что все страны Европы восточнее линии Берлин – Триест после войны должны во внешней

политике ориентироваться на СССР. Однако после смерти Рузвельта в США возобладала другая линия: Чехословакия должна остаться в геополитической орбите запада.

Еще в мае 1945 года Бенеш, до которого доходили сообщения о растущем недовольстве чешского населения в занятой американцами зоне, попросил Трумэна ускорить вывод американских войск из Чехословакии. Официально эта просьба была высказана президентом ЧСР 30 июня 1945 года.

Сами американцы считали, однако, что их войска благодаря своему примерному поведению встречают лишь любовь со стороны местного населения, в то время как «первоначально встреченная с энтузиазмом» Красная армия теряет популярность из-за ослабления дисциплины^[403]. Бенеш якобы заявил в начале июня американскому дипломату^[404], что настаивает на одновременном выводе советских и американских войск и такую позицию разделяют все, «кроме пламенных коммунистов».

На самом деле чехословацкое правительство уже к июню 1945 года достигло полного взаимопонимания с советским командованием относительно временного пребывания советских войск в ЧСР. В частности, на занимаемой советскими войсками территории без всяких ограничений работали все органы власти ЧСР, а границы страны охранялись чехословацкой армией и полицией.

21 июня 1945 года исполняющий обязанности министра иностранных дел Странский (национальный социалист) обратился к временному поверенному в делах США в Праге с нотой, в которой говорилось, что «фактическое разделение» ЧСР на две зоны оккупации осложняет процесс восстановления страны. Странский выразил «желание» чехословацкой стороны, чтобы на оккупируемой войсками США территории власть была все же передана чехословацким государственными органами. Например, ЧСР хотела бы самостоятельно охранять свою западную границу, «как и в советской зоне»^[405].

Нота правительства ЧСР объяснялась, в числе прочего, растущими слухами, что США могут присоединить оккупируемые ими Судеты к своей оккупационной зоне в Германии или Австрии. Благожелательное отношение Паттона к судетским немцам, казалось, это подтверждало.

В подготовленной госдепартаментом 23 июня 1945 года докладной записке для президента признавалось, что если советские войска находятся в ЧСР на основании двух советско-чехословацких договоров (от 12 декабря 1943-го и 8 мая 1944 года), то никакой юридической основы для

пребывания американской армии в ЧСР нет. В документе отмечалось: «Присутствие оккупационных войск не вызвано ни внутренними условиями (Чехословакии), ни соображениями военного характера... Вывод американских и русских армий должен произойти как можно скорее, чтобы дать возможность чехословацкому народу организовать свою национальную жизнь. Вывод обеих армий должен быть одновременным и полным. Одновременный вывод войск нужен для предотвращения попадания Чехословакии под контроль одной из союзных стран»^[406].

Госдепартамент был прав в юридическом анализе явно неблагоприятной для США ситуации. Сталин подтвердил Фирлингеру в Москве в июне 1945 года, что между США и СССР нет никакого соглашения о зонах оккупации Чехословакии, так как она является союзным государством^[407]. Сталин обещал ограничить советские войска в ЧСР восемью-девятью дивизиями, которые будут расположены вдоль границы с Германией. Большую часть войск Сталин обещал вывести из ЧСР уже к 5 июля.

Главнокомандующий англо-американскими союзными войсками в Европе Эйзенхауэр хотел выводить американские части из ЧСР в одностороннем порядке, так как армия США нуждалась в подкреплении для войны против Японии. Он хотел полностью вывести все войска из Чехии к 15 ноября 1945 года. Этого же требовало и американское общественное мнение.

Советское командование начало выводить войска из Чехословакии в июне 1945 года, и вывод войск из Праги был закончен к 3 июля, о чем Бенеш «с радостью» сообщил американскому временному поверенному. Американцы отмечали, что численность советских войск в ЧСР в июле 1945 года сократилась с 150 до 40 тысяч человек.

О том, как вели себя летом 1945 года в Чехии американцы, ярко свидетельствует инцидент с вице-премьером от КПЧ Широки. Его машину с винтовкой наизготовку 24 июня остановил американский патруль на дороге неподалеку от города Чески-Крумлов. В присутствии собравшихся вокруг судетских немцев американец, знавший французский язык (на нем и шел разговор), заявил, что титул Широкого его мало интересует: «Я – американский солдат. Ждите.». Машину Широкого развернули и отправили обратно. При этом часовой пропустил колонну немецких пленных. Американскому посольству в Праге пришлось принести Широкому извинения.

В июле 1945 года с санкции американцев в Судетах спокойно занимали

свои места бургомистры-немцы, члены НСДАП. В госпиталях лечились 15 тысяч раненых немцев, в то время как мест для чехов не хватало.

Правительство ЧСР официально потребовало вывода американских войск еще до окончания вывода Красной армии. 23 июля американского посла просил об этом премьер Фирлингер, подчеркнувший, что Красная армия выводит свои войска согласно обещанию Сталина. Однако американцы списывали такие просьбы на давление «восточных коммунистов» во главе с Готвальдом и уходить не спешили.

В Пентагоне основанием для пребывания американских войск в ЧСР считали «неформальную договоренность» с некими деятелями чехословацкого правительства о желательности одновременного вывода советских и американских войск. Хотя официально ЧСР нотой от 30 июня 1945 года потребовала вывода именно американских войск.

2 августа 1945 года Бенеш сказал американскому послу, что вывод советских войск идет по графику. Неплохо было бы, чтобы и американцы начали вывод. Бенеш специально упомянул о «хорошем отношении» американских войск к судетским немцам, которое трудно понять чешскому населению, пострадавшему от нацистов^[408].

Посол США Стейнхардт сообщал из Праги 25 августа, что к официальным просьбам чехословацкого правительства о выводе войск не надо относиться серьезно. Мол, эти просьбы делаются с оглядкой на русских. Якобы министр иностранных дел Масарик выказал послу озабоченность по поводу пребывания советских войск в ЧСР и даже говорил о своем желании направить в Москву министра обороны Свободу или Фирлингера, чтобы ускорить вывод Красной армии.

В сентябре 1945 года Бенеш с помощью американских дипломатов снова возобновил усилия, направленные на скорейший вывод из ЧСР Красной армии. Он убеждал американцев, что если советские войска не уйдут, то коммунисты получают много голосов на предстоявших парламентских выборах. На самом деле Бенеш, видимо, хотел, используя «советский жупел», поторопить с выводом войск самих американцев. Мадам Бенеш даже сказала американскому временному поверенному, что «правильный ответ» сразу излечит ее мужа от бессонницы.

Американцы, в свою очередь, хотели спровоцировать Бенеша обратиться к Сталину с предложением об одновременном отводе советских и американских войск, но тот отказался. Госдепартамент надеялся на отказ Москвы, который дал бы американцам повод тоже задержаться в Чехословакии^[409]. Стейнхардт беседовал об этом с Бенешем 14 сентября

1945 года. Президент ЧСР предложил американцам подготовить план-график вывода своих войск и представить его Москве с намеком, что русским надо сделать то же самое. Он уверял Стейнхардта, что Сталин настроен на вывод войск.

На совещании с участием госсекретаря и министра обороны в Вашингтоне 16 октября 1945 года было принято решение, чтобы Трумэн отправил Сталину письмо с предложением об одновременном выводе советских и американских войск из Чехословакии. В письме от 2 ноября президент США предложил Сталину вывести все советские и американские войска из Чехословакии к 1 декабря 1945 года.

Трумэн писал: «...В последние дни войны американская армия пересекла западные границы Чехословакии, преследуя общего врага, и продвинулась на линию севернее Пльзени, в то время как Красная армия, геройски сражаясь, с востока вошла в город Прагу. Таким образом, армии Советского Союза и США осуществили освобождение Чехословакии. После прекращения военных действий армии наших стран остались на территории Чехословакии, чтобы помочь чехословацкому народу в ликвидации остатков нацистских сил.

Однако сохраняющееся присутствие союзных войск оказалось большим бременем для экономических ресурсов Чехословакии и препятствует восстановлению этого союзного государства, которое находилось под господством нацистов дольше, чем любая другая страна Объединенных Наций. Поэтому я хочу вывести американские войска с чехословацкой территории к 1 декабря 1945 года. В отсутствие аналогичного намерения советского правительства, в Чехословакии остается большое количество солдат Красной армии. Поэтому я хотел бы предложить Вам вывести войска Красной Армии одновременно с нашими войсками...»^[410]

Конечно, никакой юридической аргументации в письме Трумэна не содержалось, а Бенеш был готов сохранить на территории ЧСР восемь-девять советских дивизий как гарантию против германского реваншизма. Но, к удивлению госдепартамента, Сталин немедленно согласился^[411], вдобавок извинившись, что задержал ответ на неделю из-за плохой погоды в районе Сочи, куда не сразу доставили авиапочту из Москвы. Сталин приветствовал предложение Трумэна, так как оно полностью соответствовало советским планам демобилизации армии.

При освобождении ЧСР на территории страны находились примерно 165 тысяч советских военнослужащих, к началу вывода войск 15 ноября

1945 года их осталось около 65 тысяч. Американские войска начали уходить из ЧСР только через пять дней после начала окончательного вывода частей Красной армии.

Американский посол в Праге Стейнхардт писал в Вашингтон, что после вывода Красной армии чехословацкие коммунисты могут получить на свободных выборах не более 20 % голосов^[412]. Правда, американское посольство противоречило само себе. Еще в 1945 году тот же Стейнхардт писал в Вашингтон, что именно наличие большого количества советских войск в Чехословакии сильно подрывает репутацию местных коммунистов.

В январе 1945 года послом в ЧСР был назначен Стейнхардт – человек из ближнего окружения Рузвельта^[413]. Он прибыл в Прагу уже в июне 1945-го.

Лоуренс Стейнхардт родился в 1892 году в богатой нью-йоркской еврейской семье, окончил престижный Колумбийский университет, работал адвокатом. После Первой мировой войны он по поручению династии Габсбургов боролся за реституцию ее собственности. В 20-е годы Стейнхардт познакомился с восходящей звездой Демократической партии Рузвельтом и в 1932-м активно финансировал его президентскую кампанию. Рузвельт отблагодарил спонсора традиционным для Америки образом: предоставил непыльную и хорошо оплачиваемую должность посла в Швеции. В 1937 году Стейнхардт стал послом в Перу, а с 1939-го по 1941 год был главой дипмиссии США в Москве. Он считал проведенные в советской столице два года «самыми ужасными» в своей жизни^[414]. Задачей Стейнхардта было втянуть СССР в войну против Германии или, по крайней мере, не допустить союза между Москвой и Берлином. На основании своего московского опыта Стейнхардт считал «Советы» дикими азиатами, которые понимают только язык силы.

В 1941-1944 гг. Стейнхардт был послом США в Анкаре и выполнял ту же задачу, что и в Москве, – обеспечение благожелательного нейтралитета Турции или ее вступления в войну на стороне Антигитлеровской коалиции. Свое назначение в Прагу в декабре 1944 года Стейнхардт воспринял с энтузиазмом: теперь он должен был удержать Чехословакию от сползания на «советскую орбиту».

Стейнхардт был человеком явно не дипломатического характера: тщеславным, грубым и высокомерным в общении. Посол ЧСР в Анкаре так вспоминал о своем американском коллеге: «Как адвокат он хочет иметь превосходство над всеми остальными и решать все сам. Он думает, прежде всего, о своей особе, над которой не существует ничего. Действует только в

целях саморекламы. Очень тщеславен»^[415]. Помимо непомерного тщеславия Стейнхардтом владела еще одна страсть – тяга к красивым женщинам.

Свою миссию в Праге Стейнхардт определил следующим образом: «Это один из самых важных городов Восточной Европы, где мы – если будем бороться – имеем шанс вернуть утраченные позиции и остановить поступь коммунизма на Запад. Если нам удастся в этой столице противостоять проникновению коммунизма, то в течение одного или двух лет может улучшиться ситуация и в Варшаве, Вене, Будапеште и Бухаресте»^[416].

Стейнхардт бомбардировал госдепартамент депешами с требованием срочно увеличить штаты американского посольства в Праге, и в конце 1946 года у него уже было более 70 человек в самом посольстве и 55 – в консульской секции (которая служила «крышей» и для американской разведки).

В Праге Стейнхардту противостоял Валериан Александрович Зорин – посол СССР в ЧСР в 1945-1947 гг. (назначен 22 марта 1945 года). Зорин родился в 1902 году в Новочеркасске в семье учителя, в 1922 году вступил в компартию, занимал различные должности в комсомоле. В 1935 году окончил аспирантуру Высшего коммунистического института просвещения и после этого был на партийной и педагогической работе. Как и Громыко, он перешел на дипломатическую службу в 1941 году, после чистки НКВД в 1937-1939 гг. В 1943-1945 гг. Зорин был начальником IV Европейского отдела НКВД. В 1947-1955 гг. – заместителем министра иностранных дел, затем первым послом СССР в ФРГ. Написал ставшую классической в СССР книгу-учебник «Основы дипломатической службы», по которой училось не одно поколение студентов МГИМО.

Американцы попробовали вмешаться в отношения между СССР и ЧСР по вопросу о Закарпатской Украине. Еще в начале 1945 года официальная позиция Вашингтона была вполне корректной: США не станут возражать против любого решения этой проблемы на основе соглашения между СССР и Чехословакией. В меморандуме, подготовленном госдепартаментом 23 июня 1945 года, выражалась надежда, что статус «Рутении» (то есть «России» в переводе с латыни, так американцы именовали Закарпатскую Украину, население которой называло себя «русинами») будет определен самим населением региона на основе свободного плебисцита.

Но как только между советской и чехословацкой стороной во время визита Фирлингера в Москву в июне 1945 года была достигнута

договоренность о передаче Закарпатской Украины СССР, американцы тут же стали говорить, что никакого желания у «русинов» на этот счет нет. Заметим, что в 1919 году, когда Антанта передала эти земли Чехословакии, которой они никогда не принадлежали, местное население никто не спрашивал. Англия, Франция и США хотели ослабить советскую Венгрию (в состав которой при Австро-Венгрии входила Закарпатская Украина) и советскую Россию. Поэтому регион и передали «надежной» и антибольшевистской Чехословакии, чьи войска приняли участие в походе против Венгерской советской республики.

Плебисцит тогда проводился почему-то только среди американских (!) русинов-эмигрантов, из которых 67 % высказались за присоединение к Чехословакии, а 28 % – за вхождение в состав Украины. При этом чехи и словаки (в основном последние) составляли только 3 % населения края.

Согласно договору о передаче Закарпатской Украины, Чехословакия обязалась предоставить этому региону автономию, но обещание не выполнила. Закарпатская Украина была самым отсталым регионом страны, в котором практически не имелось современной промышленности.

Неудивительно, что на последних свободных выборах в ЧСР в 1935 году партии, выступавшие за нахождение Закарпатской Украины (в ЧСР она официально именовалась «Подкарпатской Русью») в составе Чехословакии, получили только 25 % голосов. 63 % голосов получили сторонники независимости или присоединения к Венгрии (венграми в регионе тогда были 15 % населения). Причем коммунисты, всегда поддерживавшие воссоединение с Украиной, были в регионе сильнейшей политической партией (25 % голосов). В 1939 году Закарпатская Украина с санкции Гитлера была оккупирована Венгрией.

29 июня 1945 года Фирлингер и Молотов подписали советско-чехословацкий договор, в статье 1 которого говорилось: «Закарпатская Украина (носящая, согласно чехословацкой Конституции, название Подкарпатская Русь), которая на основании Договора от 10 сентября 1919 года, заключенного в Сен-Жермен ан Лэ, вошла в качестве автономной единицы в рамках Чехословацкой Республики, воссоединяется, в согласии с желанием, проявленным населением Закарпатской Украины, и на основании дружественного соглашения обеих Высоких Договаривающихся Сторон, со своей издавней родиной – Украиной и включается в состав Украинской Советской Социалистической Республики». Текст договора был составлен, в том числе, и на украинском языке.

Таким образом, в состав УССР перешла территория площадью 12,7 тысяч квадратных километров, на которой проживало примерно 1,2

миллиона человек.

Согласно 2-й статье договора, лица украинской и русской национальностей, проживающие на территории Чехословакии, имели право оптации гражданства СССР до 1 января 1946 года. Также право оптации, только гражданства Чехословацкой Республики, имели лица словацкой и чешской национальностей, проживающие на территории Закарпатской Украины. При этом если в течение 12 месяцев после получения соответствующего согласия на оптацию человек переселялся в государство, гражданство которого намеревался получить, он был вправе взять с собой все свое движимое имущество, а за недвижимое имущество получить вознаграждение.

В Чехословакию решили перебраться примерно 120 тысяч человек.

2 июля 1945 года статс-секретарь МИД ЧСР Клементис сообщил временному поверенному в делах США в Праге, что Чехословакия «удовлетворена» договором о передаче Закарпатской Украины СССР^[417]. Текст договора был передан для сведения американцам.

Посол США в Москве Гарриман разразился 3 июля 1945 года саркастической телеграммой в Вашингтон, в которой пытался доказать, что Закарпатская Украина не имеет с Украиной ничего общего^[418]. Мол, эти земли были отторгнуты Венгрией еще в 1220 году. Однако о том, какое отношение этот регион имел к Чехословакии, Гарриман почему-то не упомянул. Он считал, что ни о какой воле населения в Закарпатской Украине говорить не приходится, так как это население «безграмотно и аполитично». «Наверное», писал Гарриман, большинство «русинов» хотели бы вернуться в «габсбургскую Венгрию» (!), где им якобы было хорошо экономически. Посол США дошел до того, что сообщал: желание воосоединиться с Украиной появилось в последнее время лишь среди нескольких интеллектуалов, причем это движение поощряли нацисты (!).

Правда, Гарриман был вынужден признать: регион пребывает в состоянии такой «чудовищной отсталости»^[419], что «является бременем для любого государства». Поэтому СССР вряд ли желал присоединения по соображениям экономическим, и присоединил Закарпатскую Украину «по стратегическим соображениям», чтобы иметь совместную границу с Венгрией (!). На основании чего Гарриман пришел к таким мыслям, осталось загадкой. Видимо, он стремился объяснить присоединение Закарпатской Украины к СССР каким угодно мотивом, кроме волеизъявления населения.

Временный поверенный в делах США в ЧСР Кинсфорт писал 3 июля

1945 года, что ЧСР «с радостью отделилась от Рутении, так как она была реальным бременем»^[420], однако в Праге боялись негативной реакции общественного мнения США, которое может возмутиться «распродажей Рутении» Советам. Чехам, мол, «стыдно за эту сделку», так как они понимают, что большинство «русинов» проголосовали бы против присоединения к Украине, если бы им дали шанс. На основании чего Кинсфорт приписывал «чехам» такие оценки настроений в «Рутении», он не объяснил.

Окончательно договор был ратифицирован чехословацким парламентом 22 ноября 1945 года. 22 января 1946 года Указом Президиума Верховного совета СССР на территории Закарпатской Украины была создана Закарпатская область УССР со столицей в Ужгороде. 4 апреля 1946-го Чехословакии из состава Закарпатской области была передана деревня Лекаровцы.

Как того и желал Бенеш, отныне между СССР и ЧСР была общая граница.

Перед Чехословакией летом 1945 года стояли сложные задачи: не только восстановить экономику, но и обеспечить развитие нового демократического общества, которого буквально жаждало все население. Домюнхенскую республику презирали подавляющее большинство чехов и словаков, так как она позорно капитулировала перед Гитлером, а ее элита фактически смирилась и с мюнхенским диктатом, и с протекторатом.

Не зря жители Чехословакии, в том числе и сам Бенеш, называли события мая 1945 года революцией, а возникшие в то время отряды повстанцев именовали себя «революционной гвардией». Как и многие люди в большинстве стран тогдашнего мира, чехи и словаки хотели ограничения власти капитала, национализации промышленности, аграрной реформы и дружбы с победоносным Советским Союзом, который освободил всю Европу от коричневой чумы.

В принципиальном плане следует отметить, что Сталин был против немедленного установления социализма в освобожденных Красной армией странах Европы и, во всяком случае, против применения там советской модели социализма. Недвусмысленный пассаж на сей счет содержался, например, в первом воззвании компартии Германии к населению от 11 июня 1945 года. Он был лично продиктован советским лидером: «...Мы считаем неправильным путь навязывания Германии советской системы, так как этот путь не отвечает нынешним условиям развития Германии».

В Чехословакии Сталин, как уже упоминалось, требовал от коммунистов согласия с прогрессивной буржуазией и отказа от

немедленной реализации социалитических лозунгов. Лидер компартии Чехословакии Клемент Готвальд также постоянно говорил об особом чехословацком пути к социализму.

Давая в марте 1947 года интервью европейскому корреспонденту американского издания «Фри Ворлд Мэгезин», на вопрос «Хочет ли коммунистическая партия перестроить Чехословакию в социалистическое государство на основе системы Советов?» Готвальд ответил: «Коммунистическая партия борется за достижение социализма, но мы считаем, что путь через систему Советов и диктатуру пролетариата не является единственным путем к нему. Борьба против гитлеровского фашизма и победа над ним, эти события великого революционного значения, создали в ряде стран, в том числе и в нашей, условия для спокойного развития завоеваний революции в направлении к социализму. Мы считаем в конечном итоге, что такой путь к социализму отличается от советского образца и что у нас он не только возможен, но мы уже вступили на этот путь и часть его прошли. Национализация промышленности и наша народная система общественного управления (национальные комитеты – *Прим. автора.*) – это первые вехи на этом пути». Готвальд подчеркнул также, что компартия будет бороться за закрепление в новой конституции ЧСР парламентской демократии^[421].

Клемент Готвальд родился 23 ноября 1896 года в деревне Дедицы. Был внебрачным сыном бедной крестьянки, отца не знал. В 12 лет Клемента отвезли в Вену к младшей сестре матери, где он после занятий в школе работал учеником в столярной мастерской. Готвальд вспоминал об этом времени: «Какова была жизнь ученика, говорит весьма кратко, но точно, поговорка: «Ученик – это мученик». Я испытал это на собственной шкуре, когда учился столярному ремеслу, и могу сказать, что так и было в действительности»^[422].

С 1912 года Готвальд участвовал в молодежном социал-демократическом движении. В 1915 году был призван в австро-венгерскую армию, откуда дезертировал в 1918-м. В 1918-1920 гг. служил в чехословацкой армии. В 1920-1921 гг. работал столяром и активно занимался самообразованием. Квартирная хозяйка Готвальда вспоминала: «После ужина он уходил на прогулку, а вернувшись, шел на собрание или занимался дома. Над книгами он сидел до двух часов ночи и учился... У него было много друзей, и, случалось, они засиживались у него до глубокой ночи»^[423].

Еще во время военной службы Готвальд познакомился с молодой

швеей Мартой Голубовой, которая родила ему дочку Марту.

Членом компартии он являлся с 1921 года, с момента ее основания. В 1921-1926 гг. был редактором коммунистической печати в Словакии, работал в рабочих спортивных организациях. В 1925 году стал членом ЦК КПЧ. В 1926 году возглавил отдел агитации и пропаганды ЦК КПЧ. С 1929 года Готвальд был генеральным секретарем, с 1945-го – председателем КПЧ, с 1929-го – депутатом парламента ЧСР. Осенью 1938 года активно выступал против Мюнхенского сговора за вооруженное сопротивление гитлеровской агрессии. 11 октября 1938 года он заявил в парламенте: «...Я, как коммунист, всегда гордился тем, что я чех, гордился нацией гуситов, к которой принадлежу, я знаю, что чешский народ остался и в дальнейшем останется народом гуситов»^[424].

С ноября 1938 года, после запрета КПЧ, Готвальд находился в эмиграции в СССР.

Сталин считал, что формой общественно-политического устройства в освобожденных Красной армией странах Восточной Европы должна стать народная демократия (а не социализм), которая, в отличие от советской модели, предусматривала многопартийность и существование мелких и средних частных предприятий. В чем-то эта модель была похожа на опыт республиканской Испании 1936-1939 гг.

Такая позиция была обусловлена объективной оценкой социально-классовой ситуации в европейских странах, где за коммунистами не шло большинство населения. К тому же исторические условия в Восточной Европе сильно отличались от российских традиций. Наконец, Сталин был всерьез настроен на сохранение стратегических союзнических отношений с США и Великобританией в послевоенное время, и этой цели подчинялись все стратегические установки мирового коммунистического движения. Именно «в угоду» США и Англии Сталин распорядился распустить Коминтерн в 1943 году, а годом позже была распущена компартия США, причем ее членам рекомендовали поддерживать демократическую партию Рузвельта, которого Сталин очень уважал.

Рост авторитета СССР и коммунистического движения после 1945 года объяснялся решающей ролью Советского Союза и компартий европейских стран в разгроме фашизма. Именно коммунисты были организаторами вооруженных восстаний в Словакии (август – октябрь 1944 года) и в Праге (май 1945-го). В словацком национальном восстании приняли участие примерно 80 тысяч человек, включая военнослужащих словацкой армии и советских партизан. Погибли 1720 повстанцев, были ранены 3600, 10 тысяч попали в плен. Немцы и их союзники из людацкой клерикально-

фашистской партии потеряли убитыми 4200 человек, ранеными – 5000. Немцы и глинковцы убили более 5 тысяч представителей мирного населения.

Густав Гусак, один из лидеров словацкого восстания, отмечал, что лондонское правительство Бенеша не сделало ничего, чтобы реально подготовить восстание и помочь ему через западных союзников^[425].

В боях в Праге 5-9 мая 1945 года участвовали примерно 30 тысяч повстанцев, построивших 1500-2000 баррикад^[426]. Погибли 2300 повстанцев, 300 власовцев и примерно 4000 мирных жителей. Немцев было убито около тысячи.

В Чехословакии только компартия во время войны смогла сохранить подпольное руководство, нелегальную печать и сеть местных организаций, несмотря на жестокие репрессии гестапо. В мае 1945 года КПЧ насчитывала 28 тысяч членов. 25 тысяч коммунистов погибли при оккупации.

Следует отметить, что компартия Чехословакии была в стране и до войны массовой и влиятельной силой. Именно коммунисты стали организаторами чехословацкого корпуса, который вместе с Красной армией принял участие в освобождении Чехословакии от нацизма. Авторитет КПЧ был велик еще и потому, что только коммунисты безоговорочно выступили в 1938 году против Мюнхенского сговора, согласно которому Англия и Франция отдали Чехословакию Гитлеру. В Словакии лишь компартия выступила против образования в марте 1939 года сепаратного словацкого государства, сохранив верность чехословацкой идее, а все остальные партии фактически поддержали Гитлера в его усилиях по разгрому единого чехословацкого государства.

Коммунистам в Чехословакии было отнюдь не просто бороться за социализм в идеологическом плане. Чехословакия была, пожалуй, единственной страной в Центральной и Восточной Европе, претендовавшей на собственную идеологию. Так как эта идеология, по сути, представляла собой собрание взглядов первого президента ЧСР Томаша Гаррига Масарика, крайне популярного в народе (его называли «Батюшка» и «Освободитель»), то компартии приходилось крайне осторожно пропагандировать марксизм, который Масарик решительно отвергал. Любая критика умершего в 1937 году Масарика была в Чехословакии «табу».

Еще при жизни Масарика сложился официальный культ «Президента-освободителя». Значительный вклад в формирование «масариковского

мифа» внес великий чешский писатель Карел Чапек, автор многотомных «Бесед с Т. Г. Масариком». Поклонник англо-американской культуры, Масарик стремился к созданию либеральной многопартийной демократии, с допущением национальных меньшинств в политику, однако как идеолог «чехословакизма» допускал антинемецкие высказывания.

Первый президент ЧСР считал, что марскизм подавляет личность в угоду коллективу и поэтому является чуждой для чехов идеологией. Один из идейных последователей Масарика В. Черны писал: «Марксизм не думает об автономности человека и сущности человеческой личности, ему не хватает уважения к их ценности, а часто и осознания... что смыслом социализма... является увеличение сразу и до бесконечности этой автономии способностей к развитию свободной личности»^[427].

Сам «Освободитель» выступал за «гуманистический социализм». Он писал: «Всякая разумная и честная политика есть реализация и укрепление принципов гуманизма. Политику, как и все, что мы делаем, следует подчинять этическим принципам. Политику, как и всю жизнь человека и общества, я не могу понимать иначе как *sub specie aeternitatis*»^[428]. Масарик считал, что весь чешский, а точнее, «чехословацкий» народ социально однороден, так как все эксплуататоры в Чехословакии – это немцы и венгры. Среди чехов же никаких распрей и классовой борьбы быть не может.

Антимарксистские труды Масарика были переведены на русский язык еще до 1917 года. Троцкий отмечал, что Масарик провозгласил марксизм «мертвым» и хочет несколько социализировать обычный буржуазный либерализм с его приматом интересов личности над интересами общества: «По Масарику, марксизм уже давно преодолен теоретически: «*es ist eine ausgemachte Sache*» («это дело решенное»), – говорит он. Но чем же тогда объясняется тот факт, что влияние марксизма не падает, а возрастает? Это было бы совершенно непонятно, – отвечает на это Масарик, – если бы марксизм не был в то же время научной формулой социалистической политики. Другими словами: теоретически несостоятельное здание марксизма держится на практических потребностях рабочего движения. Но тот же Масарик не устает повторять, что марксизм преодолен не только теоретически, но и практически. На чем же он в таком случае держится? Почему растет, а не падает? На этот вопрос мы тщетно стали бы искать у Масарика ответа»^[429].

Наследниками идей Масарика считали себя его преемник на посту президента Бенеш и национальные социалисты. Готвальд писал по этому

поводу: «Сила буржуазии заключается кроме полицейских дубинок в том, что она всегда выдавала себя за представителя всей нации, что свои классовые интересы осуществляла именем всей нации, а нас во многих случаях сумела поставить вне нации и изображать как агентов чужого государства (СССР – *Прим. автора.*)»^[430].

Бенеш считал марксизм (особенно диалектический материализм) слишком материалистической позитивистской идеологией, отрицающей вечные духовные истины и, в частности, религию. «...Демократия же... в своей основе спиритуалистическая. Пусть даже полностью сознательные и теоретически образованные демократы в философии и метафизике, в конце концов, принимают идеализм, дуализм или пантеизм – это всегда означает, что они ищут... некий синтез между духовными и материальными явлениями, не желая отдавать первенство в жизни человека материальным и экономическим явлениям, и, в отличие от марксизма, они приходят к божественной концепции жизни, к признанию некой абсолютной формы, то есть Бога... Коммунизм, вытекающий из философии материализма, является в своих основных тезисах о государстве антииндивидуалистическим. Основной идеей и основным сознанием каждого индивида, с его точки зрения, должны быть только сознание общественного и государственного коллектива, но ни в коем случае не сознание индивидуальное... Философская и социологическая основа демократии, проистекающая из философии спиритуализма, напротив, индивидуалистическая... В этих основных точках зрения обе системы расходятся диаметрально. Теоретическое примирение здесь невозможно...»^[431]

Бенеш после 1945 года пользовался практически таким же авторитетом в Чехии (но не в Словакии), что и Масарик, и коммунистам приходилось воздерживаться от публичной критики президента.

Однако и сам Бенеш в годы войны осознал, что время абстрактной либеральной и индивидуалистической демократии прошло. Поэтому он считал возможной конвергенцию советского социализма и парламентской демократии и, таким образом, выступал ничуть не менее значительным теоретиком народной демократии, чем Сталин. Президент ЧСР писал, что и советская (то есть социалистическая), и парламентская система имеют много общих духовных принципов. Обе «признают равенство людей и народов являются универсальными, гуманистическими, интернациональными и пацифистскими... рациональными и интеллектуальными. Общее и равное благо всех людей и всех народов –

для них мерило всей социальной и общественной морали»^[432].

Бенеш признавал, что советские принципы экономической жизни – обобществление средств производства и научное планирование экономики – стали в мире популярным явлением. При этом коммунисты, как подчеркивал Бенеш, не против личной собственности, и на этой почве возможно их примирение с либеральной демократией.

Бенеш ставил принципиальный вопрос: «Возможно ли сосуществование и сотрудничество между советской социалистической системой и новой перестроенной демократией, которая уже приняла в целом принцип обобществления средств производства и частной прибыли и которая бы в своей практической политике... смело, и при этом разумно и эволюционно это осуществляла? Да или нет? Снова отвечаю: да. Прежде всего, это означает, что экономическая система классического либерализма и капитализма считается изжитой и демократическими странами – в этом демократия этого типа сходится с советским социализмом. Демократии этого типа^[433], принимающие... как принцип своей экономической политики принцип постепенного обобществления средств производства и частной прибыли, находятся на пути дальнейшего развития, который может вести их очень далеко к строительству бесклассового общества, где – с некоторыми исключениями, главным образом количественного типа – средства производства и частная прибыль уже не принадлежали бы отдельным личностям и где капиталистическая «свободная игра экономических сил» в производстве и распределении... была бы заменена научным хозяйственным планированием (регулирование и стабилизация цен и заработной платы!), которые являются одной из основных составных частей каждой социалистической системы. Этот путь и правда открыт»^[434].

Таким образом, Бенеш сильно отошел от идейных либеральных концепций Масарика и фактически, так же как и КПЧ, выступал за построение социализма. Бенеш лишь полагал, что идти к социализму надо постепенно и демократическим образом, без быстрой насильственной революции (хотя он, явно намекая на СССР, признавал, что некоторым народам без этих революций было не обойтись) – и в этом с ним был полностью солидарен Сталин^[435].

Чехословацкие коммунисты после 1945 года, понимая популярность Масарика как основателя ЧСР, избегали всякой публичной критики этого человека. Компартия участвовала в празднествах по случаю годовщин рождения и смерти «Президента-освободителя», а газета КПЧ «Руде право» не скупилась на панегирики в адрес ТГМ, как любил себя называть Томаш

Гарриг Масарик^[436]. Коммунисты также активно и умело пропагандировали новый народно-демократический строй как прямое воплощение гуманистических идеалов Масарика.

Например, главный идеолог КПЧ Вацлав Копецкий (министр информации) заявил на VIII съезде КПЧ в марте 1946 года, что коммунисты ценят «великое историческое дело» Масарика и чтут его как создателя Чехословацкого государства, «берут у Масарика все живые ценности и, прежде всего, его идеалы демократии и гуманизма, которые в новой форме претворяются в жизнь». Однако Копецкий всегда был человеком принципиальным и добавил, что в народно-демократической Чехословакии одних идеалов Масарика уже недостаточно и «дух новой Чехословакии немыслим без научного социализма, без идей Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина». Под овацию делегатов съезда Копецкий провозгласил, что чехословацкие коммунисты не боятся честно сказать: «...мы торжественно присоединяемся к русскому продолжению марксизма, к учению Ленина-Сталина...»^[437]

В марте 1945 года, как уже упоминалось, на встрече основных политических партий Чехословакии в Москве была достигнута договоренность об образовании блока всех антифашистских партий – Национального фронта чехов и словаков. Характерно, что фронт назывался именно «национальным», а не «народным», как Коминтерн рекомендовал после 1935 года. Название «национальный» подчеркивало тот факт, что новый блок не ставил перед собой задачи коренного изменения социального строя в ЧСР. Лидер КПЧ Готвальд так объяснял термин «национальный фронт»: «...власть перешла от нации-угнетателя, от нации оккупантов, от нации германской в руки наций, ранее угнетенных, наций чешской и словацкой, – в этом смысле наша революция – национальная. Но одновременно... мы ведем борьбу против наших внутренних врагов – пособников оккупантов, то есть против чешской и словацкой реакции и изменников, которые предали нацию, которые поддержали оккупацию чешских земель и порабощение собственной нации».

Именно этот блок – Национальный фронт – образовал 4 апреля 1945 года в словацком городе Кошице новое чехословацкое правительство, которое возглавил лидер социал-демократов Фирлингер (служивший, как мы помним, во время войны послом ЧСР в Москве). Из 25 членов правительства девять были словаками (трое представляли КПС, трое – Демократическую партию, остальные считались непартийными специалистами, хотя один из них, статс-секретарь МИД Клементис, все же

был коммунистом).

Правительство Национального фронта работало на основании Кошицкой программы, принятой 5 апреля 1945 года. Ее основными пунктами были запрет всех коллаборационистских организаций, выселение немцев из Чехословакии, аграрная реформа и конфискация собственности всех лиц, сотрудничавших с оккупантами. Внешнеполитической программой правительства Национального фронта стал лозунг «С Советским Союзом на вечные времена!». Этот лозунг был очень популярен в народе, так как только СССР выступил в 1938 году против мюнхенского диктата и был готов прийти на помощь Чехословакии (с этой целью в Советском Союзе даже была объявлена частичная мобилизация). Даже те чехи и словаки, которые не были сторонниками социализма, после национальной катастрофы 1938 года считали Москву единственной надежной гарантией самостоятельности Чехословакии перед лицом многовековой германской угрозы. Ведь Франция и Англия, на которых ориентировалась Чехословакия в 1918-1938 гг., фактически предали ее, и это навсегда осталось в национальной памяти чехов и словаков.

По данным опроса общественного мнения, в мае 1946 года Кошицкую программу поддерживало полностью 62,9 % населения, с оговорками – 28,8 %.

Готвальд так описывал задачи КПЧ в 1945 году: «На повестке дня не социалистическая революция, а национально-освободительная демократическая революция. Блок рабочего класса, крестьянства, городских средних слоев и интеллигенции. Непосредственная форма – демократическая республика»^[438].

Политический режим в послевоенной Чехословакии Готвальд 9 июля 1945 года характеризовал следующим образом: «У нас создается демократический режим нового типа. Наш режим – это режим не формальной парламентской демократии, а режим народной демократии: избранные народом представители не только принимают законы, но и проведение законов в жизнь находится в руках представителей, избранных и назначенных народом. Это значит, что государственное управление уже не в такой мере зависит от бюрократии, как это было в домюнхенской республике, а переходит в руки народных органов, в руки национальных комитетов...»^[439]

Главой государства и верховным главнокомандующим был президент республики Бенеш, хотя его никто не выбирал. Бенеша должно было утвердить в его должности временное Национальное собрание, которое

еще предстояло сформировать.

Именно Бенеша американцы считали основным барьером на пути роста влияния компартии в Чехословакии. В июне 1945 года временный поверенный в делах США в ЧСР так оценивал ситуацию: «Президент определенно не является номинальной фигурой, хотя русские в значительной степени осуществляют контроль над страной. Если русские удалят или публично ослабят его, то страна может оказаться ввергнутой в гражданскую войну. Пока никто не предпринимает видимых усилий для ослабления популярности президента... Президент и далее будет укреплять свое положение, если он не допустит явного промаха. Премьер-министр Фирлингер не имеет большого влияния и является скорее посредником в контактах с Москвой»^[440].

Фактически до осени 1945 года Бенеш и правительство управляли страной с помощью декретов президента, проекты которых обычно готовил кабинет министров. Еще 5 июня 1945 года Бенеш кокетливо говорил американскому поверенному в делах, что все партии, включая коммунистов, хотят, чтобы он взял на себя диктаторские полномочия, но он видит «будущее Чехословакии в демократии»^[441].

Видимо, Бенеш уверовал в свои выдающиеся политические и дипломатические способности. Ведь он добился от Сталина всего, чего хотел, и полагал, что советский лидер будет держать чехословацких коммунистов в узде и не разрешит им ссориться с ним, Бенешем. Однако президент, как и большинство политиков из некоммунистических партий, не понимал одного: широкие народные массы не хотели возвращаться к такому же пассивному положению в политической системе, какое они занимали до 1938 года. И именно в коммунистах они видели самых активных сторонников новой народной демократии. Бенеш же пребывал в уверенности, что, используя верхушки одних партий против других, он обеспечит себе непререкаемый авторитет как высший арбитр чехословацкой политики.

Временное Национальное собрание ЧСР было созвано 28 октября 1945 года, в годовщину образования Чехословацкой Республики. Депутатов выбирали на конференциях национальных комитетов.

В парламенте было 300 депутатов, каждая из партий Национального фронта получила равное количество мандатов: по 40, 20 % мест было отдано общественным организациям (профсоюзам, молодежным, женским и крестьянским организациям). 200 мест занимали депутаты от чешских земель и 100 – от Словакии. С учетом партийной принадлежности

депутатов от общественных организаций во Временном национальном собрании было 98 коммунистов (51 от Чехии и 47 – от Словакии), 50 социал-демократов, 50 национальных социалистов, 47 народников и 45 представителей Демократической партии Словакии^[442].

Временное национальное собрание задним числом подтвердило все декреты президента, изданные в 1940-1945 гг.

В конце августа 1945 года на съезде национальных комитетов Словакии прошли выборы в Словацкий национальный совет (СНС), который осуществлял власть в пределах отведенных ему чехословацким правительством полномочий. По 40 мест в СНС получили коммунисты и демократы, 15 мест – общественные организации, пять – представители украинского населения. СНС образовал исполнительный орган (автономное правительство Словакии) – Корпус уполномоченных. Его председателем стал коммунист Карол Шмидке. Компартия получила шесть мест в Корпусе, демпартия – семь, то есть словацкое правительство было сформировано на паритетной основе.

Компартия Словакии в первое время после войны продолжала бороться за федерацию, но была подвергнута руководством КПЧ острой критике за национализм на совместном заседании руководящих органов КПЧ и КПС 31 мая 1945 года. Словацких коммунистов вынудили снять лозунг о федеративном устройстве, и отныне они выступали за разграничение полномочий между центральным чехословацким правительством и местными словацкими органами власти – СНС и Корпусом уполномоченных. Все это было сделано Готвальдом в угоду Бенешу, которого, в свою очередь, поддерживал Сталин.

2 июня 1945 года между чехословацким правительством и Словацким национальным советом было заключено «первое пражское соглашение», по которому СНС становился представителем чехословацкой верховной власти в Словакии, то есть имел делегированные из Праги полномочия, хотя и весьма широкие. Корпус уполномоченных, ранее подчинявшийся только СНС, отныне подчинялся и центральному правительству в Праге.

Между тем Демократическая партия Словакии, в отличие от словацких коммунистов, продолжала пропагандировать федерализм, что резко увеличило ее популярность в Словакии.

Как уже упоминалось, все политические партии ЧСР были объединены в Национальный фронт чехов и словаков. Официальной программой фронта была Кошицкая правительственная программа от 5 апреля 1945 года.

Как и при любом коалиционном правительстве, руководство фронта, в

котором были представлены лидеры партий, решало принципиальные вопросы дальнейшего развития страны, и эти решения правительство затем претворяло в жизнь. Однако партнеры коммунистов по фронту видели в этой организации лишь временную политическую коалицию, поэтому они противились образованию местных и районных комитетов фронта, которые фактически так и не были созданы.

Соотношение политических сил в Чехословакии в конце 1945-го – начале 1946 года было следующим.

Довольно популярного в народе президента ЧСР Эдуарда Бенеша, личного друга Сталина еще с довоенных времен, поддерживала мелкобуржуазная Чехословацкая национально-социалистическая партия (ЧНСП). Она была основана в 1897 году, в 1918-м приняла наименование «Чехословацкая социалистическая партия». Аббревиатура ЧНСП появилась в 1926 году, после поражения на съезде правого фашистского крыла во главе с Штрибрным (фашистских деятелей на этом съезде исключили из партии). ЧНСП участвовала в правительстве в 1918-1926 гг. и 1929-1938 гг. В 1923 году в партию вступил тогдашний министр иностранных дел Бенеш.

Характерно «социалистическое» название основной буржуазной партии страны – формально ЧНСП выступала в соответствии со своей программой от 8 декабря 1945 года за «демократию, национализм, социализм на основе политической философии Томаша Масарика». Председатель партии Зенкл говорил, что он видит основы национального социализма в гармоничном соединении национализма, социализма и демократии. Бенеш после войны старался выставить чешский национализм своей партии в славянском обличье, что, по его мнению, видимо, должно было нравиться Москве: «Мы славяне и мы соседи СССР, в целом славянского государства. Естественно, что его социалистическая структура оказывает на нас влияние»^[443].

Близкие к ЧНСП газеты писали, что хотя Масарика уже нет в живых, его гуманистические социалистические идеалы осуществляет при помощи СССР верный ученик первого президента Эдуард Бенеш.

Члены ЧНСП именовали друг друга «брат» или «сестра». Председателем партии был Петр Зенкл^[444]. Он ненавидел коммунистов, в частности потому, что рассчитывал в 1945 году занять свой довоенный пост мэра Праги, однако «приматором» чешской столицы был назначен коммунист Вацлав Вацек. Находясь в начале мая 1945 года в Лондоне, Зенкл настаивал на освобождении Праги американцами и переброске в восставшую столицу чехословацких частей с Западного фронта. Советское

посольство в Праге еще в 1945 году однозначно характеризовало его в донесениях в Москву как антисоветски и прозападно настроенного деятеля.

Во время нацистской оккупации были убиты примерно 2400 членов ЧНСП^[445].

В конце 1945 года в ЧНСП было около 400 тысяч членов, в начале 1946-го в нее входили 580 тысяч человек, причем примерно треть приходилась на рабочих и крестьян. Однако местные организации этой, второй по влиянию партии Национального фронта были созданы только в половине чешских населенных пунктов.

По сути, основным козырем ЧНСП был личный авторитет Бенеша. Один из лидеров ЧНСП Прокоп Дртина (в 1946-1948 гг. министр юстиции) во время войны был личным секретарем Бенеша и диктором чешского эмигрантского радио (под псевдонимом «Павел Святой»). Много членов ЧНСП работали в госаппарате, прежде всего в центральных министерствах. ЧНСП декларировала приверженность союзу с компартией и СССР и фактически в 1945-1946 гг. занимала левоцентристские позиции. Ежедневная газета партии «Свободное слово» имела тираж 300 тысяч экземпляров. Правда, довоенное название этой газеты «Ческе слово» пришлось заменить, так как оно дискредитировало себя во время Мюнхенского сговора.

Заместитель председателя партии Йозеф Давид был председателем Временного Национального собрания. Генеральным секретарем ЧНСП был Владимир Крайина.

С конца 1945-го – начала 1946 года ЧНСП сдвигалась вправо, так как в партию вступило много членов бывшей аграрной партии, запрещенной за коллаборационизм. В декабре 1945 года была принята программа партии, в которой говорилось о «гуманном» социализме, но отвергался марксизм. Союз с СССР объяснялся национальными социалистами славянской солидарностью и необходимостью обеспечения мира в Европе.

В конце 1945 года в партии обострилась внутренняя борьба. Многие рядовые члены были против Зенкла как ярого антикоммуниста и хотели видеть председателем Давида. Однако члены руководящего звена ЧНСП не доверяли Давиду как раз из-за его хороших отношений с коммунистами. К тому же Зенкла поддерживал лично Бенеш.

На крайне правом фланге Национального фронта располагалась Чехословацкая народная партия (ЧНП), которую можно охарактеризовать как христианско-демократическую.

В конце 1945 года у народников было примерно 344 тысяч членов. В начале 1946 года в ЧНП входило до 400 тысяч человек, и она пользовалась

поддержкой на селе (прежде всего в католических районах; крестьянами были 40 % членов партии) и среди крупной и средней буржуазии. В конце 1945 года в партии состояли 344 тысячи членов, 189 тысяч из которых жили в Моравии. Местные организации ЧНП существовали в 55 % населенных пунктов Чехии и Моравии.

40 % человек, числившихся в партии на конец 1945-го, вступили в нее после войны. В основном это были члены запрещенных домюнхенских партий (аграрной и национально-демократической). В ЧНП также вступило много женщин-домохозяек, которых активно звала в партию церковь.

В сентябре 1938 года министры – члены ЧНП единогласно голосовали против мюнхенского диктата. Представитель партии католический священник Ян Шрамек был премьером эмигрантского правительства Бенеша в Лондоне, а после 1945 года возглавил партию^[446].

Шрамек и его заместитель Гала были слабыми политиками, по оценкам советского посольства в Праге, «беззлобно настроенными по отношению к СССР»^[447]. Но, как считали советские дипломаты, ЧНСП «командировала» в ЧНП Иво Духачека, «изворотливого политического дельца с бойким пером». В эмиграции Духачек был секретарем одного из лидеров ЧНСП Рипки, который после 1945 года стал министром внешней торговли. Хотя Духачек был атеистом, он вступил в католическую ЧНП и с тех пор согласовывал все свои действия с Рипкой, а через него – с ЧНСП. Советское посольство отмечало еще в 1945 году: «...его реакционные взгляды и скрытно враждебное отношение к Советскому Союзу не отличается от таковых министра внешней торговли Рипки... Надо думать, что политическая линия Духачека никогда не будет левее линии чешских народных социалистов (то есть Национально-социалистическую партию – *Прим. автора.*), что правые элементы будут усиленно выдвигать Духачека на самые высокие государственно-политические посты»^[448]. Так и произошло: после парламентских выборов 1946 года Духачек стал председателем комитета Национального собрания по иностранным делам.

ЧНП открыто высказывалась против социализма в любом его виде, что нашло отражение в программе партии: «Наша задача ясна: мы – единственные защитники тех граждан, которые в этом государстве не согласны с социализмом и коллективизацией всего имущества...»^[449] Но даже народники высказывались за примат общественных интересов над частными.

Партия пользовалась самым высоким авторитетом в Моравии, население которой было гораздо более религиозным, чем в Чехии. Влияние

партии снижалось по мере того, как, начиная с 1918 года, падала религиозность чешского населения. Согласно опросу католического журнала «Католик», в 1946 году только 20 % чехов регулярно посещали церковь, 42,8 % – изредка, а 13,6 % отмечали только самые главные церковные праздники.

Шрамак призывал к осторожному отношению к коммунистам и надеялся, что радикализм населения со временем схлынет, как то было после Первой мировой войны. Однако многие деятели ЧНП (Павел Тигрид, Богдан Худоба, Гелена Кожелугова) критиковали Шрамека за консерватизм и придерживались гораздо более левых взглядов. Но на съезде ЧНП в апреле 1946 года Шрамеку удалось консолидировать руководство в своих руках под лозунгом предвыборной борьбы против коммунистов^[450].

У партии были своя молодежная организация и спортивная организация «Орел».

И ЧНП, и ЧНСП были по своему составу практически полностью чешскими партиями (первая скорее даже моравской).

В Словакии все антисоциалистические силы объединились в рядах демократической партии, которая сначала опиралась на не католических протестантских интеллектуалов (так как католики активно поддерживали людацкую партию Глинки в 1939-1945 гг.), а с весны 1946 года – вновь на католическую церковь. Эта партия стала прибежищем всех элементов, мечтавших о возрождении словацкого сепаратного государства 1939-1945 гг. Демократы вошли в Национальный фронт скорее для того, чтобы вообще не остаться в стороне от процесса принятия решений в воссозданной Чехословакии.

Первоначально в рядах демократической партии объединились светские и протестантские элементы, которые активно сотрудничали с коммунистами в борьбе против клерикально-фашистского словацкого «независимого государства», опиравшегося на католический клир. Однако сепаратистски настроенные католические круги в начале 1946 года решили создать в Словакии новую партию, и, чтобы не допустить этого, демократы пошли с этими элементами на компромисс.

30 марта 1946 года было заключено тайное соглашение, после которого демпартия радикально преобразилась. В новом руководящем органе партии – «узком правлении» – католики получили большинство (Цвичек, Пиетор, Бугар, Филло, Кемпны, Беем). Полномочия бывшего единоличного генерального секретаря Годжи были урезаны за счет появления двух новых генеральных секретарей из рядов католических сепаратистов – Кемпны и Бугара, которые стали руководить

организационными и финансовыми вопросами. В правлении демпартии отныне католиков было вдвое больше, чем их светских оппонентов, а во всех партийных организациях соотношение было 7:3 в пользу сепаратистов^[451]. Причем такое же соотношение теперь имелось и во всех органах государственной власти и управления, где была представлена демократическая партия.

При заключении этого соглашения католики-сепаратисты обещали демпартии сотни тысяч голосов своих сторонников на грядущих парламентских выборах в обмен на недопущение жестких приговоров бывшим руководителям клерикально-фашистского словацкого государства. Примечательно, что лидеры демпартии сначала вообще отказывались признавать сам факт соглашения с бывшими фашистами, но оно было опубликовано в словацкой эмигрантской печати.

Так как в Словакии помимо демократов отныне не было других сильных некоммунистических партий, ряды демпартии после войны быстро росли за счет членов довоенных буржуазных партий. В конце 1945 года в рядах демократической партии насчитывалось более 250 тысяч членов. Однако именно из-за пестрого состава (в партию входили и убежденные антифашисты, и скрытые сторонники словацкого клерикально-фашистского государства времен 1939-1945 гг.) партия была сильно разобщена идеологически.

До конца 1945 года отношения между демпартией и словацкими коммунистами были, по словам лидера демократов Леттриха, не лояльными и корректными, а «искренними, сердечными, честными и открытыми». Затем наступило неизбежное охлаждение, ведь обе партии боролись за поддержку большинства словацкого народа.

Чехословацкая социал-демократическая партия (примерно 200 тысяч членов) была самой слабой политической партией Национального фронта в чешских землях и сильно уступала по своему влиянию на рабочий класс КПЧ. ЧСДП была основана в 1878 году и уже в 1907 году собрала на выборах в чешских землях Австро-Венгрии больше всего голосов. На первых парламентских выборах в ЧСР в 1920 году стала сильнейшей партией. ЧСДП входила в большинство кабинетов вплоть до 1938 года.

На выборах 1935 года коммунисты и социал-демократы получили примерно равное количество голосов (10 и 12 % соответственно).

ЧСДП в 1945 – начале 1946 года ориентировалась на сотрудничество с коммунистами. Многие социал-демократы вообще считали, что этим двум партиям следует объединиться, так как никаких различий в их программах не было и обе основывались на марксистском учении. Однако компартия

была против быстрого объединения, так как коммунистам в лице социал-демократов был нужен верный союзник в Национальном фронте. Обе партии воздерживались от любой публичной критики друг друга.

Председателем социал-демократов был Фирлингер, лидер левого крыла партии и безусловный сторонник единства действий с коммунистами. Центристов в партии возглавлял Богумил Лаушман, вокруг Вацлава Майера группировались правые социал-демократы и антикоммунисты.

Партия работала только в чешских землях и выступала за демократический путь к социализму. Центральным органом ЧСДП была газета «Право лиду».

В 1945 году социал-демократы попытались оспорить объединительный съезд коммунистов и социал-демократов в Словакии как нелегитимный и возобновить там деятельность социал-демократической партии. Однако из этой затеи ничего не вышло.

После войны стал резко меняться социальный состав членов партии. Рабочие в массовом порядке переходили в КПЧ. Вскоре основной социальной опорой партии стали средние слои, и в этом смысле она фактически конкурировала с ЧНСП.

В конце 1945 года в ЧСДП было примерно 250 тысяч членов, и только треть из них составляли рабочие. Осенью 1945 года социал-демократы имели свои местные организации лишь в 36 % населенных пунктов.

Самой массовой (и единственной по-настоящему «чехословацкой») партией Национального фронта были коммунисты: в начале 1946 года в КПЧ входил миллион человек. Характерно, что чехословацкая компартия всегда была массовой. Уже на момент основания в мае 1921 года в ней состояло 350 тысяч членов. В 20-е – 30-е годы КПЧ являлась самой крупной компартией за пределами Советской России. Она до сих пор остается самой крупной по численности партией в истории Чехословакии.

Авторитет коммунистов, приобретенный во время войны и оккупации, привел после мая 1945 года к феноменальному росту рядов партии. Уже в конце 1945-го в стране насчитывалось 597400 членов КПЧ, а в конце 1946 года – 826 527^[452].

КПЧ в 1946 году имела местные организации в 96 % населенных пунктов страны, в то время как ее соперники – максимум в 60-70 %. В Праге было 190 тысяч коммунистов, или четверть всех избирателей столицы. 58 % членов КПЧ в марте 1946 года были рабочими, 13 % – крестьянами, 9 % – интеллигентами, 4,1 % – ремесленниками.

Рост рядов КПЧ объяснялся еще и тем, что только коммунистам

удалось сохранить свои организации во время оккупации, и сразу же после освобождения они стали активно работать.

Например, в Брно в первом заседании коммунистического актива города 5 мая 1945 года участвовали 150 членов партии^[453]. А уже на 1 июля 1945 года в Брно было зарегистрировано 7198 членов КПЧ. В марте 1946 года коммунистов насчитывалось более 30 тысяч.

Народная партия, особенно сильная именно в Моравии, не имела такого же авторитета в моравской столице Брно, где жило много рабочих и служащих и были не так сильны позиции католической церкви. В рядах ЧНП в Брно было не более 10 тысяч членов.

В межвоенное время город Брно был одним из главных бастионов влияния социал-демократов. После войны ЧСДП начала быстро утрачивать позиции в пользу КПЧ. Надо отметить, что коммунисты не хотели ослабления социал-демократов – своих основных союзников по Национальному фронту. 22 июня 1945 года в Брно приехал Готвальд, который призывал местных социал-демократов оставаться в рядах партии, а не переходить в КПЧ. Неудивительно, что речь Готвальда с воодушевлением напечатала местная социал-демократическая газета «Чин».

Интересно, что перед войной в Брно были очень сильны национальные социалисты. В 1945 году их насчитывалось в городе примерно 20 тысяч. Но многие из членов партии являлись «мертвыми душами» и не участвовали в повседневной агитационно-пропагандистской деятельности, в отличие от коммунистов. Поэтому вскоре компартия обошла национальных социалистов по численности.

Компартия Словакии (КПС) организационно была самостоятельной с мая 1939 года – после распада единого чехословацкого государства. В 1939-1941 гг. она выступала за присоединение Словакии к СССР, затем за восстановление Чехословакии по принципу отношений с чехами «равный с равным». Однако в политическом и идеологическом отношении КПС фактически была составной частью КПЧ. Интересно, что КПС, в отличие от КПЧ, не была секцией Коминтерна^[454]. 17 сентября 1944 года во время Словацкого национального восстания словацкие социал-демократы объединились с КПС. К осени 1945 года 69 % членов КПС были рабочими, 12,4 % – крестьянами, 6,7 % принадлежали к интеллигенции.

На совместном заседании руководящих органов КПЧ и КПС 17-18 июля 1945 года КПС обязалась во всех политических вопросах придерживаться линии КПЧ. Новый председатель КПС Широкий был

твердым сторонником Готвальда и единого чехословацкого государства. Руководители КПС времен восстания 1944 года (Гусак, Шмидке, Новоместский), считавшиеся в КПЧ «словацкими националистами», были отодвинуты на второй план. Новая «чехословацкая линия» коммунистов сильно вредила их популярности в Словакии, но была неизбежной данью центрального руководства КПЧ Бенешу.

В конце 1945 года в КПС было 197227 членов. Росту рядов КПС в 1945-м мешала более строгая, чем в КПЧ, система приема новых членов, предусматривавшая наличие кандидатского стажа, но по рекомендации из Праги она к концу года была отменена.

Готвальд поставил перед КПС задачу бороться с коллаборационистами и сепаратистами, особенно в рядах демпартии. Словацкие коммунисты должны были терпеливо разъяснять людям, что угроза словацкой самобытности исходит не от чехов, а от их же, словаков, собственной реакции. Все это вело к ухудшению отношений между главными словацкими партиями. Коммунисты и демократы стали обвинять друг друга во всех кризисных явлениях словацкой экономики, где бы они ни возникали.

Словацким коммунистам, в отличие от их чешских коллег, мешало добиться доминирующего положения и то, что рабочих в отсталой Словакии было очень мало. Крестьянство же было настроено консервативно, так как сотни лет находилось под идейным влиянием католической церкви. КПС активно добивалась скорейшего проведения аграрной реформы, чтобы усилить свои позиции среди крестьян. Но этого демократы как раз не желали, поэтому всячески реформу тормозили. Самую большую поддержку на селе (41 %) словацкие коммунисты имели в Прешовской области.

Однако, в отличие от Чехии, в Словакии крестьяне поначалу не были объединены в единую организацию (которая в Чехии была членом Национального фронта). Напротив, существовала Крестьянская корпорация, где верховодили демократы. Требование КПС об ее упразднении демократы успешно трактовали как очередной удар «агентов Праги» против истинно словацких организаций.

КПС поначалу была против популярного требования о снижении цен и повышении зарплат, считая его финансово безответственным. Коммунисты предлагали вместо этого ускоренную индустриализацию Словакии, которая привела бы к росту производства и создала бы предпосылки для неинфляционного снижения цен. Напротив, демократы популистски требовали немедленного снижения цен, а индустриализацию считали

попыткой Праги лишить Словакию ее сельской самобытности.

В начале 1946 года в Словакии возникла Партия труда, основанная социал-демократами, не согласившимися с объединительным съездом словацких коммунистов и социал-демократов в сентябре 1944-го. Коммунисты были раздосадованы тем, что создание новой партии финансово поддержали чешские социал-демократы. Правда, компартии все же удалось не допустить воссоздания партии под названием «социал-демократическая». 13 марта 1946 года Партию труда приняли в Национальный фронт, но рабочей партией она так и не стала: ее сторонниками были в основном ремесленники, кустари и интеллигенция. В отличие от коммунистов, «трудовики» выступали за сохранение частной собственности и внешнеполитическую ориентацию одновременно на Восток и на Запад.

Если образование Партии труда потенциально вредило коммунистам, так как она нацеливалась на рабочий электорат, то создание 1 марта 1946 года Партии свободы ^[455], в свою очередь, подрывало электорат демпартии. В Партии свободы объединились католики-демократы, не желавшие состоять в рядах «евангелической» ДП. Ее лидером стал довольно популярный в Словакии политик Вавро Шробар.

Однако демократы смогли удержать католический электорат заключением упоминавшегося выше соглашения с католиками весной 1946 года. Демпартия прямо обвинила КПС в создании Партии свободы как искусственного формирования. Но на самом деле Шробар действовал по поручению Бенеша, которого всегда очень сильно заботил словацкий католический сепаратизм, все более внедрявшийся в ряды демпартии.

Чехословацкие коммунисты с 1945 года безусловно доминировали в рабочем движении, в котором до войны преобладали социал-демократы. Компартия имела более 3 тысяч заводских организаций, в то время как у ее партнеров по Национальному фронту таковых было крайне мало.

Уже в конце 1945 года компартия учредила первичные организации в 90 % населенных пунктов страны.

Следует отметить, что для послевоенной Чехословакии (особенно Чехии) был характерен небывало высокий уровень политической активности, что находило свое выражение в росте рядов всех политических партий Национального фронта. Например, в столице Моравии Брно было 100 тысяч членов разных политических партий, то есть каждый второй взрослый житель города имел в кармане партийный билет.

В июне 1945 года КПЧ, ЧСДП и ЧНСП как социалистические партии подписали соглашение о единстве действий. Внутри Национального

фронта 8 июня был создан Национальный блок трудящихся города и деревни (или Социалистический блок, как его неофициально называли). Соглашение об образовании блока подписали Готвальд, Зенкл и Фирлингер.

В Соглашении об образовании блока говорилось: «Партии Национального блока согласны в том, что в освобожденной республике все профсоюзные, кооперативные, культурные, спортивные и иные непартийные организации, такие как организации молодежи, должны с самого начала строиться как единые национальные организации, независимые от политических партий, с добровольным членством и демократически избираемым руководством. Партии Национального блока обязуются полностью поддерживать образование таких организаций и решительно выступают против любых попыток их раскола. Упомянутые единые организации имеют право на критику правительства и органов государственного управления»^[456].

Все три партии блока (КПЧ, ЧСДП и ЧНСП) имели единую молодежную организацию – Союз чешской молодежи, в которую входили 30 % юношей и девушек в возрасте от 15 до 25 лет. Эта организация фактически контролировалась коммунистами.

Однако блок фактически так и остался мертворожденным: уже в конце 1945 года национальные социалисты его де-факто покинули. В частности, так и не начали работу предусмотренные соглашением местные комитеты блока.

Самая крупная чешская партия довоенной Чехословакии – аграрная (на последних свободных парламентских выборах до войны в 1935 году аграрии набрали 1176 тысяч голосов, 14,29 %) – была запрещена по Кошицкой программе за сотрудничество с оккупантами. В 1938 году аграрии, представитель которых занимал пост премьера, поддержали Мюнхенский сговор. После запрета аграрной партии ее члены в Словакии практически поголовно перешли в демократическую партию, в чешских землях – в ЧНСП и ЧНП. Эмигрантские организации партии в основном работали в США. Лидер аграриев Рудольф Беран (премьер в декабре 1938 – апреле 1939 года) в 1945-м был арестован, а в апреле 1947 года приговорен судом за коллаборационизм к 20 годам тюрьмы. Умер в заключении в 1954 году.

ЧНСП и ЧНП имели между собой весьма натянутые отношения, так как первая была решительно антиклерикальной, а вторая, наоборот, ориентировалась на Ватикан. К тому же обе партии боролись за одних и тех же избирателей: лиц свободных профессий, предпринимателей и чиновников. ЧСДП после выборов 1946 года вообще практически

раскололась на правое и левое крыло: первое тянулось к ЧНСП, второе – к коммунистам. Большую роль в правом крыле ЧСДП играл брат президента Бенеша Войта.

Помимо политических партий в Национальный фронт входили и общественные организации: Единый союз чешских землевладельцев, Единый союз словацких крестьян, Союз друзей Советского Союза, Союз чешской молодежи, Союз словацкой молодежи.

Хотя все партии Национального фронта договорились об учреждении единой молодежной организации, национальные социалисты и лидовцы выполнять это соглашение не хотели. ЧНСП всегда имела большой авторитет среди студентов и гимназистов и полагала, что единая молодежная организация только свяжет партии руки.

Первый учредительный съезд Союза чешской молодежи (СЧМ) состоялся в Праге в Славянском доме 21-24 марта 1946 года. Национальные социалисты прислали своих делегатов, так как съезд приветствовал Бенеш. Народная партия, которая также вела переговоры о своем участии в этом форуме, все же отказалась в последний момент от участия.

Съезд посетили председатель ЧСДП премьер-министр Фирлингер, министр иностранных дел Масарик, председатель временного Национального собрания Давид (ЧНСП), министр обороны Свобода, министр образования профессор Неедлы (КПЧ), лидер РПД Запотоцкий, министр промышленности Лаушман (ЧСДП) и др.

Президент в своем послании подчеркнул, что он против доминирования в союзе одной партии (намек на коммунистов был всем понятен). Как отмечало в своей справке о съезде СЧМ посольство СССР в Праге, только выступавшие на нем коммунисты и социал-демократы подчеркивали необходимость единства молодежи. Представитель ЧНСП Крайина «в своей речи обошел этот основной вопрос съезда», чем, по мнению посольства, и объяснялся прохладный прием этого выступления делегатами. «Умолчал об объединении чешской молодежи также председатель народно-социалистической партии^[457] приматор Праги Зенкл»^[458].

С точки зрения посольства СССР, участие национальных социалистов в работе съезда следовало «рассматривать как тактический прием – попытку приобрести сторонников среди членов СЧМ и, таким образом, ослабить влияние компартии на чешскую молодежь»^[459].

Однако эта попытка провалилась. Председателем СЧМ был единогласно избран коммунист Зденек Гейзлар^[460], генеральным

секретарем – левый социал-демократ Пошуста (бывший член КПЧ, работавший при немцах в подполье). Среди 30 членов исполнительного комитета – высшего органа союза между съездами было 18 коммунистов, шесть социал-демократов и шесть национальных социалистов. Из 13 основных отделов при ЦК СЧМ члены КПЧ возглавили девять (в том числе организационный, идеологический, отдел рабочей молодежи, отдел печати).

На март 1946 года в СЧМ было 447 623 члена. В июле 1946 года союзы чешской и словацкой молодежи создали объединенное руководство. В совместной программе выражалась твердая поддержка Кошицкой программы и принципа единства молодежного движения. Воззвание съезда заканчивалось словами: «Республике нужно единство народа, помогите нам создать его основу – единство молодежи. Республике нужны преданность, жертвенность и работа от нас всех. Идите с нами трудиться для республики»^[461]. Председателем единой организации стал словак Эрнест Сикора (родился в 1914 году, коммунист), который во время словацкого национального восстания был редактором газеты повстанцев «Уток» («Атака»).

Однако в течение 1946 года ЧНСП, ЧИП и словацкие демократы отозвали своих представителей из СЧМ и вопреки решению Национального фронта о единстве чешской молодежи образовали свои партийные молодежные организации. Некоммунистические партии таким образом выразили протест против засилья коммунистов в СЧМ. Хотя это «засилье» объяснялось просто: именно молодые коммунисты активно участвовали в Сопротивлении во время войны. Поэтому они и пользовались авторитетом среди молодежи.

Национальные социалисты и народники делали ставку на студентов, которые традиционно происходили из зажиточных слоев общества, и всячески противопоставляли их рабочим.

Например, в журнале народной партии «Обзоры» (№ 29 от 29.07.1946) появилась статья с характерным названием «Почему именно студенты?». В ней рабочие выставались тупыми фанатиками, на которых, дескать, поэтому и делают ставку коммунисты. «Фанатичные сторонники миража, которым является именно марксистская мечта об обществе без государства, не любят людей, которые еще умеют думать. Обратите внимание, что везде, где марксисты имеют определенное влияние, там наука дегенерирует...»^[462] Поэтому-де авангардом общества являются не фанатики-рабочие, а возвышенные интеллектуалы-студенты.

В Союзе друзей СССР в конце 1945 года было 300 тысяч членов^[463], объединенных в 1500 местных организаций. Понятно, что руководили этим союзом коммунисты. Но если до войны (а союз существовал с 1929 года) другие партии фактически запрещали своим членам вступать в эту организацию, то после 1945 года запреты были сняты.

Существовало еще и Общество культурных и экономических связей с СССР. В эту немногочисленную организацию входили те, кто интересовался советской действительностью в силу своей профессиональной деятельности (ученые, деятели культуры и т. д.).

Но самой массовой силой в Национальном фронте было Революционное профсоюзное движение (РПД) – единый профцентр страны, который возглавлял коммунист Антонин Запотоцкий^[464]. В конце 1945 года в РПД было 1,5 миллиона членов в чешских землях и 200 тысяч – в Словакии, где фактически отсутствовала современная крупная промышленность, чем и объяснялась слабость рабочего движения. В 1946 году РПД сумело собрать 39 миллионов крон членских взносов. В марте 1947-го движение объединяло уже 1880 тысяч человек^[465].

РПД в своей программе требовало установления в стране социалистического строя. Фактически профсоюзы шли за коммунистами, хотя формально в руководстве РПД были представлены все партии Национального фронта.

Ведущая роль компартии в профсоюзах объяснялась просто – 25 % членов РПД в Чехии были коммунистами, в то время как национальные социалисты и народники вместе взятые представляли только 6,6 % членов, а социал-демократы – 4,4 %^[466]. В Словакии в руководящих органах РПД вообще не было ни одного представителя демпартии.

Заводские советы, образованные профсоюзами в 1945 году на всех крупных и средних предприятиях, стали играть важную роль в управлении, особенно на конфискованных и национализированных заводах и фабриках. Советы явочным порядком брали на себя управление конфискованными или брошенными бежавшими коллаборационистами предприятиями.

В Словакии заводские советы стали возникать еще в начале 1945-го. В них доминировали коммунисты. К октябрю 1945 года в Словакии было уже 950 заводских советов^[467].

В чешских землях после мая 1945-го было создано более 12 тысяч заводских советов. Здесь между партиями развернулась острая борьба за преобладание в этих органах, которые фактически контролировали всю хозяйственную деятельность на большинстве предприятий страны. И все

же коммунисты благодаря своей монолитной организации и большому количеству рабочих, членов партии, доминировали в большинстве заводских советов.

Выборы в заводские советы признавались легитимными лишь в том случае, если в них участвовали не менее 80 % членов трудового коллектива того или иного предприятия, одобрявших состав совета. Обычно все партии Национального фронта выставляли от имени РПД единый (и единственный) список кандидатов. Весной 1947 года недовольные «засильем» коммунистов в заводских советах национальные социалисты прибегли к следующей, довольно лицемерной тактике: ЧНСП одобряла единый список кандидатов и одновременно призывала своих сторонников голосовать, но писать в бюллетенях «не согласен». Таким образом, национальные социалисты хотели сорвать выборы, лишив заводские советы требуемой поддержки 80 % трудовых коллективов. Однако ЧНСП просчиталась: на трех четвертях предприятий заводские советы были избраны большинством более чем 80 % голосов, а на всех остальных списки РПД все равно получили большинство^[468].

Весной – летом 1945 года заводские советы не имели каких-либо нормативных актов, на которые могли бы опираться в своей деятельности, и руководствовались установками РПД. Например, уже 12 мая 1945 года РПД постановил, что заводские советы должны осуществлять обязательный контроль над производством на каждом предприятии. Советы получили право контролировать всю коммерческую документацию предприятий (чем фактически была отменена коммерческая тайна). Органы управления всех предприятий должны были предъявлять по первому требованию совета любой документ, касающийся производства и реализации продукции.

Но главной функцией советов в первые месяцы после освобождения была «национальная чистка». С предприятий удалялись все, включая владельцев, кто был замешан в коллаборационизме. В случае конфликта с администрацией спор передавался на рассмотрение Центрального совета профсоюзов (руководящего органа РПД).

Запотоцкий так описывал задачи заводских советов: «Мы боролись, боремся и будем бороться за то, чтобы капиталисты не были единственными хозяевами и владельцами на производстве и в экономике. Заводские советы для нас – это органы, которые не овладевают и не управляют производством, а контролируют его, чтобы оно отвечало экономическим интересам общества, чтобы в нем не господствовали исключительно частные предприниматели и чтобы оно не управлялось и не

использовалось ими только во имя собственного процветания и прибылей»^[469].

Профсоюзам удалось добиться также паритетного участия рабочих в центральных организациях, ранее бывших вотчиной предпринимателей, – Союзе чешских банков и Союзе чешской промышленности. Причем даже кандидатуры самих предпринимателей в руководящие органы этих объединений должны были отныне предварительно согласовываться с профсоюзами. Уполномоченные профсоюзов заняли места в правлениях всех банков, страховых компаний и акционерных обществ.

Следует подчеркнуть, что идеи контроля и участия рабочих в управлении предприятиями полностью разделяли как социал-демократы, так и национальные социалисты. Один из бывших деятелей ЧСНП Фратишек Клатил в своих воспоминаниях прямо признается, что никакой четкой экономической программы у партии в мае 1945 года не было^[470]. Но «...партия в своей экономической политике исходила из социалистических принципов. Нельзя, чтобы собственник предприятия, на котором основной движущей силой являются рабочие, был лишен результатов своего труда. Но вдвое хуже, если результаты и прибыль коллективной работы, работы множества рук, принадлежат только ему...»

Орган народной партии «Лидова демокрацие» писал: «Заводские советы стали важным и неизбежным фактором в формировании нашего государства. Это действительность, и ее нужно признавать»^[471].

Деятельность заводских советов, естественно, подвергалась критике со стороны предпринимателей. Они требовали от президента и правительства ограничить полномочия советов. Правые газеты писали о «диктатуре», которая мешает развитию производства. Например, орган ЧНСП «Свободне слово» писал: «Нет настоящей необходимости, чтобы заводские советы решали все сами...»^[472]

В то же время официально ЧНСП поддерживала не только заводские советы, но и сам принцип профсоюзного единства. В отчетном докладе 14-му съезду партии, прошедшему в 1947 году, говорилось: «В настоящее время наши заводские организации проходят нелегкую проверку на прочность. На выборах в профсоюзные группы РПД они добиваются значительных успехов. Не то чтобы мы хотя бы в какой-то малости отошли от принципа единой профсоюзной организации. Руководство партии неоднократно и решительно выражало свое одобрительное отношение к профсоюзному единству...»^[473] Единственное, что заботило ЧНСП, – это падение собственного влияния в профсоюзах, несмотря на победные

реляции с мест, и рост популярности там коммунистов.

Необходимо отметить, что идеи национализации и участия рабочих в управлении частными предприятиями в то время владели умами не только чехов и словаков, но и французов, итальянцев, немцев и англичан. Например, лейбористское правительство Эттли в Англии осуществило после 1945 года масштабную национализацию в стране. Были переведены в собственность государства все угольные шахты (1947 г.), железные дороги (1948 г.) и вся черная металлургия (1949 г.).

Аналогичные процессы происходили в Италии и во Франции. В западных землях Германии только прямое вмешательство американских и британских оккупационных властей помешало национализации тяжелой промышленности в Северном Рейне – Вестфалии и Гессене.

Лидер КПЧ Готвальд так описывал соотношение классовых сил в конце 1945 года: «Мы одни править не можем, и они (буржуазия – *Прим. автора.*) одни также не могут править. Они не могут править без нас, а мы – без них, при этом они в большей степени не могут без нас, чем мы – без них».

Коммунисты опирались на новые органы местной власти – национальные комитеты, – созданные явочным путем (но по согласованию с правительством) в ходе освобождения Чехословакии от гитлеровцев.

До конца войны было образовано 4850 комитетов. В национальных комитетах до мая 1946 года на паритетных началах были представлены все партии Национального фронта. Национальные комитеты провели массовую чистку всего госаппарата от коллаборационистов. При этом «пострадали» главным образом ЧНП и демпартия, в рядах которых было много тех, кто сотрудничал с оккупантами.

Временный поверенный в делах США в ЧСР отмечал в июне 1945 года «поразительные успехи» в быстром наведении общественного порядка в стране, признавая, что это в большей степени является заслугой национальных комитетов^[474]. В то же время американский дипломат считал, что контролируемые коммунистами национальные комитеты в определенной мере сковывают деятельность правительства, вынужденного с ними считаться: «Очевидно, что коммунистов в местных и федеральных органах власти больше, чем то было бы оправдано популярностью партии».

Однако численность коммунистов в комитетах объяснялась просто: туда выбирали лиц, активно участвовавших в Сопротивлении или арестованных нацистами, а среди таковых большинство были членами компартии. В Чехии коммунистами были 35 % членов национальных комитетов всех уровней, в то время как народники и национальные

социалисты вместе представляли 33,8 % членов. Среди председателей национальных комитетов было 46,6 % коммунистов, а остальные чешские партии располагали 40,6 % председательских постов^[475].

Например, в возникшем в конце апреля 1945 года национальном комитете главного города Моравии Брно у КПЧ было 12 мест (из 30), у ЧСДП и ЧНСП – по шесть, у народников – четыре, а два места получили беспартийные^[476]. Мэром Брно стал коммунист Владимир Матула. Однако уже в образованном 12 мая 1945 года Моравском земском национальном комитете у всех партий было равное представительство, и председателем этого органа стал национальный социалист. Национальный комитет Брно в июне 1945 года был расширен до 90 членов, и все партии Национального фронта имели в нем равное количество мест.

В Словакии в большинстве национальных комитетов у коммунистов было более половины голосов.

При выборе делегатов от партий во Временное Национальное собрание были одновременно избраны районные и земские национальные комитеты (Чехия делилась на «земли» – собственно Чехию и Моравию-Силезию).

Национальные комитеты фактически уничтожили прежнюю систему управления в ЧСР, при которой местные административные органы назначались сверху, из Праги. Впервые в истории страны сложилась реальная система местного самоуправления населения.

31 октября 1945 года в беседе со Стейнхардтом Бенеш с сожалением заметил, что созыв Временного Национального собрания не позволил ему, как он того желал, реорганизовать правительство и ослабить там влияние коммунистов^[477]. Ведь партии Национального фронта договорились, что до выборов в парламент все изменения в кабинете будут происходить на условиях консенсуса между всеми правительственными партиями. Особенно эмоционально Бенеш жаловался на министра информации коммуниста Копецкого, который стал-де простым инструментом в руках Москвы, в то время как остальные министры-коммунисты – патриоты Чехословакии. Сразу же после выборов в парламент он, Бенеш, позаботится о том, чтобы министром информации стал умеренный деятель, а все министерство будет подвергнуто чистке.

В 1945 году в соответствии с Кошицкой программой были распущены полиция и жандармерия, активно служившие нацистам. Но на деле большинство сотрудников этих органов в чешских землях продолжили свою службу и после 1945-го.

30 июня 1945 года была создана единая служба полиции и органов безопасности – Служба, а затем Корпус национальной безопасности (КНБ), в рядах которого отнюдь не преобладали бывшие партизаны и борцы сопротивления (их было принято около 12 тысяч) – в массе своей коммунисты и сочувствующие. Кроме того, в КНБ брали военнослужащих чехословацких частей времен Второй мировой войны, а также тех, кто вернулся из нацистских концлагерей. Набор молодых людей в КНБ осуществлялся при помощи местных организаций КПЧ (так как у коммунистов была самая развитая сеть местных организаций), хотя, естественно, своих кандидатов в корпус проводили и представители других партий Национального фронта.

На 23 февраля 1946 года среди служащих КНБ насчитывалось 64 % бывших сотрудников полиции времен протектората и только 36 % были приняты после 9 мая 1945-го^[478].

Все организационное и политическое строительство корпуса осуществлялось на основе положений, единогласно утвержденных правительством 17 апреля 1945 года.

Корпус объединял функции обычной полиции, разведки и контрразведки, паспортной службы, а также имел специальное подразделение по охране президента и правительства. В корпус принимали и бывших полицейских, прошедших чистку, которую осуществляли национальные комитеты. В ходе чистки отсеивались те сотрудники старой полиции, которые были запятнаны активным сотрудничеством с оккупантами. После чистки на работу вернулись 25 тысяч бывших полицейских, 6 тысяч из которых были коммунистами и сочувствующими. К февралю 1948 года из 17 руководителей областных управлений корпуса в чешских землях 12 были коммунистами. Но в Праге и Словакии корпусом руководили представители некоммунистических партий.

К октябрю 1945 года в органах госбезопасности и полиции работали 34396 сотрудников^[479]. Земские (то есть региональные – Чехия, Моравия и Словакия) управления Корпуса национальной безопасности учреждались при земских национальных комитетах и состояли из четырех отделов: 1-й отдел (кадры, администрация, госбезопасность, криминальная полиция), 2-й отдел (разведка), 3-й отдел (юридические вопросы), 4-й отдел (транспорт).

Земскому управлению КНБ в Праге (Чехия) подчинялось 17 областных управлений, моравскому земскому управлению в Брно – пять областных управлений. В Моравии было еще и отделение земского управления в

Острове (два областных управления).

Если в 1945 году существовало 2915 местных отделений КНБ, то в 1947-м их количество было сокращено до 1141.

У Корпуса национальной безопасности имелся и свой полк (12 рот, 1500 человек, аналог внутренних войск), учрежденный после войны и сформированный из новых сотрудников. Среди командиров полка было много офицеров армии и довоенных сотрудников полиции. Главной задачей полка была борьба с нацистским вооруженным подпольем («вервольфом») среди немецкого населения Чехословакии. На вооружении полка состояло трофейное немецкое оружие (из арсеналов Африканского корпуса Роммеля), а от СССР было получено более 1000 автоматов. С июля 1945 года полк дислоцировался в северных и северо-западных пограничных районах, где проживало немецкое население.

В начале 1946 года полк был реорганизован в Пограничные части КНБ (SNB 9600).

Обычная полиция окончательно перешла в состав КНБ в ноябре 1947 года.

В 1947-м также решено было организовать вместо областных районные отделения КНБ, территориальная сфера деятельности которых совпадала с округами районных судов.

К концу 1945 года на вооружении органов госбезопасности находилось 24019 винтовок, несколько сотен пистолетов, 46 тяжелых и 643 легких пулемета, а также 7143 автомата и 11732 ручные гранаты^[480].

С лета 1947 года правые партии в парламенте, особенно национальные социалисты, стали подвергать органы госбезопасности массированным атакам за то, что они якобы полностью «коммунизованы», то есть находятся в руках КПЧ. Конечно, среди офицеров и рядового состава большинство действительно либо были членами партии, либо симпатизировали коммунистам. Но среди 53 руководящих сотрудников МВД, которые реально принимали самые важные решения, коммунистами являлись лишь 23.

Летом 1946 года, к большому неудовольствию ЧНСП и народников, в органах безопасности возникла «комиссия F», которая должна была изучать поведение политических и общественных деятелей во время оккупации. Правые партии видели в этой комиссии инструмент, с помощью которого коммунисты якобы хотели собрать компромат на своих политических конкурентов^[481].

Для судов над коллаборационистами в 1945 году в Чехии было

организовано 24 чрезвычайных народных суда. Эти суды были учреждены декретом Бенеша еще в январе 1945-го и одобрены решением правительства от 4 июня. Сначала декрет должен был действовать только один год, но два раза продлевался и потерял силу лишь 4 мая 1947 года.

Чрезвычайные суды располагались в зданиях обычных судов. Термин «чрезвычайный» обозначал их временный характер: они должны были закончить работу в течение года. Термин «народный» означал, что помимо одного профессионального судьи в составе суда было четверо «лиц из народа», которых назначали национальные комитеты.

Декрет Бенеша определял в целом одиннадцать составов преступления в рамках коллаборационизма, которые были разделены на четыре категории: преступления против государства, преступления против личности, преступления против собственности и доноительство. Нарушением закона считалось членство в СС, СА и судетонемецком «фрайкоре»^[482] в 1938 году.

Для рассмотрения дел наиболее видных коллаборационистов (членов правительства протектората, руководства протекторатных профсоюзов, молодежного кураторства Моравца и Чешской лиги борьбы против большевизма, видных общественных деятелей, журналистов и предпринимателей) еще одним декретом Бенеша был учрежден Национальный суд в Праге. Национальный суд мог выносить помимо обычных и моральные приговоры, констатируя, что тот или иной человек в 1939-1945 гг. вел себя не как достойный гражданин ЧСР.

Национальный суд рассмотрел 36 дел против 80 человек, но только в трех случаях он выступал как «моральный суд». Первый процесс был проведен против генерала протекторатной полиции Ото Благи 15 января 1946 года. Вместе с другим генералом Робертом Рихтрмоцем Национальный суд приговорил его к смертной казни.

Наконец, еще одним декретом президента местным органам власти (национальным комитетам) давалось право наказывать граждан за мелкие преступления «против национального достоинства». Национальные комитеты могли осудить гражданина на лишение свободы сроком до года или приговорить его к выплате штрафа до миллиона крон за «непристойное поведение, унижающее национальное достоинство чешского или словацкого народа».

Суды могли не только назначать различные сроки лишения свободы, но и конфисковывать собственность осужденных и направлять их самих в трудовые лагеря на перевоспитание.

По декрету Бенеша суды не имели права приговаривать к срокам менее

пяти лет, что иногда приводило к парадоксальному результату: не желая отправлять человека в тюрьму за мелкие преступления, суды их оправдывали.

В Чехословакии и до войны существовала смертная казнь за особо тяжкие виды преступлений, например, за измену родине. Декрет Бенеша приравнивал коллаборационизм к измене родине в военное время, и поэтому суды могли выносить и смертные приговоры. Новацией по сравнению с домюнхенским временем было то, что суд мог приговорить к публичному повешению. Считалось, что публичная казнь оказывает правильное психологическое воздействие на население, так как демонстрирует гражданам свершение справедливости в отношении прислужников нацистов.

Правда, после негативной реакции на Западе – там возмущались, что казни наблюдали и дети, – 14 сентября 1945 года было принято решение отныне проводить публичные казни в тех местах, где за ними не могли бы следить случайные зрители. Но по-прежнему присутствовать при публичной казни мог любой – надо было лишь предъявить документ, подтверждавший достижение возраста 18 лет.

По декрету Бенеша смертный приговор должен был приводиться в исполнение в течение двух часов после его вынесения^[483]. Приговоренный мог просить президента о помиловании, но на сроке исполнения приговора это никак не сказывалось, – то есть президент должен был получить и рассмотреть просьбу в течение двух часов. Ясно, что на практике это было невозможно. Публичная казнь совершалась в течение 24 часов после вынесения приговора.

Новым моментом по сравнению с довоенным временем был приговор о лишении «гражданского достоинства», что означало поражение в политических правах – запрет участвовать в выборах и занимать выборные должности.

Из общего количества осужденных 53 % были немцами, 43 % – чехами^[484]. Наиболее часто предъявляемыми обвинениями были членство в объявленных Нюрнбергским трибуналом преступными организациях (СС, гестапо), членство в чешских фашистских организациях (например, в «Влайке»), доноительство. Последнее было наиболее частым составом преступления среди чехов, а немцев, как правило, судили именно за членство в преступных организациях.

Когда началось организованное выселение немцев из ЧСР, в Германию отправляли даже уже осужденных народными судами лиц, которые таким

образом де-факто избегали наказания. Дртина объяснял это тем, что «государственный интерес в выселении» выше, чем такой же интерес государства в наказании немцев.

Бенеш настоял на том, что простое членство в органах власти протектората (например, в правительстве) не является составом преступления. По личному указанию президента были подготовлены материалы о связях президента протектората Гахи и председателя правительства Элиаша с лондонским эмигрантским центром, чтобы представить Гаху чуть ли не борцом Сопротивления. Причем обеляющие Гаху материалы Бенеш представил в виде своего личного письма.

Напротив, в Словакии при активной поддержке того же Бенеша обвинения в коллаборационизме предъявили всем бывшим членам местного правительства. СНС сам издал 15 мая 1945 года распоряжение о преследовании нацистских преступников и коллаборационистов. Причем в Словакии председателем чрезвычайного суда мог быть и не профессиональный судья.

Главным символом чешского коллаборационизма («чешским Квислингом») был министр просвещения Моравец, но он покончил жизнь самоубийством 5 мая 1945 года. То же самое сделал и президент протектората Гаха. Поэтому Национальный суд в Праге рассматривал дела других членов правительства протектората (Крейчи, Бинерт, Грубы, Каменички и т. д.), а также судил двух бывших премьеров довоенных правительств Берана и генерала Сыровы.

Например, Сыровы (участник Гражданской войны в России на стороне Колчака) был премьером с сентября по ноябрь 1938 года и руководил выполнением условий Мюнхенского соглашения. Но 20 лет тюрьмы он получил за свой приказ в бытность министром обороны 14 марта 1939 года: Сыровы приказал чехословацкой армии не оказывать сопротивления вторгшемуся на территорию ЧСР вермахту. Кроме того, суд припомнил Сыровы и то, что он подал руку Гитлеру, когда тот прибыл в марте 1939 года в Пражский Град. В 1960 году Сыровы был отпущен из тюрьмы по амнистии.

Лидер Аграрной партии (крупнейшей буржуазной партии довоенной Чехословакии) Беран был давним противником Бенеша, против которого он баллотировался на президентских выборах в 1935 году. После Мюнхенского соглашения объединил все буржуазные партии в одну и стал ее председателем. 15 марта 1939 года Беран как премьер-министр встречал в Праге Гитлера, командующего силами вторжения вермахта генерала Бласковица и имперского протектора фон Нейрата. С этого же дня занимал

ту же должность, но уже в протекторате Чехия и Моравия. В апреле 1939 года Беран был смнен на своем посту генералом Элиашем, после чего уехал в свое имение.

В июне 1941 года Беран был арестован немцами и в апреле 1942-го приговорен народным трибуналом в Берлине к 10 годам тюремного заключения и штрафу в размере миллиона марок за подстрекательство к измене. В августе 1943 года Берана перевели в тюрьму Панкрац в Праге. В сентябре 1943 года государственный министр по делам протектората Богемии и Моравии обергруппенфюрер СС Франк потребовал от Берана окончательного и точного ответа на ряд вопросов политического характера: отношение к президенту Бенешу, оценка чехословацко-советских отношений и др. После того как Беран письменно ответил на восемь поставленных вопросов, он в декабре 1943 года был выпущен из тюрьмы и вернулся в имение, где занимался хозяйством до конца войны. 19 мая 1945 года Беран был арестован по обвинению в антинародной деятельности и сотрудничестве с гитлеровским режимом. В апреле 1947 года суд приговорил его к 20 годам заключения и конфискации имущества. Беран умер в заключении в 1954 году.

Беран был гораздо менее опасным преступником, чем тот же Гаха, которого всячески старался выгородить Бенеш. Однако поскольку он являлся главным политическим конкурентом Бенеша в довоенное время, президент ЧСР настоял не только на осуждении Берана, но и на роспуске Аграрной партии, изрядная часть электората которой перешла к ЧНСП. При этом на Западе многие до сих пор почему-то считают Берана «жертвой коммунистического произвола».

Рихард Бинерт (последний премьер правительства протектората в январе – мае 1945 года) получил всего три года тюрьмы и был выпущен после отбытия двух лет. При этом Бинерт занимал с 1942 года пост министра внутренних дел протектората и был прямым соучастником немцев в репрессиях против чешского населения.

Президент ЧСР и его окружение стремились направить гнев граждан не против чешских коллаборационистов, а против немецкого населения, поголовно и огульно официально признанного пособниками гитлеровцев. Сторонник демократии Бенеш активно поощрял самосуды и расправы над немцами в первые месяцы после освобождения, так как полагал, что в результате этих «эксцессов» запуганное немецкое население само убежит из Чехословакии в Германию.

Еще в 1945 году, находясь в эмиграции, Бенеш инструктировал подчинявшиеся ему организации Соппротивления: «Нужно, чтобы многое

мы решили сами сразу же в первые дни освобождения, чтобы как можно больше виновных нацистов убежали от нас сами из страха перед народными беспорядками против них в первые дни революции, чтобы как можно больше тех, кто как нацисты будут защищаться и оказывать сопротивление, были убиты... Кто заслуживает смерти, должен быть ликвидирован – или народной бурей, или военной силой – сразу же после переворота, в первые дни нового режима»^[485].

В мае 1945 года, впервые после возвращения выступая в Чехословакии, Бенеш публично призвал «ликвидировать» немцев и венгров в «интересах единого национального государства чехов и словаков». А член ЧНСП Прокоп Дртина (соратник Бенеша в Лондоне и будущий министр юстиции) в первой же своей речи заявил: «Мы должны немедленно, прямо сейчас, начать изгнание немцев с наших земель всеми способами, без колебаний используя любые средства»^[486].

Чрезвычайные народные суды начали свою деятельность сразу же после освобождения, но неравномерно. Все зависело от скорости, с которой национальные комитеты находили народных заседателей. Первым начал работу народный суд в моравской столице Брно, последним, в январе 1946-го, – суд в городе Хеб (районе проживания немецкого населения, оккупированный американской армией). Уже к концу 1945 года чрезвычайный суд в Брно вынес 350 приговоров.

Председателей судов назначал президент из списка кандидатов, представленного национальными комитетами.

Для подготовки материалов уголовных дел национальные комитеты весной – летом 1945 года образовали специальные «комиссии по расследованию». Обычно они состояли из лиц, преследовавшихся при нацистском режиме, поэтому среди членов комиссий, естественно, было много коммунистов. Правые партии пытались раздуть шумиху о юридической некомпетентности комиссий, и министр юстиции Странский (ЧНСП) стал назначать в них профессиональных судей.

Готвальд в начале 1946 года, выступая на съезде КПЧ, выразил неудовлетворенность результатами чистки: «...Некоторые из главных представителей прежнего предательского режима были арестованы и ждут суда. Однако в целом дело национальной чистки проводится медленно и нерешительно. У явных предателей есть много оплачиваемых и неоплачиваемых адвокатов, которые со всех сторон их обеляют. Это – опасное дело. Опасное потому, что оно противоречит здравому смыслу нации, призывающей не к мести, но к справедливому суду над теми, кто

изменял и служил врагу в то время, когда стоял вопрос о существовании нации...»^[487]

Пожалуй, главным из процессов против нацистских преступников стал процесс судетского немца Карла Херманна Франка, который после убийства Гейдриха в должности государственного министра по делам протектората и обегруппенфюрера СС фактически управлял Чехией и Моравией.

Автомобильный кортеж Франка (сам он ехал в восьмиместном «мерседесе» с прицепом, набитым продуктами и сигаретами) покинул Прагу в ночь на 9 мая, буквально за пару часов до того, как в город с севера и запада вошли первые советские танки^[488]. Никто Франку не препятствовал, так как по условиям перемирия, заключенного пражскими повстанцами с немцами, последние могли беспрепятственно покинуть чешскую столицу без тяжелого вооружения. Франк добрался до американцев, которые его арестовали и перевезли в Германию.

Чехословацкому правительству пришлось убеждать международный трибунал союзников выдать Франка, так как были предложения судить его как одного из главных нацистских преступников в Нюрнберге. В августе 1945 года Франка тайно (из опасений, что над ним свершат суд Линча) доставили в Прагу. Для маскировки из Люксембурга 7 августа 1945 года сообщили: «Американский самолет с большим чемоданом прибудет в Прагу примерно в 11:30. Подготовьте встречу чемодана». «Чемоданом» и был Франк.

Сначала бывший нацистский наместник держался уверенно – он вообще думал, что его вызвали в Прагу как свидетеля. Но когда Франка допросили про Лидице, он все понял. У Франка пропал аппетит, он стал худеть, и его даже начали усиленно кормить картофельным пюре с молоком и сладкими булочками, чтобы он вновь набрал свой обычный вес – 67 килограммов. Франк униженно просил Бенеша разрешить ему прожить остаток жизни вместе с женой и пятью детьми. Мол, «счастливая Чехословакия» должна быть великодушна, так как на ее стороне «великий русский народ»^[489].

На допросах Франк твердил то же, что и все нацисты среднего звена: он всего лишь выполнял приказ, за послушание Гитлер мог бы казнить и его самого. Характерно, что судетский немец Франк, десятилетиями живший в Чехословакии, так и не выучил чешский язык.

21 мая 1946 года чрезвычайный народный суд приговорил Франка к повешению за целый ряд преступлений: насильственное свержение

существующего строя ЧСР, членство в преступных организациях, подрыв морального, национального и государственного сознания чешского народа, насильственная германизация, шантаж, убийство граждан республики, принуждение их к труду в Германии, использование чешской промышленности в военных целях Германии и т. д.

Франк подал Бенешу прошение о помиловании, но никакой реакции на него не последовало. На эшафоте в тюремном дворе бывший наместник попросил снять с него наручники, и последнее желание приговоренного удовлетворили. Казнь наблюдали семь жительниц Лидице, вернувшихся из концлагерей. Последние слова 48-летнего Франка были примерно такими: «Хотя я и умираю, Германия, немецкий народ и немецкий дух должны жить». В 13:37 22 мая 1946 года его жизнь оборвалась на виселице^[490].

В Словакии с коллаборационистами высшего звена разбирались куда как более сурово, чем в Чехии. И это происходило под давлением Бенеша, который видел в деятелях словацкого марионеточного правительства 1939-1945 гг. не пособников нацистов, а главным образом сепаратистов. Жестокая расправа над ними призвана была раз и навсегда отучить словаков от мысли о создании собственного государства. Как уже упоминалось, Бенеш еще в 1943 году в беседе со Сталиным говорил о желательности «повесить» всех руководителей словацкого государства, что у Сталина одобрения не вызвало.

На смертную казнь были осуждены командующий военными отрядами Глинковской гвардии Отомар Кубала, шеф словацкой госбезопасности Старинский и председатель словацкого марионеточного правительства Тука.

Президент Словакии Тисо был выдан ЧСР американцами. Его процесс бывшие сторонники людацкой партии (которые в 1946 году начали активно вступать в ряды словацких демократов) стали использовать для раздувания античешских настроений. Компартия Словакии требовала для Тисо смертной казни, и демократы подспудно выставляли коммунистов агентами Бенеша и сторонниками «чехословакизма». Бенешу падение популярности словацких коммунистов было только на руку, ведь его собственная партия ЧНСР в Словакии не действовала.

Процесс над Тисо начался в ноябре 1946 года. 15 апреля 1947-го Национальный суд приговорил его (и заочно бывшего министра иностранных и внутренних дел Фердинанда Дурчанского, скрывшегося в Аргентине при помощи Ватикана) к смертной казни. Тисо подал на имя Бенеша прошение о помиловании, но оно было отвергнуто. Характерно, что при голосовании в правительстве ЧСР за помилование Тисо выступили

только словацкие демократы (шесть человек), в то время как 17 представителей всех других партий были за приведение смертного приговора в исполнение. Странно, правда, что демпартия не вынесла предложение о помиловании Тисо на заседание президиума Словацкого национального совета. Вероятно, демократы хотели казнить Тисо руками «чехов из Праги», чтобы в очередной раз разыграть в Словакии античешскую карту.

В пятницу 18 апреля 1947 года в 5:30 утра Тисо был повешен во дворе Дворца юстиции в Братиславе без присутствия общественности. Бенеша осудил «за жестокость» не только Ватикан, но и официальный орган демократической партии газета «Час» («Время»). Из-за резких нападок на президента несколько номеров «Часа» даже было конфисковано по решению правительства ЧСР. В Словакии появились подпольные листовки, требовавшие проведения референдума о независимости Словакии и призывавшие к борьбе против «жидоболыпевиков». Бенеша в этих листовках именовали «большевистским холуем»^[491].

Проходивший по делу вместе с Тисо и Дурчанским бывший министр внутренних дел Сано (Александр) Мах получил 30 лет, позднее срок был сокращен до 25. Он был амнистирован президентом Чехословакии Людвиком Свободой в 1968 году по случаю 9 мая – Дня освобождения Чехословакии. Жил на даче и писал мемуары, умер в 1980-м в Братиславе. Мах был лучшим и при этом самым антикоммунистически настроенным оратором людацкой партии. Он говорил, что не может считаться словаком тот, кто не является другом рейха. Членов Глинковской гвардии Мах призывал сдать властям как минимум по два-три неблагонадежных человека из их окружения. Мах был ярым антисемитом и организовывал «аризацию» имущества уничтожаемых в лагерях смерти евреев.

Интересно, что во время сталинистских репрессий в ЧСР в конце 40-х – начале 50-х годов из Маха тщетно пытались выудить показания против лидеров компартии Словакии, обвиненных тогда в «буржуазном национализме» (например, против будущего президента ЧССР Густава Гусака).

Дурчанский бежал в 1945 году во французскую зону оккупации Германии, затем в 1947-м – в Аргентину, откуда в 1952 году вернулся в ФРГ. Американцы быстро нашли Дурчанскому применение: вместе с бандеровцами из ОУН он стал одним из основателей созданного ЦРУ Антибольшевистского блока наций (АБН) и председателем словацкого комитета АБН. Американцев не смутило, что именно Дурчанский был одним из главных идейных вдохновителей депортаций словацких евреев в

нацистские лагеря уничтожения^[492]. Он находился в списке военных преступников ООН, и ЦРУ, которое в 1951 году завело на него специальное досье, это прекрасно знало. Тем не менее, в 1959-м Дурчанский, открыто живший тогда в Мюнхене, без проблем получил американскую въездную визу, что вызвало возмущение Израиля, и выступил в США с курсом антикоммунистических лекций.

В 1946 году Дурчанский стал председателем основанного им же в Риме Словацкого комитета действия, который он называл правительством словацкого государства в изгнании.

В августе 1946 года все министры иностранных дел великих держав (включая Молотова), которые обсуждали в Париже условия мирных договоров с сателлитами Германии, получили официальный меморандум комитета, подписанный Дурчанским. В нем говорилось, что Чехословакия появилась на карте мира в 1918 году по ошибке Антанты, а до этого чехи и словаки никогда не жили вместе. Теперь же союзники, мол, повторяют эту ошибку: «В современной истории не имеется примера того, чтобы побежденная нация была лишена своей политической независимости. Теперь этот принцип нарушается в отношении словаков, которые должны быть принесены в жертву Чехословакии, присоединившей их против воли с помощью Красной армии. Ввиду того, что Словацкая Республика не прекратила своего существования с точки зрения международного права, ее следует рассматривать как оккупированную территорию... Необходимо, чтобы мир понял, что Чехословакия потеряла всякие естественные предпосылки считаться государством и не имела никаких естественных причин для существования. Почему должно вновь существовать государство, которое является плодом политической игры, обмана международного мнения и вмешательства союзных держав?

Словаки никогда не считали и не будут считать Чехословакию своим собственным государством... Желание словацкой нации быть независимой непоколебимо... Словаки, сегодня ненавидящие Чехословакию больше, чем когда-либо, сделают все возможное для того, чтобы сбросить с себя государственную власть, под которую они подпали. Чехословакия в действительности является искусственным созданием, препятствующим сотрудничеству государств в Центральной Европе»^[493].

Обращает на себя внимание практически полное текстуальное совпадение оценки Чехословакии как якобы искусственного государства со стороны Дурчанского и Гитлера.

После ликвидации в ЧССР социалистического строя на родине

Дурчанского в апреле 2011 года был поставлен памятник в виде бюста, что вызвало возмущение международных правозащитных организаций. В августе 2011-го ветераны Словацкого национального восстания и антифашисты в знак протеста обернули бюст туалетной бумагой.

Чрезвычайные народные суды в Словакии работали дольше, чем в Чехии, – до 31 декабря 1947 года.

После прихода к власти коммунистов в феврале 1948 года преследование коллаборационистов было возобновлено, а окончено – фактически в конце того же 1948 года. В 1955-1956 гг. большинство коллаборационистов были амнистированы и отпущены из мест заключения.

Всего в Чехии чрезвычайные народные суды осудили за коллаборационизм 30 142 человека, в том числе 778 – к смертной казни и 741 – к пожизненному заключению. 24763 человека получили различные сроки лишения свободы. В 802 случаях было решено воздержаться от наказания. 11654 осужденных были направлены в трудовые лагеря, что считалось более мягкой мерой, чем присуждение к отбыванию наказания в обычной тюрьме^[494]. Следует учесть, что среди осужденных в Чехии половину составляли немцы.

В Словакии, где населения было примерно вдвое меньше, чем в Чехии, обвинения в коллаборационизме предъявили 20 550 лицам, из которых 8055 были осуждены (по другим данным – 8962 человека, в том числе 2815 словаков, 1095 немцев и 4946 венгров). Было вынесено 65 смертных приговоров, из которых привели в исполнение 29. Примечательно, что самые мягкие приговоры выносились после прихода коммунистов к власти в феврале 1948 года^[495].

Всего после 1945 года в тюрьмах оказались более 500 высокопоставленных деятелей словацкого государства периода 1939-1945 гг. В Чехии Бенеш с коллаборационистами так сурово не обходился. До конца 1946 года чрезвычайные народные суды рассмотрели в Чехии 25 000 дел, в том числе 8500 – против чехов и 15 500 – против немцев. К смертной казни были приговорены 430 человек, к пожизненному заключению – 526. 16 300 осужденных получили в совокупности 180 тысяч лет тюрьмы. 512 обвиняемых были признаны невиновными^[496].

Новая чехословацкая армия формировалась на основе 1-го Чехословацкого армейского корпуса генерала Свободы, однако среди высшего офицерства преобладали сторонники Бенеша и ЧНСП. Это объяснялось традиционным авторитетом президента как верховного

главнокомандующего. К тому же среди офицеров было много кадров из довоенной армии, настороженно относившихся к СССР и коммунистам. В целом армия, в отличие от Корпуса национальной безопасности, была в 1945-1948 гг. скорее политически нейтральной силой.

Армией руководил специально созданный Военный совет правительства, на заседаниях которого по очереди председательствовали вице-премьеры Готвальд (КПЧ) и Йозеф Давид (ЧНСП). Все решения совета подлежали утверждению самого правительства или его президиума^[497]. Совет работал фактически до осени 1945 года и был по решению правительства формально распущен в январе 1946-го.

Коммунисты стремились к тому, чтобы увеличить в армии количество офицеров-словаков, которых до войны дискриминировали в пользу чехов. Например, в домюнхенской армии из 131 генерала был только один словак, но зато три русских белогвардейца-эмигранта. Среди 430 полковников словаков не было вообще, но присутствовали восемь немцев и один русский белогвардеец. Среди 1029 подполковников было 35 немцев, 10 белогвардейцев и только три словака^[498].

Еще в годы войны один из ближайших сторонников Бенеша член руководства ЧНСП Рипка заявил: «...наша армия будет управляться по принципам военной доктрины победоносной Красной армии и по ее образцу создаст свою организацию, вооружение и оснащение, а также обучение»^[499]. После 1945 года чехословацкая армия должна была состоять из 16 дивизий, отдельного танкового корпуса и артиллерийской дивизии, однако формирование армии сдерживалось недостатком финансовых средств.

Основой армии, к неудовольствию Бенеша и некоммунистических партий Национального фронта, стал 1-й Чехословацкий армейский корпус, созданный в СССР, который 15 мая 1945 года был реорганизован в 1-ю чехословацкую армию. 25 мая были одобрены основные организационные направления строительства вооруженных сил, разработчики которых опирались на соответствующие документы Красной армии.

Территория страны была разделена на четыре военных командования (центры в Праге, Брно, Таборе и Братиславе), которые в случае мобилизации развертывали по одной общевойсковой армии в составе двух корпусов и артиллерийских и танковых частей усиления. Каждый корпус состоял из двух пехотных дивизий; из общего количества пехотных дивизий предполагалось создать пять горнострелковых.

Авиация должна была состоять из четырех дивизий смешанного типа.

Основу их личного состава образовали чехословацкие летчики, служившие во время войны в Англии.

Однако ввиду острой нехватки средств уже 1 октября 1945 года было решено, что часть дивизий новой армии будут кадрированными, то есть неполного состава. Штатный состав пехотной дивизии был снижен на 30 % – до 10 712 человек.

С самого начала офицеры-коммунисты доминировали среди политработников – в Чехии 90 % политработников были членами КПЧ, в Словакии практически 100 % – членами КПС^[500].

Компартия активно поддерживала после мая 1945 года набор в армию новых офицеров-политработников из числа бывших партизан и борцов Сопротивления. Только 5,3 % из таких офицеров, набранных в 1945-м, были из состава бывшей чехословацкой бригады в Англии, 34,1 % – из рядов 1-го чехословацкого корпуса в СССР. 60 % были участниками Сопротивления. Почти все новые офицеры-политработники являлись коммунистами.

Как коммунисты, так и другие партии Национального фронта, прежде всего национальные социалисты и словацкие демократы, пытались организовать в вооруженных силах свои первичные партийные организации, поскольку после войны солдатам и офицерам уже разрешалось заниматься политической деятельностью.

Однако КПЧ уже 3 июля 1945 года приняла решение не организовывать свои ячейки непосредственно в частях: армейские коммунисты должны были работать в местных организациях партии в населенных пунктах, где дислоцировались воинские части. При Военной комиссии ЦК КПЧ было создано армейское партийное руководство, которое координировало деятельность коммунистов в вооруженных силах. В областях были так называемые партийные доверенные лица, которые руководили работой доверенных лиц в дивизиях. Как всегда, коммунисты были впереди других партий в том, что касалось организации и дисциплины в своих рядах.

Бенеш настаивал на прекращении любой партийной деятельности в армии, особенно в сфере политического просвещения. Этому вторил и министр обороны Свобода, утверждая, что «армия должна быть над партиями» и примером такого поведения должны служить высшие офицеры^[501]. Выступая в Национальном собрании, Свобода подчеркнул, что чехословацкая армия в одинаковой мере использует опыт времен Второй мировой войны как Красной Армии, так и западных союзников^[502].

Принимая в марте 1947 года министра обороны Свободу, начальника генерального штаба Бочека, председателя комитета по делам обороны Национального собрания Сланского (генерального секретаря ЦК КПЧ) и госсекретаря министерства обороны Лихнера, Бенеш подчеркнул, что идейной основой армии должны быть «заветы» чехословацких легионеров времен Первой мировой войны. (Эти легионеры в России, как известно, активно сражались против Красной армии в годы Гражданской войны).

Было достаточно сложно идеологически совместить «заветы легионеров» с ориентацией на Советскую армию в вооружении и военной доктрине после 1945 года. В газетах и журналах министерства обороны ЧСР время от времени появлялись статьи, которые компартия критиковала как антисоветские.

Например, бои чехословацких легионеров против Красной армии в 1918 году в одной из таких статей оправдывали тем, что Красная армия того времени была «троцкистской», так как Троцкий был председателем Реввоенсовета Советской России. В статье, посвященной второй годовщине нападения гитлеровской Германии на СССР, советско-германский договор 1939 года о ненападении представляли «хитростью обеих сторон». Фактически авторы в обоих случаях пытались как-то «оправдать» советского союзника, но, с точки зрения коммунистов, делали это неуклюже и бездарно.

Части армии принимали участие в выселении немцев, а также (вместе с Корпусом национальной безопасности) в боях против банд украинских националистов в Словакии.

Поначалу в ЧСР об украинских вооруженных националистах знали очень мало и даже официально называли их «бендеровцами», а их главаря Степана Бандеру – «Бендером».

Организация украинских националистов (ОУН) тесно сотрудничала на территории ЧСР с нацистским подпольем (организации Wehrwolf, Guttenberg, Zeppelin). Но у оуновцев имелась в Чехословакии и собственная разведывательно-курьерская сеть, главной задачей которой было поддержание постоянной связи между отрядами бандеровцев в СССР и Польше и руководством ОУН в Мюнхене. Самые крупные части украинских националистов, к которым присоединились остатки дивизии СС «Галичина», сосредоточились в 1945 году в юго-восточной Польше^[503]. Оттуда бандеровцы уже летом 1945-го стали совершать рейды в Словакию. В августе и сентябре националисты появились в районе Дуклы. Новые рейды Украинской повстанческой армии (УПА) были отмечены в ноябре и декабре 1945 года. Бандеровцы грабили местное население и убивали

активистов компартии и евреев.

В ответ чехословацкая армия и силы госбезопасности в начале октября 1945 года провели массовую зачистку местности в районе Бардейов^[504]. Но в ноябре – декабре 1945-го бандеровцы перешли границу уже крупными силами (сотни УПА^[505] «Бровско», «Кармелюк», «Мирон», «Сокол», «Периг» и др. – всего более 500 человек). От их рук погибли 18 мирных жителей в Словакии. На некоторые деревни (Колбасов, Нооседлице, Улич и Збой) националисты нападали по семь раз. Жители стали в панике покидать свои дома. Отмечались случаи изнасилований. В Колбасове были расстреляны 11 евреев. Бандеровцы планировали также захватить лагерь с немецкими военнопленными в Кисаке, чтобы включить их в свои ряды.

Население Словакии из-за такого поведения отрядов УПА относилось к бандеровцам в целом негативно.

Сами бандеровцы утверждали, что их рейды в Словакию носят пропагандистский антикоммунистический характер. Оуновцы даже пытались устраивать в словацких деревнях танцы и политбеседы, а также распространяли антисоветскую литературу, причем листовки были на словацком языке. Иногда командиры отрядов ОУН заранее являлись в полицейские участки и предупреждали о намеченной на вечер «лекции», обязуясь воздерживаться от насилия в отношении местного населения. Бандера писал, что надо рассказать «западным народам» всю правду о СССР, а то они-де питаются слишком тенденциозной информацией. Оуновцы на лекциях часто пугали словаков грядущей войной между СССР и США, которую «москали», конечно же, проиграют.

В указаниях штаба УПА бандеровцам в Словакии ставились следующие задачи: «Оказать антикоммунистической пропагандой как можно большее влияние на население восточной Словакии... Охватить как можно больше словацких районов и познакомить население, особенно украинское, с украинским движением и его конечной целью – созданием Великой Украины... Среди словацкого населения следует прежде всего опираться на демократов (членов ДПС – *Прим. автора.*) и католиков... Необходимо подрывать авторитет народно-демократического порядка ЧСР среди словацкого населения, объяснять в дискуссиях, что означает заключение в тюрьму словацких демократов и что означает бессмысленное подрывание веры в крест. Что означает ругательство «эти большевистские лакеи» в адрес коммунистических прислужников из чистых уст католиков»^[506].

14 декабря 1945 года президиум правительства ЧСР поручил министру

обороны Свободы усилить гарнизоны в Словакии. Министру иностранных дел Масарику поручили договориться с СССР и Польшей о координации действий против бандеровцев.

Все армейские части, воевавшие с бандеровцами, примерно 2500 человек, были сведены в группу Обеспечения пограничной территории. Командование этой отдельной оперативной группой осуществлял командир 4-й дивизии чехословацкой армии Ян Сланек. Бандеровцы пытались избегать открытых боев с чехословацкой армией, так как не считали Чехословакию, в отличие от Польши и СССР, своим «историческим врагом». В конце 1945 года сотни УПА отошли обратно в Польшу.

Части УПА снова проникли на территорию Чехословакии в начале апреля 1946 года, после того, как польские войска в конце зимы 1945-1946 гг. нанесли им чувствительные удары. На этот раз границу перешли уже более 300 бандеровцев, которым удалось углубиться на 50 километров вглубь Словакии. Акцией руководил командир УПА «Рен» (Василь Мизерный, близкий соратник Бандеры)^[507].

Бандеровцы пытались массовой агитацией организовать в Словакии антикоммунистическое партизанское движение с участием бывших членов фашистской партии Глинки.

УПА вновь апеллировала к словакам, распространяя листовки «за Бога, народ и доктора Тисо»^[508], «против чешской оккупации» и организовывая деревенские собрания в словацких селах. Были листовки и на чешском языке: для солдат-чехов, которым «раскрывали глаза» на «коммунистический заговор в Праге»^[509]. Примечательно, что масштабное нападение УПА на Чехословакию произошло в завершающий период предвыборной кампании (парламентские выборы в ЧСР были намечены на 25 мая 1946 года), и бандеровцы угрозами «убеждали» словаков не голосовать за компартию^[510].

Кроме того, командование УПА решило сделать Словакию постоянной базой для отдыха своих сил, изрядно потрепанных советскими и польскими войсками. На сей раз части УПА не должны были уклоняться от боя с частями чехословацкой армии, которую бандеровцы теперь считали «коммунистической».

Командование УПА теперь требовало от сотенных командиров не затрагивать по собственной инициативе «еврейский вопрос», а если дискуссии о нем с местными жителями все же возникнут, объяснять, что ООН осуждает преступления гитлеровцев против евреев. Не рекомендовалось даже «ликвидировать» коммунистов и советских граждан,

их следовало лишь «блокировать» в населенных пунктах до отхода оттуда сотен УПА. Главный штаб УПА также приказал покупать продукты у населения и воздерживаться от любых «реквизиций». Несомненно, смена тактики была вызвана тем, что УПА начали помогать Соединенные Штаты, – отныне бандеровцам надо было выглядеть на Западе «демократами».

Чехословацкая армия оказалась неподготовленной к боям с опытными партизанскими отрядами ОУН (особенно с сотнями «Кармелюк» и «Бир», насчитывавшими более 300 бойцов), и банды УПА заняли 33 населенных пункта. Встревоженное чехословацкое правительство приказало сосредоточить в Восточной Словакии все боеспособные части 4-й армейской дивизии. Туда же были переброшены моторизованные части 3-й дивизии из Моравии.

Всего в Восточной Словакии было сосредоточено 14 пехотных батальонов, один артиллерийский дивизион и авиаэскадрилья (более 7 тысяч солдат и офицеров). Ударной частью была особая оперативная группа «Сталь» (10 рот). Командовал «Сталью» заместитель командующего 4-го военного округа полковник Ян Хершман, служивший еще в австро-венгерской армии.

16 апреля 1946 года правительство ЧСР поручило МВД и Минобороны очистить территорию Словакии от бандеровцев до конца апреля. Если раньше в борьбе против УПА участвовали только местные словацкие воинские части, то теперь было решено перебросить к ним на помощь армейские подразделения из Чехии и Моравии.

В мае 1946 года состоялись чехословацко-польские переговоры о координации усилий в борьбе против бандеровцев. Была налажена телефонная связь между частями обеих армий, стороны обменялись офицерами связи. Свои действия против УПА ЧСР и Польша координировали и с Москвой. Еще в апреле органы КНБ начали проверять всех граждан русской и украинской национальности, чтобы выявить и разгромить подпольную курьерскую сеть ОУН в Чехословакии.

Только к осени 1946-го части чехословацкой армии смогли переломить ситуацию в Словакии в свою пользу и выдавить бандеровцев обратно в Польшу. Использовалась тактика «Широкие грабли»: плотные пехотные цепи с танками непрерывно преследовали сотни УПА в течение девяти дней и лишили бандеровцев их главного преимущества – маневра мелкими группами. В сентябре 1946 года части 3-й дивизии вернулись в Моравию. Теперь вдоль польско-чехословацкой границы была дислоцирована лишь группа «Сталь»^[511].

Однако в начале 1947 года после провозглашения антисоветской доктрины Трумэна, что фактически ознаменовало старт холодной войны, УПА была уверена в скором и неминуемом начале вооруженного конфликта между США и СССР. В этом конфликте украинские националисты видели своей главной задачей удар по польской армии, в том числе и с территории Чехословакии.

Интересно, что 14 мая 1947 года, сразу же после появления бандеровцев в Словакии, американский консул из Праги вместе с главой бюро информационного агентства «Ассошиейтид Пресс» отправился в восточную Словакию с целью установить контакты с греческо-католическими священниками (на которых и опирались бандеровцы). В начале сентября 1947 года в Словакии задержали двоих незаконно находившихся там британских офицеров.

В апреле 1947-го в Словакии опять появились мелкие «пропагандистские» отряды УПА, которые похитили и зверски убили трех сотрудников финансовой стражи (таможни). 20 мая правительство ЧСР было снова вынуждено принять меры по усилению частей армии и МВД в Словакии. Ситуация осложнялась тем, что как раз в мае – июне домой возвращалось много призывников.

В июне 1947 года в Словакию вторглись три крупных бандеровских отряда («сотни»). Предполагалось, что отошедшие из Польши части УПА (разгромленные там польской армией в ходе «операции Висла») вместе с действовавшими в Словакии националистами должны пробиться через ЧСР в Австрию и Западную Германию. Активного сопротивления со стороны чехословацкой армии части УПА не ожидали.

Ввиду сложной экономической ситуации, вызванной засухой, расходы на чехословацкую армию были в 1947 году снижены. В ней не хватало 28 % офицеров и 38 % младших командиров, и лишь 12 % офицеров имело боевой опыт времен войны.

Однако из частей Корпуса национальной безопасности 13 июня 1947 года был сформирован особый пограничный полк «Словакия». В его состав вошли много коммунистов и бывших партизан. В ходе ожесточенных боев полк смог разбить крупные бандеровские сотни: «Бир», «Хрин» и «Стах», которым так и не удалось перейти границу.

Но самые опасные и боеспособные сотни УПА – «Бродич», «Бурлак» и «Хроменко» – смогли пробиться в горы центральной Словакии. Бандеровцы зверствовали, убивая коммунистов и членов народной милиции.

Для борьбы с ними были организованы истребительные армейские

батальоны «Лев», «Рысь» и «Тигр» и летучие отряды КНБ «Кобра». В августе 1947 года против бандеровцев в общей сложности было сосредоточено 5640 солдат и офицеров армии и КНБ (последних – 1339 человек)^[512].

Правительство ЧСР предписало миноброне и МВД ликвидировать бандеровцев в Словакии до конца ноября 1947 года.

Бывшие словацкие партизаны сами предложили принять участие в боях против УПА, однако поначалу армейское командование отложило решение этого вопроса «до прояснения ситуации». Но в сентябре 1947 года партизан – солдат и офицеров запаса, кроме тех, кто работал на тот момент шахтерами и строителями, – все же призвали на четырехнедельные воинские сборы. Были сформированы роты из бывших партизан, но они действовали не самостоятельно, а в составе армейских батальонов. Всем партизанам выплачивали армейское жалование, а за каждого обезвреженного бандеровца – премию 10 тысяч крон.

Выступая в начале октября 1947 года на заседании комитета по вопросам обороны Национального собрания, Свобода и уполномоченный по вопросам внутренних дел словацкого Корпуса уполномоченных беспартийный генерал Ферьенчик рассказали о проблемах, с которыми части армии и МВД столкнулись в боях с бандеровцами:

- бои шли в покрытых лесами горах, что исключало быстрый маневр крупных сил армии;

- банды УПА были хорошо обучены боям именно в лесах и ночью, имели хорошее вооружение (автоматы и пулеметы), все время находились в движении, что не позволяло быстро их окружить;

- бандеровцы были поначалу одеты в польскую и советскую форму, а на территории ЧСР быстро добыли форму финансовой стражи и полиции, что иногда вводило в заблуждение местных жителей, из-за этого не сообщавших о передвижениях бандитов^[513].

Сотня УПА «Хроменко», несмотря на ранение своего командира, которого несли на носилках, двигалась быстро и скрытно, делая переходы по ночам. В начале августа 1947 года она оказалась уже в Моравии, располагая примерно 60 бойцами, 10 легкими пулеметами и 20 автоматами.

Любые отступления от дисциплины Хроменко карал смертью. Более 70 % личного состава сотни было ликвидировано, хотя самого Хроменко его люди все же донесли до Баварии.

Командир самой опасной сотни УПА в Словакии «Бурлак» (он же Владимир Щигельский, 1920 года рождения, уроженец Львовщины) был

бойцом Украинского легиона вермахта, участвовал в ликвидации коммунистов, поляков и евреев на Западной Украине, а затем служил в немецкой полиции. Сотня УПА «Бурлак» возникла при отступлении немцев. По большей части ее составляли бывшие полицейские и каратели, которым было нечего терять. Сотня имела опыт боев против частей НКВД и польской армии.

В 1947 году боевой дух сотни «Бурлак», имевшей на вооружении 10 пулеметов, был еще очень высоким, несмотря на тяжелые бои против польской армии. 21 июня 1947 года «Бурлак» перешел чехословако-польскую границу. Он применял против преследователей тактику трех клиньев. Первый клин скрытно подходил к войскам оцепления и начинал стрельбу, чтобы вызвать панику. В это время другие два клина должны были на флангах так же скрытно обойти оцепление. После этого к ним присоединялся первый клин. Подобная тактика помогала «Бурлаку» уходить от прямых боев с частями чехословацкой армии и КНБ. В конце июля бойцы «Бурлака» у Магуры Липче нанесли большие потери неопытным курсантам офицерских школ, убив семь человек. После этого «Бурлак» разделил сотню на семь групп и приказал им самостоятельно пробиваться на Запад. Однако части КНБ и бывшие партизаны сомкнули кольцо, и четырем группам пришлось опять объединиться под командованием самого «Бурлака».

3 сентября 1947 года части госбезопасности взяли в плен «Бурлака» и его любовницу Офелию. Сдавшись, «Бурлак» написал призыв ко всем бойцам УПА последовать его примеру и сложить оружие перед чехословацкой армией. В этом случае, обещал он, оуновцев не выдадут полякам (поляки с бандеровцами не церемонились и сразу их расстреливали). Была выпущена листовка с фотографией «Бурлака»^[514]. Из примерно 100 бойцов «Бурлака» в плен было взято 53, 11 убито, 37 или 39 удалось пробиться в Баварию к американцам. Сами «бурлаковцы» убили восемь военнослужащих чехословацкой армии и трех бойцов КНБ.

На допросах «Бурлак» показал, что бандеровцы рассчитывали на антикоммунистические настроения до 80 % населения Словакии – сторонников Демократической партии: «Я предполагал, что они с симпатией отнесутся к нашему движению и не будут совершать против нас враждебные действия... Я предполагал, что и в (чехословацкой) армии и в органах ГБ будут такие же настроения, как и у гражданского населения»^[515]. «Бурлак» был потрясен, что все оказалось совсем не так.

Всего в боях с бандеровцами погибли 39 бойцов чехословацкой армии

и сил безопасности (20 – в бою, остальные от несчастных случаев, например при чистке оружия). 81 человек был ранен (22 – в боях, остальные при несчастных случаях). Пятеро – сотрудники финансовой стражи и полиции – пропали без вести. Министр обороны Свобода оценивал потери бандеровцев как минимум в два раза выше, а боевые – в три раза^[516].

В американскую зону оккупации Германии осенью 1947 года пробились отдельными мелкими группами около 120 украинских националистов. Американцы устроили для них пресс-конференцию, на которой «с возмущением» отвергли предположение журналистов, что США оказывали украинским националистам помощь в их вооруженной борьбе против Польши и СССР^[517]. Сами бандеровцы утверждали, что их «антикоммунистическая армия» насчитывает более 30 тысяч бойцов^[518]. Оуновцы говорили, что конечной их целью является Швейцария.

Интересно, что печать ЧНСП выступала за то, чтобы беспрепятственно пропустить бандеровцев на Запад, так как они, мол, безобидны. На самом деле среди бандеровцев было и несколько бывших членов словацкой гвардии Глинки, а также бойцов украинской дивизии СС «Галичина».

В 1947 году армия была реорганизована и ее численность сократилась. Планировалось, что в мирное время вооруженные силы ЧСР должны насчитывать 187 тысяч человек (в военное – 655 тысяч) в составе 16 пехотных дивизий, танкового корпуса и восьми авиадивизий. Но к февралю 1948 года армия не достигла намеченной численности. На 1 октября 1947 года в чехословацкой армии было 150 тысяч солдат и офицеров (на 1 марта 1938 года – 231 тысяча).

Центральная разведывательная группа (ЦРГ, предшественница ЦРУ) США оценивала количественный состав чехословацкой армии в 1946 году в 140 тысяч человек. СССР был готов оснастить девять дивизий и обучить в Советском Союзе чехословацких офицеров. Но в целом ЦРГ оценивала «тенденцию в сторону коммунистического доминирования в армии» как «медленную»^[519].

В мае 1947 года заведующий международным отделом ЦК ВКП (б) Суслов в докладной записке критиковал руководство КПЧ (Готвальда, Сланского, а также Свободу) за то, что коммунисты не пытаются продвинуть на руководящие офицерские должности в армии членов партии. Готвальд как председатель Совета обороны (высший орган военного руководства, возглавлявшийся по должности премьер-

министром), по мнению Суслова, не использовал свои властные полномочия для роста влияния КПЧ в армии. Министр обороны Свобода в речи перед офицерами-воспитателями (аналог политических руководителей в Советской армии) 29 апреля 1947 года ясно высказался против превращения воспитательной работы в армии в придаток коммунистической пропаганды. Суслов считал, что Свобода пытается усидеть на двух стульях: в правительстве поддерживает предложения коммунистов, а в армии проводит линию Бенеша и национальных социалистов. В частности, Суслов подозревал, что Свобода хочет заменить офицеров-политработников членов КПЧ на национальных социалистов.

Напротив, ЦРУ, анализируя успех «коммунистического путча» в Чехословакии в феврале 1948 года, оценивало Свободу как «послушный инструмент в руках коммунистов, который смог нейтрализовать армию».

Офицерский корпус послевоенной армии был довольно пестрым в политическом плане. Из 9832 офицеров и генералов домюнхенской армии, выразивших желание продолжить службу, в новую армию были приняты 7167 человек. Они составили 57,7 % всех офицеров армии ЧСР на 15 марта 1939 года. Только четверть из них в годы войны активно боролась против фашизма (485 – в заграничных частях, 457 – в движении Сопротивления на территории протектората, 856 человек были арестованы оккупантами). К концу 1945 года довоенные офицеры и генералы составляли 67,7 % офицерского корпуса новой армии^[520].

Коммунисты вели среди этой категории офицеров активную работу и смогли вовлечь в партию примерно 10 % от их числа. Многие симпатизировали КПЧ, но с оглядкой на сослуживцев боялись открыто вступить в нее.

В армию были приняты также 994 офицера армии бывшего словацкого государства. В компартию из них вступило примерно 8 %. Только треть общего числа словацких офицеров участвовала в боях против фашистов.

Министерство обороны отказалось принять в армию 5100 бывших партизан и подпольщиков, так как у них не было надлежащего профессионального военного образования. В результате в армии оказался лишь 241 человек из этой категории. Жестко отсеивали и офицеров из 1-го чехословацкого армейского корпуса в СССР: они были повышены из рядовых и младших командиров за отличие в бою, но, опять-таки, военных академий и училищ не кончали. Из 1842 офицеров корпуса Свободы в армию приняли только 508^[521]. При этом именно они имели по-настоящему ценный боевой опыт в войне против прошлого и вероятного будущего

противника – Германии.

В августе 1945 года начала свою работу Высшая воинская школа – аналог советской военной академии имени Фрунзе. Бенеш лично курировал школу с самого начала и позаботился, чтобы там работали прозападно настроенные преподаватели. Из 34 профессоров школы семь были бывшими военнослужащими чехословацких частей на Западе. Из рядов 1-го Чехословацкого армейского корпуса не было никого. Четыре профессора служили в марионеточной «армии» протектората. 18 во время оккупации занимали различные должности в органах управления. Только пять преподавателей были арестованы немцами.

Начальником школы стал бывший командующий чехословацкой бригадой в Англии генерал Лишка.

Из первого курса новой академии (277 человек), которая готовила офицеров на высшие командные и штабные должности, 125 человек (45,1 %) ранее служили в чехословацких частях на Западе, и только 6,8 % (17 человек) – в чехословацком корпусе в СССР^[522].

В 1945 году 30 чехословацких офицеров были направлены на учебу в СССР.

Генеральный секретарь ЦК КПЧ Рудольф Сланский в сентябре 1947 года так оценивал политический профиль армии: «Чехословацкая армия была разгромлена после Мюнхена и оккупации и восстанавливалась после освобождения на основе трех основных частей: из количественно небольших отрядов сформированного в СССР чехословацкого корпуса, из чехословацких войск, которые пришли с Запада, а также из офицерских кадров, остававшихся на родине. Эти различные части мы не сумели прочно объединить. Положение ухудшилось еще тем, что в армии не была проведена радикальная чистка реакционных элементов. Министр национальной обороны генерал Свобода хотя и является другом Советского Союза и идет с нами в большинстве вопросов, все же недостаточно твердо действует, иногда уступает нажиму со стороны правых кругов.

Около одной трети общего числа генералов являются членами компартии. В большинстве случаев это люди из военных специалистов. Более слабые позиции мы имеем в среднем и низшем офицерском корпусе»^[523].

Отражением пестрого социального и политического состава армии, а также колебаний военного министра Свободы между коммунистами и их противниками стала общегосударственная конференция офицеров политпросвещения в сентябре 1947 года.

Свобода в своем программном выступлении перед политработниками отверг попытки «некоторых сил» вернуться к деполитизированной армии довоенных времен. Институт офицеров политпросвещения, созданный первоначально только в чехословацком корпусе в СССР, не подлежит пересмотру: «...я со всей решительностью заявляю, что нет и не может быть речи о ликвидации института офицеров политпросвещения в армии...»^[524] Линия Свободы находилась в полном согласии с политикой КПЧ, в то время как национальные социалисты считали институт политофицеров вредным, поскольку там доминировали коммунисты.

«Солдаты и офицеры должны быть активными гражданами и проводниками правительственной Кошицкой программы Национального фронта», – говорил Свобода. «Необходимо осознать, что оборонную политику мы осуществляем в согласии со всеми политическими партиями, то есть в духе Национального фронта чехов и словаков. Это, конечно, не означает, что у нас нет трудностей, так как и в армии есть отдельные лица, которые не согласны с политикой Национального фронта и его программой».

Проблема, особенно обострившаяся осенью 1947 года, заключалась в том, что между партиями Национального фронта уже не было согласия по ключевым вопросам развития страны. Свобода рекомендовал офицерам политпросвещения при работе с военнослужащими ограничиваться изложением точек зрения всех партий, не делая никаких выводов, «закрывать вопрос тем, что эти разногласия еще политически не разрешены». Конечно, такой подход был утопичным: газеты разных партий солдаты могли читать и без офицеров политпросвещения.

Странной была и рекомендация Свободы воздерживаться от комментариев относительно наметившегося противостояния великих держав СССР и США: «Нецелесообразно, чтобы офицер политпросвещения излишне вовлекался в споры между свехдержавами и делал назойливые и преждевременные выводы. Именно в международных вопросах рекомендуется воздерживаться от преждевременных комментариев, особенно если проблема еще не прояснена»^[525].

При этом одна из сверхдержав – СССР – была официальным военным союзником Чехословакии, что торжественно признал сам Свобода: «Сегодня еще более ясно, какую важность для нас имеет союз с Советским Союзом и другими славянскими странами. Это не временная политическая комбинация, а прочный и длительный союз, на котором мы основываем свою собственную безопасность. Чем больше осложняется международная

обстановка, тем важнее хранить и укреплять этот союз, и это должны осознавать все военнослужащие»^[526].

В духе Бенеша Свобода требовал от армии строгой надпартийности, хотя затруднялся объяснить, как это может сочетаться с активной политической и гражданской позицией военнослужащих в условиях многопартийности: «Разумная надпартийность не означает беспринципного потакания всем... Это не всеядность и не бесцветная мелочность. Мы не будем выступать против политических партий, но будем действовать в соответствии с Кошицкой и Созидательной программами»^[527].

Оставалось неясным, как идею надпартийности можно воплотить в жизнь, если большинство солдат и офицеров являются членами или сторонниками тех или иных партий.

Сильным ударом по компартии стало требование Свободы прекратить в армии критику домюнхенской республики: «Иногда от незнания, иногда от некритичности без разбора осуждается все, что делалось в 1918-1938 гг. Это принципиально неправильно и недопустимо. Без Т. Г. Масарика, без доктора Эдварда Бенеша... и без домюнхенской республики не было бы нынешней республики...»^[528]

При этом из всех партий Национального фронта только коммунистическая была в оппозиции весь период 1918-1938 гг., и критиковали коммунисты домюнхенскую республику именно потому, что она всем своим развитием привела страну к позорной капитуляции перед Гитлером. Однако лидеры всех остальных партий Национального фронта и президент Бенеш участвовали в довоенных правительствах и бесспорно разделяли ответственность за национальную катастрофу 1938 года. Они понимали всю силу моральной позиции КПЧ, единственной партии, «чистой» в этом отношении перед людьми, и поэтому стремились исключить тему Мюнхена из общественных дискуссий, особенно в армии. И Свобода был на их стороне, так как сам был в довоенной армии подполковником.

В духе «надпартийности» на конференции офицеров политпросвещения выступили лидеры или руководящие деятели всех партий Национального фронта. Председатель ЧНСП Зенкл говорил в основном только о необходимости жестко следовать в армии заветам Масарика: «...сегодня мы часто забываем советоваться с Масариком. Масарик был одним из крупнейших мировых теоретиков демократии и основателем чехословацкой демократии... Мысли Масарика по-прежнему живы: «Нет доверия без любви и нет любви без доверия».

С точки зрения Зенкла, Масарик явно не одобрил бы нынешнее развитие страны. «Что сказал бы Масарик о национализации? Что все завоевания нашей революции ничего не значат без нравственных демократических предпосылок в сердцах и мыслях граждан»^[529]. Намек на коммунистов, которых национальные социалисты все время упрекали в недемократичности, а с 1947 года – даже в «гестапизме», был всем ясен. Зенкл со ссылкой на Масарика призвал «не преклоняться перед государством», тем самым ставя под вопрос национализацию, и не искать в других странах образец для развития Чехословакии. Это был уже выпад против Москвы.

По Зенклу, лишь принятие всем миром «Масариковской гуманистической демократии» могло спасти человечество от гибели.

Лидер ЧНП священник Гала говорил только о героической работе лондонского эмигрантского правительства в годы войны, без которой якобы нельзя было бы и мечтать об освобождении страны. Роль КПЧ и СССР в этом деле он полностью проигнорировал.

Глава Демократической партии Словакии Урсини познакомил офицеров с теорией насчет разного менталитета чехов и словаков: первые – «рационалисты», а вторые – «романтики». И дело за тем, чтобы разумно сочетать в едином государстве эти противоположности.

Министр внутренних дел Носек выступил перед офицерами политпросвещения от КПЧ. Выбор именно этого оратора тоже весьма характерен: во время войны Носек находился в Лондоне, а не в Москве. Носек не стал ходить вокруг да около и признал наличие серьезных принципиальных разногласий между партиями Национального фронта, хотя и выразил надежду, что их все же удастся преодолеть.

Идею надпартийности в армии Свобода пытался дополнить на практике закупкой оружия и боевого снаряжения не только в СССР, но и в западных странах.

В 1945 – начале 1946 года Чехословакия покупала у США и Великобритании в кредит (10 млн долларов и 5 млн фунтов стерлингов) остатки их военного имущества, ставшие после окончания войны неликвидным товаром. Например, было куплено 250 тысяч комплектов формы, которые, однако, армии не подошли, и их отдали Союзу обороноспособности. Однако в сентябре 1946 года США неожиданно прекратили выделять кредиты на эти цели. Была отвергнута и просьба ЧСР передать в виде репараций из западных зон оккупации Германии трофейное немецкое военное имущество на 1 838 169 рейхсмарок.

Всего ЧСР в 1946-1947 гг. заплатила за остатки американского

военного имущества 133559708 крон. Причем эта программа была выгодной для США, так как американцы сэкономили на складировании и транспортировке уже не нужного им снаряжения.

Интересно, что если СССР подарил Чехословакии все самолеты чехословацкой смешанной авиадивизии, то англичане за свои самолеты потребовали денег. Свою помощь Чехословакии в военное время англичане в 1947 году оценили в 15,4 миллиона фунтов стерлингов и оформили эту сумму как долг ЧСР Великобритании^[530].

В феврале 1947 года было подписано советско-чехословацкое соглашение о поставках в ЧСР оружия и снаряжения в кредит на общую сумму в 5 млн долларов. Кредит предоставлялся на 10 лет под 2 % годовых, причем он должен был погашаться не валютой, а поставками чехословацких товаров. Все товары СССР передал уже в мае – июне 1947 года (в том числе танковые и авиационные моторы, радары и различные запчасти).

Правые офицеры в командовании чехословацкой армии тормозили процесс унификации вооружения с Советской армией, хотя сама же чехословацкая сторона просила об этом еще в декабре 1943 года. Особенно сильным саботаж был в авиации и танковых частях, где еще с войны оставалось много техники западного производства. Уже после войны в Англии было закуплено за валюту 24 истребителя «Де Хэвилленд Москито».

Сторонники Бенеша в армии прилагали большие усилия по сокращению числа советских военных советников и инструкторов в чехословацких военных училищах. Если летом 1945 года таковых было 86, то в 1946-м – 40, а позднее – 34.

Армии не хватало денег не только на вооружение, но и на содержание призывников. Поэтому часть новобранцев из первого послевоенного призыва (165 тысяч человек были призваны осенью 1945 года) пришлось отпустить по домам. Не хватало и казарм, поэтому военнослужащих иногда размещали в старинных замках, где они носили тапочки, чтобы не повредить памятники архитектуры. В армии в 1945 году не хватало 50 % шинелей и 25 % обуви.

Тем не менее чехословацкий воин был экипирован по сравнению, например, с солдатом Советской армии просто роскошно. Призывнику 1947 года полагались от государства один обеденный прибор, принадлежности для шитья с запасными пуговицами, два носовых платка, четыре полотенца, расческа, зеркальце, три рубашки с воротником, три пары летних портянок и одна пара зимних, один комплект нижнего белья, один

жилет, две простыни, три покрывала, одна пара выходных ботинок и одна пара ботинок для повседневной службы. Лишь положенные по штату щетки различных видов (зубную, для одежды, для обуви) призывникам рекомендовали брать из дома, хотя министерство обороны было готово выплатить деньги на их приобретение^[531].

Большим достижением считались начавшиеся в 1947 году поставки в армию молока, что позволило давать военнослужащим кофе с молоком четыре раза в неделю^[532].

Из общей суммы бюджетных расходов ЧСР в 76 млрд крон в 1947 году министерство обороны получило 9,5 млрд, а в 1948 году эта сумма была сокращена до 7,7 млрд крон.

Почти никакого влияния не было у коммунистов в так называемой финансовой страже – органе, совмещающем функции погранвойск и таможни и подчинявшемся министерству финансов. К концу 1947 года в финансовой страже насчитывалось около 9 тысяч человек^[533], вооруженных стрелковым оружием. В мае 1947-го коммунисты предложили распустить финансовую стражу и заменить ее внутренними войсками МВД, однако правые депутаты сорвали рассмотрение соответствующего законопроекта. Особенно большие старания к этому приложили национальные социалисты, которые, напротив, требовали расформировать пограничный полк МВД, хотя именно он сыграл главную роль в разгроме бандеровских банд в Словакии.

Сотрудники финансовой стражи с ревностью и недоверием относились к молодой спецслужбе – КНБ, тем более что в финансовой страже практически не было борцов Сопротивления, и вообще было мало людей молодых, вошедших в политическую жизнь после войны.

На предприятиях существовала «рабочая (или заводская) стража» – стихийно возникшие в 1945 году вооруженные отряды профсоюзов для охраны конфискованной и национализированной собственности. Рабочая милиция была плохо обучена и вооружена легким стрелковым оружием устаревших образцов (сначала трофейными винтовками, а затем только пистолетами) и представляла собой в военном отношении скорее психологическую силу.

Заводская милиция была легализована приказами министерства внутренних дел от 7 декабря 1945-го и 5 января 1946 года. При этом состав заводской милиции каждого предприятия подлежал утверждению соответствующего районного национального комитета. В составе милиции должно было быть не более 10 % рабочих каждого предприятия. Служба

милиции состояла в дозорной ночной и дневной охране предприятия по мере необходимости. Членство в милиции было сугубо добровольным^[534]. Обучение обращению с оружием проходило в нерабочее время под контролем сотрудников органов госбезопасности.

В 1946 году насчитывалось 760 подразделений заводской стражи, а летом того же года стража появилась и на предприятиях Словакии, где к началу 1948 года на 190 предприятиях числились 2000 бойцов милиции. Инструктаж и вооружение стражи осуществляло министерство внутренних дел.

Национальные социалисты все время говорили в парламенте о засилье коммунистов в заводской страже, а с середины 1947 года подняли шум по поводу перевооружения этих формирований неким мифическим «современным оружием». Депутат от ЧНСП Ота Гора подал в правительство чрезвычайный запрос насчет законности закупок оружия для заводской милиции. Премьер Готвальд ответил 9 сентября 1947 года, подтвердив, что с ведома министерства обороны и МВД для заводской милиции решено закупить 10 тысяч пистолетов. При этом на каждый пистолет должно было быть выдано удостоверение, и органы МВД жестко контролировали соблюдение установленных правил ношения оружия^[535].

В любом случае было абсурдом считать оснащенных пистолетами рабочих инструментом якобы готовящегося «вооруженного коммунистического путча».

К тому же МВД, которым руководил коммунист Носек, еще в начале 1946 года подготовило проект закона о заводской милиции, согласно которому она могла быть учреждена только на самых важных для страны предприятиях. По закону милиция выводилась из подчинения профсоюзов, где верховодили коммунисты, и переименовывалась в гражданскую стражу.

Лидер профсоюзов коммунист Запотоцкий вообще был с самого начала против учреждения заводской милиции, но потерпел поражение при тайном голосовании в РПД по этому вопросу^[536]. В октябре 1946 года он выступил за резкое сокращение численного состава заводской милиции, мотивируя это тем, что выселение немцев завершилось и угроза диверсий и саботажа на предприятиях уже не столь актуальна. Предложение Запотоцкого было принято руководством РПД, но вызвало острую критику на заводах.

В 1947 году в районе Брно на 77 заводах было 2587 членов заводской милиции. На оборонных заводах «Шкодовка» в Пльзени – лишь 257 милиционеров^[537].

Точных данных о количестве милиционеров в целом по стране не имелось, поскольку никто такие данные и не собирал. Но считается, что в рядах милиции числились примерно 40 тысяч человек, причем далеко не все из них были вооружены.

Под влиянием буржуазных партий, особенно ЧСНП, находилась военизированная спортивная организация «Сокол» (более миллиона человек, половине которых еще не исполнилось 18 лет). Военно-спортивная молодежная организация ЧНП «Орел» насчитывала более 100 тысяч человек. Буржуазные партии традиционно лидировали в студенческих организациях, так как среди студентов было много выходцев из зажиточных семей.

Под влиянием пробенешевских сил находился Союз обороноспособности, учрежденный декретом президента 27 октября 1945 года. В союз вошли бывшие Союз чехословацких офицеров, Союз чехословацких ротмистров (то есть старшин), Союз отрядов национальной стрелецкой гвардии, Союз чехословацких воинов запаса. Союз обороноспособности насчитывал более полумиллиона членов и под руководством министерства обороны занимался допризывной воинской подготовкой молодежи. Он состоял из структурированных по-военному местных организаций, которые могли быть использованы как вспомогательные воинские части. Руководили союзом заместитель министра обороны Ферьенчик и начальник генерального штаба Богумил Бочек.

Бенеша поддерживала и воссозданная в 1945 году Община чехословацких легионеров, в которой объединились бывшие воины чехословацкого корпуса в России в 1916-1920 гг. Понятно, что в массе члены общины, воевавшие против Красной армии в годы Гражданской войны в России, были настроены антикоммунистически. Многие члены общины при поддержке президента попали на высокие посты в армии. Бывшие легионеры занимали более половины высших командных должностей армии, начиная с командира дивизии. Примечательно, что в легионерскую общину после мая 1945 года автоматически принимали военнослужащих только из «западных» частей чехословацкой армии.

Легионеры имели свой массовый печатный ежедневный орган «Национальное освобождение». Председателем общины был видный деятель ЧНСП Йозеф Давид.

Самой сильной организацией бывших участников движения Сопротивления был в Чехии Союз освобожденных политических заключенных и родственников погибших. Он имел свои отделения во всех

районах и поддерживал Кошицкую программу. Председателем союза в 1945 году был избран коммунист Ладислав Копржива (родился в 1897-м, в 1935 году стал депутатом парламента от КПЧ, во время оккупации пребывал в заключении в концлагере Дахау). Весной 1947 года в Союзе числились 70 тысяч членов^[538].

Другой сильной организацией бывших участников Сопротивления стал Союз национальной революции, в который входили Содружество чешских партизан, Содружество национального Сопротивления и Содружество Пражского восстания. Председателем Содружества чешских партизан был генеральный секретарь ЦК КПЧ Рудольф Сланский.

В Словакии сильнейшей организацией ветеранов антифашистской борьбы был Союз воинов Словацкого национального восстания. В нем присутствовало достаточно много сторонников демократической партии. Союз словацких партизан, который контролировали коммунисты, был гораздо слабее в численном соотношении.

ЧНСП плотно контролировала аппарат юстиции, прежде всего суды, тормозившие проведение процессов по делам пособников оккупантов.

После 1945 года все политические партии и президент Бенеш придерживались единой точки зрения на средства массовой информации. Считалось, что слишком либеральная политика государства по отношению к СМИ до 1938 года позволила судетским нацистам и сепаратистам свободно пропагандировать антигосударственные взгляды. Поэтому следовало извлечь уроки из истории и обеспечить государственный контроль над журналистикой. Бенеш выразил это следующим образом: «По моему мнению, журналистика – это служба общественная. Разнузданная вольность при издании газет не должна повториться... Это правда, ограничение личной свободы, но мы должны задать себе вопрос, до какой меры это необходимо и в чьих это интересах. Неограниченная свобода должна быть подчинена интересам общества»^[539].

Кинематография была национализирована в 1945 году при горячей поддержке самих кинематографистов, считавших, что кино – важная часть национальной культуры, которая не может служить частным интересам. Деятели кино полагали, что после национализации качество кинематографического искусства повысится, так как главным фактором при создании фильмов станет не прибыль, а художественный уровень.

Для обеспечения государственного контроля в сфере печати в 1945 году возникло новое министерство информации во главе с коммунистом Вацлавом Копецким. Печать, как считали все партии Национального

фронта, должна перестать быть зависимой от денежных интересов отдельных лиц, поскольку это, по словам Копецкого, уже не отвечает «моральной природе нынешней чехословацкой демократии».

18 мая 1945 года министерство информации закрыло все периодические издания за исключением газет и журналов партий Национального фронта. Разрешение на учреждение новых периодических изданий отныне могли получить партии, государственные органы и общественные организации, но никак не частные лица. Правда, выходившим во время протектората изданиям было разрешено продолжать работу при условии смены названия. Примечательно, что при немцах выходила газета национальных социалистов «Ческе слово» ставшая после 1945 года «Свободным словом». Не мешали оккупанты и изданию газеты народной партии «Лидови листы», которая теперь называлась «Лидова демократия» («Народная демократия»).

28 ноября 1945 года на совещании у Копецкого представители всех партий одобрили список разрешенных периодических изданий.

В 1940 году на территории протектората выходило 55 ежедневных периодических изданий, в 1946-м их осталось 28. Из 163 религиозных изданий осталось 35, вместо 177 журналов в области права – 10^[540]. Спортивных журналов теперь было не 115, а 14. В сфере культуры выходило 128 журналов и еженедельников (в 1940 году – 247).

До 1 октября 1946 года министерство информации получило 1760 заявок на издание новых журналов, но разрешило лишь 765.

Из-за недостатка бумаги (на фабриках по производству бумаги работали в основном немцы, которых выселили из ЧСР) объем всех газет в 1945 году был ограничен четырьмя страницами. Потом это ограничение сняли: с 1 октября 1946 года можно было печатать газеты уже на восьми страницах. Для обеспечения равенства при распределении дефицитной бумаги при министерстве информации была создана комиссия по распределению в составе представителей всех политических партий. Но бумаги все равно не хватало: издатели журналов требовали от министерства 2000 тонн бумаги, а оно могло дать лишь 800 тонн.

Каждой партии Национального фронта было выделено определенное количество бумаги, и партия сама распределяла эту бумагу для своих газет и журналов.

На газеты были установлены максимальные государственные цены. Так, газета на шести страницах должна была стоить 1,5 кроны, на восьми – 2 кроны. Журналы с картинками объемом 12 страниц стоили 3,5 кроны. Эта мера, в числе прочего, обеспечивала конкуренцию всех партийных изданий

на равных.

В 1946 году в Праге выходило 10 ежедневных газет. Центральный орган компартии газета «Руде право» (распространялась в Чехии и Моравии) имела тираж 500 тысяч экземпляров. «Свободне слово» (орган ЧНСП) выпускалась тиражом 300 тысяч экземпляров, «Праце» («Труд», орган профсоюзов) – 250 тысяч, «Право лиду» (орган ЧСДП) – 190 тысяч, «Лидова демократие» (орган ЧНП) – 185 тысяч, «Земнеделске новини» (орган единого Союза земледельцев) – 120 тысяч, «Млада фронта» (орган единого Союза чешской молодежи) – 85 тысяч, «Обрана лиду» (орган армии) – 80 тысяч, «Свободне новини» (газета Союза организаций деятелей культуры) – 68 тысяч, «Народни освобозени» (орган легионеров) – 40 тысяч.

Партии издавали и региональные ежедневные газеты: КПЧ – в Брно, Острове, Пльзени, Оломоуце (суммарный тираж – 200 тысяч экземпляров), ЧНСП – в этих же городах с суммарным тиражом 190 тысяч экземпляров, ЧСДП – в Либерце, Брно, Острове и Пльзени (тираж – 190 тысяч), народная партия – Брно, Острава, Оломоуц (135 тысяч)^[541]. У всех партий были и еженедельники.

Режим издания газет и журналов в Словакии был более либеральным. Уполномоченным по печати там был член Демократической партии, и его ведомство ограничивалось лишь регистрацией возникающих изданий.

Специальная комиссия при Чешском национальном совете уже в мае 1945 года начала чистку в рядах журналистов. Было запрещено заниматься журналистикой всем, кто активно сотрудничал с немцами. Некоторым установили срок запрета на профессию – от трех до 18 месяцев. Те журналисты, кто посещал организованный немцами пресс-клуб, должны были заплатить штраф в 100 крон за каждый такой визит (если он не был обязательным). Всего комиссия исключила из журналистских рядов 86 редакторов, 51 из которых был передан народным судам. 42 журналиста отделались ограниченным по сроку запретом на профессию. Решение комиссии могло быть оспорено в специальном органе – апелляционном комитете. В феврале 1946 года комиссия по чистке прекратила работу.

Все журналисты были объединены в Союз чешских журналистов, в учредительном комитете которого находились представители центральных органов всех партий Национального фронта. Первое общее собрание союза состоялось 17 марта 1946 года. Председателем единогласно избрали национального социалиста Отокара Вюнша (главного редактора газеты РПД). По закону, принятому в 1947 году, членство в союзе стало обязательным для всех журналистов. Исключение из союза означало и

автоматическое прекращение журналистской деятельности.

ЧНСП и ЧНП отвергли законопроект Копецкого, которым фиксировалось де-факто осуществленное исключение частного предпринимательства из сферы печати. Национальные социалисты предложили обсудить этот закон позднее в связи с принятием новой конституции.

До 1938 года в ЧСР существовала предварительная цензура печати, которую осуществляло МВД. После 1945 года цензура была отменена, но в декабре 1945 года вице-премьер от ЧНСП Странский предложил опять ввести предварительную цензуру, которую осуществляла бы специальная комиссия из представителей всех партий Национального фронта. Готвальд (тоже вице-премьер, от КПЧ) решительно отверг эту идею как антидемократическую.

В августе 1946 года цензуру, но уже не предварительную, а постфактум и с ясными правилами, предложил ввести министр внутренних дел Носек (КПЧ). Эту идею поддержал вице-премьер от ЧНП Шрабек. 27 августа 1946 года президиум правительства поручил Носеку представить детальные предложения на сей счет. Однако, против введения цензуры высказался 7-й департамент самого МВД (госбезопасность и политическая разведка), находившийся под сильным влиянием коммунистов. Поэтому Носек фактически отказался от собственного предложения.

В 1947 году посольства Болгарии, Югославии и Румынии обратились в МИД ЧСР с нотами протеста против клеветнических статей о них, опубликованных в газетах и журналах ЧНСП и ЧНП. Статс-секретарь МИД Клементис (коммунист) предложил правительству инициировать закон против подобных статей, осложняющих отношения ЧСР с другими странами. Правительство поручило заняться этим вопросом специальной комиссии Национального фронта. Премьер Готвальд (КПЧ) предложил министру юстиции Дрине (ЧНСП) рассмотреть возможность привлечения журналистов к судебной ответственности за нападки на союзные страны. В начале 1948 года комиссия Национального фронта высказалась за подготовку закона о печати, который содержал бы четкие правила контроля над СМИ со стороны правительства.

В 1945 году ЧСР находилась в довольно плачевном экономическом положении. Производство и производительность труда в промышленности упали на 50 % по сравнению с довоенным уровнем. Производство электроэнергии в 1945 году составило только 50 % уровня довоенного 1937-го, добыча каменного и бурого угля – 52 %, выплавка стали – 36 %, чугуна – 28,7 %.

Было уничтожено или угнано в Германию 53 % паровозов и 75 % грузовых вагонов. Урожай зерновых в 1945 году был ниже 1937-го на 43 %, картофеля – на 31 %, сахарной свеклы – на 42 %. В Словакии урожай достиг лишь 40 % довоенного уровня. Продовольствие в стране распределялось по карточкам. Страну захлестнула инфляция – количество бумажных денег в обращении превысило довоенный уровень в 15 раз. В целом инфляция в период 1937-1945 гг. составила 1145 %.

Особенно сильно пострадала Словакия, где в 1944-1945 гг. шли ожесточенные бои. Железнодорожный транспорт Словакии потерял 80-90 % своей довоенной материальной части^[542]. Был уничтожен 71 % всей железнодорожной сети. Из 1100 мостов было разрушено 798, из 71 туннеля – 31. Только на восстановление транспортной системы Словакии требовалось 20 миллиардов чехословацких крон.

В расчете на душу населения ущерб от войны составил в чешских землях 17 тысяч крон, а в Словакии – 35 тысяч^[543].

Внутренний государственный долг ЧСР, перешедший еще с домюнхенского времени, составлял в 1945 году 27 миллиардов крон, причем с мая по декабрь 1945-го он вырос еще на 5,2 миллиарда. Внешний долг Чехословакии также был весьма обременительным – 4,6 миллиарда крон плюс долги в валюте – 13 миллионов фунтов, 12,5 миллионов долларов, 135,5 миллионов швейцарских франков. Золотой запас ЧСР в 1939 году при содействии Англии попал в руки нацистов, а после 1945-го им завладели американцы, которые отнюдь не торопились возвращать Чехословакии ее законное золото.

Весной 1947 года госдолг ЧСР составлял 108 миллиардов крон (в 1937 году – 44 миллиарда), или 8950 крон на каждого жителя республики (в 1937-м – 3085 крон). Но с учетом военной и послевоенной инфляции и дефицитного финансирования бюджета (обычное дело для всех стран Европы того периода) это были очень хорошие показатели, особенно в сравнении с темпом обесценивания денег. В США в 1947 году на каждого жителя приходилось 95 648 чехословацких крон государственного долга, в Великобритании – 107 800^[544].

В июне 1945 года Бенеш просил американцев о кредите, без которого он не видел возможности стабилизировать денежное обращение в стране^[545].

Американцы с самого начала использовали свою помощь для политических целей, тем более что в 1945 году 57 % внешнеторгового оборота ЧСР приходилось на страны Запада и только 25 % – на СССР. В 20-

е годы объем советско-чехословацкой торговли составлял только одну двадцатую советско-германской торговли. В 1931 году экспорт в СССР составлял лишь 3,7 % чехословацкого вывоза.

Задачей американцев было усилить зависимость Чехословакии от западных рынков.

Самым главным инструментом американского экономического воздействия была продовольственная помощь в рамках деятельности Администрации помощи и восстановления ООН (United Nations Relief and Rehabilitation Administration, UNRRA). Формально это было учреждение ООН, в которое входили 44 страны, в том числе СССР. Но финансировали программу в основном США, практически не пострадавшие от войны. Из 3,7 млрд долларов всех средств США предоставили Администрации 2,7 млрд, Великобритания – 625 млн, Канада – 139 млн. Управлял UNRRA Совет в составе представителей США, СССР, Китая и Англии.

Больше всего средств получили Китай (518 млн долл) и Польша (478), на Чехословакию в 1945-1949 гг. пришлось 261 млн долл. Американская разведка считала, что в апреле 1946 года помощь ЮНРРА представляла собой 15 % дневного рациона калорий каждого жителя ЧСР (300 калорий из 2200)^[546]. В 1946-1947 гг. по линии Администрации ООН Чехословакия получила также 75 локомотивов и 328 вагонов. Примерно три четверти всей помощи Чехословакии по линии ООН финансировали США.

Однако американское посольство в Праге было раздражено тем, что главным представителем Администрации в ЧСР являлся гражданин СССР и поэтому-де из помощи UNRRA главный капитал извлекали русские. Отвечавший за UNRRA чиновник госдепартамента писал: «...Русские использовали продукты UNRRA самым действенным образом для укрепления своего влияния в Центральной Европе; в Чехословакии они пересыпали американское зерно в мешки с серпом и молотом и потом его распределяли»^[547].

Стейнхардт был ярким противником экономической помощи ЧСР до тех пор, пока у власти там находятся коммунисты.

Весной 1946 года Чехословакия получила американский кредит в размере 20 млн долларов на закупку американского же хлопка, большие запасы которого скопились в США со времен войны. Еще один кредит (2 млн долларов) был выделен на закупку американского табака. Государственный экспортно-импортный банк США открыл для Чехословакии кредитную линию в 50 млн долларов для приобретения излишков товаров у американских войск в Европе. Американцы на этом

еще и экономили: их войска частично выводилась из Европы, и транспортировать назад в США многие материалы было просто невыгодно. Помощь Чехословакии оказывали и различные американские общественные организации. Так, «Американская помощь Чехословакии» (American Relief for Czechoslovakia – организация чехословацкого землячества в США) предоставила 2,5 миллиона долларов, Американский Красный Крест – 2 миллиона, а религиозная организация «Католическое благоденствие» (Catholic Welfare) – миллион.

Американцы всячески пытались представить дело так, что они-де помогали Чехословакии бескорыстно, не в пример Красной армии, активно реквизирувавшей товары на территории страны. На самом деле объемы американской помощи, даже с учетом кредитов, были мизерными перед лицом гигантских экономических проблем ЧСР. К тому же американцы предоставляли кредиты только для закупки своих неликвидных товаров.

Между тем советские войска в соответствии с советско-чехословацким соглашением платили за все, что они приобретали в ЧСР. А советская помощь стране, с учетом военной разрухи в самом Советском Союзе, была действительно бескорыстной и никакими политическими условиями не сопровождалась.

Уже в апреле 1945 года СССР передал чехословацким властям 48 принадлежавших немцам промышленных предприятий, которые он мог эксплуатировать сам как трофейное имущество. По советско-чехословацкому соглашению от 31 марта 1945 года трофейными считались все предприятия, построенные немцами в ЧСР во время оккупации. Эти предприятия подлежали демонтажу и вывозу в СССР, но советская сторона добровольно от этого отказалась. Всего СССР безвозмездно передал Чехословакии 334 трофейных предприятия.

В Братиславе советские саперы бесплатно соорудили временный металлический мост через Дунай длиной 460 метров, который затем функционировал десятилетия. В Праге командование 1-го Украинского фронта бесплатно передало городу 9 тысяч тонн хлеба, 100 автомобилей, 25 тонн топлива и 50 тонн бумаги^[548].

В мае 1945 года, чтобы предотвратить угрожавший Чехословакии голод, командование Красной армии предоставило из своих запасов 17878 тонн зерна, 975 тонн соли, 950 тонн сахара, что позволило обеспечить Прагу, Брно, Оставу и Братиславу до нового урожая. Советские войска продолжали помогать пражанам. Общий объем помощи до конца осени 1945 года составил 18,3 миллиона крон.

Кроме того, Чехословакии было бесплатно передано пять госпиталей

на 500 коек со всем медицинским оборудованием.

Только за май – июнь 1945 года общий объем советской помощи составил 40 млн рублей.

Уходя из Чехословакии, части Красной армии оставили в стране практически все свои продовольственные запасы, стоившие несколько десятков миллионов крон.

При этом было понятно, что любая помощь Чехословакии может носить только временный характер и страна сама должна как можно быстрее восстановить свою экономику. А для этого мощной и хорошо развитой чехословацкой промышленности требовались сырье и рынки сбыта. Бенеш прекрасно понимал это еще в 1943 году, когда на переговорах в Москве предлагал наладить тесные экономические связи с СССР. Американцы были не готовы закупать чехословацкие товары, так как сами стремились сбыть накопленные за войну запасы готовой продукции, прежде всего хлопка и угля.

Напротив, Советский Союз нуждался для восстановления своей экономики именно в промышленном оборудовании и мог в обмен предоставить для этого практически любое сырье.

Поэтому в меморандуме группы экспертов, разрабатывавших по заданию чехословацкого правительства экстренные меры по восстановлению экономики, говорилось: «Ввиду угрозы массовой безработицы любой ценой необходимо немедленно получить заказы. Их в настоящее время мы можем получить только из СССР. Поэтому нужно как можно быстрее восстановить с ним прежние связи и получить информацию НКВТ СССР (Народного комиссариата внешней торговли – *Прим. автора.*)»^[549].

Министр внешней торговли Рипка (ЧНСП) говорил в интервью своей партийной газете «Свободне слово»: «В настоящее время открываются широкие перспективы в сфере экономических связей с СССР.»^[550] Бенеш – видимо, окончательно уверовав в свои дипломатические способности – всерьез полагал, что с помощью тесных экономических связей с СССР ему удастся сдвинуть всю советскую политику вправо^[551].

25-30 июня 1945 года в СССР находилась правительственная делегация ЧСР во главе с премьером Фирлингером, которая попросила срочно поставить в Чехословакию хлопок, лен, железную руду. Отвечавший за внешнюю торговлю Микоян, несмотря на еще только начинавшееся восстановление советской экономики, дал указание отправить в Чехословакию 250 тысяч тонн железной руды из Кривого Рога,

20 тысяч тонн марганцевой руды и 5 тысяч тонн хромовой руды, а также хлопок и лен.

Уже в августе 1945 года из СССР прибыло 14 тысяч тонн железной руды, 9 тысяч тонн марганцевой руды, нефтепродукты, лен, хлопок и прочее сырье. В 1945 году поставки железной руды из СССР обеспечили 73,5 % потребностей ЧСР в этом сырье.

При этом формальное советско-чехословацкое соглашение о взаимных поставках товаров было подписано лишь 8 сентября 1945 года – до этого времени СССР поставлял товары просто на доверии.

По данному соглашению Чехословакия получила столь нужные для ее промышленности заказы. Советский Союз обязался купить 100 тысяч тонн проката, тысячу станков, 500 железнодорожных вагонов, 10 тысяч трансформаторов, оборудование для пищевой и легкой промышленности на сумму в 353 миллиона крон^[552].

В 1945 году СССР фактически кредитовал Чехословакию, тем более что даже согласованные по клирингу чехословацкие встречные поставки обычно приходили с полугодовым опозданием. Советский экспорт составил 259 миллионов крон, импорт – 72 миллиона. Советские товары составили 33,4 % всего чехословацкого импорта, а экспорт в СССР – 14,5 % всего вывоза ЧСР.

Примечательно, что с США или Швейцарией торговое сальдо ЧСР было активным.

В декабре 1945 года в СССР приехала делегация во главе с министром промышленности ЧСР социал-демократом Лаушманом. Было подготовлено новое торговое соглашение, предусматривавшее поставки в ЧСР еще и зерна. С советской стороны прозвучала настоятельная просьба брать на себя реальные обязательства по экспорту в СССР, так как в 1945 году чехословацкая сторона не имела многих товаров, которые взялась поставлять.

КПЧ, ЧСДП и большая часть национальных социалистов видели решение острых экономических проблем в создании мощного госсектора и установлении государственного контроля над финансовой системой. Однако ЧНСП усматривала в национализации всего лишь решение национальной проблемы – она хотела отобрать собственность у немцев и чехов, которых предполагалось выселить с территории ЧСР.

19 мая 1945 года декретом президента Бенеша были конфискованы предприятия, принадлежавшие немцам, венграм и местным коллаборационистам («государственно-неблагонадежным лицам»). Их окончательная судьба пока не решилась, но под давлением профсоюзов

(заводских советов) на большинстве этих предприятий были назначены «национальные управляющие». Таким образом, конфискованные объекты фактически стали частью госсектора. Профсоюзы и национальные комитеты брали под национальное управление предприятия немцев, венгров и коллаборационистов сразу же после освобождения, и декрет Бенеша лишь легализовал эту практику.

Согласно декрету Бенеша, предприятия могли и вернуть бывшим владельцам, если было доказано, что они стали жертвами преследований нацистов. Этот пункт был особенно важным для Словакии, где в 1941 году прошла «аризация» еврейской собственности и многие мелкие лавки и фирмы передали словакам.

В декрете содержалась возможность введения национального управления и на чешских, и словацких предприятиях, если «это требует обеспечение хода производства и экономической жизни»^[553].

По декрету национальное управление в обязательном порядке вводилось также во всех кооперативах. Этот пункт вызвал резкое неприятие торговой буржуазии, особенно в Словакии. Кооперативы там фактически монополизировали сбыт сельскохозяйственной продукции и заставляли крестьян снижать на нее цены, получая большую посредническую прибыль при перепродаже продукции в розницу.

Параграф 8 декрета Бенеша прямо предписывал, чтобы организация национального управления проводилась «по соглашению с заводским комитетом (заводским советом) или другими представителями лиц, работающих на предприятии»^[554]. Заводские советы представляли списки кандидатов на должность национального управляющего того или иного предприятия на утверждение в министерство промышленности или в Центральный совет профсоюзов.

Бенеш и ЧНСП видели в декрете от 19 мая 1945 года не социальную, а национальную меру. У немцев и венгров отбирали собственность в числе прочего и затем, чтобы принудить их покинуть страну «добровольно». Интересно, что в декрете ничего не говорилось ни о будущих собственниках конфискованного имущества, ни даже о том, кто, собственно, будет получать прибыль с находящихся под национальным управлением предприятий.

Декрет от 19 мая проводили в жизнь национальные комитеты. К июню 1945-го национальное управление действовало на 47 % предприятий в чешских землях и на сельхозпредприятиях общей площадью 800 тысяч га. В августе 1945 года с целью контроля над инфляцией национальное

управление было введено во всех банках и страховых обществах.

К концу августа 1945 года под национальным управлением находились 9045 промышленных предприятий, на которых работали 923486 человек (из 1,1 миллиона занятых на промышленном производстве), 40 тысяч мелких ремесленных и торговых предприятий и 580 предприятий продовольственной отрасли^[555].

26 июня 1945 года вице-премьер Готвальд заявил: «Сегодня в республике мы действительно не имеем ни одного крупного предприятия, ни одного крупного банка, в котором бы сидели и правили их прежние хозяева»^[556].

«Пострадал» от национального управления и крупнейший чешский промышленный магнат Ян Антонин Батя, чье головное предприятие было поставлено под национальное управление уже 12 мая 1945 года. В 1926 году 55 % чехословацкой обуви экспортировалось с предприятия Бати.

С 1941 года Батя находился в Бразилии, но его предприятие в Злине активно работало на вермахт, представители которого были в наблюдательном совете. Еще в 1940 году Англия и США внесли Батю в черные списки коллаборационистов, но чешский олигарх пытался объяснить это происками британских и американских конкурентов.

Национальный суд приговорил Батю за коллаборационизм к 15 годам лишения свободы. Примечательно, что у Бати конфисковали заводы и в Великобритании, Нидерландах и Египте. В октябре 1945 года головное предприятие концерна Бати в Злине было национализировано.

В Словакии Демократическая партия активно боролась против введения национального управления в банках. В Словакии практически не было крупных промышленных предприятий, и основой экономического господства местной буржуазии являлся именно банковский сектор. Демократам удалось добиться внесения изменений в постановление СНС от 5 июня 1945 года о национальном управлении, по которому из сферы действия национального управления практически были исключены банки.

Всего национальное управление в Словакии было установлено на 236 предприятиях^[557].

Кардинальным было и перераспределение собственности в сельском хозяйстве. По декрету Бенеша у немцев и венгров было конфисковано 2946395 га земель, в том числе 1651016 га сельхозугодий. Более 40 % конфиската было передано малоземельным и безземельным чешским и словацким крестьянам, остальное отошло государству.

Социал-демократы еще на переговорах в Москве весной 1945 года

требовали национализации всей крупной промышленности и финансовой системы. КПЧ по совету Сталина сначала относилась к национализации чешского и словацкого капитала осторожно, не желая ссориться с окружением Бенеша. Еще в июле 1945 года компартия была против такой национализации. Однако министр промышленности социал-демократ Лаушман^[558] начал готовить национализацию де-факто. Социал-демократы хотели обойти коммунистов слева, предложить более радикальный вариант национализации, чтобы тем самым снова приобрести авторитет в рабочей среде.

Бенеш, опасаясь правительственного кризиса, поручил Готвальду подготовить компромиссный декрет президента о национализации. Президент хотел издать декрет еще до созыва Временного Национального собрания, так как боялся, что парламент примет еще более радикальный закон о национализации.

Это было вполне вероятно, если учесть, что и в национально-социалистической партии имелось много сторонников национализации. Причем национализации именно как меры социальной, а не национальной, направленной лишь против немцев и венгров. Один из лидеров ЧНСП Давид говорил: «Ненасытный капитал должен быть устранен, необходимо создать такую экономическую организацию, при которой бы труд являлся не унижением, а радостью»^[559].

В октябре 1945 года по инициативе ЧСДП, КПЧ и РПД президент Бенеш издал декреты о национализации банков, страховых компаний, металлургических заводов, объектов энергетики и пищевой промышленности, а также всех промышленных предприятий с числом работающих более 500 человек. В случае особо важных предприятий декрет разрешал национализацию, если на них работали более 150 человек.

При этом социал-демократы шли гораздо дальше коммунистов и предлагали перевести в государственную собственность все коммунальные мелкие предприятия.

Национализация в октябре 1945 года затронула более 3 тысяч предприятий, на которых работали 62 % всех занятых в промышленности.

Национализация формально выходила за рамки первоначальных задач Национального фронта, так как затрагивала не только коллаборационистов. Но и «социалистической» национализация не была. Коммунисты считали (и в этом их искренне поддерживали социал-демократы и большая часть ЧСНП), что национализация финансов и крупной промышленности позволит создать мощный госсектор, который станет локомотивом

экономического развития страны. Бывшие владельцы имели право на компенсацию, профсоюзные комитеты участвовали в органах управления национализированных предприятий. В любом случае национализацию поддержали все партии Национального фронта.

В поддержку национализации 25 октября 1945 года по всей Чехословакии прошли массовые митинги. В Праге на Вацлавской площади собрались более 250 тысяч человек^[560].

К концу 1946 года в собственность государства перешло 2867 крупных предприятий, на которых работали 65 % всех занятых в промышленности. В госсектор вошла вся металлургическая и энергетическая промышленность, 74 % химической промышленности, 72 % металлообработки, 69 % производства сахара (по числу рабочих). Государству принадлежали также железные дороги, кино и радио.

Частный сектор сохранил сильные позиции в пищевой промышленности – 47 %, деревообрабатывающей – 42 %, ликероводочной – 46 %, пивоваренной – 26 %, бумажной – 63 %, строительной – 76 %. Частники господствовали в оптовой и розничной торговле – на них приходилось 83 % товарооборота, в то время как на госсектор – только 5 %, а на кооперативы – 12 %. Доля частного сектора в национальном доходе составляла примерно 20 %^[561].

Предложение некоторых деятелей ЧНСП передать национализированные предприятия иностранным собственникам не прошло, так как не получило поддержки даже в рядах самой ЧНСП.

Американцы с самого начала критиковали национализацию и требовали от чехословацкого правительства компенсации для американских собственников. Уже 23 июля 1945 года американский посол просил у премьера Фирлингера разъяснить смысл национализации. Фирлингер сослался на желание народа и заметил, что придется национализировать тяжелую промышленность, банковский и страховой сектора. Причем последнюю меру он объяснял не стремлением построить «государственный социализм», а желанием сконцентрировать в руках государства необходимые средства для восстановления экономики.^[562] Стейнхардт потребовал «полной и адекватной» компенсации за национализируемую американскую собственность, но Фирлингер осторожно заметил, что говорить об этом пока преждевременно.

Против компенсации выступали не только профсоюзы, но и сама социал-демократическая партия, лидером которой был Фирлингер.

США требовали от Чехословакии компенсации за

национализированную собственность в валюте, которой у ЧСР было очень мало. Таким, в частности, путем они пытались помешать налаживанию экономических связей между ЧСР и СССР.

В депеше в Вашингтон от 26 января 1946 года посол США в Праге Стейнхардт писал: «В последние месяцы комбинация видимых и невидимых факторов позволила мне прийти к выводу, что члены правительства (ЧСР), поддерживающие установление еще более тесных политических и экономических связей с Советским Союзом, чем те, которые существуют сейчас, одновременно пытаются избежать уплаты соразмерно справедливой компенсации за национализированный иностранный капитал».^[563] К «просоветским радикалам» в кабинете министров Стейнхардт относил Фирлингера (премьер, ЧСДП), Лаушмана (министр промышленности, ЧСДП), Готвальда, Носека (министр внутренних дел, КПЧ), Копецкого (министр информации, КПЧ). Умеренных членов кабинета Стейнхардт упрекал в трусости, которая, по его мнению, была вызвана то ли семью годами террора гестапо, то ли вновь возникшим страхом перед мощью СССР. Сам Стейнхардт склонялся ко второму объяснению. В то же время Бенеш заверил американского посла, что Советский Союз никоим образом не пытается ограничить связи ЧСР с Западом. Однако Стейнхардт рекомендовал госдепартаменту не предоставлять Чехословакии никаких кредитов до тех пор, пока «чехи» не раскроют весь объем своих торгово-экономических связей с Москвой.

20 апреля 1946 года Стейнхардт сообщил в Вашингтон о своей беседе с министром внешней торговли ЧСР Рипкой (которого относил к умеренному крылу кабинета с «прозападными настроениями»). Рипка (ЧНСП) заверил посла, что в ходе его переговоров в Москве СССР ни разу не пытался оказывать давление на Чехословакию.^[564] К удивлению Рипки, русские не настаивали на длительных обязательствах по поставкам продукции со стороны ЧСР, а напротив, были готовы к единичным контрактам на основе клиринга, причем на базе чехословацких крон. Это было очень выгодно для ЧСР, испытывавшей острый недостаток валюты. Примечательно, что США отказывались заключить с ЧСР торговое соглашение до тех пор, пока не получат компенсацию за национализированную американскую собственность.

На селе компартия уже в июне 1945 года добилась принятия декрета о конфискации земель коллаборационистов. Под этот декрет попали земли всего немецкого населения ЧСР, активно поддержавшего в 1938-1939 гг. нацистов, – всего 2,9 млн га, в том числе 1,6 млн га сельскохозяйственных

земель. Крестьяне получали участки 12-13 га, которые были должны обрабатывать сами. Новые собственники должны были выплатить государству в течение длительного срока небольшую плату за землю, не превышавшую стоимости двух урожаев. Декрет был очень популярен в стране, так как за счет выселенных из ЧСР немцев была фактически ликвидирована проблема малоземельности среди чешских и словацких крестьян.

С целью обуздания инфляции 19 октября 1945 года был издан декрет президента о проведении денежной реформы с 1 ноября того же года. После войны на территории ЧСР помимо протекторатных и словацких крон ходили немецкие марки, венгерские пенге, а также долговые расписки-кроны Красной армии, которыми она расплачивалась за приобретаемые товары (эти «деньги» номиналом от 1 до 1000 крон были выпущены в Москве в 1944 году с согласия чехословацкого правительства и имели характер законного средства платежа с весны 1945 года). Американские войска тоже расплачивались расписками, однако уже без санкции правительства ЧСР.

Каждый гражданин по курсу 1:1 мог обменять 500 старых чешских или словацких крон на новые чехословацкие кроны. Новые деньги были еще во время войны напечатаны в Великобритании. С апреля 1943 года в подвалах в Бристоле хранились новые чехословацкие банкноты на общую сумму 24,8 миллиарда крон. В сентябре 1945 года новые деньги самолетами доставили в ЧСР. Из-за недостатка монет продолжали использоваться довоенные, протекторатные и словацкие монеты.

Предприниматели обменивали новые деньги в соответствии с текущими потребностями своих фирм, например в размере подлежавшей выплате среднемесячной зарплаты. Вклады в банках были заморожены («связаны») и могли быть обналичены только с разрешения государства.

[\[565\]](#)

Объем замороженных вкладов превысил в начале 1946 года 258 млрд крон. Однако предложение коммунистов о полном аннулировании крупных вкладов не прошло. [\[566\]](#)

Всего в обращение было запущено 19 миллиардов крон новых денег вместо 123 миллиардов старых (то есть денежную массу сократили на 85 %). Чтобы еще больше сократить инфляцию и ударить по спекулятивным прибылям времен войны, был введен прогрессивный налог на прирост имущества. С первых 5000 крон прироста надо было платить 5 %, с дальнейшего прироста в 10000 крон – 10 %, а с прироста свыше 565 000 крон – все 100 %. Если же прирост имущества был выше нормы,

соответствующей экономической условиям, и данное лицо не могло доказать источник этого дохода, то налог тоже был конфискационным – 100 %. Был введен налог и с самого имущества – от 5 % с первых 200 тысяч крон до 30 % с имущества, стоимость которого превышала 20 миллионов крон. Декларировать имущество было обязательно, если оно стоило больше 100 тысяч крон или если прирост стоимости с 1939 года до 15 ноября 1945-го превышал 20 тысяч крон. Налог можно было заплатить и из связанных вкладов, а также чехословацкими ценными бумагами.

Реформа прекратила инфляцию и сделала чехословацкую валюту одной из самых стабильных в тогдашнем мире.

Немцы, во времена протектората, заморозили все цены (а цены на многие товары еще и снизили), ввели систему распределения всех товаров через государственные органы, но одновременно в изобилии запускали в обращение новые деньги. Формально государственные цены на основные потребительские товары выросли в 1938-1945 гг. всего на 59 %, но многие из этих товаров можно было купить лишь на черном рынке по свободным ценам – а эти цены в 1945 году составляли 1000-5000 % довоенных.

В 1945 году цены на основные потребительские товары были установлены государством примерно на уровне в три раза выше довоенных. Пожалуй, это был перебор – с учетом массового изъятия денег из обращения цены могли бы быть и ниже. Правда, в таком же размере повысили и зарплаты.

Курс новой чехословацкой кроны к доллару США в 1945 году составил 50 крон за 1 доллар (перед войной курс был 28, 6:1). Обменный курс решили установить с учетом сравнения цен на основные товары в ЧСР, США, Великобритании, Швеции и Швейцарии. Курс оказался абсолютно реальным, и проблем с его удержанием на установленном уровне не было. Все финансовые трансакции с границей осуществлялись через государственный банк ЧСР.

Золотое содержание кроны было установлено в размере 0, 0177734 грамма. ЧСР с самого начала вошла в МВФ (в отличие от СССР) и внесла в фонд 125 млн долларов (12-е место среди 45 стран – учредителей МВФ).

Одновременно с денежной реформой, как уже упоминалось, была повышена заработная плата рабочим и служащим, а с 1 декабря 1945 года – введена надбавка к зарплате за воспитание детей.

Так как предложение коммунистов о полной ликвидации замороженных банковских вкладов не прошло, то их постепенно под разными предлогами стали «размораживать» (причем деньги брали на свои нужды и политические партии). А это, в свою очередь, опять увеличивало

количество денег в обращении и разгоняло только что укрощенную инфляцию. Если на 31 декабря 1945 года в обращении было 28,1 миллиарда крон, то на 31 декабря 1946-го – уже 46,5 миллиарда, а на 31 декабря 1947-го – 61 миллиард. Чтобы как-то купировать эту опасную тенденцию, 2 июля 1947 года для управления связанными вкладами специальным законом был учрежден Ликвидационный валютный фонд.^[567] К этому времени связанных вкладов оставалось лишь на 130 миллиардов крон. Фонд должен был как можно скорее ликвидировать вклады за счет использования их в целях имущественного налога. «Размораживать» вклады предполагалось только по мере роста товарной наполняемости рынка.

Министр финансов коммунист Доланский предпринял активные усилия для того, чтобы заставить наконец крупных дельцов и спекулянтов заплатить введенный еще в 1945 году имущественный налог, от которого они изобретательно уклонялись. Если до июля 1947 года объем выплаты налога составил 20 миллиардов крон, то к концу 1947 года – уже 35 миллиардов.

Большую экономическую помощь Чехословакии в 1945 году оказал СССР. В августе 1945-го из Советского Союза было получено 14 тысяч тонн железной руды, что предотвратило коллапс чехословацкой металлургии и машиностроения. До конца 1945 года из СССР прибыло 50 тысяч вагонов угля, 85 тысяч тонн железной и марганцевой руды, значительные количества нефти, хлопка, шерсти, льна.

С другой стороны, еще 23 ноября 1945 года было подписано соглашение между СССР и ЧСР о поставках в Советский Союз урановой руды из Яхимова (ЧСР), что сыграло большую роль в создании советского ядерного оружия.

Возглавляемое коммунистами МВД проводило в жизнь крайне популярный в ЧСР декрет президента Бенеша о выселении из страны всех немцев, поддержавших оккупантов (таковых было более 90 % немецкого населения довоенной Чехословакии). 1,75 миллиона немцев были переселены в Баварию, 750 тысяч – в советскую зону оккупации Германии. Выселяли всех, кто на переписи 1930 года объявил себя немцами (3 149 820 человек), а также всех немцев, прибывших на территорию Чехословакии после Мюнхенского соглашения 1938 года. После 1938 года 17,3 % всех судетских немцев вступили в НСДАП (в Германии членами нацистской партии было 7,85 % населения).

Немецкие антифашисты могли остаться в Чехословакии, и им предоставлялось гражданство страны. Следует подчеркнуть, что выселение немцев проводилось по инициативе Бенеша и ЧСНП. Еще в октябре 1943

года в Лондоне Бенеш заявил: «Немцам безжалостно оплатят за все, что они натворили у нас, начиная с 1938 года». В 1945 году 2,9 миллиона немцев были лишены чехословацкого гражданства и поставлены, по сути, в такие же условия, как евреи при гитлеровской оккупации. Немцы должны были носить белые повязки, им запрещалось посещать кинотеатры и общественные парки и т. д.

Как упоминалось выше, Бенеш был сторонником «дикого» выселения немцев еще до принятия державами-победительницами формального решения на сей счет. До Потсдамской конференции из ЧСР были выселены 450 тысяч немцев, которых декретом Бенеша от 2 августа 1945 года лишили чехословацкого гражданства^[568].

Например, до войны в столице Моравии Брно проживали более 50 тысяч немцев. Примерно две трети из них сбежали с отступавшими немецкими войсками еще перед освобождением города Красной армией. Затем 30-31 мая 1945 года из города изгнали около 27 тысяч немцев, многие из которых погибли.

Решение о выселении немцев из города местный национальный комитет принял 29 мая 1945 года по просьбам горожан. Особенно активно за выселение выступали рабочие оборонного предприятия «Збройовка». Многие жители Брно поддерживали выселение, так как в городе не хватало жилья примерно для 30 тысяч человек, а немцы зачастую жили в хороших квартирах, выделенных им после депортации евреев в концлагеря. Выселяемые имели право взять с собой все, что могли унести, за исключением драгоценностей и сберкнижек.

31 мая 1945 года немцев собрали у одной из церквей и погнали к австрийской границе, которая находилась в 56 км от Брно. Колонна состояла в основном из женщин и детей, так как мужчины были призваны в вермахт и находились к тому времени в плену. Некоторые не выдерживали жары и физических нагрузок и умирали прямо на краю дороги. Однако, согласно чешским источникам, ничего подобного не было: за уставшими людьми, которые не могли двигаться были посланы конные подводы.

Всех немцев разместили на австрийской границе в бараках, которые власти рейха ранее построили для насильно угнанных польских рабочих. 1 июня были отобраны 10 тысяч человек, способных идти дальше, и их отправили в Австрию. Однако других местные австрийские власти пропускать не хотели. 3 июня в Брно вернули примерно 2500 человек чешской национальности, немецких антифашистов и евреев (их сначала согнали в колонну выселяемых, так как они говорили по-немецки). Остальных оставили в лагере, где вскоре вспыхнула дизентерия. От голода

и болезней умерли 629 человек. Лагерь не охранялся, и многие немцы ушли в Австрию самостоятельно. 14 июня в Брно вернули еще примерно 2 тысячи человек.

От болезней и гибели оставшихся немцев спасли советские власти, открывшие дорогу в свою зону оккупации Австрии. Но и на австрийской территории, по немецким источникам, умерли еще около тысячи немцев из Брно.

При выселении немцев из Брно, по данным ФРГ (где это событие принято было называть «брненским маршем смерти»), погибли от 4 до 8 тысяч человек. Власти Чехии признают гибель нескольких сотен человек. Точно доказана смерть 2200 человек, но историки ФРГ считали, что на самом деле погибли как минимум 5200 немцев. Чешские источники подтверждают смерть 1629 немцев, только трое из которых погибли во время движения колонны из Брно к австрийской границе.

После выселения в Брно осталось не более полутора тысяч немцев. Освободившиеся квартиры – примерно 10 тысяч – быстро заняли чехи.

Коммунисты считали, что выселять надо только явных коллаборационистов, однако Бенешу еще в годы войны удалось убедить Сталина в необходимости выселения всего немецкого населения, и компартии пришлось с этим согласиться. США также поддержали Бенеша в стремлении «ликвидировать немецкую проблему». КПЧ удалось лишь настоять на своем требовании о предоставлении права остаться в ЧСР немецким антифашистам. В Чехословакии остались примерно 220 тысяч немцев.

Вопрос о выселении немцев из Чехословакии по просьбе Бенеша (на нее прямо сослался министр иностранных дел Великобритании Иден) политические лидеры США, СССР и Англии рассматривали на заседании конференции в Потсдаме 25 июля 1945 года.

«Черчилль. Есть еще один вопрос, который хотя и не стоит в повестке дня, но который следовало бы обсудить, а именно вопрос о перемещении населения. Имеется большое количество немцев, которых нужно переместить из Чехословакии в Германию.

Сталин. Чехословацкие власти эвакуировали этих немцев. И они находятся сейчас в Дрездене, в Лейпциге, в Хемнице^[569].

Черчилль. Мы считаем, что имеется еще 2,5 миллиона судетских немцев, которых нужно переместить. Кроме того, Чехословакия хочет быстрее избавиться от 150 тысяч немецких граждан, которые были в свое время перемещены в Чехословакию из рейха. Согласно нашей информации, только 2 тысячи из этих 150 тысяч немцев покинули Чехословакию. Это

большое дело – переместить 2,5 миллиона людей. Но куда их перемещать? В русскую зону^[570]?

Сталин. Большая часть их идет в русскую зону.

Черчилль. Мы не хотим иметь их в своей зоне.

Сталин. А мы и не предлагаем этого (Смех).

Черчилль. Они принесут с собой свои рты. Мне кажется, что перемещение по-настоящему еще не началось.

Сталин. Из Чехословакии?

Черчилль. Да, из Чехословакии. Пока перемещение идет в небольших размерах.

Сталин. Я имею сведения, что чехи предупреждают немцев, а затем выселяют их...»^[571].

Таким образом, Сталин со слов Бенеша полагал, что многие немцы уже ушли из Чехословакии в советскую зону оккупации Германии. Западные союзники кормить судетских немцев в своих зонах явно не желали.

Советское посольство в ЧСР в анализе от 16 июля 1945 года, составленном по материалам чехословацких СМИ, отмечало: «Чехословацкое правительство сразу же после переезда в Чехословакию приступило к разрешению вопроса о выселении немцев и венгров из страны... Чехословацкие местные власти по указанию из центра создают для немцев и венгров особое материальное и правовое положение. Нормы продовольствия для немцев и венгров значительно понижены. Выселение немцев из Судетской области производится неорганизованно. По распоряжению Министерства Транспорта немцы лишаются возможности пользоваться железнодорожным транспортом и городским трамваем... У немцев отобраны все радиоприемники, которые будут розданы чехам и словакам, вернувшимся из концлагерей. В некоторых областях (гг. Яблонец, Чешская Липа и др.) немцам запрещено появляться в театре и кино... В некоторых городах (г. Гайда) немцам запрещено появляться в парикмахерских и пользоваться медпомощью»^[572].

В газете ЧНСП «Свободное слово» от 4 июля 1945 года, как сообщало далее посольство, напечатана статья профессора Карела Канцла, требовавшего, чтобы все немцы немедленно сменили свои имена на чешские^[573].

Советское посольство (опять же опираясь на материалы СМИ ЧСР) информировало Москву и об эксцессах при «диком» выселении немцев из ЧСР: «Выселение немцев из Судетской области производится

неорганизованно. Уже проведено за последние три месяца (в мае – июле 1945 г. – *Прим. автора.*) 3-4 выселения немцев из городов и поселков городского типа Судетской области. В первую очередь чехи выселяют немцев, которые поселились здесь после 1938 года, и немцев, которые проявляли активность во время оккупации.

Перед выселением местные власти предварительно не предупреждают. За один день перед выселением немцам, которые подлежат выселению, сообщают, что с собой можно взять 30 кг продуктов и вещей. Все остальное имущество остается на местах и конфискуется чешскими местными властями... Выселенных немцев собирают на площадях, долго держат под открытым небом, а после этого под чешским конвоем отправляют в лагеря в Германию. Такой лагерь имеется в районе г. Цитау. По дороге чешский конвой до нитки обирает немцев. Чехи создали свои концлагеря для немцев...»^[574]

Посольство СССР отмечало: для «подготовки соответствующего общественного мнения чехословацкая пресса систематически помещает сообщения из Судетской области о различных инцидентах, значение которых часто преувеличивается... Вызывает сомнение сообщение газеты «Свободне слово» от 23.6.1945 г. об убийстве 3-х чехов немцами...».

Между тем в Потсдаме на заседании министров иностранных дел 25 июля 1945 года министр иностранных дел Великобритании Иден и госсекретарь США Бирнс лишь предложили, чтобы переселение немцев из Чехословакии осуществлялось «планово», а не путем «быстрого выбрасывания». Молотов не возражал.

Британская делегация подготовила проект решения по вопросу о выселении немцев, в котором, в частности, говорилось: «Три державы, рассмотрев вопрос во всех аспектах, признают, что должно быть предпринято перемещение в Германию немецкого населения из Центральной и Юго-Восточной Европы. Они согласны в том, что любое перемещение, которое будет иметь место, должно производиться под тщательным наблюдением и контролем, для того чтобы провести его, насколько возможно, организованным и гуманным способом, принимая во внимание способность Германии поглотить это население...»

Британцы предлагали изучить вопрос, сколько конкретно немцев и когда сможет принять Германия, а пока просить ЧСР и Польшу «воздержаться от дальнейшего выдворения (немцев) до рассмотрения соответствующими правительствами (Англии, США и СССР как оккупировавших Германию держав – *Прим. автора.*) доклада их

представителей в Союзном контрольном совете».^[575]

Комиссия трех держав подготовила согласованный проект решения о выселении немцев 30 июля 1945 года, в котором говорилось, что оккупирующие державы изучат возможности Германии по приему немецкого населения из Польши, Чехословакии и Венгрии и в соответствии с этим согласуют точный график переселения. А пока правительствам ЧСР и Польши следует воздержаться от перемещения немцев в Германию.

Но Сталин, зная позицию Бенеша, на очередном заседании глав государств 31 июля заявил: «Я боюсь, что такое решение не даст серьезных результатов. Дело не в том, что немцев прямо берут и выгоняют из этих стран (Чехословакии и Польши – *Прим. автора.*). Не так просто обстоит дело. Но их ставят в такое положение, при котором им лучше уйти из этих районов. Формально чехи и поляки могут сказать, что нет запрещения немцам жить там, но на деле немцы ставятся в такое положение, при котором жить там им становится невозможно...»^[576]

Таким образом, Сталин фактически предложил переселить немцев из Чехословакии и Польши в Германию как можно скорей из опасений, что в противном случае польские и чехословацкие власти просто расправятся с ними. Как уже упоминалось, политика Бенеша давала все основания для подобных опасений.

Госсекретарь Бирнс заметил, что в решении содержится просьба правительствам Чехословакии и Польши временно прекратить переселение. На это Сталин как реалист ответил: «Поляки и чехи скажут вам, что у них нет приказа о выселении немцев. Но если вы настаиваете, я могу согласиться с этим предложением, боюсь только, что большого результата не будет».

Трумэн настаивал, хотя и разделял сомнения Сталина. В результате вышеупомянутый проект решения был принят Потсдамской конференцией, что, как и предвидел Сталин, никак не замедлило «дикое» выселение немцев из Чехословакии и Польши.

Предположение советского лидера оказалось верным – Бенеш не собирался ждать, пока союзники составят график постепенного приема судетских немцев в Германии. Уже 2 августа 1945 года президент ЧСР издал декрет о лишении практически все немцев и венгров на территории ЧСР чехословацкого гражданства. В документе говорилось: «Граждане Чехословакии немецкой или венгерской национальности, которые (ранее) получили по распоряжению оккупационных властей немецкое или венгерское гражданство, в день получения такого гражданства утратили

право на гражданство Чехословакии». Де-факто это условие относилось к подавляющему большинству немцев и венгров Чехословакии, в частности, ко всем судетским немцам, которые в 1938-1945 гг. были гражданами Германского рейха и с юридической точки зрения жили после сентября 1938 года на его территории.

После этого декрета все немцы и венгры теряли право на легальное пребывание в ЧСР, так как в одночасье стали иностранцами. При этом следует подчеркнуть, что никакого решения о выселении венгров из ЧСР Потсдамская конференция не принимала.

Первый эшелон с выселенными «упорядоченно» немцами покинул ЧСР 25 января 1946 года. С 1 апреля 1946-го из страны ежедневно уходили по четыре поезда с 1000-1200 человек в каждом.

Хотя в своей речи перед депутатами Временного Национального собрания 28 октября 1945 года Бенеш говорил, что «перемещение немецкого населения, разумеется, должно производиться ненасильственно и не по-нацистски», изгнание сопровождалось многочисленными убийствами и издевательствами над мирным населением. (Однако масштабы этих эксцессов в ФРГ позднее сильно преувеличили.)

Например, 18 июня 1945 года группа немецких беженцев из небольшого городка Добшина (так называемые карпатские немцы, которые возвращались домой в Словакию) проезжала на поезде через моравский город Пршеров – тот самый, где, как уже упоминалось, 1 мая 1945-го вспыхнуло подавленное немцами восстание. Карпатские немцы бежали из Словакии в декабре 1944 года по приказу тогдашних немецких властей. Поезд был остановлен подразделением контрразведки во главе с поручиком Каролом Пазуром из 17-го пехотного полка чехословацкого корпуса генерала Свободы, в прошлом членом словацкой Глинковской гвардии, которая тесно сотрудничала с нацистами. Будучи военнослужащим словацкой Быстрой дивизии, Пазур попал в плен в 1943 году, стал коммунистом и вступил в ряды чехословацкого корпуса.

Ряд военнослужащих 17-го пехотного полка участвовали в Словацком национальном восстании и среди случайно встреченных на вокзале карпатских немцев узнали тех, кто помогал во время восстания карателям.

По другой версии, Пазур решил ликвидировать всех немцев эшелона как нежелательных свидетелей своей собственной службы в Глинковской гвардии.

Немцы были выведены из поезда, и Пазур начал их допрашивать. Позднее он утверждал, что все допрошенные признались в сотрудничестве с нацистами. Но потом выяснилось, что у некоторых немцев даже были

документы, подтверждавшие их невиновность. После допроса Пазур вместе с офицером-политработником Сметаной отконвоировали немцев в здание кадастрового ведомства, где те были расстреляны.

Людей заставили раздеться до нижнего белья, и дети были вынуждены смотреть, как убивают их родителей. Свидетели говорили, что один шестилетний ребенок по-словацки попросил его расстрелять, чтобы он мог уйти вслед за уже убитой мамой. Одну женщину расстреляли вместе с двумя детьми, которых она держала на руках. Тела были погребены в братской могиле величиной 17 x 2 метра. Местные жители сначала отказывались копать ее, но Пазур сказал им, что расстреливает эсесовцев. Имущество казненных поделили между собой бойцы Пазура.

Были убиты 71 мужчина, 120 женщин и 74 ребенка. Самому младшему из погибших было восемь месяцев, самому старшему – 80 лет. Сразу после убийства Пазура арестовали сотрудники НКВД, но он показал удостоверение сотрудника контрразведки и был освобожден. На следующий день советский комендант Пршерова Ф. Попов отдал приказ снова арестовать Пазура, однако тот уже уехал из города и находился в Словакии. Попову он сказал по телефону, что тот не должен вмешиваться, потому что это дело чехословацких властей.

Попов послал документы о расследовании массового убийства чехословацким органам, но Пазура лишь повысили в звании до надпоручика.

В 1947 году, когда о Пршеровском расстреле стали много писать в СМИ, Пазур был осужден военным судом в Братиславе на семь с половиной лет.

Приговор он обжаловал, ссылаясь на то, что «время было такое» и что он действовал по патриотическим мотивам. Также Пазур говорил, что весь процесс против него задуман с целью подорвать репутацию компартии. Расстрел детей Пазур объяснял просто: он, мол, не знал, что с ними делать после расстрела их родителей.

Своими жалобами Пазур лишь сам себе навредил: в 1949 году (когда вся власть безраздельно принадлежала КПЧ) Высший военный суд в Праге увеличил срок наказания до 20 лет. Однако в реальности Пазур пробыл в заключении два года и в 1951-м вышел на свободу по амнистии. В 60-е – 70-е годы он был активным деятелем Союза антифашистских борцов.

31 июля 1945 года произошло несколько взрывов на складах с боеприпасами в пограничном чешском городе Усти-над-Лабем в Судетах (немцы, до войны составлявшие большую часть населения города, называли его Ауссиг). Первоначально возник пожар на кабельном заводе,

который затем перекинулся на спиртовой завод и жилые дома. Во время пожара и прогремело несколько взрывов.

Погибли 27 человек (в том числе 12 женщин и шесть воинов чехословацкой армии), 200 человек были ранены. Ущерб от взрыва оценивался в 200 миллионов крон. Сразу же после этого в центре города у вокзала началась расправа над местными немцами – их обвиняли в теракте, который якобы совершила группа «вервольфа». Немцев, обязанных носить белые повязки, легко можно было узнать в толпе. Их вину многие видели хотя бы уже в том, что исключительно немцы и работали на кабельном заводе, где возник пожар.

Немцев топтали, расстреливали и сбрасывали в Эльбу (Лабу) с моста имени Эдварда Бенеша. По свидетельствам выживших очевидцев, несколько человек, включая женщину с ребенком в коляске, сбросили в реку живыми и застрелили при попытке выплыть. За этим последовали страшная череда изнасилований и убийств на городских улицах. Но все эти сведения базируются на свидетельствах, позднее опубликованных в ФРГ.

Считается, что в ходе расправы погибли 80-100 немцев, но точно задокументирована гибель 43 человек. Западногерманские источники утверждают, что только у города Майсен в Саксонии из Эльбы было выловлено 80 трупов убитых в Усти-над-Лабем немцев. Однако многие местные жители, включая мэра Йозефа Вондру, помогали немцам, стараясь уберечь их от суда Линча.

В расправах помимо местных чехов приняли участие бойцы стихийно возникшей в мае революционной гвардии и военнослужащие чехословацкой армии. Были данные и об участии в избиении немцев красноармейцев, но никаких реальных свидетельств этого нет. В городе гарнизона Красной армии не было.

По данным самих судетских немцев (явно предвзятым), во время избиения были убиты более 2200 немцев, современные немецкие историки говорят о 220 погибших.

На следующий день после эксцессов в Усти-над-Лабем правительством Чехословакии была создана комиссия по расследованию происшествия во главе с министром обороны генералом Людвигом Свободой и министром внутренних дел Вацлавом Носеком (КПЧ). Причину взрыва на складе не удалось обнаружить, так что в целом немцев обвинили бездоказательно. Характерно, что Носек в отчете для правительства ЧСР был гораздо более осторожен в оценках, чем Свобода. Посольство СССР в Праге сообщало в Москву, что Свобода заявил представителям печати: «В этом случае мы имеем дело с деятельностью

немецкой подпольной организации». Носек же сказал: «Мы обеспокоены такими катастрофами, создается глубокое убеждение, что это не злополучное стечение случайностей, а скорее умышленное уничтожение нашей экономической жизни»^[577].

Но уже само по себе упоминание слова «катастрофа» говорило о том, что глава МВД не исключал и естественного происхождения пожара, вызвавшего взрывы.

Есть версия, что все эксцессы в отношении немцев весной – летом 1945 года были специально подстроены с ведома Бенеша. Так, взрывы в Усти-над-Лабем якобы организовали чехословацкие органы безопасности, чтобы оказать давление на участников Потсдамской конференции.

Таким способом Бенеш, дескать, хотел убедить союзников в Потсдаме, что судетским немцам лучше как можно быстрее переселиться в Германию.

Но в то же время следует отметить, что нацистское подполье действительно совершало теракты в Судетской области ЧСР. Например, 9 июля 1945 года была произведена попытка подрыва почты в городе Дечин, и в этот же день был взорван склад боеприпасов в Хотыни (погибли семь военнослужащих чехословацкой армии и семь немцев). На фоне таких событий антинемецкий погром в Усти-над-Лабем можно объяснить хотя бы психологически.

В августе – сентябре 1945 года органы армии и безопасности арестовали около 200 бойцов групп «вервольфа» и обнаружили 20 подпольных складов с оружием^[578]. Министр внутренних дел Носек в докладе парламенту отмечал, что в 1945-1946 гг. в Чехии было зафиксировано 314 случаев саботажа, диверсий, поджогов и т. д. Например, в июле 1945-го в вышеупомянутом городе Хотынь был взорван еще и завод по производству боеприпасов (погибли семь солдат, двое были ранены). В районе Светлая под Сазавой взорвали воинский эшелон. Между Добриховицами и Ровницами был подорван железнодорожный путь. В городе Гавличкув-Брод при пожаре на железной дороге сгорело 11 вагонов военных грузов и несколько складов.

Большую часть этих акций приписывали «вервольфу». Чехословацкие органы безопасности, считали, что группами «вервольфа» в Чехии по рации руководит специальный центр в Баварии в 80 км от чешского города Домажлице. Один из радиопередатчиков засекли в районе Франтичковы Бани^[579].

О деятельности «вервольфа» в Чехии после войны до сих пор существуют диаметрально противоположные точки зрения: одни считают,

что все это было выдуманно, чтобы оправдать выселение немцев. Другие полагают, что теракты «вервольфа» действительно имели место.

Так или иначе, в начале 1945 года Франк пытался сформировать в Чехии две дивизии «вервольфа» из молодежи. Хотя эти планы в основном остались на бумаге, все же были созданы центры подготовки диверсантов и партизан в Карловых Барах, Либереце, Теплицах, Праге и в Крконошских лесах^[580].

Оберштурмбаннфюрер СС Эрнст Мюллер, приданный штабу командующего группой армий «Центр» фельдмаршала Шернера и отвечавший за организацию групп «вервольфа»^[581], сообщал в Берлин о результатах совещания у Франка 12 февраля 1945 года: «...было решено создать учебную тыловую часть для области группы армий «Центр» под наименованием Штабная рота при главнокомандующем частями СС и полиции Чехии и Моравии с местом дислокации Прага... Государственный министр К. Х. Франк дал нашей штабной роте к диспозиции 60-70 человек...»

Свой командный пункт Мюллер перенес в Либерец (в помещение районного руководства НСДАП). Помимо протектората ему подчинялись группы «вервольфа» в Силезии и Судетах^[582].

Гауляйтер НСДАП в Судетах Генлейн придавал созданию групп «вервольфа» большое значение. Он назначил генерал-лейтенанта фольксштурма Петера Херманна (его имя встречается и в донесениях советского посольства в Праге) ответственным за организацию подпольной сети «вервольфа» в Судетской области.

Подготовку боевиков (в основном молодежи из «гитлерюгенда») Мюллер начал с 19 февраля 1945 года. Курсы длились две недели сначала на базе учебного центра СА. Предпочитались люди с начальной военной подготовкой и умением держать язык за зубами. Кандидатов отбирала НСДАП. Всего отобрали около 1150 юношей и девушек^[583]. В добровольцах недостатка не было. «Оборотней» учили стрелять, устраивать лесные лагеря и склады с оружием и продуктами.

Однако при вступлении Красной армии в Судеты 8 мая 1945 года почти все командиры групп «вервольфа» бежали на Запад, а бойцы разошлись по домам и действовали уже на свой страх и риск.

10 мая первый отряд чехословацкой армии в Либереце встретили пулеметным огнем из засады. Перестрелка длилась более часа и была такой ожесточенной, что пришлось вызвать на помощь два советских танка, применивших свои пушки. Причем наиболее ожесточенный огонь велся

как раз из штаб-квартиры местной НСДАП, где Мюллер учил боевиков из «вервольфа». Как минимум до 21 мая в Либерце и его окрестностях чехословацких солдат постоянно обстреливали. Проведенные армией и полицией облавы позволили обнаружить 40 винтовок, 50 гранат и пять фаустпатронов.

Однако вряд ли «вервольф» представлял собой в Чехии весной – летом 1945 года значительную единую боевую силу. Речь могла идти скорее об отдельных актах мести и террора со стороны фанатиков-нацистов и обиженных чехами немцев.

До войны в ЧСР жили 3,1 миллиона немцев. Примерно 300-500 тысяч судетских немцев погибли во время войны в рядах вермахта и СС. До окончания Потсдамской конференции 2 августа 1945 года из Чехословакии «диким» образом были изгнаны 450 тысяч немцев. Еще примерно 300 тысяч немцев (по большей части из Моравии и Силезии) сбежали сами, спасаясь от Красной армии в соответствии с приказами Гитлера от 20 марта 1945 года.

По данным комиссии немецких и чешских историков, при бегстве и выселении немцев из Чехословакии по разным причинам погибли от 19 до 30 тысяч человек. Судьба примерно 200 тысяч не выяснена. Много судетских немцев погибли или пропали без вести уже на территории Германии и Австрии. Некоторых вообще убили «немецкие» немцы, которые считали, что из-за их судетских собратьев и началась Вторая мировая война.

По данным западногерманских источников, в ходе выселения умерли от голода, покончили жизнь самоубийством или были убиты до 250 тысяч немцев. Чешские архивы подтверждают гибель 18 816 человек, из которых 5596 пали жертвами расправы со стороны чешского населения, 3411 покончили жизнь самоубийством, 6615 погибли от голода и болезней в лагерях, 1481 человек – во время транспортировки.

В начале 1947 года Бенешу представили сведения, согласно которым до 1 ноября 1946 года из ЧСР были выселены 2 170 598 немцев, в том числе 1 420 598 – в американскую зону оккупации Германии и 750 000 – в советскую зону. Для перевоза этих людей было использовано 1646 эшелонов (67 748 вагонов и 6 580 локомотивов). Кроме того немцев перевозили в четырех лазаретных эшелонах, на 960 автомобилях и 12 кораблях. Все эти данные касались «упорядоченного выселения», проводимого государственными органами после Потсдамской конференции.

В своем рождественском обращении к нации в декабре 1946 года

Бенеш сказал: «Нынешнее Рождество приобретает особое значение и характер также и потому, что мы впервые отмечаем его на нашей родине без немцев. Это результат, на огромное историческое значение которого я уже неоднократно указывал... Этим фактом была ликвидирована одна из больших глав нашего прошлого...»

В результате выселения немцев на территории современной Чехии было ликвидировано около трех тысяч населенных пунктов, в том числе и районные центры. Страна лишилась не только сотен тысяч квалифицированных рабочих и специалистов, но и призывников в армию. Однако Бенеш был доволен – его мечта о создании однородного национального славянского государства сбылась.

После выселения в ЧСР осталось примерно 250 тысяч немцев, гражданские права которых были сильно ограничены. Они должны были отмечаться в полиции, не имели избирательного права, им запрещались массовые демонстрации. По карточкам немцы получали столько же продуктов, что и евреи во время гитлеровской оккупации. Немцам было запрещено выходить из дома после 21:00. В некоторых местах им предписывали вставать по стойке смирно при виде чехословацких или советских офицеров. В других местах немцам запрещали ходить по тротуарам. В ряде мест запретили богослужения на немецком языке. У немцев отбирали автомобили, а зачастую и велосипеды. Было запрещено говорить по-немецки в общественных местах.

Советское посольство в Праге отмечало в июле 1945 года: «В Судетской области немцы-антифашисты на дверях имеют таблички от Министерства Внутренних Дел, которые охраняют их от выселения. Однако антифашистам местные власти работы не дают, и нормы продуктов им ниже, чем чехам»^[584].

Характерно, что по сей день, несмотря на жесткое давление Германии, все политические силы Чешской Республики единогласно поддерживают «декреты Бенеша» о выселении немцев из ЧСР (всего было издано 143 таких декрета, причем первые из них еще во время лондонской эмиграции Бенеша в годы войны), которые к тому же были осуществлены при поддержке ведущих стран Антигитлеровской коалиции и фактически санкционированы решением Потсдамской конференции СССР, США, Англии и Франции.

Имущество всех выселенных поступило в распоряжение государства (декрет Бенеша № 108 от 25 октября 1945 года).

Примечательно, что сначала по декретам Бенеша выселению подлежали и евреи, которые по переписи 1930 года записали себя немцами

(таких было тогда 40 тысяч, а к концу войны в результате нацистских репрессий это количество сократилось до 3-5 тысяч). Однако приказом МВД ЧСР, которое возглавляли коммунисты, от 13 сентября 1946 года было установлено, что все евреи, которых таковыми объявили нацистские расовые законы, считаются пострадавшими от нацизма и выселению не подлежат.

Коммунисты поддерживали выселение немцев скорее всего потому, что Сталин уже дал на это Бенешу свое согласие в декабре 1943 года. КПЧ учитывала в своей политике антинемецкие настроения подавляющего большинства населения страны, которые активно раздували Бенеш и национальные социалисты. Выселение немцев скорее ослабляло перспективные позиции партии, так как среди судетских немцев до 1938 года было довольно много коммунистов и левых социал-демократов.

Поэтому на VIII съезде КПЧ в марте 1946 года Готвальд публично поддержал выселение немцев, но постарался придать процессу не национальный, а социально-экономический и антифашистский оттенок: «Вторая задача после освобождения республики – использовать до конца военный разгром гитлеровской Германии и ее сателлитов, чтобы избавить республику от пятой колонны в лице немецкого меньшинства. Из этого ясно вытекает наше категорическое требование переселения немцев и заселения наших пограничных районов чехами и словаками. Нужно, чтобы наш народ знал, что это национальное и государственное требование с первого же момента встретило полное понимание и поддержку Советского Союза, и что товарищ Сталин на памятной нам Потсдамской конференции добился признания также со стороны Англии и США нашего требования о переселении немцев, в результате чего наше право на переселение немцев было признано в международном плане...

Одновременно с переселением немцев семимильными шагами идет вперед историческое дело заселения чешского пограничья чешским населением. Мы передаем в руки простых чешских людей – крестьян, ремесленников и торговцев – бывшие немецкие хозяйства, мастерские и торговые предприятия на исключительно выгодных условиях. Конфискованную немецкую промышленность и банки мы включаем в национализированный сектор, передаем государству огромные лесные массивы, крупные курортные центры и все богатства недр... В этой связи я хотел бы обратить ваше внимание на одну бросающуюся в глаза черту, которая также характерна для нашего народного режима: в истории не много можно найти примеров такой честности и бескорыстия, с какими проходит весь этот огромный процесс перераспределения земли и многих

других ценностей... здесь нет места всякого рода подкупу и мошенничеству»^[585].

Выселение немцев сильно укрепило популярность КПЧ в народе, причем среди всех слоев населения. Чехи понимали, что выселение стало возможным только вследствие победы «коммунистической» Красной армии в войне против Германии. К тому же именно национальные комитеты, где у коммунистов были очень сильные позиции, распределяли среди чехов и словаков собственность выселенных.

Таким образом, в начале 1946 года Чехословакия была новым государством в социально-экономическом, политическом и даже национальном смысле. Но только для коммунистов и части социал-демократов политические и экономические реформы были реализацией их давней марксистской программы, первыми шагами на пути в новое социалистическое общество. Напротив, национальные социалисты и народники вместе со словацкой демократической партией считали национализацию и создание национальных комитетов данью послевоенным революционным настроениям народа. Бенеш, главный и самый авторитетный конкурент коммунистов, полагал, что вскоре революционные настроения людей улягутся, как было после Первой мировой войны. А это будет означать, что компартия потеряет сторонников и станет возможным вытеснить ее из правительства. В этой игре Бенеш рассчитывал не только на помощь Запада, но и на нейтралитет Сталина. Ведь терпели же в Москве некоммунистическое правительство Финляндии при условии военно-политического союза этой страны с СССР. Такой же Финляндией Бенеш хотел сделать и Чехословакию.

Глава 3. Двухлетний план и недельный кризис. Март 1946-го – февраль 1948 года

С конца 1945 года военно-политическая обстановка в мире начала осложняться, несмотря на все попытки Сталина сохранить добрые отношения с союзниками по Антигитлеровской коалиции.

Общеизвестно, что в августе 1945-го Трумэн применил ядерное оружие против Японии, чтобы «показать этим русским парням», какая «дубинка» теперь находится у него в руках. Президент США не преминул прямо намекнуть на это Сталину во время Потсдамской конференции. Уже в мае 1945 года американцы неожиданно прекратили все поставки СССР по ленд-лизу (Трумэн вернул даже уже вышедшие в море корабли), хотя одновременно просили СССР вступить в войну против Японии, что Сталин и сделал 8 августа 1945 года.

14 мая 1945-го Трумэн принимал в Овальном кабинете главу американской разведки – Управления стратегических операций (УСС) – генерала Уильяма Донована по кличке Дикий Билл. Донован просил президента сохранить УСС и в мирное время для борьбы против мирового коммунизма и СССР^[586]. Трумэн просьбе Донована не внял, но только потому, что опасался превращения УСС в неподконтрольный президенту орган, «американское гестапо».

В любом случае была не только сохранена, но и расширена резидентура УСС в Берлине, которую организовал будущий директор ЦРУ Хелмс. Один из сотрудников Хелмса Полгар вспоминал, что уже к октябрю 1945 года определилась основная цель резидентуры: «...ясно, что нашей главной мишенью были намерения русских»^[587].

18 сентября 1945 года Комитет начальников штабов США (высший орган военного управления) принял Директиву номер 1496/2 «Основы формирования военной политики», а 9 октября – Стратегическую концепцию и план использования вооруженных сил США. В этих документах в качестве главного противника был четко обозначен Советский Союз. Война против СССР не исключала нанесения первого удара, должна была вестись вне территории США, ее целью было полное уничтожение всего военного потенциала Советского Союза. Причем это уничтожение должно было осуществляться с использованием ядерного оружия, которого на тот момент у Москвы не было, и как можно быстрее.

В концепции содержался следующий постулат: «Если станет ясно, что силы агрессии концентрируются вероятным противником против нас, то мы не можем позволить себе предаваться опасной иллюзии избежать его агрессии, позволив нанести ему удар по нам первым. Наше правительство в этих условиях должно активно пытаться достичь политического решения, в то же время, осуществляя необходимые приготовления, чтобы иметь возможность ударить первым»^[588].

В ноябре 1945 года предшественник ЦРУ, Объединенный комитет по разведке США наметил 20 советских городов (включая Москву) для нанесения ядерного удара.

Сталин, напротив, рассчитывал на добрые отношения с Вашингтоном и на помощь США в восстановлении советской экономики. В сентябре 1945 года он принял делегацию сенаторов США, которые потребовали гарантий, что СССР вернет возможные американские кредиты.

4 сентября 1945 г. делегация под руководством председателя комитета Уильяма М. Колмера от штата Миссисипи была принята Сталиным. Колмер заявил советскому лидеру, что его комитет знает о желании России получить заем от США. Но американцы требовали от советского лидера выполнения ряда унизительных политических условий.

Колмер спросил, как «Советы» используют средства и что может Вашингтон ожидать взамен. Делегация сделала отчет государственному секретарю Бирнсу, а затем совещалась с Трумэном. В беседах с обоими группа Колмера подчеркнула, что необходимо ужесточить «подход к Советской Республике».

Комитет Колмера был готов одобрить американский заем Советскому Союзу при условии, что русские примут на себя определенные обязательства. В частности, СССР должен был сообщить, какая доля производства у него идет на вооружение, а также передать важнейшие данные о советской экономике и дать возможность проверить их точность. Кроме того, Советскому Союзу предписывалось не оказывать помощи в политических целях странам Восточной Европы и отчитаться о содержании торговых договоров с этими странами. Как в СССР, так и в странах Восточной Европы, находящихся под контролем Москвы, Кремль должен был гарантировать полную защиту американской собственности, право распространять американские книги, журналы, газеты и кинофильмы. Наконец, Соединенным Штатам, с точки зрения Колмера, следовало настаивать на выполнении политических обязательств Москвой на тех же условиях, что и другим правительствам. Это включало вывод советских войск из других стран в соответствии с Потсдамскими

соглашениями. Короче говоря, Колмер и его коллеги требовали, чтобы Советский Союз в обмен на американский заем изменил свою систему правления и отказался от своей сферы влияния в Восточной Европе^[589].

22 февраля 1946 года советник-посланник посольства США в СССР Джордж Кеннан^[590] направил в Вашингтон из Москвы телеграмму № 511, получившую позднее название «длинной», так как она состояла примерно из 5,5 тысяч слов. Считается, что этот документ послужил американскому руководству теоретическим обоснованием для перехода к открытой конфронтации с СССР.

Кеннан писал, что Сталин не верит в возможность мирного сосуществования с США и что американцам надо отказаться от партнерства с Москвой времен Рузвельта, так как русские понимают и уважают только силу. Он рассуждал о некоем «природном экспансионизме» СССР («невротический взгляд Кремля на международные вопросы объясняется традиционным и инстинктивным чувством недостаточной безопасности») и предлагал активно противодействовать распространению коммунизма в мире. Текст телеграммы был направлен всем высшим военачальникам США, а госдепартамент разослал ее во все американские посольства.

В США разворачивался направляемый из Белого дома антикоммунистический психоз. Комитет конгресса по расследованию антиамериканской деятельности начал искать «коммунистов» во всех государственных ведомствах, особенно в госдепартаменте. Быть коммунистом или сочувствующим автоматически означало быть советским агентом. Благодаря преследованиям и увольнениям с работы, «подозреваемых» иногда доводили до самоубийства. В комитете проявил себя будущий президент США Ричард Никсон, получивший за изворотливость и пренебрежение к фактам кличку «Ловкий Дик».

Срежиссированная в Белом доме антикоммунистическая пропаганда не замедлила сказаться на отношении обычных американцев к недавнему союзнику – Советскому Союзу. В августе 1945 года 54 % американцев считали, что Россия будет продолжать сотрудничество с США и после войны, в октябре 1945-го таковых было уже 44 %, а в феврале 1946-го – лишь 35 %^[591]. В марте 1946 года советскую внешнюю политику осуждал 71 % американцев и лишь 7 % ее одобряли.

В том же марте 1946-го Черчилль произнес в американском городе Фултоне знаменитую речь, которая считается первым публичным выстрелом холодной войны. Речь была согласована с Трумэном, лично

правившим ее текст, хотя формально являлась всего лишь частным мнением бывшего политика, не занимавшего на тот момент никаких официальных должностей.

В этом выступлении Черчилль обвинял Москву в попытке насадить коммунистическую систему в Восточной Европе. Бывший британский премьер сказал: «От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике, через весь континент, был опущен «железный занавес». За этой линией располагаются все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы: Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест и София. Все эти знаменитые города с населением вокруг них находятся в том, что я должен назвать советской сферой. И все они, в той или иной форме, являются объектами не только советского влияния, но и очень высокого, а в некоторых случаях и растущего контроля со стороны Москвы... Коммунистические партии, которые были очень маленькими во всех этих восточноевропейских государствах, выращены до положения и силы, значительно превосходящих их численность, и они стараются достичь во всем тоталитарного контроля».

Характерно, однако, что, говоря о «железном занавесе», Черчилль «изъял» из-за него Чехословакию, посчитав, что там демократия еще сохранится. В отношении роли компартии Чехословакии бывший британский премьер явно выдавал желаемое за действительное. Ведь КПЧ и до войны была массовой партией, в которой состояли десятки тысяч членов, а отнюдь не маленькой сектой.

Отметим интересный факт: в июне 1947 года в Чехословакии был проведен опрос «Считаете ли вы, что живете за железным занавесом?» 53 % респондентов ответили отрицательно, 13 % – утвердительно, а 34 % затруднились с ответом^[592].

Черчилль в своей речи призывал англо-саксонское сообщество наций остановить коммунизм во всем мире.

В интервью газете «Правда» 14 марта 1946 года Сталин прокомментировал это утверждение следующим образом: «Господин Черчилль бродит около правды, когда он говорит о росте влияния коммунистических партий в Восточной Европе. Следует, однако, заметить, что он не совсем точен. Влияние коммунистических партий выросло не только в Восточной Европе, но почти во всех странах Европы, где раньше господствовал фашизм (Италия, Германия, Венгрия, Болгария, Финляндия) или где имела место немецкая, итальянская или венгерская оккупация (Франция, Бельгия, Голландия, Норвегия, Дания, Польша, Чехословакия, Югославия, Греция, Советский Союз и т. п.).

Рост влияния коммунистов нельзя считать случайностью. Он представляет вполне закономерное явление. Влияние коммунистов выросло потому, что в тяжелые годы господства фашизма в Европе коммунисты оказались надежными, смелыми, самоотверженными борцами против фашистского режима, за свободу народов»^[593].

Пробой сил в Чехословакии стали первые послевоенные свободные парламентские выборы в Конституционное (или Законодательное) Национальное собрание, которые в январе 1946 года были намечены Национальным фронтом на 26 мая 1946-го. Собрание было призвано принять новую конституцию страны, после чего в 1948 году должны были пройти выборы уже в обычный парламент.

Вся республика была разделена на 28 избирательных округов (13 в Чехии, шесть – в Моравии и девять в Словакии). Количество избираемых депутатов от каждого округа было различным и зависело от численности населения. 150 мандатов выпало на Чехию, 81 – на Моравию и Силезию, 69 – на Словакию.

Примечательно, что инициатива проведения выборов принадлежала КПЧ, так как коммунисты стремились узаконить рост своего авторитета в массах. Ведь если КПЧ бесспорно была самой массовой партией в стране, то в национальных комитетах ей приходилось соглашаться на паритетное представительство с другими партиями Национального фронта.

При этом американское посольство в Праге со ссылкой на свои контакты в некоммунистических партиях сообщало, что коммунисты якобы всеми силами оттягивают выборы, опасаясь потерять на них былое влияние.

Однако реалистически мыслящие политики в Национальном фронте не сомневались в том, что именно компартия займет на выборах первое место, хотя и не получит абсолютного большинства.

Один из ведущих деятелей ЧНСП Клатил вспоминал: «Национально-социалистическая партия не ожидала от выборов коренного поворота, но все же надеялась хотя бы на смену тенденции... перестановку сил, ослабление коммунистического господства, усиление демократии, решительный шаг к внутреннему прояснению и начало возврата к нормальным условиям»^[594].

Национальные социалисты, основные соперники коммунистов в Национальном фронте, считали, что компартия опирается на внепарламентские силы – профсоюзы и национальные комитеты, – где она явочным порядком заняла доминирующие позиции в суматохе майских

дней 1945 года. Но на самом деле компартия не имеет реальной поддержки здравомыслящих слоев населения (поэтому коммунисты опираются на неопытную молодежь). Проиграв выборы, КПЧ придется вернуться в обычной коалиционной игре партий 30-х годов, где у ее противников в парламенте будет уже большинство, как и в дюнхенской республике. А революционный энтузиазм народа утихнет, сменится повседневными заботами, и коммунистам не удастся вновь активизировать рабочих и служащих для массовых акций в свою поддержку.

Естественно, коммунисты думали иначе – ряды КПЧ в начале 1946 года росли столь же стремительными темпами, как и в мае – июне 1945-го, и партия рассчитывала на победу на выборах.

Участвовать в выборах могли только партии Национального фронта, которые предлагали избирателям свои списки. В каждом избирательном округе в партийном списке не должно было быть более 30 кандидатов. Существовавшая до войны верхняя палата парламента – сенат – была ликвидирована.

Участие в выборах было обязательным – за неучастие полагалось тюремное заключение на срок до одного месяца или штраф (исключение из этого принципа сделали для людей старше 70 лет и инвалидов). Также могли не голосовать те, кто работал на удалении более чем 100 км от своего избирательного участка. Работодатели должны были обеспечить всем своим работникам возможность проголосовать в день выборов.

Те, кто не был согласен с линией Национального фронта, могли опустить в урны специальные «белые бюллетени» (пустые). Отметим, что предложила это именно КПЧ^[595]. Коммунисты добились также расширения избирательного ценза – теперь в выборах могли участвовать все граждане, достигшие 18-летнего возраста (ранее – с 21 года; этот ценз сохранился для самих кандидатов в парламент). Вкупе с естественным изменением численности населения по сравнению с последними выборами в 1935 году, это означало, что примерно 15 % избирателей придут на выборы впервые в жизни. С другой стороны, в выборах не могли участвовать лица, осужденные чрезвычайными народными судами за коллаборационизм.

При обсуждении правил выборов в парламент возникли острые разногласия между коммунистами (которых поддержали все чешские партии) и словацкими демократами. КПЧ и КПС предлагали выделить Словакии места в парламенте пропорционально количеству внесенных в списки избирателей, а демократы – пропорционально общему количеству населения. По версии коммунистов и чешских партий, у Словакии выходило меньше мест в будущем парламенте, а демократы вновь

предстали в глазах многих словаков борцами за словацкие интересы.

25 марта 1946 года все партии Национального фронта подписали соглашение о принципах ведения предвыборной кампании. В частности, все партии обязались не допускать критики СССР, Национального фронта, Кошицкой правительственной программы и президента Бенеша. Заранее обусловили, что та партия, которая получит в том или ином городе больше всех голосов, будет иметь право на пост председателя местного национального комитета.

Таким образом, избирательная кампания была, вроде бы, неконфронтационной. Готвальд на предвыборном VIII съезде КПЧ^[596] заявил, что не видит сил, противостоящих народно-демократическому строю в Чехословакии: «Реальная сила и возможность для внутренней реакции повернуть колесо истории вспять и направить нашу нацию и государство на домюнхенский путь невелики»^[597].

Однако главная опасность, по мнению Готвальда, состояла в том, что реакционные элементы могут проникнуть в партии Национального фронта, чтобы подорвать его изнутри. Это может привести к тому, «что та или иная партия станет рупором реакционных мнений и требований»^[598].

Готвальд выделил четыре особенности чехословацкой внутренней политики, которые делали позиции коммунистов прочными, а положение реакции – шатким:

- разгром гитлеровской Германии, на которую ранее опирались реакционеры и сепаратисты;

- решающая роль СССР в победе над Гитлером, которую признают подавляющее большинство чехов и словаков (съезд при этих словах стоя аплодировал Сталину);

- «прежняя правящая прослойка финансовых, промышленных и аграрных магнатов потерпела полный идеологический, политический и моральный крах, так как предала народ» во время мюнхенского кризиса 1938 года;

- в борьбе за освобождение республики создано прочное единство народа, олицетворением которого является Национальный фронт.

Председатель КПЧ поставил перед партией четыре основных задачи:

- освобождение государственных органов от любых представителей предательских групп;

- завершение выселения немцев и венгров как «пятой колонны» Германии;

- признание самобытности и равноправия словаков и чехов, чего

требует «здравый рассудок и государственная мудрость. Из этого само собой вытекает, что освобожденная республика должна быть государством двух равноправных народов – чехов и словаков»^[599];

– проведение хозяйственной и социальной реконструкции с тем, чтобы национализированный сектор как можно скорее стал рентабельным.

Главный идеолог КПЧ министр информации Вацлав Копецкий подверг убедительной критике тезис национальных социалистов, что Чехословакия – часть западной культуры и поэтому ей не по пути с СССР: «Дело вовсе не в этом, наши реакционеры пропагандируют запад не потому, что там существует та или иная культура, а только лишь потому, что там существует капитализм. И если бы на западе был социализм, как и на востоке, то наши реакционеры изменили бы ориентацию на север и стали бы выдавать жизнь эскимосов на северном полюсе за высшую культуру и цивилизацию»^[600].

Копецкий сделал важное заявление – коммунисты считают борьбу против религии законченной: «Мы ничего не возражаем против того, чтобы социальная справедливость осуществлялась в религиозном духе, чтобы социальный прогресс понимался как приближение к христианскому принципу любви к ближнему, мы ничего не возражаем также против того, чтобы социализм и коммунизм излагался как осуществление христианского равенства и христианской общности людей»^[601].

Такая линия компартии Чехословакии выгодно отличалась от подчеркнуто антикатолической риторики национальных социалистов, видевших в религии только предрассудки и идейную основу словацкого сепаратизма.

Съезд компартии (предыдущий прошел в 1936 году) стал внушительной демонстрацией мощи и влияния коммунистов в послевоенной Чехословакии. На нем приводились цифры динамики роста численности членов партии. В июле 1945 года в КПЧ состояли 597 тысяч человек, в августе – 712 776, в декабре – 826 527, в марте 1946 года – 1 081 544. За два предшествовавших съезду месяца только в Праге были приняты 42 155 новых членов, в Брно – 31 800, в Кладно – 14 700, в Пльзени – 17298^[602]. Всего в январе – марте 1946 года в компартию вступили 257 882 человека. Таким образом, из 5,79 миллиона избирателей Чехии миллион были коммунистами.

Конечно, как отмечалось на съезде, среди новых членов партии попадались и «шкурники и карьеристы».

Интересно, что среди делегатов съезда КПЧ было довольно много

бывших членов других партий, ставших коммунистами, – 214 социал-демократов, 31 национальный социалист, 24 члена запрещенной после 1945 года аграрной партии, 5 лидеров. 473 делегата съезда КПЧ вступили в партию в самое трудное для нее время – в 1939-1945 гг.

Съезд опять избрал председателем партии Клемента Готвальда, генеральным секретарем ЦК^[603] – Рудольфа Сланского. В Президиум ЦК (высший орган повседневного руководства) помимо Готвальда и Сланского вошли Копецкий, Носек (министр внутренних дел), Запотоцкий (лидер профсоюзов), Зденек Неедлы (выдающийся чешский историк с мировым именем, министр просвещения и образования), Яромир Доланский (будущий министр финансов), Мария Швермова (депутат парламента), Ладислав Копржива (председатель Чешского земского национального комитета), Густав (Августин) Климент (депутат парламента, председатель Союза металлистов), Иосиф Смрковски (один из лидеров Пражского восстания 1945 года), Вацлав Давид (как и Смрковски, член последнего, четвертого нелегального руководства КПЧ в 1944-1945 гг. и один из лидеров Чешского национального совета в апреле – мае 1945 года) и Иосиф Франк (до войны – лидер Союза служащих частного сектора, в 1939-1945 гг. – узник Бухенвальда).

В честь съезда пражская организация КПЧ (190 тысяч человек) организовала в столице массовую манифестацию, ставшую зримым воплощением мощи партии и ее влияния в народе.

Компартия в своей предвыборной агитации делала акцент не на вопросах внутренней политики, а на проблемах ускорения экономического восстановления страны. Готвальд говорил: «Работа, работа и еще раз работа. Да, товарищи! Наша партия не зря провозгласила лозунг: «Больше работать для республики! – Вот наша агитация»^[604].

12 мая 1946 года председатель КПЧ Готвальд и генеральный секретарь партии Сланский опубликовали во всех партийных газетах обращение к «Гражданам и гражданкам, избирателям и избирательницам». В нем подчеркивалось, что коммунисты вместе с Красной армией имели решающее значение в освобождении родины от нацизма и не дадут стране вернуться на гибельный домюнхенский путь, который привел ее к национальной катастрофе.

Компартия обещала в случае победы добиться уже в 1946 году принятия двухлетнего плана развития народного хозяйства с целью как можно быстрее достичь и превзойти довоенный уровень производства. Для этого КПЧ хотела принять обширную инвестиционно-модернизационную

программу развития отечественной промышленности, механизировать сельское хозяйство и решить жилищную проблему путем массового строительства новых современных квартир. Популярным было и требование КПЧ бороться с посредниками в торговле, чтобы снизить цены на важнейшие товары повседневного спроса. Коммунисты обещали также облегчить налоговое бремя и упростить налоговую систему. «Поэтому каждый, кто думает о благе народа и республики, о счастливом будущем своих близких, пусть отдаст свой голос 26 мая 1946 года Коммунистической партии Чехословакии»^[605].

Ни о социализме, ни о марксизме в воззвании партии ничего не говорилось.

Никакой прямой критики соратников по Национальному фронту коммунисты не допускали. Готвальд говорил, что Национальный фронт нужен партии как воздух.

В то же время партнеры коммунистов по Национальному фронту, особенно национальные социалисты, считали фронт смирительной рубашкой и временным образованием, которое не должно быть сохранено после выборов. После голосования партии должны были получать в органах власти не паритетное количество мест, а столько, сколько им положено на основе результатов голосования. При этом национальные социалисты надеялись, что именно они станут первой партией страны.

Один из деятелей ЧНСП Клатил позднее писал: «Было очевидно, что главное избирательное сражение разыграется между коммунистами и национальными социалистами...»^[606]

25 января 1946 года американский посол Стейнхардт отмечал в депеше в Вашингтон, что раскол между умеренными членами правительства (Масарик, Странский, Урсини, Рипка, Зенкл, Дртина, Прохазка и Гала) и радикалами (Фирлингер, Готвальд, Лаушман, Носек, Дюриш, Неедлы, Копецкий и Солтес) усилился^[607], а Свобода, Майер и Клементис также дрейфуют в сторону радикальных взглядов. Примечательно, что Стейнхардт относил практически всех министров социал-демократов к радикалам вместе с коммунистами. Умеренные члены кабинета, по мнению Стейнхардта, слишком вяло и трусливо отстаивали свои взгляды.

Но США только подрывали позиции своих ставленников в правительстве. Тот же Стейнхардт рекомендовал в январе 1946 года воздержаться от предоставления Чехословакии любых кредитов, если она не раскроет американцам все свои экономические связи с СССР. Хотя в Праге эти связи никто и не скрывал, Стейнхардт был убежден, что «чехи»

что-то ему не договаривают.

Правительство ЧСР в ноте от 25 января 1946 года попросило США увеличить размер американского кредита на закупку остатков американского военного имущества в Европе с 10 до 50 миллионов долларов (в частности, закупалась форма для чехословацкой армии, многие солдаты которой ходили в гражданском или в перекрашенном немецком обмундировании). С учетом сложной финансовой ситуации Чехословакии Прага просила предоставить кредит на 30 лет, под 2,45 % годовых и с началом погашения через пять лет после выделения. Однако госдепартамент опять настаивал на компенсации за национализированное имущество (причем только в долларах) и на подробной информации о результатах визита министра промышленности Лаушмана в Москву.

Чехословакия просила у Экспортно-импортного банка США кредит в размере 300 миллионов долларов на восстановление экономики, но американцы заявили, что могут вести переговоры только о 50 миллионах, а насчет остального ЧСР надо обратиться в МБРР (где тогда тоже безраздельно господствовали американцы).

Министр иностранных дел Масарик имел основания полагать, что размер кредита вообще может быть ограничен 30 миллионами, и в отчаянии сообщил американцам, что если он вернется из США с такой суммой, то это сильно повредит его репутации внутри страны. 19 февраля 1946-го госдепартамент холодно посоветовал Масарику отложить свой визит в США.

Стейнхардт в телеграмме от 26 февраля тоже пытался «образумить» госдепартамент и предостеречь его от выделения ЧСР крупных кредитов, намекая: Вашингтон разделяет точку зрения «определенных американских кругов, что кредиты зарубежным странам надо давать только с целью борьбы с коммунизмом».

«Но я считаю, – писал Стейнхардт, – что подобная аргументация не учитывает, что коммунисты уже так сильно представлены в правительствах некоторых европейских стран, что большие американские кредиты этим странам скорее помогут делу коммунистов, чем помешают ему. Я твердо придерживаюсь точки зрения, что крупный американский кредит любой стране, в правительстве которой представлены коммунисты, будет косвенно только помогать им укреплять свои позиции и контроль»^[608].

По логике Стейнхардта, выходило, что ЧСР не должна получать никаких серьезных кредитов, пока в ее правительстве представлена КПЧ. Американский посол был лишь за продолжение выделения ЧСР небольших кредитов на закупку американского хлопка, так как это было «рутинной

коммерческой вещью» и к тому же отвечало интересам самих США, помогая сбыть излишки этой продукции на мировом рынке. «...Я против предоставления чехам кредита на восстановление (экономики) в данный момент, и в любом случае этого не надо делать до выборов в мае, если на них чешский народ не покажет, что готов избавиться от вполне реальной угрозы коммунистического доминирования»^[609]. Также, по словам Стейнхардта, США следовало воздерживаться от выдачи кредита до тех пор, пока правительство ЧСР не изъявит готовность выплатить компенсацию за национализированное американское имущество в долларах.

Но американцев и их чешских друзей губила не только жесткая позиция Стейнхардта и его вашингтонских руководителей. Так, влиятельные американские газеты, например «Нью-Йорк Таймс» и «Вашингтон Пост» критиковали ЧСР за выселение немцев, что возмущало даже американского посла в Праге. Стейнхардт считал, что американские газеты пользуются только информацией, полученной от самих же судетских немцев, к тому же некритически^[610].

11 и 12 февраля 1946 года пятнадцать американских военнослужащих из Германии самовольно проникли на территорию ЧСР и вывезли из местечка Штеговице в 50 км от Праги спрятанный там эсэсовцами архив. По полицейским, которые попытались их остановить, они открыли огонь. Стейнхардт был возмущен и добился официального извинения со стороны американской армии перед Бенешем и возвращения архива (что было сделано лишь 2 марта). Естественно, инцидент, мягко говоря, не повысил престиж США в Чехословакии, тем более что американцы упорно отказывались вернуть ЧСР долг, возникший у американской армии во время пребывания на территории Чехословакии в 1945 году.

При этом сам же Стейнхардт в 1945-м критиковал Красную армию в ЧСР за реквизиции, хотя закупка советскими войсками всех припасов в Чехословакии регулировалась специальным советско-чехословацким соглашением, которое Москва скрупулезно выполняла.

Стейнхардт всеми силами пытался активизировать перед выборами американскую пропаганду в Чехословакии. В Праге был учрежден офис Информационной службы США (United States Information Service), через который распространялись американские книги и журналы. В библиотеку Информационной службы США в Праге (там было 2000 книг и столько же журналов) в 1946 году каждый день приходили около 400 читателей^[611]. Посольство США распространяло для сотни самых влиятельных

чехословацких журналистов информационный бюллетень. По оценкам посольства, в марте 1946-го на базе этого бюллетеня в прессе ЧСР появилось примерно 250 статей.

Но американцы, опять же из-за собственного снобизма, проиграли СССР на самом важном и массовом пропагандистском поприще – в чехословацких кинозалах. До войны в ЧСР кинопродукция Голливуда безусловно доминировала: в 1936 году в стране в прокате шло 425 американских кинокартин, 285 немецких, 275 чехословацких и 34 советских. Однако после 1945 года американская дистрибьютерская компания «Моушн Пикчер Продюсерс энд Дистрибьютерс оф Америка» (MPPDA) отказалась заключить с ЧСР соглашение о прокате американских фильмов, так как Чехословакия национализировала свою кинопромышленность. В результате с лета 1945 года 60 % чехословацкого кинорынка завоевали советские фильмы. В апреле 1946-го в кинопрокате ЧСР шло 86 советских фильмов, 41 английский и лишь девять американских.

Стейнхардт лично заставил MPPDA подписать с чехословацким министерством культуры при участии госдепартамента компромиссное соглашение, подчеркивая значение американского кино в Чехословакии: «Здесь есть политический аспект: Чехословакия сегодня на переднем фронте борьбы между коммунизмом и демократией. Если нам не удастся продвинуть наши фильмы в Чехословакию, и мы отдадим это на откуп русским, возможны политические последствия в виде отката нашей линии позиций дальше на Восток»^[612].

Однако, вопреки всем стараниям Стейнхардта, вышеупомянутое соглашение было подписано лишь в сентябре 1946 года.

В последний момент перед выборами Стейнхардт хотел побудить госдепартамент объявить в мае 1946 года о принципиальной готовности США выделить Чехословакии кредит в 50 миллионов долларов. Тем самым Стейнхардт хотел скомпенсировать сообщение о начале поставок в страну советского зерна в чехословацких СМИ. При этом кредит опять оговаривался целым рядом унижительных условий, как то предоставление полной информации об экономических связях ЧСР с другими странами (читай с СССР). От Праги требовали также как можно скорее начать переговоры с США о заключении «полномасштабного» договора о дружбе, торговле и мореплавании (видимо, в США не знали, что у ЧСР нет выхода к морю)^[613].

В итоге гора опять родила мышь – американцы сообщили о выделении

Чехословакии кредита лишь в 20 миллионов долларов на закупку американского хлопка, причем сделали это только 31 мая 1946 года, когда выборы уже состоялись. Для сравнения: Италии на эти же цели предоставили 25 млн долларов, а Китаю – 33.

СССР, несмотря на чудовищно большие затраты при восстановлении разрушенной войной экономики страны, переиграл американцев в войне за умы и сердца чехов и словаков. После мая 1945 года политотделы Красной армии и посольство СССР распространили в Чехословакии три миллиона книг и брошюр, миллион советских флажков и портретов Ленина и Сталина. Было организовано 250 лекций о Советском Союзе, Красной армии и славянском братстве. Советские танцевальные и песенные ансамбли активно участвовали во всех крупных фестивалях, проводимых в Чехословакии.

К ноябрю 1946 года в Союз друзей СССР в Чехословакии входило более 1100 местных отделений. За первые два года после освобождения союз провел 20 402 мероприятия, в которых приняли участие более 9 миллионов человек. О жизни в СССР чехословацких читателей информировал журнал «Свет Совету» («Мир Советов»), выходящий тиражом 110 тысяч экземпляров. Союз также выпустил на чешском языке библиотеку романов советских писателей и серию брошюр о советской экономике. В 1945-1947 гг. в ЧСР вышло 19824650 экземпляров журнала «Свет Совету» и 533 330 экземпляров книг и брошюр^[614]. Издавался также журнал «Прага – Москва», посвященный различным сферам сотрудничества между СССР и ЧСР.

Тем не менее, отдел агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) оценивал собственную деятельность в ЧСР очень самокритично и констатировал в апреле 1946 года: «Наша пропаганда в Чехословакии не отвечает политическим потребностям. Ни по размаху, ни по содержанию ей не удастся конкурировать с англо-американской пропагандой»^[615].

Однако результаты майских выборов в Конституционное национальное собрание говорили об обратном. Тем более, что американцы облегчали жизнь советским пропагандистам, постоянно требуя от Чехословакии скорейшей выплаты компенсации за национализированное имущество американских граждан.

12 апреля 1946 года было подписано новое советско-чехословацкое торговое соглашение, в котором Москва пошла на значительные уступки Праге. По требованию чехословацких частных предприятий, за основу расчетов на базе клиринга были взяты мировые цены^[616]. Причем

чехословацкие фирмы еще и завышали свои цены по сравнению с мировыми, считая, что госбюджет СССР заплатит любые деньги. В соглашении был зафиксирован только список товаров, представлявших взаимный интерес. Конкретные объемы поставок должны были стать предметом отдельных соглашений между контрагентами. Этим СССР давал больше простора для маневра чехословацкой экономике, тем более что в 1945 году чехословацкие партнеры часто не выполняли установленные в торговом договоре обязательства по срокам и объемам поставок.

За пределами согласованного объема клиринга поставки могли осуществляться за свободно конвертируемую валюту. СССР согласился также помочь в транспортировке чехословацких товаров на рынки западных стран через свою зону оккупации в Германии. В соглашении 1946 года впервые содержалось обязательство СССР поставить в Чехословакию зерно (30 тысяч тонн), что было особенно важно для Праги, так как американцы прекратили поставки зерна по линии ЮНРРА.

В отличие от США, СССР не ставил при заключении соглашения никаких политических условий. Министр внешней торговли ЧСР Рипка (ЧНСП) так охарактеризовал подписанное в Москве соглашение: «Те, кто считает, что наша внешняя торговля находится в зависимости от СССР, ошибаются. Я был бы очень рад, если бы везде и всюду признавали независимость нашей внешней торговли так же, как в Москве»^[617].

20 апреля 1946 года Стейнхардт сообщил в Вашингтон, что Рипка «конфиденциально» проинформировал его о результатах своей поездки в Москву и его сведения можно суммировать следующим образом:

- русские ни разу не попытались оказать на Рипку какое-либо давление;
- переговоры касались сугубо экономических вопросов, «политика» не обсуждалась;
- русские не выразили большого интереса в приобретении чехословацких товаров народного потребления, они хотят закупать в основном машины и оборудование;
- русские особо заинтересованы в локомотивах и станках;
- сами они предлагают железную руду, марганец, алюминий, свинец, цинк, соль и хлопок (при этом Рипка успокоил Стейнхардта, сообщив, что «русские» не смогут удовлетворить потребность Чехословакии в хлопке более чем на треть);
- Рипку обрадовало, что никаких обязательных объемов поставок с чехословацкой стороны зафиксировано не было, а расчеты по клирингу будут осуществляться в чехословацких кронах, а не в свободно

конвертируемой валюте (которой у ЧСР было очень мало);

– Микоян спрашивал Рипку, не заключила ли ЧСР торговое соглашение с США, и, когда Рипка ответил отрицательно, Микоян удивился и сказал, что рекомендует это сделать, и что СССР будет приветствовать развитие американско-чехословацкого экономического сотрудничества;

– СССР не стремился включить Чехословакию в свой пятилетний план;

– Рипка «успокоил» Стейнхардта, сообщив, что Лаушман не брал на себя во время поездки в Москву никаких обязательств^[618].

Стейнхардт докладывал: «Рипка, кажется, очень доволен результатом своего визита в Москву и тем, что его не просили брать на себя никаких обязательств, которые могли бы отразиться на чехословацкой торговле с Западом, особенно с США. Он подчеркнул, что сырье, которое чехи получают от СССР, не может быть так же легко получено от США и что товары чехословацкого экспорта в СССР не могут быть легко реализованы в США».

Посол отметил, что Рипка «умеренный политик» и настроен прозападно. Добавим, что в ЧНСП Рипка котиrowался как восходящая политическая звезда и самый вероятный преемник Бенеша на посту президента.

Таким образом, если США сами не хотели развивать торгово-экономические и кредитные отношения с ЧСР по политическим мотивам, то СССР не только не ставил Праге никаких политических условий, но и не возражал против укрепления экономических связей ЧСР с Западом.

Во время избирательной кампании все партии Национального фронта, как и было условлено, воздерживались от критики СССР. Однако ситуация коренным образом изменилась 30 марта 1946 года, когда Демократическая партия Словакии заключила соглашение о сотрудничестве с католической церковью.

За спиной церкви фактически выступала запрещенная людацкая партия, члены которой самым активным образом включились в предвыборную борьбу на стороне демократов. После этого демпартия стала резко нападать на коммунистов, СССР и всех антифашистов, формально оставаясь в рамках Национального фронта. Лидер словацких коммунистов Густав Гусак так писал об этом периоде: «Одна демократическая партия говорила о восстании, о чехословацкой демократии, о сотрудничестве с коммунистической партией... Другая демократическая партия, заключившая соглашение, вытащила на свет все старое оружие из своего людацкого арсенала: против коммунизма, против Красной Армии и

Советского Союза, против чехов, против евреев, за реабилитацию глинковской партии, против «героев землянок» (то есть партизан), за освобождение Тисо и за жесткий курс по отношению к сегодняшнему режиму»^[619].

Поскольку в Словакии Бенеш и его «чехословакизм» всегда были непопулярны, демпартия хитроумно выставляла словацких коммунистов как главных союзников Бенеша в Словакии и проводников чешской гегемонии по отношению к словацкому народу, тем более что, кроме коммунистов, никаких других «чехословацких» партий в Словакии просто не было.

Нападки на СССР и Красную армию приняли в словацкой буржуазной прессе такой размах, что 30 апреля 1946 года генеральный консул СССР в Братиславе Демьянов заявил председателю СНС официальный протест, подчеркнув, что статьи в газетах «Демократ» (орган демпартии), «Демократицки глас» и других противоречат советско-чехословацкому союзному договору. 6 мая 1946 года антисоветская кампания в прессе была осуждена на заседании словацкого автономного правительства – Корпуса уполномоченных. Рабочие типографии «Словенска графие», которые в своей массе шли за коммунистами, пригрозили остановить выпуск газет, публикующих антисоветские статьи.

Предвыборная кампания социал-демократической партии была наименее выразительной из всех, так как ее лозунги в основном совпадали с требованиями коммунистов. Главный слоган партии звучал так: «Демократия – наш путь, социализм – наша цель!» Перед выборами социал-демократы создали свою «братскую» партию в Словакии – Партию труда. Социал-демократы в основном напоминали избирателю о богатом событиями прошлом партии. Например, в предвыборном воззвании ЧСДП говорилось: «Хотели бы напомнить вам, что социальная демократия является самой старой партией чешского народа»^[620]. В воззвании было много слов о борьбе социал-демократов против Габсбургов, что явно отражало даже не вчерашний, а позавчерашний день политической повестки дня. Партия хвалила домюнхенскую республику как «одну из самых развитых стран».

Но в чехословацком обществе образца 1946 года, пронизанном идеями обновления, коренных реформ и новизны во всем, включая моду и привычки, такие пассажи только отпугивали избирателей, особенно молодых.

Парадоксально, но в отличие от коммунистов социал-демократы

цитировали «Председателя Совета Министров СССР, генералиссимуса Сталина», который якобы назвал домюнхенскую республику «одной из самых симпатичных стран мира». При этом, как признавала в собственном воззвании ЧСДП, только «мюнхенская катастрофа» поставила партию на правильную сторону баррикад.

В области внешней политики ЧСДП также пыталась превзойти коммунистов в теплых словах по отношению к СССР: «Поэтому во внешней политике социал-демократия, наученная прошлым и исходя из радостной действительности, что впервые в тысячелетней истории наше государство имеет общую границу с великим славянским Советским Союзом, поддерживала все усилия, направленные на укрепление военного, дипломатического и экономического союза с этой великой державой современности, но без того, чтобы были нарушены наши традиционные дружественные связи с англосаксонскими демократиями и обновленной Францией»^[621].

Ссылка на англосаксонские демократии и Францию явно не добавляла популярности ЧСДП, так как большинство чехов и словаков прекрасно помнили, как Англия и Франция сдали в 1938 году Чехословакию Гитлеру.

В отличие от КПЧ, которая избегала самого термина «социализм», социал-демократы его охотно использовали: «Партия не скрывает, что борется за социалистический строй в этом государстве и что это веление времени, так как весь мир быстро идет к социализму». Однако и здесь ЧСДП допускала оговорку, что социализм в Чехословакии должен быть каким-то самобытным, хотя и не объясняла, что конкретно это означает. Примером для подражания при строительстве социализма ЧСДП считала Советский Союз и... Великобританию.

В целом воззвание ЧСДП производило впечатление нерешительности и двойственности. Партия была за национальные комитеты, но указывала на их ошибки. Органы госбезопасности поддерживались, но с какими-то туманными оговорками. Звучало требование ограничения власти крупного капитала, но отсутствовал механизм такого ограничения. Свою программу в области сельского хозяйства партия считала лучшей, но выражала сожаление, что нельзя ее реализовать (!). Социал-демократы выступали за союз с СССР, но одновременно и за союз с Англией, США и Францией, что было абсолютно нереально в условиях формирующегося биполярного мира.

Партия как бы оказалась между двумя стульями: те, кто действительно был за социализм и обновление, голосовал за КПЧ, а те, кто был против, – за национальных социалистов, словацких демократов и народников. Места

для ЧСДП в таком раскладе явно не просматривалось.

Народники в своей кампании подчеркивали христианские ценности, выступали за свободу вероисповедания и были против любой аграрной реформы на селе. В воззвании партии содержался явный резкий выпад против коммунистов: «На этих выборах решается вопрос, будут ли в нашем государстве гражданские свободы или тоталитарное подавление. Будет ли свобода собственности и предпринимательства, будет ли гармоничное сотрудничество между гражданами всех сословий или народ будет искусственно и насильно разделен на классы диктующие и на классы, подверженные диктату»^[622].

ЧНП хотела «вырвать с корнем» остатки тоталитарного менталитета в народе, который якобы привили ему нацисты. Партия призывала в своем лице голосовать за «свободу мысли и предпринимательства, за правопорядок и правовую безопасность, за социальную справедливость и христианское братство в народе». Она была против любой дальнейшей национализации, так как считала, что это только осложнит экономическое положение страны. При этом прошедшую национализацию ЧНП как бы нехотя поддерживала, подчеркивая, однако, что капиталиста-эксплуататора не должно сменить государство-эксплуататор. Даже народники были за участие заводских советов в управлении производством.

Лидовцы ставили себе в заслугу заключение союзного договора с СССР в декабре 1943 года (лидер партии Шрамек тогда был главой эмигрантского правительства в Лондоне), который ЧНП считала «залогом... безопасности и спокойного развития на долгое будущее»^[623].

Национальные социалисты позиционировали себя как главного соперника коммунистов, как сторонников национального, а не марксистского, чуждого чехословацкому менталитету социализма.

ЧНСП в своем обращении к избирателям «За национальную, социалистическую и демократическую конституцию, за республику Масарика и Бенеша» назвала выборы 1946 года самыми важными для страны за период с 1920 года, так как они определяют будущее ЧСР на многие годы.

ЧНСП, так же как и ЧСДП, сделала кардинальную ошибку, «с гордостью» выставив себя в воззвании сторонником домюнхенской республики, которую народ уже отверг де-факто. Надеясь на коммунистов, партия провозгласила, что решительно отвергает не только нацистскую, но и всякую другую критику довоенной ЧСР. Избирателей призывали не слушать посулы тех, кто бросает камень в довоенную республику,

республику Бенеша и Масарика^[624].

Несмотря на заявку на социализм, воззвание партии было даже более антисоциалистическим, чем аналогичный документ ЧНП: «Вместе с Масариком мы отвергаем точку зрения Маркса, что индивидуум не означает ничего, а коллектив – все. Наш социализм – это как раз индивидуализм миллионов, и он не хочет, чтобы была подавлена личность, а наоборот, хочет, чтобы каждая личность развивалась. Демократия отличается от авторитарного режима именно тем, что видит в коллективе живое представительство свободных и радостно подчиняющихся ему людей... Конечно, свобода не может быть произволом личностей, которые попирают права и интересы других личностей, но свобода – это и не произвол некоего коллектива, за вывеской которого, опять же, скрывается эгоистичное господство клики нескольких индивидов»^[625].

Одновременно в воззвании провозглашалось, что в Чехословакии уже никогда не будет национальных меньшинств. Партия, так защищавшая свободу личности, требовала, чтобы гражданские права в ЧСР отныне имели только чехи и словаки. Того же самого, как известно, требовала в отношении немцев и НСДАП на всех выборах в рейхстаг.

При этом и словаков ЧНСП за равноправный с чехами народ не считала, а нынешнее автономное устройство Словакии официально провозгласила «временным». Словацкая самобытность, по мнению ЧНСП, в любом случае не должна была представлять угрозу для единого чехословацкого государства. Это означало, что национальные социалисты решительно против федеративного устройства страны.

В экономике партия поддержала проведенную национализацию, но требовала передать руководство государственными предприятиями из рук политических активистов (прозрачный намек на КПЧ) в руки неких «специалистов». Лозунг ЧНСП звучал так: «Зарекомендовавшие себя экономисты вместо честолубивых самозванцев». ЧНСП выступала за равенство всех форм собственности и решительно отвергала любую коллективизацию на селе.

Примечательно, что в воззвании ЧНСП ничего не говорилось об СССР и о внешней политике вообще. Национальные социалисты считали эту тему единоличной прерогативой президента.

ЧНСП, несмотря на соглашение всех партий Национального фронта о принципах ведения предвыборной кампании, на местах активно критиковала коммунистов, как, впрочем, хотя и в меньшей степени, все остальные партии фронта.

Национальные социалисты клеймили КПЧ (а значит, и СССР) за ее политику в 1939-1941 гг., когда чехословацкие коммунисты в соответствии с указаниями Москвы и Коминтерна считали начавшуюся мировую войну империалистической с обеих сторон.

Досталось от национальных социалистов и ЧСДП, которую сторонники Бенеша публично называли филиалом компартии, якобы готовый вот-вот объединиться с КПЧ.

Сторонники компартии на местах в долгу не оставались и обвиняли национальных социалистов в тотальной коррупции времен домюнхенской республики (которую большинство граждан прекрасно помнили) и в капитуляции во время самого Мюнхенского сговора.

Таким образом, все партии Национального фронта в той или иной форме в своих программных документах критиковали коммунистов, не называя их прямо по имени. КПЧ, наоборот, от встречной критики воздержалась, что пошло ей на пользу. У избирателей складывалось впечатление, что именно коммунисты являются той партией, которая знает, чего хочет и способна претворить свои требования в жизнь. Критика же со стороны других партий наводила многих на мысль, что они все уже де-факто признали лидерство коммунистов в общественной жизни, так как сосредоточили свою предвыборную кампанию против них, а не против друг друга.

В какой-то мере ЧНСП, ЧНП и частично ЧСДП сами поставили компартию в положение крыловского слона, а себе отвели роль мосек.

Во многом именно благодаря такой нелепой линии партнеров КПЧ по Национальному фронту немало колеблющихся избирателей пришли к выводу, что за коммунистами будущее и поэтому выгоднее быть на стороне завтрашних победителей.

К тому же у коммунистов была самая развернутая и детальная программа на будущее, в которой содержались требования, приемлемые для всех слоев населения, включая мелких предпринимателей (снижение налогов).

Компартия и сами избиратели без труда подмечали, что для ЧНСП и ЧНП декларативная приверженность национализации, дружбе с СССР и антифашизму является скорее вынужденной. Готвальд так говорил об этом: «Посмотрите, как они относятся к существующему строю и к Советскому Союзу, и вы увидите, что в официальных речах они клянутся в любви и преданности, а тайком распространяют различные слухи»^[626].

Список кандидатов компартии, в отличие от списков других партий, по большей степени состоял из антифашистов и борцов Сопротивления. Из

570 кандидатов-коммунистов 347 человек активно участвовали в антифашистской борьбе (167 из них были в заключении во время оккупации), 158 работали в группах Сопротивления, а 22 человека боролись с фашизмом за пределами страны^[627]. 13 кандидатов от компартии были военнослужащими или сотрудниками КНБ.

Некоммунистические партии делали упор на профессиональных политиков домюнхенской эпохи, которых избиратели отнюдь не жаловали за то, что в 1938 году они привели страну к национальной катастрофе.

Наконец, компартия еще с домюнхенских времен была единственной политической силой, действовавшей и в Чехии, и в Словакии. ЧНСП своим безудержным чешским национализмом сама лишила себя этой возможности. У католической ЧНП в Словакии были сильные оппоненты в лице местных клерикальных националистов, которые заключили союз с демпартией. Как уже упоминалось, недовольные объединением с коммунистами в 1944 году словацкие социал-демократы образовали перед выборами Партию труда, но ее электоральный результат четко показал, что большинство словацких социал-демократов вполне устраивало объединение с КПС.

Правые партии в мае 1946 года уже не могли ссылаться на присутствие в ЧСР Красной армии как на фактор, содействующий коммунистам. Но и здесь не обошлось без нагнетания антикоммунистической истерии. 22 мая 1946 года правительство опубликовало сообщение о переходе через территорию ЧСР некоторых советских частей из Австрии в Германию с согласия властей Чехословакии в период с 20 по 29 мая. Однако некоммунистические партии стали кричать о негативном влиянии советских войск на избирателей, и Бенеш лично попросил Сталина, чтобы войска прошли через СССР после выборов. Сталин немедленно согласился, и передислокация началась через день после выборов – 27 мая 1946 года^[628].

В выборах 26 мая приняли участие 7 099 411 избирателей. Сильнейшей партией впервые в истории Чехословакии стали коммунисты. «Белые бюллетени» опустили в урны 0,45 % избирателей (0,35 % чешских и 0,78 % словацких). За КПЧ (она шла в бюллетенях под № 1) в чешских землях проголосовали 43,25 % избирателей, причем больше всего в тех районах, откуда были выселены немцы (там коммунисты получили больше половины голосов, а в некоторых округах – до 70 %).

В Моравии и Силезии коммунисты заручились поддержкой 34,46 % избирателей. Однако в столице Моравии и Силезии Брно (втором по

величине городе в Чехословакии) выиграли национальные социалисты (33,3 % голосов), хотя компартия отстала от них ненамного (32,3 %). Народную партию поддержали 18,4 % избирателей, ЧСДП – 15,6 %^[629]. Но Брно был, пожалуй, единственным крупным городом в Чехии и Моравии, где коммунисты не смогли победить.

В Словакии за коммунистов голосовало 30,37 % избирателей. Только в трех районах словацкие коммунисты смогли набрать более 50 % голосов (Свидник – 59 %, Брезно – 56,5 % и Рожнява – 51,95 %). Зато, в отличие от чешских земель, в Словакии были и районы, где компартия получала 3-6% голосов. Партия свободы получила 4,2 %, Партия труда – 3,11 %.

В целом по стране коммунисты получили 38 % голосов.

Партия победила в 138 из 154 чешских районах.

Коммунисты набрали абсолютное большинство голосов среди военнослужащих в Чехии и Моравии, причем в некоторых гарнизонах за них голосовали более 70 %. Этот результат особенно потряс ЧНСП, которая рассчитывала, что преданные ей офицеры обеспечат нужный результат в частях. Национальные социалисты настолько рассчитывали на свой успех в армии, что еще до выборов требовали передать им пост министра обороны и ради этого даже были готовы отказаться от предложенного им кресла министра иностранных дел.

Успех коммунистов был неслучайным, так как партия и до войны показывала на выборах хорошие результаты. Например, на парламентских выборах 1925 года КПЧ заняла второе место, получив более 934 тысяч голосов (13,2 %). На выборах 1929-го она получила 10,5 %. В 1935 году КПЧ под руководством Готвальда набрала дополнительно 100 тысяч голосов по сравнению с предыдущими выборами, а всего 849 тысяч голосов – 10,3 %. ЧНСП набрала 755 тысяч голосов (9,18 %). ЧНП – 616 тысяч (7,5 %).

На второе место в 1946 году вышла ЧНСП – 23,66 % голосов в чешских землях и 20,2 % в Моравии (в Словакии ЧНСП не баллотировалась). ЧНП получила в чешских землях 16,27 %, выступив гораздо лучше в Моравии (где население было сильнее подвержено влиянию церкви) – 27,56 %. Социал-демократы получили в Чехии 14,96 %, в Моравии – 16,7 % (в целом по стране с учетом Словакии – 12 %).

Лидер молодежного крыла ЧНСП Ота Гора считал, что выборы 1946 года в Чехии определила позиция деревни – многие селяне, к удивлению ЧНСП и ЧНП, проголосовали за коммунистов. Малоземельные крестьяне хотели земли и полагали, что дать ее им смогут только коммунисты.

Единая буржуазная партия Словакии – демократы – смогла набрать

62 % голосов: ей все же удалось привлечь на свою сторону сторонников запрещенной после 1945 фашистской клерикальной партии Глинки. Такой успех объяснялся заключением в марте 1946 года соглашения о сотрудничестве между демпартией (которой тогда руководило светско-протестантское крыло) и католической церковью, которая в 1939-1945 гг. поддерживала независимое марионеточное словацкое государство и ее правящую людацкую партию. По сути, голоса демпартии отдали члены запрещенной людацкой партии.

Таким образом, после мая 1946 года в Словакии сложилась фактически двухпартийная система. В автономном словацком правительстве (Корпус уполномоченных) после выборов 1946 года было девять демократов и пять коммунистов. Коммунист Густав Гусак стал председателем Корпуса уполномоченных, демократ Леттрих возглавил Словацкий национальный совет.

Словацкие демократы смогли удержать за собой ключевые и политически важные посты уполномоченных по делам сельского хозяйства и аграрной реформы, а также снабжения. Уполномоченным по внутренним делам стал беспартийный генерал Ферьенчик. За ним от КПС внимательно наблюдал Гусак, чтобы обеспечить неподчинение органов безопасности демократической партии.

В целом полномочия словацких автономных органов власти были сужены по «второму пражскому соглашению» от 11 апреля 1946 года. Отныне назначения на все важные государственные посты в Словакии подлежали предварительному одобрению центрального правительства. Это была реакция коммунистов и Бенеша на возвращение в политику клерикальных словацких сепаратистов.

На пленуме ЦК КПЧ 30 мая 1946 года Готвальд призвал словацких коммунистов активно бороться против демпартии. В то же время и КПЧ, и группа Бенеша были готовы на дальнейшее урезание словацкой автономии, если ее будут использовать в своих целях прибравшие к рукам демпартию сепаратисты. Готвальд и Бенеш решили ограничить власть демпартии в Словакии с помощью четырех шагов:

- дальнейшее ограничение автономии Словакии;
- жесткое наказание для Тисо – главы словацкого независимого клерикально-фашистского государства в 1939-1945 гг.;
- борьба против людацких элементов в демократической партии;
- конкретные меры по ограничению влияния католической церкви.

Все эти инициативы были одобрены 12 июня 1946 года чешским Национальным фронтом, а два дня спустя – и Национальным фронтом

чехов и словаков.

Уже 27-28 июня было заключено «третье пражское соглашение», по которому законодательные полномочия СНС ставились под контроль центрального правительства, а словацкие уполномоченные подчинялись соответствующим министрам в Праге. Готвальд прямо сказал, что как премьер-министр не потерпит в Братиславе другого политического режима, чем в Праге. Фактически Словакия вернулась к тому же статусу, что и до 1938 года. Демократическая партия активно использовала урезание автономии для нападков на коммунистов, но последних поддерживали все чешские партии. К тому же компартия заявила, что без принятия условий «третьего пражского соглашения» демократы вообще не войдут в Корпус уполномоченных.

По требованию коммунистов министерство внутренних дел образовало специальную комиссию по расследованию избирательной кампании демпартии в Словакии, и эта комиссия выявила 79 случаев нарушения демократами соглашения Национального фронта о правилах ведения предвыборной борьбы. Согласно отчету МВД, перед падением словацкого фашистского государства руководство партии Глинки подготовило «вторую очередь» политических функционеров, не сильно запятнанных участием в репрессиях и поэтому приемлемых для общественного мнения Запада. Именно эти функционеры и пришли после апреля 1946 года к руководству демпартией. В докладе МВД приводились конкретные примеры античешских и антисемитских лозунгов ДП.

Для борьбы против ожившего в Словакии сепаратизма МВД предлагало очистить демпартию от сепаратистов, отправить на пенсию всех словацких католических епископов, перебросить в Словакию дополнительные воинские части, арестовать всех бывших депутатов парламента словацкого государства и провести проверку всех словацких офицеров на предмет их верности единому чехословацкому государству. В докладе МВД содержались обвинения в адрес ряда избранных от демпартии депутатов – Пиетора, Кемпного, Сташека и других.

Доклад МВД о сепаратизме в Словакии встревожил все чешские партии. Лидер КПЧ Готвальд заметил, что республику освобождали не для того, чтобы опять возникло словацкое сепаратистское государство.

Из 300 мандатов в Конституционном Национальном собрании КПЧ (с учетом КПС) получила 114, ЧСНП – 55, ЧНП – 46, ЧСДП – 37, Демократическая партия Словакии – 43. Пять мест получили две новые словацкие партии – Партия труда и Партия свободы. Таким образом, две рабочие партии – КПЧ и ЧСДП, – декларировавшие курс на построение

социализма, имели более половины мандатов. В чешских землях коммунисты и социал-демократы собрали вместе 58 % голосов.

Успех КПЧ на выборах стал шоком для их партнеров по Национальному фронту, особенно для ЧНСП, которая сама рассчитывала на победу, опираясь на авторитет президента Бенеша. Результаты выборов отражали не только рост авторитета КПЧ, но и общемировую тенденцию роста популярности левых сил благодаря решающей роли, которую сыграл СССР в разгроме нацизма. Например, один из лидеров ЧНСП так оценил итоги голосования: «...мир идет влево, и коммунистическая партия побеждает как самая левая из всех самых левых движений и направлений». Позднее, уже в эмиграции один из самых ярых противников КПЧ министр юстиции Дртина (ЧНСП) писал: «Считаю необходимым подчеркнуть, что в 1946 году в Чехословакии еще были свободные выборы...»

Упомянувшийся выше деятель ЧНСП Клатил впоследствии отчасти оправдывал поражение тем, что Чехословакия была одной из самых «коммунизованных» стран еще до войны: «Результаты выборов не мог предвидеть никто... Правда, ожидалось, что исходя из ситуации коммунисты будут первой и самой сильной партией, но такого мощного первенства не ожидали даже они сами...» Клатил признавал, что, несмотря на большой соблазн объяснить слабость некоммунистических партий давлением или террором коммунистов, «акт голосования был корректным, тайна выбора соблюдена, представители партий наблюдали за работой избирательных комиссий, поэтому там были невозможны никакие махинации». Выборы, по мнению Клатила, «стабилизировали коммунистическое доминирование, они его, собственно, легализовали. Все жалобы, нарекания и протесты против коммунистической агрессивности и разнузданности потеряли свой смысл после майских выборов»^[630].

Американское посольство в Праге сообщало: «Вчерашние выборы по всей стране прошли без инцидентов или беспорядков любого рода... Все наблюдатели сходятся во мнении, что голосование было отражением воли народа демократическим образом». Влияние коммунистов в Чехии и Моравии стало сюрпризом и для американцев. Однако Стейнхардту пришлось признать, что компартия победила на выборах не потому, что сама либо с помощью МВД запугивала избирателей или давила на них^[631].

В детальном анализе результатов выборов от 29 мая 1946 года Стейнхардт докладывал в Вашингтон: «Выборы прошли в атмосфере порядка и относительного спокойствия. Голосовали не за отдельных людей, а за партии. Хотя превосходная организация коммунистической партии с

помощью контроля над МВД, возможно, и принесла определенное количество голосов этой партии, все же нет повода подозревать ее в нечестности. Нельзя сказать, что довольно сильная тенденция в поддержку коммунистов была вызвана запугиванием со стороны коммунистов или их контролем над механизмом голосования. Руководящие политики (ЧСР) убеждены, что голосование было тайным и справедливым, так как избирательные участки контролировали все партии, участвовавшие в выборах»^[632].

Объяснения были столь запутанными (непонятно, например, что имел в виду, говоря о «контроле МВД»), потому что сам же Стейнхардт до этого неоднократно писал: в такой развитой западной стране, как Чехословакия, коммунисты не могут победить на выборах без террора и запугивания оппонентов.

Надо сказать, что Стейнхардт точно предвидел основную интригу в политической жизни Чехословакии ближайшего времени – борьбу между КПЧ с одной стороны и ЧНСП, а также ЧНП – с другой за влияние на социал-демократическую партию, которая после выборов фактически раскололась на правое и левое крыло.

Левые социал-демократы группировались вокруг председателя партии Фирлингера и выступали за продолжение курса на тесное сотрудничество с коммунистами. Однако многие социал-демократы хотели четко отграничить свою партию от КПЧ, чтобы создать ей собственный имидж. Это были не только правые политики, и многие из них отнюдь не хотели променять союз с КПЧ на союз с ЧНСП, которую большинство социал-демократов считали чуждой и антисоциалистической силой. Просто критика КПЧ виделась им единственным средством сохранить саму социал-демократическую партию и предотвратить ее полный переход к коммунистам. Ведь собственным сторонникам не надо было разьяснять разницу между ЧСДП и ЧНСП, а вот разницы между социал-демократами и коммунистами многие не видели. Те, кто хотел занять по отношению к КПЧ более жесткую линию, группировались вокруг министра снабжения Майера. Ключевой была позиция популярного в партии Лаушмана, которого активно обхаживали и национальные социалисты, и коммунисты. Лаушман это понимал, но пока оставался над схваткой.

После выборов кардинальным образом поменялось отношение всех некоммунистических партий к Национальному фронту. Раньше они считали его инструментом компартии для получения в госаппарате большого количества мест, не соответствовавших реальному влиянию КПЧ. Они считали, что компартия продавала паритетное представительство всех

партий во временном Национальном собрании и национальных комитетах, хотя в реальности была слабее, например, ЧНСП. Однако, после выборов оказалось, что коммунистам в реальности причитается гораздо большее количество мест депутатов всех уровней, чем то, что им давал Национальный фронт.

Поэтому после мая 1946 года и ЧНСП, и ЧНП вдруг стали активно защищать Национальный фронт, выступая за продолжение осуществления принципа если не точной паритетности, то более или менее равного представительства всех партий в госаппарате.

Например, когда коммунисты поздравили президента Бенеша с днем рождения, в ответном послании ЦК КПЧ он написал: «...Также искренне благодарю за слова, которыми вы выразили политическую линию своей партии, и за заверения, что не только сегодня, но и в будущем вы будете укреплять столь нужный всем нам Национальный фронт»^[633].

Коммунисты тоже не стали претендовать на всю полноту власти, хотя могли бы сформировать однородное левое социалистическое правительство с ЧСДП. КПЧ высказалась за продолжение существования кабинета министров всех партий Национального фронта. Однако партия, согласно политическим традициям домюнхенской республики, которую так рьяно защищали в предвкушении своей собственной победы национальные социалисты, имела полное право на пост премьер-министра как сильнейшая парламентская партия страны.

Это признавал и президент страны. Кстати, сам Бенеш позаботился о том, чтобы первым актом нового парламента было единогласное избрание его президентом, каковое и состоялось 19 июня 1946 года.

2 июля 1946 года президент Бенеш в соответствии с результатами выборов привел к присяге новое правительство Национального фронта во главе с лидером КПЧ Готвальдом. Из 26 кресел в кабинете КПЧ получила девять: посты премьера и одного из его заместителей, министров труда и социального обеспечения, сельского хозяйства, внутренних дел, информации, финансов, внутренней торговли и пост госсекретаря в министерстве иностранных дел. Надо отметить, что трое из представителей компартии в правительстве были словаками.

ЧНП имела посты заместителя премьера, министров почты, здравоохранения, техники и министра без портфеля (всего пять членов). ЧСНП (напомним, до войны ее членом был президент Бенеш) заняла должности заместителя премьера, министров внешней торговли, образования и юстиции (четыре члена кабинета). Также четыре поста получили словацкие демократы – заместителя премьера, министра

транспорта, министра унификации законов и госсекретаря в министерстве внешней торговли. ЧСДП имела посты заместителя премьера, министра промышленности и министра снабжения.

Президент Бенеш, согласно традиции, единолично назначил беспартийных министров обороны и иностранных дел – соответственно генерала Людвика Свободу и Яна Масарика (сына первого президента ЧСР). Именно президент отвечал за оборону и внешнюю политику страны.

Программа правительства Готвальда уже не предусматривала радикальных преобразований в промышленности. Коммунисты считали проведенную национализацию достаточной для формирования мощного госсектора – локомотива развития всей экономики. В интервью американскому изданию «Фри Ворлд Мэгезин» в марте 1947 года премьер подчеркнул: «В программе нынешнего правительства ясно говорится, что правительство считает национализацию в производстве законченной». Коммунисты не возражали и против существования частного сектора в народном хозяйстве. В этом же интервью Готвальд сказал: «Частное предпринимательство имеет у нас те же права, что и национализированная промышленность. Мы, правда, включаем частный сектор в государственное планирование, поэтому стремимся соединить национализированную и ненационализированную промышленность в одной организации, которая сделала бы возможным управление производством, но одновременно следим за тем, чтобы возможность конкуренции между данными секторами не была ликвидирована или ослаблена»^[634].

Как уже упоминалось, большинство в словацком автономном правительстве – Корпусе уполномоченных – и после выборов 1946 года составляли представители ДПС. В парламенте Словакии – Словацком национальном совете – у демпартии было 63 места, у КПС – 31^[635]. Председателем СНС был лидер демпартии Йозеф Леттрих.

Компартия была неприятно поражена результатами выборов в Словакии, так как предполагала получить там даже больший процент голосов, чем в Чехии. Если в словацких городах коммунисты выступили неплохо, то находившееся под сильным влиянием церкви сельское население активно голосовало за демпартию. Промышленных предприятий в Словакии было очень мало, и КПС не имела там такого же преданного рабочего электората, как КПЧ в Чехии и Моравии.

Разочаровала коммунистов и очень слабая поддержка в словацких частях армии. Там за демпартию проголосовали 68 % военнослужащих, а за коммунистов – лишь 31 %. Это объяснялось тем, что словацкие части в

подавляющем большинстве состояли из солдат и офицеров армии бывшего марионеточного словацкого фашистского государства. После майских выборов коммунисты отказались от своего требования о создании в рамках армии отдельных словацких частей.

Компартия Словакии поставила перед собой задачу резко нарастить работу в массах. При каждом областном комитете была учреждена должность инструктора по проблемным районам. Каждым обком должен был отныне составлять письменный план работы на два-три ближайших месяца, и его выполнение контролировалось ЦК КПС. Была поставлена задача до ноября 1946 года привлечь в компартию Словакии 25 тысяч новых членов, прежде всего крестьян. С 1 сентября 1946-го начала работу центральная партийная школа, созданная по образцу КПЧ.

После выборов в соответствии с их результатами были перераспределены места в национальных комитетах по всей Чехословакии. В 37,5 % национальных комитетов КПЧ имела абсолютное большинство. В Чехии, Моравии и Силезии председателями 55,1 % местных национальных комитетов были избраны коммунисты. Из 163 районных национальных комитетов в Чехии и Моравии коммунисты возглавили 128.

Коммунисты через год после выборов поставили перед собой задачу привлечь на свою сторону абсолютного большинства народа, что было вполне логичной целью любой парламентской партии.

Уже 8 июля 1946 года премьер Готвальд представил на утверждение парламента Созидательную программу на основе двухлетнего плана социально-экономического развития страны. Основными задачами двухлетки были следующие:

- превысить уровень производства 1937 года на 10 %;
- завершить аграрные преобразования на селе по принципу «земля тем, кто ее обрабатывает»;
- начать индустриализацию Словакии (в том числе и за счет перевода промышленных предприятий из Чехии), чтобы ликвидировать в перспективе ее отсталость по сравнению с чешскими землями;
- обеспечить повышение жизненного уровня населения;
- завершить заселение чехами и словаками оставленных немцами пограничных районов.

Программа была абсолютно конкретной. Каменного угля предполагалось в 1948 году произвести больше на 17 % (и достичь тем самым уровня 1937 года), бурого угля – на 21 % (и на 33 % больше, чем в 1937-м). Стали планировалось произвести больше на 38 %, что, однако, всего лишь означало достижение предвоенного уровня. Скачок должен был

произойти в сфере производства электроэнергии – плюс 35 %, тем самым предвоенный уровень был бы превышен на 75 %.

С учетом гарантированных советских заказов производство железнодорожных вагонов должно было увеличиться на 150 %, а локомотивов – почти в четыре раза по сравнению с 1937 годом.

До 1948 года было намечено построить 125 тысяч новых квартир.

В двухлетнем плане предусматривался и рост производства продуктов питания: говядины – на 35 %, любимой чехами свинины – на 100 %, сливочного масла – на 10 %, молока – на 75 %, яиц – на 50 %.

Двухлетняя программа была довольно напряженной, если учесть, что ее надо было выполнить с рабочей силой, сократившейся из-за выселения немцев на 3 миллиона человек.

Что касается аграрной реформы, то Готвальд просто предложил провести ревизию первой аграрной реформы 1919-1920 гг. с тем, чтобы устранить чересполосицу. Никакой коллективизации премьер не предлагал.

В области внешней политики предполагалось продолжить курс на укрепление союзнических отношений с СССР: «Внешняя безопасность – даже больше того – само существование нашей республики – покоится на длительной дружбе и всестороннем сотрудничестве с нашим могущественным союзником, Советским Союзом». При этом в программе подчеркивалась и важность развития связей ЧСР с западными странами, особенно с Францией, Великобританией и США.

Программа кабинета Готвальда была единогласно поддержана в парламенте, который в октябре 1946 года принял закон о двухлетнем плане, предусматривавший ассигнования в размере 70 млрд крон (25 млрд – в промышленность, 15 млрд – в транспорт, 14 млрд – в жилищное строительство, 5,2 млрд – в сельское хозяйство). 22 миллиарда крон предназначались для Словакии.

В политическом плане программное заявление Готвальда как премьера было очень осторожным. Лидер компартии, например, призывал к установлению в новой конституции окончательного характера отношений между чехами и словаками, но ни слова не говорил о федерации. Премьер лишь провозгласил, что самобытность словаков должна быть окончательно признана и что чехи и словаки должны иметь равные права. Одновременно, к удовлетворению Бенеша, Готвальд сказал, что правительство не потерпит никакого словацкого сепаратизма, «античешских, антисоветских и фашистских элементов».

Первый свой официальный визит Готвальд в июле 1946 года совершил в Москву – правительство ЧСР рассчитывало на помощь Советского Союза

в реализации созидательной программы. СССР согласился передать ЧСР все немецкие трофейные предприятия на чехословацкой территории, в том числе особенно значимый завод по производству синтетического бензина в городе Мост и металлургический завод Витковице-Юг^[636]. На встрече Готвальда со Сталиным было решено, что эти предприятия передадут ЧСР безвозмездно.

Новым моментом в развитии советско-чехословацкого экономического сотрудничества стало то, что обе страны теперь перешли на путь планирования экономики и могли согласовывать производство и обмен товарами на более длительный срок, чем один год.

СССР согласился оказать помощь в разведке возможных месторождений нефти в Чехословакии и поставил ЧСР соответствующее оборудование.

Успех Созидательной программы зависел от бесперебойных поставок советского сырья. От этого же зависели и экспортные возможности ЧСР на западных рынках, а значит, получение необходимой для страны свободно конвертируемой валюты. Для оперативного курирования вопросов советско-чехословацкой торговли правительством ЧСР в августе 1946 года была учреждена канцелярия уполномоченного по вопросам торговли в СССР, а в марте 1947-го – создана советско-чехословацкая торговая палата.

В 1946 году советско-чехословацкая торговля поначалу росла значительными темпами. Если в 1945 году товарооборот составил 265 млн рублей, то в первой половине 1946-го – 245,2 млн Чехословацкий экспорт в СССР вырос с 5,8 до 137 миллионов рублей, импорт из СССР – с 20,7 до 108,2 миллиона^[637].

Советский Союз поставлял, прежде всего, железную руду (418 тонн, 23,3 % чехословацкого импорта этого сырья), хлопок (6652 тонны, 33,9 % импорта ЧСР) и зерно. Чехословацкий экспорт состоял из обуви (853 тысячи пар – практически весь советский импорт обуви), хлопчатобумажных тканей (15 млн метров, 19,2 % советского импорта), сахара (3600 тонн, 13 % импорта), а также машин и оборудования. Из Чехословакии СССР получал, например, 60 % всего оборудования для легкой промышленности и 34 % импорта стальных труб.

Для СССР Чехословакия была очень важным поставщиком, занимая в советском импорте шестое место после США, Польши, Болгарии, Китая и Монголии.

Таким образом, торговля обеих стран была сбалансированной и взаимовыгодной, причем ее перспективы выглядели для ЧСР

обнадеживающе, если учесть высокие темпы восстановления экономики СССР.

Однако сдерживающим фактором было то, что в Чехословакии внешней торговлей по-прежнему занимались в основном частные фирмы. А они хотели любой ценой продать товар на Запад, чтобы получить свободно конвертируемую валюту и оставить выручку на своих банковских счетах, предпочтительно в Швейцарии. В 1946 году ЧСР экспортировала в СССР товаров на 1720 млн крон, в Швейцарию – на 2111 миллионов, в Швецию – на 1148, США – на 1083, Германию – 1003, Норвегию – на 652, Австрию – на 650, Великобританию – на 420^[638].

Если экономические связи ЧСР и СССР развивались стабильно, то американцы в сентябре 1946 года приняли решение окончательно свернуть любую помощь и кредиты Чехословакии. Причем это якобы никак не было связано с результатами майских выборов и победой коммунистов.

Госсекретарь США Бирнс обиделся, когда на одном из заседаний проходившей в Париже мирной конференции (призванной завершить юридически Вторую мировую войну с сателлитами Германии) чехословацкая делегация слишком радостно аплодировала советскому представителю Вышинскому. Бирнс откровенно писал в своих воспоминаниях: «Однажды, когда Вышинский в очередной раз выступал с обвинениями в адрес Соединенных Штатов, что они пытаются подчинить себе мир с помощью «протянутого пряника», я заметил, что чехословацкие делегаты, сидевшие на два ряда впереди нашей делегации, восторженно ему аплодировали. Я тут же позвонил в госдепартамент и дал указание, чтобы кредит Чехословакии был заблокирован»^[639]. Было заблокировано также выделение кредита Чехословакии по линии МБРР.

Аплодисменты чехословацкой делегации были вызваны, помимо всего прочего, принципиальной поддержкой ЧСР советской позиции по отношению к получению репараций с западных оккупационных зон Германии в пользу не только самого СССР, но и Польши, Чехословакии и Югославии. Американцы лицемерно выступали в защиту «немецкого народа» и никаких средств из своей зоны выделять не хотели.

На самом деле Бирнс не сказал в своих мемуарах всей правды. Американцы решили полностью прекратить помощь ЧСР сразу после майских парламентских выборов в надежде, что возникшие экономические трудности страны негативно отразятся на популярности коммунистов, которые теперь возглавляли правительство.

Отметим, что в США признавали успехи чехословацкой экономики в

1946 году.

Стейнхардт писал в письме главному редактору центрального органа КПЧ «Руде Право» (газета попросила всех послов в Праге высказаться об экономической ситуации в ЧСР): «...Учитывая сложности, которые чехословацкое правительство и народ должны были преодолеть как последствия нацистской оккупации и общие экономические сложности во всей Европе, которые вызвала война, минувший год (1946-й – *Прим. автора.*) ознаменовал собой очень существенный прогресс на тяжелом пути, ведущем к нормальным условиям. По моему мнению, важный прогресс был достигнут в восстановлении сетей транспорта и связи, как внутри страны, так и с иностранными государствами, в повышении сельскохозяйственного производства, росте производительности труда, особенно при добыче угля, в ликвидации карточной системы на многие виды продуктов и в мерах по развитию социальной системы и системы здравоохранения...»^[640]

Именно преумножения этих успехов в 1947 году американцы и были полны решимости не допустить. Таким образом, аплодисменты чехословацкой делегации в Париже были для США лишь предлогом.

Еще 10 июня 1946 года временный поверенный в делах США в ЧСР Бруинс в телеграмме в Вашингтон предрекал два противоположных сценария развития обстановки в Чехословакии, возникших у него после бесед с некими «умеренными чехословацкими политиками».

1) Коммунисты находятся на пике своей популярности, и следует ожидать ее снижения «в результате экономических трудностей, которые возникнут из-за продолжения программы национализации».

2) Так как коммунисты являются сейчас сильнейшей партией, они имеют хорошие исходные позиции для укрепления своего авторитета и могут консолидировать свое влияние на электорат^[641].

«Умеренные политики» выразили мнение, что обстановка в Чехословакии в определяющей степени будет зависеть от диалога между СССР и Западом, и последнему ни в в коем случае нельзя быть по отношению к Чехословакии индифферентным.

Естественно, США устраивал только первый вариант развития событий. Вывод был очевиден – только экономические трудности смогут помешать коммунистам окончательно прийти к власти, поэтому эти трудности надо создавать или усиливать.

27 июля 1946 года МИД ЧСР направил посольству США в Праге официальную ноту, в которой США обвинялись в дискриминации ЧСР при

продаже другим странам остатков своего военного имущества в Европе^[642]. Американцы не хотели отдавать Чехословакии даже немецкие трофейные материалы, хотя им самим они были не нужны. 13 сентября 1946 года ЧСР перестала покупать то, что ей все-таки соглашались уступить, а 16 октября были прекращены переговоры о выделении Экспортно-импортным банком США кредита Чехословакии в размере 50 млн долларов.

При этом Соединенные Штаты продолжали требовать компенсацию за национализированное имущество американских граждан. Также США отвергли план ЧСР по обмену населением между Венгрией и Словакией, в то время как Сталин с ним согласился.

Экономический шантаж Вашингтона натолкнулся на единодушное осуждение в чехословацком Национальном собрании. Даже правые партии считали американскую политику в отношении ЧСР несправедливой, поняв, что США отыгрываются на Праге, чтобы ударить по Москве. С критикой США выступили обычно проамерикански настроенные депутаты от ЧНП Иво Духачек и Адольф Прохазка^[643]. Духачек, в частности, заявил: «Американское вмешательство является отражением напряженности между сверхдержавами: американцы искали предлог для подобных действий». То же самое утверждал Прохазка: «...главной причиной напряженности между Чехословакией и Соединенными Штатами является несогласие между Востоком и Западом». Еженедельник народной партии «Обзоры» писал: «Много американских действий с негативными результатами для нашей республики на самом деле направлены против Москвы. На наши спины – и во вред нашему жизненному уровню и столь важной двухлетке – обрушивается сведение счетов Соединенных Штатов с Советским Союзом. Если бы не было этого конфликта, то наши так называемые ошибки (типа аплодисментов в Париже – *Прим. автора.*) и недоразумения не имели бы никакого значения...»^[644]

Однако правые чехословацкие СМИ требовали прекратить любую критику США и писали, что из-за коммуниста Готвальда в премьерском кресле страна не получает столь нужных ей американских кредитов. Но Готвальд и не возражал против развития торгово-экономических связей с США, хотя его оппоненты надеялись на обратное.

Когда ЧНСП и ЧНП предложили срочно направить в США делегацию министерства внешней торговли (которое полностью находилось в руках национальных социалистов), премьер не стал противиться. Делегация выехала за океан в октябре 1946 года. Уже 14 ноября была подписана

американско-чехословацкая декларация о взаимной торговле.

Американцы активно выкручивали руки Чехословакии по поводу компенсации за национализированное имущество американских граждан и юридических лиц. Стейнхардт еще со времен своей адвокатской карьеры поддерживал тесные связи с другим экс-адвокатом – будущим госсекретарем Джоном Форстером Даллесом. А Даллес в то время, будучи партнером юридической фирмы «Салливэн энд Кромвелл», как раз защищал интересы пострадавшей от национализации чешской олигархической семьи Печек (у которой были фирмы в области металлургии и банковского дела). Стейнхардт поддерживал хорошие отношения и с Гарольдом Шитом, одним из руководителей нефтехимического предприятия «Сокони Вакуум Ойл», которое тоже подпало под национализацию в Чехословакии. Посол США ранее был юристом этой компании, которая помимо всего прочего активно финансировала Демократическую партию Словакии^[645].

Правительство ЧСР было готово платить, но считало, что на компенсацию не имеют права те граждане ЧСР, которые добровольно отказались от чехословацкого гражданства после 1938 года. Стейнхардт с этим не соглашался, так как тогда без компенсации остался бы целый ряд его клиентов, в том числе и часть семьи Печек. Спор по этому вопросу привел к тому, что Стейнхардт блокировал заключение американско-чехословацкого торгового соглашения до декабря 1947 года.

Если американцы с осени 1946 года всеми силами старались создать для Чехословакии экономические трудности, то компартия стремилась заручиться поддержкой большинства населения, чтобы получить абсолютное большинство на следующих парламентских выборах в 1948 году.

Коммунисты прекрасно понимали, что рабочий класс и так уже полностью идет за ними, поэтому логично направить все усилия на рост авторитета партии среди крестьян. Тем самым решалась бы и «словацкая проблема» – ведь большинство словацкого электората жило на селе. При этом в 1946 году коммунисты и так получили больше голосов деревенских жителей, чем аграрная партия до войны. Это была признательность сельского населения за выделение земли выселенных немцев, которое проводило министерство сельского хозяйства во главе с коммунистом Дюришом.

Осенью 1946 года коммунисты предложили несколько законопроектов ревизии аграрной реформы 1919 года. Согласно этим инициативам, предусматривались предоставление государственной помощи крестьянам и

ликвидация чересполосицы за счет помещичьих земель. Принципиально предалагалось ограничить частную собственность на землю 50 гектарами. Аграрные законопроекты вызвали фактический раскол в Национальном фронте – правые партии (демократы и ЧНП) высказались против их обсуждения в парламенте.

Во многом оппозиция аграрным декретам была вызвана конъюнктурными соображениями – все партнеры КПЧ по Национальному фронту стремились не допустить дальнейшего роста популярности КПЧ, особенно в деревне (среди рабочих влияние коммунистов и так уже было доминирующим).

Однако КПЧ обратилась напрямую к крестьянским массам. 4 апреля 1947 года Дюриш (словак по национальности) на массовом митинге в городе Градец-Кралове обнародовал новую аграрную программу, получившую название «Градецкая программа». Она предусматривала раздел всех угодий свыше 50 га между безземельными и малоземельными крестьянами (государство должно было выкупить излишки у их нынешних владельцев). Согласно программе, можно было конфисковать наделы и менее 50 га, если собственник их не обрабатывал (так называемая спекулятивная земля).

Градецкая программа обещала крестьянам льготные кредиты и помощь со стороны государственных машинно-тракторных станций. На крестьян должна была быть распространена система социального страхования.

Очень важным моментом было обещание ликвидировать разницу цен между сельскохозяйственными и промышленными товарами. Такой диспаритет обычно является результатом любой крупной войны, от которой страдает, прежде всего, промышленное производство. Чешские и словацкие крестьяне после 1945 года имели доход в 14 раз больше, чем после Первой мировой войны, но за нужную им промышленную продукцию приходилось платить больше в 29 раз (!).

Готвальд и Дюриш неоднократно говорили, что коллективизация в ЧСР не стоит на повестке дня и чехословацкое сельское хозяйство пойдет к социализму своим особым путем. При этом сельхозкооперация (хотя и не производственная, а сбытовая и кредитная) была в Чехии очень хорошо развита еще во времена домюнхенской республики. Правда, кооперативы находились под влиянием крупных торговцев-оптовиков, которые своей ценовой политикой только загоняли мелких крестьян в долговую яму. В 1938 году долги крестьян превысили 32 миллиарда крон, причем больше всего задолжали те, кто имел земли менее 10 га (такие крестьяне

представляли 86 % всех сельхозпроизводителей)^[646]. «Кооператоры» продавали крестьянам в кредит удобрения и технику по завышенным ценам и стремились приобрести у них продукцию по заниженным ценам.

Военная и послевоенная инфляция лишила многих крестьян стимула к развитию производства. В 1946 году аграрной продукции было произведено лишь 60 % от довоенного уровня. Правда, крестьяне охотно погашали свои предвоенные долги обесценившимися деньгами.

Некоммунистические партии выступили против Градецкой программы как излишне радикальной, хотя Бенеш еще на переговорах в Москве в декабре 1943 года говорил, что надо экспроприировать все наделы свыше 25 га. ЧНСП и ЧНП обвиняли компартию в покупке крестьянских голосов и созданию дешевого авторитета на селе, хотя никто не мешал тем же национальным социалистам выдвинуть аналогичную программу до коммунистов.

Мелких и средних крестьян поддерживала политика дифференциации закупочных цен на сельхозпродукцию: те, кто имел земли менее 20 га, получали от государства за свои продукты на 77 % больше, чем крупные сельхозпроизводители. Обязательные госпоставки государству по твердым ценам продуктов были также дифференцированы в зависимости от площади земельного надела. Например, согласно плану госпоставок на 1948 год те крестьяне, кто имел менее 1 га земли, должны были сдать государству 250 яиц, владельцы 2-5 га – 390, а те, у кого было более 80 гектаров, – 3600^[647].

Особенностью чехословацкого сельского хозяйства являлось и то, что животноводством занимались именно мелкие крестьяне (с наделами до 10 га), которых по-прежнему было 80 % всех сельхозпроизводителей.

Под давлением массового крестьянского движения парламент 11 июля 1947 года утвердил закон об аграрной реформе, согласно которой у владельцев принудительно выкупалась вся земля площадью свыше 150 га пахотной и 250 га всей земли. Всего отчуждению подлежало 1 027 529 га земли, из которой 127 тысяч гектаров получили 100 тысяч крестьян, 60 тысяч га было оставлено прежним владельцам, а 839 тысяч га перешло в госсобственность (в основном леса).

Частичная реализация Градецкой программы существенно укрепила авторитет коммунистов среди крестьян. В полном объеме Градецкую программу удалось осуществить лишь после февраля 1948 года.

Прогресс Двухлетнего плана позволил правительству в начале 1947 года приступить к снижению цен. В первой половине 1946 года цены на

продукты превосходили уровень 1937-го в среднем в 3,4 раза^[648]. Но в 1947-м в стране производилось гораздо больше товаров, чем год назад, и к тому же снизилась их себестоимость. Партийные организации КПЧ на местах получали много писем и наказов трудящихся, требовавших снижения цен. На некоторых предприятиях даже произошли предупредительные забастовки.

Реакция партии была оперативной и финансово просчитанной. Министерство финансов и министерство внутренней торговли (оба ведомства возглавляли коммунисты) проанализировали структуру розничных цен на продукты и выяснили, что на еде зарабатывают отнюдь не крестьяне, а в основном переработчики и торговцы-посредники. Например, пятилитровая банка консервированных томатов (овощей в ней было 3,29 кг) стоила для потребителей 59 крон, из которых только 7 приходилось на долю того, кто эти томаты вырастил^[649].

С 1 апреля 1947 года были на 5-20 % снижены цены на товары первой необходимости, что принесло населению материальную выгоду в размере 6 млрд крон. На говядину (в зависимости от сортности) цены упали на 12-20 % (на 4,7 – 8,7 кроны за килограмм), на свинину – на 5-12 % (на 2,5 – 5,5 кроны за кг), на копчености – на 5-20 %, на яйца – на 14-18 % (на 0,5 кроны за штуку), на молоко – на 15-17 %, масло – 10-15 %^[650]. Продававшийся без карточек сыр подешевел на 15-30 % (на 10-15 крон за килограмм).

В мае 1947 года максимально разрешенные государством розничные цены на отечественные овощи и фрукты были такими: кочан цветной капусты – от 17 до 22,6 кроны в зависимости от веса, 10 морковок – 5,8, килограмм огурцов – 35,4 кроны, ранняя черешня – 20,4 кроны за килограмм, килограмм крыжовника – 10,4 кроны.

Снижение государственных цен на продукты привело к снижению цен и на черном рынке. Если в конце 1945 года килограмм пшеничной муки стоил там 16,4 кроны, то в первом квартале 1947-го – 12,5. Говядина за тот же период упала в цене с 122 до 72 крон за килограмм^[651].

Общий индекс цен на продукты в первой половине 1947 года составлял 308 % (если принять уровень 1937 года за 100 %)^[652].

Чтобы уменьшить повседневные расходы трудового населения и многодетных семей, были также снижены цены на рабочую одежду и обувь (на 20-25 %), равно как и на детскую одежду и обувь. Например, рабочий костюм вместо 310 крон стал стоить 190, детская обувь вместо 160 крон – 110. Подешевел и керосин.

Почти одновременно были снижены налоги на заработную плату и

увеличена денежная помощь на воспитание детей. Экономия женатого и имеющего двух детей рабочего госсектора или служащего с ежемесячной заработной платой в 3000 крон составила 203 кроны в месяц^[653]. Тем, кто получал в год менее 60 тысяч крон, подоходный налог был снижен наполовину.

Ко второй годовщине майского восстания в Праге каждый мужчина получил в виде надбавки к карточной норме 140 чехословацких сигарет марки «Партизанские» (вместо них можно было взять только что появившиеся в продаже «Моравские»). Женщины имели право на 20 дополнительных сигарет. Американские, английские и югославские сигареты продавались без карточек^[654].

В Словакии было проведено снижение цен в столовых и ресторанах. Суп теперь стоил 2 – 2,5 кроны, второе блюдо без мяса – 10-11 крон, мясное блюдо – не более 15,5 кроны.

Все меры повышения жизненного уровня были просчитаны министром финансов коммунистом Доланским так, чтобы не вызвать инфляции или дефицита товаров по карточкам^[655]. Стоит отметить, что национальные социалисты сразу же начали критиковать в своих газетах коммунистов за недостаточную, по их словам, радикальность снижения цен.

Таким образом, несмотря на фактический экономический бойкот США, компартия Чехословакии в 1946-го – начале 1947 года добилась серьезного экономического роста, позволявшего надеяться на полное выполнение Созидательной программы и двухлетнего плана. Люди почувствовали улучшение жизни на своих желудках и кошельках.

К моменту освобождения страны от нацистов в мае 1945 года житель Чехии старше 18 лет получал по карточкам в месяц 6880 г хлебобулочных изделий, 750 г мяса, 625 г жиров, 1,75 л молока, 1200 г сахара, 80 г мармелада, 125 г кофейных веществ (натурального кофе в Германии практически не было) и 8 кг картофеля. Дети до шести лет получали по 4 кг хлебобулочных изделий, 400 г мяса, 500 г масла и четыре яйца. Даже эти «оккупационные» нормы были гораздо лучше того, что мог себе в то время позволить средний житель разоренного войной СССР. Но к марту 1947-го месячные нормы отпуска продуктов по карточкам в Чехии выросли и составляли для взрослого (старше 20 лет) 13 кг хлебобулочных изделий, 2 кг мяса, 705 г жиров, четыре яйца и 3,5 л молока. Дети до шести лет имели право на 6 кг хлебобулочных изделий, 1200 г мяса, 600 г масла, восемь яиц и 21 л молока^[656].

Редко кто в Европе того времени так хорошо питался – впроголодь жили и победители, и побежденные. В Чехословакии же начала 1947 года еда была полноценной, позволявшей забыть о недоедании военного времени.

Но тут против чехословацких коммунистов выступила сама природа – весной – летом 1947 года страну постигла катастрофическая засуха. В мае в Праге держалась тропическая температура +34 градуса в тени. Много дней не было ни одного дождя.

Погибло 40 % урожая зерновых и 50 % картофеля. Примерно 48 % всего урожая было потеряно в Словакии. Некоторые овощные культуры (например, шпинат) не взошли вовсе. Черешня была очень плохого качества, потому что слишком рано созрела. Уже в июне на рынках стал ощущаться недостаток овощей. Однако министр снабжения социал-демократ Майер еще в начале июня 1947 года заявлял, что продуктов по карточкам вполне достаточно и нормы отпуска можно даже повысить. Оптимистичность своих посулов он объяснял тем, что скоро придут закупленные в США мука и зерно^[657]. Министра не насторожил даже тот факт, что деятельность ЮНРРА в Чехословакии была официально закончена в июне 1947 года.

Американцы в 1947-м предлагали купить пшеницу по 490-550 крон за центнер без учета транспортных расходов от США до Чехословакии. С перевозкой центнер обошелся бы примерно в 700 крон. Американская рожь стоила еще дороже – около 800 крон с доставкой, овес – 500 крон^[658]. Пшеничную муку на условиях американцы предлагали по 650-690 крон за центнер на условиях франко-порт США (то есть поставщик оплачивал доставку груза в порт отправления, а далее все расходы и ответственность за товар ложились на плечи покупателя).

К концу лета 1947 года общий ущерб от засухи оценивался уже в 15 млрд крон. Правительству пришлось рассматривать вопрос о снижении нормы снабжения населения по карточкам. Естественно, это вызвало в стране недовольство.

43 % жителей ЧСР теперь были вынуждены закупать продукты питания на черном рынке, где цены в 1947 году выросли на 200 %^[659]. Например, в сентябре 1947-го государственная розничная цена за килограмм картофеля в Словакии равнялась 2,5 кроны, но на самом деле потребителям приходилось платить 7,8 кроны, а иногда и все 10. Яйца вместо госцены в 3 кроны за штуку можно было купить лишь за 5-6 крон. Сливочное масло обходилось словацкому потребителю в 160-180 крон за

килограмм вместо установленных государством 85 крон. Словацкие сепаратисты в рядах демпартии стали распространять слухи, что высокие цены вызваны вывозом продовольствия в Чехию и Советский Союз.

Летом 1947 года из-за проблем с кормами стали сильно падать поставки молока и сливочного масла. В июне молока в Чехии и Моравии заготовили на 3,5 % меньше, чем в июне 1946 года, в июле – на 7 %, в августе – уже на 15 %. В Словакии заготовки молока вообще снизились на 30 %. При таких темпах падения производства получалось, что молока по карточкам гражданам старше 20 лет может не хватить, поскольку все уйдет на детей и подростков (2,1 миллиона человек)^[660].

По оценкам правительства, потребление калорий средним жителем ЧСР было осенью 1947 года на 42 % ниже оптимального уровня.

Конечно, противники КПЧ (демпартия, ЧНП, ЧНСП и часть ЧСДП) использовали природное бедствие для борьбы с растущим авторитетом коммунистов.

Министерство внешней торговли (находившееся под контролем ЧНСП) стало проводить политику закупок в кредит продовольствия и товаров широкого потребления на Западе. В 1947 году долг Чехословакии США превысил миллиард крон, Великобритании – 0,5 миллиарда. Доля СССР и стран Восточной Европы в чехословацкой внешней торговле упала с 21,3 % в 1946 году до 14 % в 1947-м. Если в 1946 году СССР был вторым по величине торговым партнером ЧСР, то в 1947 году – только шестым.

Пользуясь ситуацией, США предложили Чехословакии принять участие в плане Маршалла, обусловив выделение европейским странам кредитов выводом компартии из правительств этих стран (как и произошло во Франции, Италии и Бельгии).

Сам план Маршалла первоначально имел только одну цель – предоставить кредиты западноевропейским странам (прежде всего, Италии и Франции) при условии удаления коммунистов из правительств этих государств. В США были серьезные опасения, что компартии Италии и Франции, возглавляемые популярными деятелями Тольятти и Торезом, могут выиграть следующие выборы.

С 30 июня 1945 года по конец декабря 1946-го США предоставили помощи зарубежным странам на 14,3 млрд долларов, в том числе 7,1 млрд – Великобритании. Из этой «помощи» 8950 миллионов приходилось на кредиты и займы, в том числе 4435 млн долларов получила Англия, 1951 – Франция, 375,3 – Голландия, 205,4 – Италия, 149 – Бельгия. Восточноевропейские страны не получили практически ничего^[661]. Зато

бывшие государства-агрессоры Германия (западная) и Япония получили от США 137 миллионов долларов на закупку американского хлопка.

Сначала американцы даже не хотели предлагать кредиты СССР и восточноевропейским странам, но потом решили это сделать, заранее выдвинув неприемлемые условия. Если бы СССР и страны Восточной Европы отказались от американских кредитов, то Москву и ее «сателлитов» можно было бы обвинить в расколе Европы на два лагеря.

В 1948 году Кеннан писал: «Давлением на русских, чтобы они разрешили странам-сателлитам наладить экономическое сотрудничество со странами Западной Европы – что, несомненно, усилило бы связи между Востоком и Западом и ослабило бы ориентацию этих стран на Россию, – либо их принуждением не входить в эту структуру сотрудничества (план Маршалла – *Прим. автора.*) ценой серьезных экономических жертв мы создали бы сильное напряжение в отношениях между Москвой и странами-сателлитами»^[662]. С самого начала Кеннан, создатель плана Маршалла, полагал, что СССР нельзя включать в программу помощи: «Железное правило обращения с русскими гласит, что только тот может хорошо с ними справиться, кто доказал, что справится и без них...»^[663]

Предоставление американских кредитов западноевропейским странам было первоначально предложено 21 апреля 1946 года Координационным комитетом госдепартамента и военного министерства США (State War Navy Coordinating Committee, SWNCC). Заместитель госсекретаря Ачесон решил реализовать эту идею и начал осторожно прощупывать мнение конгресса на сей счет.

Единомышленника он нашел в лице ярого антисоветчика Кеннана, который с мая 1947 года возглавлял «мозговой центр» госдепартамента – Штаб политического планирования (Policy Planning Staff, PPS). 23 мая 1947 года Кеннан передал руководству госдепартамента выработанный им план американской помощи западноевропейским странам при условии активной борьбы всех получателей кредитов против мирового коммунизма. Кеннан признавал, что коммунисты не виноваты в экономических трудностях Западной Европы, но утверждал: «...коммунисты используют в своих целях европейский (экономический) кризис, и дальнейшие их успехи могут создать угрозу американской безопасности»^[664].

Распределением кредитов должна была весть специальная организация, созданная из представителей США и западноевропейских стран (именно это, как предполагал Кеннан, было бы неприемлемо для Москвы). Участникам программы помощи предстояло раскрыть перед

США все данные о своем народном хозяйстве – американцы правильно предполагали, что и это вряд ли примут в Москве.

При этом Чехословакию американцы отнесли к тем народам, которые уже подчинились коммунизму. Поэтому помогать ЧСР, по мнению Соединенных Штатов, не стоило.

Еще одной целью плана Маршалла было экономическое восстановление Западной Германии, против чего выступали не только восточноевропейские страны, но и Франция.

Надо отметить, что экономика Западной Европы (как и Восточной) в принципе восстанавливалась неплохими темпами и без американцев. В 1947 году уровень сельскохозяйственного производства достиг 83 % довоенного уровня, промышленного производства – 88 %. Проблема была только в сфере внешней торговли – у европейских стран не имелось конвертируемой валюты, чтобы активнее обмениваться товарами.

12 марта 1947 года Трумэн обратился к конгрессу США с предложением выделить до июня 1948-го 400 миллионов долларов на экстренную помощь Греции и Турции, которым якобы угрожал мировой коммунизм. Это выступление, ставшее впоследствии известным как доктрина Трумэна, являлось по сути дела официальным объявлением холодной войны Советскому Союзу.

Президент США действительно объявил мировому коммунизму священную войну: «В настоящий момент мировой истории каждая нация должна выбрать между альтернативными формами существования. Только выбор этот часто не является свободным. Одна форма жизни основана на воле большинства и характеризуется свободными общественными институтами, представительной формой правления, свободными выборами, гарантиями личной свободы от политического угнетения. Другая форма существования основана на воле меньшинства, которая навязана большинству силой. Она опирается на террор и подавление, цензуру печати и радио, на манипулирование с выборами и лишение людей личных свобод. Я думаю, что политика Соединенных Штатов должна заключаться в помощи свободным народам, которые сопротивляются господству со стороны вооруженного меньшинства или внешнего давления. Я думаю, что мы должны помочь всем свободным народам, чтобы они сами могли определять ход своей истории».

С этого момента отношение США к СССР формально приняло враждебный характер.

Американцы в 1947 году начали оказывать экономическое давление и на СССР. Было денонсировано советско-американское соглашение 1945

года о предоставлении кредитов на закупку американских товаров.

Однако Сталин даже после провозглашения открыто антисоветской доктрины Трумэна в марте 1947 года не оставлял надежды на нормализацию отношений с США. В интервью Гарольду Стассену^[665] 9 апреля 1947 года он подчеркнул, что разные экономические системы в СССР и США не должны препятствовать развитию двустороннего сотрудничества^[666]. «Экономические системы в Германии и США одинаковые, но, тем не менее, между ними возникла война. Экономические системы США и СССР различны, но они не воевали друг с другом, а сотрудничали во время войны. Если две разные системы могли сотрудничать во время войны, то почему они не могут сотрудничать в мирное время?» Советский лидер призвал страны «не увлекаться» взаимной критикой. «Каждый народ держится той системы, которой он хочет и может держаться. Какая система лучше – покажет история. Надо уважать системы, которые избраны и одобрены народом. Плоха ли или хороша система в США – это дело американского народа. Для сотрудничества не требуется, чтобы народы имели одинаковую систему. Нужно уважать системы, одобренные народом. Только при этом условии возможно сотрудничество».

5 июня 1947 года госсекретарь Маршалл, выступая в Гарвардском университете, предложил выделить кредиты США на «восстановление Европы». Ни о каких цифрах, ни о каких условиях выделения американских кредитов в речи не упоминалось. Поэтому в госдепартаменте план Маршалла окрестили было «летающей тарелкой» – мол, никто не знает, есть ли этот объект вообще, как он выглядит и куда летит. Речь Маршалла даже попытались скрыть от американских СМИ, предвидя, что американскому налогоплательщику она может и не понравиться.

Ведущая американская газета «Нью-Йорк Таймс» писала 18 июня 1947 года, что целью плана Маршалла было «открыть перед Россией дверь, в которую – Вашингтон был уверен – Россия не войдет»^[667].

Маршалл лицемерно провозгласил, что план использования американских кредитов Европа должна разработать сама. Но функцию «Европы» взяли на себя ближайшие американские союзники – Париж и Лондон.

По просьбе американцев англичане и французы взялись подготовить совместный ответ на предложение Маршалла и 16 июня 1947 года пригласили принять участие в формулировании ответной реакции и СССР. Сталин был отнюдь не против получения американских кредитов, в

которых, естественно, нуждалось разоренное страшной войной народное хозяйство СССР. Поэтому Москва приняла приглашение на совещание в Париже, чтобы сформулировать единую реакцию европейских стран на предложение Маршалла.

Забегая вперед, отметим, что во время действия плана Маршалла, в 1947-1952 гг., европейские страны получили в общей сложности 13 млрд долларов кредитов (менее 3 % от национального дохода 16 стран – участниц программы помощи), которые они должны были потратить на закупку в США товаров по завышенным ценам. На Великобританию пришлось 3,4 млрд долларов, на Францию – 2,8, на ФРГ – 1,4. С помощью плана Маршалла США смогли сбыть хранившиеся у них на случай длительной войны с Японией неликвидные товары. В качестве условия предоставления помощи США потребовали удаления коммунистов из правительств всех стран – участниц программы.

Об одной тайной стороне плана Маршалла общественность узнала лишь спустя десятилетия. Только что возникшей в 1947 году американской разведке – ЦРУ – требовались деньги для подрывных операций против СССР и его союзников, а также компартий во всем мире, и деньги эти нельзя было легально выделить через бюджет США. Согласно плану Маршалла, страны, получавшие американские доллары, должны были предоставлять США эквивалентную сумму в своих валютах. 5 % денег тайно перекочевало в сейфы ЦРУ на подрывные операции против этих же стран (особенно против Греции, Италии и Франции). За все время действия плана Маршалла ЦРУ получило громадную сумму в 685 миллионов долларов^[668].

Между тем чехословацкие буржуазные партии Национального фронта в своих СМИ активно пропагандировали «великодушные» США. Хотя на фоне только что произошедшего отказа США в какой-либо форме помогать ЧСР план Маршалла выглядел более чем странно: американцы предлагали кредиты, в которых они же недавно наотрез Чехословакии отказали.

Как уже упоминалось, американцы в 1945-1949 гг. оказали Чехословакии помощь по линии ЮНРРА на сумму в 264 миллионов долларов. Однако с 1947 года продовольственная помощь по линии ЮНРРА была резко сокращена. В январе 1947-го ЧСР получила лишь 18,1 тысячи тонн продовольствия, но 15,4 тысячи тонн из них пришлось на поваренную соль и только 1100 тонн – на мясо (причем на конину, которую чехи не ели)^[669].

По ленд-лизу ЧСР был предоставлен военный материал на сумму

2,7 млн долларов. Но при этом США отказывались выдать Праге захваченный американскими войсками в западной Чехословакии золотой запас Национального банка довоенной Чехословацкой республики, похищенный нацистами.

После оккупации Чехии в марте 1939 года немцы вывели со счетов Национального банка ЧСР и валютных счетов нескольких чешских фирм примерно 45,5 тонн золота в Имперский банк в Берлин, причем большая часть была без проблем переведена со счетов Банка Англии, где хранилась. Кроме того, у евреев на территории протектората было изъято 617 кг золота. В 1945 году большая часть довоенного золотого запаса ЧСР была захвачена американскими войсками. Только в 1982 году ЧССР получила через Швейцарию 18,5 тонны своего бывшего золотого запаса.

Тем не менее, чехословацкая буржуазная печать пыталась противопоставить великодушных американцев русским, которые якобы в силу своей отсталости не могут продать ЧСР нужные ей товары. 23 февраля 1947 года посол СССР в Праге был вынужден вручить в МИД ЧСР официальную ноту протеста против клеветнической антисоветской кампании в чехословацкой прессе^[670].

Печать ЧНСП была довольно изощренной в антисоветских провокациях. Центральный орган партии газета «Свободное слово» написала, например, что СССР вернул Чехословакии закупленные ткани, так как на них был изображен серп и молот. Мол, Москва, «заелась», и ее не устраивает даже собственный герб. Ни слова правды в этом сообщении не было. Министерство промышленности (возглавлявшееся социал-демократами) официально опровергло этот вымысел – никаких тканей с серпом и молотом в СССР не поставлялось, и Советский Союз не вернул обратно ни единого метра закупленных чехословацких тканей^[671].

Посольство СССР в Праге постоянно отмечало тенденциозные антисоветские публикации органа ЧНП журнала «Обзоры». Например, в № 5 от 2.02.1946 года ставилась под вопрос трудовая мораль в СССР, которая якобы держится лишь на принуждении и суровых штрафах против рабочих^[672]. В следующем номере «Обзоров» утверждалось, что любой социализм несет в себе признаки фашизма. В СССР якобы гораздо более неравномерное распределение доходов, чем в США (хотя в предыдущем номере того же журнала писалось о царящей-де в Советском Союзе тотальной уравниловке в зарплате), а принцип «кто не работает – тот не ест» заменен на принцип «кто не слушается – тот не ест».

Примечательно, что «Обзоры» подвергались критике за антисоветизм

не только со стороны коммунистов – об этом же писала и газета ЧСДП «Право лиду».

В марте – апреле 1947 года советский журнал «Новое время» подверг критике публикации чехословацкого историка и члена ЧНСП Яна Славика^[673]. Тот, в частности, писал, что никакой народной революции в октябре 1917 года в России не было, а имел место переворот, совершенный маленькой группой профессиональных революционеров. Славик утверждал также, что никакой демократии в СССР быть не может, поскольку в конституции Советского Союза закреплена ведущая роль коммунистической партии.

В преддверии 30-й годовщины Великого Октября не только советские, но и чехословацкие коммунисты расценили это как провокацию.

ЧНСП и Бенеш в 1947 году стали агитировать за ревизию внешнеполитического курса Чехословакии. Президент стал говорить о ЧСР как о мосте между Востоком и Западом, западном форпосте славянства и восточном форпосте западной цивилизации. Характерно, однако, что еще в июне 1946 года Бенеш в интервью британской газете «Дейли Телеграф» заявил: Чехословакия лежит не между Востоком и Западом, а между Россией и Германией, поэтому нет сомнений, на чью сторону она встанет в случае какого-нибудь конфликта. Министр иностранных дел Ян Масарик в марте 1946 года отметил в Национальном собрании, что союз с СССР имеет неизменное значение и никогда не должен становиться предметом партийных дискуссий.

Бенеш намеревался посетить Париж и заключить с Францией договор о взаимной помощи. Тем самым предлагалось вернуться к внешней политике 30-х годов, когда ЧСР имела договоры о взаимной помощи с СССР и Францией. Но, как известно, Советский Союз в то время мог прийти на помощь Чехословакии только в том случае, если ей помогала и Франция (такие положения содержались в договорах и были включены в них по инициативе ЧСР). Отказ Франции от своих обязательств привел в 1938 году к позорному Мюнхенскому сговору и расчленению ЧСР.

Правительство Франции под давлением американцев само отказалось подписать договор о взаимной помощи с Чехословакией. ЧСР передала в Париж проект союзного договора в июне 1946 года, и Франция не давала ответа 11 месяцев. 31 мая 1947-го Прага после долгого ожидания наконец получила из Парижа французский проект договора о взаимной помощи между двумя странами. Но он не устроил даже ЧНСП – Франция не хотела брать на себя никаких обязательств по помощи ЧСР в случае германской агрессии. Французы были готовы лишь на консультации при таком

развитии событий.

Чехословакия не согласилась с этим вариантом, и СССР в ноте от 25 июня 1947 года поддержал ее позицию. В результате правительство ЧСР предложило Франции подписать такой же полноценный союзный договор, какой Чехословакия уже заключила с СССР, Польшей и Югославией.

СССР в марте 1947 года лоббировал в Праге заключение чехословацко-польского договора о взаимной помощи с тем, чтобы окончательно нормализовать отношения между двумя странами, которые почти три десятилетия портили споры о Тешинской области. К тому же договор гарантировал для чехословацкой внешней торговли постоянный доступ к польским портам на Балтике. Лидер ЧНСП Зенкл сообщил Стейнхардту, что национальные социалисты попытаются оттянуть заключение этого договора, но социал-демократы и словацкие демократы в этом вопросе солидарны с коммунистами, которые хотят подписать документ как можно скорее.

Саботаж ЧНСП был особенно деструктивным, если учесть, что неформальный лидер национальных социалистов Бенеш ранее вообще был настроен на создание чехословацко-польской федерации. Таким образом, публично национальные социалисты распинались в приверженности славянскому братству, а на самом деле под диктовку американцев тайком укрепление этого братства саботировали.

При этом фактически американцы сами толкали ЧСР на путь исторического примирения с Польшей, так как чинили разные препятствия транспортировке чехословацких товаров через свою зону оккупации в Германии (Зенкл очень просил их снять, чтобы он мог более активно аргументировать против заключения чехословацко-польского договора). Но в депеше в Вашингтон Стейнхардт расценил стремление СССР добиться заключения чехословацко-польского договора как наглядный пример советского вмешательства во внутренние дела Чехословакии с момента перехода «Рутении» (Закарпатской Украины) в состав СССР^[674]. Основной мотив Сталина американский посол видел в том, чтобы усилить позиции Польши при заключении мирного договора с Германией, то есть фактически добиться международного признания новых западных границ польского государства. Заметим, что присоединить к Польше немецкие территории предложил в Тегеране в 1943 году Черчилль, и Сталин с ним согласился.

25 марта 1947 года исполняющий обязанности госсекретаря Ачесон писал политическому советнику при главкоме американских оккупационных войск в Германии Мэрфи, что надо как-то решить

проблему транзита чешских товаров через Германию, иначе внешняя торговля ЧСР будет завязана на польские порты, а это не в интересах США. Но при этом американцы все же настаивали, чтобы ЧСР платила за транзит долларами, которых у нее было очень мало (что прямо признавал и сам Ачесон).

В мае 1947 года начались американско-чехословацкие переговоры по данному вопросу. Американцы заставили ЧСР заплатить им 5 млн долларов в качестве погашения долгов за транзит чехословацких товаров через Германию с конца войны до 1 марта 1947-го.

3 апреля 1947-го Стейнхардт писал в Вашингтон после своего разговора с Бенешем и Масариком, что, по мнению чехословацкого президента, никакого вмешательства СССР во внутренние дела Чехословакии нет, за исключением вопроса польско-чехословацкого договора^[675]. Бенеш даже полагал, что после выборов влияние СССР на чехословацкую политику уменьшилось, так как чешские и словацкие коммунисты в основном проводят самостоятельную линию. Готвальд, по словам Бенеша, придерживается умеренного курса, но ему с каждым днем все труднее контролировать «молодых экстремистов» в партии. К тому же здоровье премьера ослаблено, так как он много пьет.

К удовлетворению Бенеша, социал-демократы порвали с коммунистами, и авторитет Фирлингера в партии сильно пошатнулся. «Умеренные» в ЧСДП постоянно наращивали свое влияние. Авторитет своих собственных национальных социалистов Бенеш расценивал как постоянно растущий, а вот народная партия, по его мнению, сильно страдала от некомпетентного руководства Шрамека и министра почты Галы.

Бенеш сказал Стейнхардту, что дал Готвальду указание немедленно начать с США переговоры о полном удовлетворении всех американских требований по компенсации за национализированное имущество. Мол, главное – быстрее достичь соглашения, а сумма компенсации роли не играет. Бенеша, видимо, не интересовало, где премьер возьмет миллионы долларов для этой цели.

Бенеш предвидел трудности в осуществлении двухлетнего плана, особенно в сельском хозяйстве, причем считал, что повинен в этом будет министр-коммунист Дюриш.

Американский посол отметил, что Бенеш себя прекрасно чувствует, а вот Масарик подавлен падением своего авторитета в Англии и США. Правда, позднее Стейнхардт отмечал склонность Масарика к «сладкой жизни» и его стремление любой ценой сохранить свой пост, который дает

возможность многочисленных зарубежных поездок. При этом в ЧСР все больше критиковали Масарика за то, что он бывает за границей чаще, чем в Праге. Тихо ругая коммунистов в американском посольстве, Масарик в то же время с энтузиазмом откликнулся на предложение СССР лоббировать его кандидатуру на пост председателя сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

В США предвидели, что из-за обширного импорта сырья и машин с Запада в рамках двухлетнего плана Чехословакия будет иметь отрицательное сальдо внешней торговли в 1947 году в размере 150 млн долларов. Госдепартамент был намерен в этих условиях предложить ЧСР кредит Экспортно-импортного банка США в 50 млн долларов (замороженный в сентябре 1946 года), но только если Стейнхардт решит, что политическая обстановка в Чехословакии это оправдывает.

ЧСР в феврале 1947 года, как и советовал Праге ранее госдепартамент, обратилась в МБРР с просьбой выделить кредит в размере 350 млн долларов, представив развернутые данные о своей экономической политике. Решение МБРР на тот момент полностью зависело от США, но американцы не торопились с одобрением чехословацкой заявки. Ведь если бы кредит был одобрен, то у ЧСР не осталось бы никакой необходимости участвовать в плане Маршалла.

9 мая 1947 года Стейнхардт писал в Вашингтон, что ужесточение кредитной политики в отношении ЧСР с сентября 1946-го сыграло свою роль и теперь можно ослабить давление, но момент для этого пока не настал^[676]. Посол опять требовал уступок ЧСР в вопросе о компенсации за национализированное имущество и новых платежей за транзит чехословацких товаров через западные зоны оккупации Германии. Помимо этого, ЧСР следовало еще и заплатить долг по ленд-лизу. «С учетом выше изложенного представляется желательным, чтобы мы пока не давали согласия на выделение кредитов со стороны США, до тех пор, пока не решены (указанные выше) проблемы...» Если Прага согласится немедленно заплатить компенсацию за самые крупные национализированные объекты, то Стейнхардт предлагал лишь разморозить кредит на 20 млн долларов на закупку излишков американского хлопка.

В марте 1947 года ЧСР обратилась к главному американскими войсками в Германии с просьбой разрешить переселение в американскую зону оккупации дополнительно 103 тысяч судетских немцев из Чехословакии, но получила твердый отказ.

Таким образом, приглашая Прагу присоединиться к плану Маршалла (условия которого были вообще не детализированы), США в то же время

активно саботировали налаживание нормальных двусторонних отношений с Чехословакией в экономической сфере, для чего никакого особого «плана» не требовалось.

Между тем, к моменту официального выдвижения американцами плана Маршалла (июнь 1947 года) СССР терял свои позиции во внешней торговле Чехословакии. Если в 1946 году на долю Советского Союза приходилось 10,2 % внешней торговли ЧСР, то в 1947-му – только 6 %. Среди торговых партнеров ЧСР Советский Союз переместился со второго на шестое место. Главной причиной этой тенденции по-прежнему было нежелание частных чехословацких фирм торговать по клирингу. Частники получали от министерства внешней торговли Рипки валюту якобы для импорта необходимых народному хозяйству товаров. Но часть этих денег оседала на счетах предпринимателей за рубежом. Утечка валюты из ЧСР достигла в 1947 году более 3 млрд крон в пересчете на национальную валюту.

7 мая 1947 года Бенеш подчеркнул в интервью «Нью-Йорк Таймс», что «самыми важными торговыми связями для Чехословакии остаются связи с западным миром – Европой, Англией, Америкой – и таковыми останутся и в дальнейшем»^[677]. СССР Бенеш отводил лишь роль военного гаранта независимости ЧСР.

В феврале 1947-го Чехословакия исчерпала кредит 1946 года на закупку американского хлопка и выразила интерес в получении нового кредита на эти же цели в таком же объеме – 20 млн долларов^[678].

27 июня – 2 июля 1947 года в Париже прошло совещание министров иностранных дел Франции, Великобритании и СССР по вопросу об условиях участия европейских стран в плане Маршалла.

СССР выступил против проекта Англии и Франции по созданию наднационального органа, который определял бы потребности тех или иных стран в американских кредитах, включая сферы их применения.

Молотов заявил: «Таким образом, вопрос об американской экономической помощи, о которой к тому же ничего определенного до сих пор не известно, послужил поводом для того, чтобы британское и французское правительства добивались теперь создания новой организации, стоящей над европейскими странами и вмешивающейся во внутренние дела стран Европы вплоть до определения того или иного направления развития главных отраслей промышленности в этих странах... Сегодня могут нажать на Польшу – производи больше угля, хотя бы за счет ограничения других отраслей польской промышленности, так как в этом

заинтересованы такие-то европейские страны; завтра скажут, что надо потребовать, чтобы Чехословакия увеличила производство сельскохозяйственных продуктов и сократила свое машиностроение, и предложат, чтобы Чехословакия получала машины от других европейских стран, желающих подороже сбыть свой товар... Что же тогда останется от экономической самостоятельности и суверенитета таких европейских стран?»^[679]

К тому же СССР логично настаивал на том, чтобы в первоочередном порядке кредиты получали страны – жертвы гитлеровской агрессии, а не Германия, которой тогда юридически вообще не существовало. Молотов раскритиковал западные страны за то, что они препятствуют выплате репараций из своих зон оккупации Германии странам, пострадавшим от нацистской агрессии, в том числе и Чехословакии. Тем самым советский министр выступил против сердцевины плана Маршалла, основная цель которого заключалась в быстром экономическом восстановлении страны-агрессора – Западной Германии (которую США к тому времени уже решили создать, расколов единое немецкое государство).

Заместитель госсекретаря США (сменивший вскоре на посту руководителя американской дипломатии Маршалла) и духовный отец плана Маршалла Ачесон заявил в конгрессе 25 июня 1947 года: «Американское правительство рассматривает восстановление германского производства как основу плана, который будут разрабатывать европейские страны в соответствии с предложением Маршалла»^[680].

В Париже Молотов прямо сказал, что план Маршалла в его нынешнем виде имеет своей целью разделение Европы на два полярных лагеря и «использование одних европейских стран против других во имя выгоды некоторых стремящихся к господству сильных держав»^[681].

После этого Молотов покинул совещание, чего и ожидали американцы. Советник главкома американских оккупационных войск в Германии Мэрфи писал в мемуарах: «Если бы он (Молотов) выразил к плану хотя бы вежливый интерес, то Вашингтон попал бы в неприятное положение: ибо американский конгресс, скорее всего, воспротивился бы выделению денег коммунистическим странам»^[682].

Французы и англичане по согласованию с американцами пригласили в Париж все европейские страны для обсуждения условий участия в американской кредитной программе. При этом экономическая ситуация во Франции и Великобритании была тогда гораздо хуже, чем в ЧСР, которой они вместе с американцами собирались помогать. Во Франции снизили

норму отпуска хлеба населению по карточкам с 250 до 200 граммов в день, что вызвало протесты населения. В Великобритании с ноября 1947 года ввели ограничение на продажу картофеля – не более 4 фунтов в неделю на человека^[683].

Некоммунистические партии ЧСР высказались за участие в будущей Парижской конференции по плану Маршалла. Печатный орган ЧНП «Вывой» писал: «Если «доктрина Трумэна» создавала барьеры между государствами, то в инициативе Маршалла этот опасный недостаток, как нам кажется, преодолен. И вот любое европейское государство, страдающее от военной разрухи, получит необходимую помощь, если ее попросит. Мы настаиваем на серьезном и честном подходе к этому предложению, как это делают умные государственные деятели в других странах...»^[684] За участие в обсуждении плана Маршалла активно агитировали «звезды» ЧНСП Зенкл, Странский и Рипка, поддерживавшие плотный контакт со Стейнхардтом.

КПЧ отнюдь не возражала против американских кредитов, но, как и СССР, была против наднациональных органов, которые их распределяли бы. Коммунисты выдвинули компромиссный вариант – выделение кредитов должна была контролировать ООН.

24 июня 1947 года чехословацкое правительство впервые обсудило на своем заседании отношение к речи Маршалла в Гарварде. Выступивший с докладом заместитель министра иностранных дел коммунист Клементис проинформировал о позиции СССР: Москва предлагала, чтобы ЧСР сама сформулировала свое отношение к плану Маршалла. Тем временем Молотов еще совещался в Париже, а министр иностранных дел Масарик, находившийся с визитом в Норвегии, сделал в Осло официальное заявление, очень похожее на позицию Москвы: план Маршалла следует поддержать, если он не приведет к расколу Европы на два лагеря. Чехословакия, сказал Масарик, не примет план, если он будет сопровождаться какими-либо политическими условиями.

Готвальд на заседании правительства вполне логично заявил, что не надо было бы никакого плана Маршалла, если бы американцы просто возобновили нормальные торгово-экономические отношения с Чехословакией. Правительство поручило Масарику выработать совместную позицию союзных держав – Польши, Югославии и СССР – по отношению к американской инициативе.

4 июля 1947 года план Маршалла обсуждался внешнеполитическим комитетом Национального собрания ЧСР. В это время как раз стало

известно, что Молотов демонстративно покинул совещание в Париже. Выступивший перед депутатами Масарик заверил, что ЧСР по-прежнему настроена на участие в плане Маршалла, хотя надо еще дождаться официального приглашения в Париж и узнать позицию славянских стран-союзников Чехословакии – СССР, Югославии и Польши. Масарик, в частности, заявил: «По многим соображениям мы жизненно заинтересованы в сотрудничестве с Западом, как в смысле экспорта, так и импорта сырья. Но при этом все должны четко понимать, что мы не предпримем ничего такого, что могло бы быть интерпретировано как резкое расхождение с Советским Союзом. Это главное условие нашей внешней политики...»^[685]

Масарик тем самым блестяще раскрыл самую цель плана Маршалла – внесение раскола между СССР и его союзниками в Восточной Европе.

Таким образом, Прага зарезервировала за собой окончательное решение, а отнюдь не дала полное согласие на участие в Парижской конференции.

4 июля 1947 года участие в Парижской конференции опять обсуждалось в правительстве ЧСР. Позиция Советского Союза, несмотря на отъезд Молотова из Парижа, все еще была неизвестна. Польша информировала, что пока занимает выжидательную позицию. Готвальд предложил направить делегата в Париж, но выработать для него четкие инструкции, в соответствии с которыми главной задачей делегации ЧСР было лишь выяснение всех условий предоставления американских кредитов. Такую линию единогласно одобрило правительство, и Масарик стал активно выяснять позицию СССР.

6 июля он встретился с временным поверенным в делах СССР в Праге М. Ф. Бодровым, который передал министру меморандум советского правительства о причинах ухода Молотова с парижского совещания. В нем, в частности, говорилось, что США до сих пор отказываются предоставить какую-либо информацию об условиях выделения кредитов по плану Маршалла, а без этого обсуждать создание какой-то наднациональной организации для распределения кредитов не имеет практического смысла. На прямой вопрос Масарика, стоит ли ЧСР участвовать в намеченной на 12 июля конференции в Париже, Бодров не дал никакого ясного ответа. Временный поверенный не имел никаких инструкций из Москвы на сей счет, хотя от себя он все же посоветовал принять участие в конференции, но только после получения ЧСР гарантий невмешательства в свои внутренние дела. Бодров явно превысил свои полномочия, так как именно в этот день в Москве и была сформулирована позиция относительно участия

стран – союзниц СССР в Парижской конференции.

Масарик сразу же отправился к Бенешу (минуя премьера Готвальда), и они вместе решили интерпретировать слова Бодрова так: ЧСР сама может решить, ехать ли ее представителям в Париж.

Примечательно, что и КПЧ после консультаций с Москвой^[686] сначала согласилась направить представителей чехословацкого правительства на организованную американцами конференцию в Париж.

Этот вопрос опять обсуждался на президиуме чехословацкого правительства 7 июля 1947 года. Масарик процитировал письмо британского посла в Праге Никольса, в котором говорилось, что план Маршалла является чисто экономическим и не связан ни с какими политическими условиями. Министр выступил за участие в плане, так как считал, что экономика ЧСР на 60-80 % зависит от торговли с Западом. Масарику возразил вице-премьер Фирлингер, заявивший, что план Маршалла – большой обман, направленный на изоляцию СССР. Иначе почему американцы так упорно не хотят, чтобы этот план был реализован под эгидой ООН?^[687]

Заместитель Масарика Клементис заметил, что от участия в Парижской конференции уже отказались Швейцария, Венгрия и, возможно, откажется Норвегия. В этих условиях Клементис предложил проконсультироваться с Москвой и славянскими союзниками ЧСР (Польшей и Югославией). Готвальд тоже занял выжидательную позицию, заявив, что вообще непонятно, что скрывается за планом Маршалла конкретно. К тому же есть вероятность, что этот план направлен на быстрое экономическое возрождение Германии, что никак не отвечает национальным интересам ЧСР.

Однако Масарик взял слово снова и настаивал, чтобы ЧСР послала делегацию в Париж. Министра поддержали представители ЧНСП и ЧНП.

После продолжительных дебатов было принято решение поручить послу ЧСР Носеку принять участие в конференции, но только как наблюдателю. Особое внимание Носеку надо было обратить на роль Германии в плане Маршалла. Посол должен был постоянно информировать правительство о ходе конференции, чтобы участие в ней не нарушило суверенитет ЧСР и ее договорные обязательства с другими странами.

Интересно, что на США решение Праги принять участие в Парижской конференции никак не повлияло. 9 июля 1947 года госсекретарь Маршалл отправил Стейнхардту телеграмму, в которой говорилось, что даже участие ЧСР в конференции не изменит позицию США относительно выделения ей

кредитов (50 млн долларов). По причине того, что если сейчас объявить о выделении кредита, то может создаться нежелательное впечатление, что США «купили» участие Чехословакии в конференции за эти 50 миллионов. К тому же сначала «чехи» должны выплатить компенсацию за национализированное имущество, и, наконец, они и без кредитов хотят ехать в Париж, поэтому нечего заранее им что-либо обещать^[688].

10 июля начальника центральноевропейского отдела госдепартамента Риддлбергера посетил посол ЧСР в Вашингтоне Славик. Он сказал, что имеет информацию, согласно которой при участии ЧСР в конференции в Париже Экспортно-импортный банк США готов-таки выделить ЧСР замороженный в сентябре 1946 года кредит в 50 млн долларов. Риддлбергер холодно ответил, что это не так.

Славик официально пожаловался на статьи словацкой эмигрантской прессы в США (он принес их с собой), в которых Бенеша называли «предателем и убийцей» за недавнюю казнь Тисо, главы Словакии в 1939-1945 гг. В то же время, американский посол в Праге Стейнхардт жалуется на гораздо более мягкие статьи с критикой Трумэна в чехословацкой прессе. Риддлбергер ответил, что эти статьи не отражают мнения госдепартамента, однако он сам принимал делегации Словацко-Американского совета. Эта организация стала прибежищем для бывших деятелей клерикально-фашистского словацкого режима и громко протестовала против вынесения смертного приговора словацкому лидеру Тисо, хотя он находился в списке главных военных преступников ООН. В Америке шел активный сбор средств на мемориал Тисо.

В интервью чешским журналистам Славик заявил в начале октября 1947 года: «Американское министерство иностранных дел заверило, что не предоставит Дурчанскому^[689] как военному преступнику въездную визу в США. Было бы большой ошибкой считать, что американское правительство заинтересовано в поддержке какой-либо эмиграции, которая хотела бы подорвать единство Чехословацкой республики»^[690]. Славик признал, что американская пресса настроена по отношению к ЧСР негативно, потому что Чехословакия в соответствии со своими союзническими обязательствами поддерживает в ООН советскую линию.

Между тем в Москве уже сформулировали позицию относительно плана Маршалла. Срочно приглашенная официальная правительственная делегация ЧСР, в которую входили Готвальд, Масарик и министр юстиции Дртина, прибыла в советскую столицу 9 июля 1947 года. На 4-5 июля был заранее запланирован визит чехословацкой экономической делегации,

возглавляемой министром внешней торговли Рипкой, с целью обсуждения нового долгосрочного двустороннего торгового соглашения. Теперь эксперты чехословацких экономических ведомств сопровождали премьера.

На переговорах Сталин расценил план Маршалла как попытку США изолировать СССР (перед ним на столе лежали соответствующие вырезки из западных газет). Участие некоторых славянских государств в Парижской конференции означало бы подрыв их единого внешнеполитического фронта, в том числе и в германском вопросе. Поэтому СССР считал, что ни ЧСР, ни Польше, ни Югославии ехать в Париж не стоит, тем более что Польша и Югославия и так уже отказались от участия в конференции. Если Чехословакия все же примет участие в парижской встрече, то она, по словам Сталина, станет орудием в борьбе империалистической реакции против СССР, что неприемлемо ни для советской общественности, ни для советского правительства.

Тем самым Сталин очень точно обозначил свое виденье сути плана Маршалла, которую практическим теми же словами ранее сформулировал его разработчик Кеннан.

Однако, как отмечают некоторые современные западные авторы, было бы неверно говорить о сталинском диктате при решении этого вопроса. Напротив, сама чехословацкая сторона опасалась частичной потери части национального суверенитета в случае принятия плана Маршалла^[691]. Масарик сказал Сталину, что ЧСР откажется от участия в Парижской конференции, так как ставит дружбу с СССР превыше всего. То же самое подчеркнул и Дртина. Чтобы скомпенсировать возможные экономические потери, Сталин немедленно предложил активизировать закупки продукции чехословацкой промышленности и поставить ЧСР 200 тысяч тонн зерна.

В советско-чехословацком коммюнике по итогам визита говорилось, что СССР в 1948 году поставит Чехословакии 200 тысяч тонн фуражной пшеницы и кукурузы, 60 тысяч тонн калийных и 5 тысяч тонн азотных удобрений, 20 тысяч тонн хлопка, горох, чечевицу, шерсть, железную, марганцевую и хромовую руду, ферросплавы, фенол, фосфаты^[692].

В знак особого внимания к чехословацкой делегации на официальный обед в ее честь явилось все советское руководство – сам Сталин, Молотов, Берия, Микоян, Ворошилов, Маленков, Вознесенский, Косыгин, Булганин, Вышинский и освободитель Праги маршал Конев.

Рано утром 10 июля чехословацкая делегация направила из Москвы в Прагу срочную телеграмму с просьбой аннулировать правительственное решение от 7 июля: «Созовите немедленно всех членов правительства и

познакомьте их с содержанием наших переговоров со Сталиным и Молотовым... Считаем необходимым, чтобы вы приняли решение об отзыве нашего представителя из Парижа и сообщили об этом таким образом, чтобы мы получили это официальным путем до четверга (до 11 июля) пополудни. Кроме этого, немедленно телеграфируйте о принятом решении»^[693].

Ситуация в Праге осложнялась еще и тем, что Бенеша 10 июля неожиданно постиг апоплексический удар, и он на несколько недель выбыл из процесса принятия политических решений. Президента посетили вице-премьер Широкий (исполнявший обязанности председателя правительства) и Климентис (замещавший Масарика). Они хотели посоветоваться с Бенешем, но он был без сознания^[694]. Однако когда президент оправился, он сказал, что ввиду такой позиции СССР речи об участии делегации ЧСР в Париже быть не может.

Депутаты ЧНСП собрались на экстренное совещание, чтобы выработать инструкции своим представителям в правительстве. Как отмечал в своих воспоминаниях депутат от ЧНСП Ота Гора (антикоммунист), после оживленных дебатов было единогласно решено отказаться от участия в Парижской конференции. Союзные отношения с СССР были, по мнению всех депутатов, гораздо важнее некой неопределенной помощи со стороны Запада.

После этого, 10 июля 1947 года кабинет министров ЧСР также принял единогласное решение отказаться от участия в конференции. Однако этому решению предшествовали острые дебаты относительно формулировки причины отказа. Широкий (КПЧ) предлагал сослаться на позицию славянских стран – союзников ЧСР. Однако Зенкл требовал, чтобы было прямо указано на то, что решение принято под давлением Москвы. Коммунисты и Фирлингер это требование категорически отвергли.

В результате правительство согласовало следующий текст коммюнике: «Установлено, что ряд государств отказались принять участие в конференции, в частности все славянские и другие государства Центральной и Юго-Восточной Европы, с которыми Чехословакия находится в тесных экономических и политических связях, основанных на договорных обязательствах. В такой ситуации участие Чехословакии было бы интерпретировано как акт, направленный против дружбы с Советским Союзом и остальными нашими союзниками. Исходя из этого, правительство единогласно приняло решение не принимать участие в указанной конференции»^[695].

Около 20:00 11 июля эту позицию довели до сведения Москвы.

Примечательно, что оба решения (и об участии в Парижской конференции, и об отказе от участия в ней) были приняты в кабинете министров ЧСР единогласно.

Бенеш, в отличие от своих единомышленников из ЧНСП, не сомневался, что союз с СССР гораздо важнее неких туманных посулов со стороны Запада. Понимал президент ЧСР и антикоммунистическую направленность плана Маршалла. В беседе с британским дипломатом Локкартом он сказал: «Условие кредита одно: государство, которое его получает, должно вывести из состава правительства всех министров-коммунистов, в такой стране, как Чехословакия, где равновесие так неустойчиво, это сделать невозможно. Если бы американцы были немного мудрее, они бы поняли, что победить коммунизм можно лишь в том случае, если предоставить кредит таким правительствам, как чехословацкое, где коммунисты хотя и имеют сильные позиции, но в то же время не обладают абсолютным большинством. С этим кредитом Чехословакия продвинулась бы быстро вперед, и через два года коммунисты были бы парализованы»^[696].

Центральная разведывательная группа (ЦРГ) США сообщала со ссылкой на американского посла в Праге Стейнхардта, что чехословацкая делегация в Москве столкнулась с жесткими упреками со стороны Сталина^[697]. Чехословацкий источник Стейнхардта сообщил также, что состояние здоровья Сталина «прекрасное» и он выглядит более уверенным в своих силах, чем в 1946 году.

Министр иностранных дел ЧСР Масарик так оценивал в то время советско-чехословацкие отношения: «Советский Союз далек от того, чтобы превращать нас в сателлита. Советский Союз дальновиден и поэтому знает, что наши постоянные и искренние симпатии к нему, которые разделяет весь наш народ, гораздо ценнее, долговечнее и сильнее, чем конъюнктурная и временная привязанность. Чехи и словаки любят Россию издавна, теперь даже больше прежнего»^[698].

При этом Масарику приписывали высказывание о том, что он летел в июле 1947 года в Москву министром иностранных дел независимого государства, а возвращался слугой Сталина. Однако публично он сказал следующее: «Рассказывают фантастические истории о том, как нас вызвали в Москву. Но ведь председатель правительства Готвальд согласовал свою поездку в Москву еще за две недели до первого упоминания „плана Маршалла“. Он предложил встретиться со Сталиным и министром

иностранных дел Молотовым с тем, чтобы обсудить наши экономические отношения так, как они нам представлялись, т. е. расширить их. Когда мы уже выехали в Москву, стало известно, что Польша отказалась от участия в конференции в Париже, в результате чего мы остались единственным кандидатом к востоку от Рейна, который предполагал участвовать в конференции в Париже».

Готвальд, выступая в Пардубице в начале сентября 1947 года, подчеркнул: «Наша внешняя политика должна быть только политикой славянской солидарности, опирающейся на союз с СССР. Мы были бы рады, если бы в экономическом отношении нам помог Запад. Мы хотим торговать как порядочные торговцы, но мы не продаем нашей самостоятельности и независимости»^[699].

Рипка уже позднее, будучи в эмиграции писал: «Чехословацкое правительство изменило свою позицию по отношению к конференции в Париже исходя из собственных соображений, при этом не столько в интересах Советского Союза, сколько, и прежде всего, в интересах собственных»^[700].

Формально неучастие в Парижской конференции публично защищали все партии Национального фронта.

Например, центральный орган ЧНСП «Свободне слово» писал 12 июля 1947 года под заголовком «После решения – Почему ЧСР не идет в Париж – По-прежнему верим в сотрудничество всех держав»: «...Вся зарубежная печать и особенно печать западных стран комментирует сегодня сенсационное известие о вчерашнем чрезвычайном заседании чехословацкого правительства и его решении отозвать участие в подготавливаемой конференции о плане Маршалла. Это наше решение в зарубежных комментариях связывают с московским визитом председателя правительства Готвальда и министра иностранных дел Масарика и говорят о давлении, которому якобы подчинилась наша делегация... Доводы, которые привели Чехословакию к изменению позиции... четко выражены в принятом правительством постановлении... Чехословакия никоим образом не меняет своего отношения к экономической стороне конференции... однако делает выводы из изменившейся политической ситуации, какой она сегодня является, когда не только Советский Союз, но и все славянские государства Центральной и Восточной Европы отказались участвовать в конференции... Само то обстоятельство, что приглашение было принято сначала единогласным решением правительства, то есть и голосами министров-коммунистов, является достаточным доказательством, что речь

не могла идти о позиции, нацеленной против наших советских союзников. Но едва лишь – и об этом говорится в правительственном коммюнике – наше участие было истолковано как акт, направленный против дружбы с Советским Союзом, наше правительство сочло нужным сделать вывод из этой новой ситуации и приспособить свою позицию к позиции Советского Союза и других славянских стран... Мы уверены, что... прекратится нынешняя вражда между Западом и Востоком и, что будут вестись переговоры о реконструкции истинно европейской, к которой нельзя подойти без участия Советского Союза»^[701].

23 июля 1947 года активный противник коммунистов министр юстиции Дртина (ЧНСП) написал для этой же газеты статью под названием «В интересах Чехословакии»: «Так как наша общественность по-прежнему спорит о том, было ли правильно не участвовать в парижской конференции, считаю необходимым в качестве участника московских переговоров сказать несколько откровенных слов... Чехословакия, верная своим внешнеполитическим традициям, всегда и на любых международных переговорах готова сотрудничать со всеми миролюбивыми народами и государствами... Исходя из этой традиции и было принято первоначальное решение чехословацкого правительства принять приглашение в Париж и не упускать никакой возможности содействовать сближению между европейскими странами и между Западом и Востоком. Чехословацкое правительство отозвало свое участие в Париже только после того, как выяснилось, что в Парижской конференции не будет участвовать ни одно другое славянское государство... и что позиция Чехословакии могла бы быть истолкована как удар против Советского Союза... Таким образом, правильно возникшее впечатление, что чехословацкое правительство изменило свою позицию... под влиянием информации о том, какую позицию занимает Советский Союз, но оно изменило свою позицию по собственным соображениям и не только в интересах Советского Союза, но и в собственных интересах Чехословацкой Республики. Мы не должны забывать под влиянием сегодняшних забот о наших вчерашних заботах, которые могут стать заботами завтрашнего дня... Не будем забывать высказывание президента Бенеша, что Чехословакия находится не между Западом и Востоком, а между Германией и Советским Союзом... Мы даже не думаем скрывать, что в данном конкретном случае наша союзническая верность нам невыгодна. Но любой союз всегда приносит выгоду то одной, то другой стороне... Чехословацкое правительство и ЧСР тем, что не примут участия в парижских переговорах, не отказываются от возможности сотрудничать политически и экономически с другими европейскими

государствами, особенно с так называемыми западными странами...»^[702]

Масарик, выступая в сентябре 1947 года на второй сессии Генеральной Ассамблеи ООН, отметил тогдашнюю общемировую тенденцию, которой с помощью плана Маршалла пытались противостоять американцы: «Европа определенно повернула влево. Национализация наиболее важных отраслей стала неизбежной программой в Европе сегодняшнего дня. Многие люди в странах, где процветает экономический индивидуализм, могут содрогнуться от того, что я сказал, но я лишь констатирую факт, основанный на историческом развитии и экономических нуждах... С другой стороны, мы не в состоянии понять, как можно предоставлять Германии приоритет в оказании помощи по сравнению со странами, разоренными ею»^[703].

В декабре 1947-го американский корреспондент Пинкли спросил Готвальда, к какому из европейских блоков принадлежит Чехословакия. Премьер ответил: «Чехословакия не является членом какого-либо блока. Но Чехословакия имеет союзный договор с Советским Союзом и другими славянскими государствами. Этот союз был основан и развивается на принципах демократического равноправия и взаимного уважения государственного суверенитета и имеет своей задачей общую оборону против возможного повторения германского нападения, а также экономическое и культурное сотрудничество. На основе этих демократических миролюбивых принципов Чехословакия хочет сотрудничать с каждым государством и народом...

Чехословакия никогда не играла и не намерена играть роль какого-то посредника между «востоком» и «западом». Чехословакия твердо стоит за миролюбивую демократическую международную политику СССР и славянских народно-демократических стран. Я считаю, что такая политика является единственно возможной демократической и миролюбивой политикой как для «востока», так и для «запада»^[704].

Таким образом, американцы не только не смогли с помощью плана Маршалла разобщить СССР и восточноевропейские страны, но, наоборот, еще теснее сплотили их. Как бы ни тяготели ментально чехословацкие национальные социалисты к Западу, и они, и Бенеш помнили 1938 год, когда Запад сдал Чехословакию Гитлеру.

К тому же Бенеш понимал, что ЧСР все равно не получит никаких американских кредитов, пока в правительстве участвуют коммунисты. А удалить их оттуда не представлялось возможным – КПЧ набрала на свободных выборах наибольшее количество голосов.

Советская печать придерживалась тех же взглядов на план Маршалла, что и Бенеш. 1 января 1948 года в статье в «Правде» «Мы и они» Илья Эренбург писал: «План Маршалла был подан разоренным народам Европы как волшебная сказка: добрый дядя Сэм решил накормить и согреть европейцев. Трудно сказать, чего больше в планах дядюшки – беззастенчивой жадности или животного страха. Я нашел в парижских газетах забавный анекдот. Представитель игрушечной республики Сан-Марино явился к г. Маршаллу с просьбой о помощи. Г-н Маршалл спросил: «А у вас есть коммунисты? Если нет, нечего занимать место – Вы видите, какая большая очередь»... Бедный санмаринец пошел к г. Де Гаспери (премьер-министру Италии – *Прим. автора.*), потом к г. Бидо (премьеру Франции – *Прим. автора.*): «Одолжите мне немного ваших коммунистов – иначе «они» не дают ни цента»... Так подноготная американской помощи уже стала достоянием заурядных остряков»^[705].

Острила над планом Маршалла и западная пресса. Британский лейбористский еженедельник (лейбористская партия в то время была правящей) «Нью Стейтсмен» писал: «Соединенные Штаты выступают в роли богатой и великодушной старой девы. У ее ног распростерлись 16 оборванных бродяг (то есть европейских стран – *Прим. автора.*), причем каждый из их просит помощи, чтобы залечить свои раны. Один бродяга выставляет напоказ обрубок своей деревянной ноги. Другой просит милостыню, демонстрируя свои ужасные раны. Но прежде чем начать расточать щедроты, наша американская благотельница втыкает иглу в ногу одного из нищих, чтобы удостовериться, настоящая она или искусственная. Затем она осматривает гноящиеся раны другого нищего, чтобы удостовериться, что это не голливудская бутафория»^[706].

План Маршалла критиковали и в самой Америке. Бывший вице-президент США при Рузвельте Уоллес высказался о нем крайне нелюбезно: «Я абсолютно не питаю доверия к любому плану Маршалла, который восстанавливает Западную Европу против Восточной Европы. В политическом отношении мы ничего не приобретаем, за исключением ненависти за то, что мы тратим наши миллиарды для оказания давления на правительства и народы. Реакционеры, стоящие наверху, будут любить нас, так как они думают, что мы их спасаем. Рабочие будут нас ненавидеть, ибо они думают, что мы стремимся поддерживать или создавать реакционные правительства и оказывать влияние на экономическую систему Западной Европы в интересах Уолл-стрита»^[707].

24 августа 1947 года Готвальд, выступая в Брно, подчеркнул: «У нас с

самого начала не было никаких иллюзий относительно «плана Маршалла». Все то, что мы постепенно узнавали о нем, показывает, что наши опасения были совершенно обоснованными. Факты говорят о том, что смысл «плана Маршалла» заключается в следующем: открыть Европу для американских товаров, более того, восстановить германскую промышленность и экономику...»^[708]

Интересно, что Стейнхардт в телеграмме от 22 июля 1947 года призывал госдепартамент не драматизировать отказ ЧСР от участия в Парижской конференции: «Ситуация в Чехословакии не изменилась так радикально, как это представляет мировая пресса...»^[709] В конце концов, ЧСР и раньше всегда поддерживала внешнюю политику Москвы. Посол полагал, что под влиянием возросшей напряженности между Востоком и Западом СССР скорее всего изберет в отношении Чехословакии следующий курс: «материально укрепить контроль коммунистической партии над чешскими внутренними делами и внутри правительства». Стейнхардт не верил, что русские заставят ЧСР и далее сокращать экономические связи с Западом. Ведь в интересах Москвы, чтобы Чехословакия выполнила свой двухлетний план («продвигаемый коммунистами»), а для этого надо закупать товары на Западе.

Поэтому США, с точки зрения Стейнхардта, должны были придерживаться в отношении Праги следующей линии:

- не делать ничего, что может предотвратить экономические трудности ЧСР;

- максимально поддержать «умеренные силы» в борьбе против коммунистов. Для этого надо демонстрировать по отношению к Чехословакии «дружественность», но ни в коем случае не помогать экономически, так как это усилит позиции коммунистов. Пусть ЧСР на собственной шкуре почувствует все тяготы ориентации на СССР. Все равно, считал Стейнхардт, нереально переориентировать экономические связи Чехословакии с Запада на Восток быстро, поэтому можно ожидать промышленной стагнации и народного возмущения. Чехословакия – единственная экономически развитая страна среди «советских сателлитов», поэтому без сырья с Запада ей не обойтись.

«Мои рекомендации в экономической сфере следующие: мы не должны пытаться мешать нормальным торговым связям между США и Чехословакией при условии наличной оплаты товаров, но и не должны предоставлять Чехословакии значительных государственных или частных кредитов... Я убежден, что отказ Запада в экономической помощи

Чехословакии менее чем через год продемонстрирует, что чешская промышленность не может эффективно функционировать без значительного импорта с Запада...»^[710]

Следует подчеркнуть, что ужесточение политики США в отношении ЧСР наступило еще осенью 1946 года и никак не было связано с отказом страны от участия в плане Маршалла. Летом 1947 года в этом смысле ничего не изменилось. Американцы любой ценой хотели ослабить позиции КПЧ вне зависимости от того, поехала бы делегация ЧСР в Париж или нет.

В апреле 1947-го посол США в Праге Стейнхардт прямо заявил издателю журнала «Форин Аффэрс» Армстронгу, что в течение трех лет Чехословакия будет прочно интегрирована в западную систему^[711].

Чехословацкие коммунисты, в свою очередь, решили скомпенсировать экономическое и политическое давление Запада обращением за помощью к СССР. Собственно, другого выхода у них и не было. В июле 1947 года, как уже упоминалось, Готвальд посетил Москву, и Сталин, несмотря на тяжелейшую засуху в самом СССР, согласился выделить Чехословакии 200 тысяч тонн пшеницы, 200 тысяч тонн кормов и 60 тысяч тонн удобрений. Поставки предполагалось на условиях бартера оплатить изделиями чехословацкой металлургической и машиностроительной продукции, то есть СССР от ЧСР долларов не требовал. Советские поставки зерна должны были начаться с 1 января 1948 года.

В сентябре 1947 года 25 тысяч вагонов кукурузы согласилась предоставить Румыния, 30 тысяч тонн кукурузы была готова продать Венгрия.

Тем не менее, засуха в ЧСР была такой сильной, что этой помощи СССР явно не хватало. Во многих городах из продажи исчезли картофель и овощи.

Для того чтобы избежать серьезных трудностей в традиционно любимые чехами и словаками рождественские праздники, правительство 22 октября 1947 года приняло решение снизить с 1 ноября нормы отпуска продуктов по карточкам. Детям до шести лет теперь полагалось в месяц не 6, а 5 кг хлебобулочных изделий, детям от шести до 12 лет – 8 (вместо 10), молодежи от 12 до 20 лет – 10,5 (вместо 12), взрослым – 8,5 вместо 10,5 кг. Картофеля в месяц по карточкам теперь полагалось не 8, а 6 килограммов на человека. Норма отпуска яиц снизилась для детей до шести лет с 12 до восьми в месяц, для детей от шести до 12 лет – с восьми до шести, а для тех, кто был старше 12 лет, – с четырех до двух. Яйца экономили особо, чтобы их хватило на Рождество.

Характерно, что норма отпуска мяса не сократилась, и его даже можно было брать вместо хлеба по карточкам. Но эта радостная для простых граждан новость говорила специалистам о начавшемся из-за бескормицы забое скота.

Гражданам старше 20 лет с ноября 1947 года вместо сливочного масла выдавался маргарин. Норма выдачи сала снизилась с 160 до 120 г, но это снижение тоже компенсировали маргарином. Сыр (100 г) в ноябре продавали только тем, кто был старше 20 лет. Молока по карточкам детям до года полагалось три четверти литра, от года до 12 лет – поллитра, молодежи от 12 до 20 лет – 250 граммов, а тем, кто был старше, – одна шестнадцатая литра.

Сахара вместо прежних 1,5 кг теперь можно было получить лишь 1,2 кг, но на Рождество была обещана специальная прибавка в 500 г. Сладостей из шоколада по карточкам выдавали по 100 граммов на человека^[712]. В декабре 1947 года все потребители получили по карточкам 100 граммов кофе и в качестве подарка к Рождеству дополнительно по 50 сигарет (обычная норма составляла 160 сигарет в месяц)^[713].

Сокращение снабжения было особенно досадным, если учесть, что перед засухой ЧСР достигла довоенного уровня в потреблении на душу населения некоторых продуктов и промышленных товаров, например сахара, пива, сигарет и обуви.

Конечно, даже после катастрофической засухи снабжение населения в ЧСР было гораздо лучше, чем во многих европейских странах. В неделю гражданин Чехословакии получал по карточкам 1946 г хлебобулочных изделий, в то время как француз – 1400 г, англичанин – 1785 г, швейцарец – 1575 г. «Чемпионом» в то время была Норвегия – 2200 граммов. Что касается мяса, то чехи и словаки получали его 458 г в неделю, англичане – 450, французы – 400, бельгийцы – 346, голландцы – 200^[714].

Министр снабжения Майер (правый социал-демократ) 11 сентября 1947 года в докладе парламенту подчеркнул, что снабжение населения продуктами начиная с мая 1945-го постоянно улучшалось^[715]. До засухи карточные нормы постоянно повышались, и самое главное – в срок отоваривались. Только после засухи пришлось снизить нормы отпуска пшеничной муки, что, однако, было компенсировано повышением отпуска ржаного хлеба. Были отменены и введенные зимой 1947 года дополнительные надбавки по мясу, так как засуха сильно ударила по производству кормов для скота.

Сложная ситуация со снабжением заставила Готвальда 25 ноября 1947-

го года обратиться к Сталину с просьбой увеличить поставки зерна еще на 150 тысяч тонн и начать их еще до конца года. Москва немедленно ответила согласием, причем Сталин обещал увеличить поставки зерна даже не на 150, а на 200 тысяч тонн^[716].

Советский лидер в ответной телеграмме от 29 ноября 1947 года писал: «Тов. Готвальду. Получил ваше письмо... Только теперь я понял, до чего тревожно у вас хозяйственное положение. Я собрал соответствующих товарищей и выяснил, что мы можем пойти вам навстречу.

Первое. Мы можем довести количество зерна для вас до 600 тысяч вместо обещанных 400 тысяч тонн и вместо просимых вами 550 тысяч тонн.

Второе. До конца этого года мы можем поставить вам 100 тысяч тонн, согласно вашей просьбе.

Третье. Если вы примете заказ на 50 тысяч тонн труб нефтяного ассортимента в 1948 г., 30 тысяч тонн ширококолейных рельсов, 20 тысяч тонн узкоколейных рельсов и другие согласованные заказы, мы можем согласиться на производство расчетов по полугодиям, согласно Вашей просьбе, а сальдо засчитывать в кредит от СССР Чехословакии, при этом согласны увеличить сумму чешских поставок по линии предметов широкого потребления в 1948 г.

Четвертое. Мы согласны также на твердые цены на тяжелое оборудование, как вы просите об этом.

Пятое. Что касается ваших предложений об улучшении транспорта и ускорении перегрузки, то наше министерство железных дорог взяло на себя обязательство удовлетворить полностью ваши пожелания.

Шестое. Наши люди взяли на себя обязательство закончить поставку 600 тысяч тонн зерна в Чехословакию в апреле 1948 года. Я надеюсь, что они это обязательство выполнят.

Седьмое. Хорошо было бы торговый договор между нашими странами закончить в течение четырех-пяти дней.

С уважением И. Сталин»^[717].

Центральный орган КПЧ газета «Руде право» напечатала сообщение о помощи СССР аршинным заголовком в красном цвете, а потом регулярно сообщала читателям о прибытии поездов с советским зерном в Чехословакию.

2 декабря 1947 года «Руде право» опубликовала на первой полосе телеграмму Готвальда Сталину, единогласно утвержденную правительством ЧСР:

«Председателю Совета Министров СССР, генералиссимусу Сталину Господин генералиссимус, Правительство Чехословацкой Республики заслушало сообщение своего председателя Клемента Готвальда о том, что Вы согласились на его просьбу и обещали поставить дополнительно 200000 тонн зерна Чехословакии: а именно Советский Союз таким образом поставит нам в целом 600 000 тонн зерна, в том числе 400 000 тонн хлебного зерна и 200 000 тонн фуражного зерна и из этого количества до конца 1947 года будет поставлено 50 000 тонн хлебного и 50 000 тонн фуражного зерна, а оставшееся зерно последовательно будет поставлено до конца апреля 1948 года...

Чехословацкое правительство, проникнутое чувствами глубокой благодарности, выражает Вам за эту помощь самую искреннюю благодарность от своего имени и от имени чехословацкого народа. Этот Ваш поистине благородный поступок решил значительную часть трудностей со снабжением, которые грозили Чехословакии вследствие большого неурожая этого года. Тем самым Вы вписали великолепную страницу в историю чехословацко-советских отношений. У нас есть пословица: «Друг познается в беде!» Ну вот Чехословацкая республика и узнала в свои тяжкие минуты, что у нее есть один верный, бескорыстный и могучий друг – Советский Союз.

Верьте, что чехословацкий народ, который снова убеждается в этой истине сегодня, никогда не забудет этого Советскому Союзу и Вам лично, что чувства его благодарности к Вам и Вашей стране только углубятся, что на верность мы ответим верностью, а на любовь – любовью...

Желаем Вам долгого здоровья на благо Советского Союза и на благо мировой демократии и мира.

От имени правительства

Клемент Готвальд»^[718].

СССР в точном соответствии со своим обещанием стал наращивать поставки зерна в Чехословакию в ноябре – декабре 1947 года. До конца ноября из Советского Союза поступило 9590 тонн пшеницы. В начале декабря на границу ЧСР ежедневно приходили пять советских эшелонов с хлебом^[719]. Грузчики едва справлялись с перегрузкой содержимого больших советских 60-тонных вагонов в 20-30 тонные чехословацкие. Перегрузка была необходима из-за разницы ширины железнодорожной колеи в СССР и ЧСР и осуществлялась вручную (в Чехословакии не было соответствующего погрузочного оборудования).

Уже через неделю после письма Сталина Готвальду из СССР было получено 7650 тонн пшеницы и 3375 тонн кукурузы, то есть каждую неделю на границу прибывало по 1103 вагона с зерном из Советского Союза^[720].

Всего в декабре 1947 года из Советского Союза прибыло 40 тысяч тонн кукурузы, 50 тысяч тонн пшеницы и 30 тысяч тонн фуражного зерна. Румыния поставила 30 тысяч тонн кукурузы, Югославия – 20 тысяч тонн кукурузы и 10 тысяч тонн пшеницы, Венгрия – 9700 тонн кукурузы^[721].

Генеральный секретарь ЦК КПЧ Сланский заявил в декабре 1947-го на конференции коммунистов, работавших в сельском хозяйстве, что теперь каждый чех примерно три дня в неделю ест советский хлеб, советские кнедлики и советские булочки, а поэтому отныне любая клевета на Советский Союз должна быть приравнена к измене родине^[722].

Помощь СССР спасла Чехословакию от голода, так как к концу ноября 1947 года из внутренних источников ЧСР смогла закупить лишь 43013 вагонов хлебного зерна (61,5 % от плана). Министр снабжения правый социал-демократ Майер буквально за пару дней до письма Сталина призывал не строить лишних иллюзий относительно советского зерна, но уже 2 декабря 1947 года изменил свою точку зрения и признал, что теперь снабжение ЧСР продовольствием полностью обеспечено.

14 декабря было заключено советско-чехословацкое торговое соглашение на срок до 1952 года. Теперь обе страны координировали свои торгово-экономические связи в масштабе пятилетнего плана. К тому же между обеими странами официально был согласован принцип наибольшего благоприятствования. По оценке министра внешней торговли Рипки (ЧНСП), за счет низких цен на советское сырье ЧСР сэкономила 350 млн крон. По торговому соглашению о поставках товаров СССР предоставил Чехословакии коммерческий кредит под 3 % годовых. Обмен товарами был согласован на уровне 5 млрд крон в год. Чехословацкие товары поставлялись в СССР на основе мировых цен и с некоторым запозданием по сравнению с советскими встречными поставками. Советский Союз обязался продать ЧСР зерно по ценам на 10 % ниже мировых.

Помимо поставок продовольствия Москва обеспечивала сырьем чехословацкую промышленность. Всего с мая 1945 года по конец 1946-го Советский Союз поставил в Чехословакию 539 тысяч тонн железной руды, 5,1 тысячи тонн хромовой руды, 2000 тонн олова, 15 тысяч тонн марганцевой руды, 24 тысячи тонн пиритов, 1000 тонн цинка, 185 тонн никеля, 1000 тонн асбеста, 380 тонн табака, 20 тысяч тонн пшеницы, 10

тысяч тонн ржи, 10500 тонн хлопка, 80 тысяч тонн нефтепродуктов, а также кожу, паклю, сафьян^[723].

Следует отметить, что еще в 1946 году, до засухи^[724], СССР гораздо больше товаров поставлял в Чехословакию, чем получал оттуда. Советский Союз отгрузил в ЧСР в 1946 году 830891 тонну различных товаров (в том числе 402 400 тонн руды, 250 тысяч тонн каменного угля, 62 575 тонн нефтепродуктов, 33850 тонн текстиля), а взамен получил лишь 100 тысяч тонн, в основном металлов и изделий из них^[725].

СССР помогал и с транспортировкой. В то время как США удерживали принадлежавшие ранее Чехословакии дунайские суда, Советская дунайская флотилия возила для ЧСР грузы через Румынию и Венгрию. Железная руда доставлялась через Польшу.

США в том же 1947 году отказались оказать ЧСР экстренную помощь в связи с засухой. Лишь американская общественная организация помощи Чехословакии собрала 528 тысяч долларов, которые были истрачены на покупку какао и молока для чехословацких школьников^[726].

Таким образом, план Стейнхардта, подразумевавший, что ЧСР не сможет возместить в Москве потери от американского бойкота, явно рушился. 16 декабря 1947 года советско-чехословацкие торговые соглашения обсуждались на заседании правительства ЧСР. Рипка их всячески хвалил: «Наш экспорт в СССР полностью соответствует структуре нашей экономики. Предполагаемые поставки машиностроительной продукции в предстоящие четыре года позволят нашей промышленности осуществить долгосрочное планирование связей с СССР и провести ее реконструкцию»^[727]. Американцам же Рипка в январе 1948 года сказал, что, по его мнению, коммунисты прекрасно сознают и необходимость развития чехословацко-американской торговли и не будут чинить ему никаких препятствий. Однако американское посольство в Праге рекомендовало госдепартаменту «не связывать себя» долговременными торговыми соглашениями с ЧСР.^[728]

К неудовольствию США, за первые восемь месяцев 1947 года двухлетний план был выполнен на 101 %, а промышленное производство достигло 95 % довоенного уровня. В мае 1947-го в стране было добыто 1323 тысячи тонн каменного угля (в июне 1946 года – 1044 тысячи), произведено 527 миллионов кВт-ч. электроэнергии (в июне 1946-го – 424), 3474 тысячи пар обуви (2402). В июле 1947 года промышленность в целом выполнила план на 97,6 %, но стали было выплавлено 106 % от планового задания, электроэнергии произведено 105 %, продукции металлообработки –

107 % от плана.

Слабым местом была строительная промышленность, где преобладал частный сектор. В строительстве вместо предусмотренных по плану 6577 домов было построено всего 2944 (то есть 44,7 % плана)^[729].

Из-за выселения немцев в ЧСР ощущалась острая нехватка рабочих рук, особенно в том же строительстве и в горнодобывающей промышленности. Промышленности требовалось дополнительно 270 тысяч рабочих, строительству – 90 тысяч, сельскому хозяйству – 230 тысяч.

Потребление сахара, картофеля, мяса, обуви превысило довоенный уровень, хотя продукты еще распределялись по карточкам. Но даже с учетом снижения норм в ноябре 1947 года большинство населения питалось лучше, чем до войны. Это произошло потому, что реальная зарплата трудящихся выросла по сравнению с 1939 годом на 397 %. Например, среднегодовое потребление мяса на человека в год составляло в 1937-м 27,8 кг, а в 1947 году – 3 кг.

Доля заработной платы в национальном доходе ЧСР в 1937 году составляла 57 %, в 1946-м – 66 %, в 1947-м – 69 %^[730]. Если в 1937 году самые квалифицированные рабочие получали в час максимум 4 кроны, то средняя заработная плата в промышленности ЧСР в 1947-м достигла 17,45 крон в час. Причем динамика заработной платы после войны обгоняла рост цен. В феврале 1946 года средний промышленный рабочий получал в Чехословакии 2243 кроны в месяц, в июне 1947-го – уже 3229 крон.

Коммунисты особенно заботились о том, чтобы опережающими темпами росла зарплата женщин и низкооплачиваемых рабочих. Например, в марте 1939 года средняя почасовая оплата труда женщин в сельском хозяйстве составляла 1,05 кроны в час, а в 1947 году – 6,5 кроны. Работницы текстильной промышленности смогли увеличить свой заработок более чем в четыре раза (с 2,4 до 9,2 кроны в час). Рост оплаты труда у госслужащих на низких ступенях карьерной лестницы составил в 1937-1947 гг. 339 %^[731].

Управляющие на промышленных предприятиях тоже жили весьма неплохо – их зарплата выросла с 3644 крон в месяц в феврале 1946 года до 5059 крон в июне 1947-го^[732].

На социальные нужды в 1945-1947 гг. было израсходовано более 20 миллиардов крон. Чехословакия гордилась самым продолжительным оплачиваемым отпуском в мире (он обходился в 7,5 миллиарда крон в год) и 11 оплачиваемыми праздниками (2,5 миллиарда крон в год). Снижение налогов в 1947 году дало работающим чехословакам 3 миллиарда крон. Во

столько же обошлись введенные пособия на детей. 80 тысяч трудящиеся и 140 тысяч детей впервые смогли отдохнуть в лучших санаториях страны^[733].

В то время как коммунисты активно лоббировали улучшение жизненного уровня трудящихся, особенно рабочих, молодежи и женщин, национальные социалисты удивляли общественность своими инициативами. Член партии профессор Махотка публично предложил стерилизовать малоквалифицированных рабочих. Он утверждал, что их коэффициент умственного развития составляет в среднем 90 баллов, в то время как у лиц свободных профессий – 120. Но вот плодятся «глупые» рабочие в 2,5 раза быстрее своих интеллигентных и умных собратьев (эти данные профессор вычислил по Праге), поэтому и надо их стерилизовать, иначе «нация поглупеет»^[734]. Неудивительно, что авторитет ЧНСП среди рабочих на фоне таких нацистских взглядов деятелей партии падал день ото дня.

В июне 1947 года депутат парламента от ЧНСП Новак выразил сомнение в славянском происхождении некоторых ведущих сотрудников министерства сельского хозяйства. Он утверждал, что они, евреи и не должны занимать руководящие посты в славянском государстве. Коммунисты выразили протест, отметив, что после 1945 года это первый случай столь явного антисемитизма в системе органов государственной власти^[735]. Кстати, именно в руководстве компартии было больше всего евреев по сравнению с другими партиями Национального фронта.

В июне 1947 года национальные социалисты решили провести мощную демонстрацию в Праге, чтобы, так же как коммунисты годом раньше, продемонстрировать свое влияние и популярность в стране. Форум специально приурочили к 50-летию партии, чтобы извлечь из этого дополнительный политический капитал (ведь компартия была основана лишь в 1921 году). ЧНСП праздновала свое 50-летие с апреля по июнь 1947 года.

Как отмечало в своем анализе советское посольство в Праге, съезд ЧНСП готовился шесть месяцев и «был рассчитан на произведение большого политического эффекта с тем, чтобы привлечь на свою сторону неустойчивые элементы и поддержать правые силы в других партиях в борьбе против компартии»^[736]. Национальным социалистам требовалось как-то компенсировать позорный результат выборов 1946 года, когда они отстали от коммунистов более чем на 900 тысяч голосов.

На организацию съезда затратили более 3 миллионов крон, было

арендовано 60 специальных поездов для приезда в Прагу членов и сторонников партии. Однако столько желающих не нашлось (хотя поездка в столицу была за счет партии), и использовали только 33 поезда. Для создания атмосферы искренней народной поддержки манифестантов национальные социалисты договорились с ЧНП, и ее сторонники на пражских улицах «спонтанно» приветствовали прибывших в столицу делегатов съезда.

Съезд созывали не столько ради дебатов, сколько ради массовой манифестации на Вацлавской площади. Это событие должно было произвести впечатление на всю страну (именно поэтому советское посольство справедливо охарактеризовало съезд как «манифестационный»). По данным самой ЧНСП, в этой манифестации, длившейся семь часов, приняли участие 200 тысяч человек (коммунисты насчитали лишь 100 тысяч). Национальные социалисты стремились создать впечатление, что в массовом параде участвуют все социальные и профессиональные слои общества, – а значит, именно ЧНСП, а не КПЧ представляет интересы всего народа. На Вацлавскую площадь пришли более 3 тысяч студентов, 1300 военнослужащих (в том числе 396 офицеров и 15 генералов, правда, из генералов 10 уже были в отставке), 756 сотрудников органов госбезопасности (в том числе 35 офицеров) и 130 волынских чехов, переехавших на постоянное место жительства из СССР.

Среди почетных гостей на трибуне перед манифестантами были и премьер Готвальд, а также генеральный секретарь компартии Сланский.

В отличие от съезда КПЧ годом раньше, где не было никакой публичной критики партнеров по Национальному фронту, национальные социалисты придали своему форуму подчеркнуто антикоммунистический характер. Демонстранты несли следующие транспаранты: «Из коммунистов – уже каша, следующие выборы будут наши!», «До следующего мая не останется ни одной звезды!», «51 % – конец свободы!», «51 % – это еще не весь народ, весь народ – 100 %!»^[737]. Много было лозунгов (как письменных, так и устных), направленных против конкретных лидеров КПЧ – Копецкого, Неедлы, министра сельского хозяйства Дюриша и Запотоцкого.

Зато демонстранты не скупились на выражение симпатий к США, что подчеркивали такие слоганы: «Мы – опора республики, к нам Америка питает доверие!», «Мы были, есть и будем с Америкой!», «Благодарим Америку за ее подарки республике!», «Мы в Чехословакии не потерпим никакой травли Америки!». Интересно, что в отличие, например, от французского, бельгийского или греческого посла, ни Стейнхардт, ни его

британский коллега на Вацлавскую площадь не пришли, хотя были приглашены все главы дипломатических миссий в Праге.

Пусть и не напрямую, демонстранты в своих лозунгах все же пытались «поддеть» СССР: «Свободу мы получили, прежде всего, своей собственной борьбой за нее!», «Мы отказываемся от политических образцов, приносимых из-за границы!». В устных лозунгах национальные социалисты были смелее: «Наша любовь в ЧСР не означает любви к СССР!», «Не хотим колхозов, хотим свободное землевладение!»^[738]. Правда, учитывая симпатии простых чехов к Москве, руководство партии организовало и лозунги иного плана, например, «За искреннее сотрудничество с СССР!».

Как отмечало советское посольство, в своем выступлении перед манифестантами лидер ЧНСП Зенкл «только между прочим сказал о союзе и дружбе с Советским Союзом и другими славянскими народами»^[739]. Зато он подчеркнул, что Чехословакию в равной мере освободили русские и американцы.

Подытоживая оценки съезда ЧНСП и манифестации на Вацлавской площади, посольство СССР в Праге сообщало, что они имели и внутрипартийную цель: «...еще сильнее сплотить национально-социалистическую партию вокруг правого крыла партии, возглавляемого П. Зенклом, а также показать, что подавляющая часть членов партии идет за П. Зенклом, а не за левым крылом партии (Шлехта, О. Вюнш)»^[740]. Уже через полгода стало ясно, что в этом Зенкл не преуспел.

Продемонстрировав публично свою силу и поддержку Национального фронта, руководство ЧНСП сразу же после съезда на совещании в Карловых Варах в июле 1947 года тайно приняло совсем другую линию. Член руководства ЧНСП и министр юстиции Дртина так вспоминал об этом: «Сущность и главный смысл нашего карловарского решения заключался в том, что мы попытаемся привлечь на свою сторону и убедить решающих политиков народной партии и партии словацких демократов, а также правонастроенных вождей социал-демократов, что нельзя больше уступать коммунистической партии... и что мы должны объединиться и договориться о целенаправленных действиях в правительстве и в нижестоящих органах управления по всей стране»^[741].

Таким образом, уже летом 1947 года национальные социалисты решили сколотить антикоммунистический блок внутри Национального фронта и дать коммунистам открытый бой в правительстве.

Между тем, внешне ничто не предвещало бурной политической осени

1947 года. Промышленное производство в ЧСР достигло в целом довоенного уровня.

Все эти успехи двухлетнего плана большинство населения не без основания приписывало коммунистам, и авторитет КПЧ рос. Многие рабочие и служащие с гордостью носили значки с цифрой «2» и надписью «Два года труда – два шага к благосостоянию»^[742]. К 51-летию Готвальда (23 ноября 1947 года) коммунисты провели «готвальдское воскресенье» – массовый прием новых членов в партию. Всего за один этот день заявления в КПЧ подали 31 657 человек (причем позднее эта цифра была уточнена в сторону увеличения)^[743].

Открытый внутривластный кризис, который с июля готовили национальные социалисты, вспыхнул в самом начале сентября 1947 года.

Для стимулирования поступления отечественной сельхозпродукции на рынок компартия предложила в сентябре 1947 года повысить государственные закупочные цены на продукты питания и оказать крестьянам помощь в виде снижения цен на корма. Только финансирование закупки фуражного и семенного зерна для мелких крестьянских хозяйств обошлось в полмиллиарда крон. Все партии Национального фронта на заседании правительства поддержали помощь селу в принципе.

Но требовалось срочно изыскать средства, ибо к инфляционному финансированию возглавляемое коммунистами министерство финансов прибегать не хотело – ведь инфляция больше всего была по госслужащим и наименее обеспеченным слоям населения.

Государство по инициативе коммунистов и так стремилось материально стимулировать крестьянина: весной 1947 года были на 30 % снижены цены на сельхозмашины, на нефть и керосин для крестьян – на 40 %, на обувь и рабочую одежду – на 20 %.

Для обеспечения нормального потребления по карточкам (20-21 кг муки и хлебобулочных изделий в месяц на человека) государству требовалось получить от села как минимум 100 тысяч вагонов пищевого зерна (в 1946 году было заготовлено 120 тысяч вагонов зерна), однако в результате засухи в 1947 году ожидалось поступление лишь 78 тысяч вагонов. При этом, по расчетам правительства, в стране должно было быть собрано 185 тысяч вагонов зерна (на 26 % меньше, чем в 1946 году), и требовалось заинтересовать крестьян, чтобы они продали его на рынок по приемлемым для государства и потребителей ценам. К тому же нужно было получить 41 тысячу вагонов зерна из-за границы. Советский Союз к началу сентября 1947 года уже обещал поставить 20 тысяч вагонов пшеницы.

Интересно, что и Франция попросила СССР срочно продать ей 1,5 миллиона тонн зерна.

Засуха сильно ударила и по урожаю картофеля. Если в 1946 году государство заготовило для снабжения населения по карточкам 35 тысяч вагонов раннего картофеля, то к осени 1947-го – лишь 13 тысяч вагонов. С 15 августа 1947 года спрос на картошку стал впервые превышать предложение. Были предприняты меры жесткой экономии. Всем производителям приказали сдать государству всю картошку, за исключением семенного фонда. Каждый потребитель в городе мог запасти на зиму не более 50 кг картофеля, в деревне – 75. В октябре 1947 года по карточкам выдали по 8 килограммов на человека^[744].

Лучше обстояло дело с хмелем, а значит, и с пивом, без которого чехи не могли представить себе упорядоченной жизни. Согласно плану, в 1947 году в Чехии должно было быть сварено 7 млн гектолитров пива (в Словакии – 1 млн). Хотя хмеля из-за засухи собрали меньше, но он был лучшего качества, чем в предыдущем году, и к тому же у пивоваренных заводов еще сохранялись прошлогодние запасы.

С овощами и фруктами у населения осенью 1947 года проблем не предвиделось, однако на зиму их, опять же из-за засухи, заготовили мало. Предполагалось на зиму завезти из Румынии, Югославии, Италии, Голландии и Швейцарии 4000 вагонов яблок, пригодных для длительного хранения.

Тяжелейшая ситуация просматривалась на 1948 год для рынка мяса, так как из-за засухи в стране ожидалась нехватка 100 тысяч вагонов кормового зерна, 200 тысяч вагонов соломы, 150 тысяч вагонов сена и 300-400 тысяч вагонов кормовых корнеплодов. Вместо 36 тысяч вагонов по плану из-за границы требовалось срочно завезти 80 тысяч вагонов кормов, чтобы предотвратить полную катастрофу в животноводстве^[745]. СССР на тот момент обещал 20 тысяч вагонов фуражного зерна, Румыния – 25 тысяч (кукуруза).

Причем корма были нужны срочно, так как забой скота уже начался – если к январю 1946 года в Чехии насчитывалось 3146454 головы крупного рогатого скота, то на 1 января 1947-го – лишь 2962000, а на 1 июля 1947-го – 2 795 000.

Для того чтобы в условиях засухи стимулировать поставки крестьянами зерна (особенно пшеницы) на рынок, правительство 22 августа 1947 года решило повысить закупочные цены на пшеницу и ячмень на 200 крон за центнер, на рожь и овес – на 150 крон, на картофель – на 50

крон за центнер, на лук – на 2 кроны за килограмм, помидоры, на капусту и морковь – на крону за килограмм. За сданную говядину в апреле 1948 года предполагалось доплатить крестьянам 2 кроны за килограмм живого веса, в мае – 3 кроны, в июне – 4 кроны. За сливочное масло крестьяне должны были получить на 18 крон за килограмм больше, за молоко жирностью 3,6 % – по дополнительной кроне за литр.

Хотя решение помочь крестьянам приняли в правительстве единогласно, разгорелся жесткий и принципиальный спор, откуда взять для этого деньги. Ведь только доплата за зерно должна была обойтись бюджету в 1,6 миллиарда крон, за картофель – 475 миллионов, за молоко и масло – 700 миллионов. 500 миллионов крон было решено потратить на помощь конкретным хозяйствам, особенно пострадавшим от засухи.

Все партии согласились ввести новый налог на роскошь и спиртные напитки, но этого было явно недостаточно.

Для финансирования новых мер помощи селу КПЧ предложила ввести единовременный чрезвычайный налог на всех, чье состояние превышало один миллион крон («налог на миллионеров»). В ЧСР, по оценкам министра финансов Доланского, было примерно 35 тысяч миллионеров (из них 16 тысяч помещиков и 14 тысяч предпринимателей в сфере промышленности, 6000 крупных экспортеров), имущество которых оценивалось суммарно в 50 млрд крон. 20 тысяч человек официально задекларировали имущества более чем на миллион крон.

Именно «налог на миллионеров» фактически привел к краху Национального фронта, так как против коммунистов сплотились все остальные партии. Даже Фирлингер назвал налог «ребячеством». Против налога проголосовали все министры от ЧНСП, ЧНП и демпартии. От социал-демократов присутствовал только министр Лаушман, но он не голосовал. Национальные социалисты утверждали, что миллионеров в ЧСР всего 8300 и все свое имущество они накопили тяжким трудом и многолетней экономией. Антикоммунистический блок в правительстве стал реальностью.

Заместитель Готвальда от ЧНСП Зенкл предложил изыскать несколько миллиардов крон прямо из текущих доходов бюджета. Доланский ответил, что это несерьезно, – таких денег в казне просто не имелось, а перспективы доходной части бюджета в конце 1947 года были гораздо хуже, чем в первом полугодии. Ведь только что был снижен подоходный налог, к тому же из-за засухи ожидалась потеря доходов от монополии государства на производство пищевого спирта.

Странные аргументы привел в напечатанном органе ЧНСП

«Свободное слово» письме от 5 сентября 1947 года министр иностранных дел Масарик (у него было вывихнуто плечо, и он не участвовал в голосовании). Он, Масарик, тоже против налога, так как не понимает, кто конкретно является миллионером. Ведь и министры получают много, например, он сам – 20 тысяч крон в месяц плюс неплохой гонорар за книгу воспоминаний «Говорит Лондон». Так что же, и ему придется платить налог ^[746]?

Отвергнув «налог на миллионеров», партнеры КПЧ по Национальному фронту предложили профинансировать помощь деревне из госбюджета, и так дефицитного вследствие засухи. В 1946 году дефицит бюджета ЧСР превысил 26 млрд крон, что составляло 70 % всех доходных статей. 2 сентября 1947 года правительство голосами 11 министров от ЧНСП, демпартии и ЧНП официально отвергло «налог на миллионеров». ЧСДП воздержалась. Таким образом, правительство оказалось в состоянии явного раскола.

Центральный орган коммунистов газета «Руде право» подняла перчатку и напечатала имена всех министров, голосовавших против налога. Правые партии сочли это нарушением правил хорошего тона и принципов Национального фронта.

Печать национальных социалистов стала распространять явные небылицы. Коммунистов обвиняли в том, что они хотят обложить налогом всех домовладельцев. Но таковых в Чехии и Моравии было 370 тысяч, а КПЧ нацеливалась на доходы только 35 тысяч наиболее состоятельных граждан. ЧНСП утверждала также, что налогом обложат все доходы, включая заработную плату рабочих, которая для этих целей якобы будет капитализирована. Но ничего подобного не планировалось. Наконец, активно муссировался обычный в таких случаях аргумент, что богатые, мол, все равно уйдут от налогов. Коммунисты сочли его абсурдным и аморальным – получалось, что налоги должны платить только честные люди ^[747].

Однако лозунг КПЧ «Пусть платят богатые!» пользовался широкой популярностью в стране и был поддержан в ходе массовых митингов, организованных профсоюзами и самой компартией. РПД от имени 2 миллионов своих членов официально поддержала «налог на миллионеров». За три дня правительство получило 362 резолюции массовых митингов заседаний национальных комитетов и заводских советов. Причем очень часто требование ввести налог на миллионеров охотно подписывали рядовые члены ЧНСП, особенно на заводах. За первые десять дней

сентября 1947 года было принято более 1000 резолюций в поддержку налога. Социал-демократическая газета «Право лиду» назвала первую неделю сентября 1947-го самым бурным временем в стране после мая 1945-го.

Коммунистические газеты во многих городах публиковали списки местных миллионеров. Например, в Брно их обнаружили 800, и они должны были бы, согласно инициативе КПЧ, выплатить в качестве налога 37 миллионов крон.

Перед лицом возможной потери остатков авторитета среди рабочих налог на миллионеров 12 сентября 1947 года все же поддержали социал-демократы. Председатель ЧСДП Фирлингер заявил, что, будь Томаш Гарриг Масарик жив, он тоже одобрил бы налог на миллионеров. Обе рабочие партии решили добиваться создания народных налоговых комиссий, которые должны были относить того или иного налогоплательщика к миллионерам. Тем самым налог становился демократическим, и КПЧ уже нельзя было упрекнуть в том, что она этим налогом пытается обескровить своих политических оппонентов.

Выступая на съезде социал-демократов Пражского края в конце сентября 1947 года, Фирлингер подчеркнул, что политическое развитие в ЧСР вошло в фазу острого кризиса: «...программой каждого порядочного, социально чувствующего патриота должно быть удержание сотрудничества в левом лагере и тем самым удержание всего этого лагеря на демократическом пути, чего желают искренне все ответственные государственные деятели»^[748]. Тем самым Фирлингер намекал на то, что, пойдя на блок с КПЧ, социал-демократы удержали коммунистов на пути демократии.

Лидер правого крыла ЧСДП Майер (на которого и рассчитывали национальные социалисты в своей антикоммунистической стратегии) также был вынужден на областном съезде социал-демократов в Брно поддержать союз с КПЧ. По словам Майера, данный союз «ознаменовал собой великое политическое потрясение, но это оздоровительное потрясение, которое приведет партию (ЧСДП – *Прим. автора.*) к новому росту и размаху»^[749]. Только лишенный разума человек, говорил Майер, может хотеть изменить внешнюю политику страны, основанную на союзе с СССР.

Буржуазные партии были вынуждены отступить перед лицом возникшего «марксистского блока» (как они именовали союз ЧСДП и КПЧ) и массового движения в стране. Коммунисты и социал-демократы

предложили национальным социалистам обновить «социалистический блок» трех партий от июня 1945 года, но Центральный исполнительный комитет (ЦИК) ЧНСП на своем заседании 22 сентября 1947 года официально от этого отказался. При этом Зенкл, запутавшись в противоречиях, говорил: что социалистический блок отнюдь не распался, что нет смысла его оживлять, что национальные социалисты против любых блоков в Национальном фронте и за поддержку самого фронта.

Но при этом сама ЧНСП как раз и замышляла блок против коммунистов еще с июля 1947 года.

Оказавшись в политической обороне, национальные социалисты стали клясться в своей приверженности социализму, в которой напрасно сомневаются многие критики партии^[750].

ЧНСП начала устами своих лидеров говорить о необходимости срочно погасить кризис и достичь договоренности по «налогу на миллионеров». Автор идеи антикоммунистического блока Дртина публично провозгласил в Брно в конце сентября 1947 года: «Нам ясно, что все партии должны идти вместе в духе Национального фронта, ибо только так мы добьемся успокоения общественной жизни и облегчим правительству выполнение тяжелых и важных задач... Весь Национальный фронт признал, что надо дать земледельцам такие цены за их продукцию, чтобы была обеспечена рентабельность земледельческого предпринимательства». Конфликт возник при поиске средств, а их, с точки зрения Дртины, следовало изыскать путем «налогообложения высоких доходов и излишней прибыли»^[751]. Получалось, что национальные социалисты полностью, хотя и вынужденно, признали правоту компартии.

Министр образования Странский (ЧНСП) заверял, что чех не может и не должен быть врагом чеха. Народу надо прекратить вызывать министров на собрания, а дать им возможность работать на своем месте. Тем самым Странский фактически признал, что на всех массовых митингах и собраниях, безусловно, доминировали коммунисты. По его словам, даже если какая-либо партия получила бы на грядущих выборах 51 % голосов, она все равно не сумела бы править единолично. О какой партии шла речь, было понятно, так как кроме КПЧ подобных электоральных перспектив ни у кого не имелось.

Примечательно, что в одной из своих речей Странский подчеркнул: в случае будущей войны Чехословакия не останется в стороне, так как союз с СССР – альфа и омега чехословацкой внешней политики.

Один из лидеров ЧНП Прохазка в публичном выступлении в конце

сентября 1947 года говорил, что последние недели подтвердили вред провоцирования кризиса во внутренней политике. Необходимо укрепить Национальный фронт, потому что «это единственная целесообразная и отвечающая нынешним условиям правительственная система в... государстве»^[752]. Прохазка объяснял обострение обстановки в ЧСР борьбой двух политических и экономических систем в мире, призывая, правда, не «тратить на это нервы».

Готвальд тоже пытался всячески сгладить ситуацию в кабинете, хотя прекрасно понимал, что кризис вокруг налога на миллионеров был только предлогом для того, чтобы давно зревшие в Национальном фронте противоречия вырвались наружу. В интервью индийским журналистам премьер выразил надежду, что «разногласия в правительстве не перерастут в кризис и распад Национального фронта и его правительства, а напротив, будет найдено единое решение, отвечающее интересам республики и ее народа...»^[753]

На этом фоне выделялось странное публичное обращение президента Бенеша к манифестации Общины легионеров с призывом не дать расколоть народ^[754]. Президент обратился не к армии или МВД как общегосударственным надпартийным органам, а к организации военных ветеранов, известных своим антикоммунизмом и поддержкой национальных социалистов.

11 октября 1947 года Община легионеров приняла заявление о внешней и внутренней ситуации Чехословакии. В нем с явным намеком на коммунистов отвергалась идея новых насильственных мер в политической и экономической областях (имелись в виду Градецкая программа и налог на миллионеров). Еще более антикоммунистическим было требование немедленно прекратить на заводах все акции, которые нарушают «спокойное течение хозяйственной жизни» и с помощью которых используют «экономическое самоуправление для целей партийной политики». Легионеры выступили также против любых «боевых блоков» в Национальном фронте, то есть против союза КПЧ и ЧСДП. Примечательно, что против формирования социалистического блока в составе ЧНСП, КПЧ и ЧСДП в июне 1945 года легионеры ничего не имели.

Всем было ясно, что за этим заявлением стоит Бенеш^[755].

После перехода социал-демократов на сторону коммунистов национальные социалисты, народники и демократы остались в правительстве в меньшинстве и всячески пытались затянуть новое голосование по налогу на миллионеров.

Однако 31 октября 1947 года правительство все же приняло компромиссный вариант закона о «налоге на миллионеров». По нему единовременный налог должны были заплатить семьи, чье имущество на момент издания закона превышало миллион крон и чьи обычные доходы с этого имущества составляли не менее 50 тысяч крон в год. Кроме этого, под налог попадали и те, чьи налогооблагаемые доходы в 1947 году превысили 240 тысяч крон. Эти люди должны были помимо обычного подоходного налога заплатить еще 20 % с дохода^[756]. Причем по предложению коммунистов ставка единовременного налога была дифференцирована в зависимости от дохода от имевшегося имущества, чтобы освободить от налогообложения мелких и средних предпринимателей. Закон позволил взыскать на нужды села около 6 млрд крон.

Новый налог надо было выплатить до апреля 1948 года.

Однако кризис вокруг «налога на миллионеров» ознаменовал собой фактический распад Национального фронта. ЧНСП, ЧНП и демократы, временно приглушив публичные нападки на КПЧ со стороны своих лидеров, практически заключили между собой неформальное коалиционное соглашение против компартии. Социал-демократы оказались в состоянии перманентного раскола – левое крыло партии (открыто) выступало за прочный союз с коммунистами, правое (тайно) – за союз с буржуазными партиями фронта.

Практически все партии Национального фронта (особенно национальные социалисты) перешли к открытым нападкам на коммунистов в своей печати. Еще с лета 1947 года стали муссироваться слухи о предстоящем коммунистическом вооруженном путче в Чехословакии, которые охотно перепечатывали западные газеты. Премьер Готвальд в июне 1947-го был вынужден в интервью корреспонденту «Нью-Йорк Геральд Трибюн» назвать подобные слухи полным бредом^[757].

На совещании политических и организационных секретарей районных комитетов КПЧ в конце августа генеральный секретарь ЦК КПЧ Сланский отметил, что домашняя реакция с опорой на реакцию зарубежную перешла в наступление. Коммунисты предпочитают решить вопрос «кто кого» на парламентских выборах, но готовы к любому повороту обстановки и не дадут застать себя врасплох. Партия поставила задачу увеличить количество своих членов до 1,5 миллиона к маю 1948 года (примерно тогда и должны были пройти выборы).

Что же касается надежд антикоммунистов на поддержку Запада, то Сланский отметил следующее: славян 300 миллионов, и теперь они – одна

семья и не дадут друг друга в обиду^[758]. Если же Чехословакия, несмотря на уроки Мюнхена, ослабит связи с СССР и славянскими странами (чего и добивается реакция), то безопасность страны окажется под угрозой. «Мы не будем резать сук, на котором сидим», – сказал Сланский.

В августе 1947 года рупор ЧНСП газета «Свободное слово» огорошило читателей еще одной сногшибательной сенсацией: бывшая любовница Геббельса, чешская киноактриса Лида Баарова^[759] вышла замуж за племянника министра информации коммуниста Вацлава Копецкого, и сам министр якобы был на этом бракосочетании свидетелем. Копецкий выступил с официальным опровержением. На свадьбе он не присутствовал, а муж Бааровой Ян Копецкий не доводился ему родственником и был членом ЧНСП. Министр выразил намерение обратиться в суд для защиты своих чести и достоинства^[760].

Помимо антикоммунистической пропаганды и слухов национальные социалисты перешли и к более конкретным действиям. По решению министерства юстиции, где доминировала ЧНСП, был проведен обыск в доме председателя Чешского земского национального комитета коммуниста Копрживы, являвшегося еще и председателем Союза освобожденных политзаключенных. Возникла волна протестов. Министр юстиции Дртина попытался отмежеваться от обыска, свалив все на излишнюю ретивость местных органов юстиции.

Суды стали привлекать к уголовной ответственности бывших партизан, хотя по-прежнему не трогали спекулянтов. Дртина пообещал делегации бывших партизан прекратить преследование борцов Сопротивления, но ничего не изменилось.

Накал политического противостояния в Чехословакии летом – осенью 1947 года явно набирал обороты. Полюсами этого противостояния были самые большие партии Национального фронта – КПЧ и ЧНСП, – и исход их борьбы за лидерство во многом зависел от позиции других партий.

Еще в июне посол США в Праге Стейнхардт отмечал в своих депешах в Вашингтон рост влияния умеренного крыла в ЧСДП, ослабляющий позиции коммунистов. В начале сентября источник американского посольства в Социал-демократической партии сообщил Стейнхардту, что ЧСДП якобы получила от коммунистов ультиматум – либо она соглашается с предложениями КПЧ, либо в течение ближайших трех недель будут объявлены досрочные парламентские выборы. Кстати, эта информация противоречит утверждениям противников КПЧ о том, что коммунисты всячески откладывали намеченные на 1948 год выборы в Национальное

собрание. Получается, что выборов боялись не они, а социал-демократы.

Стейнхардт в своем анализе отмечал, что внутрипартийная борьба в ЧСР достигла беспрецедентного уровня с момента освобождения страны от фашизма, и вероятно, что коммунисты настроены на досрочные выборы уже этой осенью (то есть в 1947-м).

Зенкл публично заявил, что если коммунисты хотят досрочных выборов, то ЧНСП на это готова. Стейнхардт с удовлетворением отмечал, что некоммунистические партии демонстрируют «восхитительную твердость».

Между коммунистами и национальными социалистами развернулась активная борьба за привлечение социал-демократов на свою сторону. Сначала казалось, что выигрывают правые. В начале сентября 1947 года в связи с обсуждением налога на миллионеров появились сообщения, что министр снабжения социал-демократ Майер подал в отставку. Кабинет Готвальда оказался на грани полного краха. Однако заключение 12 сентября соглашения между КПЧ и ЧСДП заставило Майера передумать.

Отставка Майера была вызвана еще и тем, что на него обрушилась волна критики со стороны депутатов парламента (причем в основном правых), обвинявших министра снабжения в срыве госзакупок важнейших видов продовольствия. Коммунисты тоже были недовольны работой Майера, но по политическим мотивам воздерживались от обвинений в его адрес.

За обострением обстановки в ЧСР внимательно наблюдали в Москве и Вашингтоне.

Уже в марте 1947 года ЦРГ США в своем секретном анализе отмечала рост антикоммунистических тенденций в ЧСР. К ним американская разведка, в частности, относил растущую экономическую зависимость Чехословакии от Запада, а также «сокращение коммунистического контроля над секретной полицией»^[761]. ЦРГ с удовлетворением отмечала ухудшение отношений между КПЧ и ЧСДП из-за вопроса о дальнейшей национализации. Американская разведка прогнозировала, что СССР будет избегать вмешательства во внутренние дела Чехословакии до тех пор, пока в этой стране сохраняется дружественное Москве правительство.

Осенью 1947 года резко обострилась политическая ситуация в Словакии, где нормальное снабжение населения продуктами было нарушено еще в 1946 году. Компартия добилась отставки члена Корпуса уполномоченных от демпартии, отвечавшего за снабжение. Как упоминалось выше, еще в апреле 1947 года Демократическая партия Словакии пыталась отменить смертный приговор бывшему главе

словацкого марионеточного прогерманского правительства Тисо, однако под давлением коммунистов он был приведен в исполнение.

Внутриполитическая ситуация в ЧСР перешла в стадию острого кризиса. В июле 1947 года Суслов в докладной записке советскому руководству «О положении в ЧСР» констатировал «активизацию реакционных сил, поддерживаемых англосаксами». КПЧ ставилось в вину недостаточное влияние в госаппарате, в том числе и в министерствах, руководимых министрами-коммунистами. Положение компартии Словакии (организационная слабость, недостаточная идейная подготовка функционеров) внушало Суслову особое беспокойство. Он предсказывал в самом ближайшем будущем наступление в ЧСР реакционных сил, к которому компартия, с его точки зрения, не готова.

По мнению генерального секретаря КПЧ Сланского, словацкие коммунисты тоже были явно не на высоте. Стремясь обойти демпартию на местническо-патриотической волне, КПС, например, боролась против совместных попыток КПЧ и Бенеша ограничить полномочия словацких автономных органов власти. Как говорил Сланский, словацкие коммунисты «только позднее поняли, что борьба против словацкой реакции должна проводиться при поддержке чешских прогрессивных сил...»^[762]

В свою очередь, американская военная разведка в своем анализе обстановки в ЧСР в конце 1947 года констатировала: «...постоянное давление со стороны коммунистов против умеренных партий в Чехословакии за последние месяцы свидетельствует о том, что Советы уже не уверены в добровольном сотрудничестве этой нации».

9 сентября 1947 года Стейнхардт писал в Вашингтон, что «налог на миллионеров» привел к фактической дезинтеграции Национального фронта и коммунисты перенесли центр тяжести своей борьбы со словацких демократов на национальных социалистов.

КПЧ стремилась заручиться поддержкой большинства населения для победы на следующих парламентских выборах, намеченных на весну 1948 года. К этому имелись все предпосылки, если учесть, что к началу 1948-го численность партии превысила 1,48 миллиона человек (в том числе 200 тысяч в Словакии) и была больше, чем численность всех других партий Национального фронта вместе взятых.

С 1 по 9 сентября, в первые дни обсуждения в обществе налога на миллионеров, в партию вступили более 8,3 тысячи человек.

В октябре 1947 года в ходе кампании вокруг «налога на миллионеров» в КПЧ вступили 35 тысяч новых членов (больше, чем было во всей партии в мае 1945-го). Особенно много новых партийцев было в Праге – 7549, в

Усти-над-Лабем (бывший немецкий город Ауссиг) – 3164 и в Брно-2737^[763].

Лишь в период с 13 по 18 октября 1947 года в партию были приняты 6435 новых членов (в том числе 788 – в Праге)^[764]. Следует отметить, что в октябре в КПЧ из ЧНСП перешли 4678 членов^[765]. А всего за 1947 год коммунистов в Чехословакии стало больше на 237 384 человек.

Готвальд, как уже упоминалось, поставил задачу довести численность членов партии к парламентским выборам до полутора миллионов.

Осенью 1947 года 42,6 % членов КПЧ были рабочими, 7,6 % – крестьянами и сельхозработниками, 16,2 % – служащими, 4,2 % – ремесленниками и мелкими торговцами, 1,1 % – военными, 1,4 % – лицами свободных профессий и студентами, 19,1 % – домашними хозяйками, 3,8 % – пенсионерами. Особенно резко выросло количество женщин-коммунисток – на 32,2 %^[766]. Коммунисты вели среди женщин активную агитацию, далеко превзойдя в этом отношении все другие партии страны.

17,4 % членов КПЧ составляли лица моложе 25 лет, более половины (51,6 %) были моложе 45.

Центральный орган КПЧ газета «Руде Право» была самой популярной в стране, и ее тираж доходил до 440 тысяч экземпляров. Четыре ежедневные областные газеты коммунистов имели суммарный тираж в 168 тысяч экземпляров. Линию компартии поддерживали газеты профсоюзов «Праце» (300 тысяч экземпляров), объединенного Союза чешской молодежи «Млада фронта» (80 тысяч экземпляров) и Союза земледельцев «Земнедельски новины» (100 тысяч экземпляров).

Председателями 6350 из 11 512 местных национальных комитетов были члены КПЧ, а всего в национальных комитетах работали 140 тысяч коммунистов^[767].

При этом в ЧНСП в 1947-м – начале 1948 года вступили только 9 тысяч человек. Лишь 60 % членов ЧНСП платили взносы, еще меньше участвовали в партийной жизни. В 6688 населенных пунктах у партии не было местных организаций.

В конце 1947 года в своем анализе обстановки в ЧСР ЦРУ отмечало, что политического наступления коммунистов следует ожидать в январе 1948-го, причем КПЧ будет действовать в рамках конституции.

Все остальные партии Национального фронта стремились ограничить влияние коммунистов, чтобы в перспективе составить некоммунистическое правительство и опереться на финансовую помощь Запада.

7 сентября 1947 года лидер ЧНСП Зенкл заявил, что Национальный

фронт переживает «нравственный кризис», и виной тому «агитационный психоз, боязнь правды и недостойная демагогия»^[768].

12 ноября резидент чехословацкой военной разведки в США направил Бенешу аналитическую информацию, в которой делал вывод, что дальнейшее сотрудничество СССР и США невозможно.

Против КПЧ была организована хитроумная провокация. Зенкл, Дртина и Масарик (формально беспартийный, но примыкавший к ЧНСП) утром 10 сентября 1947 года получили по почте деревянные коробочки с взрывчаткой (тротилом). Коробочка сразу показалась помощникам Зенкла подозрительной. Были вызваны сотрудники госбезопасности, которые ее обезвредили. Странно, правда, что госбезопасность вызвали лишь через два часа после обнаружения «адской машины». Примечательно, что саму адресованную Зенклу коробочку сначала доставили в секретариат ЧНСП и уже только оттуда в правительство.

Еще более странно, что сотрудники канцелярии министра юстиции Дртины вообще не стали вызывать сотрудников госбезопасности, которые позднее нашли уже открытую опасную коробочку в саду, куда ее зачем-то выбросили. Адресованную Масарику бомбу задержали еще на почте.

Следует подчеркнуть, что «адская машина» была упакована так неумело (торчали проводки, хотя на коробке было написано «парфюмерия»), что просто не могла не вызвать подозрений. Уже через 20 минут после обнаружения коробочки сотрудники органов госбезопасности попробовали снять с нее отпечатки пальцев, но они были затерты сотрудниками канцелярии.

Уже на следующий день парламентская фракция ЧНСП косвенно обвинила в покушении коммунистов, которые якобы создали в стране атмосферу психологического террора, напечатав в «Руде право» список голосовавших против налога на «миллионеров» министров. В резолюции палатариив говорилось: «...Признаки растущего террора, в котором задают тон некоторые печатные и агитационные органы коммунистической партии, неслыханны в нашем демократическом государстве... Мы не уступим никакому насилию и террору»^[769]. Газета компартии «Руде право» озаглавило заметку о «адских коробочках» кратко – «Провокация»^[770].

Сотрудники госбезопасности выяснили, что все три коробочки были сданы на почту в столичном районе Прага-2. Отправителем значилась фирма «К. Малый, парфюмерия». Однако выяснилось, что по указанному насылке адресу такой фирмы никогда не было.

ЧНСП немедленно начала травлю органов госбезопасности, которые-

де, будучи «коммунизированными», не желали вести реальное следствие, – хотя после 10 сентября было допрошено 760 человек, произведено 29 задержаний и осмотрено примерно 100 домов и квартир. Удалось установить магазин Праги, в котором 4 или 5 сентября были куплены коробочки. По показаниям сотрудников почты, посылки сдал мужчина 35-45 лет, ростом 170-172 см, стройный, со светло-каштановыми волосами, в темном или темно-сером костюме. 12 сентября удалось арестовать человека, который изготовил коробочки, – Станислава Пиларжа (всего он сделал более 500 различных коробочек из дерева на продажу). Пиларж признал в предъявленных ему «адских коробочках» свою продукцию и заявил, что продал их в уже известный госбезопасности пражский магазин.

За информацию о террористах был назначен огромный выкуп – 500 тысяч крон. Коробочки демонстрировали во всех кинотеатрах, прося любого, кто что-то о них знает, сообщить об этом.

Но у национальных социалистов была своя версия – за покушением стоит компартия.

Под предлогом «бездействия госбезопасности» расследование было поручено не полиции, где преобладали коммунисты, а органам юстиции, находившимся под контролем национальных социалистов. Таким образом, Дртина стал расследовать покушение на самого себя.

Между тем провокация бумерангом ударила по ЧНСП. Как уже упоминалось, 12 сентября 1947 года появилось краткое сообщение о том, что социал-демократы и коммунисты заключили соглашение по основным внутривластным вопросам. Правые закричали о создании внутри Национального фронта «сепаратного социалистического блока», что якобы было несовместимо с принципами фронта. Однако, как также упоминалось выше, сами национальные социалисты подписали с коммунистами и социал-демократами формальное соглашение о сотрудничестве еще в 1945 году, и тогда ЧНСП это подрывом Национального фронта не казалось. «Руде право» официально задала ЧНСП вопрос – с каких пор партия вышла из социалистического блока 1945 года? Ведь никаких формальных заявлений на сей счет не прозвучало.

Бенеш срочно прервал свой отпуск, вернулся в Прагу и встретился с лидерами ЧСДП Майером, Вилимом и Тимешом, отказавшись разговаривать с председателем партии Фирлингером. Президент критиковал социал-демократов за подписание соглашения с коммунистами. Затем Бенеш, по информации американского посольства в Праге (которое, в свою очередь, получало данные в основном от ЧНСП), встретился с Готвальдом и жестко отчитал КПЧ за подрыв Национального фронта.

Президент сказал, что даже если закон о налоге на миллионеров будет принят парламентом, то он его не подпишет, и якобы добавил, что в случае путча коммунистов не облегчит им ситуацию и не подаст в отставку.

Слова о «путче» вряд ли соответствует действительности. Антикоммунист и критик КПЧ депутат паламента Ота Гора (ЧНСП) вспоминал позднее о своем разговоре с Бенешем 2 июня 1947 года. Президент тогда ясно сказал, что не верит ни в какой коммунистический путч в ЧСР, поскольку его не допустит советский лидер: «Сталин предложил мне сообщить ему, если у меня возникнут трудности с руководством чехословацких коммунистов, пусть даже с Готвальдом, Сланским или другими, и он эти вещи урегулирует»^[771].

Однако летом 1947 года после американской провокации с планом Маршалла внешняя политика СССР в Европе изменилась. Сталин решил предпринять усилия по достижению большей координации действий дружественных СССР восточноевропейских стран. Ведь если США с помощью социалистов жестко выдавили коммунистов из коалиционных правительств Франции, Италии и Бельгии, то почему Москва должна была терпеть единомышленников США в коалиционных правительствах восточноевропейских стран?

К тому же в Москве прекрасно понимали двойную игру народников, национальных социалистов и словацких демократов. Публично эти партии клялись в верности союзу с СССР, но на деле пытались этот союз ослабить. Например, депутат парламента от ЧНСП Земинова сформулировала суть такой двурушнической политики прямо: «Пока мы должны говорить по-русски, но мыслить можно и по-американски»^[772]. Сам Бенеш, выступая в мае 1947 года, заявил: «Если речь идет об отношении к немцам и о нашей безопасности, пойдем с Советским Союзом... если речь идет о культурной жизни, мы европейцы...»^[773]

В этом смысле характерен ожесточенный спор между коммунистами, с одной стороны, и всеми остальными партиями, с другой, о месте памятника воинам Красной армии в Брно. КПЧ предлагала поставить памятник в центре города (на месте снесенного после войны Немецкого дома), а все прочие партии хотели видеть на этом месте памятник президенту Масарику. Коммунистов, в конце концов, «переголосовали» в местном национальном комитете, и в октябре 1946 года был торжественно заложен первый камень памятника Масарику.

В условиях обострения международной обстановки такие союзники не казались Советскому Союзу надежными. Впрочем, они таковыми в

реальности никогда и не были.

16 июля 1947 года лидер Польской рабочей партии Владислав Гомулка по согласованию со Сталиным разослал официальные приглашения представителям восьми партий – ВКП(б), Французской компартии, Итальянской компартии, компартиям Югославии, Чехословакии, Болгарии, Венгрии, Румынии – принять участие в совещании. Список согласовали с Москвой; исключив из предварительного варианта компартии Бельгии, Финляндии и Греции.

В конце сентября 1947-го на конференции в Польше было создано неформальное объединение правящих коммунистических партий СССР и стран народной демократии (Чехословакии, Польши, Югославии, Албании, Болгарии, Венгрии и Румынии), а также сильнейших компартий Франции и Италии – Коммунистическое информационное бюро (Коминформ, Коминформбюро). Член Политбюро ЦК ВКП(б) А. Жданов сделал на совещании главный доклад, в котором констатировал разделение мира и Европы на два лагеря – стран империализма и стран народной демократии. Второй раздел доклада так и назывался: «Новая расстановка политических сил после войны и образование двух лагерей – лагеря империалистического и антидемократического, с одной стороны, и лагеря антиимпериалистического и демократического – с другой».

При этом один из представителей ВКП(б), будущий преемник Сталина Маленков в своем выступлении подчеркнул, что СССР не хочет конфронтации: «Мы исходим из факта неизбежности сосуществования на длительный период двух систем: капитализма и социализма, и придерживаемся курса поддержки лояльных добрососедских отношений со всеми теми государствами, которые проявляют желание к дружественному сотрудничеству при условии соблюдения принципов взаимности и выполнения взятых на себя обязательств». Советский Союз лишь боролся «против попыток враждебных империалистических кругов применить к СССР и странам новой демократии политику дискриминации, умалить их значение или обойти при решении важнейших вопросов международной политики, плести интриги против СССР и стран новой демократии, создавать враждебные блоки и группировки»^[774].

Занимавшие самые радикальные позиции югославы на совещании подвергли решительной критике те компартии, которые идут на уступки местным некоммунистическим партиям в принципиальных вопросах. В том числе говорили и о КПЧ, которую представлял генеральный секретарь ЦК партии Рудольф Сланский (от компартии Словакии был направлен Штефан Баштованский). Чехословацким коммунистам пришлось заняться

на совещании самокритикой.

Сланский в докладе отметил, что правые партии в ЧСР активно пытаются перетянуть социал-демократов на свою сторону. Начал, по словам Сланского, переходить на позиции явного антикоммунизма и Бенеш: «Реакционные силы пытаются использовать президента в своих целях. Бенеш вначале держался внешне лояльно, но за последнее время произнес несколько тенденциозных антикоммунистических речей „против тоталитаризма и насилия“ Несмотря на свою болезнь, он продолжает за кулисами поддерживать реакцию»^[775].

В целом Сланский характеризовал ситуацию в Чехословакии как открытый кризис: «За последние недели напряженное положение внутри национального фронта перешло в состояние открытого кризиса. Во время переговоров о надбавках крестьянам на закупочные цены сельскохозяйственных продуктов наши министры предложили обложить специальным налогом имущество миллионеров. Против нас голосовали другие партии национального фронта, а социал-демократы воздержались от голосования. Руководство компартии решило перейти в открытое контрнаступление. Оно решило разоблачить реакцию перед лицом всей общественности.

После голосования в правительстве мы опубликовали имена 11 министров, голосовавших против обложения миллионеров, и отметили также поведение социал-демократических министров, которые не поддержали нас в этом деле. Эти разоблачения вызвали огромный отклик со стороны общественности. Заводы, профсоюзные организации, местные национальные комитеты и целые организации социал-демократической партии выступили с протестом.

Под давлением масс президиум социал-демократической партии предложил нашей партии начать переговоры, в результате которых коммунисты и социал-демократы внесли совместно проект относительно обложения налогом миллионеров и начали действовать совместно в отношении требований о повышении зарплаты со стороны государственных служащих, провокационно подстрекаемых национальными социалистами... Мы ориентируем нашу партию на достижение с социал-демократами более прочного блока на основе укрепления сотрудничества с левыми и с центром социал-демократической партии при одновременной изоляции и разоблачении правых социал-демократов как агентов реакции».

Сланский отметил, что руководство ЧНСП придерживается реакционного курса: «Выступая на словах за сотрудничество с

коммунистами в Национальном фронте, оно в действительности тайно блокируется с католиками (народной партией – *Прим. автора.*) и словацкими демократами. Эта политика, однако, начинает вызывать недовольство в рядах национально-социалистической партии, и мы ставим сейчас перед собой задачу формирования внутри этой партии левого крыла, которое боролось бы за сотрудничество с коммунистами»^[776].

Коммунисты считали возможным содействовать созданию левого крыла и в ЧНП, где многие не хотели объединяться со словацкими демократами.

«Таким образом, можно будет достигнуть такого положения, при котором наша партия в предстоящем столкновении с реакцией, опираясь на сильные левые течения в других партиях, устранил реакционеров из Национального фронта и тем самым укрепит его».

Сланский не сомневался, что если противники коммунистов решатся на открытое противоборство, у КПЧ будет «достаточно сил, чтобы одержать победу».

Забегая вперед, скажем, что КПЧ блестяще реализовала этот сценарий уже в феврале 1948 года.

Между тем внутривнутриполитическая ситуация в Чехословакии продолжала обостряться.

4 ноября 1947 года демпартия, ЧНСП и ЧНП сорвали заседание руководства Национального фронта, посвященное положению дел в Словакии (оно было созвано Готвальдом по предложению лидера национальных социалистов Зенкла)^[777]. Правые партии потребовали удалить из зала представителей профсоюзов и организаций борцов Сопротивления, против чего возразили коммунисты и социал-демократы.

В ноябре 1947 года органы госбезопасности разоблачили в городе Мост тайную группу «Север», в которую входили бывшие офицеры армии, готовившую контрреволюционный переворот. Некоторые члены группы были связаны с ЧНСП. Руководство национальных социалистов стало критиковать органы безопасности за применение в данном случае метода оперативной провокации, хотя им пользовались и пользуются органы разведки и контрразведки всех стран мира.

В официальном сообщении государственного информационного агентства ЧТК от 17 ноября 1947 года по этому поводу говорилось следующее: «С помощью одного из заключенных удалось напасть на след подпольной организации, во главе которой стоял Правомир (правильнее Правомил – *Прим. автора.*) Райхль, давно разыскиваемый органами

национальной безопасности. Во время второй мировой войны Райхль, будучи в составе чехословацких частей в СССР, установил связь с лицами, находившимися на службе иностранной державы, и сотрудничал с польскими реакционными элементами, сторонниками Андерса. Когда в 1943 году чехословацкие части были отправлены на фронт, Райхль остался в тылу и продолжал преступную деятельность.

В начале 1946 года Райхль был демобилизован и избегал любой работы. Он эмигрировал в американскую зону Германии, где добивался присоединения к прхаловцам^[778]... В Баварии он давал агентам иностранной державы сведения о чехословацкой армии и сообщал фамилии чехословацких офицеров, негодных этой державе. Райхль содержался в специальном лагере для коллаборационистов. Ему было поручено составление клеветнических сообщений о Чехословакии и о «несправедливостях» по отношению к судетским немцам.

Затем он был направлен в Чехословакию и в конце 1946 года был арестован органами безопасности Западной Чехии за хулиганство в пьяном виде, затем выпущен до окончания следствия. С этого времени он жил без регистрации и поэтому не мог быть обнаружен.

Было доказано, что Райхль завязал связи с некоторыми офицерами-изменниками, с которыми подготавливал антигосударственный заговор. Кроме того, Райхль находился в связи с военным агентом иностранной державы, которого просил переправить офицеров-изменников за границу. При допросе выяснилось, что он готовил вооруженное восстание, чтобы овладеть оружием и убить командиров-коммунистов.

Руководители и члены подпольной организации (действовала 2 года) арестованы...»^[779]

Военная контрразведка ЧСР (OBZ, Obranné bezpecnostni zpravodajstvi) использовала для внедрения в группу бывшего подпоручика Райхля некоего заключенного Подивина, сидевшего за неполитическое преступление. Подивин знал Райхля по совместному заключению, когда последнего арестовали после возвращения из Западной Германии. Летом 1947 года Райхля выпустили из тюрьмы после вмешательства депутатов от ЧНСП. Осенью 1947-го также отпущенный из заключения Подивин пришел к Райхлю и сообщил, что коммунисты готовят путч и их надо нейтрализовать вооруженным путем, добавив, что вся эта акция пользуется поддержкой лидеров ЧНСП Зенкла, Дртины и Крайины. Райхль поверил и начал сколачивать боевую военную группу для борьбы против коммунистов. В организации Райхля были несколько офицеров, во время

войны находившихся в Англии.

Арест группы Райхля в городе Мост (примерно 40 бывших и действующих военнослужащих) разоблачил антикоммунизм лидеров ЧНСП. Они постоянно говорили о готовящемся вооруженном коммунистическом путче, который коммунисты, мол, проведут через подконтрольные им органы госбезопасности, но сами же этот путч и готовили. Примечательно, что после ареста Райхль заявил полковнику госбезопасности коммунисту Рейсину, с которым вместе учился в офицерской школе: «Ну да, я доигрался, но если бы выиграли мы, доигрался бы ты».

Министр юстиции Дртина потребовал от министра внутренних дел Носека передать Райхля органам юстиции, однако тут подоспели февральские события 1948 года.

Райхль был приговорен к смерти, но в 1952 году сбежал из тюрьмы и нелегально перешел границу.

Очень напряженной в конце 1947 года оставалась и обстановка в Словакии.

Еще 11 июня 1947 года представители КПЧ представили на рассмотрение Национального фронта подготовленный органами госбезопасности доклад о положении в Словакии. Из этого документа следовало, что генеральные секретари демократической партии Кемпны и Бугар^[780] вступили в сговор с бывшими функционерами фашистской словацкой партии Глинки для подготовки отделения Словакии от ЧСР. Несмотря на протесты демократов, была образована комиссия фронта по расследованию ситуации в Словакии, которая в своем заключении потребовала от демпартии очистить ряды от сепаратистов.

Функционеры демпартии находились в контакте с лидерами словацкой фашистской эмиграции Дурчанским и Сидором. Дурчанский так описывал цели словацких сепаратистов: «Нашей целью является ликвидация как чешского, так и советского империализма. От чешского империализма мы должны избавиться сами, а освободиться от советского империализма нам поможет весь мир. Кроме того, античешские акции не столь рискованны, как деятельность, направленная против Советов. Поэтому необходимо предпочесть античешскую и антибенешевскую деятельность непосредственной борьбе с Советами».

Все началось 10 сентября 1947 года с ареста украинца, бывшего бойца дивизии СС «Галичина» Теодора Грунтовского. Через него вышли на след подпольной организации, возглавляемой учителем Антоном Мельцером. Он был функционером молодежной организации партии Глинки и начал

распространять антиправительственные листовки еще в 1945 году^[781]. Мельцер признал, что создал подпольную сепаратистскую организацию «Весна» и искал связи с Дурчанским. Организация, в числе прочего, изготавливала и продавала за 100-200 крон портреты Тисо.

13 сентября 1947-го в Словакии начались аресты сепаратистов. В этот день были задержаны 30 человек. После допросов волна арестов расширилась. 16 и 24 сентября органы госбезопасности обезвредили в Словакии две вооруженные подпольные группы, одна из которых находилась в контакте с руководством демпартии. Аресты продолжались весь октябрь. На основании показаний задержанных позднее были арестованы депутаты Национального собрания от демократической партии Кемпны и Бугар, а также начальник канцелярии заместителя председателя правительства и лидера демпартии Яна Урсини Отто Обух. Всего по обвинению в организации вооруженного восстания были арестованы около 500 человек (некоторых из них сразу выпустили за отсутствием улик).

По сообщению секретного агента КНБ V-101^[782] – личного секретаря Пиетора, министра транспорта и одного из лидеров демпартии – обыски и арест Обуха произвели на словацких демократов удручающее впечатление и вызвали панику. Урсини был подавлен, и Зенкл вместе с Галой (одним из лидеров ЧНП) практически заставили его пойти к премьеру Готвальду и выразить протест против ареста своего личного секретаря. Особенно резко на протесте настаивал Зенкл. Преисполненный страха Урсини отправился к Готвальду, но вернулся еще в более подавленном настроении и даже не мог связно рассказать о своем визите. Он боялся, что Обух скомпрометирует его лично.

Интересно, что министр транспорта Пиетор, напротив, был доволен арестом Обуха и чисткой в Словакии, так как надеялся, что Урсини уйдет в отставку, и он сам станет вождем демократов. Один из лидеров демпартии Леттрих навестил бельгийского посла и просил совета, как словацким демократам вести себя дальше, но его вежливо выпроводили вон.

Слабость и нерешительность руководства демпартии вызвали критику со стороны католического духовенства и приверженцев людаков. В свою очередь, Урсини решил очистить демпартию от католических элементов, стремясь любой ценой сохранить свой пост.

7 октября 1947 года органы МВД сообщили о завершении расследования антигосударственного заговора в Словакии. Всего были задержаны 380 человек, из которых арестованы по решению суда 237. 69 арестованных были госслужащими, 24 – представителями духовенства,

35 – студентами и гимназистами, шестеро – рабочими, столько же – крестьянами. Органы госбезопасности обнаружили два радиопередатчика, 36 килограммов тротила, 400 пистолетных и 760 винтовочных патронов, шесть армейских винтовок, девять пистолетов и одну ручную гранату^[783]. В раскрытии заговора органам безопасности активно помогали организации бывших словацких партизан.

Центрами заговора были города Жилин и Банска-Штявница. Разделенные на две группы, военную и политическую, заговорщики получали инструкции из США, где находился центр словацкой фашистской эмиграции – Словацкий комитет во главе с Дурчанским. Были обнаружены подтверждающие эту связь документы.

Военная группа заговорщиков пыталась создать «отряды Тисо» по образцу фашистской гвардии Глинки. Были налажены связи с армейскими частями, откуда предполагалось получать оружие и боеприпасы. В военной организации существовали списки членов, их фото, текст присяги.

Среди захваченных органами МВД документов были обнаружены указания Дурчанского словацкому подполью из 29 пунктов, составленные в Париже 24 июня 1946 года^[784]. Дурчанский нацеливал словацких сепаратистов на войну между СССР и западными державами, которая начнется в ближайшем будущем и неминуемо приведет к распаду Чехословакии. Чтобы встретить войска западных союзников, словацким сепаратистам надо было уже сейчас организовать в горах партизанские отряды «словацких крестоносцев». «Крестоносцы» должны были установить контакт с подпольными организациями Польши и Украины (УПА) и действовать совместно. Также сепаратистам предписывалось привлечь на свою сторону словацкие части армии, чтобы они в нужный момент примкнули к восстанию.

Политическую пропаганду «крестоносцам» следовало сосредоточить на пропаганде идеи плебисцита по отделению Словакии от ЧСР.

Заговор в Словакии решительно осудили в своем публичном заявлении бывшие легионеры, которые одновременно потребовали не закреплять в новой конституции «спорную мысль» о самобытности словаков^[785].

8 октября 1947 года правительство ЧСР на своем заседании заслушало и приняло к сведению доклад министра внутренних дел Носека о борьбе с заговорщиками в Словакии и поручило министру «ускоренно и тщательно закончить следствие по делу людацких фашистских антигосударственных элементов и их пособников»^[786].

По предложению Бенеша, лидер словацких демократов Урсини 30

октября 1947 года подал в отставку в обмен на прекращение против него уголовного преследования. Однако национальные социалисты, народники и представители словацкой демпартии противились в парламентском комитете по иммунитету лишению депутатской неприкосновенности замешанных в заговоре Кемпны и Бугара. Тем не менее, 16 октября соответствующая просьба следственных органов была удовлетворена, и депутаты от ЧНП и ЧНСП воздержались при голосовании^[787]. Демократы после такого поведения национальных социалистов заявили, что на ЧНСП нельзя положиться, присовокупив к высказыванию непечатный эпитет. Сам Кемпны в отчаянии хотел бежать за границу.

Примечательно, что Кемпны и Бугар были политическими лидерами католиков и вошли в демпартию в апреле 1946 года, после того как демократы заключили соглашение о единстве действий с католиками. Оба стали генеральными секретарями ДП. Кемпны был осужден на шесть лет и выпущен из тюрьмы в 1953 году. В независимой Словакии был реабилитирован и награжден в 1996 году орденом Людовита Штура. Бугар получил один год тюрьмы.

По сообщению агента V-101, католические епископы Словакии рекомендовали демпартии прекратить всякую антигосударственную деятельность, так как на горизонте пока не просматривается перспектив войны между СССР и западными державами^[788].

Характерно, что надежным, хотя и невольным союзником КПЧ в борьбе против словацкого католического сепаратизма был президент Бенеш. Еще в марте 1947 года в одном из своих интервью глава государства заявил, что считает словацкий клерикальный сепаратизм серьезной проблемой. И ранее, отметил Бенеш, словацкие католики всегда были против единого чехословацкого государства: «Во многих признаках словацкого католицизма я и сейчас вижу эту тенденцию»^[789]. Президент рекомендовал демпартии очиститься от католиков-сепаратистов, чтобы не дать коммунистам предлога для роспуска партии в целом.

Агент V-101 совершенно верно охарактеризовал позицию Бенеша – президент будет сохранять нейтралитет в борьбе коммунистов с некоммунистическими партиями и встанет на сторону победителя, но так, чтобы не испортить по возможности и отношения с побежденными («мол, сделал для вас, что мог»).

В октябре 1947 года КПС решила добиваться исключения демпартии из правительства, если она не очистится от сепаратистских элементов.

Факт заговора не оспаривали ни национальные социалисты, ни даже

прямо затронутые арестами словацкие демократы. Обе партии лишь пытались преуменьшить размах деятельности сепаратистов. Например, один из лидеров демпартии статс-секретарь министерства внешней торговли Ян Лихнер (бывший член запрещенной после 1945 года аграрной партии) писал в партийной газете демократов «Час» («Время»): «Вредители, исполнявшие приказы иностранных авантюристов, – в большинстве незначительные и неизвестные лица, и поэтому не надо преувеличивать значение их деяний и уделять столько внимания в прессе этой подрывной деятельности, ибо тем самым чешскую общественность настраивают против словаков, что уже можно наблюдать в Чехии»^[790].

Корпус уполномоченных Словакии единогласно одобрил действия МВД по раскрытию заговора и поручил продолжать расследование со всей тщательностью. 21 сентября 1947 года словацкие союзы партизан и борцов Сопротивления потребовали начать коренную чистку госаппарата от тайных и явных сепаратистов. Для рассмотрения этого требования на специальное заседание собрался Национальный фронт Словакии, который после оживленных дебатов одобрил предложение бывших партизан. Для поддержки этих требований в Братиславе на массовый митинг собрались более 20 тысяч человек. В решении Национального фронта Словакии говорилось:

«Национальный фронт решительно осуждает подрывные устремления антигосударственных элементов, направленные против интересов республики, народа и спокойного развития.

Соответствующим органам дано указание бороться против них со всей жесткостью, а политическим партиям – исключить из своих рядов лиц, участвовавших в антигосударственных акциях. В государственных органах должны быть только те, кто не скомпрометировал себя сотрудничеством с фашистским режимом и одобряет проведенные после освобождения преобразования.

Если союзы борцов Сопротивления представят какой-либо политической партии обоснованные обвинения против ее члена, то она должна либо исключить его, либо передать дело на рассмотрение Национального фронта.

Национальный фронт дает указание Корпусу уполномоченных продолжить чистку.

Национальный фронт констатирует непоколебимое стремление всех партий продолжать проводить политику Национального фронта»^[791].

Решения Национального фронта Словакии поддержал и

общегосударственный Национальный фронт.

После раскрытия сепаратистского заговора в Словакии правительство ЧСР поручило премьеру Готвальду выехать в Словакию и провести там реорганизацию Корпуса уполномоченных (словацкое автономное правительство). Несмотря на яростное сопротивление демпартии, словацкое правительство было все же реорганизовано.

В сформированный 18 ноября 1947 года новый Корпус уполномоченных вошли шесть представителей демпартии (ранее девять), пять коммунистов, по одному представителю от мелких партий труда и свободы, а также два беспартийных профессионала. Демпартия лишилась портфелей уполномоченных по делам юстиции, почты и здравоохранения, причем эти посты получили не коммунисты, а беспартийный и представители партий свободы и труда^[792].

Председателем корпуса стал коммунист Густав Гусак. В заявлении нового автономного правительства Словакии подчеркивалась решимость активно бороться против любых проявлений сепаратизма.

В демократической партии образовалось левое крыло (Пиетор, Шевчик, Киселы), настроенное на сотрудничество с коммунистами.

Компартия продолжала политику индустриализации Словакии, в том числе и за счет перевода туда промышленных предприятий из Чехии. До февраля 1948 года в Словакию перебазировали 337 таких предприятий, чем создали 24 тысячи рабочих мест^[793].

К концу 1947 года улучшилась экономическая ситуация в стране. В ноябре – декабре 1947-го СССР предоставил Чехословакии дополнительно 300 тысяч тонн пищевого и фуражного зерна. 21 января 1948 года министр сельского хозяйства ЧСР Дюриш (коммунист) направил министру внешней торговли СССР А. И. Микояну следующую телеграмму: «Министерство сельского хозяйства Чехословацкой Республики обратилось в СССР с просьбой о предоставлении семян яровой пшеницы. Благодаря Вашему любезному содействию поставки столь нужного нам посевного материала были разрешены. Мне хотелось бы самым сердечным образом поблагодарить Вас от имени чешских и словацких крестьян»^[794].

Промышленность ЧСР выполнила план 1947 года на 100,9 % и достигла 98 % от уровня производства 1937 года. В Словакии промышленность в 1947 году произвела продукции на 67,8 % больше, чем до войны.

Коммунисты настаивали на разработке новой конституции страны и уверенно рассчитывали победить на новых парламентских выборах в мае

1948 года. Проведенный местными организациями КПЧ в январе 1948-го опрос избирателей (такой же коммунисты проводили и перед выборами 1946 года) показал, что за партию готовы проголосовать 55 % электората.

Только в этом январе в КПЧ вступили 44 160 человек, в том числе 117 офицеров (из них 43 – высших). В Устецкой области (откуда были выселены немцы) в партию вступили более 14 тысяч человек. Столько же новых членов приобрели коммунисты и в рабочей Кладненской области. Новым моментом стал активный переход в КПЧ членов ЧНСП и народной партии.

Компартия Чехии и Моравии на начало февраля 1948 года насчитывала 1 354 601 человека.

Временный поверенный в делах США в ЧСР Бруинс сообщал в Вашингтон 28 января 1948 года: «Коммунисты начали кампанию с тем, чтобы получить на предстоящих выборах большинство в 51 % голосов... Уверен, что 80 % чешского народа предпочитает западную демократию коммунизму, но их трусость не позволяет им открыто выразить эту точку зрения. Мы должны немедленно: 1) заключить (с Чехословакией) торговый договор; 2) заключить соглашение о сотрудничестве в сфере культуры; 3) опубликовать американские документы, свидетельствующие о том, как на самом деле была освобождена Прага» (США считали, что могли бы занять Прагу первыми, но по политическим соображениям приостановили свое наступление в Западной Чехии, чтобы отдать пальму первенства Красной армии)^[795]. «Нашим друзьям» в Чехословакии, писал временный поверенный, срочно нужна моральная поддержка. «Они не хотят чувствовать себя покинутыми».

По сообщениям из источников, близких к Бенешу, президент ЧСР был готов в случае если коммунисты не получают на выборах больше голосов, чем в 1946 году, добиться назначения премьером некоммуниста. Ради такой перспективы США согласны были помочь «своим друзьям»^[796].

Таким образом, в начале 1948 года американцы решили сменить кнут на пряник, но было уже поздно. Тем более что в ответ на депешу Бруинса госдепартамент лишь согласился послать в Прагу во второй половине февраля эксперта для поддержки посольства на торговых переговорах.

24-25 сентября 1947 года в Праге находилась делегация американского конгресса, которая провела переговоры с Бенешем и с различными министрами (в том числе и с коммунистами). Впечатления конгрессменов были неприятными с точки зрения отцов холодной войны в Вашингтоне – делегация пришла к выводу, что никакого «железного занавеса»

в Чехословакии нет^[797].

В условиях роста авторитета КПЧ в народе правые партии Национального фронта, поддерживаемые Бенешем, решились на открытый разрыв с КПЧ с целью удалить коммунистов из правительства и не допустить их победы на грядущих выборах.

Внутриполитическая ситуация в стране вроде бы развивалась в пользу правых.

14-16 ноября 1947 года в Брно проходил XXI съезд ЧСДП^[798], на котором центристы и правые пытались убедить затравленного правой прессой председателя партии Фирлингера (его именовали не иначе как «Квислингером»^[799], потому что он «продался коммунистам») не выставлять больше свою кандидатуру и поддержать «отца национализации» Лаушмана. Фирлингер отказался, но получил на выборах лишь 182 голоса (40 %), в то время как за Лаушмана проголосовали 283 делегата и он стал новым лидером ЧСДП. Майер на съезде открыто выступил против союза с КПЧ. Звучали на съезде и откровенно антисоветские вступления, причем как делегатов, так и зарубежных гостей (например, представителя Лейбористской партии Великобритании).

В «демонтаже» Фирлингера активно участвовал брат президента Войта Бенеш, член социал-демократической партии. Сам президент, узнав о результатах съезда, сказал, что это самый счастливый день с момента его возвращения из эмиграции^[800]. Глава государства полагал, что после ухода Фирлингера с поста председателя ЧСДП дни коммунистов в правительстве сочтены. Еще до съезда ЧСДП агент V-101 сообщал со слов министра транспорта Пиетором, беседовавшего с Бенешем: «...президент фронтально идет против Фирлингера»^[801].

В МВД сообщение агента оценили следующим образом: «Президент и его канцелярия начали атаку на КПЧ и КПС и против крыла Фирлингера в ЧСДП... Майер уже полностью обработан (Бенешем) и идет против Фирлингера открыто враждебно вплоть до его полного отстранения, так как чувствует за собой авторитет президента и Запада. Лаушман раздумывает и колеблется»^[802].

Коммунисты по указанию руководства партии должны были перед решающим голосованием в Брно поговорить со своими знакомыми делегатами съезда ЧСДП и попросить их поддержать Фирлингера. Но такие разговоры зачастую приводили к обратному результату^[803]. Правда, Фирлингер после своего поражения сказал, что не пройдет и четырех месяцев, как он снова займет свой пост.

Для компартии решения съезда социал-демократов были чувствительным ударом. «Руде право» вышла под заголовком «Лаушман избран председателем социал-демократической партии как кандидат правых»^[804]. Коммунистов встревожили звучавшие на съезде ЧСДП антисоветские нотки. Например, депутат Национального собрания Седлак заявил, что ЧСР нет никакой пользы от союза с СССР, и Чехословакия пока лишь несет жертвы во имя этого союза. Правда, после упоминавшегося выше послания Сталина Готвальду и прибытия в Чехословакию советского зерна подобные речи быстро прекратились.

Таким образом, в ноябре 1947 года на съезде ЧСДП представители левого крыла потерпели поражение, и руководящие посты в партии заняли настроенные антикоммунистически политики. Однако в низовых организациях социал-демократов по-прежнему было сильно стремление к единству действий с коммунистами.

ЧНСП после съезда ЧСДП в Брно решила, что теперь можно сформировать прочный антикоммунистический блок из всех партий Национального фронта и выдавить коммунистов из правительства.

Однако дружба Лаушмана с национальными социалистами была отнюдь не искренней. Он понимал, что объявление о блоке с этой партией расколется ЧСДП, а саму ЧСДП представлял себе как арбитра, который может в зависимости от ситуации поддерживать в правительстве то коммунистов, то их противников. Например, после съезда ЧСДП социал-демократы делегировали в правительство сторонников сотрудничества с коммунистами Людмилу Янковцову (сменила Лаушмана на посту министра промышленности) и Франтишека Тимеша (стал заместителем премьера).

На пленуме ЦК КПЧ 27 ноября 1947 года было решено помочь левым в ЧСДП организовать в партии сильное крыло. Готвальд сказал собравшимся, что надо быть готовым к тому, что реакция попытается в ближайшем будущем захватить власть, «в удобный момент вызвать правительственный кризис и попытаться создать правительство чиновников (не из представителей партий, а из «специалистов» – *Прим. автора.*). Политически такой шаг следовало бы расценить как попытку реакционного государственного переворота. На него необходимо было дать соответствующий сокрушительный для реакции ответ... Поэтому мы должны быть на страже»^[805].

В ноябре 1947 года противники коммунистов праздновали еще один успех. На выборах в студенческие органы самоуправления коммунисты получили лишь 20 % голосов, а их противники – 74 %. Особенно веским

было преимущество национальных социалистов. Студентов ЧСР в 1947 году насчитывалось 55040 (в 1937 году – 19859), и такой бурный рост был вызван, в числе прочего, демократизацией условий приема в вузы по требованию КПЧ. Но в любом случае по численности и влиянию студенты, конечно, и отдаленно не могли состязаться с профсоюзами.

В молодежной секции военно-спортивной организации «Сокол», находившейся под влиянием ЧНСП, числилось в декабре 1947 года 132 тысячи человек (среди которых, правда, было много детей до 14 лет, в том числе девочек). Особенно сильно выросла молодежная организация «Сокола» после лета 1947 года, когда национальные социалисты перешли к открытой конфронтации против КПЧ. Молодежная спортивная католическая организация «Орел», на которую влияла ЧНП, насчитывала в начале 1948 года 150 тысяч членов.

В борьбе против коммунистов правые партии и ЧСДП решили использовать популизм и опереться, прежде всего, на чиновничий аппарат, состоявший в большинстве своем из принятых на работу еще до войны служащих. В пику коммунистам, добившимся увеличения финансовой помощи крестьянству, ЧНСП, демпартия и ЧНП предложили в сентябре 1947 года резко увеличить зарплату госслужащим – на 30 % и не менее чем на 500 крон в месяц, причем задним числом, с 1 января 1947-го. Эта мера потребовала бы выделения из госбюджета ежегодно 5,5 миллиарда крон (по другим данным – более 8 миллиардов).

При этом газеты правых партий писали о тяжелом положении чехословацкой валюты и постоянно пугали граждан грядущей девальвацией. Но если бы предложения национальных социалистов о финансировании помощи селу и госслужащим были приняты, то в экономику попали бы 15 миллиардов ничем не обеспеченных крон (все расходы граждан на потребление на тот момент составляли примерно 130 миллиардов крон). Страну захлестнула бы инфляция, и избиратели вполне могли бы обвинить в этом КПЧ, лидер которой возглавлял кабинет министров.

Казалось, что у компартии нет выхода, – если бы КПЧ выступила против повышения зарплаты госслужащим (их вместе с пенсионерами госслужбы было около 800 тысяч человек), то она оттолкнула бы от себя этих людей, всегда активно голосовавших. Принятие провокационного предложения ЧНСП означало риск гиперинфляции, которая вообще ударила бы по всем трудящимся, особенно по лицам с низкими доходами, традиционно поддерживавших коммунистов.

КПЧ и РПД сочли требование ЧНСП безответственным, но перешли в

контрнаступление и предложили создать специальную комиссию для немедленной реформы системы оплаты труда служащих, как в госаппарате, так и на производстве.

Уже в сентябре 1947 года профсоюзы совместно с министерством финансов представили свой проект, также предусматривавший повышение зарплаты служащим (хотя и не такое значительное – в размере примерно 3 миллиардов крон). Но при этом проект коммунистов и РПД был социально значимее: чиновникам предполагалось установить одинаковые социальные выплаты независимо от величины заработной платы, то есть выигрывали от этой меры, прежде всего, лица с низкими доходами.

8 октября 1947 года правительство фактически согласилось с предложениями КПЧ. Было решено, что выплата надбавок начнется уже в октябре и составит для женатых госслужащих 1400 крон^[806], для холостых и незамужних – 1200 крон. На каждого ребенка предполагалось выплатить 300 крон. Помимо этого в качестве «рождественского бонуса» (аналог советской тринадцатой зарплаты) женатые госслужащие получали по 1500 крон. Холостые имели право на 1200 крон, пенсионеры (бывшие госслужащие) – на 1200, вдовы госслужащих – на 1000, сироты – на 700 крон. Бонус на каждого ребенка составил 300 крон^[807]. Отметим, что именно коммунисты предложили распространить выплаты на вдов, пенсисонеров и сирот.

Таким образом, попытки правых партий восстановить против КПЧ госслужащих провалились. ЧНСП пыталась выдвинуть свой законопроект в парламенте, но он провалился уже в комитете по законодательным инициативам, причем национальные социалисты остались там в полном одиночестве^[808].

Спорным вопросом в Национальном фронте была и дата парламентских выборов. ЧНСП, ЧНП и демократы предлагали провести их в апреле 1948 года, коммунисты – во второй половине мая, социал-демократы – в конце мая 1948-го.

Буржуазные партии Национального фронта в своей борьбе против КПЧ сосредоточились на попытках добиться ослабления влияния коммунистов в органах госбезопасности. При этом влияние КПЧ было особенно сильным в разведке, контрразведке и внутренних войсках, в то время как национальные социалисты имели гораздо большее влияние в обычной полиции (где преобладали довоенные кадры).

Органы МВД работали хорошо. Преступность, особенно в том, что касалось тяжких преступлений, снижалась – в 1946 году она упала на 13 %.

На 100 тысяч человек в Чехословакии приходилось 540 преступлений. 49 сотрудников МВД погибли в 1946 году при исполнении своего долга, 56 были тяжело ранены^[809].

После прихода к власти в ЧСДП в ноябре 1947 года правых центристов во главе с Лаушманом социал-демократы и национальные социалисты заключили соглашение о совместной борьбе против влияния коммунистов в органах госбезопасности. Дртина заявил, что именно «засилье» коммунистов в КНБ является истинной причиной «глубокого недоверия между партиями» Национального фронта^[810].

В конце 1947 года национальные социалисты стали требовать расследования незаконной, по их утверждениям, деятельности подразделения F управления Корпуса национальной безопасности в Праге. Это подразделение (примерно 20 сотрудников) занималось допросами бывших сотрудников гестапо с целью выявления осведомителей и агентов гестапо в рядах Сопротивления в годы войны. Например, оно разоблало заместителя председателя районного национального комитета в Чески-Тешине Блеха, который во время войны был агентом гестапо по кличке «Мария». Предметом допросов была и деятельность генерального секретаря ЧСНП Крайины. ЧНСП в официальном заявлении сравнило подразделение F с СД и обвинило его в сборе компрометирующих материалов против политиков из ЧНСП, ЧНП и ДП. На самом деле МВД собирало данные о коллаборационизме всех граждан, в том числе и членов компартии.

В январе 1948-го министерством юстиции были оглашены результаты следствия по делу о покушении 10 сентября 1947 года, согласно которым таинственные коробочки изготовил некий столяр Ян Копка из местечка Крчмань, якобы по просьбе местного секретаря КПЧ в Оломоуце Заплетала. В помещении районной организации КПЧ были найдены пулемет, гранаты и боеприпасы, что было расценено ЧСНП как подготовка «коммунистического заговора». По показаниям свидетелей, Заплетал хвалился, что коробочки с мукой низкого качества он пошлет министрам в знак протеста, чтобы они знали, чем вынуждены питаться люди. Но ведь нормальный террорист своими планами обычно не хвалится.

По версии министерства юстиции, взрывчатку в коробочки собственноручно вложил депутат Национального собрания от КПЧ Ярослав Юра Соснар. Взрывчатка была немецкого производства времен войны.

Из материалов следствия было непонятно, какими мотивами Соснар

при этом руководствовался.

Главными свидетелями против Соснара выступали члены ЧНСП из района Оломоуц. Информацию, свидетельствующую против коммунистов, доставил в секретариат ЧНСП Ладислав Ловечек, который до войны был старостой деревни и членом запрещенной после 1945 года антикоммунистической аграрной партии. Он указал на Копку как производителя коробочек, хотя знал о том, как они выглядят, только по сообщениям пражского радио. Секретарь ЧНСП попросил Ловечека подготовить ему списки знакомых Копки, что тот и сделал на следующий день. Из этого списка и отобрали «виновных».

Позднее выяснилось, что за показания ЧНСП обещала Ловечеку 200 тысяч крон, которые тот хотел истратить на покупку трактора.

Тем не менее, оломоуцких коммунистов и Соснара обвинили только на основании показаний Ловечека, которые он трижды менял в ходе следствия. Ранее, в 1924-1925 гг., Ловечек отбывал тюремное наказание за лжесвидетельство.

8 ноября 1947 года Ловечеку были предъявлены обнаруженные 10 сентября коробочки, и он признал, что Копка делал другие.

Органы МВД расследовали «крманчский след» еще с 5 ноября 1947 года. Тогда поступила информация, что в этом населенном пункте некая женщина хотела покрыть лаком деревянные коробочки, открыто говоря, что собирается послать в них взрывчатку министрам правительства. Однако, следственные действия выявили, что коробочки, посланные из Праги по почте, были изготовлены не в Крчмани.

Несмотря на это, Соснара по требованию Дртины лишили парламентского иммунитета и арестовали.

В любом случае было абсолютно неясно, зачем коммунистам устраивать нелегальные склады оружия (причем мелкие), когда фактически под контролем партии – как постоянно утверждала сама же ЧНСП – находились силы госбезопасности и рабочая милиция. Депутат Национального собрания от КПЧ Кликса сказал на профсоюзном съезде: «... В Крчмани было найдено несколько ржавых пистолетов... Ну извините, товарищи, зачем нам пара ржавых пистолетов, ведь в наших руках МВД, КНБ и армия»^[811].

С осени 1947 года компартия сосредоточила основные усилия на борьбе со спекуляцией, так как население было очень недовольно обилием товаров на черном рынке, где они стоили непомерно дорого, и их отсутствием в магазинах по твердым государственным ценам. Фактически до этого времени рейды против спекулянтов нерегулярно проводили местные

национальные комитеты, причем дельцы черного рынка, как правило, отделялись вполне приемлемыми для них денежными штрафами. Хотя по закону о борьбе против спекуляции можно было привлекать крупных спекулянтов к суду, подчинявшееся ЧНСП министерство юстиции так и не сделало этого.

Из 45 тысяч человек, задержанных органами МВД в 1946 году за разного рода правонарушения, спекулянтов было задержано 611.

3 октября 1947 года органы МВД, задействовав 1470 своих сотрудников, провели облаву на спекулянтов по всей стране. Было обнаружено и изъято 19899 кг муки, 2875 кг жиров, 9084 кг мяса (в основном свинины), 2057 кг риса, 1232 кг сахара, 205 кг шоколада и какао, 19 200 кг картофеля, 192 кг меда, 1240 литров бутилированного вина, 9500 сигарет, 280 кг лимонов, 1100 украденных продовольственных карточек, много текстильной продукции. Были задержаны 47 человек. Только в Праге спекулянтам выписали штрафов на общую сумму 3 575 066 крон^[812].

По оценкам КНБ, спекуляция в сентябре 1947 года выросла на 100 % по сравнению с предыдущим месяцем, что было особенно опасно на фоне засухи в стране^[813].

Профсоюзы и КПЧ требовали применения к спекулянтам тюремного заключения, и население их в этом поддерживало. Однако, ужесточению мер противились национальные социалисты.

В конце 1947 года резко обострилась ситуация с текстилем. Многие обычные вещи (носки, чулки и т. д.) неожиданно пропали из государственной торговли. При этом тканей в стране производилось достаточно. Так, в первом квартале 1947 года было изготовлено 43 миллионов метров хлопчатобумажных тканей и тканей из искусственного шелка. Из них на рынок для продажи гражданским потребителям поступило 23 миллионов метров. Из 7 миллионов метров шерстяных тканей на рынок попало 5,7 миллиона^[814].

Коммунисты считали основной причиной дефицита спекуляцию. Частные торговцы покупали у текстильных фабрик продукцию по ценам как минимум на 10 % выше государственных, а затем перепродавали потребителям на черном рынке с наценкой уже до 200 %. Например, словацкие спекулянты покупали в Чехии платки по 28 крон за штуку, а затем перепродавали их за 110 крон.

На пленуме ЦК КПЧ в конце ноября 1947 года компартия решила принять меры по ужесточению как административных, так и экономических мер против спекулянтов. Руководство партии понимало, что

от успехов в насыщении прилавков по твердым государственным ценам будет зависеть и результат КПЧ на предстоящих парламентских выборах. Особенно волновала ситуация в магазинах женщин, на которых партия делала основную ставку в борьбе за завоевание большинства народа.

После пленума ЦК было объявлено об отставке по состоянию здоровья министра внутренней торговли Антонина Змргала (члена КПЧ). Новым министром (и самым молодым членом кабинета) стал, родившийся в 1910 году, Алексей Чепичка, член компартии с 1929 года и зять Клемента Готвальда. В 1942-1945 гг. Чепичка был узником нацистских лагерей смерти Освенцим и Бухенвальд.

В декабре 1947 года Чепичка предложил национализировать 1085 оптовых частных фирм, торговавших текстилем. Эти фирмы придерживали товар в надежде на повышение цен, что стало приводить к перебоям со снабжением населения текстильными товарами. Поставку текстильных товаров в розничную сеть должна была взять на себя единая государственная снабженческая организация. Национальные социалисты и народники выступили решительно против таких мер. Но в январе 1948 года под давлением собственных членов к коммунистам в этом вопросе присоединились социал-демократы, и проект Чепички стал законом^[815].

Коммунисты, ликвидировав крупных посредников-оптовиков, одновременно добились увеличения доходов мелких розничных торговцев. По предложению Чепички разрешенная государством торговая надбавка для розничной торговли даже была увеличена – с 19,5 до 23 %^[816]. При этом цены на текстильные товары для потребителей снизились.

После этого национальные социалисты призвали ремесленников и торговцев провести забастовки протеста. Тем не менее, прилавки быстро наполнились текстильными товарами, что резко повысило и так достойный предвыборный рейтинг коммунистов.

В своем новогоднем обращении к населению 1 января 1948-го премьер Готвальд отметил, что 1947 год был тяжелым из-за постигшей страну страшной засухи, но народно-демократический режим эту проверку на прочность с честью выдержал. «История великодушной помощи Советского Союза достаточно известна. Советский Союз оказал нам помощь без каких-либо политических условий...»^[817] «1948 год будет счастливым годом для нашего правительства и потребителей и черным годом для спекулянтов и саботажников, – выразил надежду Готвальд. – Мы должны сплотить все прогрессивные силы нашей республики и очистить от реакционеров и укрепить Национальный фронт».

Однако 1948 год не внес никаких изменений в напряженный внутривластный климат страны. Правые партии и ЧСДП продолжали блокировать практически все инициативы коммунистов в правительстве.

Разразился спор относительно сроков принятия и содержания новой конституции^[818]. Коммунисты предлагали утвердить новый основной закон до выборов в парламент, что полностью соответствовало ранее принятым решениям Национального фронта – ведь в мае 1946 года именно с целью принятия новой конституции выбирали не простой парламент, а Конституционное Национальное собрание. Национальные социалисты при поддержке ЧНП и демпартии хотели отложить принятие конституции, так как надеялись на ослабление позиций коммунистов после предстоявших парламентских выборов. Компартия требовала зафиксировать в основном законе все завоевания послевоенного развития (национальные комитеты, национализацию, заводские советы), в то время как национальные социалисты, наоборот, хотели избавиться от всех этих нежелательных, с их точки зрения, явлений. Например, ЧНСП требовала закрепить в основном законе полное окончание любой национализации. Предложение КПЧ прописать в конституции ограничение земельной собственности 50 гектарами на человека отвергалось национальными социалистами как излишне «механическое», не учитывающее разницы в качестве земель в различных районах страны.

Никакого компромисса по этим вопросам достичь не удавалось. При этом коммунистов фактически поддерживал Бенеш. Он публично высказался за фиксацию в новом основном законе термина «народная демократия», чего никак не хотели национальные социалисты, народники и словацкие демократы. Президент также считал нужным отразить в конституции все проведенные социально-экономические реформы, чем гарантировалась их необратимость.

Коммунисты, в свою очередь, при обсуждении полномочий президента предложили не распространять на Бенеша положение об ограничении сроков пребывания на посту главы государства двумя сроками подряд. Национальные социалисты, однако, не хотели делать для Бенеша никаких исключений^[819].

27 января 1948 года министр юстиции Дртина (ЧНСП) на заседании правительства подверг резкой критике действия органов госбезопасности при аресте группы «Север» в районе Мост. Он обвинил органы в предвзятых методах ведения допросов с целью скомпрометировать членов ЧНСП. Как уже упоминалось, агенты госбезопасности «Тони» и «Эд»,

назвавшись сотрудниками британской разведки, вышли в Мосте на бывшего офицера Райхля и предложили ему от имени ЧНСП организовать вооруженный мятеж. Райхль согласился и организовал вооруженную группу, которая и была впоследствии арестована.

Национальные социалисты потребовали создания правительственной комиссии для расследования ситуации в органах госбезопасности. В противном случае органы юстиции, продолжают самостоятельное расследование деятельности сотрудников госбезопасности. Министры-коммунисты говорили, что Дртина стал жертвой психоза и мании преследования. Министр внутренних дел коммунист Носек не возражал, чтобы органы юстиции провели самостоятельное расследование «дела Моста».

Серьезные дебаты правые партии навязали даже по ратификации в Национальном собрании торгового соглашения с СССР, которое выработал министр внешней торговли Рипка (ЧНСП). В конце концов, 5 февраля 1948 года соглашение было единодушно ратифицировано, но коммунисты выступили с критикой председателя внешнеполитического комитета парламента Духачека (ЧНП), который в своем журнале «Обзоры» постоянно подвергал Советский Союз необоснованной критике^[820].

Заседавшее 5 февраля руководство Национального фронта опять не смогло договориться о конкретных сроках проведения парламентских выборов. Премьер Готвальд передал мнение президента Бенеша: нынешний состав парламента должен утвердить новую конституцию, и выборы будут проходить уже на ее основе. Коммунисты позицию главы государства полностью разделяли.

Компартия опять просила своих партнеров по Национальному фронту принять законы об ограничении максимального землевладения площадью в 50 га и об общем социальном страховании для крестьян (то есть утвердить Градецкую программу). Но и здесь все остальные партии были против, причем, скорее всего, не по принципиальным, а по конъюнктурным соображениям, — они не хотели дальнейшего роста популярности коммунистов среди крестьян.

Что касается сроков выборов, то компартия предложила провести их 23 мая 1948 года, народная партия — 18 апреля, национальные социалисты — 25 апреля. Оппоненты обвиняли КПЧ в том, что она боится выборов, что не соответствовало действительности.

9 февраля 1948 года Президиум ЦК КПЧ одобрил тексты законопроектов о национализации внешней и внутренней оптовой торговли с целью улучшения снабжения населения. Предлагалось также провести

национализацию оставшихся в частном секторе крупных и средних предприятий. Для обсуждения этого вопроса профсоюзы решили созвать на 22 февраля 1948 года в Прагу съезд заводских советов.

Правые партии понимали, что профсоюзы поддержат национализацию, идея которой была популярна среди рабочих. Не смогут выступить против национализации и социал-демократы. Это означало прохождение соответствующих законопроектов в правительстве, что, в свою очередь, резко усилило бы и без того набравшую обороты предвыборную кампанию КПЧ. Поэтому национальные социалисты приняли решение спровоцировать правительственный кризис до 22 февраля и с помощью Бенеша либо выдвинуть коммунистов из кабинета до выборов (то есть организовать правительство «беспартийных специалистов»), либо заставить Готвальда отказаться от национализации и Градецкой программы. При этом национальные социалисты прекрасно сознавали, что для компартии отказ от этих требований означал бы политическое самоубийство и крах на выборах.

С этого момента ЧНСП стала на путь тотальной обструкции работы правительства.

12 февраля 1948 года правые партии отказались обсуждать в правительстве проект министра сельского хозяйства-коммуниста об аграрной реформе.

13 февраля национальные социалисты поставили на заседании правительства вопрос о недопущении перевода из Праги на другую работу восьми офицеров госбезопасности (руководителей райотделов госбезопасности, членов ЧНСП). Офицеры пожаловались депутату от ЧНСП Горе, что в случае их перевода ключи от арсеналов оружия и боеприпасов достанутся коммунистам. Один из лидеров ЧНСП Зенкл поставил на голосование проект решения правительства, требовавший от министра внутренних дел (он не участвовал в заседании по болезни) отменить приказ о переводе офицеров. Также правительство должно было к 24 февраля представить доклад о положении в органах госбезопасности, а до этого там прекращались все кадровые перемещения. Последний пункт решения был принят единогласно, первые два – большинством голосов членов кабинета против голосов коммунистов.

Агент V-101 сообщал в МВД, что на совещании лидеров ЧНП (Шрамек), ЧНСП (Зенкл и Рипка) и демпартии (Пиетор) обсуждался вопрос дальнейших действий, включая досрочный роспуск парламента. Было решено в любом случае избавиться от министра внутренних дел Носека^[821]. «На этот раз, – говорилось в сообщении агента, – появилась

очень важная и конкретная версия (развития событий) в виде создания президентского кабинета чиновников, главой которого был бы глава канцелярии президента Йина, министром внутренних дел генерал Бартик [\[822\]](#), министром обороны генерал Пика». Агент считал, что идея «правительства чиновников» – «несомненно, идея Града», то есть Бенеша и его аппарата.

16 февраля после посещения президентской канцелярии V-101 проинформировал, что Бенеш скептически относится к идее «правительства чиновников», считая ее сложно реализуемой. Однако если Носек не прекратит «произвол», президенту все же придется прибегнуть к этому средству.

Стремясь удержать в своих руках инициативу, 17 февраля 1948 года правые партии снова подняли на заседании правительства вопрос о засилье коммунистов в органах госбезопасности и потребовали от премьера отчета о выполнении решения от 13 февраля. Готвальд предложил перенести обсуждение данного вопроса, так как министр внутренних дел (коммунист Носек) на заседании правительства опять не присутствовал. Министры от ЧНСП, ЧНП и демпартии отказались обсуждать все иные вопросы и пригрозили коллективной отставкой.

Вопрос о возможной отставке министров некоммунистических партий детально обсуждался еще 16 февраля на частном совещании лидеров ЧНСП дома у министра юстиции Дртины. Было принято решение обязательно спровоцировать правительственный кризис до 22 февраля, то есть до съезда заводских советов. Понимая, что идея национализации популярна среди подавляющего большинства избирателей, собравшиеся решили сделать предлогом для разрыва с коммунистами не национализацию, а уже давно педалировавшийся ЧНСП вопрос о засилье коммунистов в органах безопасности.

Следует подчеркнуть, что, решив угрожать отставкой министров, лидеры ЧНСП Зенкл, Рипка, Странский, Крайна и Дртина нарушили устав самой ЧНСП. Такого рода вопрос подлежал обсуждению правлением партии, но от правления (как, впрочем, и от всех функционеров и членов ЧНСП) итоги совещания на квартире Дртины скрыли. Позднее авторы кризиса мотивировали это нарушение внутрипартийной демократии тем, что один из членов правления ЧНСП Шлехта якобы был информатором коммунистов и советского посольства [\[823\]](#). Однако даже если это было правдой, неясно, почему вопрос об отставке являлся столь секретным и как, собственно, отставку могли бы предотвратить коммунисты, узнай они об

этом заблаговременно. Более вероятно иное объяснение келейности принятия судьбоносного решения – лидеры ЧНСП понимали, что большинство членов собственной партии их не поддержат.

На следующий день, 17 февраля, министры от ЧНСП провели совещание со своими коллегами от ЧНП и словацких демократов. По воспоминаниям Дртины, совещающиеся решили «вызвать кризис на почве спора по вопросу о полиции и избежать таким образом того, чтобы кризис был вызван коммунистами на основе обсуждения новых социально-экономических требований, которые они собираются выдвинуть на своих революционных съездах^[824]. Это обстоятельство делает необходимым подать в отставку до съезда заводских советов...»^[825]

Отставку кабинета и отдельных министров принимал президент Бенеш. Он мог либо распустить парламент, назначить новые выборы и сформировать временное непартийное технократическое правительство, либо поручить премьеру сформировать новое правительство, пользующееся доверием парламента. Имел право президент и отвергнуть прошение министров об отставке. Однако Бенеш не мог заставить премьера и все правительство уйти в отставку, если в кабинете сохранялось более половины его членов. Отправить правительство в отставку целиком мог только парламент выражением вотума недоверия.

17 февраля правительство собралось на свое очередное, 134-е заседание. Зенкл немедленно потребовал отчета Носека о выполнении решения от 13 февраля, но Готвальд ответил, что министр внутренних дел еще болен, однако обязательно прибудет на следующее заседание кабинета. Тогда Зенкл потребовал отчета о положении в МВД от самого премьера, на что тот ответил, что не владеет детальной информацией. Стало ясно, что никакой конструктивной дискуссии далее не последует.

В 11:55 Готвальд прервал заседание и посетил Бенеша, проинформировав его о правительственном кризисе. В беседе, длившейся 55 минут, премьер сказал, что некоммунистические партии фактически блокировали деятельность кабинета и хотят заменить его технократическим правительством специалистов. Бенеш эту идею отверг и подчеркнул, что в правительстве должны быть, по его мнению, представлены все парламентские партии (то есть, в числе прочих, и коммунисты).

В 15:50 заседание правительства возобновилось и сразу переросло в бурный спор, сопровождавшийся взаимными нападками. В 16:20 заседание было прервано и отложено на 20 февраля – предполагалось, что к этому

дню министр внутренних дел Носек уже выздоровеет.

Пока Готвальд был у президента, министры от ЧНСП, ЧНП и демпартии договорились предъявить коммунистам ультиматум: либо они соглашаются на назначение заместителя министра внутренних дел – некоммуниста, либо министры-некоммунисты 20 февраля уходят в отставку. Министр снабжения социал-демократ Майер поддержал решение об ультиматуме, хотя руководство ЧСДП и другие министры социал-демократы об этом ничего не знали. Зенкл обещал выяснить позицию Бенеша.

Но первым к Бенешу вечером 17 февраля пришел Майер, который вместо заранее запланированной темы встречи (повышение зарплаты госслужащим) обвинил коммунистов не только в засилье в органах госбезопасности, но и в том, что КПЧ незаконно передает на заводы оружие. Бенеш якобы поддержал Майера в том, что нельзя больше уступать коммунистам.

ЦК КПЧ, в свою очередь, призвал своих сторонников к повышенной бдительности. В воззвании говорилось: «В настоящий момент необходимо, чтобы все трудящиеся, рабочие, крестьяне, ремесленники, интеллигенты, все демократические и прогрессивные люди без различия партийной принадлежности, все чехи и словаки были готовы всеми силами в самом зародыше уничтожить все подрывные замыслы реакции и защитить интересы государства и нации».

КПЧ решила немедленно создать постоянные штабы в районных комитетах партии и на крупных предприятиях, чтобы быстро информировать всех членов партии о развитии ситуации в стране. Сказалась хорошая организация коммунистов, так называемая система десятков. «Десятниками» становились наиболее идеологически подготовленные коммунисты, которые должны были держать в курсе всех решений партийного руководства восемь-десять членов партии, знакомых им лично. Таким образом, в КПЧ сложился актив из 120 тысяч членов, который можно было с помощью отлично налаженной телефонной и курьерской связи быстро мобилизовать на разъяснительную работу среди населения или на подготовку массовых демонстраций в поддержку партии.

С 17 февраля райкомы КПЧ вместе с активом заседали практически непрерывно. После этих заседаний активисты организовывали собрания членов партии и сочувствующих на предприятиях и учреждениях. Люди с интересом слушали поступающие из Праги сведения – на собраниях иногда присутствовали тысячи человек.

Приказом министра внутренних дел органы госбезопасности в Праге,

а затем и в целом по стране 20 февраля после 18:00 были переведены в режим повышенной готовности. Части погранвойск КНБ перебрасывались к столице.

19 февраля 1948 года агент V-101 сообщил, что национальные социалисты, лидовцы и словацкие демократы на встрече, прошедшей накануне, условились подать в отставку. Инициировать кризис должны были национальные социалисты, полагавшие, что некоммунисты в органах госбезопасности начали «поднимать голову» и поэтому их нельзя сейчас бросить на произвол судьбы^[826]. Но демократы побаивались, что, как и осенью 1947 года, национальные социалисты в последний момент договорятся с компартией и «сдадут» их самих. В оценке сообщения агента в МВД говорилось: «Президент Бенеш относится к нынешнему правительственному кризису с иронией, что агент V-101 считает очень опасным. Именно так он говорил в последний раз с председателем правительства и напомнил тому, что надо выполнять решения правительства. В целом среди национальных социалистов преобладает мнение, что коммунисты теряют спокойствие. Профсоюзный съезд (съезд заводских советов – *Прим. автора.*) они считают не таким уж грозным и важным, как его представляют коммунисты...»

Если коммунисты быстро узнали о грозящем правительственном кризисе, то члены ЧНСП были растеряны и не понимали, что, собственно, происходит. 18 февраля Зенкл созвал чрезвычайное заседание правления ЧНСП, которое оценило готовящийся съезд заводских советов как «недемократический» и одобрило действия министров – членов партии. Правление решительно высказалось против дальнейшей национализации. Этим национальные социалисты фактически объявили открытую войну не только коммунистам, но и профсоюзам.

Зенкл поручил депутату от ЧНСП Ота Горе немедленно выехать в местечко Карлова-Студанка, где проходили в тот момент лыжные соревнования финансовой стражи. Гора должен был заручиться там вооруженной поддержкой в противостоянии с коммунистами. Он сказал собравшимся финансовым стражникам: «...мы встали на опасный, но единственно возможный путь с верой в то, что все будет решено путем парламентской демократии. Но если этого не произойдет, коммунисты, скорее всего, совершат вооруженный путч. Поэтому я спросил присутствующих членов финансовой стражи, как они поведут себя в случае путча, сколько у них оружия и как они будут действовать, если президент в качестве верховного главнокомандующего чехословацкой армии даст приказ защищать республику... Ответ был немедленным и ясным:

финансовая стража в это судьбоносное время не предаст и готова защищать свободу, демократию и независимость республики, как только получит приказ!»^[827]

18 февраля 1948 года на заседании руководства Национального фронта представители ЧНСП, ЧНП и демпартии пригрозили бойкотировать заседания правительства до решения вопроса о положении в МВД. ЧСДП высказалась за сохранение кабинета и поиск компромисса.

Бенеш в этот же день встретился с министрами – членами ЧНСП (заместителем премьера Зенклом и министром внешней торговли Рипкой) и якобы поддержал их угрозу прибегнуть к отставке, сказав: «Я тоже не уступлю. Можете на меня рассчитывать». Позднее, однако, Бенеш отрицал это.

Представляется, что Рипка и Зенкл выдали желаемое за действительное, чтобы подбодрить сторонников отставки. Ведь без участия в игре президента весь правительственный кризис не имел смысла. Если бы Бенеш принял отставку министров, Готвальд сформировал бы новое правительство уже без своих ярых противников в рядах ЧНСП и ЧНП.

Бенеш не был идейным сторонником коммунистов, но лучше своих единомышленников из ЧНСП понимал их реальную силу в народе, особенно среди рабочих и крестьян. Поэтому он сознавал, что в случае открытого политического противостояния КПЧ переиграет ЧНСП. Рассчитывая на поддержку Сталина, Бенеш знал, что даже после прихода к власти более левого правительства все равно останется президентом, так как Готвальд не сможет сместить его без санкции Кремля. Как и министр иностранных дел Масарик, Бенеш хотел только одного – остаться на своем посту.

10 сентября 1947 года у Бенеша состоялся разговор с лидером ЧНСП Зенклом, ярым антикоммунистом. По словам Зенкла, Бенеш уговаривал его уехать за границу, если произойдет путч.

«Я решил тебе кое-что сказать. У наших коммунистов я не исключаю абсолютно ничего. Они готовы отважиться на все, даже на насильственный путч. Если это случится, ты должен немедленно эмигрировать, иначе они с тобой разберутся. Слышишь? Они тебя точно казнят». Я спросил президента: «А ты тоже готов уехать?» Президент с волнением ответил: «Я уж не поеду. Я останусь. В эмиграции я уже не был бы так полезен, как в прошлом. Я тяжело болен, а три эмиграции за одну жизнь – слишком много. Меня коммунисты, скорее всего, пощадят...»^[828]

Таким образом, получив сведения о готовящейся отставке министров,

Бенеш просто решил выждать, чья возьмет. Он полагал, что при победе любой из сторон сможет сохранить пост президента. Поэтому высказываниям Бенеша в тот период были свойственны крайние неопределенность и осторожность – он не хотел давать повода для нападок на себя ни одному из противоборствующих лагерей.

По словам Рипки, президент на встрече с ним и Зенклом заявил, что никогда не согласится с правительством, в котором будут отсутствовать две или три партии Национального фронта. Рипка сказал, что напряженность между США и СССР растет и это благоприятный момент для правительственного кризиса. Он считал, что отставку министров-некоммунистов необходимо осуществить до 22 февраля: в этот день съезд заводских профсоюзных комитетов наверняка примет программу углубления национализации, и правительству придется с ней считаться. К тому же национализацию поддержат и социал-демократы, что приведет к распаду единого антикоммунистического блока в кабинете министров. Поэтому действовать надо немедленно. Бенеш, по воспоминаниям Рипки, ответил: «Думаю, вы правы... То, что вы мне сказали о съезде (заводских советов), очень важно. Мы должны за этим следить. Но главное – будьте тверды. Увидите, что коммунисты уступят только перед лицом угрозы правительственного кризиса. Идите на это, но только не поскользнитесь»^[829].

Напоследок Рипка заверил президента, что кризис произойдет в течение 14 дней, но прошение об отставке министров ЧСНП, ЧНП и демпартии президент получит в течение 48 часов. С точки зрения Рипки, не было никаких сомнений, что к отставке присоединятся и министры – социал-демократы.

Позднее, 27 февраля 1948 года посол США в Праге Стейнхардт сообщил в Вашингтон со ссылкой на близкого соратника Бенеша министра иностранных дел Масарика, что президент ничего не знал о готовящейся отставке министров и был ею сильно удивлен. К тому моменту некоммунистические партии уже проиграли, и Бенеш, видимо, отправдывался перед американцами за то, что фактически поддержал коммунистов.

Хотя Бенеш вел себя на встрече с Рипкой и Зенклом очень осторожно, в тот же день, 17 февраля, Зенкл и Рипка информировали руководство ЧНСП о якобы твердой позиции президента, что способствовало принятию окончательного решения об отставке министров-некоммунистов. Рипка и Зенкл явно ввели своих коллег в заблуждение. Но если бы они рассказали о линии Бенеша всю правду, министры вряд ли решились бы на отставку.

В четверг 19 февраля на заседаниях руководящих органов ЧНСП, ЧНП и демпартии было принято решение уйти из правительства, если Готвальд не согласится расследовать положение дел в МВД. Готвальду об этих планах сообщили, и коммунисты тщетно пытались уговорить колеблющихся социал-демократов образовать двухпартийное левое правительство (формально имевшее большинство в парламенте, правда, всего в один голос).

Лидеры ЧСДП Лаушман (председатель партии), Тимеш (заместитель премьера) и генеральный секретарь партии Вилим посетили Бенеша и рассказали ему о предложении КПЧ образовать левое правительство, в котором социал-демократы получили бы шесть мест. ЧСДП в качестве условия потребовала вернуть на прежние должности 60 офицеров МВД, сторонников ЧСДП.

После социал-демократов Готвальд опять посетил Бенеша, и тот еще раз заверил, что он против технократического правительства, а в случае правительственного кризиса вновь поручит Готвальду, как лидеру сильнейшей парламентской партии, сформировать кабинет министров.

В этот же день свой отпуск прервал американский посол в ЧСР Стейнхардт, срочно вернувшийся в Прагу (посол сдал билет на пароход и прилетел из США самолетом).

Прямо на аэродроме Стейнхардт в беседе с журналистами выразил уверенность, что Чехословакия все-таки присоединится к плану Маршалла. А на приеме в американском посольстве, где присутствовали и подавшие позднее в отставку министры, он заявил, что правительственный кризис в ЧСР пришелся «очень кстати», и выразил сожаление, что он не произошел годом раньше. Стейнхардт обещал ЧСР американский кредит в размере 25 миллионов долларов, если коммунисты будут вытеснены из правительства.

В Вашингтон посол сообщал, что «коммунисты агрессивны, смелы и достаточно организованы, чтобы извлечь выгоду из ситуации».

Также 19 февраля в Прагу прибыл заместитель министра иностранных дел СССР В. А. Зорин с целью обсуждения вопросов поставок советского зерна. Он якобы предложил Готвальду попросить СССР о помощи, но лидер коммунистов сказал, что рассчитывает справиться с кризисом своими силами и в рамках законности.

20 февраля 1948 года на заседание правительства, на котором должен был отчитаться министр внутренних дел, явились только министры от КПЧ и ЧСДП. Остальные письменно проинформировали Готвальда об отставке, даже не захотев выслушать Носека. При этом Носек как раз должен был рассказать коллегам о раскрытии организации Райхля в Мосте.

Министр юстиции Дртина заверил своих коллег от ЧНП и демпартии, что президент их поддержит, так как в противном случае он предаст сам себя. Дрдине верили, поскольку он с 1935 года был личным секретарем Бенеша и его отношения с президентом носили доверительный характер^[830].

Лидер ЧНСП Зенкл в районе полудня позвонил Бенешу и сообщил об отставке и начале правительственного кризиса. Тот якобы ответил: «Наконец-то! А теперь осторожно. Никаких ошибочных шагов». Однако сотрудники канцелярии Бенеша, присутствовавшие при разговоре, утверждали, что ничего подобного президент не говорил. Положив трубку, он в сердцах произнес: «Идиоты! О таких важных вещах они сообщают по телефону!»

Агент V-101 21 февраля сообщил, что решение об отставке инициировали национальные социалисты (Зенкл, Дртина и Крайна), за которыми стоит канцелярия президента. Дртина заявил, что полон оптимизма и рассчитывает на скорую победу. «Маневрирование социал-демократов вчера было действительно интересным. До восьми часов вечера лавировали и лидовцы. После восьми вечера они заявили, что пойдут сами и своим путем. В полночь Лаушман позвонил Пиетору и сказал, что решающей для социал-демократов является позиция президента республики. Только в том случае, если она окажется для них полностью неприемлемой, они сохраняют за собой свободу ведения дальнейших переговоров». Министр иностранных дел Масарик, по данным агента, решил баллотироваться в парламент от социал-демократов. Он имел предложения и от ЧНСП и ЧНП, но Бенеш просил его усилить правое крыло ЧСДП. Чтобы уклониться от публичных заявлений относительно правительственного кризиса, Масарик договорился с Зенклом, что скажется тяжело больным и будет «болеть» минимум неделю.

Зенкл, по сообщениям агента V-101, считал, что в течение самое большее двух дней после отставки коммунисты сдадутся и примут все требования национальных социалистов. Решение коммунистов прибегнуть к массовым демонстрациям ввергло заговорщиков в панику – на это они не рассчитывали. Но все же оставалась надежда на Бенеша – своих ближайших соратников Дртину и Рипку президент, дескать, «сдать» не может. Лидовцы и демократы, между тем, уже надеялись, что из правительства выбросят лишь национальных социалистов, а сами они займут освободившиеся места^[831].

Лидеры ЧНСП, ЧНП и демпартии условились воздерживаться от

любых демонстраций, чтобы правительственный кризис «решался не на улице». Но на самом деле они просто понимали, что не смогут вывести на демонстрации в свою поддержку много людей.

Примечательно, что, согласовав собственную отставку, ЧНСП, ЧНП и демпартия не проинформировали о своем намерении министров от ЧСДП и беспартийных министров, которых известие застало врасплох. Постфактум лидеры ЧСНП пытались убедить социал-демократов последовать их примеру, но безуспешно. Министр иностранных дел Масарик прямо отказался уйти в отставку и публично выразил свое возмущение, хотя и продолжал за закрытыми дверями двойную игру.

Таким образом, получалось, что кабинет покинули только 12 министров из 26, то есть меньшинство. Это давало Готвальду право просить президента принять отставку министров и поручить ему сформировать новый кабинет. Премьер немедленно (в 15:40 20 февраля) посетил президента вместе с министрами обороны и внутренних дел, предложил ему принять отставку 12 министров и доверить ему пополнить состав правительства новыми членами. Позднее на встречу прибыли два офицера госбезопасности, которые подробно рассказали Бенешу о «деле шпионской группы в Мосте».

Пока Готвальд был у Бенеша, в резиденцию президента в Пражском Граде прибыл генеральный секретарь ЧСНП Крайна с формальным прошением министров ЧНСП об отставке. Так как глава государства был занят, прошение отдали начальнику канцелярии президента. Затем прошения об отставке доставили и представители демпартии и ЧНП. Бенеш, по словам Рипки, решительно поддержал министров-некоммунистов: «Конечно же, я не приму вашу отставку. Коммунисты должны капитулировать. На этот раз они просчитались. Сейчас важно ускорить выборы. Потери на них коммунистов будут более серьезными, чем предполагается. Можете на меня полностью положиться, я не уступлю».

КПЧ в своем воззвании требовала от президента принять отставку 12 министров. В заявлении Президиума ЦК КПЧ отмечалось: «Безответственное поведение представителей некоторых политических партий становится более опасным на фоне следующих фактов: оказалось, что некоторые влиятельные лица путем нападок на органы национальной безопасности должны были прикрывать развернувшуюся шпионскую деятельность, которая приняла необыкновенные размеры и свидетельствует об обширном заговоре иностранной и внутренней реакции против нашей республики (намек на требование лидеров ЧНСП освободить задержанных

по делу группы Райхля – Прим. автора.). Необходимо заклеить как предательство тот факт, что центральный орган национально-социалистической партии газета «Свободное Слово» называет уличенных шпионов «соблазненными людьми», и это пишется в тот момент, когда министр внутренних дел Носек и министр национальной обороны генерал Свобода должны предложить чрезвычайные меры для того, чтобы обезопасить наше государство от оравы шпионов, засылаемых к нам с Запада и уже действующих в связи с возобновлением шпионской службы секретного германского генерального штаба (имелась в виду созданная американцами в своей оккупационной зоне Германии «организацию Гелена» – Прим. автора.)»^[832].

Коммунисты, в отличие от своих противников, решили активно привлекать на свою сторону общественность. В пятницу 20 февраля на 23:15 было созвано экстренное совещание секретарей районных организаций КПЧ в Праге. Было решено уже утром 21 февраля организовать в столице мощную демонстрацию в поддержку Готвальда. Для этого постановили созвать в пять часов утра актив заводских организаций, чтобы сразу же отправить на демонстрацию утренние смены заводов столицы.

Компартия и РПД организовали в поддержку требования принять отставку 12 министров многочисленные массовые митинги на заводах по всей стране. Рабочие крупнейшей военной фабрики ЧСР «Збройовки» в Брно приняли резолюцию, в которой говорилось: «Изменники и покровители шпионов не смеют вернуться в правительство!» Рабочая милиция на заводах была приведена в повышенную готовность. В случае необходимости предполагалось использовать ее бойцов и вне предприятий, на которых они трудились. Национальные комитеты по инициативе компартии стали повсеместно формировать комитеты действия на предмет обострения ситуации.

21 февраля в 10:00 КПЧ и РПД собрали на Староместской площади в Праге многотысячный митинг (100 тысяч участников). На нем требование принять отставку 12 министров поддержали и некоторые выступившие перед манифестантами члены ЧНСП и ЧСДП. Бенеш в 15-минутной беседе с пятью делегатами митинга подтвердил, что он против технократического кабинета и правительства без коммунистов. Президент заявил также, что без Готвальда не может быть никакого правительства, – более того, новое правительство должен возглавить именно председатель самой сильной партии, то есть КПЧ.

Правда, на реплику главы делегации рабочего-коммуниста Козелки,

что президент должен считаться с волей народа, Бенеш высокомерно ответил: «Ну, так далеко мы еще не дошли, чтобы улица решала, принимать мне или не принимать отставку членов правительства». «Правда» отмечала: «Касаясь требования об удовлетворении просьбы об отставке министров, заявивших об отставке, президент уклонился от прямого ответа на этот вопрос»^[833].

В тот же день, 21 февраля, массовые митинги в поддержку Готвальда прошли и в других городах. Например, в столице Моравии Брно профсоюзы вывели на улицу 40 тысяч человек (из примерно 270 тысяч населения города). 9000 рабочих оружейной фабрики Брно – знаменитой на весь мир «Збройовки» – приняли резолюцию с осуждением отставки министров.

Пока компартия демонстрировала свою мощь на улицах чешских городов, ЧНСП ограничилась выступлениями лидеров партии на активах местных организаций. Многие члены партии по-прежнему не понимали, почему вдруг их министры ушли из кабинета. Ведь о «засилье» коммунистов в МВД партия твердила уже целый год. Реальную же причину отставки – боязнь новой волны национализации и съезда заводских советов – лидеры ЧНСП своим партийцам не разгласили.

Кризис привел к мобилизации сторонников КПЧ и к росту рядов самой партии. Только за 14 дней февраля, к 20 февраля 1948 года, в КПЧ вступили 31 530 новых членов, в том числе 2461 перешел из ЧНСП, 1315 – из ЧНП.

Для Москвы кризис стал полной неожиданностью. Советская печать в начале 1948 года практически ничего не писала о Чехословакии, так как никаких особых новостей там не было. Если бы КПЧ действительно замышляла какой-то «путч», то «Правда» наверняка идеологически подготовила бы его нападка на противников коммунистов в ЧСР. Однако центральный орган советских коммунистов после 20 февраля 1948 года ограничивался лишь перепечаткой некоторых материалов КПЧ. Никаких нападок на Бенеша советская печать не допускала.

Только 22 февраля в своем воскресном номере «Правда» поместила редакционный комментарий под названием «Происки международной реакции в Чехословакии»: «...Реакционные партии в Чехословакии не случайно избрали этот период для своего наступления. Национальный фронт крепнет и растет, превращаясь в действительно широкое объединение всех демократических сил страны, а не в простую коалицию партий и их лидеров. На основе замечательных достижений народной демократии и быстрого повышения благосостояния масс в связи с

успешным выполнением двухлетнего плана растет авторитет коммунистической партии. Наконец, правительство Готвальда энергично ведет борьбу с происками зарубежной реакции, вылавливая диверсантов и обезвреживая шпионские гнезда. Все это вселяет тревогу в сердца тайных и явных пособников реакции, боящихся разоблачений своих связей с зарубежными врагами республики...

Группировка трех партий... составила заговор против Национального фронта в Чехословакии. Эта группировка, действующая по указу извне, вызвала правительственный кризис, своим безответственным поведением поставив республику в опасное положение и создав угрозу ее благополучию... Но эти попытки не могут не окончиться провалом...»^[834]

Находившийся в Праге заместитель министра иностранных дел и бывший посол СССР в ЧСР Зорин встретился с министром транспорта демократом Пиетором и, по сообщению агента V-101, сказал: «Ошибаются те, кто думает, что я приехал в ЧСР, чтобы укротить коммунистов. Москва приветствует активность коммунистов. Но она не понимает позицию господина президента и не понимает, на что господин президент и три партии (ЧНСП, ЧП и демократы – *Прим. автора.*) в ЧСР надеются»^[835].

Из американского посольства в Праге стали распространяться слухи (со ссылкой на атташе по печати Коларека), что западные державы готовы требовать от России «освобождения Чехословакии».

Компартия, между тем, продолжала переговоры с левым крылом ЧСДП и заручилась поддержкой двух депутатов ЧНП, изъявивших готовность войти в новый кабинет. Пока на Староместской площади шел митинг, Бенеш принял делегацию руководства ЧСДП (Лаушман, Тимиш и Вилим), которые охарактеризовали решение об отставке 12 министров как большую политическую ошибку. После социал-демократов к президенту приехал Готвальд, передавший резолюцию митинга в Праге. Бенеш решил после этого вообще уехать из столицы, сославшись на «усталость». Президент передал Дртинe через своего сотрудника, что некоммунистическим партиям тоже следовало бы организовать массовые митинги в свою поддержку. Дртина был удивлен и просил передать президенту, что кризис надо решать не на улице.

21 февраля части заводской стражи были преобразованы в отряды Рабочей милиции (позднее Народной милиции). Части милиции формировались по производственному принципу, и больше всего их появилось на столичных предприятиях (примерно 6-7 тысяч бойцов). С фабрики «Збройока» (Брно) 23-24 февраля в Прагу для вооружения

народной милиции было отправлено под охраной сотрудников госбезопасности 10 тысяч винтовок и 2 тысячи автоматов. 3 тысячи винтовок для этих же целей перевезли в Братиславу.

Рабочую (народную) милицию возглавил коммунист, ветеран гражданской войны в Испании Йозеф Павел, который в 1947-1948 гг. руководил отделом безопасности ЦК КПЧ^[836]. Политическим комиссаром милиции стал один из будущих лидеров Пражской весны 1968 года коммунист Йозеф Смрковский.

22 февраля в Праге открылся запланированный заранее съезд заводских советов, на котором присутствовали 7914 делегатов со всей страны. Готвальд под овацию закончил свое выступление словами: «Вперед, ни шагу назад!» Съезд не только поддержал позицию КПЧ (против голосовали лишь 10 делегатов), но и потребовал скорейшего принятия новой конституции и национализации всех предприятий с количеством занятых более 50 человек. На съезде было решено провести 24 февраля 1948 года одночасовую предупредительную всеобщую забастовку. В 14:00 часов съезд закончил работу пением «Интернационала» и послал приветственную телеграмму Бенешу.

Сам Бенеш предпочел провести 22 февраля в своей загородной резиденции, чтобы избежать неприятной встречи с делегацией съезда заводских советов.

В этот же день прошел съезд Общества советско-чехословацкой дружбы, на котором с «кислыми лицами» (как писал один из очевидцев) присутствовали и подавшие в отставку министры. Министр транспорта Пиетор (член демпартии) демонстративно и громко аплодировал при всяком упоминании Советского Союза и Сталина.

В канцелярию Бенеша пришло 5327 телеграмм (в том числе 1037 только 21 февраля), из которых лишь 150 выражали поддержку некоммунистическим партиям.

Вернувшийся в Прагу Бенеш принял лидера ЧСДП Лаушмана и лишь раз убедился, что социал-демократы не примкнули к отставке. Президент поручил после встречи с Лаушманом сообщить лидерам ЧНСП, что готов принять отставку 12 министров. Бенеша интересовало, как к его решению отнесется ЧНСП, не поддержит ли партия позицию президента. Собравшиеся на встрече лидеры национальных социалистов были потрясены. Рипка кричал, что Бенеш, конечно, волен принять отставку, но не может требовать от них полной капитуляции. Бенешу написали письмо, в котором признавалось право президента принять отставку, но подчеркивалось, что ЧНСП с таким решением несогласна. ЧНСП обещала

в письме организовать после всеобщей забастовки 24 февраля собственные массовые уличные акции. Лидеры ЧНСП также просили президента немедленно принять их.

Между тем по приказу министра внутренних дел в Праге были взяты под охрану мосты, радио, телеграф и некоторые правительственные здания. МВД сообщило 23 февраля о причинах этого шага: «В период правительственного кризиса благодаря решительным мерам, предпринятым в целях безопасности, нигде на территории республики не были нарушены жизнь, спокойствие и порядок. Общественный покой и порядок были обеспечены благодаря тому, что органы министерств национальной обороны и министерства внутренних дел вовремя раскрыли подготовку национально-социалистической партии к антигосударственному вооруженному путчу. Целью этого путча было сразу же после подачи в отставку министров, представлявших в правительстве национально-социалистическую партию, захватить власть в свои руки... Антигосударственный вооруженный путч готовился в военных комиссиях национально-социалистической партии, которые имели тесную связь с политическими деятелями. Заговорщики контролировали положение воинских частей и корпуса национальной безопасности и производили вооружение своих людей за счет оружия, находившегося в распоряжении Союза обороны (обороноспособности). Заговорщики вели подготовку к захвату радиостанции... В ночь с 22 на 23 февраля воинские и гражданские органы безопасности обнаружили документы, проливающие свет на события последних дней. В 12-м районе Праги были арестованы два офицера чехословацкой армии, а именно штабс-капитан Тейхман (член военной комиссии земской организации национально-социалистической партии) и штабс-капитан Ярослав Пемечек – член военной комиссии ЦК НСП. У арестованных офицеров обнаружено нелегально хранившееся оружие и документы, подтверждающие, что ответственные деятели национально-социалистической партии намеревались произвести антигосударственный военный переворот, занять общественные здания и вызвать гражданскую войну. Тейхман должен был занять радиостанцию Праги в 12-м районе или ее разрушить»^[837].

22 февраля 1948 года был создан Главный штаб Рабочей милиции, а на следующий день при поддержке органов госбезопасности с военных заводов Брно в Прагу для вооружения милиционеров, как уже упоминалось, было доставлено 10 тысяч винтовок и 2 тысячи автоматов. Однако, оружие (около 6 тысяч винтовок и по 10 патронов на винтовку) было выдано милиционерам в Праге лишь 25 февраля. Уже после

окончания политического кризиса части милиции 26 февраля стали формироваться централизованно по всей стране. Например, в Словакии в конце февраля имелось 6700 рабочих милиционеров, только треть которых были вооружены.

Милиция с 23 февраля помогала сотрудникам полиции нести патрульную службу, главным образом в столице. В милицию хотели вступить столько добровольцев (в том числе и женщин), что набор даже пришлось ограничить, – оружия все равно на всех не хватило бы. 23 февраля 33 грузовика привезли для пражской народной милиции примерно 10 тысяч винтовок и 2 тысячи автоматов. Боеприпасы передали со своих складов КНБ и армия.

В этот же день словацкие части «рабочей милиции» (ее еще называли «национальной») получили 2 тысячи винтовок и 500 автоматов. Бывшие словацкие партизаны создали 21 февраля Главный штаб для мобилизации партизан на случай возникновения вооруженного противостояния. 3600 мобилизованных бывших партизан помогали КНБ охранять порядок на улицах. Вечером 23 февраля рабочая милиция заняла штаб-квартиру демократической партии.

Между тем чешские социал-демократы все еще колебались, но в понедельник 23 февраля заявили о своей поддержке планов дальнейшей национализации и отказе примкнуть к отставке 12 министров. Одновременно из рядов ЧСДП были исключены члены партии, выступившие на митинге в Праге 21 февраля.

Вечером 23 февраля организованная национальными социалистами 10-тысячная демонстрация студентов и школьников дошла до резиденции президента в Пражском Граде. Президент принял пять делегатов от демонстрантов, но отказался, как они того требовали, публично поддержать некоммунистические партии и высказаться против коммунистов. Студенты были шокированы безволием Бенеша. Один из них позднее сказал, что демократия умерла в градском кабинете у них на глазах.

Однако на самом деле Бенеш проявил политическую мудрость – ведь делегация студентов еще и просила президента призвать армию выступить против организованных коммунистами демонстраций^[838]. Но Бенеш не дал ввергнуть страну в гражданскую войну. Он сказал: «Ведь мы демократы – поэтому должны решить весь наш национальный кризис дискуссиями и до последней минуты стараться найти компромисс». Делегация ответила ему, что поздно продолжать дискуссии, что коммунистический путч в Праге в полном разгаре, что нужно защищать республику всеми средствами и что народ будет его поддерживать во всем, что он предпримет в этом

направлении. Но именно в этом-то Бенеш и сомневался: «...президент ответил, что у него много телеграмм, требующих реконструкции правительства, и, обратившись к канцлеру Смутному, попросил их принести...» Студенты твердили, что весь поток телеграмм срежиссирован коммунистами, хотя непонятно, что мешало ЧНСП сделать то же самое.

На обратном пути демонстрация студентов была разогнана полицией.

Позднее Масарик сказал Стейнхардту, что коммунисты не мешали Бенешу выступить по радио, но плохое физическое состояние президента не позволило ему этого сделать.

На очередной встрече с Готвальдом Бенеш, как обычно, маневрировал. Он предложил, чтобы новое правительство Готвальда получило вотум доверия парламента перед формированием президентским указом. Готвальд логично отвечал, что вотум может выноситься только в отношении уже приведенного президентом к присяге кабинета. Бенеш был вынужден согласиться с этим доводом. Готвальд назвал президенту имена членов ЧНСП и ЧНП, которые уже выразили готовность войти в новое правительство.

После Готвальда Бенеш принял представителей ЧНСП (всех подавших в отставку членов кабинета) и сообщил, что коммунисты не готовы идти на уступки. Бенеш сравнил ситуацию в стране с Мюнхеном 1938 года. Как вспоминал Рипка, президент опять обещал, что не примет отставку министров и в крайнем случае подаст в отставку сам. То же слышали от Бенеша и представители ЧНП, которых президент принял сразу после национальных социалистов. На самом деле Бенеш в отставку не собирался, якобы из-за того, что не хотел видеть своим преемником Фирлингера.

По телефонному сообщению агента V-101 от 24 февраля, лидеры демпартии вернулись со встречи с Бенешем полностью «раздавленными». Президент, мол, озабочен уже только своим местом в истории и готов принять отставку министров.

В полдень 24 февраля в стране началась всеобщая часовая забастовка, в которой участвовали более 2,5 миллиона человек. Из 24 тысяч предприятий ЧСР к стачке не присоединились лишь 32 (две-три тысячи человек). Бенеш был потрясен, что в забастовке приняли участие все сотрудники его канцелярии, а забастовочный комитет МИД возглавил сам министр Масарик. Попытка национальных социалистов организовать в Праге массовую демонстрацию студентов провалилась – собрались не более 500 человек.

По решению профсоюза печатников был прекращен выпуск газеты ЧНСП. Железнодорожники постановили не перевозить «реакционную

печать» по стране. Иногда газеты и журналы выкидывали прямо из поездов. Некоторых партийных функционеров вызвали на допросы, но сразу же отпустили. Рабочая милиция вместе с левыми социал-демократами заняла штаб-квартиру ЧСДП. Левое крыло партии во главе с бывшим премьером Фирлингером грозило расколом и предлагало войти в кабинет Готвальда. В конце концов, социал-демократы заявили, что готовы участвовать в обновленном правительстве Готвальда.

На заседании правления ЧСДП правый социал-демократ Майер вынес на голосование предложение присоединиться к отставке министров от ЧНСП, ЧНП и демпартии. Майера поддержал брат президента Войта Бенеш, тем не менее, предложение было отвергнуто 42 голосами против 11.

На состоявшейся 22 февраля областной конференции моравских социал-демократов в Брно отставка министров была осуждена всеми выступавшими ораторами.

Все акции в штаб-квартирах партий и типографиях проводили только что сформированные комитеты действия Национального фронта.

23 февраля вечером состоялось заседание Центрального комитета действия «обновленного» Национального фронта. В нем помимо коммунистов, членов РПД, женских и молодежных организаций участвовали представители руководства ЧНСП, ЧСДП и ЧНП (всего примерно 300 человек), которые были несогласны с отставкой 12 министров. Было решено создать новое правительство Национального фронта, в которое уже не должны были войти подавшие в отставку министры. Поддержку обновленному Национальному фронту выразил министр обороны Свобода.

Такие же комитеты действия возникли и во всех крупных городах страны. Например, в Брно моравский областной комитет действия из 39 человек избрал своим лидером молодого популярного политика Отто Шлинга. Его заместителями стали профессор Штефл (ЧНСП), депутат от ЧСДП Пажутова и профсоюзный деятель – лидовец Нидерле, который подчеркнул в дебатах, что народная партия полна предателей и коллаборационистов и должна быть от них очищена. Штефл, в свою очередь, отметил, что ЧНСП должна вернуться на те же позиции, которые занимала до выборов 1946 года, – позиции лояльного сотрудничества со всеми партиями Национального фронта.

Комитет действия Национального фронта в Брно одобрил следующее воззвание к населению: «Граждане и гражданки, братья и сестры, товарищи! Еще три года тому назад чешский народ мучился под немецким иггом. Три года тому назад в борьбе против немецких оккупантов единство

народа было для каждого чеха само собой разумеющимся. Сегодня, через три года антинародная реакция, находящаяся на службе заграницы, хочет разбить это единство народа. Она готовила вооруженный путч. На это наш народ дает ясный ответ: ОН ТРЕБУЕТ ПРАВИТЕЛЬСТВО БЕЗ АГЕНТОВ РЕАКЦИИ!

Наш народ объединяется вокруг правительства Клемента Готвальда и вокруг комитетов действия Национального фронта в едином усилии, направленном на выполнение Созидательной программы правительства Готвальда. Создавайте во всех городах и деревнях, заводах, учреждениях и институтах комитеты действия Национального фронта, органы народного единства.

Да здравствует прочный союз рабочих, крестьян, ремесленников и интеллигенции!

Да здравствует прочное правительство народа, правительство Клемента Готвальда, которое обеспечит путь к социализму!»^[839]

Следует подчеркнуть, что представители некоммунистических партий входили в комитеты действия Национального фронта вопреки официальной позиции руководства своих партий. Например, в городской комитет действия в Брно (в отличие от областного, моравского) лидовцы и национальные социалисты не вошли, хотя места в нем им были предложены.

Комитеты действия стали проводить чистку органов власти и самих политических партий от сторонников министров, подавших в отставку. Комитеты действия министерств не пропускали этих министров в здания.

В этот же день, 23 февраля 1948 года командование чехословацкой армии торжественно отметило очередную годовщину основания Советской армии и Военно-морского флота. В Высшей военной школе в присутствии Зорина генерал-полковнику Лелюшенко был вручен памятный подарок.

Также 23 февраля коммунисты взяли в свои руки власть в Словакии. Представители демпартии были удалены из Корпуса уполномоченных, и их места временно заняли коммунисты, члены Партии труда и Партии свободы.

24 февраля ЦРУ в своем анализе «очень быстро развивавшейся обстановки» в ЧСР отмечало, что чехословацкие коммунисты останутся на почве законности и будут избегать насильственных действий. Согласие на компромисс с буржуазными партиями означало бы для них «политическое самоубийство»^[840].

Госдепартамент в тот же день сообщал в порядке инструкции послу

США в Париже, что «захват власти коммунистами» в Чехословакии принципиально не меняет международную обстановку, сложившуюся после 1945 года^[841]. «Чехословакия верно поддерживала советскую политику в ООН и где бы то ни было, и установление коммунистического режима лишь кристаллизует и утверждает на будущее прежнюю чешскую политику».

Американцы, однако, опасались, что «чешский пример» окажется заразительным для стран Западной Европы, прежде всего Италии, и попытались сподвигнуть Францию и Англию на демарши в Праге, но те отказались, так как не видели для этого никаких правовых оснований.

Министр обороны Свобода издал 24 февраля приказ по армии, требовавший от военнослужащих невмешательства во внутривластные процессы. Министр иностранных дел Масарик приехал к Бенешу, чтобы узнать, как президент отнесется к его решению войти в новый кабинет Готвальда. Бенеш оставил вопрос на усмотрение самого Масарика. Сам он уже понял, кто выиграл, и решил принять отставку министров.

25 февраля архиепископ Праги Беран призвал верующих сохранять спокойствие.

Рипка же 25-го в личном письме Бенешу выразил удивление, что президент до сих пор не сказал ни слова в защиту подавших в отставку министров, на которых «обрушились потоки лжи и клеветы».

«Однако, несмотря на это, я считаю – и заверяю Вас, не по личным мотивам, а по хорошо продуманному политическим, – что Вы должны поддержать доктора Прокопа Дртину в той или иной форме»^[842].

Ведь именно Дртина, писал Рипка, взял на себя смелость начать обсуждение положения дел в МВД, что и спровоцировало правительственный кризис. Надо, чтобы народ знал, что «господин президент» всегда высоко ценил «работу и борьбу этого мужественного человека», безоглядно ему преданного.

Но усилия Рипки были напрасны – «господин президент» защищать своего ближайшего соратника не стал.

25 февраля Бенеш отказался встретиться с представителями ЧНСП. Тем временем комитеты действия из левых членов ЧНСП и ЧНП заняли штаб-квартиры этих партий. Бенеш не принял также делегацию военно-спортивной организации «Сокол», которая хотела предложить ему устроить массовые манифестации против коммунистов.

Уже утром Бенеш дал указание своему личному секретарю подготовить документ о принятии отставки 12 министров. После этого, в

11:00 Бенеш принял Готвальда, который передал ему новый список состава правительства, попросив не откладывать решение в долгий ящик. Примечательно, что Бенеш заявил, что ни в коем случае не грозит своей отставкой. Готвальд закончил беседу фразой: «Результаты нашего предложения могут быть только хорошими».

КПЧ готовила мощную демонстрацию на главной площади Праги – Вацлавской. В случае отказа Бенеша утвердить новый состав правительства демонстранты были готовы идти к Пражскому Граду. В 16:30 Бенеш принял Готвальда и сообщил, что согласен с отставкой 12 министров и одобряет предложенный премьером список нового кабинета. Готвальд сообщил о победе ликующим манифестантам на Вацлавской площади. Все, что правые партии сумели сделать, чтобы противостоять КПЧ, – организовать пятитысячную демонстрацию студентов, учителей и журналистов. Демонстранты пришли к Граду, но Бенеш отказался их принять.

Позднее Дртина писал: «Нас победили легче, быстрее и неожиданнее, чем я мог бы представить себе в самых черных своих мыслях. И самым трагичным моментом было то, что, вопреки своим обещаниям, это поражение закрепил сам президент республики доктор Бенеш. Этого я вообще никогда не предполагал, даже не мог себе этого представить... Я учитывал возможность нашего поражения, но всегда думал, что доктор Бенеш честно его с нами разделит...»^[843]

Дртина хотел застрелиться, но после того как патрон заклинило в стволе пистолета, решил выброситься из окна своей квартиры, что и сделал в ночь на 28 февраля 1948 года. Однако, квартира Дртины находилась на втором этаже, и он, упав в сугроб, остался жив.

Армия в февральских событиях сохранила нейтралитет. 23 февраля Готвальд прямо спросил министра обороны Свободу, с кем он. Генерал ответил, что он с народом, от которого новую чехословацкую армию нельзя отделить: «...А тот, кто нарушает это единство, возникшее в борьбе за свободу, кто вносит в это единство раздор и не хочет сотрудничать, кто подрывает нашу работу, плохо думает о республике, является врагом народа и должен быть отстранен»^[844].

В течение двух недель после победы КПЧ из армии были уволены 27 генералов и 344 офицера, позднее, в апреле 1948 года – еще 469 офицеров. В основном речь шла о тех военнослужащих, которые в годы войны боролись в составе чехословацких частей на западном фронте. Всего до мая 1949 года из рядов армии уволили 10 % офицерского состава.

США, Великобритания и Франция 26 февраля 1948 года осудили

события в Чехословакии как государственный переворот и установление «замаскированной однопартийной диктатуры». Трумэн потребовал от конгресса немедленного одобрения плана Маршалла, для «помощи Европе против коммунизма». Стейнхардт в шифровке госсекретарю Маршаллу потребовал прекратить любую моральную и материальную помощь ЧСР, которая была бы «диаметрально противоположна» интересам США. Посол даже предложил, чтобы американские оккупационные войска в Германии и Австрии задержали все грузы, предназначенные для Чехословакии, но госдепартамент отверг эту инициативу как «неуместную».

Американцы ожидали громадного потока чешских эмигрантов после февральских событий, но в этом месяце границу оккупационной зоны США в Германии перешли всего 153 гражданина ЧСР. В марте было обнаружен уже 1151 перебежчик, в апреле 1948 года – примерно 1800. Половину перебежчиков составляли судетские немцы, и их переход границы с Германией был никак не связан с событиями в Праге. С мая поток эмигрантов-чехов практически прекратился.

В сентябре 1948 года под влиянием кризиса в Чехословакии американская армия провела крупнейшие со времени окончания войны военные маневры в Европе. В учениях «Операция Нормальность» приняли участие 70 тысяч американских и тысяча британских военнослужащих.

В новом правительстве Готвальда по-прежнему были представлены все партии Национального фронта (13 коммунистов, три социал-демократа, по два представителя ЧСНП и ЧНП, один демократ и трое беспартийных).

В Словакии 26 февраля 1948 года ушел в отставку председатель Словацкого национального совета Леттрих (затем он эмигрировал). Председателем СНС стал коммунист Шмидке. В новом составе Корпуса уполномоченных КПС получила 11 мест из 15^[845].

9 мая, в годовщину освобождения страны от нацизма, парламент одобрил новую конституцию, провозглашавшую ЧСР страной народной демократии. На парламентских выборах 30 мая 1948 года партии Национального фронта выступили с единым списком, за который проголосовали 89,2 % избирателей. Абсолютное большинство мест в парламенте получили коммунисты и социал-демократы. 2 июня 1948 года Бенеш подал в отставку, и его пост занял Готвальд.

Таким образом, коммунисты одержали победу с реальной опорой на народные массы (прежде всего рабочих) и при полном соблюдении тогдашнего чехословацкого законодательства. После февральских событий 1948 года Чехословакия стала на путь построения социализма.

Список источников и использованной литературы

- Ветишка Р.* Прыжок во тьму. М., 1973
Внешняя политика ЧССР. М., 1981
Гамшик Д., Пражак И. Бомба для Гейдриха. М., 1965
Грзал Л., Нетопилик Я. Борьба против философского ревизионизма в Чехословакии. М., 1982
Гусак Г. свидетельство о словацком национальном восстании. М., 1969
История словакии. М., 2003
История Чехословакии. том III. М., 1960
Клемент Готвальд. Избранное. Воспоминания о Клементе Готвальде. М., 1986
Кретинин С. В. судетские немцы: народ без родины. 1918-1945. Воронеж, 2000
Лацо К. Конституция домюнхенской Чехословацкой республики. М., 1972
Лаштовичка Б. В лондоне во время войны. М., 1966
Леонтьев А. Империализм доллара в Западной Европе. М., 1949
Марьина В. В. советский союз и чехословацкий вопрос во время Второй мировой войны. Книга 1. 1939-1941 гг. М., 2007
Марьина В. В. советский союз и чехословацкий вопрос во время Второй мировой войны. Книга 2. 1941-1945 гг. М., 2009
Мурашко Г. П. Политическая борьба в Чехословакии в 1944-1948 гг. и национализация средств производства. М., 1986
Мухтасипов М. М. торжество правды. М., 1983
Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944-1948. М., 2004
Петерс И. А. Внешняя политика Чехословакии (1945-1960 гг.). Киев, 1976
Поп И. И. Чехословакия – советский союз. 1941-1948 гг. М., 1990
Рапош П. Чехословакия: путь к социализму. М., 1988
советский союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость. 1941-1945 гг. М., 1978
советский союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Московская конференция министров

иностранных дел СССР, США и Великобритании 19-30 октября 1943 г. сборник документов. М., 1984

советский союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Берлинская (Потсдамская конференция) руководители трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.). сборник документов. М., 1984 совещания Коминформа 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998

Фучикова Г. Воспоминания о Юлиусе Фучике. М., 1973

Шленова Н. А. Рабочий класс Чехословакии в годы строительства основ социализма. М., 1977

Янин А. А. Решающее сражение. М., 1978

Amort C., Jedlicka I. Hleda se zradce X. Praha, 1968

Arburg A. von. Das Protektorat Böhmen und Mähren 1939-1945 Ein kurzer Abriss seiner Entstehung und Entwicklung. GRIN Verlag, 2000

Arburg A. von. Die Besiedlung der Grenzgebiete der böhmischen Länder 1945-1950. GRIN Verlag, 2001

Ausky S. Vojska generala Vlasova v Cechach. Vysehrad, 1992

Bencik A., Kural V. Zpravodajstvi generala Piky a ti druzi. Praha, 1991

Benes E. Demokracie dnes a zitra. Praha, 1946

Benes E. Sest let exila a druhe svetove valky. Praha, 1946

Brandes D. Der Weg zur Vertreibung 1938-1945. München, 2001

Brenner Ch. „Zwischen Ost und West“: Tschechische politische Diskurse 1945-1948. München, 2009

Brod T., Cejka E. Na zapadni fronte. Praha, 1965

Bryant C. Prague in black. London, 2007

Cesky lid v boji proti fasismu. Praha, 1975

Ceskoslovensko-sovetske vztahy v diplomatickych jednanich 1939-1945. Dil II. Praha, 1998

Doudera K. Republika na uver. Praha, 1987

Drtina P. Ceskoslovensko: muj osud. Knihy I–II. Praha, 1991

Einheitsfront, Einheitspartei. Kommunisten und Sozialdemokraten in Ost–und Westeuropa 1944-1948. Köln, 1989

Faure J. Americky pritel. Praha, 2005

Fiala J. Zpráva o akci B. Praha, 1994

Hajkova A. Praha v komunistickem odboji. Praha, 1984

Heumos P., und andere, Polen und die böhmischen Länder im 19. und 20. Jahrhundert. München, 1997

Hoensch J., Geschichte der Tschechoslowakischen Republik 1918 bis 1965.

Stuttgart, 1966

Holian A. Between National Socialism and Soviet Communism: Displaced Persons in postwar Germany. University of Michigan, 2011

Hora O. Svedectvi o puce. Dily I–II. Praha, 1991

Hrabicovi P. a Z. Muz, který velel muzum. Praha, 1988

John M. Zari 1938. Role a postoje spojencu CSR. Praha, 2000

Kaplan K. The Short March: the Communist Takeover in Czechoslovakia 1945–1948. London, 1987

Karnik Z. Ceske zeme v ere prvni republiky (1918–1938), Dil treti. Boj o preziti a o zivot 1935–1938. Praha, 2003

Kennan G. Memoiren eines Diplomaten. München, 1982

Kettner P., Jedlicka I. Proc zemrel Jan Masaryk? Praha, 1990

Klatil F. Republika nad stranami. Praha, 1992

Kliment C. K., Nakladal B. Slovenska armada 1939–1945. Praha, 2006

Kokoska S. Praha v kvetnu 1945. Praha, 2005

Komjathy A., Stockwell R. German Minorities and The Third Reich. New York, 1980

Kossert A. Chladná vlast: historie odsunutých Němců po roce 1945. Brno, Host, 2011

Koutek J. Ticha fronta. Praha, 1985

Kral V. Pravda o okupaci. Praha, 1962

Kren J. Do emigrace. Burzoazni zahranicni odboj 1938–1939. Praha, 1963

Küpper R. Karl Hermmann Frank: politische Biographie eines sudetendeutschen Nationalsozialisten. München, 2010

The Marshall Plan. Fifty years after. New York, 2001

Moulis M. Osudny 15 brezen. Praha, 1979

Moulis M., Tomasek D. Zivot plny nenavisti. Praha, 1977

Murphy R. Diplomat unter Kriegern. Berlin (West), 1965

Pach Ch. J. Arming the free world: the origins of the United States military assistance program 1945–1950. University of North Carolina Press, 1991

Pasak T. Pod ochranou rise. Praha, 1998

Pasak T. JUDr. Emil Hacha. Praha, 1997

Solz J. Ve sluzbach prezidenta. Praha, 1994

Stefansky V. Armada v Slovenskom narodnom povstani. Bratislava, 1983

Ströbinger R. Stopa vede k Renemu. Praha, 1966

Venohr W. Aufstand der Slowaken. Frankfurt/M, 1992

Vojenske dejiny Ceskoslovenska. Dil IV. Praha, 1988

Vojenske dejiny Ceskoslovenska. Dil V. Praha, 1989

Weiner T. Legacy of Ashes. The History of the CIA. New York, 2007

notes

СНОСКИ

Cesky lid v boji proti fasismu. Praha, 1975. S. 194.

Эдвард Бенеш родился 28 мая 1884 года в крестьянской семье. Учился на философском факультете Пражского университета, после чего уехал во Францию, где в 1908 году получил степень доктора права. Затем преподавал в Пражском университете. Во время Первой мировой войны организовал тайную антиавстрийскую организацию «Мафия». В 1915 году эмигрировал во Францию. В 1918-1935 гг. был министром иностранных дел Чехословакии, в 1935-1938 гг. – президентом страны. Член национально-социалистической партии и ярый националист, Бенеш не считал словаков отдельным народом, а придерживался концепции единой чехословацкой нации. Установил доверительные отношения со Сталиным и передал тому в 1937 году сфабрикованные немецкими спецслужбами материалы о заговоре в РККА во главе с М. Н. Тухачевским. В 1938-1939 гг. преподавал в Чикаго, затем вернулся в Лондон.

John M. Zari 1938. Role a postoje spojencu CSR. Praha, 2000. P. 278–279.

План «Грюн» («зеленый») – военный план Германии по нападению на Чехословакию, разработанный в 1937 году.

Karnik Z. Ceske zeme v ere prvni republiky (1918-1938). Dil tretí. Boj o preziti a o zivot 1935-1938. Praha, 2003. S. 633.

Cesky lid v boji proti fasismu. Praha, 1975. S. 213.

Антонин Гампл родился в 1874 году. Перед Первой мировой войной был одним из лидеров профсоюзного движения в чешских землях. В 1924-1938 гг. был председателем Социал-демократической партии ЧСР. Требовал от коммунистов в качестве условия союза с ними отказа от лозунга «диктатуры пролетариата» и прекращения членства в Коминтерне. Его призыв к компартии стал известен как лозунг «Ребята, вернитесь домой!». 1 сентября 1939 года был арестован, затем отпущен на свободу. Вновь арестован 6 мая 1941 года и вывезен в тюрьму Моабит в Берлине. Умер от пыток в мае 1942 года.

<http://www.ustrcr.cz/data/pdf/vystavy/od-mnichova/vystavni-panely.pdf#page=13>.

Cesky lid v boji proti fasismu. Praha, 1975. S. 218.

«Влайка» возникла в 1930 году как студенческий политический клуб. Задачей организации была борьба за «сильное корпоративное национальное государство» по итальянскому образцу. С 1935 года организация называлась «Влайка – Движение за новую Чехословакию». После начала гражданской войны в Испании поддержала Франко. В 1938 года «Влайка» формально выступала за сопротивление Германии, но некоторые ее члены активно сотрудничали с нацистами.

<http://www.ustrcr.cz/data/pdf/vystavy/od-mnichova/vystavni-panely.pdf#page=13>.

Moulis M. Osudny 15 brezen. Praha, 1979. S. 99.

<http://www.fronta.cz/dokument/provolani-k-obyvatelstvu-15-brezna-1939>.

Cesky lid v boji proti fasismu. Praha, 1975. S. 274-275.

Альбрехт Первый («Альбрехт Медведь», 1110-1170) – немецкий князь Бранденбурга, жестко расправлявшийся со славянским населением.

is.muni.cz/.../Kopie_2_-_PROTIPARTYZANSKE_OPERACE_...

Гамшик Д., Пражак И. Бомба для Гейдриха. М., 1965. с. 57.

Гамшик Д., Пражак И. Бомба для Гейдриха. М., 1965. С. 57–58.

Arburg A. von. Das Protektorat Böhmen und Mähren 1939-1945 – ein kurzer Abriss seiner Entstehung und Entwicklung. Grin Verlag, 2000. S. 34.

Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939-1945.
Díl 1. Praha, 1998. S. 3.

Зденек Фирлингер родился в 1891 году в Оломоуце в семье школьного учителя, то есть, по тем временам, принадлежал к зажиточному среднему классу. После окончания гимназии и немецкого торгового училища с 1910 года работал в Ростове-на-Дону представителем американской компании «Маккормик Харвестинг Мэшин Компани». Начало Первой мировой войны застало Фирлингера в России, где он вступил в чехословацкий легион, чтобы бороться вместе с русской армией против Австро-Венгрии. Был командиром роты и за мужество в бою получил Георгиевский крест. Затем был направлен Чехословацким национальным советом в США, чтобы набирать среди американских чехов добровольцев в воинские формирования Антанты. Из США Фирлингер переехал в Париж, где познакомился с Бенешем. После окончания войны поступил на дипломатическую службу в образованной в 1918 году Чехословацкой Республике. Был послом в Голландии, Румынии, США, Швейцарии и Австрии. Фирлингера связывали с Бенешем тесные дружеские отношения. В 1924 году Фирлингер вступил в социал-демократическую партию. В 1931-м посетил СССР и стал горячим сторонником плановой экономики, что нашло отражение в выпущенной им в 1932 году книге «СССР на новом пути». Фирлингер считал победу социализма в мировом масштабе неизбежной. С 1937-й по 1945 год возглавлял чехословацкую дипмиссию в СССР. Поддерживал жесткую внутривнутриполитическую линию Сталина в 1937-1938 гг.

<http://www.allprague.cz/home-page-down/photo-gallery-down/copyright-a-impressum/prague/military-themes/germanskaya-okkupatsiya-chechoslovakii-1939-g>.

Kliment C. K., Nakladal B. Slovenska armada 1939-1945. Praha, 2006. S. 32.

Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939-1945.
Díl 1. Praha, 1998. S. 4.

Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939-1945.
Díl 1. Praha, 1998. S. 6.

Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939-1945.
Díl I. Praha, 1998. S. 7.

Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939-1945.
Díl I. Praha, 1998. S. 7.

Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939-1945.
Díl I. Praha, 1998. S. 9.

Cesky lid v boji proti fasismu. Praha, 1975. S. 273.

Cesky lid v boji proti fasismu. Praha, 1975. S. 273-274.

Brod T., Cejka E. Na zapadni fronte. Praha, 1965. S. 30.

Brod T., Cejka E. Na zapadni fronte. Praha, 1965. S. 31.

Cesky lid v boji proti fasismu. Praha, 1975. S. 283.

Cesky lid v boji proti fasismu. Praha, 1975. S. 294-295.

28 октября 1918 года – день основания Чехословацкой республики.

Cesky lid v boji proti fasismu. Praha, 1975. S. 296.

Cesky lid v boji proti fasismu. Praha, 1975. S. 301.

Ян Оплетал родился 1 января 1915 года и с 1936 года был студентом медицинского факультета Карлова университета в Праге. Во время демонстрации 28 октября 1939 года был ранен в живот и умер в больнице 11 ноября. В память о событиях 17 ноября 1939 года во всем мире с 1941 года отмечается Международный день студента.

Cesky lid v boji proti fasismu. Praha, 1975. S. 305-306.

Моравец родился в 1895 году в семье служащего. С отличием закончил гимназию и поступил на философский факультет Карлова университета (отделение современной филологии) в Праге. После начала Первой мировой войны был призван в австро-венгерскую армию и 13 января 1916 года вместе с патрулем, которым командовал, перешел на сторону русской армии. Находясь в лагере военнопленных в Царицыне, в мае 1916 года Моравец поступил добровольцем в Сербский легион и сражался в качестве командира роты в Румынии и на Салоникском фронте. Конец войны застал его в чехословацком легионе во Франции. После возвращения в Чехословакию воевал против войск Венгерской советской республики в Словакии. В 1925-1928 гг. учился в военной академии. В декабре 1929 года стал начальником 2-го (разведывательного) отдела Пражского военного округа. С сентября 1934 года – начальник секции контрразведки 2-го отдела Генерального (главного) штаба в звании подполковника. В 1936 году посетил Москву и подписал с начальником ГРУ РККА Урицким соглашение о сотрудничестве между военными разведками СССР и Чехословакии. Именно через Моравца Бенешем была получена сфабрикованная СД информация из Берлина о заговоре в Красной армии, которая стала отправной точкой массовых репрессий в РККА. После мюнхенского сговора в сентябре 1938 года стал исполняющим обязанности начальника 2-го отдела, после того как его предшественник на этом посту Франтишек Гайек был отозван под давлением немцев. Своим главным успехом в разведке считал вербовку Пауля Тюммеля. 11 марта 1939 года сотрудники английской разведки предложили Моравцу уехать в эмиграцию, что он и сделал, покинув Прагу 14 марта в самолете голландской компании КЛМ. Вместе с ним, уничтожив часть архивов, уехали 11 его сотрудников. Моравец стал де-факто начальником разведки при правительстве Бенеша. Однако среди чехословацких военных большим авторитетом не пользовался – многие считали его бегство из страны проявлением трусости.

В группу «Три короля» входили бывшие офицеры чехословацкой армии Йозеф Машин, Вацлав Моравек и Йозеф Балабан. Машин в 1915 году попал в русский плен, вступил в чехословацкий легион и был награжден четырьмя Георгиевскими крестами за храбрость на фронте. Участвовал в Гражданской войне в Сибири. Машин хотел 14 марта 1939 года вывести свой полк для отпора вермахту, но был отправлен в отставку, и ему запретили входить в казармы. После оккупации Машин, переодевшись в немецкую форму, смог вывести из казарм чехословацкой армии много оружия для групп «Защиты нации».

<http://www.fronta.cz/agent-a-54-superspion-nebo-nebezpecny-dubler>.

На этом вокзале обычно встречали и иностранные официальные делегации, например, Молотова в ноябре 1940 года.

Это были первые буквы фамилий членов группы «Три короля».

Регулярная связь чешского Сопротивления с Лондоном осуществлялась с апреля 1940-го по май 1941 года.

<http://www.hipersona.ru/secret-agent/sa-organizers-intelligence/1636-frantisek-moravec>.

Cesky lid v boji proti fasismu. Praha, 1975. S. 313.

Brod T., Cejka E. Na zapadni fronte. Praha, 1965. S. 41-42.

Прхала родился в 1892 году. В 1916 году в качестве надпоручика австро-венгерской армии попал в русский плен. Служил в чехословацком легионе, а затем принимал участие в боях против Красной армии. Дослужился до командира дивизии. В 1920 году через Владивосток вернулся в Чехословакию. Позднее закончил военную академию в Париже и в 1936 году стал генералом армии. Во время мюнхенского кризиса был сторонником сопротивления немцам. Затем был назначен командующим армией в Закарпатской Украине, где в марте 1939 года в течение трех дней сопротивлялся наступающим венгерским войскам. После оккупации Чехии переехал в Польшу. Был противником Бенеша, которого упрекал в капитулянтстве во время Мюнхенского соглашения. 17 сентября 1939 года эмигрировал из Польши во Францию.

Brod T., Cejka E. Na zapadni fronte. Praha, 1965. S. 60.

Свобода родился в 1895 году в крестьянской семье. В 1915 году выучился на агронома. В сентябре 1915 года добровольно сдался в русский плен и через год под Киевом вступил в чехословацкий легион русской армии. В годы гражданской войны в России участвовал в боях против Красной армии, был командиром взвода, роты, батальона. В 1920 году через Сибирь вернулся в Чехословакию в звании капитана. Служил в различных воинских частях (в 1923-1931 гг. – в Закарпатской Украине), преподавал в военной академии венгерский язык. В сентябре 1938-го – марте 1939 года был командиром батальона в чехословацкой армии. После оккупации Чехии вступил в «Защиту нации». В июне 1939-го, когда группу раскрыли, вынужден был бежать в Польшу.

Вместе с военными из Польши в СССР перебрались примерно 180 политэмигрантов-чехословаков.

На 4 января 1940 года в легионе было 507 чехов, 63 словака и 104 еврея. Среди них – 137 офицеров (в том числе два офицера генерального штаба, 59 пехотинцев, 33 артиллериста, 14 летчиков, четыре кавалериста, четыре связиста и 19 офицеров хозяйственных служб) и 141 младший офицер.

<http://www.czechpatriots.com/csmu/cslegion.php>.

«Пролетариев» их противники презрительно называли «звездунками», так как они носили на головных уборах красные пятиконечные звезды.

<http://katyn.editboard.com/t44-topic>.

<http://www.czechpatriots.com/csmu/cslegion.php>.

Brod T., Cejka E. Na zapadni fronte. Praha, 1965. S. 74.

Brod T., Cejka E. Na zapadni fronte. Praha, 1965. S. 85.

Brod T., Cejka E. Na zapadni fronte. Praha, 1965. S. 99.

Союзники превосходили вермахт по танкам, но уступали немцам в авиации.

Brod T., Cejka E. Na zapadni fronte. Praha, 1965. S. 123.

Brod T., Cejka E. Na zapadni fronte. Praha, 1965. S. 145.

Позднее операция была перенесена на 15 сентября, а 12 октября 1940 года Гитлер решил отложить высадку на весну – лето 1941-го.

Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939-1945
Díl 1. Praha, 1998. S. 11.

Естественно, что резиденты НКВД и военной разведки в Чехии не имели таких политических полномочий.

Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939-1945.
Díl 1. Praha, 1998. S. 11.

Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939-1945.
Díl I. Praha, 1998. S. 12.

Brod T., Cejka E. Na zapadni fronte. Praha, 1965. S. 173.

Brod T., Cejka E. Na zapadni fronte. Praha, 1965. S. 224.

Brod T., Cejka E. Na zapadni fronte. Praha, 1965. S. 235.

<http://www.czechpatriots.com/csmu/cslegion.php>.

Brod T., Cejka E. Na zapadni fronte. Praha, 1965. S. 246.

Brod T., Cejka E. Na zapadni fronte. Praha, 1965. S. 250.

Пика родился в 1897 году в семье булочника. Окончил гимназию и хотел учиться на фармацевта. В 1915-м был призван в австро-венгерскую армию и в следующем году сдался в русский плен, примкнув к чехословацкому легиону русской армии. Первую мировую войну закончил в рядах чехословацких частей во Франции в звании поручика. Окончил французскую военную академию. В 1932-1937 гг. служил военным атташе в Бухаресте (Румыния была союзницей ЧСР по Малой Антанте). После Мюнхена эмигрировал, и Бенеш направил его в Бухарест военным представителем в Венгрии и на Балканах. После фашистского путча в Румынии Пика перебрался в Стамбул.

Cesky lid v boji proti fasismu. Praha, 1975. S. 328.

Cesky lid v boji proti fasismu. Praha, 1975. S. 330.

Cesky lid v boji proti fasismu. Praha, 1975. S. 333.

Hajkova A. Praha v komunistickém odboji. Praha, 1984. S. 115.

Hajkova A. Praha v komunistickém odboji. Praha, 1984. S. 116.

Hajkova A. Praha v komunistickém odboji. Praha, 1984. S. 118.

<http://www.moderni-dejiny.cz/clanek-tajna-zprava-plukovnika-h-piky-proprezidenta-republiky-dr-e-benese-1903/>

Эта просьба советской стороны была вызвана провалом передатчика подпольного ЦК КПЧ еще перед войной.

<http://www.czechpatriots.com/csmu/cslegion.php>.

Поп И. И. Чехословакия-Советский Союз. 1941-1948 гг. М., 1990. С. 17.

Cesky lid v boji proti fasismu. Praha, 1975. S. 337.

Поп И. И. Чехословакия-Советский Союз. 1941-1948 гг. М., 1990. С. 17.

Cesky lid v boji proti fasismu. Praha, 1975. S. 338.

Поп И. И., Чехословакия-Советский Союз. 1941-1948 гг. М., 1990. С. 19.

Поп И. И. Чехословакия-Советский Союз. 1941-1948 гг. М., 1990. С. 19.

Brod T., Cejka E. Na zapadni fronte. Praha, 1965. S. 266.

Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939-1945.
Díl 1. Praha, 1998. S. 13.

Примечательно, что Словакия была единственной страной, которая вместе с Германией напала на Польшу в 1939 году. Были мобилизованы 51 306 военнослужащих. Словацкая армия прикрывала восточный фланг немецкой 14-й армии. В боях в Польше погибли 18 словаков, 46 были ранено.

Советский Союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость 1941-1945 гг. М., 1978. С. 163.

Kliment C., Nakladal B. Slovenska armada 1939-1945. Praha, 2006. S. 31.

Kliment C., Nakladal B., Slovenska armada 1939-1945, Praha, 2006, s. 86.

Герой гражданской войны Николай Щорс был первым командиром этой дивизии. В сентябре 1941 года дивизия была расформирована как погибшая в боях в Уманском котле.

Kliment C., Nakladal B. Slovenska armada 1939-1945. Praha, 2006. S. 92.

Kliment C., Nakladal B. Slovenska armada 1939-1945. Praha, 2006. S. 93.

Brod *T.*, *Cejka E.* Na zapadni fronte. Praha, 1965. S. 255.

Brad *T.*, *Cejka E.* Na zapadni fronte. Praha, 1965. S. 255.

Brod T., Cejka E. Na zapadni fronte. Praha, 1965. S. 274.

Brad T., Cejka E. Na zapadni fronte. Praha, 1965. S. 274.

Brod T., Cejka E. Na zapadni fronte. Praha, 1965. S. 270.

Brod T., Cejka E. Na zapadni fronte. Praha, 1965. S. 275.

Cesky lid v boji proti fasismu. Praha, 1975. S. 340-341.

Cesky lid v boji proti fasismu. Praha, 1975. S. 356.

Юлиус Фучик родился в 1903 году в рабочей семье. С 1921 года был членом КПЧ. Заочно учился на философском факультете. Уже в 12 лет хотел основать собственную газету «Славянин». Видный журналист, с 1929 года он сотрудничал в коммунистической газете «Руде право», в том числе и как московский корреспондент. Решительно отвергал любую критику в адрес СССР. Широкую известность и популярность в ЧСР приобрела книга его репортажей «В стране, где наше завтра уже является вчерашним днем». За свою деятельность подвергался в Чехословакии арестам еще в 30-е годы. После оккупации перешел на нелегальное положение. Фучик, как и его отец, был талантливым актером-любителем, поэтому часто появлялся на улицах в образе «профессора Горака», надевая очки и искусственную бороду. В 1941-1942 гг. входил во второй подпольный ЦК КПЧ.

Cesky lid v boji proti fasismu. Praha, 1975. S. 344.

Последний лозунг был выдвинут на всемирном славянском съезде 10-11 августа 1941 года в Москве.

Cesky lid v boji proti fasismu. Praha, 1975. S. 348.

Cesky lid v boji proti fasismu. Praha, 1975. S. 351.

Hajkova A. Praha v komunistickém odboji. Praha, 1984. S. 140.

Cesky lid v boji proti fasismu. Praha, 1975. S. 354.

Cesky lid v boji proti fasismu. Praha, 1975. S. 356.

Карл Херманн Франк родился в 1898 году в Карловых Варах. Его отец, как и молодой Гитлер, поддерживал политику известного австрийского политика Карла фон Шенерера, который призывал ненавидеть евреев и чехов как главных врагов немцев. В детстве, якобы в драке, чешские ученики в школе повредили Франку глаз (его пришлось заменить стеклянным протезом), и ненависть его ко всему чешскому усилилась. Франк учился в Пражском университете, но бросил учебу и вступил в австро-венгерскую армию. С 1918 года стал активным сторонником присоединения судетских земель к Германии. С 1919 года – член НСДАП. Продавал в своем книжном магазине нацистскую литературу. С 1935 года – депутат чехословацкого парламента от судетонемецкой партии Генлейна. После Мюнхенского сговора стал гауляйтером НСДАП в Судетах. В 1939 году стал группенфюрером СС и начальником СД и полиции в протекторате, а также заместителем протектора.

Bryant C. Prague in black. London, 2007. P. 136.

Гамшик Д., Пражак И. Бомба для Гейдриха. М., 1965. С. 44.

Hajkova A. Praha v komunistickém odboji. Praha, 1984. S. 143.

Bryant C. Prague in black. London, 2007. P. 145.

Bryant C. Prague in black. London, 2007. P. 145.

Гамшик Д., Пражак И. Бомба для Гейдриха. М., 1965. С. 159.

Гамшик Д., Пражак И. Бомба для Гейдриха. М., 1965. С. 160.

Гамшик Д., Пражак И. Бомба для Гейдриха. М., 1965. С. 51.

Гамшик Д., Пражак И. Бомба для Гейдриха. М., 1965. С. 56–57.

Гамшик Д., Пражак И. Бомба для Гейдриха. М., 1965. С. 57–58.

Küpper R. Karl Hermman Frank: politische Biographie eines sudetendeutschen Nationalsozialisten. Munchen, 2010. S. 238-239.

Brandes D. Der Weg zur Vertreibung 1938-1945. Munchen, 2001. S. 65.

Heumos P., und andere, Polen und die böhmischen Länder im 19. und 20. fahrhundert, Munchen, 1997. S. 285.

Küpper R. Karl Hermman Frank: politische Biographie eines sudetendeutschen Nationalsozialisten. München, 2010. S. 244.

http://www.zivapamet.cz/assets/files/Nacisticka_perzekuce.pdf.

Bryant C. Prague in black. London, 2007. P. 147.

Гамшик Д., Пражак И. Бомба для Гейдриха. М., 1965. С. 158.

Гешке родился в 1907 году. Юрист по образованию, окончил университет Геттингена. В 1935 году возглавлял гестапо Киля. С 1939 года руководил пражским гестапо. В сентябре 1942 года его сменил на этом посту Эрнст Герке. Гешке перевели на должность руководителя СД и полиции безопасности в Познань, а затем в Дрезден. С марта 1944 года – шеф СД и полиции безопасности Венгрии. На основании телефонного справочника отобрал в Будапеште 200 человек с казавшимися ему еврейскими именами и с научной степенью. Все они, как и примерно еще 2000 венгерских евреев, были арестованы за один день. В конце войны Гешке исчез и был объявлен прокуратурой Франкфурта-на-Майне мертвым в 1959 году. Считается, что он погиб в 1945-м во время взятия Красной армией Будапешта.

Cesky lid v boji proti fasismu. Praha, 1975. S. 358.

Hajkova A. Praha v komunistickém odboji. Praha, 1984. S. 144.

Cesky lid v boji proti fasismu. Praha, 1975. S. 359.

Hajkova A. Praha v komunistickém odboji. Praha, 1984. S. 176-177.

Cesky lid vboji proti fasismu. Praha, 1975. S. 362.

<http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000022/st013.shtml>.

Гамшик Д., Пражак И. Бомба для Гейдриха. М., 1965. С. 84.

Гамшик Д., Пражак И. Бомба для Гейдриха. М., 1965. С. 84.

Жена Гейдриха Лина (1911 г.р.) на момент покушения имела троих детей и была беременна (дочь Марта родилась 23 июля 1942 года). Вступила в НСДАП в 1929 году (раньше самого Гейдриха). После смерти мужа она по распоряжению Гиммлера осталась жить в замке Паненске Бржезаны. В 1943 году ее старший сын Клаус погиб, попав на велосипеде под колеса грузовика. Вдова Гейдриха приложила максимум усилий, чтобы водителя-чеха осудили на смерть, но суд его оправдал, так как виновником аварии был Клаус Гейдрих. В 1945 году бежала в Западную Германию. В ЧСР была осуждена в 1946 году за соучастие в казни 90 заключенных. В 1953 году Лине была назначена пенсия правительства ФРГ (150 марок в месяц) как вдове «погибшего офицера ВМС Гейдриха». Вышла замуж за директора финского Национального театра, вместе с которым купила отель на немецком курортном острове Фемарн (сгорел в 1969 году). Умерла в 1985 году и до самой смерти публично оправдывала своего бывшего мужа.

Гамшик Д., Пражак И. Бомба для Гейдриха. М., 1965. С. 84.

Гамшик Д., Пражак И. Бомба для Гейдриха. М., 1965. С. 160.

Гамшик Д., Пражак И. Бомба для Гейдриха. М., 1965. С. 168.

Гамшик Д., Пражак И. Бомба для Гейдриха. М., 1965. С. 191.

Гамшик Д., Пражак И. Бомба для Гейдриха. М., 1965. С. 196.

Brod T., Cejka E. Na zapadni fronte. Praha, 1965. S. 285.

Гамшик Д., Пражак И. Бомба для Гейдриха. М., 1965. С. 208.

Герик был членом десантной группы «Цинк», которая прибыла в Чехию из Англии в ночь с 27 на 28 марта 1942 года. Группа должна была обосноваться в Моравии и передавать оттуда информацию по рации. Однако передатчик был поврежден при высадке. 4 апреля Герик добровольно явился в пражское гестапо и сообщил информацию как о своей группе, так и о группе «Аут Дистанс». В 1943 году он, конфиденгент гестапо, пытался наладить связи с Сопротивлением, чтобы загладить свою вину. Немцы раскрыли его интриги и отправили в концлагерь Дахау. 29 апреля 1945 года Герика освободили американцы. Он добровольно явился в министерство обороны ЧСР, где был арестован. Смог сбежать, но вскоре опять был арестован. 29 апреля 1947 года чрезвычайный народный суд приговорил Герика к смертной казни за предательство. В этот же день он был казнен вместе с Чурдой.

Гамшик Д., Пражак И. Бомба для Гейдриха. М., 1965. С. 226.

Bryant C. Prague in black. London, 2007. P. 172.

Brod T., Cejka E. Na zapadni fronte. Praha, 1965. S. 287.

<http://knigosite.ru/library/read/77708>.

<http://knigosite.ru/library/read/77708>.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 173-174.

Vojenske dejiny Ceskoslovenska, Dil IV, Praha, 1988, s 174.

Советский Союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость 1941-1945 гг. М., 1978. С. 165.

Brod T., Cejka E. Na zapadni fronte. Praha, 1965. S. 290.

Brod T., Cejka E. Na zapadni fronte. Praha, 1965. S. 290.

Brod T., Cejka E. Na zapadni fronte. Praha, 1965. S. 295.

Brod T., Cejka E. Na zapadni fronte. Praha, 1965. S. 305.

Brod T., Cejka E. Na zapadni fronte. Praha, 1965. S. 327.

Brod T., Cejka E. Na zapadni fronte. Praha, 1965. S. 337.

Brod T., Cejka E. Na zapadni fronte. Praha, 1965. S. 339.

Brod T., Cejka E. Na zapadni fronte. Praha, 1965. S. 346.

Kliment C. K. Nakladal B. Slovenska armada 1939-1945. Praha, 2006. S. 97.

Kliment C. K Nakladal B. Slovenska armada 1939-1945. Praha, 2006. S. 97.

Kliment C. K., Nakladal B. Slovenska armada 1939-1945. Praha, 2006. S. 100.

По данным ЦК КП(б)У, на 1 октября 1941 года в областях УССР было сформировано 738 партизанских отрядов и 191 диверсионная группа, в которых насчитывалось по спискам 27,6 тысячи бойцов. Однако летом 1942 года численность партизан на Украине сократилась. По данным Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД), на 1 ноября 1942-го в подчинении Украинского штаба партизанского движения (УШПД) находилось всего 55 отрядов, насчитывавших 6350 бойцов, что было в четыре раза меньше, чем год назад.

Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко был первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии и начальником ЦШПД.

http://militera.lib.ru/memo/russian/machulsky_rn/05.html.

Kliment C. K., Nakladal B. Slovenska armada 1939-1945. Praha, 2006. S. 102.

http://militera.lib.ru/memo/russian/saburov_an2/03.html.

<http://knigosite.ru/library/read/77708>.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 186.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 190.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 192.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 193.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 199.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 314.

Ярош родился в 1912 году в семье кочегара австро-венгерских железных дорог. Был членом военно-спортивной организации «Сокол», участвовал и в скаутском движении. Гимназию закончить не смог, учился на электротехника, а в 1933 году поступил в школу сержантов чехословацкой армии. Потом окончил военное офицерское училище. К 1939 году командовал телеграфной ротой. После оккупации Ярошу предложили вступить в чешскую полицию в Мельнике, но он отказался. В августе нелегально перешел в Польшу, откуда вместе с легионом Свободы попал в Суздальский лагерь. В начале 1941 года Ярош стал радистом чехословацкой военной миссии в Москве.

<http://knigosite.ru/library/read/77708>.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 318.

<http://knigosite.ru/library/read/77708>.

<http://knigosite.ru/library/read/77708>.

Кратохвил родился в 1889 году. Во время Первой мировой войны попал в русский плен и добровольно вступил в чехословацкий легион. Воевал против Красной армии в Сибири, вернувшись домой в звании капитана. К 1939 году стал командиром полка. После оккупации Чехии был членом «Защиты нации». Позднее эмигрировал во Францию. Там командовал 1-м чехословацким полком, участвовал в боях летом 1940 года. 15 января 1943 года был назначен командующим чехословацкой бригады в Англии, но уже в марте выехал в СССР.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 326.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV, Praha, 1988. S. 329.

<http://knigosite.ru/library/read/77708>.

<http://knigosite.ru/library/read/77708>.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 341.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 341.

<http://knigosite.ru/library/read/77708>.

<http://knigosite.ru/library/read/77708>.

Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939-1945.
Díl 2. Praha, 1998. S. 176.

<http://knigosite.ru/library/read/77708>.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 356.

Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939-1945.
Díl 2. Praha, 1998. S. 80-81.

Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939-1945.
Díl 2. Praha, 1998. S. 87.

Brod T., Cejka E. Na zapadni fronte. Praha, 1965. S. 377.

Brod T., Cejka E. Na zapadni fronte. Praha, 1965. S. 381.

Brod T., Cejka E. Na zapadni fronte. Praha, 1965. S. 391.

Brod T., Cejka E. Na zapadni fronte. Praha, 1965. S. 392.

Brod T., Cejka E. Na zapadni fronte. Praha, 1965. S. 409.

Kliment C. K., Nakladal B. Slovenska armada 1939-1945. Praha, 2006. S. 100.

http://militera.lib.ru/memo/russian/pliev_ial/01.html.

http://militera.lib.ru/memo/russian/pliev_ial/01.html.

Ян Налепка родился в 1912 году. Окончил учительскую семинарию. Подвергался преследованиям за антифашистские взгляды. Работал учителем в сельской школе. В 1936 году окончил офицерскую школу и получил звание подпоручика. В марте 1939 года, как и многие другие учителя, был мобилизован в словацкую армию, испытывавшую острый недостаток в офицерских кадрах. Уже в 1942 году создал подпольную группу и установил связь с партизанами.

<http://www.litmir.net/br/?b=71893&p=74>.

Kliment C. K., Nakladal B. Slovenska armada 1939-1945. Praha, 2006. S. 105.

<http://benjaminek.blogspot.com/2008/04/mylenka-eskoslovensko-polskkonfederace.html>.

<http://benjaminek.blogspot.com/2008/04/mylenka-eskoslovensko-polskkonfederace.html>.

Cesky lid v boji proti fasismu. Praha, 1975. S. 391.

Cesky lid v boji proti fasismu. Praha, 1975. S. 393.

Cesky lid v boji proti fasismu. Praha, 1975. S. 392.

<http://www.ustrcr.cz/data/pdf/pamet-dejiny/padl004/005-021.pdf>.

<http://www.ustrcr.cz/data/pdf/pamet-dejiny/padl004/005-021.pdf>.

Cesky lid v boji proti fasismu. Praha, 1975. S. 392.

Бенеш искусно переложил инициативу в заключении договора на СССР, видимо, полагая, что так он выбьет почву из-под ног тех, кто обвинял его самого в слишком тесных связях с Москвой.

Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939-1945.
Díl 1. Praha, 1998. S. 469-470.

Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939-1945.
Díl 2. Praha, 1998. S. 20.

Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939-1945.
Díl 2. Praha, 1998. S. 29.

Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939-1945.
Díl 2. Praha, 1998. S. 33.

Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939-1945.
Díl 2. Praha, 1998. S. 36.

Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939-1945.
Díl 2. Praha, 1998. S. 43.

Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939-1945.
Díl 2. Praha, 1998. S. 47.

Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939-1945.
Díl 2. Praha, 1998. S. 51.

Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939-1945.
Díl 2. Praha, 1998. S. 56.

Линия Керзона (названа так в честь министра иностранных дел Англии, от имени Антанты предложившего установить ее) – граница этнографического и территориального размежевания между Польшей и Россией, которая была рекомендована 8 декабря 1919 Верховным советом Антанты в качестве восточной границы Польши. В ходе захватнической войны против России в 1919-1920 гг. польская армия оккупировала территории Украины и Белоруссии гораздо восточнее линии Керзона. Именно территории вплоть до этой линии и заняла в сентябре 1939 года Красная армия после развала польского государства.

Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939-1945.
Díl 2. Praha, 1998. S. 6.

Cesky lid v boji proti fasismu. Praha, 1975. S. 395.

Cesky lid v boji proti fasismu. Praha, 1975. S. 396.

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании 19-30 октября 1943 г. Сборник документов. М., 1984. С. 155–158.

Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939-1945.
Díl 2. Praha, 1998. S. 97.

Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939-1945.
Díl 2. Praha, 1998. S. 105.

Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939-1945.
Díl 2. Praha, 1998. S. 107-109.

Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939-1945.
Díl 2. Praha, 1998. S. 121-122.

Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939-1945.
Díl 2. Praha, 1998. S. 126.

Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939-1945.
Díl 2. Praha, 1998. S. 137.

Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939-1945.
Díl 2. Praha, 1998. S. 139-140.

Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939-1945.
Díl 2. Praha, 1998. S. 150.

Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939-1945.
Díl 2. Praha, 1998. S. 166-167.

Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939-1945.
Díl 2. Praha, 1998. S. 150.

Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939-1945.
Díl 2. Praha, 1998. S. 169-170.

Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939-1945.
Díl 2. Praha, 1998. S. 151.

Тука – зам. премьера Словакии, отличавшийся антисемитизмом и пронацистскими взглядами. Шаньо Мах – министр внутренних дел Словакии. Тисо – президент Словакии в 1939-1945 гг. Медрицки – министр экономики Словакии. Чатлош – министр обороны.

Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939-1945.
Díl 2. Praha, 1998. S. 179.

Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939-1945.
Díl 2. Praha, 1998. S. 179.

Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939-1945.
Díl 2. Praha, 1998. S. 190.

Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939-1945.
Díl 2. Praha, 1998. S. 190-191.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 286-287.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 287.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 287.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 288.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 286.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 286.

Янин А. А. Решающее сражение. М., 1978. С. 14.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 288.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 286.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 293.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 294.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 297.

Шмидке родился в 1897 году. В 30-е годы был партийным работником, в том числе и в Банска-Бистрице. Возглавлял профсоюзы компартии, так называемые Красные профсоюзы в Словакии, и Союз металлистов. В 1935 году был избран от Словакии в чехословацкий парламент. По приказу партии 10 августа 1939 года через Польшу эмигрировал в СССР. После начала войны работал в политуправлении Красной армии, помогая готовить пропагандистские материалы для словацких войск на советско-германском фронте. Работал со словацкими военнопленными в советских лагерях. 22 июня 1943 года через Польшу был направлен в Словакию.

Родился в 1913 году в нынешней Братиславе в семье рабочего-каменщика. В 1929 году вступил в коммунистический союз молодежи, а в 1933 году, будучи студентом юридического факультета братиславского университета, – в компартию Чехословакии. В 1938-1942 году был адвокатом. Несколько раз подвергался аресту за антифашистские взгляды.

Гусак Г. Свидетельство о Словацком национальном восстании. М., 1969. С. 63.

Гусак Г. Свидетельство о Словацком национальном восстании. М., 1969. С. 98–99.

Глинковская партия (глинковцы, «людаки», от словацкого «люд» – народ) была единственной легальной партией в Словацком государстве. Впервые она участвовала в выборах в Австро-Венгрии в 1913 году. Партия была названа в честь католического священника Андрея Глинки, возглавлявшего ее до самой своей смерти в 1938 году. В 1927-1929 гг. входила в правительство ЧСР. В сентябре 1936 года открыто перешла на фашистские позиции и в сотрудничестве с судетскими немцами и НСДАП требовала ликвидации Чехословакии и образования независимого словацкого государства, связанного с Германией. На выборах в словацкий сейм 18 января 1939 года глинковцы получили 98 % голосов. Именно провозглашение партией по наущению Гитлера 14 марта 1939 года независимости Словакии послужило Германии предлогом для оккупации Чехии и Моравии. Партия опиралась на католический клир. Имела по образцу СА собственную военную организацию – Глинковскую гвардию, активно участвовавшую в депортации словацких евреев в Освенцим.

Гусак Г. Свидетельство о Словацком национальном восстании. М., 1969. С. 111.

Гусак Г. Свидетельство о Словацком национальном восстании. М., 1969. С. 113.

Гусак Г. Свидетельство о Словацком национальном восстании. М., 1969. С. 116.

Hajkova A. Praha v komunistickém odboji. Praha, 1984. S. 197-198.

Hajkova A. Praha v komunistickém odboji. Praha, 1984. S. 212.

Родился в 1909 году. Казнен после войны как военный преступник.

Hajkova A. Praha v komunistickém odboji. Praha, 1984. S. 271.

Hajkova A. Praha v komunistickém odboji. Praha, 1984. S. 276.

Hajkova A. Praha v komunistickém odboji. Praha, 1984. S. 282-283.

Cesky lid v boji proti fasismu. Praha, 1975. S. 402.

<http://www.lib.ru/MEMUARY/1939-1945/FUCHIK/fuchik.txt>.

<http://www.lib.ru/MEMUARY/1939-1945/FUCHIK/fuchik.txt>.

Cesky lid v boji proti fasismu. Praha, 1975. S. 406.

Cesky lid v boji proti fasismu. Praha, 1975. S. 408.

Cesky lid v boji proti fasismu. Praha, 1975. S. 411.

Hajkova A. Praha v komunistickém odboji. Praha, 1984. S. 305.

http://is.muni.cz/th/126115/pedf_m/diplomova_prace_is.txt.

Cesky lid v boji proti fasismu. Praha, 1975. S. 418.

Прохазка родился в 1913 году в рабочей семье и с 1933 года был членом КПЧ. В 1937 году хотел уехать в Испанию для борьбы против Франко, но был задержан чехословацкой полицией. В 1939 году эмигрировал в Польшу, затем – в СССР. В 1941 году окончил специальные разведывательно-диверсионные курсы Красной армии в Куйбышеве. После февраля 1948 года был начальником личной охраны президента ЧСР и лидера КПЧ Готвальда.

Cesky lid vboji proti fasismu. Praha, 1975. S. 419.

<http://www.rosmus.cz/texty/odboj-lvice.html#rozbiti>.

Hajkova A. Praha v komunistickém odboji. Praha, 1984. S. 403.

Hajkova A. Praha v komunistickém odboji. Praha, 1984. S. 284.

Bryant C. Prague in black. London, 2007. P. 182.

http://runivers.ru/doc/d2.php?SECTION_ID=6385&PORTAL_ID=6383.

http://runivers.ru/doc/d2.php?SECTION_ID=6385&PORTAL_ID=6383.

Видкун Квислинг – норвежский политик, нацист и коллаборационист, активно сотрудничавший с Третьим рейхом. В 1933 году основал и возглавил в Норвегии национал-социалистическую партию, так называемое Национальное единение. В 1931-1933 гг. был министром обороны Норвегии. Во время нападения Германии на Норвегию в апреле 1940 года создал «национальное правительство», в котором занял пост премьер-министра и министра иностранных дел, но оно, просуществовав всего несколько дней, было распущено немецкими властями. Однако в феврале 1942-го Квислинга назначила премьер-министром сама оккупационная администрация. Квислинг был арестован 9 мая 1945 года, приговорен норвежским судом к смертной казни и 24 октября 1945-го казнен в Осло.

Bryant C. Prague in black. London, 2007. P. 181–182.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 363.

Чехи начали переселяться на Волынь после 1867 года, когда чешская делегация была принята царем Александром II. Переселенцам гарантировали освобождение от военной службы и быстрое предоставление российского подданства. В 1868 году на Волыни уже было 135 чешских семей, а к 1870-му – около тысячи. Когда же к 1875 году численность семей достигла 2000 (19 300 человек), правительство льготы относительно службы в армии ликвидировало, что сразу сказалось на притоке переселенцев.

<http://knigosite.ru/library/read/77708>.

[http://www.respublika.cz/9/Istorija/Obschestvo/Volynjaki_-
_eto_chehi_s_Volyni.html](http://www.respublika.cz/9/Istorija/Obschestvo/Volynjaki_-eto_chehi_s_Volyni.html).

http://www.respublika.cz/9/Istorija/Obschestvo/Volynjaki_-_eto_chehi_s_Volyni.html.

<http://knigosite.ru/library/read/77708>.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 376.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 373.

Venohr W. Aufstand der Slowaken. Frankfurt/M, 1992. S. 98-99.

Гусак Г. Свидетельство о Словацком национальном восстании. М. 1969. С. 289.

Гусак Г. Свидетельство о Словацком национальном восстании. М. 1969. С. 295.

Гусак Г. Свидетельство о Словацком национальном восстании. М. 1969. С. 318.

В тыловой армии к моменту начала восстания числилось 37 тысяч солдат и офицеров, 74 900 винтовок, 960 автоматов, 24 800 пистолетов, 920 тяжелых и 3800 легких пулеметов, 180 минометов, 80 противотанковых орудий, девять танков.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 477.

<http://knigosite.ru/library/read/77708>.

Армией командовал будущий министр обороны СССР А. А. Гречко.

<http://knigosite.ru/library/read/77708>.

Гусак Г. Свидетельство о Словацком национальном восстании. М., 1969. С. 396.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 480.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 524.

Гусак Г. Свидетельство о Словацком национальном восстании. М., 1969. С. 400.

После войны был осужден в Братиславе как военный преступник и казнен в 1947 году.

В июне 1945 года был убит в американском лагере для военнопленных то ли своими же сослуживцами, то ли поляками, которые отомстили ему за зверства при подавлении Варшавского восстания.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 548.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 498.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 497.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 498.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 498-499.

<http://grachev62.narod.ru/stalin/tl8/tl8171.htm>.

Лаштовичка Б. В Лондоне во время войны. М., 1966. С. 206.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 500.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 581.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 585-586.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 612.

Vojenske dejiny Ceskoslovenska. Dil IV. Praha, 1988. S. 612.

Vojenske dejiny Ceskoslovenska. Dil IV. Praha, 1988. S. 616.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 616.

Vojenske dejiny Ceskoslovenska. Dil IV. Praha, 1988. S. 616.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 618.

Оптация – выбор лицом гражданства при изменении государственных границ государств.

Vojenske dejiny Ceskoslovenska. Dil IV. Praha, 1988. S. 618.

Представители США и Великобритании участвовали в переговорах, так как речь шла о перемирии с Венгрией, воевавшей ранее на стороне гитлеровской Германии.

Лаштовичка Б. В Лондоне во время войны. М., 1966. С. 214.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 620.

Гусак Г. Свидетельство о Словацком национальном восстании. М., 1969. С. 767–768.

Лаштовичка Б. В Лондоне во время войны. М., 1966. С. 219.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 622-623.

Лаштовичка Б. В Лондоне во время войны. М., 1966. С. 220.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 624.

Копецкий имел в виду политическую историю довоенной Чехословакии (1918-1938 гг.), где сменяли друг друга коалиционные правительства, состоявшие из профессиональных политиков, а народ был далек от участия в процессе принятия решений.

Лаштовичка Б. В Лондоне во время войны. М., 1966. С. 222–223.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 625.

Гусак Г. Свидетельство о Словацком национальном восстании. М., 1969. С. 832–833;

Лаштовичка Б. В Лондоне во время войны. М., 1966. С. 224.

Гусак Г. Свидетельство о Словацком национальном восстании. М., 1969. С. 833.

Гусак Г. Свидетельство о Словацком национальном восстании. М., 1969. С. 834.

Гусак Г. Свидетельство о Словацком национальном восстании. М., 1969. С. 836.

Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939-1945.
Díl II Praha. 1998. S. 518.

Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939-1945.
Díl II Praha. 1998. S. 527.

Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939-1945.
Díl II Praha. 1998. S. 528-531.

Гвардейские дивизии Красной армии обычно имели больше тяжелого вооружения и лучше снабжались, чем обычные стрелковые дивизии.

Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939-1945.
Díl II Praha. 1998. S. 536.

Foreign Relations of United States (FRUS), 1945, Europe. P. 420 // <http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/>

Foreign Relations of United States (FRUS), 1945, Europe. P. 420.
<http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/>

Намек на Magna Charta («Великую хартию вольностей»), даровавшую права англичанам в 1215 году.

Vojenske dejiny Ceskoslovenska. Dil IV. Praha, 1988. S. 700.

Клапалек родился в 1893 году в семье железнодорожника. Его отец умер рано, и семья жила в нищете. Работал учетчиком на фабрике, в 1915 году попал в русский плен, в 1916-м вступил в Чехословацкий легион русской армии. В 1920 году вернулся на родину и продолжил военную карьеру. В 1932-1937 гг. преподавал в военной академии. Оккупация застала его в звании подполковника. Клапалек вступил в подпольную организацию «Защита нации». В 1940 году, опасаясь ареста, бежал через Балканы в Палестину, где командовал чехословацкой частью на Ближнем Востоке. Так как Клапалек постоянно требовал перебросить свою часть на фронт, он приобрел репутацию коммуниста, хотя членом КПЧ не был. С августа 1944 года командовал 3-й вновь сформированной бригадой Чехословацкого корпуса. Дважды был ранен в боях.

Начальником политотдела армии был генерал-майор Л. И. Брежнев.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 675.

Vojenske dejiny Ceskoslovenska. Dil IV. Praha, 1988. S. 742.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 732.

Hajkova A. Praha v komunistickém odboji. Praha, 1984. S. 422.

Kokoska S. Praha v kvetnu 1945. Praha, 2005. S. 23.

Kokoska S. Praha v kvetnu 1945. Praha, 2005. S. 30.

Kokoska S. Praha v kvetnu 1945. Praha, 2005. S. 35.

Kokoska S. Praha v kvetnu 1945. Praha, 2005. S. 10.

Moulis M., Tomasek D. Zivot plny nenavisti. Praha, 1977. S. 218.

Moulis M., Tomasek D. Zivot plny nenavisti. Praha, 1977. S. 218-219.

Vojenske dejiny Československa. Díl IV. Praha, 1988. S. 749.

Moulis M., Tomasek D. Zivot plny nenavisti. Praha, 1977. S. 222.

Сергей Кузьмич Буняченко родился в 1902 году в Курской губернии в бедной семье. С 1918 года служил в рядах Красной армии, в 1919-м вступил в коммунистическую партию. С 1924 года участвовал в борьбе против басмачей в Средней Азии, за что был награжден именными часами и нагрудным знаком «За боевые заслуги» Таджикистана. В 1932-1935 гг. учился в военной академии имени Фрунзе. В 1937 году был исключен из партии за критику коллективизации, однако затем исключение заменили строгим выговором. В 1938 году участвовал в боях против японцев на озере Хасан. В 1940-1942 гг. был начальником штаба 26-го корпуса. С марта 1942 года – командиром 389-й стрелковой дивизии. 2 сентября 1942-го за неумелое командование дивизией был приговорен к расстрелу, но приговор заменили 10-летним заключением с отбыванием его после войны. В октябре 1942 года стал командиром 59-й отдельной стрелковой бригады. В ноябре 1942-го бригада была разгромлена, и Буняченко угрожал новый арест. В декабре 1942 года он сдался в плен румынскому разведотряду неподалеку от Орджоникидзе (современный Владикавказ). В мае 1943 года добровольно вступил в РОА. 10 ноября был назначен командиром 1-й дивизии РОА. После войны был приговорен советским судом к смертной казни за измену родине и 1 мая 1946 года повешен.

Kokoska S. Praha v kvetnu 1945. Praha, 2005. S. 156.

Kokoska S. Praha v kvetnu 1945. Praha, 2005. S. 158.

Kokoska S. Praha v kvetnu 1945. Praha, 2005. S. 158-159.

Kokoska S. Praha v kvetnu 1945. Praha, 2005. S. 178.

Kokoska S. Praha v kvetnu 1945. Praha, 2005. S. 181.

Kokoska S. Praha v kvetnu 1945. Praha, 2005. S. 182.

Акт был подписан 7 мая 1945 года в штаб-квартире командующего англо-американскими союзными войсками в Европе Эйзенхауэра в 2:41 по среднеевропейскому времени. От советской стороны его подписал представитель Красной армии при штабе Эйзенхауэра генерал-майор Суслопаров. Сталин был возмущен этим документом и потребовал подписать безоговорочную капитуляцию в Берлине. Новый акт был подписан в Берлине 8 мая в 22:43 и подтверждал время прекращения огня согласно акту в Реймсе – 8 мая 1945 года с 23:01 по среднеевропейскому времени (с 1:01 9 мая по московскому времени).

Kokoska S. Praha v kvetnu 1945. Praha, 2005. S. 182.

Foreign Relations of United States (FRUS), 1945, Europe. P. 420.
<http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/>

Foreign Relations of United States (FRUS), 1945, Europe. P. 420.
<http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/>

Foreign Relations of United States (FRUS), 1945, Europe. P. 420.
<http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/>

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 40-41.

Foreign Relations of United States (FRUS), 1945, Europe. P. 420.
<http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/>

Fame J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 41.

<http://www.fronta.cz/pattonova-vojska-v-cechach>.

http://www.paichl.cz/paichl/knihy/foto_Plzen/Plzen_1945/Osvobozeni_Plzn

<http://www.fronta.cz/pattonova-vojska-v-cechach>.

<http://www-soldat.narod.ru/OPER/ARTICLES/040-praga.htm>.

<http://wwii-soldat.narod.ru/OPER/ARTICLES/040-praga.htm>.

Американцы выдали Шернера СССР, и в 1951 году он был приговорен к 25 годам лишения свободы за военные преступления, но в 1955-м отпущен в ФРГ. Там его как активного сторонника нацистов хотели лишить пенсии. Министр обороны ФРГ и крайне консервативный политик Франц-Йозеф Штраус (сам бывший военнослужащий вермахта) назвал Шернера «чудовищем в военной форме». В 1957 году против Шернера было заведено уголовное дело по обвинению в дезертирстве – именно так расценили его бегство от своих войск в мае 1945 года. Шернер получил четыре с половиной года тюрьмы, но в 1960 году был выпущен по состоянию здоровья. В 1963 году президент ФРГ Любке частично восстановил для Шернера право на получение военной пенсии. Шернер умер в 1973 году в возрасте 81 года.

История Словакии. М., 2003. С. 336.

Foreign Relations of United States (FRUS), 1945, Europe. P. 420 // <http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/>

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 44.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 44.

Foreign Relations of United States (FRUS), 1945, Europe. P. 420.
<http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/>

Посольство США в Праге открылось 29 мая 1945 года.

Foreign Relations of United States (FRUS), 1945, Europe. P. 420.
<http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS>

Foreign Relations of United States (FRUS), 1945, Europe. P. 420.
<http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS>

Поп И. И. Чехословакия-Советский Союз. 1941-1948 гг. М., 1990. С. 197.

Foreign Relations of United States (FRUS), 1945, Europe. P. 420.
<http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS>

Foreign Relations of United States (FRUS), 1945, Europe. P. 420.
<http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS>

Foreign Relations of United States (FRUS), 1945, Europe. P. 420.
<http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS>

Kaminski M.K. Polen und die Tschechoslowakei in der Politik der USA und Grossbritanniens in den Jahren 1945-1948 // Polen und die Böhmischen Länder. München, 1997. S. 281.

Seeber E. Die Mächte der Antihitlerkoalition und die Auseinandersetzung um Polen und CSR 1941-1945. Berlin 1984. S. 413.

Seeber E. Die Mächte der Antihitlerkoalition und die Auseinandersetzung um Polen und CSR 1941-1945. Berlin 1984. S. 397.

Faure f. Americký pritel. Praha, 2005. S. 53-54.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 54.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 55.

Foreign Relations of United States (FRUS), 1945, Europe. P. 420.
<http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS>

Foreign Relations of United States (FRUS), 1945, Europe. P. 420.
<http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS>

О причинах этой отсталости Гарриман умолчал – а они заключались в том, что Чехословакия не выделяла на развитие «Подкарпатской Руси» никаких средств.

Foreign Relations of United States (FRUS), 1945, Europe. P. 420.
<http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS>

421

Rude pravo, 29.03.1947.

Клемент Готвальд. Избранное. Воспоминаниям о Клементе Готвальде. М., 1986. С. 333.

Клемент Готвальд. Избранное. Воспоминания о Клементе Готвальде.
М., 1986. С. 335.

Клемент Готвальд. Избранное. Воспоминания о Клементе Готвальде.
М., 1986. С. 357.

Гусак Г. Свидетельство о словацком национальном восстании. М., 1969. С. 570.

Об участии РОА в событиях в Праге в мае 1945 года см.: *Ausky S. Vojska generala Valsova v Cechach. Vysehrad, 1992.*

Грзал Л., Нетопилик Я. Борьба против философского ревизионизма в Чехословакии. М., 1982. С. 41.

Sub specie aeternitatis (лат.) – «С точки зрения вечности».

<http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl508.htm>.

Грзал Л., Нетопилик Я. Борьба против философского ревизионизма в Чехословакии. М., 1982. С. 17.

Benes E. Demokracie dnes a zitra. Praha, 1946. S. 251.

Benes E. Demokracie dnes a zitra. Praha, 1946. S. 253.

То есть те, которые Сталин и коммунисты назвали бы «народными».

Benes E. Demokracie dnes a zitra. Praha, 1946. S. 256.

Критики социализма утверждали, что отличительной чертой этой политической системы является склонность к насилию. Сталин, скорее всего, хотел доказать, что социализм может победить и без диктатуры пролетариата, а те репрессии, которые имели место в России, можно было объяснить особой спецификой ее культуры и социального устройства. Главной задачей Сталина являлось укрепление позиции социализма в мире, и соответственно – СССР (примечание редакции).

Масарик взял в качестве второго имени фамилию своей жены Шарлотты Гарриг, уроженки США, умершей в 1923 году.

437

Архив внешней политики (АВП) РФ, фонд 138, опись 26а, папка 90,
дело 6, лл. 8-9.

Мухтасинов М. М. Торжество правды. М., 1983. С. 161.

Клемент Готвальд. Избранное. Воспоминания о Клементе Готвальде.
М., 1986. С. 135.

Foreign Relations of United States (FRUS), 1945, Europe. P. 420.
<http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS>

Foreign Relations of United States (FRUS), 1945, Europe. P. 420.
<http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS>

Vojenske dejiny Československa. Díl V. Praha, 1989. S. 18-19.

http://www.go-east-mission.net/dateien/cz/406_04111l.pdf.

Зенкл родился в 1884 году в семье портного, который потом стал мелким торговцем. С юных лет по воле отца состоял в спортивной патриотической организации «Сокол». Окончил философский факультет Карлова университета в Праге и уже в 1907 году стал одним из самых молодых докторов философии. В 1907-1918 гг. был преподавателем в коммерческом училище. Был чешским националистом. Возглавлял оргкомитет, который должен был в 1915 году отметить 500 лет со дня казни Яна Гуса. После образования Чехословацкой Республики в 1918 году участвовал в создании системы социального обеспечения в Праге. В 1937 году стал мэром столицы. 24 января 1939 года был снят с должности. 1 сентября 1939 года был арестован гестапо и отправлен в концлагерь Дахау, а затем – в Бухенвальд. В лагере у Зенкла сложились очень напряженные отношения с лагерной организацией Сопротивления, которой руководили коммунисты. Зенкл был членом учрежденного немцами в Бухенвальде самоуправления: он контролировал чистоту тел узников, чтобы воспрепятствовать эпидемиям. В конце апреля 1945 года Зенкла хотели казнить, но его спрятали уголовники, сначала в тифозном бараке, а потом в канализационной трубе и собачьей будке. После освобождения Бухенвальда американцами Зенкл опасался, что коммунисты расправятся с ним, и тайно бежал из лагеря к американцам, которые доставили его самолетом в Париж, а потом в Лондон.

http://is.muni.cz/th/145271/ff_b/Politicky_system_v_Ceskoslovensku_po_sl

Шрабек родился в 1870 году и окончил теологический факультет в Оломоуце. С 1893 года – приходской священник. В 1899 году основал Христианско-социальную партию. В 1907-1918 годах был депутатом австрийского парламента. В 1919 году объединил все христианские политические группы в единую Народную партию и был ее председателем с 1919 по 1938 год. Входил в качестве министра во все кабинеты довоенной Чехословакии. Шрабека как представителя политического клерикализма не переносил светски настроенный первый президент ЧСР Масарик. В 1940-1945 гг. Шрабек был премьер-министром эмигрантского правительства в Лондоне.

Архив внешней политики (АВП) РФ, фонд 138, оп. 25, п. 41, д. 31, л. 35.

Архив внешней политики (АВП) РФ, фонд 138, оп. 25, п. 41, д. 31, л. 35.

Янин А. А. Решающее сражение. М., 1978. С. 32.

http://is.muni.cz/th/145271/ff_b/Politicky_system_v_Ceskoslovensku_po_k

Rude pravo, 21.06.1947.

Vojenske dejiny Československa. Díl V, Praha, 1989. S. 25.

is.muni.cz/.../Ceskoslovenskasocialnidem.

Семиряга М. И. Антифашистские народные восстания (очерки). М., 1965. С. 170.

Первоначально партия называлась Христианско-республиканской. Название «Словацкая партия свободы» приняла 1 апреля 1946 года.

http://www.praguecoldwar.cz/knihovnicka_aktualit_2.htm.

Так посольство СССР назвало Национально-социалистическую партию, видимо, затем, чтобы не возникало ассоциаций с национальными социалистами Гитлера.

Архив внешней политики (АВП) РФ, ф. 138, оп. 26, п. 45, л. 4.

Архив внешней политики (АВП) РФ, ф. 138, оп. 26, п. 45, л. 4.

Зденек Гейзлар родился в 1921 году. Работал учителем. Активно участвовал в движении Сопротивления. В 1943 году был заключен нацистами в концлагерь. В 1952 году исключен из КПЧ и репрессирован. В 1968 году реабилитирован, в 1969-м эмигрировал в Швецию. Умер в Стокгольме в 1993 году.

http://www.komsomol.cz/clanky/1760_scm_1946.html.

Архив внешней политики (АВП) РФ, ф. 138, оп. 26, п. 44, л. 22.

Для сравнения: в 1935 году в союзе было 20 тысяч членов, в ноябре 1936-го – 39 тысяч, в 1938 году – 60 тысяч. После Мюнхенского соглашения полиция хотела распустить союз, но не решилась, и он прекратил свое существование только после оккупации Чехии 15 марта 1939 года.

Запотоцкий родился в 1884 году в семье видного социал-демократа Ладислава Запотоцкого. Был каменщиком, работал на стройке самого главного храма Чехии – собора Святого Вита в Пражском Граде. В 1900 году вступил в социал-демократическую партию. Во время Первой мировой войны был призван в австро-венгерскую армию. В 1921 году стал одним из основателей КПЧ и сразу же был избран членом ЦК партии. В 1922-1925 гг. – генеральный секретарь ЦК КПЧ. В 1928-1937 гг. – член Исполкома Профинтерна (международного коммунистического объединения профсоюзов). В 1939 году при попытке эмиграции в СССР Запотоцкий был арестован на польской границе и отправлен в концлагерь Заксенхаузен.

465

Rude pravo, 1.03.1947.

Vojenske dejiny Ceskoslovenska. Dil V. Praha, 1989. S. 26.

Мурашко Г. П. Политическая борьба в Чехословакии в 1944-1948 гг. и национализация средств производства. М., 1986. С. 82.

Rude pravo, 29.03.1947.

Мурашко Г. П. Политическая борьба в Чехословакии в 1944-1948 гг. и национализация средств производства. М., 1986. С. 84.

Klatil F. Republika nad stranami. Praha, 1992. S. 278.

Мурашко Г. П. Политическая борьба в Чехословакии в 1944-1948 гг. и национализация средств производства. М., 1986. С. 84.

Мурашко Г. П. Политическая борьба в Чехословакии в 1944-1948 гг. и национализация средств производства. М., 1986. С. 85.

Klatil F. Republika nad stranami. Praha, 1992. S. 300.

Foreign Relations of United States (FRUS), 1945, Europe. P. 420.
<http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS>

Vojenske dejiny Československa. Díl V. Praha, 1989. S. 19.

is.muni.cz/.../Ceskoslovenskasocialnidem.

Foreign Relations of United States (FRUS), 1945, Europe. P. 420.
<http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS>

http://is.muni.cz/th/257428/pravf_b/bp.pdf.

[http://www.policie.cz/clanek/historie-policie-a-cetnictva.aspx?
q=Y2hudW09Nw%3D%3D](http://www.policie.cz/clanek/historie-policie-a-cetnictva.aspx?q=Y2hudW09Nw%3D%3D)

Vojenske dejiny Československa. Díl V. Praha, 1989. S. 83.

is.muni.cz/.../Ceskoslovenskasocialnidem.

Вооруженная террористическая организация судетских немцев, созданная с помощью Германии в 1938 году.

http://is.muni.cz/th/273322/fss_b/BP_Sailerova.pdf.

http://is.muni.cz/th/273322/fss_b/BP_Sailerova.pdf.

http://is.muni.cz/th/273322/fss_b/BP_Sailerova.pdf.

http://is.muni.cz/th/273322/fss_b/BP_Sailerova.pdf.

Клемент Готвальд. Избранное. Воспоминания о Клементе Готвальде.
М., 1986. С. 151.

Moulis M., Tomasek D. Zivot plny nenavisti. Praha, 1977. S. 225.

Moulis M., Tomasek D. Zivot plny nenavisti. Praha, 1977. S. 231.

Moulis M., Tomasek D. Zivot plny nenavisti. Praha, 1977. S. 252.

491

Rude pravo, 10.04.1947.

Holian A. Between National Socialism and Soviet Communism: Displaced Persons in postwar Germany. University of Michigan, 2011. P. 126.

Архив внешней политики (АВП) РФ, ф. 138, оп. 26а, п. 90, л. 26.

http://is.muni.cz/th/273322/fss_b/BP_Sailerova.pdf0.

http://is.muni.cz/th/273322/fss_b/BP_Sailerova.pdf0.

496

Rude pravo, 6.05.1947.

Vojenske dejiny Československa. Díl V. Praha, 1989. S. 37.

Vojenske dejiny Ceskoslovenska. Dil V. Praha, 1989. S. 23.

Снитил З., Цезар Я. Чехословацкая революция 1944-1948 гг. М., 1986.
С. 163.

Vojenske dejiny Československa. Díl V. Praha, 1989. S. 47.

501

Rude pravo, 28.03.1947.

502

Rude pravo, 29.03.1947.

Вооруженных бойцов УПА в начале 1946 года в юго-восточной Польше было примерно 5-6 тысяч.

Vojenske dejiny Československa. Díl V. Praha, 1989. S. 100.

30 ноября 1945 года Главный штаб УПА провел реорганизацию: были ликвидированы полки и батальоны и вместо них возникли сотни (роты), по три-четыре сведенные в бригады. Фактически сотня под командованием поручика УПА была партизанским отрядом, действующим в определенном районе. В идеале сотню должны были составлять 120-160 человек, вооруженные легкими и тяжелыми пулеметами.

http://is.muni.cz/th/63654/ff_m/Pronikani_banderovcu_do_Ceskoslovenska_1948.pdf.

В 1934 году Мизерный вместе с Бандерой участвовал в убийстве министра внутренних дел Польши Перацкого.

Именно под этим лозунгом Словакия в июне 1941 года объявила войну СССР.

Листовки распространяли священники униатской церкви, причем некоторые партии листовок контрабандой прибывали из Германии.

Fiala J. Zpráva o akci B. Praha, 1994. S. 73.

Vojenske dejiny Československa. Díl V. Praha, 1989. S. 195.

Vojenske dejiny Československa. Díl V. Praha, 1989. S. 197.

Obranalidu, 9.10.1947.

12 февраля 1948 года «Бурлак» с группой бандеровцев пытался сбежать из лагеря в Кошице. Но потом он вернулся в лагерь, был выдан Польше и расстрелян там в апреле 1949 года.

http://is.muni.cz/th/63654/ff_m/Pronikani_banderovcu_do_Ceskoslovenska_1948.pdf.

Obranalidu, 9.10.1947.

На самом деле именно в это время – 27 сентября 1947 года – глава штаба внешнеполитического планирования госдепартамента Кеннан (духовный отец плана Маршалла) направил министру обороны США Форрестолу детально разработанный меморандум с предложением о создании «корпуса партизанской войны» из антикоммунистов-уроженцев СССР и стран Восточной Европы. Причем сам Кеннан в этом секретном документе признавал, что американский народ эту идею вряд ли одобрит. Но ее быстро одобрил Форрестол.

Obrana lidu, 30.09.1947.

<https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csipublications/books-and-monographs/assessing-the-soviet-threat-the-early-coldwar-years/5563bodl.pdf>.

Vojenske dejiny Československa. Díl V. Praha, 1989. S. 71.

Vojenske dejiny Československa. Díl V. Praha, 1989. S. 71.

Vojenske dejiny Československa. Díl V. Praha, 1989. S. 74.

Совещания Коминформа 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998. С. 111.

Obrana lidu, 23.09.1947.

Obrana lidu, 23.09.1947.

Obrana lidu, 23.09.1947.

Программа правительства ЧСР после парламентских выборов мая 1946 года (подробнее см. ниже).

Obrana lidu, 23.09.1947.

Obrana lidu, 26.09.1947.

Obrana lidu, 10.10.1947.

Obrana lidu, 27.09.1947.

532

Rude pravo, 29.03.1947.

В 1933 году – 6 тысяч, в 1937-м – 7 тысяч.

Vojenske dejiny Československa. Díl V. Praha, 1989. S. 85.

Hora O. Svedectvi o puce. Dil II. Praha, 1991. S. 40.

Vojenske dejiny Československa. Díl V. Praha, 1989. S. 187.

Vojenske dejiny Československa. Díl V. Praha, 1989. S. 189.

Rude pravo, 23.04.1947.

http://publication.fsv.cuni.cz/attachments/385_bednarik_1945-1948.pdf.

http://publication.fsv.cuni.cz/attachments/385_bednarik_1945-1948.pdf.

http://publication.fsv.cuni.cz/attachments/385_bednarik_1945-1948.pdf.

Vojenske dejiny Československa. Díl V. Praha, 1989. S. 32.

Vojenske dejiny Československa. Díl V. Praha, 1989. S. 33.

544

Rude pravo, 13.04.1947.

Foreign Relations of United States (FRUS), 1945, Europe. P. 420 // <http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS>

Fame J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 52.

Fauref. Americký pritel. Praha, 2005. S. 53.

Поп И. И. Чехословакия – Советский Союз. 1941-1948 гг. М., 1990. С. 200.

Поп И. И. Чехословакия – Советский Союз. 1941-1948 гг. М., 1990. С. 201.

Поп И. И. Чехословакия – Советский Союз. 1941-1948 гг. М., 1990. С. 201.

<http://www.akademickyrepozitar.cz/cz/repozitar/ceskoslovensko-sovetske-vztahy.pdf>.

Поп И. И. Чехословакия – Советский Союз. 1941-1948 гг. М., 1990. С. 203.

Мурашко Г. П. Политическая борьба в Чехословакии в 1944-1948 гг. и национализация средств производства. М., 1986. С. 87.

Мурашко Г. П. Политическая борьба в Чехословакии в 1944-1948 гг. и национализация средств производства. М., 1986. С. 88.

Vojenske dejiny Československa. Díl V. Praha, 1989. S. 28.

Мурашко Г. П. Политическая борьба в Чехословакии в 1944-1948 гг. и национализация средств производства. М., 1986. С. 91.

Мурашко Г. П. Политическая борьба в Чехословакии в 1944-1948 гг. и национализация средств производства. М., 1986. С. 94.

Богумил Лаушман родился в 1903 году, окончил гимназию и коммерческое училище. В 1922-1923 гг. изучал журналистику в Берлине. С 1919 года – член ЧСДП. Редактировал центральный орган партии – газету «Право лиду». В 1933-1938 гг. был членом центрального исполнительного комитета ЧСДП, в 1935-1939 гг. – депутатом чехословацкого парламента. В декабре 1939 года эмигрировал во Францию, затем – в Великобританию. В Лондоне стал членом Госсвета – квазипарламента в эмиграции. До 1947 года являлся первым заместителем председателя ЧСДП.

Мурашко Г. П. Политическая борьба в Чехословакии в 1944-1948 гг. и национализация средств производства. М., 1986. С. 107.

История Чехословакии. Том III. М., 1960. С. 455.

Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Том первый. Становление «реального социализма». 1945-1965 гг. М., 2000. С. 471.

Foreign Relations of United States (FRUS), 1945, Europe. P. 420 // <http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS>

Foreign Relations of United States, 1946, Eastern Europe and Soviet Union,
[http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?](http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=turn&entity=FRUS.FRUS1946v06.p0193&id=FRUS.FRUS1946v06&isize=M)
[type=turn&entity=FRUS.FRUS](http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=turn&entity=FRUS.FRUS1946v06.p0193&id=FRUS.FRUS1946v06&isize=M)
[1946v06.p0193&id=FRUS.FRUS1946v06&isize=M](http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=turn&entity=FRUS.FRUS1946v06.p0193&id=FRUS.FRUS1946v06&isize=M)

Foreign Relations of United States, 1946, Eastern Europe and Soviet Union,
[http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?](http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=turn&entity=FRUS.FRUS1946v06.p0193&id=FRUS.FRUS1946v06&isize=M)
[type=turn&entity=FRUS.](http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=turn&entity=FRUS.FRUS1946v06.p0193&id=FRUS.FRUS1946v06&isize=M)
[FRUS1946v06.p0193&id=FRUS.FRUS1946v06&isize=M](http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=turn&entity=FRUS.FRUS1946v06.p0193&id=FRUS.FRUS1946v06&isize=M)

Вклады в банках в 1938-1945 гг. выросли на 238 %.

Во время следующей денежной реформы 1953 года эти вклады были все же ликвидированы.

Министром финансов к тому времени уже был коммунист.

Kossert A. Chladná vlast: historie odsunutých Němců po roce 1945. Brno, Host, 2011. S. 473.

Такого рода информацию Сталин получил от Бенеша. Советский лидер имел в виду граждан Германии, а не судетских немцев.

Имелась в виду советская зона оккупации Германии.

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Берлинская (Потсдамская конференция) руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.). Сборник документов. М., 1984. С. 182.

Архив внешней политики (АВП) РФ, ф. 138, оп. 25. п. 41, д. 31, л. 5.

Для сравнения: в свое время нацисты предписали лужицким сорбам (славянскому населению Восточной Германии) сменить славянские имена на немецкие.

Архив внешней политики (АВП) РФ, ф. 138, оп. 25, п. 41, д. 31, лл. 5-6.

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Берлинская (Потсдамская конференция) руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.). Сборник документов. М., 1984. С. 351–352.

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Берлинская (Потсдамская конференция) руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.). Сборник документов. М., 1984. С. 245.

Архив внешней политики (АВП) РФ, ф. 138, оп. 25., п. 41, д. 31, л. 15.

Vojenske dejiny Československa. Díl V. Praha, 1989. S. 96.

Архив внешней политики (АВП) РФ, ф. 138, оп. 25, п. 41, д. 31, л. 15.

Архив внешней политики (АВП) РФ, ф. 138, оп. 25, п. 41, д. 31, л. 14.

«Акция W» в полосе группы армий «Центр».

<http://www.ceskenarodnilisty.cz/clanky/phdr-karel-richter-csc-sudety-x.html>.

<http://nassmer.blogspot.com/2010/01/werwolf-cechy-morava-slezsko-unor-1945.html>.

Архив внешней политики (АВП) РФ, ф. 138, оп. 25, п. 41, д. 31, л. 6.

Клемент Готвальд. Избранное. Воспоминания о Клементе Готвальде.
М., 1986. С. 152–153.

Weiner T. Legacy of Ashes. The History of the CIA. New York, 2007. P. 8.

Weiner T. Legacy of Ashes. The History of the CIA. New York, 2007. P. 11.

Pach Ch. J. Arming the free world: the origins of the United States military assistance program 1945-1950. University of North Carolina Press, 1991. P. 17.

[http://fictionbook.ru/author/yakovlev_nikolayi_nikolaevich/cru_protiv_sssr/
page=2.](http://fictionbook.ru/author/yakovlev_nikolayi_nikolaevich/cru_protiv_sssr/page=2)

Кеннан фактически возглавлял американское посольство в Москве с мая 1944-го по апрель 1946 года.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 67.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 62.

http://www.coldwar.ru/stalin/about_churchill.php.

Klatil F. Republika nad stranami. Praha, 1992. S. 284.

http://is.muni.cz/th/145271/ff_b/Politicky_system_v_Ceskoslovensku_po_sl

VIII съезд КПЧ прошел 28-31 марта 1946 года. В его работе участвовали 1038 делегатов, представлявших 1 081 544 члена партии, из которых 58 % были рабочими и 13 % – крестьянами.

Клемент Готвальд. Избранное. Воспоминания о Клементе Готвальде.
М., 1986. С. 160.

Архив внешней политики (АВП) РФ, ф. 138, оп. 26а, п. 90, л. 8.

Архив внешней политики (АВП) РФ, ф. 138, оп. 26а, п. 90, л. 7.

Архив внешней политики (АВП) РФ, ф. 138, оп. 26а, п. 90, л. 8.

601

Архив внешней политики (АВП) РФ, ф. 138, оп. 26а, п. 90, л. 8.

Архив внешней политики (АВП) РФ, ф. 138, оп. 26а, п. 90, лл. 9-10.

В Центральный комитет был избран 101 человек.

Клемент Готвальд. Избранное. Воспоминания о Клементе Готвальде.
М., 1986. С. 164.

http://is.muni.cz/th/145271/ff_b/Politicky_system_v_Ceskoslovensku_po_sl

Klatil F. Republika nad stranami. Praha, 1992. S. 304.

FRUS 1946, Europe,
<http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1946v06/reference/frus.frus1946v06>.

FRUS, Europe, 1946,
<http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1946v06/reference/frus.frus1946v06>.

FRUS, Europe, 1946,
<http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1946v06/reference/frus.frus1946v06>.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 56.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 58.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 58.

FRUS, 1946, Europe,
<http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1946v06/reference/frus.frus1946v06>.

Поп И. И. Чехословакия – Советский Союз. 1941-1948 гг. М., 1990.
С. 208–209.

Faure J., Americký pritel, Praha, 2005, s. 60.

Поп И. И. Чехословакия – Советский Союз. 1941-1948 гг. М., 1990. С. 206.

Поп И. И. Чехословакия – Советский Союз. 1941-1948 гг. М., 1990. С. 207.

FRUS, Europe, 1946,
<http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1946v06/reference/frus.frus1946v06>.

Поп И. И. Чехословакия-Советский Союз. 1941-1948 гг. М., 1990. С. 211.

http://is.muni.cz/th/145271/ff_b/Politicky_system_v_Ceskoslovensku_po_sl

http://is.muni.cz/th/145271/ff_b/Politicky_system_v_Ceskoslovensku_po_sl

http://is.muni.cz/th/145271/ff_b/Politicky_system_v_Ceskoslovensku_po_sl

http://is.muni.cz/th/145271/ff_b/Politicky_system_v_Ceskoslovensku_po_sk

http://is.muni.cz/th/145271/ff_b/Politicky_system_v_Ceskoslovensku_po_sk

http://is.muni.cz/th/145271/ff_b/Politicky_system_v_Ceskoslovensku_po_sl

Поп И. И. Чехословакия – Советский Союз. 1941-1948 гг. М., 1990. С. 212.

Vojenske dejiny Československa. Díl V. Praha, 1989. S. 125-126.

Hora O, Svedectvi o puce. Dil II. Praha, 1991. S. 206.

К моменту выборов в Брно было примерно 50 тысяч коммунистов, 20 тысяч национальных социалистов, 15 тысяч социал-демократов и 10 тысяч членов ЧНП.

Klatil F. Republika nad stranami. Praha, 1992. S. 306.

Foreign Relations of United States, 1946, Eastern Europe and Soviet Union,
[http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?](http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=turn&entity=FRUS.FRUS1946v06.p0193&id=FRUS.FRUS1946v06&isize=M)
[type=turn&entity=FRUS.](http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=turn&entity=FRUS.FRUS1946v06.p0193&id=FRUS.FRUS1946v06&isize=M)
[FRUS1946v06.p0193&id=FRUS.FRUS1946v06&isize=M](http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=turn&entity=FRUS.FRUS1946v06.p0193&id=FRUS.FRUS1946v06&isize=M)

Foreign Relations of United States, 1946, Eastern Europe and Soviet Union,
[http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?](http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=turn&entity=FRUS.FRUS1946v06.p0193&id=FRUS.FRUS1946v06&isize=M)
[type=turn&entity=FRUS.](http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=turn&entity=FRUS.FRUS1946v06.p0193&id=FRUS.FRUS1946v06&isize=M)
[FRUS1946v06.p0193&id=FRUS.FRUS1946v06&isize=M](http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=turn&entity=FRUS.FRUS1946v06.p0193&id=FRUS.FRUS1946v06&isize=M)

633

Rude pravo, 31.05.1947.

634

Rude pravo, 29.03.1947.

История Словакии. М., 2003. С. 339.

Поп И. И. Чехословакия – Советский Союз. 1941-1948 гг. М., 1990.
С. 214–215.

Поп И. И. Чехословакия – Советский Союз. 1941-1948 гг. М., 1990. С. 217.

Rude Pravo, 14.03.1947.

Поп И. И. Чехословакия – Советский Союз. 1941-1948 гг. М., 1990. С. 218.

640

Rude Pravo, 1.01.1947.

FRUS, 1946, Europe,
<http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1946v06/reference/frus.frus1946v06>.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 69.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 71.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 71.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 71-72.

(<http://www.dokoran.cz/ukazky/1226500685.pdf>).

647

Rude pravo, 2.04.1947.

648

Obranalidu, 1.10.1947.

Rude Pravo, 1.03.1947.

650

Rude Pravo, 25.03.1947.

651

Rude Pravo, 14.06.1947.

652

Obranalidu, 1.10.1947.

653

Rude Pravo, 28.03.1947.

654

Rude Pravo, 29.03.1947.

Яромир Доланский родился в 1895 году, окончил юридический факультет Карлова университета в Праге, был журналистом, профсоюзным деятелем, депутатом чехословацкого парламента (с 1935 года). В 1939 году был арестован немцами при попытке нелегальной эмиграции и отправлен в концлагерь, где находился до 1945-го.

656

Rude Pravo, 18.03.1947.

657

Rude Pravo, 7.06.1947.

<http://www.psp.cz/cgi-bin/ascii/eknih/1946uns/stenprot/072schuz/s072002.htm>.

The Marshall Plan. Fifty years after. New York, 2001 // *Abrams B. F.* The Marshall Plan and Czechoslovak Democracy: Elements interdependency. P. 97.

660

Obrana lidu, 24.09.1947.

661

Правда, 1.07.1947.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 73.

Kennan G. Memoiren eines Diplomaten. Munchen, 1982. C. 335.

Kennan G. Memoiren eines Diplomaten. Munchen, 1982. C. 339.

Гарольд Стассен был в 1939-1943 гг. губернатором Миннесоты и в 1944 и 1948 годах неудачно пробовал выдвигаться в президенты США от Республиканской партии.

Совещания Коминформа 1947, 1948, 1949. Документы и материалы.
М., 1998. С. 34.

Леонтьев А. Империализм доллара в Западной Европе. М., 1949. С. 186.

Weiner T. Legacy of Ashes. The History of the CIA. New York, 2007. P. 32.

669

Rude Pravo, 11.02.1947.

Поп И. И. Чехословакия – Советский Союз. 1941-1948 гг. М., 1990. С. 224.

671

Rude Pravo, 23.04.1947.

Архив внешней политики (АВП) РФ, ф. 138, оп. 26, п. 44, л. 2.

Славик до войны был директором «Русского заграничного архива» при министерстве иностранных дел ЧСР, в котором сосредоточилось письменное наследие русской белой эмиграции. В 20-30-х годах издал несколько книг, посвященных революции в России.

FRUS, Soviet Union, Eastern Europe, 1947,
<http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1947v04/reference/frus.frusl947v04.i>

FRUS, Soviet Union, Eastern Europe, 1947,
<http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1947v04/reference/frus.frusl947v04.i>

FRUS, Soviet Union, Eastern Europe, 1947,
<http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1947v04/reference/frus.frusl947v04.i>

Поп И. И. Чехословакия – Советский Союз. 1941-1948 гг. М., 1990. С. 228.

FRUS, Soviet Union, Eastern Europe, 1947,
<http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1947v04/reference/frus.frusl947v04.i>

Леонтьев А. Империализм доллара в Западной Европе. М., 1949.
С. 188–189.

Леонтьев А. Империализм доллара в Западной Европе. М., 1949. С. 191.

Поп И. И. Чехословакия – Советский Союз. 1941-1948 гг. М., 1990. С. 232.

Murphy R. Diplomat unter Kriegern. Berlin (West), 1965. S. 376.

683

Правда, 10.11.1947.

Поп И. И. Чехословакия – Советский Союз. 1941-1948 гг. М., 1990. С. 233.

Поп И. И. Чехословакия – Советский Союз. 1941-1948 гг. М., 1990. С. 235.

5 июля 1947 года КПЧ получила от ВКП(б) рекомендацию принять участие в Парижской конференции. Правда, целью участия ЧСР советские коммунисты видели разоблачение англо-американских планов экономического диктата в Европе. Чехословацкая делегация должна была покинуть конференцию и убедить последовать за собой как можно больше делегаций других стран.

Поп И. И. Чехословакия – Советский Союз. 1941-1948 гг. М., 1990. С. 239.

FRUS, Soviet Union, Eastern Europe, 1947,
<http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1947v04/reference/frus.frusl947v04.i>

Лидер словацкой сепаратистской эмиграции.

Obrana lidu, 5.10.1947. Дурчанский с 1945 года работал под контролем британской разведки (где его куратором был советский разведчик Ким Филби). Британцы делились полученной от Дурчанского информацией с ЦРУ. С 1950 года Дурчанский жил в Канаде, куда попал по британской визе. В 1959 году он все же получил американскую визу.

The Marshall Plan. Fifty years after. New York, 2001 // *Abrams B. F.* The Marshall Plan and Czechoslovak Democracy: Elements interdependency. P. 93.

Правда, 13.07.1947.

Поп И. И. Чехословакия – Советский Союз. 1941-1948 гг. М., 1990. С. 243.

Hora O. Svedectvi o puce. Dil II. Praha, 1991. S. 9.

Поп И. И. Чехословакия – Советский Союз. 1941-1948 гг. М., 1990. С. 244.

Поп И. И. Чехословакия – Советский Союз. 1941-1948 гг. М., 1990. С. 245.

Сам Стейнхардт ссылался на «надежный источник» в правительстве ЧСР (скорее всего им был Дртина). <https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/books-and-monographs/assessing-the-soviet-threat-the-early-cold-war-years/5563bodl.pdf>.

Мухтасинов М. М. Торжество правды. М., 1983. С. 201.

699

Правда, 3.07.1947.

Поп И. И. Чехословакия – Советский Союз. 1941-1948 гг. М., 1990. С. 246.

Hora O. Svedectvi o puce. Dil II. Praha, 1991. S. 15-16.

Hora O. Svedectvi o puce. Dil II. Praha, 1991. S. 17.

703

Правда, 22.09.1947.

Rude Pravo, 9.12.1947.

705

Правда, 1.01.1948.

Леонтьев А. Империализм доллара в Западной Европе. М., 1949. С. 192.

Правда, 2.10.1947.

Поп И. И. Чехословакия – Советский Союз. 1941-1948 гг. М., 1990. С. 246.

FRUS, Soviet Union, Eastern Europe, 1947,
<http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1947v04/reference/frus.frusl947v04.i>

FRUS, Soviet Union, Eastern Europe, 1947,
<http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1947v04/reference/frus.frusl947v04.i>

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 77.

712

Rude pravo 30.10.1947.

713

Rude pravo 22.11.1947.

714

Rude pravo 31.10.1947.

<http://www.psp.cz/eknih/1946uns/stenprot/068schuz/s068001.htm>.

Поп И. И. Чехословакия – Советский Союз. 1941-1948 гг. М., 1990. С. 251.

Петерс И. А. Внешняя политика Чехословакии (1945-1960 гг.). Киев, 1976. С. 42–43.

Rude Pravo, 2.12.1947.

Rude Pravo, 7.12.1947.

720

Rude Pravo, 9.12.1947.

721

Rude Pravo, 7.12.1947.

722

Rude Pravo, 6.12.1947.

723

Rude pravo, 5.08.1947.

В этом году страшная засуха была и в самом Советском Союзе.

Архив внешней политики (АВП) РФ, ф. 138, оп. 26, п. 45, л. 33.

Obrana lidu, 4.10.1947.

Поп И. И. Чехословакия – Советский Союз. 1941-1948 гг. М., 1990. С. 255.

FRUS, 1948.
<http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1948v04/reference/frus.frusl948v04.i>

Мухтасинов М. М. Торжество правды. М., 1983. С. 208.

730

Rude pravo 28.11.1947.

731

Rude pravo 13.04.1947.

732

Rude pravo 26.06.1947.

733

Rude pravo 11.09.1947.

734

Rude pravo 28.11.1947.

735

Rude pravo 27.06.1947.

Архив внешней политики (АВП) РФ, ф. 138, оп. 33а, п.91, л. 3.

Намек на стремление КПЧ получить на будущих парламентских выборах абсолютное большинство голосов.

Архив внешней политики (АВП) РФ, ф. 138, оп. 33а, п. 91, л. 4.

Архив внешней политики (АВП) РФ, ф. 138, оп. 33а, п. 91, л. 53.

Архив внешней политики (АВП) РФ, ф. 138, оп. 33а, п. 91, л. 5.

<http://www.vasevec.cz/clanky/treti-republika-narodni-socialiste-na-rozcesti-1945-1948>.

Правда, 17.07.1947.

743

Rude pravo 25.11.1947.

744

Obrana lidu, 21.09.1947.

<http://www.psp.cz/eknih/1946uns/stenprot/068schuz/s068002.htm>.

Hora O. Svedectvi o puce. Dil II. Praha, 1991. S. 51-52.

747

Rude pravo, 9.09.1947.

Obrana lidu, 23.09.1947.

Obrana lidu, 23.09.1947.

Obrana lidu, 24.09.1947.

Obrana lidu, 23.09.1947.

Obrana lidu, 23.09.1947.

753

Rude pravo 13.09.1947.

Obrana lidu, 24.09.1947.

755

Obrana lidu, 14.10.1947.

756

Rude pravo 23.10.1947.

757

Rude pravo 26.06.1947.

758

Rude pravo 30.08.1947.

Менявший любовниц-актрис как перчатки Геббельс влюбился в «Лидушку» настолько, что официально попросил у Гитлера об отставке и разрешении уехать с Бааровой за границу. Но Гитлер запретил этот брак по расовым мотивам – Баарова была чешкой, а значит, «неполноценной». Баарову в 1938 году выслали из Германии в Чехословакию, где она после 1945-го получила полтора года тюрьмы за коллаборационизм. В 1948 году эмигрировала в Австрию.

760

Rude pravo, 3.08.1947.

<https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/books-and-monographs/assessing-the-soviet-threat-the-early-cold-war-years/5563bodl.pdf>.

Совещания Коминформа 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998. С. 109.

763

Rude pravo, 1.11.1947.

764

Rude pravo, 19.10.1947.

765

Rude pravo. 6.11.1947.

Совещания Коминформа 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998. С. 112.

Совещания Коминформа 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998. С. 104.

Hoza O. Svedectvi o puce. Dil II. Praha, 1991. S. 49.

Hora O. Svedectvi o puce. Díl II. Praha, 1991. S. 49.

770

Rude pravo, 11.09.1947.

Hora O. Svedectvi o puce. Dil II. Praha, 1991. S. 307.

Петерс И. А. Внешняя политика Чехословакии (1945-1960 гг.). Киев, 1976. С. 36.

Петерс И. А. Внешняя политика Чехословакии (1945-1960 гг.). Киев, 1976. С. 37.

Совещания Коминформа 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998. С. 81.

Совещания Коминформа 1947, 1948, 1949. Документы и материалы.
М., 1998. С. 81.

Совещания Коминформа 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998. С. 110–111.

777

Rude pravo, 5.11.1947.

Сторонники генерала чехословацкой армии Льва Прхалы. Прхала во время пребывания в эмиграции в Лондоне был активным противником Бенеша, который отправил его в отставку в октябре 1940 года. Прхала считал, что Бенеш как честный человек должен был застрелиться после своей капитуляции в октябре 1938 года. В Чехословакию Прхала после войны не вернулся и активно сотрудничал с судетонемецкими эмигрантскими организациями. В июне 1945 года его лишили звания бригадного генерала. Чехословацкие власти потребовали у властей Англии выдачи Прхалы, но в 1946 году получили отказ. Прхала умер в 1963 году.

Он был женат на дочери бывшего главы русского временного правительства А. Ф. Керенского.

Правда, 22.2.1948.

Кемпны, будучи офицером запаса чехословацкой армии, отказался подчиниться приказу о мобилизации во время Словацкого восстания 1944 года и бежал в ту часть Словакии, которую контролировали немцы. Перед освобождением Братиславы Красной армией Кемпны бежал и оттуда. Бугар с осени 1938 года активно участвовал в процессе отделения Словакии от ЧСР.

Obrana lidu, 26.09.1947.

Это был эмигрант из России Валерий Вилинский. Он родился в 1903 году в Одессе. С 1923 года жил в Праге и писал книги о русской церкви и русской революции. С 1940 года был осведомителем гестапо, которое прекратило с ним контакт, охарактеризовав его как «интригана наихудшего пошиба». В 1945 году Вилинский был арестован, но его освободили после того, как он дал подписку о работе на контрразведку. Вилинский был залегендирован в МВД как агент V-101, позднее – как AV 6045 Karger.

783

Rude pravo, 7.10.1947.

Obrana lidu, 10.10.1947.

Obrana lidu, 14.10.1947.

Obrana lidu, 9.10.1947.

787

Rude pravo, 16.10.1947.

<http://www.ustrcr.cz/data/pdf/clanky/v-101.pdf>.

789

Rude pravo, 11.03.1947.

Obrana lidu, 25.09.1947.

Obrana lidu, 23.09.1947.

К этому времени Партия труда официально называлась Социал-демократия в Словакии.

http://is.muni.cz/th/180519/ff_m_bl/Unor_1948_na_Jihlavsku.pdf.

Петерс И. А. Внешняя политика Чехословакии (1945-1960 гг.). Киев, 1976. С. 43.

Foreign Relations of the United States (FRUS), 1948,
<http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1948v04/reference/frus.frus1948v04>.

Американское посольство в Праге сообщало со ссылкой на окружение Бенеша, что президент был готов сделать то же самое и в 1946 году, но боялся революции, опасность которой теперь, в 1948-м, отступила.

Faure J. Americký pritel. Praha, 2005. S. 79.

Съезд представлял 364 тысячи членов партии.

Противники язвительно уподобляли Фирлингера уже упоминавшемуся норвежскому коллаборационисту Квислингу, любое сравнение с которым было в те времена равносильно обвинению в предательстве.

Мухтасинов М. М. Торжество правды. М., 1983. С. 209.

801

<http://www.ustrcr.cz/data/pdf/clanky/v-101.pdf>.

<http://www.ustrcr.cz/data/pdf/clanky/v-101.pdf>.

Einheitsfront, Einheitspartei. Kommunisten und Sozialdemokraten in Ostund Westeuropa 1944-1948. Koln, 1989. S. 291.

804

Rude pravo, 18.11.1947.

Мухтасинов М. М. Торжество правды. М., 1983. С. 211.

806

Официальный курс доллара США к чехословацкой кроне в то время составлял примерно 50 крон за доллар.

807

Rude pravo, 8.10.1947.

808

Rude pravo, 26.09.1947.

809

Rude pravo, 22.11.1947.

Kaplan K. The Short March: the Communist Takeover in Czechoslovakia 1945-1948. London, 1987. P. 133.

Hora O. Svedectvi o puce. Dil II. Praha, 1991. S. 118.

812

Rude pravo, 7.10.1947.

813

Rude pravo, 12.10.1947.

814

Rude pravo, 8.10.1947.

Мурашко Г. П. Политическая борьба в Чехословакии в 1944-1948 гг. и национализация средств производства. М., 1986. С. 279.

816

Rude pravo, 24.12.1947.

817

Правда, 5.01.1948.

Комиссия парламента по выработке новой конституции активно работала с января 1947 года.

819

Rude pravo, 21.11.1947.

820

Правда, 6.02.1948.

821

<http://www.ustrcr.cz/data/pdf/clanky/v-101.pdf>.

С 1942 года в Лондоне Бартик руководил политической разведкой министерства обороны и сохранил этот пост и после мая 1945 года. В январе 1946 года ушел в отставку под давлением компартии, после того как против него были получены компрометирующие материалы от бывших гестаповцев.

Hora O. Svedectvi o puce. Dil II. Praha, 1991. S. 120.

Помимо съезда заводских советов коммунисты выступили инициаторами созыва в столице крестьянского съезда для обсуждения Градецкой программы.

Мурашко Г. П. Политическая борьба в Чехословакии в 1944-1948 гг. и национализация средств производства. М., 1986. С. 282–283.

<http://www.ustrcr.cz/data/pdf/clanky/v-101.pdf>.

Hora O. Svedectvi o puce. Dil II. Praha, 1991. S. 128.

Klatil F. Republika nad stranami. Praha, 1992. S. 315-316.

Trpisovska J. Unor 1948 v prezidentske kancelari, bakalarska prace (Univerzita Karlova). Praha, 2001//http://www.sezimovo-usti.cz/_kultura/ebenes/2011_trpisovska.pdf.

С марта 1940 года Дртина был личным помощником Бенеша в Лондоне и отвечал за связь с движением Сопротивления в протекторате. Министром юстиции Дртина стал 6 ноября 1945 года. Выехав вместе с Готвальдом в Москву в июле 1947 года, Дртина написал завещание на случай если во время визита с ним «произойдет несчастье».

831

<http://www.ustrcr.cz/data/pdf/clanky/v-101.pdf>.

832

Правда, 21.02.1948.

833

Правда, 22.02.1948.

834

Правда, 22.02.1948.

835

<http://www.ustrcr.cz/data/pdf/clanky/v-101.pdf>.

В 1951 году был арестован и в 1953-м приговорен к 25 годам тюрьмы. Реабилитирован в 1955 году и в 1968-м стал министром внутренних дел.

837

Правда, 24.02.1948.

Hora O. Svedectvi o puce. Dily II. Praha, 1991. S. 148.

http://is.muni.cz/th/145399/ff_b/Unor_1948_v_Brne.pdf.

<https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/books-and-monographs/assessing-the-soviet-threat-the-early-cold-war-years/5563bod2.pdf>.

Foreign Relations of the United States (FRUS), 1948,
<http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1948v04/reference/frus.frus1948v04>.

<http://www.abscr.cz/data/pdf/sbornik/sbornik5-2007/kap05.pdf>.

<http://www.abscr.cz/data/pdf/sbornik/sbornik5-2007/kap05.pdf>.

Vojenske dejiny Československa. Díl V. Praha, 1989. S. 248.

История Словакии. М., 2003. С. 341.